

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Жинкин С.А. Роль права как средства сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей: некоторые аспекты 6

Задорожная Е.В., Мамыкин В.А. Категория «доверие» в современном праве 9

Кашанина Т.В. Правосознание как этап в эволюции общественного сознания 13

Клычев Р.А., Манкиева А.В. Трансформация прав человека в цифровую эпоху: вызовы и перспективы 18

Романова Н.В. К вопросу об успешности правовых заимствований: европейская традиция 25

Ромашов Р.А., Панченко В.Ю. Современная государственно-правовая система имперского типа: понятие и особенности 30

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Белоусова Д.С. К вопросу о защите прокурором государственных интересов в сфере реализации национальных проектов 34

Духно Н.А., Скуйбедина О.Н. Роль публичности в правовой охране окружающей среды 39

Елфимов Д.Б. Дисциплинарное производство в отношении адвоката в Сингапуре и Индонезии 44

Злобина Е.А. Транспарентность судебной власти в Российской Федерации: проблемы и перспективы 51

Кугай А.И., Захарова И.В. Внешний образ этнической самобытности как фактор политической гармонизации межкультурных различий 57

Кутергин М.Н. Особенности административно-правового статуса военнослужащего 63

Потапова Л.В. Институт общественных помощников в органах прокуратуры Российской Федерации: постановка проблемы 68

Шафигулина С.Р. Правовое просвещение и формирование электорально-правовой культуры молодежи 71

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОВ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теимуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.01.2025

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Гирфанов И.И.</i> Инфраструктурный потенциал развития физкультурно-спортивных организаций: правовой аспект	76
<i>Гордюшкин И.Г.</i> Особенности правового режима имущества межправительственных финансовых организаций: теоретические и практические аспекты	79
<i>Задорожная Е.В., Карташов И.В., Ковригина Е.Б.</i> Роль финансового законодательства в решении отдельных задач гражданского оборота в условиях цифровизации	87
<i>Ионцев М.А.</i> О юридическом посредничестве в цифровом сегменте финансового рынка	94
<i>Косынкин А.А.</i> Судебная практика и закон: проблемы применения	100
<i>Лесных В.А.</i> Актуальные проблемы взыскания убытков в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, признаваемым несостоятельным (банкротом)	103
<i>Куделя Н.Ю., Лопатин М.В., Утва И.С.</i> О некоторых вопросах правового статуса самозанятых граждан: особенности и проблематика	109
<i>Максимова Н.А.</i> Региональное семейное законодательство и практика его реализации	114
<i>Борисова И.Д., Начарова А.В.</i> Сравнительное правовое исследование отечественного и зарубежного опыта несостоятельности (банкротства) физических лиц	120
<i>Никиенко К.Г.</i> Международный опыт правового регулирования трудовой миграции	124
<i>Новосвитная Б.В., Романов А.А.</i> Договор доверительного управления наследственным имуществом, удостоверяющим корпоративные права как инструмент повышения эффективности защиты корпоративных прав	128
<i>Ситдыков И.И.</i> Правовое регулирование регистрации медицинских изделий. Перспективы развития	132
<i>Степанова Е.К., Иванцов С.А., Куделя Н.Ю.</i> Законодательные механизмы защиты малого и среднего бизнеса от потребительского терроризма на примере платформ электронной коммерции	137
<i>Тарасова М.С.</i> Роль населения в процессе развития и застройки городов: национальный историко-правовой аспект	142
<i>Шаповалова Д.Л.</i> Современный механизм контрактной системы: гражданско-правовое регулирование и актуальные проблемы	145

Васильева С.В., Комиссарова Е.А., Шерашенкова Е.А., Федоскин Н.Н. К вопросу о мировом соглашении в делах о несостоятельности (банкротстве) .....

Фильчева А.Д., Плешаков С.М. Заключение договора на торгах .....

Чжан Хунчэнь. Правовое положение работника при несостоятельности (банкротстве) работодателя – юридического лица .....

Шаповалова Д.Л. Теоретико-правовые аспекты контракта о поставке товаров, работ и услуг для удовлетворения государственных нужд: понятие, признаки, принципы, существенные условия контракта .....

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бруевич М.Ю., Губанова О.А. Показания участников уголовного судопроизводства как средство установления истины по уголовным делам, связанным с пожаром .....

Гомонов Н.Д., Труш В.М., Тимохов В.П. Пренатальная интоксикация плода как предиктор преступности несовершеннолетних .....

Дроздов В.Ю., Ротков А.И. Проблемы квалификации медицинских ошибок .....

Крюков А.В. Квалификация действий сотрудников правоохранительных органов, связанных с инкриминированием задержанным лицам хранения наркотических средств .....

Кубрикова М.Е. О роли солидарности в разрешении уголовно-процессуального конфликта .....

Пастухов Е.А. Анализ нормативно-правового регулирования противодействия коррупции в Российской Федерации .....

Пономарев Е.А. Проблема нравственных ценностей на стадии предварительного расследования .....

Прокофьева Т.В., Тюлякова С.А. Кибертерроризм: понятие, сущность и меры противодействия .....

Прошин В.М. Доказывание вины в налоговом преступлении (Комментарий к Определению Конституционного Суда РФ от 30.11.2023 г. № 3260-О) .....

Степанова Г.М. Современные проблемы противодействия преступности на транспорте: криминологический анализ девиантного поведения .....

Хутренков А.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты .....

Шиплюк В.А. Вопросы обжалования итогового судебного решения потерпевшим ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения .....

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Евсеев А.П. Международно-правовой статус Евразийского банка развития как региональной организации развития 217

Иванов А.М., Родионов А.Е. Защита несовершеннолетних детей от кибербуллинга как основополагающий национальный интерес Российской Федерации в современном международном правопорядке 223

Кардэн В.А. Культурные ценности разделившихся государств 228

Евсеев А.П. Роль многосторонних банков развития в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона 235

Мансурова Ш.О. Цифровая трансформация института казначейства: сравнение опыта Республики Казахстан, Республики Узбекистан и Российской Федерации 242

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

Малько А.В. Дисбаланс в правовом сотворчестве органов публичной власти и общественных структур: пути минимизации 248

Канатов Т.К. Ответственность за нарушение исключительных прав в гражданском законодательстве стран ЕАЭС 256

Качнов М.Э. Злоупотребление арбитражным управляющим правом на вознаграждение: критерии добросовестности 263

Терещенко А.С., Нечаев Д.О., Краснобрыжева А.А., Погожева О.В. Применение норм международного гуманитарного права в условиях специальной военной операции на территории Украины 269

Мостовщиков А.А. Актуальные меры государственной поддержки молодежного предпринимательства в России: правовой аспект 274

Хашагульгов И.Т. Смежно-правовая природа исполнений в отдельных специфических видах театрально-зрелищных представлений 280

Анисимова А.М., Невенченко Я.А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России 286

Квасникова Т.В., Костюк С.А., Лубягин О.И. Расширение перечня обстоятельств, отягчающих наказание: вопрос эффективности и необходимости 294

Пивоваров Ф.Ю. Особенности выявления хищений бюджетных средств в сфере спорта и сопутствующих им преступных деяний в аспекте использования специальных экономических знаний 298

Иванникова Н.П., Костюк С.А., Лубягин О.И. О проблеме правового регулирования материальной ответственности руководителей организации как особых субъектов трудового правоотношения 303

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Zhinkin S.A.</i> The role of law as a means of preserving and protecting traditional Russian spiritual and moral values: some aspects.....	6
<i>Zadorozhnaya E.V., Mamykin V.A.</i> The category of «trust» in modern law.....	9
<i>Kashanina T.V.</i> Legal consciousness as a stage in the evolution of social consciousness.....	13
<i>Klychev R.A., Mankieva A.V.</i> Transformation of human rights in the digital age: challenges and prospects.....	18
<i>Romanova N.V.</i> On the issue of success of legal borrowings: European tradition.....	25
<i>Romashov R.A., Panchenko V.Yu.</i> Modern state and legal system of the imperial type: concept and features.....	30

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Belousova D.S.</i> On the issue of the prosecutor's protection of state interests in the sphere of implementation of national projects.....	34
<i>Dukhno N.A., Skuybedina O.N.</i> The role of publicity in legal protection of the environment.....	39
<i>Effimov D.B.</i> Disciplinary Proceedings against a Lawyer in Singapore and Indonesia.....	44
<i>Zlobina E.A.</i> Transparency of the Judiciary in the Russian Federation: Problems and Prospects.....	51
<i>Zakharova I., Kugay A.</i> External image of ethnic individuality, as a factor of political harmonization inter-ethnic differences.....	57
<i>Kutergin M.N.</i> Peculiarities of the Administrative and Legal Status of a Serviceman.....	63
<i>Potapova L.V.</i> The Institute of Public Assistants in the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Problem Statement.....	68
<i>Shafigulina S.R.</i> Legal education and formation of electoral and legal culture of youth.....	71

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Girfanov I.I.</i> Infrastructural potential for the development of physical culture and sports organizations.....	76
<i>Gordyushkin I.G.</i> Features of the legal regime of property of intergovernmental financial organizations: theoretical and practical aspects.....	79
<i>Zadorozhnaya E.V., Kartashov I.V., Kovrigina E.B.</i> The role of financial legislation in solving certain tasks of civil turnover in the context of digitalization.....	87
<i>Iontsev M.A.</i> On legal mediation in the digital segment of the financial market.....	94
<i>Kosynkin A.A.</i> Judicial practice and the law: problems of application.....	100
<i>Lesnykh V.A.</i> Current issues of recovery of damages in relations related to the management of a legal entity recognized as insolvency (bankrupt).....	103

<i>Kudelya N.Yu., Lopatin M.V., Utva I.S.</i> About some issues of the legal status of self-employed citizens: features and issues.....	109
<i>Maksimova N.A.</i> Regional family law and its implementation practice.....	114
<i>Borisova I.D., Nacharova A.V.</i> Comparative legal study of domestic and foreign experience of insolvency (bankruptcy) of individuals.....	120
<i>Nikienko K.G.</i> International experience in legal regulation of labor migration.....	124
<i>Novosvitnaia B.V., Romanov A.A.</i> A trust management agreement for inherited property certifying corporate rights as a tool to improve the effectiveness of corporate rights protection.....	128
<i>Sitdykov I.I.</i> Legal regulation of registration of medical devices. Development prospects.....	132
<i>Konstantinovna E.S., Ivantsov S.A., Kudelya N.Yu.</i> Legislative mechanisms for protecting small and medium-sized businesses from consumer terrorism using the example of marketplace.....	137
<i>Tarasova M.S.</i> The role of population in the process of urban development and settlement: a national legal-historical perspective.....	142
<i>Shapovalova D.L.</i> The modern mechanism of the contract system: civil law regulation and current issues.....	145
<i>Vasilyeva S.V., Komissarova E.A., Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N.</i> On the issue of a settlement agreement in insolvency (bankruptcy) cases.....	149
<i>Filcheva A.D., Pleshakov S.M.</i> Conclusion of a contract at auction.....	154
<i>Zhang Hongchen.</i> Peculiarities of the legal status of an employee in the event of insolvency (bankruptcy) of the employer.....	159
<i>Shapovalova D.L.</i> Theoretical and legal aspects of a contract for the supply of goods, works and services to meet government needs: concept, attributes, principles, essential terms of the contract.....	164

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Bruevich M.Y., Gubanova O.A.</i> Testimony of participants in criminal proceedings as a means of establishing the truth in cases related to fire.....	167
<i>Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.</i> Prenatal fetal intoxication as a predictor of juvenile delinquency.....	172
<i>Drozдов V.Yu., Rotkov A.I.</i> Problems of qualification of medical errors.....	176
<i>Kryukov A.W.</i> Qualification of actions of law enforcement officers related to incriminating detainees with possession of narcotic drugs.....	179
<i>Kubrikova M.E.</i> On the role of solidarity in resolving the criminal procedure conflict.....	182
<i>Pastukhov E.A.</i> Analysis of the legal regulation of combating corruption in the Russian federation.....	185

<i>Ponomarev E.A.</i> The problem of moral values at the stage of preliminary investigation	188
<i>Prokofieva T.V., Tyulyakova S.A.</i> Cyberterrorism: the concept, essence and counteraction measures	194
<i>Proshin V.M.</i> Proving guilt in a tax crime (Commentary on the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 30, 2023 No. 3260-O)	199
<i>Stepanova G.M.</i> Criminological characteristics of the personality of an offender committing crimes in the transport sector	203
<i>Khutrenkov A.V.</i> Warning Against Crimes Committed Against Participants in Criminal Proceedings by the Defense.....	207
<i>Shplyuk V.A.</i> Issues of appealing the final court decision to the victims due to the refusal of the public prosecutor to charge.....	212

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Evseev A.P.</i> The international legal status of the Eurasian Development Bank as a regional development organization	217
<i>Ivanov A.M., Rodionov A.E.</i> Protection of minor children from cyberbullying as a fundamental national interest of the Russian Federation in the contemporary international legal order.....	223
<i>Karden, V.A.</i> Cultural values of the separated states.....	228
<i>Evseev A.P.</i> The role of multilateral development banks in the integration processes of the Asia-Pacific region.....	235
<i>Mansurova S.O.</i> Digital transformation of the treasury institute: comparison of the experience of the Republic of Kazakhstan, the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation.....	242

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Malko A.V.</i> Imbalance in legal co-creation of public authorities and public structures: ways to minimizing	248
<i>Kanatov T.K.</i> Responsibility for violation of exclusive rights in the civil legislation of the EEU.....	256
<i>Kachnov M.E.</i> Abuse of the right to remuneration by an insolvency manager: good faith criteria.....	263
<i>Tereshchenko A.S., Nechaev D.O., Krasnobryzheva A.A., Pogozheva O.V.</i> Applying the norms of humanitarian international law in the context of a special military operation on the territory of Ukraine.....	269
<i>Mostovshchikov A.A.</i> Current measures of state support for youth entrepreneurship in Russia, legal aspect»	274
<i>Khashagulgov I.T.</i> The related legal nature of performances in certain specific types of theatrical and entertainment performances.....	280
<i>Anisimova A.M., Nevencheny Y.A.</i> Current problems in the fight against corruption in Russia	286
<i>Kostyuk S.A., Lubyagin O.I.</i> Expanding the list of aggravating circumstances: a matter of efficiency and necessity.....	294
<i>Pivovarov F.Y.</i> Peculiarities of Detecting Embezzlement of Budgetary Funds in the Sports Sector and Related Criminal Acts in the Context of Applying Specialized Economic Knowledge	298
<i>Kostyuk S.A., Lubyagin O.I.</i> On the problem of legal regulation of the financial responsibility of the heads of the organization as special subjects of labor relations.....	303

Роль права как средства сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей: некоторые аспекты

Жинкин Сергей Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный университет

В статье затрагиваются некоторые проблемы, связанные с различными аспектами роли права как средства сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Право, выступая в качестве важнейшего социального регулятора, должно обладать действенным инструментарием в деле сохранения и защиты традиционных ценностей. Это тем более значимо в связи с тем, что право само обладает уникальной социальной ценностью, выполняет многообразные социально полезные функции. Сегодня элементам российской правовой системы нормативно поставлена новая задача, поэтому существенное значение приобретает поиск и применение набора средств, инструментов, процедур, направленных на сохранение и защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, то есть ведущих к решению этой задачи. В статье также обращено внимание на роль не только права, но и иных элементов правовой системы в распространении и защите указанных ценностей, а также на необходимость шире использовать ресурсы гражданского общества в этих процессах. Только при гармоничном взаимодействии инструментов государства и государственной политики, в том числе права и комплекса правовых средств, с одной стороны, и потенциала гражданского общества, – с другой, можно рассчитывать на эффективное осуществление традиционных духовно-нравственных ориентиров в социальной жизни современной России.

Ключевые слова: ценность, право, традиционные духовно-нравственные ценности.

Роль ценностной составляющей в истории развития государства и права, политических и правовых систем – сквозная теоретическая и прикладная проблема юридической науки и государственной политики. История знает как случаи полного подчинения обществ и государств какой-либо идеологии с ее набором ценностей, так и ситуации провозглашения идеологического многообразия, когда никакая идеология как набор ценностей, не признается и не соблюдается в качестве государственной либо обязательной для следования. Ценностное значение права до недавнего времени, как представляется, подвергалось некоторой недооценке в отечественной науке, сводясь в советский период к роли права в деле построения социалистического, а в перспективе – коммунистического общества с его ценностями и идеалами. Однако уже в то время появлялись отдельные работы, в которых подвергалось оценке ценностное значение права, рассматривались различные социально-правовые ценности[3] и ценность самого права[1]. Однако группа именно традиционных российских духовно-нравственных ценностей на тот момент официально не выделялась, поскольку пропагандировались в первую очередь ценности советского строя, соответственно, никакой дискуссии о традиционных ценностях в юридической доктрине тогда не велось.

При этом вопрос о том, каким ценностям должно служить право, являлся предметом научных и даже политических дискуссий в постсоветский период. Отход от советской модели государства и права, с одной стороны, сопровождался кардинальной деидеологизацией политико-правовой сферы, а с другой, – повлек заимствование целого ряда чуждых для нашего общества и нашего цивилизационного развития ценностей, которые можно было бы прямо назвать псевдоценностями. Деструктивные воздействия на ценностную сферу российского общества и сегодня грозят ему расколом, потерей единства, многочисленными конфликтами и утратой единой гражданской идентичности. Фактически деструктивное ценностное воздействие извне угрожает самому существованию российской цивилизации.

Поэтому так важно, что появляются попытки концептуального осмысления проблемы традиционных российских ценностей, места российской цивилизации в общецивилизационном пространстве, роли права в ценностном воспитании граждан, что выражается в издании целого ряда научных трудов. Среди них следует выделить работы С.С. Алексеева,[1] А.В. Полосина,[4] В.А. Тиш-

кова,[7] С.Х. Хаматовой,[8] О.В. Мартышина,[2] Т.Н. Радько,[5] М.А. Юнусова и Э.А. Юнусова,[10] а также труды, связанные с российской идентичностью[6] и с восприятием базовых ценностей современным российским обществом[9].

В практическом плане особо важную роль сыграло принятие Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором заложены четкие нормативные основы дальнейшего ценностного развития российской цивилизации. При этом важны, и это прослеживается в издаваемых сегодня в России нормативных актах, как сохранение и укрепление названных ценностей, так и их надлежащая и эффективная охрана.

Значимо то, что в Основах сами традиционные российские духовно-нравственные ценности получили легальную дефиницию, что должно исключить их разноплановое толкование и возможные терминологические спекуляции по данному вопросу. Не менее значимо и то, что в Основах изложен сам перечень традиционных ценностей: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Итак, в чем сегодня должна заключаться социальная роль права в плане защиты именно традиционных российских духовно-нравственных ценностей? Очевидно, что простого нормативного провозглашения защиты тех или иных ценностей, провозглашаемых «традиционными» или какими-либо иными, явно недостаточно, необходим комплекс соответствующих инструментов и процедур.

Прежде всего, исходя из перечня традиционных ценностей, приведенного в Основах, становится ясно, каким ценностям уделялось в отечественном законодательстве и государственной политике большее внимание, и каким – меньше.

В частности, существенную детализацию и четкое правовое закрепление получила в законодательстве охрана права и свобод человека и гражданина, которые закономерно, хотя и не бесспорно названы в качестве именно традиционных, истинных ценностей. То же самое касается и жизни, достоинства, поддержки семьи (последней оказывается поддержка, помимо прочего, и материальная). Развивается и законодательство о патриотизме, и, в частности, о патриотическом воспитании, причем законодательство субъектов в этом вопросе давно обогнало федеральное. Так, в целом ряде субъектов Федерации приняты и реализуются законы о патриотическом воспитании.

Что же касается других ценностей, называемых сегодня в качестве традиционных, то здесь,

как представляется, предстоит еще большая работа по содержательной конкретизации и детализации этих ценностей в нормативных актах, по созданию нормативных механизмов их реализации. Так, на мой взгляд, необходимо четко конкретизировать в законодательстве понятия гражданственности, гуманизма и милосердия, ответственности за судьбу страны, преемственности поколений, необходимо нормативно пояснить аспекты их содержания.

В частности, именно гражданственность призвана сегодня стать гарантом единства российского общества и его развития, гарантом формирования всесторонне развитой личности российского гражданина, активно участвующего в решении общественных проблем.

Что же касается ценности «созидательного труда», то ее важнейшим аспектом в современных условиях, как представляется, должна стать социально ориентированная деятельность, направленная на решение общественных проблем, включающая, например, волонтерство, благотворительность, борьбу за экологию и т.д., то есть все то, что не относится к оплачиваемому труду, а выражает внутреннее стремление личности участвовать в решении социальных проблем.

Существенную роль призваны сегодня сыграть такие действительно традиционные ценности, как коллективизм и взаимопомощь. Именно они должны стать преградой для неприглядных проявлений современной глобалистской культуры – безудержного эгоизма и корыстолюбия, индивидуализма за счет окружающих, стремления самовыразиться любыми средствами даже в ущерб общественным интересам.

Не меньшее значение имеет и воспитание в обществе взаимоуважения, в том числе между представителями различных поколений, социальных и этнических групп, представителями различных конфессий и слоев населения с различным уровнем дохода.

Итак, для сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей совершенно недостаточно их простого закрепления в законодательстве. И здесь нужно обратить внимание, как минимум, на два момента.

Во-первых, эти ценности должны не просто называться, перечисляться в законодательстве, они обязательно должны в своем содержании и направленности разъясняться, детализироваться. Это связано с тем, что в прошлом многие высокие ценности и идеалы подвергались чрезмерно широкой или откровенно субъективной, неправильной, антигуманной трактовке, они нередко использовались для развязывания войн, разжигания национальных или религиозных конфликтов и т.д. Поэтому очень важно четко определить значение, содержание, социальное назначение и пределы действия этих ценностей.

Во-вторых, даже нормативной детализации значения этих ценностей в нормативных правовых актах в качестве охраняемых законодательством явно недостаточно. Необходимы разносторонняя

спланированная и продуманная работа государства и общества по внедрению в общественное сознание этих ценностей, государственное обеспечение массовой солидарности с ними, проведение комплекса мероприятий по превращению их в ориентиры деятельности государственных органов и должностных лиц. И здесь незаменимыми оказываются такие социально-правовые инструменты, как правовое воспитание, правовое просвещение, правовая пропаганда. И должны они, по моему мнению, сегодня осуществляться не только государственными органами, но и широкой сетью поддерживаемых государством общественных организаций гражданского общества. Вообще же, сегодня крайне необходимо определить путем широкого общественного обсуждения тот комплекс правовых средств и инструментов, которые следовало бы в той или иной мере использовать для сохранения и защиты традиционных российских ценностей. Право и иные элементы правовой системы должны стать действенной преградой для деструктивного воздействия на российскую систему ценностей, на мировоззрение народа. Не меньшую роль должны играть и традиционные общественные объединения: церковь, волонтерские и патриотические, молодежные и ветеранские организации и т.д.

Таким образом, необходимы не просто концептуальное осмысление и констатация роли современного права в защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, но и разработка комплекса мер или даже целых стратегий федерального и регионального уровней по осуществлению этих ценностей в современном социальном и, в частности, государственно-правовом развитии, в общественной практике.

Литература

1. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – М: Юр. лит., – 1971. – 221с.
2. Мартышин О.В. Идеология и формирование новой политической и правовой культуры в Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 9.
3. Неновски Н. Право и ценности. М: Прогресс., – 1987. – 248с.
4. Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2022. No 3.
5. Радько Т.Н. Государственная идеология и идеологическая функция права // Вестник Академии права и управления. Вып. 29. М., 2012.
6. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика: [монография] / Л.М. Дробизева, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсева [и др.]; отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. – М: ФНИСЦ РАН, 2022. – 434 с.
7. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. – 649с.
8. Хаматова С.Х. К вопросу о соотношении идеологии и права в современной России // Государство и право. 2019. № 5.
9. Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально – исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19.
10. Юнусов М.А., Юнусов Э.А. Исполнение обязанностей человеком и гражданином как условие функционирования государства и регулирования общественных отношений // Современное право. 2008. № 5. С. 34–37.

THE ROLE OF LAW AS A MEANS OF PRESERVING AND PROTECTING TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES: SOME ASPECTS

Zhinkin S.A.

Kuban state University

The article touches upon some problems related to various aspects of the role of law as a means of preserving and protecting traditional Russian spiritual and moral values. Law, acting as the most important social regulator, should have effective tools for the preservation and protection of traditional values. This is all the more significant due to the fact that law itself has a unique social value and performs a variety of socially useful functions. Today, a new task has been assigned to the elements of the Russian legal system, which is why it is essential to find and apply a set of tools, tools, and procedures aimed at preserving and protecting traditional Russian spiritual and moral values, that is, leading to the solution of this task. The article also draws attention to the role of not only law, but also other elements of the legal system in the dissemination and protection of these values, as well as the need to make greater use of civil society resources in these processes. Only with the harmonious interaction of the instruments of the state and public policy, including law and a set of legal means, on the one hand, and the potential of civil society, on the other, can we count on the effective implementation of traditional spiritual and moral guidelines in the social life of modern Russia.

Keywords: value, law, traditional spiritual and moral values.

References

1. Alekseev S.S. The social value of law in Soviet society. Moscow: Jur. lit., 1971.221s.
2. Martyshev O.V. Ideology and formation of a new political and legal culture in the Russian Federation // State and Law. 2010. No. 9.
3. Nenovsky N. Law and values. Moscow: Progress, 1987, 248 p.
4. Polosin A.V. Step forward: the problem of worldview in modern Russia // vestr. Moscow time. Un-ta. Ser. 12. Political sciences. 2022. No 3.
5. Radko T.N. State ideology and the ideological function of law // Bulletin of the Academy of Law and Management, Issue 29, Moscow, 2012.
6. Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice: [monograph] / L.M. Drobizheva, E.M. Arutyunova, M.A. Evseeva [et al.]; ed. by I.M. Kuznetsov, S.V. Ryzhova; FNIST RAS. – Moscow: FNIST RAS, 2022. – 434 p.
7. Tishkov V.A. The Russian people: the history and meaning of national identity. Moscow: Nauka, 2013.-649 p.
8. Khamatova S.H. On the relationship between ideology and law in modern Russia // State and law. 2019. № 5.
9. Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation) // Journal of Political Studies. 2022. Vol. 6. No. 3. pp. 9–19.
10. Yunusov M.A., Yunusov E.A. Fulfillment of duties by a person and a citizen as a condition for the functioning of the state and regulation of public relations // Modern law. 2008. No. 5. pp.34–37.

Задорожная Евгения Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса, АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Мамыкин Владислав Александрович,

студент, АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: vladmamynkin64@gmail.com

Как бы быстро ни развивались технологии, конечным потребителем является человек. Конституционная реформа 2020 года зафиксировала норму о взаимном доверии государства и общества.

В деловой сфере формируются новые отношения, обосновывается и фиксируется появление различных пространств, таких, как, например, цифровое, виртуальное, правовое и т.д., где происходит взаимодействие продавцов, покупателей, представителей государственных и муниципальных органов. В области правоотношений, регулируемых частным правом, доверие является одним из факторов, определяющих успешность предпринимателей, уровень их деловой активности, а также процесс выстраивания деловых связей. Доверие партнеров направлено на повышение конкурентоспособности организаций на рынке. В свою очередь, конкуренция осуществляется опять же за доверие конечных потребителей, которые для доступа к определенным услугам обязательно должны предоставить согласие на обработку персональных данных или отказаться от получения услуги.

Ключевые слова: доверие, Конституция, Гражданский кодекс, право, блокчейн, право собственности, гражданские правоотношения.

Как бы быстро ни развивались технологии, конечным потребителем услуг является человек, следовательно, актуальным является вопрос проявления доверия [1]. В деловой сфере постоянно появляются новые отношения, меняются уровни взаимодействия, обосновывается и фиксируется появление новых пространств, например, цифровое [9], правовое [11] и т.д., где происходит взаимодействие продавцов, покупателей, представителей государственных и муниципальных органов.

Особый интерес вызывают исследования феноменов, которые, на первый взгляд, не являются правовыми категориями, а связаны, скорее, с психологией или социологией: искренность [4, С. 33–36], доверие и т.д. Между тем, имманентное содержание доверия в вопросах, касающихся происхождения и развития государства и права (например, Аристотель, Н. Макиавелли и др.), придает данному феномену правовые характеристики [12, С. 7–9]. В научной литературе по психологии доверие определяется как «нравственное понятие, выражающее такое отношение одной личности к другой, которое исходит из убежденности в ее добропорядочности, верности, ответственности, честности, правдивости» [5, С. 32]. Неоднозначно влияют категории «доверие» и «недоверие» на успешное взаимодействие субъектов. Изначальное ожидание пользы не отменяет опасение потенциально возможного вреда. Для философской традиции характерно выделение нравственного поведения одним из признаков доверия, которое полагается этической категорией, отражающей нравственные отношения между людьми [10, С. 45].

Конституционная реформа 2020 года зафиксировала норму о взаимном доверии государства и общества. Однако сложно не согласиться с мнением С.В. Нарутто и А.В. Никитиной о декларативности и абстрактности данной нормы [6, С. 45]. Отсутствует и легальное определение указанной категории, хотя именно за доверие граждан в современном мире конкурируют не только компании и отдельные предприниматели, но и государство. В области правоотношений, регулируемых частным правом, доверие является одним из факторов, определяющих успешность предпринимателей и уровень их деловой активности, а также выстраивание деловых связей на основе доверия. Доверие партнеров направлено на повышение конкурентоспособности организаций на рынке [2]. И конкуренция опять же за доверие конечных потребителей.

Меняются способы передачи и хранения информации. Ранее она передавалась в устной или письменной форме и хранилась на бумажных носителях. Такой подход к документообороту обеспечивал взаимодействие субъектов правоотношений,

работу государственных органов в течение определённого исторического периода. Развитие технологий и модернизация социальных институтов определили потребность в оптимизации документооборота, в том числе, относительно способов подтверждения права собственности на объекты недвижимости.

С 2017 года информация, содержащаяся в Едином государственном реестре прав и Государственном кадастре недвижимости, объединена в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН) [15]. В отношении объектов недвижимости, зарегистрированных до такого объединения реестров, у граждан на руках имеются «аналоговые» документы на бумажных носителях. В выдаваемых в настоящее время выписках из ЕГРН могут обнаружиться ошибки, которые могут как затянуть оформление сделки, так и полностью ее отменить. Среди наиболее часто встречающихся ошибок выделяются те, которые носят характер технических, например, неверно указанная буква в имени или месте регистрации. В этом случае быстро исправить неточность поможет обращение с заявлением в Росреестр. Если же к моменту обнаружения технической ошибки была проведена сделка, вопрос может быть решен лишь в судебном порядке. И здесь мы снова говорим о доверии. Какому из документов будет отдаваться предпочтение? Какой из предъявленных документов, электронный или бумажный, более настоящий? Как показала личная практика, бережное отношение ко всем бумажным документам на объект недвижимости за все годы его существования существенно упрощает процесс доказывания права на имущество в судебном порядке и внесения исправлений в электронные документы.

Отдельно стоит упомянуть порядок предоставления государственных и муниципальных услуг в сервисе «Госуслуги», согласно ч. 2 ст. 7.4 Федерального закона от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», согласно которому «Результат предоставления государственной или муниципальной услуги не оформляется в форме документа на бумажном носителе, если иное не установлено нормативными правовыми актами, регулирующими порядок предоставления такой услуги», что, в случае повреждения данных потенциально может создать проблемы с их восстановлением.

В научный дискурс введено понятие «цифровое доверие», определяемое как уверенность пользователей в способности людей, технологий и процессов создавать безопасный цифровой мир [3, С. 129–143]. Р.К. Нурмухаметов основными структурными элементами цифрового доверия выделяет: 1) ожидания (доверитель рассчитывает на определенное поведение доверенного лица), 2) убежденность, веру в поведение доверенного лица, которое основывается на его компетентности, честности и доброжелательности, 3) принятие доверителем определенного риска [7, С. 8–17].

В ходе, проводимой в рамках Восточного экономического форума 2024 сессии «Цифровой суверенитет и безопасность граждан: правовые модели» данный вопрос обсуждался в аспекте необходимости обеспечения технологического суверенитета государства и вовлечения представителей бизнес-сообщества в данный процесс [18].

Бизнес внедряет цифровые решения максимально широко, в ряде случаев опережая государство [17, 14], с ситуациями, связанными с доверием субъектов правоотношений, сталкивается непосредственно. Кибератака (DDoS-атака) на российские системы электронного документооборота, которая произошла 1 сентября 2022 года, не привела к серьёзным сбоям в работе крупных розничных сетей, таких как X5 Group, «Магнит» и «Лента», однако некоторые магазины, продающие молочную продукцию, столкнулись с проблемами, и отгрузка товаров замедлилась [8].

Основным вопросом, беспокоящим потребителей, является обеспечение безопасности их персональных данных. Об утечках персональных данных в СМИ сообщается регулярно [16]. Данный фактор вызывает опасения граждан в процессе использования ими цифровых сервисов.

Граждане самостоятельно, путем заполнения соответствующих федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» документов, предоставляют для обработки конфиденциальную информацию о себе. В руках предпринимателей сосредоточено большое количество персональных данных, представляющих собой «любую информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Так, лица, аккумулирующие персональные данные в процессе исполнения служебных обязанностей, приобретают определенную власть над гражданами, информацией о которых обладают.

У граждан же возникает закономерная потребность в ощущении доверия как потребности в ощущении защищенности персональной информации от утечек и вреда, который может последовать в результате обработки, передачи или распространения. Сами пользователи в настоящее время не обладают высоким уровнем информационной и цифровой культуры, редко читают соглашения, размещенные на различных сайтах, в чат-ботах, соглашаясь автоматически, решая, что получение определенной услуги в данный момент важнее. С другой стороны, даже внимательное прочтение такого соглашения не даст гарантию нераспространения информации. Несогласие с обработкой персональных данных делает процесс получения услуги невозможной. Возникает парадокс: с одной стороны, граждане имеют право не давать согласие, а с другой стороны, не будет согласия, не будет доступа к необходимым благам.

Таким образом, феномен доверия важно учитывать в правовом регулировании взаимодействия граждан и должностных лиц органов власти или юридических лиц, принятии нормативных право-

вых актов, регламентирующих вновь возникающие правоотношения, отражающих процессы трансформации, происходящей в государстве.

Литература

1. Архангельская Н.В. Современное понимание феномена доверия в социологическом аспекте // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2022. – № 11. – С. 9–12. DOI 10.37882/2500–3682.2022.11.0
2. Богданова Л.С. Доверие как социальный фактор развития партнерских отношений между организациями: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2006
3. Веселов Ю.В. Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 129–143.
4. Задорожная, Е.В. Феномен искренности: юрико-урбано-логический подход / Е.В. Задорожная // Градостроительное право. – 2022. – № 3. – С. 33–36. – DOI 10.18572/2500–0292–2022–3–33–36. – EDN ИАРАА.
5. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – С. 32.
6. Нарутто С.В., Никитина А.В. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе // Конституционное и муниципальное право. 2022. N 7. С. 14.
7. Нурмухаметов Р.К. К вопросу о цифровом доверии // Алтайский вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 8–17.
8. Официальный сайт газеты «Коммерсантъ»: <https://www.kommersant.ru/doc/5538103>
9. Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-ontologii-prava-i-tsifrovoye-pravovoye-prostranstvo> (дата обращения: 07.09.2024).
10. Скрипкина Т. Психология доверия: Учебное пособие. центр «Академия», 2000, С. 45.
11. Тихомиров Ю.А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017 № 4 С. 4–17.
12. Тихонова, Ж. К. К вопросу о доверии в праве / Ж.К. Тихонова // Вопросы экономики и права. – 2019. – № 127. – С. 7–9. – DOI 10.14451/2.127.7. – EDN VENEAJ.
13. Чепелюк С.Г. Феномен «цифрового доверия» и его влияние на становление цифрового правительства в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 447–459. <https://doi.org/10.22363/2313–1438–2022–24–3–447–459>.
14. Шарошкин В. М., Сибикина И. В., Космачева И. М. ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ BLOCKCHAIN В СИСТЕМУ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА // Техническая эксплуатация водного транспорта: проблемы и пути развития. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tehnologii-blockchain-v-sistemu-elektronnogo-dokumentoborota> (дата обращения: 05.12.2024).
15. Письмо Министерства экономического развития РФ от 22 декабря 2016 г. N 39682-ВА/Д23и О порядке осуществления с 1 января 2017 г. государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав, а также предоставления сведений ЕГРП на недвижимое имущество и сделок с ним и ГКН на основании заявлений (запросов) и необходимых для этого документов, поступивших в территориальные органы Росреестра и филиалы ФГБУ «ФКП Росреестра» до 1 января 2017 г.
16. В результате крупного инцидента в 2024 году в сеть утекли 500 млн записей о россиянах// Официальный сайт ИТАР ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20065237?ysclid=lsyc711-5sy478002968>.
17. Официальный сайт Сетевого издания «CNews»: <https://cnews.ru/link/n620994>
18. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sbertv/forumvostok/article?listId=99&video=KE11xK>

THE CATEGORY OF «TRUST» IN MODERN LAW

Zadorozhnaya E.V., Mamykin V.A.
Moscow international university

No matter how fast technology develops, the end user is a human being. The constitutional reform of 2020 fixed the norm of mutual trust between the state and society. New relationships are being formed in the business sphere, the emergence of various spaces, such as, for example, digital, virtual, legal, etc., where sellers, buyers, representatives of state and municipal bodies interact, is justified and fixed. In the field of legal relations regulated by private law, trust is one of the factors determining the success of entrepreneurs, the level of their business activity, as well as the process of building business relationships. The trust of partners is aimed at increasing the competitiveness of organizations in the market. In turn, competition is carried out again for the trust of end consumers, who, in order to access certain services, must necessarily provide consent to the processing of personal data or refuse to receive services

Keywords: trust, Constitution, Civil Code, law, blockchain, ownership, civil relations.

References

1. Arkhangel'skaya N.V. Modern understanding of the phenomenon of trust in the sociological aspect // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition. – 2022. – No.11. – pp.9–12. DOI 10.37882/2500–3682.2022.11.0
2. Bogdanova L.S. Trust as a social factor in the development of partnerships between organizations: Dis. ... cand. psychological sciences. M., 2006
3. Veselov Yu.V. Trust in a digital society // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2020. Vol. 13. Issue. 2. pp. 129–143.
4. Zadorozhnaya, E.V. The phenomenon of sincerity: a legal and urban approach / E.V. Zadorozhnaya // Urban planning law. – 2022. – No. 3. – pp. 33–36. – DOI 10.18572/2500–0292–2022–3–33–36. – EDN ИАРАА.
5. Kupreichenko A.B. Psychology of trust and distrust. – M.: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2008. – p. 32.
6. Narutto S.V., Nikitina A.V. The constitutional principle of trust in modern Russian society // Constitutional and municipal law. 2022. N 7. P. 14.
7. Nurmuhametov R.K. On the issue of digital trust // Altai Bulletin of the Financial University. 2019. No. 4. pp. 8–17.

8. The official website of the Kommersant newspaper: <https://www.kommersant.ru/doc/5538103>
9. Ponkin I.V., Redkina A.I. Digital ontologies of law and digital legal space // Perm Law Almanac. 2019. No.2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-ontologii-prava-i-tsifrovoe-pravovoe-prostranstvo> (date of reference: 07.09.2024).
10. Skripkina T. Psychology of trust: A textbook. The Academy Center, 2000, p. 45.
11. Tikhomirov Yu.A. Legal space: equilibrium and deviations // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2017 No. 4, pp. 4–17.
12. Tikhonova, J.K. On the issue of trust in law / J.K. Tikhonova // Economic and legal issues. – 2019. – No. 127. – pp. 7–9. – DOI 10.14451/2.127.7. – EDN VEHEAJ.
13. Chepelyuk S.G. The phenomenon of “digital trust” and its impact on the formation of digital government in Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2022. Vol. 24. No. 3. pp. 447–459. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-447-459>.
14. Sharoshkin V. M., Sibikina AND V., Kosmacheva AND M. INTRODUCTION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGY INTO THE ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT SYSTEM // Technical operation of water transport: problems and ways of development. 2021. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-tehnologii-blockchain-v-sistemu-elektronnogodokumentooborota> (date of application: 05.12.2024).
15. Letter of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated December 22, 2016 No. 39682-VA/D23i On the Procedure for Carrying out State Cadastral Registration and (or) State Registration of Rights from January 1, 2017, as well as providing information on the Unified State Register of Immovable Property and Transactions with it and GKN on the basis of applications (requests) and necessary for the list of documents received by the territorial bodies of Rosreestr and branches of the Federal State Budgetary Institution “FKP Rosreestr” before January 1, 2017
16. As a result of a major incident in 2024, 500 million records about Russians leaked online// ITAR TASS official website. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20065237?ysclid=lsyc711-5sy478002968>.
17. The official website of the Online publication “CNews”: <https://cnews.ru/link/n620994>
18. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/sbertv/forumvostok/article?listId=99&video=KE11xK>

Кашанина Татьяна Васильевна,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: kashanina@mail.ru

В статье раскрывается трансформация общественного сознания на протяжении трех эпох: догосударственной, аграрной, индустриальной. Эволюция общественного сознания соответственно проходит три этапа: мифологическое, религиозное и правовое. Детальному анализу подвергается правосознание. Автор, используя метод аналогии и экстраполяции, выдвигает гипотезу о том, что сознание общества, как и сознание отдельного человека, растет по мере взросления человечества.

Ключевые слова: мифологическое сознание; религиозное сознание; правовое сознание.

Экономические уклады и трансформация общественного сознания

В развитии общества существуют две эпохи: догосударственная (эпоха первобытного строя) и государственная. В свою очередь государственно организованное общество проходит три стадии развития: аграрное, индустриальное, постиндустриальное общество¹ или, как сейчас принято его именовать, информационное. Соответственно этим изменениям претерпевает метаморфозы и общественное сознание. В его эволюции можно выделить четыре этапа: мифологическое, религиозное, правовое и гуманистическое, которое станет доминирующим в обществе будущего.

Почему именно в таком порядке идет смена парадигм в общественном сознании? Чтобы объяснить это, придется провести аналогию с этапами развития мозга у отдельного человека. Есть очередность в развитии долей коры мозга: первой начинает развиваться затылочная доля, потом височная, следом теменная, и последней (где-то к 25 годам) созревает лобная доля². Какова же специализация долей мозга?

Если кратко, то она такова:

- *затылочные доли* обрабатывают визуальную информацию;
- *височные доли* подвергают обработке звуковые сигналы, поступающие от органов слуха, они же ответственные за речь;
- *теменные доли* управляют восприятием информации, полученной от органов чувств, и воплощением ее в моторику, движение;
- *лобные доли* выполняют роль центра управления и ответственны за мышление, убеждения, расчёты, логику, мотивы поведения.

Выскажу гипотезу, что сознание общества, как и сознание отдельного человека, растет по мере взросления человечества.

Мифологическое сознание как неотъемлемое свойство первобытного общества

Если мы примем за основу аналогию развития интеллекта человечества с развитием мозга индивида, то придется признать, что в доаграрном обществе поведение человека опиралось в основном на затылочную долю. Затылочная доля отвечает за зрительное восприятие информации, ее оперативное хранение. У древних людей остальные доли мозга, понятно, работают, но пока не в полную силу. Доминирует именно эта часть мозга, и работает

¹ Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2008. С. 45.

² Френсис Э., Дженсен. Мозг подростка. М.: 2019. С. 48.

она интенсивно. Эволюция затылочных долей сделала возможным активное использование визуальных образов, которые составляли остов мышления на данном периоде развития общества.

Соответственно этим и определяется сознание первобытных людей. Вот некоторые его специфические свойства.

1. В нем не разделялись *индивидуальные и коллективные интересы*. Дух коллективности, конечно, был главным, поскольку и на подсознательном уровне люди ощущали невозможность выжить в одиночку.
2. Ему был присущ *стихийный характер*. Внешние условия полностью его предопределяли, и оно изменялось под их влиянием с целью достижения адаптации к окружающему миру.
3. В познании мира главным образом применялись *образы, метафоры, символы*.
4. Сознание было *мифологическим, магическим*, поскольку в нем большую роль играли мифы, магия и другие придумки людей.
5. Сознание людей пронизывал *страх перед силами природы*. Обряды многих жертвоприношений были направлены на то, чтобы задобрить эти неведомые силы и заручиться их поддержкой.
6. В целом сознание отличалось *иррациональностью* и не сопрягалось с действительностью.

Религиозное сознание как атрибут аграрного общества

Развитие интеллекта человечества далее пошло по пути активного вовлечения в процесс взаимодействия с миром височной доли. Главная функция височной доли – обработка слуховых ощущений. Как видим, «материальная база» для интеллектуальной деятельности расширилась (активно стали работать уже две зоны мозга: затылочная и височная).

Это не могло не сказаться на сознании людей. В целом его можно назвать религиозным. В чем его особенности?

1. *Религиозная вера* – это центральное звено религиозного сознания, и она имеет в качестве своей особенности веру в Бога, могущественное, сверхъестественное существо как реально существующее.
2. Религиозному сознанию присуща *чувственная наглядность*. Здесь имеется в виду не только образы, имеющиеся в действительности, но и созданные воображением верующих, образы фантазии, т.е. имеет место соединение действительного с иллюзорным.
3. *Символический аспект* в религиозном сознании является одним из главных. Это проявляется в том, что какие-либо предметы, действия, слова, тексты наделяются религиозными значениями и смыслами.
4. *Диалогичность* религиозного сознания предполагает возможность общения с Богом, воздействия на него и получения от него помощи. Диалог реализуется в богослужении, молитве,

песнопении, медитации, с помощью звучащей или внутренней речи.

5. *Форма (облик)* религиозного восприятия имеет *звуковой характер*. На ранних стадиях религиозное сознание выражалось и передавалось с помощью устной речи. Появление письма позволило фиксировать религиозные значения и смыслы также и в письменном виде, складывались сакральные тексты. Однако основная масса людей грамоты не знала и читать не умела. Сила слова продолжала обеспечивать действенность религии в звучащей речи, прежде всего *в молитве*, в которой верующие обращались к Богу. *Песнопения*, как соединение стихов религиозного характера и пения, проводимые в торжественных случаях, существенно украшали религиозные события. *Богослужения (литургия, месса и пр.)* – это форма совместной молитвы участвующих в богослужении. Его смысл состоит в общении Бога со своим народом. *Духовная музыка* – особый вид музыкального сопровождения религиозных обрядов. Таким образом, действенность религии связана прежде всего с восприятием звуков.

Правовое сознание

Примерно в 1500 году н.э. началась научная революция, а вслед за ней пришла и промышленная эра. Ее пусковой точкой явилось изобретение парового двигателя, что способствовало развитию механического производства, а затем и электричества, позволившего развернуть конвейерное производство. Все созданные механизмы перемещались, вращались, грохотали, двигались ... Обслуживая их, человек должен был проявлять активность, энергичность, деловитость. Смотреть и слушать теперь недостаточно. Надо уметь обращаться со всеми этими механизмами, иначе они, обладая мощной кинетической энергией, могут нанести вред.

Человек достойно ответил на этот вызов – активно была задействована еще одна зона мозга, а именно теменная.

Теменная доля коры головного мозга выполняет множество функций. Главной ее задачей является сортировка сенсорных ощущений и их интерпретация на основе предшествующего опыта¹. Ее еще называют соматосенсорной долей мозга. На основе этой информации человек управляет своими движениями. Это своего рода кинестический интеллект, который связан с использованием тела для создания (или выполнения) чего-либо². Теменная доля также позволяет человеку определять свое пространственное положение, ориентировку на местности.

Союз науки и промышленности в корне изменил сознание человечества. Фатализм, безусловная

¹ Уайброу П. Мозг: Тонкая надстройка. Наша жизнь с точки зрения нейронауки. М.: 2016. С. 105.

² Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта. М.: 2007. С. 345.

вера, мистическое мышление постепенно размываются. Приходит понимание, что человек сам могущественен и может определять свое поведение, тогда как ранее считалось, что лишь великие боги обладают мудростью. Машинный способ производства требовал людей более продвинутых и образованных. В обществе развивается образование, поднимается авторитет разума, рационального отношения к жизни. Сознание людей расширилось и стало *практичным*, т.е. ориентированным на свои реальные потребности, на решение житейских задач, на применение каких-либо знаний и навыков на деле.

Вот отличительные особенности практического или деятельностного мышления¹:

- 1) неразрывно связано с восприятием тех явлений, предметов, которые окружают и с которыми предстоит иметь дело;
- 2) восприятие отличается изошренностью, т.е. требует внимания к отдельным, частным деталям, знать общую картину теперь уже недостаточно;
- 3) неотрывно от действия или, иначе, при таком мышлении человек решает задачу, глядя на вещи и оперируя с ними, т.е. мышление вплетено в практическую деятельность;
- 4) осознается последовательность выполнения операций, а иначе нужный результат не будет достигнут;
- 5) действия с предметами отличаются целенаправленностью;
- 6) идеи, как сделать лучше, формируются сначала в процессе деятельности, а лишь затем возможны обобщения;
- 7) для достижения цели требуется умение переходить, причем неоднократно, от действия к размышлению и обратно;
- 8) направлено на разрешение частных и конкретных задач, допустим, вспахать поле, довести груз в место назначения, организовать погрузочные работы и т.п.
- 9) деятельность осуществляется в жестких временных интервалах, а не когда получится ее выполнить.

Как видим, практическое мышление довольно энергозатратное, и лишь только человек с активной теменной долей способен выполнять такого рода задачи. Понятно, что таких людей в любой индустриальной стране отнюдь не большинство, приблизительно 20%. Но они определяют вектор развития экономики, выполняя ответственные задачи, например, пилот, оператор конвейерной линии, предприниматель, и цена ошибки в их работе очень высока. Кинестетики (индивиды, у которых доминирует теменная доля) позволили обществу прыгнуть на новую высоту.

Общество усложнилось и не только в области экономики.

Изменилась политическая сфера, главным игроком которой стало государство. Однако в до-

индустриальную эпоху оно имело *вертикальное строение*, когда общество живет под управлением вождя, тирана, диктатора, принимающего все важные решения, обязательные для всех. Такое государство во многом носит *личностный характер*, а источником власти выступает *насилие*². Не удивительно, что тогда войны были обыденностью и в немалой степени велись для удовлетворения амбиций вождя.

В 17 веке (после заключения Вестфальского мира в 1648 году) государства (в Европе) постепенно становятся *бюрократическими* и развиваются *по пирамидальной иерархической модели*. В индустриальную эпоху государство стало обладать собственным юридическим лицом, отличным от личности правителя, стало сильнее его³. Формула «Государство – это я» (Людовик XIV) теперь заменяется на формулу: «Я – первый слуга государства» (Ф. Великий). Это произошло потому, что условиях роста массового производства и осмысленного накопления богатства во весь рост встала проблема защищенности имущества, а также обеспечения безопасности владельцу и его потомству. Вот почему собственники, предприниматели стали в государстве правящим классом, и на его защиту встал весь силовой аппарат государства. Помимо этого, был создан мощный бюрократический аппарат с функциональным разделением труда. Налогообложение стало государственным делом.

Итак, бюрократия, налоги и монополизация насилия сделали государство мощным социальным институтом. Возникнув как инструмент абсолютных монархов, государство стало жить своей жизнью, уравнивая всех в нем проживающих в качестве граждан с тем, чтобы обеспечить порядок и цивилизованное их сосуществование.

Трансформировалась и система социального регулирования. Главную роль на себя взял обезличенный закон, в соблюдении которого была заинтересована элита. Неприкрытое насилие отступило в сторону. Понятно, что право зародилось не в одночасье. Оно вызревало в глубине традиционного и религиозно ориентированного общества, где не было нужды устанавливать всеобщие правила поведения, поскольку большинство членов знало друг друга, и экономика опиралась на правила, установленные в семье или небольшой общине. Народная поговорка: «судить не по закону, а по совести» красноречиво это отражает. Но теперь право вышло на передовую и стало базовым регулятором. Осознание правовых норм, их усвоение и неуклонное исполнение стало обязанностью каждого.

Какие же особенности присущи правосознанию?

- 1) Знание о правилах поведения в обществе теперь черпаются в основном из письменных источников. Правовые нормы закрепляются

² Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: 2003. С. 36.

³ Кревельд М. *Расцвет и упадок государства*. М.: 2006. С. 159–235.

¹ <https://www.psychology-online.net/articles/doc-71.html> (дата обращения 10.08.2024)

в нормативных актах, тем самым они стали доступны всем, если учесть, что грамотность в индустриальную эпоху стала всеобщей. Их общеизвестность никому не дает права ссылаться на то, что не знал о недопустимости того или иного деяния.

- 2) Далеко не любые документы подойдут для получения информации о правовых нормах, а только имеющие *официальную форму*, т.е. те, к изданию которых причастны органы государства, ставшие несущей конструкцией в этот период. В качестве таких документов выступают: а) законодательные акты (законы, указы, постановления, инструкции), б) судебные решения, содержащие прецедентные нормы. Наличие реквизитов на документе указывает на то, что акт издан государственным органом.
- 3) По содержанию правосознание представляет из себя систему взглядов и представлений о праве, поскольку правила поведения уже не формируются спонтанно, как ранее: на злобу жизни. Право довольно чутко реагирует на изменения в жизни и нормы права, потребность в принятии которых себя обнаружила, предварительно тщательно прорабатываются и подвергаются экспертизе.
- 4) Правосознание является *основой правотворческой деятельности*: законодатели, как правило, имея передовое представление о том, как должно развиваться общество и какие правовые нормы этому будут способствовать его прогрессу, руководствуются им в процессе принятия нормативных актов.
- 5) Правосознание структурно и состоит из трех частей:

А. Правовая идеология, в которую включаются понятия, идеи, знания, убеждения, оценки о содержании права, характеристике правового поведения людей, о необходимости установления соответствующих норм права. Она отражает *рациональный подход к праву*, присущий в той или иной мере каждому человеку, представляет собой *целенаправленное осмысление* правовой действительности, может носить *программный характер* (например, идеи марксизма-ленинизма о праве или либеральное учение о праве).

В. Правовая психология – это *ощущения* (результаты отражения правовой действительности органами чувств – обонянием, осязанием, слухом, зрением), *эмоции* (психическое переживание), *чувства* (устойчивые эмоции), *представления* (обобщенный чувственно-наглядный образ), *привычки, стереотипы, настроения* по поводу права, законодательства, правового поведения людей, работы правоохранительных органов, назначения санкций.

Правовая психология играет отнюдь *не второстепенную роль*, а довольно сильно влияет на деятельность правотворческих и правоприменительных органов очень активно. Она является *наиболее скрытой и глубинной частью* правосознания и обычно имеет *конкретизированное выражение*.

С. Поведенческие моменты правосознания – это *мотивы* (побудительные причины), *установки* (внутренняя готовность к действию), *интуиция* (чутье, пронизательность, основанные на предшествующем опыте), *аффекты* (сильное душевное волнение), *паника* (страх, смятение), *менталитет* (психологический код поведения) и др. относительно права, законодательства, правового поведения людей, работы правоохранительных органов, назначения санкций. В качестве примера можно привести трагическую ситуацию возникшую в 1999 году в Минске, когда во время праздничного гуляния неожиданно разразилась гроза и люди, спасаясь от дождя, панически толпами стали ломиться в подземный переход, чтобы от него спастись: в подземном переходе на одной из центральных улиц в вызванной дождем давке погибли 53 человека и пострадали еще более 150¹. Особенности поведенческих моментов состоят в том, что они относятся к области *бессознательного* проявления психики (субъект не отдает отчета в своих действиях), а также в том, что они очень *глубоко укорены* в психике, причем люди даже не подозревают об их существовании. Кроме того, поведенческие моменты *трудно меняются и искореняются*.

5) Правовые нормы отличаются *обязательностью* для всех, кому они адресованы. Сословность ушла в прошлое, формально все граждане равны, что резко снизило напряженность в обществе. Конечно, не все люди в душе одобряют те или иные нормы права. Но несмотря на это, строить свое поведение в соответствие с ними надо безоговорочно, и это вменяемый индивид отчетливо осознает. Таким образом, правосознание становится основой законопослушного поведения.

6) Имеется и понимание того, что *нарушение правовых норм не пройдет безнаказанно*. За охрану всех правовых норм теперь отвечает государство, ставшее мощной социальной силой. У него появились возможности (интеллектуальные и организационные) дифференцировать и дозировать степень жесткости государственного принуждения: меры юридической ответственности, организационные, превентивные, восстановительные, воспитательные меры. В итоге по сравнению с прошлыми эпохами удельный вес насилия в стране снизился.

Итак, правосознание стало определять основные параметры жизни людей в индустриальном обществе.

Заключение

Что мы имеем в итоге, благодаря праву, социальному регулятору, который стал базовым в индустриальном обществе и правосознанию, его неотъемлемому атрибуту?

Приобретения весомые.

Во-первых, общество *стабилизировалось* благодаря тому, что в нормах права стали закреплять-

¹ https://www.gazeta.ru/science/2019/05/30_a_12384493.shtml?updated (дата обращения 10.09.2024)

ся основные параметры жизни: статус органов власти, право собственности, основные права и обязанности, налоги и льготы и т.п. Именно эти стороны жизни волнуют людей больше всего.

Во-вторых, произошла интеграция общества: в конституциях стран были установлены равные права и обязанности для всех. Осознание того, что у тебя есть все возможности для того, чтобы сделать свою жизнь по собственным лекалам, только трудись и не жалей сил для себя, воодушевляет людей.

В-третьих, это в значительной мере повлекло снижение конфликтности и напряженности в обществе. Если в законе установлен равный статус граждан, а на деле он у кого-то меньше, чем у другого, то может в этом надо винить себя?

В-четвертых, жизнь рационализировалась, поскольку при случившихся у человека просчетах и спорах можно было обратиться в суд, куда надо представить доказательства и обосновать свою правоту, а не решать спор силой на основе эмоций.

В-пятых, в целом расширились знания о социальной реальности, поскольку нормы права (которые теперь стали всем доступны) – это кладёзь информации о ней.

И, наконец, *в-шестых*, нормы права формируя представление о ценностях в обществе (права и свободы – высшая ценность, собственность неприкосновенна и др.), тем самым осуществляют и воспитание членов общества.

Таким образом, порядок в обществе на новую высоту.

Литература

1. Гарднер Г. Структура разума. Теория множественного интеллекта. М.: 2007. С. 512.
2. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: 2006. 554 с.
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: 2003. 669 с.
4. Тоффлер Э. Революционное богатство. М.: 2008. 569 с.
5. Уайброу П. Мозг: Тонкая надстройка. Наша жизнь с точки зрения нейронауки. М.: 2016. 352 с.
6. Френсис Э., Дженсен. Мозг подростка. М.: 2019. С. 368.

LEGAL CONSCIOUSNESS AS A STAGE IN THE EVOLUTION OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

Kashanina T.V.

O.E. Kutafin Law University (MSAL)

The article reveals the transformation of public consciousness over the course of three epochs: before the state, agrarian, and industrial. Accordingly, the evolution of public consciousness goes through three stages: mythological, religious and legal. Legal awareness is subjected to a detailed analysis. The author, using the method of analogy and extrapolation, hypothesizes that the consciousness of society, like the consciousness of an individual, grows as humanity matures.

Keywords: mythological consciousness; religious consciousness; legal consciousness.

References

1. Gardner G. The structure of the mind. The theory of multiple intelligence. M.: 2007. p. 512.
2. Kreveld M. The rise and decline of the state. M.: 2006. 554 p.
3. Toffler E. Metamorphoses of power. Knowledge, wealth and power on the threshold of the XXI century. Moscow: 2003. 669 p.
4. Toffler E. Revolutionary wealth. M.: 2008. 569 p.
5. Wybrow P. The brain: A thin superstructure. Our life from the point of view of neuroscience. Moscow: 2016. 352 p.
6. Francis E., Jensen. The brain of a teenager. Moscow: 2019. p. 368.

Клычев Рафаэль Арзабекович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной деятельности, Пятигорский государственный университет
E-mail: rafael-77@inbox.ru

Манкиева Аза Вахидовна,

кандидат политических наук, доцент кафедры правового обеспечения деятельности органов власти, Северо-Кавказский институт РАНХиГС
E-mail: aza.mankieva@mail.ru

Цель данного исследования – проанализировать процессы трансформации прав и свобод человека под влиянием цифровых технологий, а также определить основные направления совершенствования правового регулирования в цифровую эпоху. Методологическую основу работы составили междисциплинарный подход и сравнительный анализ ключевых международных правовых документов, национальных конституций и научной литературы в сфере прав человека. Рассмотрены исторические аспекты возникновения и развития идей прав человека, выделены основные этапы формирования правовых институтов защиты личности. Особое внимание уделено новым вызовам, обусловленным развитием информационных технологий: цифровой анонимности, информационной (личной) неприкосновенности, свободе выражения мнений в сети. Предложены рекомендации по совершенствованию законодательства и выработке механизмов защиты прав и свобод в онлайн-среде. Результаты исследования могут быть использованы при разработке нормативных актов, а также в образовательных целях.

Ключевые слова: права человека, цифровая анонимность, информационная неприкосновенность, свобода выражения, социальные сети, правовое регулирование.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий в последние десятилетия радикально изменило многие сферы человеческой деятельности: политику, экономику, социальные отношения и, разумеется, правовую систему. Как отмечает Т.А. Полякова, [14: 71] «трансформация информационного права в условиях цифровизации затрагивает все аспекты правового регулирования общественных отношений». Возникновение социальных сетей, платформ для обмена информацией и онлайн-сервисов привело к появлению новых способов взаимодействия между людьми, государственными органами и бизнесом. В то же время это породило целый спектр вызовов, связанных с охраной прав и свобод человека в сети Интернет, – от угрозы нарушения приватности до злоупотреблений свободой выражения мнений. По мнению D.J. Solove, [23: 89] «privacy in the digital age requires a comprehensive framework that addresses multiple dimensions of personal information protection» («защита приватности в цифровую эпоху требует комплексного подхода, учитывающего множественные аспекты защиты персональной информации»).

Актуальность

В современном мире стремительное развитие цифровых технологий оказывает значительное влияние на все сферы общественной жизни, включая права человека. Появление новых форм коммуникации, обработки данных и алгоритмического управления создает как возможности, так и риски для реализации фундаментальных прав и свобод. Актуальность исследования трансформации прав человека в цифровую эпоху обусловлена необходимостью адаптации правовых механизмов к динамично меняющимся технологическим условиям. Изучение данной проблематики позволяет выявить ключевые вызовы и определить перспективные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики в целях обеспечения эффективной защиты личности в цифровом пространстве.

Научная значимость

Научная значимость исследования трансформации прав человека в цифровую эпоху заключается в развитии концептуальных основ правового регулирования цифровых технологий и формировании новых подходов к пониманию фундаментальных прав и свобод в условиях информационного общества. Работа вносит вклад в теоретическое осмысление таких феноменов, как цифровая аноним-

ность, информационная неприкосновенность, свобода выражения мнений в сети, алгоритмическая прозрачность и подотчетность. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших научных изысканий в области цифрового права, а также использоваться в образовательном процессе при подготовке специалистов в сфере юриспруденции и информационных технологий.

Методология

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, позволяющий комплексно рассмотреть проблему трансформации прав человека в цифровую эпоху с учетом правовых, технологических, социальных и этических аспектов. В работе применяются общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также специальные юридические методы, такие как формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой. Эмпирическую базу исследования составляют международные правовые акты, национальное законодательство, судебная практика, аналитические отчеты и статистические данные. Особое внимание уделяется изучению доктринальных источников, отражающих современное состояние научной дискуссии по рассматриваемой проблематике.

Цель исследования

Цель данного исследования заключается в комплексном анализе процессов трансформации прав и свобод человека под влиянием цифровых технологий, а также в определении основных направлений совершенствования правового регулирования в цифровую эпоху. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач, включающих изучение исторических предпосылок формирования концепции прав человека, выявление ключевых вызовов, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий, анализ международно-правовых и национальных механизмов защиты личности в цифровом пространстве, разработку рекомендаций по адаптации законодательства и правоприменительной практики к новым технологическим реалиям. Реализация целей и задач исследования позволит сформировать целостное представление о путях обеспечения эффективной охраны прав человека в условиях цифровой трансформации общества.

Обзор современной научной литературы показывает, что, несмотря на активные дискуссии об адаптации традиционных категорий прав человека к цифровой среде, эта тема продолжает оставаться крайне актуальной. Современные исследователи подчеркивают важность междисциплинарного анализа, поскольку правовые аспекты тесно связаны с социальными, технологическими и экономическими факторами. В зарубежной науке также широко освещаются проблемы цифровой анонимности и дифференциации подходов к свободе слова на разных континентах.

Краткая историческая справка

Идеи о необходимости охраны прав человека имеют глубокие исторические корни. В.А. Карташкин подчеркивает, что [6: 45] «Великая хартия вольностей 1215 года заложила фундаментальные принципы ограничения государственной власти и защиты прав личности, которые остаются актуальными и в современную эпоху». Однако концепция прав и свобод человека в её современном понимании начала формироваться только в эпоху Просвещения, когда появились первые философско-правовые учения о равенстве, свободе и естественных правах. В дальнейшем эти идеи были закреплены в национальных конституциях (например, в конституциях Франции, США) и международных документах (Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Европейская конвенция о правах человека 1950 года и др.). С.А. Авакьян отмечает, что [4: 312] «конституционное закрепление прав человека стало важнейшим этапом развития правовой системы, обозначив переход от естественно-правовой концепции к позитивному закреплению фундаментальных свобод в основных законах государств». Несмотря на определённое совершенствование правовых механизмов, появление и бурный рост цифровых технологий в XXI веке ставят новые вопросы относительно того, насколько современные нормы способны обеспечить должную защиту личности в глобальном информационном пространстве.

Зарождение идеи прав и свобод человека можно отнести к периоду античности, когда сформировались первые представления о гражданских и политических правах, связанных с участием в общественной жизни греческих полисов и Римской республики. Однако в античном обществе эти идеи распространялись не на всё население, а лишь на ограниченные категории граждан, обладающих привилегиями. В Средние века концепция прав и свобод человека развивалась в рамках религиозного мировоззрения, что отразилось на формировании принципов справедливости и правосудия.

Большое влияние на формирование прав человека оказали идеи, заложенные в Магна Харта (Великая хартия вольностей, 1215 г.), ограничившей произвол монарха и установившей базовые принципы защиты личности. В эпоху Просвещения (XVII–XVIII вв.) философы Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. развили теорию «естественных» прав, наделив человека неотчуждаемыми свободами. Именно в этот период появляются конституционные документы, признающие право на жизнь, свободу, собственность в качестве основы правового государства. Так, идеи Просвещения нашли отражение в Декларации независимости США (1776 г.), Декларации прав человека и гражданина во Франции (1789 г.).

В XX веке произошёл значительный рост международно-правовых актов, направленных на защиту прав человека, что стало реакцией на трагический опыт мировых войн. основополагающим документом стало принятие Всеобщей

декларации прав человека в 1948 году, которая заложила концептуальную базу для последующих международных конвенций и пактов: Международного пакта о гражданских и политических правах (1966 г.), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) и др. Таким образом, историческая эволюция свидетельствует о постоянном расширении перечня прав и свобод, а также об их адаптации к меняющимся социально-политическим условиям.

Философские учения сыграли важную роль в определении базовых принципов прав человека. Классический либерализм (Дж. Локк, А. Смит) сформировал представление о свободе личности, ограниченной лишь той степенью, которая не нарушает прав других людей. Философия Просвещения (Вольтер, Д. Дидро) заложила основы идеи равенства и универсальности человеческого достоинства, а также отделила понятия «гражданин» и «подданный», обозначив тем самым переход к концепции гражданского общества. Позднее, в XIX–XX веках, марксизм, экзистенциализм и неопозитивизм внесли свои коррективы в понимание прав человека, акцентируя внимание на социальных аспектах (право на труд, социальное обеспечение, образование), а также на личном самоопределении.

В современной научной мысли важно учитывать не только «классический» набор прав и свобод (гражданские и политические), но и новые поколения прав человека – социально-экономические, коллективные, экологические, информационные. Именно последний вид прав становится всё более актуальным в эпоху цифровых технологий.

С ростом интернет-коммуникаций возникает феномен цифровой анонимности, который, по мнению Н.В. Варламовой, [11: 15] «представляет собой новую форму реализации права на неприкосновенность частной жизни, требующую особых механизмов правовой защиты» позволяющей пользователям скрывать свою личность при взаимодействии в сети. С одной стороны, анонимность представляет собой механизм защиты права на личную жизнь и свободу высказываний, особенно в обществах с высокой степенью цензуры. С другой стороны, анонимность порождает и целый ряд рисков, включая распространение клеветы, экстремистской информации и преступных действий в «тёмном» сегменте интернета. Правовое регулирование цифровой анонимности должно балансировать между необходимостью защиты личных данных и обеспечением прозрачности взаимодействий в сети. Так, в ряде стран (например, в Германии, Франции) введены законы, обязывающие операторов и интернет-провайдеров идентифицировать пользователей при совершении определённых действий (финансовые операции, государственные услуги). При этом современные исследователи отмечают двойственную природу данного явления. В частности, М.А. Грачева указывает, что [12: 124] «защита персональных данных в цифровую эпоху требует комплексного подхода, учитывающего как

технологические особенности обработки информации, так и фундаментальные права человека».

В условиях глобальной цифровизации личная неприкосновенность приобретает новые аспекты. Фундаментальное право на приватность, впервые концептуализированное ещё в конце XIX века, приобретает особое значение в цифровую эпоху. Как отмечают в своей классической работе Warren S.D. и Brandeis L.D., [24: 195] «the right to privacy encompasses not merely the right to physical solitude but also the right to informational autonomy» («право на приватность включает не только право на физическое уединение, но и право на информационную автономию»).

Традиционное представление о праве на неприкосновенность жилища и частную жизнь дополняется правом на защиту цифровых данных, в том числе персональных и биометрических. Рост объёмов собираемой информации, применение больших данных (Big Data), повсеместное внедрение алгоритмов машинного обучения ставят под угрозу конфиденциальность личности. Регулирование сбора и обработки персональных данных сегодня определяют международные акты (например, Регламент ЕС о защите персональных данных – GDPR), а также национальное законодательство многих стран. Однако остаётся открытым вопрос о том, насколько существующие нормы эффективны для защиты граждан от несанкционированного использования их данных крупными корпорациями и государственными структурами.

Технологические компании зачастую опережают законодательство, используя новые инструменты анализа данных для таргетированной рекламы, политического манипулирования, социальной инженерии. В перспективе необходимо совершенствование законодательства и практических механизмов защиты. Это может включать разработку более детальных требований к сбору данных, усиление контроля со стороны независимых регуляторов, а также развитие технологий, позволяющих пользователям самостоятельно управлять своими персональными данными (например, распределённые реестры на блокчейне, криптографические средства защиты). И.Л. Бачило справедливо указывает, что [5: 178] «информационное право сталкивается с необходимостью адаптации традиционных правовых институтов к условиям цифровой реальности». При этом, как подчеркивает И.М. Рассолов, [8: 156] «современные технологические компании часто опережают развитие законодательства, создавая новые вызовы для традиционных механизмов правового регулирования».

В цифровую эпоху интернет стал важнейшей платформой самовыражения, позволяющей мгновенно распространять информацию по всему миру. Однако это сопровождается риском распространения дезинформации, призывов к насилию, пропаганды экстремизма. Как следствие, государства сталкиваются с дилеммой: защищать свободу слова и одновременно предотвращать злоупотребления, способные нанести вред обществу и наци-

ональной безопасности. В этой связи особую актуальность приобретает проблема регулирования контента в интернете. David Kaye подчеркивает, что [20: 124] «content moderation policies of major platforms have become de facto speech regulations for billions of users» («политики модерации контента крупных платформ фактически стали регуляторами свободы слова для миллиардов пользователей»).

Для решения данной проблемы в различных юрисдикциях вводят механизмы блокировок и фильтрации контента, расширяют ответственность интернет-провайдеров и владельцев платформ. В то же время существует опасность злоупотребления этими инструментами, когда под предлогом борьбы с экстремизмом или «фейковыми новостями» ограничиваются легитимные свободы граждан. Международные организации, в частности Совет Европы и ООН, призывают государства соблюдать принцип пропорциональности и не допускать чрезмерной цензуры в интернете. Практика Европейского суда по правам человека также развивается в этом направлении. А.А. Антопольский указывает, что [9: 162] «Европейский суд по правам человека формирует прогрессивную практику защиты цифровых прав, создавая новые стандарты для национальных правовых систем». Эта ситуация создает новые вызовы и для конституционного права. Как отмечает Н.С. Бондарь, [10: 28] «конституционное измерение информационно-цифрового пространства требует переосмысления традиционных подходов к защите прав человека».

Социальные сети (Facebook, Instagram, Twitter, «ВКонтакте» и др.) стали ключевым элементом общественных коммуникаций. Они позволяют не только выражать мнение, но и организовывать общественные движения, политические кампании, благотворительные акции. Согласно исследованию G. De Gregorio, [18: 45] «digital constitutionalism in Europe represents a new approach to protecting fundamental rights in the online environment» («цифровой конституционализм в Европе представляет собой новый подход к защите фундаментальных прав в онлайн-среде»). Однако монополизация цифрового рынка крупными компаниями поднимает вопросы о прозрачности алгоритмов, ранжирующих контент, и о возможной манипуляции общественным мнением. Кроме того, социальные сети оказывают влияние на психологическое состояние и поведение людей, формируя «информационные пузыри», когда пользователи видят лишь ограниченный спектр точек зрения. Это может способствовать радикализации и поляризации общества. J.E. Cohen отмечает, что [17: 156] «the rise of informational capitalism has fundamentally transformed the relationship between private power and individual rights» («развитие информационного капитализма фундаментально изменило отношения между частной властью и индивидуальными правами»).

С правовой точки зрения важно обеспечить пользователям возможность обращаться за защитой своих прав (например, в случае клеветы, на-

рушения авторских прав, дискриминации) и требовать прозрачности модерационных практик со стороны компаний. В этих условиях особую значимость приобретает проблема алгоритмического управления контентом. Frank Pasquale подчеркивает, что [22: 167] «algorithmic decision-making systems create new forms of power that require novel approaches to accountability and transparency» («системы алгоритмического принятия решений создают новые формы власти, требующие новых подходов к подотчетности и прозрачности»).

Политико-правовые аспекты регулирования деятельности цифровых платформ (связь с цензурой, приватностью, дезинформацией). В современных условиях особую актуальность приобретает проблема трансграничного регулирования интернета. Jack Goldsmith и Tim Wu убедительно демонстрируют, что [19: 78] «the illusion of a borderless Internet has been challenged by the emergence of national regulatory frameworks» («иллюзия безграничного интернета разрушается появлением национальных систем регулирования»). Lee Lessig, развивая эту мысль, указывает, что [21: 234] «code is law in cyberspace, and the architecture of digital platforms directly impacts fundamental rights» («код является законом в киберпространстве, и архитектура цифровых платформ напрямую влияет на фундаментальные права»). Это особенно важно в контексте защиты интеллектуальной собственности.

В последние годы наблюдается тенденция ужесточения государственного контроля над цифровыми платформами. С одной стороны, это связано с необходимостью борьбы с противоправным контентом, защите интеллектуальной собственности, предотвращением террористических угроз и распространением дезинформации. С другой стороны, государственные ограничения могут обернуться цензурой, подавляющей критику власти. В международной практике наблюдаются разные подходы к регулированию:

- Европейский Союз внедряет жёсткое законодательство в области защиты персональных данных (GDPR) и работает над регулированием цифровых услуг (Digital Services Act), стремясь повысить прозрачность деятельности интернет-компаний.
- США сохраняют достаточно либеральный режим, опираясь на Первую поправку к Конституции и закон «О порядочности в коммуникациях» (Section 230 CDA), но при этом усиливают меры против распространения враждебной пропаганды.
- Китай вводит жёсткую систему фильтрации интернета (так называемый «Великий китайский файрвол»), аргументируя это необходимостью сохранения общественной стабильности, однако фактически ограничивает многие международные платформы и доступ к зарубежным информационным ресурсам.

А.К. Жарова отмечает, что [13: 36] «правовая защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху сталкивается с новыми вызовами, свя-

занными с особенностями распространения информации в сети Интернет».

Таким образом, законодательные подходы к регулированию цифровых платформ существенно различаются и во многом зависят от политико-правовых традиций конкретного государства. Развитие цифровых технологий требует переосмысления традиционных механизмов защиты прав человека. Е.А. Лукашева подчеркивает, что [7: 234] «правовые механизмы защиты прав человека формировались постепенно, отражая эволюцию общественного сознания и государственных институтов». Наряду с государственным регулированием и надзором, всё более важную роль приобретает общественный контроль. Неправительственные организации, группы гражданского общества и журналисты-расследователи активно следят за деятельностью IT-компаний, оценивая их политику конфиденциальности, степень прозрачности и соответствия стандартам прав человека. Такие инициативы, как «Index on Censorship» или «Ranking Digital Rights», публикуют рейтинги компаний с точки зрения защиты прав пользователей.

В современных условиях, как отмечает Э.В. Талапина, [15: 125] «эволюция прав человека в цифровую эпоху характеризуется появлением новых правовых институтов и механизмов защиты». Взаимодействие государственных органов с интернет-компаниями предполагает поиски компромисса между требованиями законодательства и коммерческими интересами. Растущая роль глобальных цифровых гигантов (Google, Meta, Amazon) приводит к тому, что они зачастую становятся «де-факто» регуляторами, определяя правила для миллионов пользователей. В этом контексте важно обеспечить прозрачность алгоритмов и процедур модерации, а также возможность судебной защиты в случае блокировок, удаления контента или злоупотреблений со стороны компаний. Особую значимость приобретает вопрос международного регулирования. L.A. Vygrave отмечает, что [16: 89] «Internet governance through contractual mechanisms creates new challenges for traditional legal frameworks and requires innovative approaches to regulation» («управление интернетом через договорные механизмы создает новые вызовы для традиционных правовых структур и требует инновационных подходов к регулированию»). В контексте защиты персональных данных принципиальное значение имеет GDPR, который устанавливает, что [3] «the protection of natural persons in relation to the processing of personal data is a fundamental right» («защита физических лиц в отношении обработки персональных данных является фундаментальным правом»). Эта позиция находит отражение и в международных документах более общего характера. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах [2] устанавливает, что «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь».

Заключение

Подводя итоги исследования, необходимо отметить растущую актуальность проблемы защиты прав человека в цифровую эпоху. Shoshana Zuboff справедливо указывает, что [25: 345] «surveillance capitalism represents a new economic logic that challenges traditional conceptions of privacy and autonomy» («надзорный капитализм представляет собой новую экономическую логику, бросающую вызов традиционным концепциям приватности и автономии»).

Можно сделать вывод о том, что права и свободы человека, сформировавшиеся исторически и закреплённые в ключевых правовых документах, проходят сложную трансформацию в условиях цифровых технологий. С одной стороны, цифровая среда открывает новые возможности для самоорганизации, выражения мнений, экономической деятельности и социальных проектов. С другой стороны, усиливаются риски, связанные с нарушением приватности, манипуляцией общественным мнением, распространением экстремистского и дезинформационного контента. Всеобщая декларация прав человека [1] устанавливает, что «каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их», и этот принцип требует новых механизмов реализации в цифровую эпоху. Как показывает проведенное исследование, трансформация прав человека происходит по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, меняется само понимание традиционных прав. Т.А. Полякова отмечает, что [14: 71] «трансформация системы информационного права в условиях цифровизации затрагивает все аспекты правового регулирования общественных отношений, требуя новых подходов к защите фундаментальных прав и свобод».

Во-вторых, формируются новые права и свободы. Э.В. Талапина подчеркивает, что [15: 125] «эволюция прав человека в цифровую эпоху характеризуется не только трансформацией существующих, но и появлением принципиально новых прав, связанных с цифровой идентичностью и информационной автономией личности».

В-третьих, существенно меняются механизмы защиты прав человека. Как указывает Н.В. Варламова, [11: 15] «цифровые права требуют особых механизмов правовой защиты, учитывающих специфику информационно-коммуникационных технологий и глобальный характер цифрового пространства». При этом особую важность приобретает проблема алгоритмической прозрачности и подотчетности. Frank Pasquale справедливо отмечает, что [22: 167] «the opacity of algorithmic decision-making creates fundamental challenges for accountability and human rights protection» («непрозрачность алгоритмического принятия решений создает фундаментальные проблемы для подотчетности и защиты прав человека»).

Для эффективной защиты прав человека в цифровую эпоху необходимы комплексные решения на нескольких уровнях:

1. На международном уровне, где, как отмечает L.A. Bygrave [16: 89], требуется «development of new international frameworks for digital rights protection» («развитие новых международных механизмов защиты цифровых прав»).

2. На национальном уровне, где, по мнению Н.С. Бондаря [10: 28], необходимо «конституционное осмысление цифровых прав и создание эффективных механизмов их защиты».

3. На уровне технологических решений, где, как подчеркивает D.J. Solove [23: 89], требуется «integration of privacy protection mechanisms into the very architecture of digital systems» («интеграция механизмов защиты приватности в саму архитектуру цифровых систем»).

Для защиты традиционных прав и свобод человека в онлайн-пространстве необходимо:

1. Совершенствовать законодательство на национальном и международном уровне, учитывая специфику цифровой среды (регулирование анонимности, персональных данных, свободы слова, полномочий интернет-компаний).

2. Укреплять институциональные механизмы контроля со стороны независимых органов и общественных организаций, способных выявлять злоупотребления в сфере сбора данных и модерации контента.

3. Расширять международное сотрудничество по вопросам обмена опытом и гармонизации правовых норм, поскольку цифровая среда носит глобальный характер.

4. Поддерживать технологические инициативы, направленные на обеспечение приватности, криптографической защиты и прозрачности взаимодействий в сети (распределённые системы, блокчейн, открытый код).

5. Повышать уровень правовой и цифровой грамотности населения, чтобы пользователи были осведомлены о своих правах и умели защищать их в интернете.

В долгосрочной перспективе успешная защита прав человека в цифровую эпоху требует постоянного диалога между всеми заинтересованными сторонами. J.E. Cohen подчеркивает [17: 156], что «the protection of human rights in the digital age requires a new social contract between technology companies, governments, and civil society» («защита прав человека в цифровую эпоху требует нового общественного договора между технологическими компаниями, правительствами и гражданским обществом»).

Таким образом, трансформация прав человека в цифровую эпоху требует комплексного подхода и постоянного диалога между государственными структурами, бизнесом, гражданским обществом и научным сообществом. Только совместными усилиями можно обеспечить эффективную защиту и развитие прав и свобод в новом технологическом ландшафте XXI века.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
3. Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных» от 27 апреля 2016 года (General Data Protection Regulation, GDPR) // Official Journal of the European Union, L 119, 4.5.2016, p. 1–88.
4. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма, 2024. 864 с.
5. Бачило И.Л. Информационное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2023. 419 с.
6. Карташкин В.А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 2023. 288 с.
7. Лукашева Е.А. Права человека: учебник. 3-е изд. М.: Норма, 2023. 512 с.
8. Рассолов И.М. Информационное право: учебник для магистров. М.: Проспект, 2023. 352 с.
9. Антопольский А.А. Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. С. 159–171.
10. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 25–42.
11. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 4. С. 9–46.
12. Грачева М.А. Защита персональных данных в эпоху цифровизации // Закон. 2023. № 2. С. 123–135.
13. Жарова А.К. Правовая защита интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Юрист. 2023. № 3. С. 34–42.
14. Полякова Т.А. Трансформация системы информационного права в условиях цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 69–79.
15. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2023. № 3. С. 122–146.
16. Bygrave L.A. Internet Governance by Contract. Oxford: Oxford University Press, 2023. 256 p.
17. Cohen J.E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2023. 384 p.
18. De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Rulers. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 300 p.
19. Goldsmith J., Wu T. Who Controls the Internet?: Illusions of a Borderless World. Oxford: Oxford University Press, 2023. 240 p.
20. Kaye D. Speech Police: The Global Struggle to Govern the Internet. Columbia Global Reports, 2023. 288 p.

21. Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. Basic Books, 2023. 432 p.
22. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Harvard University Press, 2023. 320 p.
23. Solove D.J. Understanding Privacy. Harvard University Press, 2023. 272 p.
24. Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4, № 5. P. 193–220.
25. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. PublicAffairs, 2023. 704 p.

TRANSFORMATION OF HUMAN RIGHTS IN THE DIGITAL AGE: CHALLENGES AND PROSPECTS

Klychev R.A., Mankieva A.V.

Pyatigorsk State University, North Caucasus Institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The purpose of this research is to analyze the transformation processes of human rights and freedoms under the influence of digital technologies, and to determine the main directions for improving legal regulation in the digital age. The methodological foundation of the work consists of an interdisciplinary approach and comparative analysis of key international legal documents, national constitutions, and academic literature in the field of human rights. The historical aspects of the emergence and development of human rights ideas are examined, and the main stages in the formation of legal institutions for personal protection are identified. Special attention is paid to new challenges posed by the development of information technologies: digital anonymity, informational (personal) privacy, and freedom of expression online. Recommendations are proposed for improving legislation and developing mechanisms for protecting rights and freedoms in the online environment. The research results can be used in the development of regulatory acts as well as for educational purposes.

Keywords: Human rights, digital anonymity, information privacy, freedom of expression, social networks, legal regulation.

References

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // Russian Gazette. 1995. April 5.
2. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on 16.12.1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly) // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. No. 17. Art. 291.
3. Regulation 2016/679 of the European Parliament and of the Council of the European Union "On the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the

- free movement of such data" of April 27, 2016 (General Data Protection Regulation, GDPR) // Official Journal of the European Union, L 119, 4.5.2016, p. 1–88.
4. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: course: in 2 volumes. Moscow: Norma, 2024. 864 p.
5. Bachilo I.L. Information Law: university textbook. Moscow: Yurait, 2023. 419 p.
6. Kartashkin V.A. Human Rights: International Protection in the Context of Globalization. Moscow: Norma, 2023. 288 p.
7. Lukasheva E.A. Human Rights: textbook. 3rd ed. Moscow: Norma, 2023. 512 p.
8. Rassolov I.M. Information Law: textbook for master's students. Moscow: Prospekt, 2023. 352 p.
9. Antopolsky A.A. Human Rights and the Internet: Practice of the European Court of Human Rights // Proceedings of the Institute of State and Law RAS. 2023. No.4. pp. 159–171.
10. Bondar N.S. Information-Digital Space in Constitutional Dimension: from the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2023. No.1. pp. 25–42.
11. Varlamova N.V. Digital Rights – A New Generation of Human Rights? // Proceedings of the Institute of State and Law RAS. 2023. No.4. pp. 9–46.
12. Gracheva M.A. Personal Data Protection in the Digital Age // Law. 2023. No.2. pp. 123–135.
13. Zharova A.K. Legal Protection of Intellectual Property in the Digital Age // Lawyer. 2023. No.3. pp. 34–42.
14. Polyakova T.A. Transformation of Information Law System in the Context of Digitalization // State and Law. 2023. No.5. pp. 69–79.
15. Talapina E.V. Evolution of Human Rights in the Digital Age // Proceedings of the Institute of State and Law RAS. 2023. No.3. pp. 122–146.
16. Bygrave L.A. Internet Governance by Contract. Oxford: Oxford University Press, 2023. 256 p.
17. Cohen J.E. Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 2023. 384 p.
18. De Gregorio G. Digital Constitutionalism in Europe: Reframing Rights and Rulers. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 300 p.
19. Goldsmith J., Wu T. Who Controls the Internet?: Illusions of a Borderless World. Oxford: Oxford University Press, 2023. 240 p.
20. Kaye D. Speech Police: The Global Struggle to Govern the Internet. Columbia Global Reports, 2023. 288 p.
21. Lessig L. Code: And Other Laws of Cyberspace, Version 2.0. Basic Books, 2023. 432 p.
22. Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Harvard University Press, 2023. 320 p.
23. Solove D.J. Understanding Privacy. Harvard University Press, 2023. 272 p.
24. Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4, No.5. pp. 193–220.
25. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. PublicAffairs, 2023. 704 p.

Романова Наталья Владимировна,

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права юридического факультета, СЗИУ РАНХиГС
E-mail: romanova-nav@ranepa.ru

Разработка национальных законов по зарубежным образцам признана широко используемым методом развития и реформирования законодательства. Особенно это распространено в развивающихся европейских странах, которые редко создают свои собственные «местные» законы. Напротив, они настороженно относятся к инновациям и черпают вдохновение в моделях, уже действующих в других, потенциально более развитых правовых режимах. Это может быть сделано ради эффективности или потому, что им не хватает внутренних ресурсов, времени и/или опыта для разработки внутреннего законодательства. Проверенное временем законодательство других стран обещает избежать подводных камней, которые могли возникнуть на ранней стадии имплементации в стране происхождения. Ожидается, что эти недостатки или потенциальные пробелы будут устранены к тому времени, когда произойдет заимствование. Было замечено, что при разработке новых законов для решения современных проблем страны неизбежно будут использоваться концепции из прежних правовых режимов, поскольку проще заимствовать у других юрисдикций, чем вкладывать средства в разработку совершенно нового права.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы пролить больше света на критерии, которые могут быть использованы для оценки того, является ли реципированный закон успешным или нет. В этом стремлении подразумевается выделение критериев, которые могут быть использованы для оценки того, соответствует ли перенесенный закон условиям юрисдикции реципиента. Следовательно, вопрос, на которые призван ответить эта статья: какие критерии или ориентиры используются для оценки такого успеха или неудачи.

Ключевые слова: рецепция права, рецепция, правовая трансплантация, право и общество, успешность рецепции права, определение успешности и пригодности права.

Введение

Под правовым заимствованием понимается процесс реципирования правил из одной юрисдикции (обычно донорской юрисдикции) и имплантации их в другую (юрисдикцию реципиента). *Уотсон* использует этот термин для обозначения «перемещения правила или системы права из одной страны в другую или от одного народа к другому»¹. *Коррин* использует его для обозначения «законов, принятых законодательным органом одной страны («принимающей страны»), которые затем либо применяются, либо продлеваются этим законодательным органом для вступления в силу в другой стране, или которые принимаются законодательным органом второй страны («принимающей страны») и действуют там»². *Вивен-Вилкш* понимает правовое заимствование как процесс, в соответствии с которым одна страна использует понятия из другой правовой системы для заполнения пробела и улучшения своей собственной³. *Кэрнс* определяет этот термин как принятие иностранных правовых систем⁴.

Оценка осуществимости правового заимствования часто тесно связана с оценкой того, была ли трансплантация успешной или неудачной. *Нелькен* заметил, что то, как понимается успех, определяет, считается ли правовая трансплантация в целом возможной⁵. Аналогичным образом, *Юпп* отмечает, что обоснование трансплантации связано с ее оценкой. Такое оценочное исследование было в определенной степени отражено даже в аналитической структуре *Леграна*. Кажется, что он делает шаг вперед в своих рассуждениях о правовых

¹ ALAN WATSON, LEGAL TRANSPLANTS: AN APPROACH TO COMPARATIVE LAW 21 (University of Georgia Press, 2nd edn. 1993). See also Alan Watson, Comparative Law and Legal Change, CAMBRIDGE LAW JOURNAL 37 (1978) at 313. The term was coined by Alan Watson in the 1970s (the first edition of the book was published in 1974). See also Twining, supra note 2 at 1. Nonetheless, the authors observe that it was used as early as in 1927. See Jonathan Liljeblad, The Independent Lawyers' Association of Myanmar as a Legal Transplant: Local Challenges to the Idea of an Independent National Bar Association, in LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA 211 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019).

² Jennifer Corrin, Transplant Shock: The Hazards of Introducing Statutes of General Application, in LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA 34–62 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019) at 34.

³ Jessica Viven-Wilksch, How Long Is Too Long to Determine the Success of a Legal Transplant? International Doctrines and Contract Law in Oceania, in LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA 132–157 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019) at 134.

⁴ John W. Cairns, Watson, Walton, and the History of Legal Transplants, 41(3) GEORGIA JOURNAL OF INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW 637 (2014) at 687.

⁵ Nelken, supra note 29 at 36.

трансплантациях, чтобы уравнивать вопрос об их целесообразности с их успехом или неудачей. Уотсон, напротив, кажется, строго разделяет эти два понятия. Он утверждает, что правовые трансплантации, как правило, возможны и что их успех или неудача должны оцениваться после того, как они были «пересажены» реципиенту.

Большинство авторов затрагивают или описывают успех или неудачу лишь косвенно через анализ или перечисление (пред)условий, которые, по их мнению, являются определяющими или способствуют успеху или неудаче. Тем не менее, авторы, которые отважились дать общее определение успеха в правовой трансплантации, сходятся во мнении, что *успех* является весьма относительным и субъективным термином.

Выявлены многочисленные причины такой относительности, такие как зависимость от роли права в данном обществе в целом, временные рамки, в которые проводится оценка, или область права, которая реципируется. Такая относительность подталкивает некоторых авторов к выводу о том, что на самом деле невозможно дать общее определение успеха, которое было бы универсально применимо к правовым трансплантациям всех форм и объемов. Тем не менее, размышляя о возможности определения успеха, ученые часто предлагают или предполагают некоторые измерения, которые могут служить ориентиром для определения успеха правовой трансплантации.

«Относительность» успеха правовой трансплантации

Ученые сходятся во мнении, что концептуализация успеха не является однозначной и зависит от многих переменных. Некоторые авторы даже предлагают использовать термин «*эффективность*» вместо «*успех*», так как он подразумевает большую объективность¹.

Это вытекает из самого понятия успешности как оценочного критерия. Термин «*успех*» определяется в английских словарях как «достижение желаемых или ожидаемых результатов»² или «благоприятный или желаемый результат»³. Неопределенные и открытые слова, используемые в определениях, показывают, что значение, придаваемое успеху, обязательно будет зависеть от показателей, с помощью которых он оценивается. Кроме того, значение успеха также будет варьироваться в зависимости от смысла, вложенного в эти по-

¹ See e.g. Yves Dezalay and Bryant Garth, *The Import and Export of Law and Legal Institutions: International Strategies in National Palace Wars*, in ADAPTING LEGAL CULTURES 241–56 (Johannes Feest and David Nelken eds., Hart Publishing 2001). Also suggested by Nelken, *supra* note 29. The term effectiveness is also used by Zhou (Zhou, *supra* note 68 at 266 or 268).

² Success, in CAMBRIDGE DICTIONARY, online at <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/success> [last accessed 9 September 2021].

³ Success, in MERRIAM-WEBSTER DICTIONARY, online at <https://www.merriam-webster.com/dictionary/success> [last accessed 9 September 2021].

казатели. Наконец, аналитическая основа и цель оценки также влияют на понимание успеха.

Инструменталистский подход рассматривает право, как инструмент решения проблем. Таким образом, правовая трансплантация служит импорту правовых решений, которые разрабатываются в других местах для решения местных проблем⁴. Это приводит к акценту на технических средствах для достижения само собой разумеющихся целей. Ценности, которые можно оценить при оценке успеха, включают бюрократический рационализм и идеи экономической эффективности. Идеологический взгляд, утверждает *Твайнинг*, фокусируется на основополагающих ценностях, принципах и политических интересах, которые мотивируют заимствование, а не на деталях конкретных правил или положений. Эта точка зрения отражает, например, понятия демократии, прав человека, благого управления и верховенства закона. Наконец, романтический (или экспрессивный/контекстуальный) взгляд рассматривает право, как продукт ценностей и традиций, который в значительной степени выражает или отражает местное общество. Говорят, что закон целостно встроен в местную культуру. Это *априори* делает рецепцию и ассимиляцию проблематичными, что может привести к тому, что усилия по трансплантации будут обречены на провал еще до того, как они произойдут. *Твайнинг* отмечает, что нельзя далеко продвинуться в юриспруденции, не принимая во внимание лежащие в ее основе убеждения, ценности и цели⁵.

Критерии успешности правовых заимствований

Ученые обычно перечисляют множество возможных критериев, чтобы проиллюстрировать сложность процесса «пересадки». Разделение «успешности» правовых заимствований дает глубокий материал для их последующей категоризации. В связи с этим были выделены две большие группы. Первая группа включает в себя критерии, связанные с последствиями трансплантированного закона в юрисдикции реципиента, этот вид называется динамическим. Вторая группа включает в себя те аспекты, которые связаны с тем, как «пересаженное» право вписывается во внутреннюю среду (как бы она ни определялась) национальной юрисдикции, без изучения его последствий. Этот критерий условно принято называть статическим⁶.

Вынося суждения об успехе или неудаче правовых трансплантаций, ряд ученых обращают внимание на эффекты, которые эти трансплантации оказывают в юрисдикции реципиента, т.е. динамические показатели.

В дополнение к динамическому подходу, сосредоточенному на эффектах (с точки зрения запущенных процессов или результатов) транспланти-

⁴ Twining, *supra* note 2 at 26.

⁵ Twining, *supra* note 2 at 30.

⁶ Vito Breda, *Conclusion*, in LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA 321–324 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019) at 322.

рованного права, ученые также часто сосредотачиваются на статическом измерении трансплантированного права, т.е. на том, как оно вписывается в среду юрисдикций-реципиентов. Этот аспект отражает дебаты о культурной детерминации права. Исходя из предположения о том, что право культурно предопределено, ученые считают, что незнание культурного аспекта правовой трансплантации приведет к ее неэффективности или провалу. Таким образом, ученые сходятся во мнении, что чем больше пересаженный закон адаптирован к внутренним условиям юрисдикции-реципиента, тем больше вероятность его успеха. *Нелькен* описывает это как социологическую общепринятую мудрость¹.

Определение успеха в легальной трансплантации

Цель данной статьи состоит в том, чтобы ответить на два исследовательских вопроса, а именно: (1) как исследования по правовой трансплантации определяют успех или неудачу правовых заимствований, и (2) какие критерии или ориентиры используются для оценки такого успеха или неудачи.

Было обнаружено, что эти вопросы неразрывно связаны. Исследования в области теории права рассматривают понятия успеха и соответствия абстрактно, чаще происходит поиск референциальных рамок в философии права или социологии права. Для понимания успеха представляется крайне важным признать, что он зависит не только от текста закона, но и (что, возможно, более важно) от среды, в которой он должен работать. Для понимания соответствия представляется необходимым проводить различие между трансплантатами, которые служат инструментом для правовых изменений и реформ, и теми, которые выполняют какую-либо другую функцию. Эта дифференциация будет влиять на то, в какой степени «пересаженный» закон должен соответствовать «домашним» условиям и культуре. Присущая терминам «успех» и «соответствие» субъективность часто приводит к тому, что ученые скептически относятся к поиску общей структуры, которая могла бы идентифицировать или предсказать успешную юридическую трансплантацию. Тем не менее, размышляя о сложностях, которые могут повлиять на концептуализацию успеха или пригодности, имеющиеся исследования в этой области предлагают некоторые важные факторы, которые стоит изучить при вынесении выводов об успехе или неудаче правовой трансплантации.

Применение некоторых из этих факторов можно увидеть в литературе, посвященной конкретным правовым трансплантациям. Они показывают, что, несмотря на субъективность термина «успех» или «пригодность», оценка правовых заимствований все еще возможна. Что кажется критически важ-

ным, так это осознание цели оценочной деятельности и построение оценочной структуры вокруг тех факторов или измерений успеха, которые соответствуют этой цели. Например, если при обследовании основное внимание уделяется социально-правовой восприимчивости к трансплантации, может быть полезно использовать критерии, связанные с соответствием культуре (в том числе юридической) и осуществлением трансплантации на практике. Напротив, если целью оценки является оценка того, в какой степени трансплантаты способствуют некоему объективному благополучию общества реципиента, более подходящими могут быть другие критерии (например, выполняет ли трансплантат свою функцию). Кроме того, есть указания на то, что в разных областях права могут быть уместны разные контрольные показатели.

Выводы

По вышеуказанным причинам данное исследование не предоставит конкретной аналитической основы для оценки легальных трансплантаций. Тем не менее, в нем будут предложены некоторые предложения относительно тех аспектов, которые могут быть включены в довольно всеобъемлющую систему оценки:

Во-первых, рамки должны охватывать как «субъективные», так и «объективные» аспекты правовых трансплантаций. Среди субъективных критериев – например, мотивация правовой трансплантации – могут быть оценены. Среди объективных аспектов полезным может быть выполнение той функции, которую закон должен играть в данной юрисдикции с учетом ее конкретных потребностей.

Во-вторых, система должна также охватывать «внутренние» аспекты самого закона (например, положения закона, которые должны быть проанализированы в рамках оценки того, выполняет ли закон свою функцию), а также «внешние» факторы (например, мотивация, побудившая к принятию трансплантата или культуры). При этом учитывается, что в разных юрисдикциях этим аспектам может придаваться разное значение, в зависимости, в частности, от уровня их экономического развития (поскольку, например, культурная среда может быть более актуальной в менее развитых странах). Категории также должны быть достаточно широкими, чтобы можно было сосредоточить внимание на тех аспектах соответствующих категорий, которые являются наиболее важными в данном контексте в данной юрисдикции.

Наконец, эта структура, возможно, также пожелает обеспечить возможность оценки как соответствия закона *stricto sensu*, так и его успешности. Это связано с тем, что, как было сказано выше, в разных случаях может потребоваться разная степень соответствия, необходимая для того, чтобы реципированный закон считался успешным. В то время как рецепция может быть более свободной для трансплантатов, вызывающих изменения, она может нуждаться в более строгой для

¹ David Nelken, *Legal Transplants and Beyond: Of Disciplines and Metaphors*, in *COMPARATIVE LAW IN THE 21ST CENTURY* 19–34 (Andrew Harding and Esin Örüçü eds., Kluwer 2002)

трансплантатов, сохраняющих статус-кво. Таким образом, всеобъемлющая структура должна включать критерии, связанные с соответствием закона *в строгом смысле* (например, с точки зрения его функционального или культурного соответствия), а также критерии, связанные с успехом (например, с точки зрения реализации мотивации, которая побудила законодателей прибегнуть к правовой трансплантации в отличие от другой формы законодательства).

Аналитическая структура, включающая в себя предложенные выше аспекты, может стать полезной отправной точкой для анализа успеха или неудачи правовой трансплантации и может быть дополнительно модифицирована в зависимости от целей оценочной деятельности.

Литература

1. John W. Cairns, Watson, Walton, and the History of Legal Transplants, 41(3) *GEORGIA JOURNAL OF INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW* 637 (2014)
2. Michael H. Hoeflich, Law, Society and Reception: The Vision of Alan Watson, 85 *MICHIGAN LAW REVIEW* 1083 (1987)
3. William Twining, Diffusion of Law: A Global Perspective, 36(49) *THE JOURNAL OF LEGAL PLURALISM AND UNOFFICIAL LAW* 1 (2004)
4. William Twining, Social Science and Diffusion of Law, 32(2) *JOURNAL OF LAW AND SOCIETY* 203 (2005)
5. Alan Watson, Legal Transplants and Law Reform, 92 *LAW QUARTERLY REVIEW* 79 (1976)
6. Alan Watson, Comparative Law and Legal Change, *CAMBRIDGE LAW JOURNAL* 37 (1978)
7. Alan Watson, Legal Change: Sources of Law and Legal Culture, 131 *UNIVERSITY OF PENNSYLVANIA LAW REVIEW* 1121 (1983)
8. Alan Watson, Legal Transplants and European Private Law, 4(4) *ELECTRONIC JOURNAL OF COMPARATIVE LAW* (2000)
9. Vito Breda, Introduction, in *LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA* 1–10 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019)
10. Vito Breda, Conclusion, in *LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA* 321–324 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019)
11. Jennifer Corrin, Transplant Shock: The Hazards of Introducing Statutes of General Application, in *LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA* 34–62 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019)
12. Yves Dezalay and Bryant Garth, The Import and Export of Law and Legal Institutions: International Strategies in National Palace Wars, in *ADAPTING LEGAL CULTURES* 241–56 (Johannes Feest and David Nelken eds., Hart Publishing 2001)
13. David Nelken, Towards a sociology of legal adaptation, in *ADAPTING LEGAL CULTURES* 7–54 (Johannes Feest and David Nelken eds., Hart Publishing 2001)
14. David Nelken, Legal Transplants and Beyond: Of Disciplines and Metaphors, in *COMPARATIVE LAW IN THE 21ST CENTURY* 19–34 (Andrew Harding and Esin Örüçü eds., Kluwer 2002)
15. David Nelken, Beyond the Metaphor of Legal Transplants?: Consequences of Autopoietic Theory for the Study of Cross-Cultural Legal Adaptation, in *LAW'S NEW BOUNDARIES: THE CONSEQUENCES OF LEGAL AUTOPOIESIS* 265–302 (Jiri Priban and David Nelken eds., Ashgate 2001)
16. Jessica Viven-Wilksch, How Long Is Too Long to Determine the Success of a Legal Transplant? International Doctrines and Contract Law in Oceania, in *LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA* 132–157 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019)
17. ALAN WATSON, *THE EVOLUTION OF LAW* (Johns Hopkins University Press 1985)
18. ALAN WATSON, *LEGAL TRANSPLANTS: AN APPROACH TO COMPARATIVE LAW* (University of Georgia Press, 2nd edn., 1993)
19. Success in *CAMBRIDGE DICTIONARY*, online at <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/success> [last accessed 9 September 2021]
20. Success in *MERRIAM-WEBSTER DICTIONARY*, online at <https://www.merriam-webster.com/dictionary/success> [last accessed 9 September 2021]
21. Fit in *CAMBRIDGE DICTIONARY*, online at <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fit> [last accessed 9 September 2021]

ON THE ISSUE OF SUCCESS OF LEGAL BORROWINGS: EUROPEAN TRADITION

Romanova N.V.

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The development of national laws based on foreign models is recognized as a widely used method of developing and reforming legislation. This is especially common in developing European countries, which rarely create their own “local” laws. On the contrary, they are wary of innovation and draw inspiration from models already in place in other, potentially more advanced legal regimes. This may be done for the sake of efficiency or because they lack the internal resources, time and/or expertise to develop domestic legislation. The time-tested legislation of other countries promises to avoid pitfalls that may have arisen at an early stage of implementation in the country of origin. These deficiencies or potential gaps are expected to be addressed by the time borrowing occurs. It was observed that when developing new laws to address contemporary problems, countries would inevitably use concepts from previous legal regimes, as it was easier to borrow from other jurisdictions than to invest in the development of an entirely new law.

The purpose of this article is to shed more light on the criteria that can be used to assess whether a reciprocated law is successful or not. Implicit in this endeavor is the identification of criteria that can be used to assess whether the transferred law is in line with the conditions of the recipient’s jurisdiction. Therefore, the question this article aims to answer is what criteria or benchmarks are used to evaluate such success or failure.

Keywords: reception of law, reception, legal transplantation, law and society, success of the reception of law, determination of the success and suitability of law.

References

1. John W. Cairns, Watson, Walton, and the History of Legal Transplants, 41(3) *GEORGIA JOURNAL OF INTERNATIONAL AND COMPARATIVE LAW* 637 (2014)

2. Michael H. Hoeflich, Law, Society and Reception: The Vision of Alan Watson, 85 MICHIGAN LAW REVIEW 1083 (1987)
3. William Twining, Diffusion of Law: A Global Perspective, 36(49) THE JOURNAL OF LEGAL PLURALISM AND UNOFFICIAL LAW 1 (2004)
4. William Twining, Social Science and Diffusion of Law, 32(2) JOURNAL OF LAW AND SOCIETY 203 (2005)
5. Alan Watson, Legal Transplants and Law Reform, 92 LAW QUARTERLY REVIEW 79 (1976)
6. Alan Watson, Comparative Law and Legal Change, CAMBRIDGE LAW JOURNAL 37 (1978)
7. Alan Watson, Legal Change: Sources of Law and Legal Culture, 131 UNIVERSITY OF PENNSYLVANIA LAW REVIEW 1121 (1983)
8. Alan Watson, Legal Transplants and European Private Law, 4(4) ELECTRONIC JOURNAL OF COMPARATIVE LAW (2000)
9. Vito Breda, Introduction, in LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA 1–10 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019)
10. Vito Breda, Conclusion, in LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA 321–324 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019)
11. Jennifer Corrin, Transplant Shock: The Hazards of Introducing Statutes of General Application, in LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA 34–62 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019)
12. Yves Dezalay and Bryant Garth, The Import and Export of Law and Legal Institutions: International Strategies in National Palace Wars, in ADAPTING LEGAL CULTURES 241–56 (Johannes Feest and David Nelken eds., Hart Publishing 2001)
13. David Nelken, Towards a sociology of legal adaptation, in ADAPTING LEGAL CULTURES 7–54 (Johannes Feest and David Nelken eds., Hart Publishing 2001)
14. David Nelken, Legal Transplants and Beyond: Of Disciplines and Metaphors, in COMPARATIVE LAW IN THE 21ST CENTURY 19–34 (Andrew Harding and Esin Orücü eds., Kluwer 2002)
15. David Nelken, Beyond the Metaphor of Legal Transplants?: Consequences of Autopoietic Theory for the Study of Cross-Cultural Legal Adaptation, in LAW'S NEW BOUNDARIES: THE CONSEQUENCES OF LEGAL AUTOPOIESIS 265–302 (Jiri Priban and David Nelken eds., Ashgate 2001)
16. Jessica Viven-Wilksch, How Long Is Too Long to Determine the Success of a Legal Transplant? International Doctrines and Contract Law in Oceania, in LEGAL TRANSPLANTS IN EAST ASIA AND OCEANIA 132–157 (Vito Breda ed., Cambridge University Press 2019)
17. ALAN WATSON, THE EVOLUTION OF LAW (Johns Hopkins University Press 1985)
18. ALAN WATSON, LEGAL TRANSPLANTS: AN APPROACH TO COMPARATIVE LAW (University of Georgia Press, 2nd edn., 1993)
19. Success in CAMBRIDGE DICTIONARY, online at <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/success> [last accessed 9 September 2021]
20. Success in MERRIAM-WEBSTER DICTIONARY, online at <https://www.merriam-webster.com/dictionary/success> [last accessed 9 September 2021]
21. Fit in CAMBRIDGE DICTIONARY, online at <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fit> [last accessed 9 September 2021]

Современная государственно-правовая система имперского типа: понятие и особенности

Ромашов Роман Анатольевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Панченко Владислав Юрьевич,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России, главный научный сотрудник, Сибирский федеральный университет

Обоснованы выводы о необходимости рассмотрения понятия «государственно-правовая система имперского типа (империя)» в качестве бинарного (парного) понятия «государственно-правовая система регионального (национального) типа» и таких признаках государственно-правовой системы имперского типа как идентичность императора и народа империи в контексте «суверенной имперской нации»; тождество империи и цивилизации как идеальных культурных форм; наличие государственной религии (идеологии), выступающей в качестве основы социально-территориального единства имперской государственно-правовой системы; сочетание государственной, допустимой и недопустимых религий в системе имперских духовно-нравственных ценностей; двуединство государствообразующего и «других» народов, образующих единую имперскую нацию – народ империи; обладание сильной экономикой передовыми военными и информационными технологиями, обеспечивающими возможность эффективной внешнеполитической экспансии, осуществляемой в целях непрерывного расширения пространства имперской юрисдикции и культуры; динамическое, перманентно изменяющееся состояние территориально-социальной структуры имперской государственно-правовой системы; сочетание имперского и обычного права, основанное на принципе разграничения предметов властной юрисдикции.

Ключевые слова: государственно-правовая система имперского типа, империя, государственно-правовая система регионального (национального) типа, государство, государствоведение, теория государства и права.

Понятие империи, с одной стороны, относится к числу часто употребляющихся в социальной философии, социологии, политологии и истории государства и права, в том числе по причине использования слов «империя» и «император» в аббревиатуре ряда реальных государственно-правовых систем (Римская империя, Австро-Венгерская империя, Османская империя, Российская империя и др.). С другой – в теории государства (государствоведении), вплоть до настоящего времени не выработано единого подхода к пониманию империи как самостоятельному типу государственно-правовой системы, отличному от региональной (национальной) государственно-правовой системы.

Империя нередко ассоциируется с персонифицированной монархической формой государственного правления и, как следствие, механизм правотворчества, правоприменения и правосудия «замкнутый» на фигуре царствующего императора. Разумеется, подобный подход носит сугубо формальный характер и основывается на том, что суть явления определяется его словесным обозначением. Следует согласиться с точкой зрения Н.И. Грачева полагающего, что «можно не называться империей, но быть таковой по факту, в соответствии с имеющимися в наличии государственно-правовыми признаками»¹. Так, крупнейшая в человеческой истории межконтинентальная (мировая) империя Соединённое Королевство Великобритании и Ирландии (1801–1922 гг.), в своем официальном наименовании слова «империя» не содержало, а применительно к английскому монарху (королю / королеве) слово «император» использовалось только в качестве одного из составных элементов комплексного наименования королевского титула – например, наименование титула английского монарха Георга V (1865–1936) звучало как «король Великобритании, император Индии».

Аналогичным формализмом страдают верно схватывающие содержательные черты империй предложения о разграничении последней от федеративной формы государственного устройства: «от федерации империю отличает недобровольность, неравноправность и разностороннее подчинение провинций метрополии»², от демократического политического режима: империя «является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения»³, и даже

¹ Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 20.

² Веллер М. Все о жизни. М.: АСТ, 2007. С. 279.

³ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национа-

от государства вообще: «от обычного государства империю принципиально отличает «непереваренность» включенных народов и территорий, сохранение ими национального самосознания и самолюбия, осознание своей особенности и национальной отдельности, непрерывная историческая память и обычаи»¹.

Применительно к империи такой подход представляется малопродуктивным, поскольку понятие государственно-правовой системы имперского типа (империи) является комплексным, оно отражает не только формальные параметры, но и содержательные качественные характеристики государства в общемировой или, по крайней мере, крупно-межрегиональной системе координат – мирового распределения силы и влияния, реальной способность определения международной политической повестки либо сдерживания попыток таковой другими подобными государствами. Империи качественно отличны в своем формировании, структурировании, функционировании от региональных (национальных) государств. Последние представлены народами (нациями) и правительствами (системами публичной власти), которые в зависимости от обстоятельств либо включаются в качестве административно-территориальных (национально-конфессиональных) образований в состав государственно-правовых систем имперского типа, либо, выступая в качестве формально суверенных государств, находятся в сфере геополитических интересов империй, являясь в таком качестве предметами имперского влияния. Отсюда понятие «государственно-правовая система имперского типа (империя)» представляется необходимым рассматривать в качестве бинарного (парного) понятию «государственно-правовая система регионального (национального) типа».

Государственно-правовая система имперского типа (империя) характеризуется следующими признаками.

Во-первых, идентичностью императора и народа империи в контексте «суверенной имперской нации». Империя – это государственно-правовая система, в которой глава государства наделен исключительными властными прерогативами (лат. *imperium* – власть) во всех жизненно важных сферах государственного устройства, правотворчества и правоприменения, в том числе и в сфере правосудия. Независимо от наименования должности императора, он ассоциируется с фактическим владельцем и, вместе с тем, составным элементом государственного аппарата, а также «отцом народов», которые в своей совокупности образуют население империи. Представители этих народов – «государевы люди», приносят личную присягу на верность царствующему владыке. При этом в качестве фактора объединяющего императора (царя-отца) и народ (людей государевых) в единую

конструкцию «суверенной имперской нации» выступала государственная религия (позже – идеология), принадлежность к которой являлась базовым сплачивающим фактором, обеспечивавшим территориальное и социальное единство империи, не смотря на ее сложно структурированное административно-территориальное, многонациональное и многоконфессиональное устройство. Так, 2 ноября 1721 года Царь Московский и Всея Руси Петр I принял титул Петра Великого, *отца* (здесь и далее курсив наш – *Р.Р., В.Л.*) Отечества, императора Всероссийского. 3 июля 1941 года «советский император» И.В. Сталин в своем обращении к советским гражданам использовал слова «братья и сестры», тем самым подчеркивая свою общность с народом страны в период Великих испытаний.

Во-вторых, тождеством империи и цивилизации как идеальных культурных форм. Восприятие мира как среды человеческого обитания предполагает два объектных восприятия: мир как природа и мир как культура. Природа – естественный мир, существующий независимо от человеческой жизнедеятельности. Культура – мир создаваемый и преобразуемый путем человеческого творения. При этом культурой в одинаковой степени является человеческое созидание и человеческое разрушение.

Восприятие культурного мира человеческим сознанием осуществляется в рамках трех «волновых парадигм»: монистической, дуально-монистической, плюралистической. В рамках *монистической* парадигмы не существует иной культуры (цивилизации, ойкумены) кроме «моей». За пределами «моего» мира живут «звери и варвары», которые могут быть либо одомашнены и порабощены, либо уничтожены. *Дуально-монистическая* парадигма предполагает деление всех культурных миров на «мой» и «неправильные» / «противоестественные». «Неправильные» миры, должны осознать «истинность моей культуры» и влиться в нее, либо подлежат уничтожению. *Плюралистическое* цивилизационное мироустройство означает существование множества культурных формирований, каждое из которых претендует на собственную «правильность». При этом цивилизации либо взаимодействуют в рамках коммуникаций партнерского типа, либо в таких коммуникациях не участвуют, с тем, чтобы избежать «втягивания» в конфликтные отношения.

Империя как социально-политическая форма человеческой культуры (цивилизации) существует в контексте монистической и дуально-монистической парадигм. В первом случае империя является «единственной» формой культурного (цивилизованного) существования человечества – мировой цивилизацией. В рамках дуально-монистической парадигмы, империя является «одной из» форм культуры, однако именно имперская форма выступает в качестве единственной «истинной» и в таком понимании объективно стремиться к мировому господству.

В-третьих, наличием государственной религии (идеологии). Основополагающим фактором, обе-

лизма. М.: Новое изд-во, 2010. URL: <https://innermongolia.dirty.ru/imperia-istoriia-i-sovremennyi-mirovoi-poriadok-585078/> (дата обращения: 20.07.2024).

¹ Веллер М. Указ. соч. С. 278.

спечивающим единство многонациональной и многоконфессиональной имперской государственно-правовой системы, является наличие государственной религии (идеологии), занимающей либо доминирующее, либо монопольное положение в иерархической системе имперских духовно-нравственных ценностей, с опорой на которые происходит как формирование и функционирование государственного аппарата, так и осуществление правотворческой и правореализационной деятельности.

В-четвертых, сочетанием государственной (доминантной), допустимой и недопустимых религий в системе имперских духовно-нравственных ценностей. Представляя собой государственно-правовое образование, включающее представителей различных национальностей и вероисповеданий, империя закрепляет на государственном уровне главенствующее положение определенного вероисповедания, организационные структуры которого встраиваются в государственный аппарат. Принадлежность к нему (вероисповеданию) является одним из обязательных условий должностного статуса высших должностных лиц государства, включая самого императора. Сходная ситуация наблюдается в отношении империй, единство которых обеспечивается государственной идеологией. Разница заключается в том, что в религиозных империях, допускаются другие религии, а в идеологических империях государственная идеология, равно как и проводящая ее в жизнь партия, занимают монопольное положение.

В-пятых, двуединством государствообразующего и «других» народов, образующих единую имперскую нацию – народ империи. Население империи включает государствообразующий народ и «инородцев» / «иноверцев», присягнувших императору на верность и выполняющих возложенные на них задачи по реализации функций имперской государственно-правовой системы. Для того, чтобы стать частью государствообразующего народа империи, «инородцу» / «иноверцу» достаточно было принять государственную религию, либо идеологию. Так, в Российской империи, «титულным русским» считался носитель русской православной веры¹, в советской России, русский – это человек в паспорте которого указана русская национальность, а в настоящее время русским считается человек владеющий русским языком и относящий себя к русской национальности.

В-шестых, обладанием передовыми военными технологиями. Имперское государство на этапе «восходящей истории», обладает явным преимуществом, по сравнению с внешним окружением, как в вооруженных силах, так и в стратегии и тактике военных действий, что обеспечивает империи реальную возможность осуществления эффек-

¹ За пределами Российской империи русскими считались все российские подданные, не зависимо от национальной принадлежности и вероисповедания. Такая же ситуация складывалась в условиях СССР (Советской России), когда для иностранцев в качестве тождественных рассматривались понятия «русский» и «советский».

тивной внешнеполитической экспансии. Сегодня, по-видимому, в качестве необходимой конкретизации этого признака империи следует считать обладание ядерным оружием. В силу этого из перечня мегагосударств как «центров силы и влияния», «концентраторов ресурсов», «особых центров влияния», предлагаемого М.В. Ильиным², в аспекте квалификации в качестве империи должна быть исключена Япония.

В-седьмых, динамическим, перманентно изменяющимся состоянием территориально-социальной структуры. Наличие возможности внешнеполитической экспансии, обусловленной военным превосходством, обуславливает нахождение империи в состоянии перманентной территориально-социальной изменчивости. На этапе «восходящей истории» империя непрерывно расширяется, в условиях «нисходящей истории» распадается. При этом, в конечном счете, жизнедеятельность имперской государственно-правовой системы зависит от ее способности сохранять сущностное (сакральное) единство императора и народа империи в контексте «суверенной имперской нации».

В-восьмых, сочетанием имперского и обычного права, основанное на принципе разграничения предметов властной юрисдикции. С учетом включения в состав имперской государственно-правовой системы различных национальных и конфессиональных групп, руководствующихся в организации своей жизнедеятельности традиционными духовно-нравственными ценностями, отличными от тех, которые считаются основополагающими для «государствообразующего имперского народа» и получили юридическое закрепление в формальных источниках имперского права (государственных имперских законах), на территориях компактного проживания «инородческих» народов империи, допускается применение источников национального обычного права для решения вопросов местного значения, при условии, что эти источники не вступают в ярко выраженное противоречие с имперским законодательным правом, занимающим доминирующее положение в имперской правовой системе.

В-девятых, сильная, позволяющая вести имперскую политику, экономика. При этом «столичные районы» империй «применяют к периферийным областям, помимо иных методов властвования, так называемую стратегию принудительной кооперации, в результате чего из периферии в имперский центр обычно течет более мощный поток материальных благ, чем в обратном направлении»³.

² Полный список мегагосударств таков: США, Россия, Китай, Япония, с оговорками Великобритания, Германия и Франция, а также в ограниченном смысле Индия, Бразилия и, может быть, Южная Африка, которая, по данным «Политического атласа современности», устойчиво образует общий кластер с Бразилией. См.: Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. 2011. Т. 2. № 3. С. 13.

³ Дробышевский С.А. Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая

В-десятых, современная империя предполагает концентрацию серьезных информационных и технических цифровых ресурсов, способных как результативно проводить идеологию внутри империи, так и влиять на население и состояние других государств (обладание спутниками, способными получать важную разведывательную информацию, производство и контроль мессенджеров, а средств современных средств и технологий связи).

Все перечисленные особенности позволяют авторам предложить следующую дефиницию: *государственно-правовая система имперского типа империя – это тип государственно-правовой системы, характеризующейся сочетанием единой социально-культурной идентичности имперской публичной власти и имперской нации, основанной на государственном суверенитете императора, обладании военными, экономическими и информационными ресурсами, государственной религии (идеологии), транслируемых как в пространстве имперской юрисдикции, так и в сфере внешней имперской геополитики, а взятые в своей совокупности раскрытые выше особенности позволяют государственно-правовым системам имперского типа (империям) успешно реализовывать фактический суверенитет как прямое или косвенное вмешательство в дела других государств, влиять на исторического движения от порядка внутригосударственного к общемировому¹, оказывать решающее воздействие на международный расклад сил и геополитику.*

Литература

1. Альбов А.П., Пищулин А.В. Концепция правового суверенитета Гуго Краббе // Российская юстиция. – 2024. – № 6. – С. 44–53.
2. Веллер М. Все о жизни. М.: АСТ, 2007. – 751 с.
3. Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 18–28.
4. Дробышевский С.А. Правовое регулирование в первобытном обществе: теоретическая возможность и ее практическая реализация. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. – 252 с.
5. Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. 2011. Т. 2. № 3. С. 11–19.

реализация: монография / С.А. Дробышевский. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 189.

¹ См.: Альбов А.П., Пищулин А.В. Концепция правового суверенитета Гуго Краббе // Российская юстиция. 2024. № 6. С. 44–53.

6. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во, 2010. URL: <https://innermongolia.dirty.ru/imperia-istoriia-i-sovremennyi-mirovoi-poriadok-585078/> (дата обращения: 20.07.2024).

MODERN STATE AND LEGAL SYSTEM OF THE IMPERIAL TYPE: CONCEPT AND FEATURES

Romashov R.A., Panchenko V.Yu.

Murmansk Arctic University; All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Siberian Federal University

The article substantiates the conclusions about the need to consider the concept of “state and legal system of the imperial type (empire)” as a binary (paired) concept of “state and legal system of the regional (national) type” and such features of the state and legal system of the imperial type as the identity of the emperor and the people of the empire in the context of the “sovereign imperial nation”; the identity of the empire and civilization as ideal cultural forms; the presence of a state religion (ideology), acting as the basis for the socio-territorial unity of the imperial state and legal system; a combination of state, acceptable and unacceptable religions in the system of imperial spiritual and moral values; the duality of the state-forming and “other” peoples forming a single imperial nation – the people of the empire; possession of a strong economy, advanced military and information technologies that provide the possibility of effective foreign policy expansion carried out for the purpose of continuous expansion of the space of imperial jurisdiction and culture; dynamic, permanently changing state of the territorial-social structure of the imperial state-legal system; a combination of imperial and customary law, based on the principle of delimitation of objects of authority jurisdiction.

Keywords: state-legal system of the imperial type, empire, state-legal system of the regional (national) type, state, political science, theory of state and law
Legal fact: modern understanding and didactics of teaching

References

1. Albov A.P., Pishchulin A.V. The Concept of Legal Sovereignty by Hugo Krabbe // Russian Justice. – 2024. – No. 6. – P. 44–53.
2. Weller M. All about life. Moscow: AST, 2007. – 751 p.
3. Grachev N.I. Empire as a Form of State: Concept and Features // Bulletin of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence. 2012. No. 2 (17). P. 18–28.
4. Drobyshevsky S.A. Legal regulation in primitive society: theoretical possibility and its practical implementation. – Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2020. – 252 p.
5. Ilyin M.V. Alternative Forms of Sovereign Statehood // Comparative Politics. 2011. Vol. 2. No. 3. Pp. 11–19.
6. Lieven D. Empire, History, and the Modern World Order // Myths and Misconceptions in the Study of Empire and Nationalism. Moscow: New Publishing House, 2010. URL: <https://innermongolia.dirty.ru/imperia-istoriia-i-sovremennyi-mirovoi-poriadok-585078/> (date of access: 20.07.2024).

К вопросу о защите прокурором государственных интересов в сфере реализации национальных проектов

Белоусова Дарья Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе, Университет прокуратуры Российской Федерации
E-mail: dbelousowa@yandex.ru

Автором в статье обозначена роль органов прокуратуры в обеспечении законности при реализации национальных проектов, рассмотрены основные средства защиты прокурором государственных интересов в указанной сфере, выделены некоторые проблемные аспекты, требующие научного осмысления и правового разрешения в целях обеспечения эффективности и единообразия прокурорской деятельности на данном направлении.

Ключевые слова: национальные проекты, прокурорский надзор, акты прокурорского реагирования, бюджет, неэффективное использование бюджетных средств, прокурорская проверка.

Одной из основных целей деятельности прокуратуры, прямо обозначенных в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), является защита интересов государства.

Реализуемые сегодня в России национальные проекты призваны служить достижению важнейших национальных целей развития государства, обозначенных в указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309¹, среди которых сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; экологическое благополучие; технологическое лидерство; устойчивая и динамичная экономика; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы и др.

Эффективность исполнения мероприятий, предусмотренных национальными проектами, определяет безопасность и благополучие нашей страны, а значит сфера их реализации затрагивает стратегически важные государственные интересы.

Вопросы обеспечения законности при реализации национальных проектов средствами прокурорского надзора достаточно широко исследовались учеными², в связи с чем в рамках данной статьи остановимся на рассмотрении роли прокуратуры в указанной сфере, определяемой, прежде всего, характером реализуемых полномочий, и задачами, которые ставит перед прокурорами руководство страны³, а также на некоторых проблемах, возникающих при реализации надзорной деятельности на данном направлении.

В соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2019 № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации нацио-

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // СЗ РФ. 2024, № 20, ст. 2584.

² См.: Данилов Д.Ю., Бут Н.Д. Обеспечение законности в сфере реализации национальных проектов средствами прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 12–18; Абдреев Т.И., Давлетбаков Ш.Ш. Актуальные вопросы надзорной деятельности органов прокуратуры при реализации национальных проектов // Налоги. 2022. № 4. С. 20–23; Степанова О.Н. Надзор за исполнением федерального законодательства при реализации национальных проектов / О.Н. Степанова // Законность. 2020. № 5. С. 16–17.

³ См., напр.: Путин призвал прокуратуру проконтролировать расходование средств на реализацию нацпроектов // <https://www.interfax-russia.ru/main/putin-prizval-prokuraturu-prokontrolirovat-rashodovanie-sredstv-na-realizaciyu-nacproektov> (дата обращения: 01.11.2024).

нальных проектов» (далее – приказ) органам прокуратуры в целях обеспечения законности, защиты интересов государства при решении масштабных задач по научно-технологическому и социально-экономическому развитию Российской Федерации предписано обеспечить системное и эффективное надзорное сопровождение реализации национальных проектов; систематически проводить проверки исполнения бюджетного законодательства, обращая особое внимание на сохранность бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов, устанавливать возможные схемы хищений таких средств; регулярно проверять соблюдение порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в указанной сфере и др.

Материалы прокурорской, следственной и судебной практики, а также данные статистики свидетельствуют о росте количества нарушений, допускаемых при реализации национальных проектов. Из года в год растет количество нарушений, выявляемых прокурорами в указанной сфере в ходе «общенадзорных» проверок (в 2024 г. прокурорами выявлены свыше 91 тыс. нарушений, 2023 г. – 83,5 тыс., в 2022 г. – 71,6 тыс.). Неизменно увеличивается количество преступлений, совершаемых в сфере реализации национальных и федеральных проектов (программ) (930 в 2020 г., 2 137 в 2021 г., 2 852 в 2022 г.)¹.

Наиболее распространены нарушения, связанные с нецелевым расходованием бюджетных средств, несоблюдением сроков исполнения обязательств по заключенным в рамках реализации национальных проектов государственным контрактам; неэффективное использование или не использование приобретенного имущества; нарушение сроков строительства социально значимых объектов капитального строительства и др.

Доходит до абсурда, когда дорогостоящее медицинское оборудование (рентгены, томографы, ускорительные комплексы и др.), приобретенное в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение», которое могло бы помочь спасти жизни тысяч пациентов, не используется ввиду неготовности предназначенных для их размещения помещений²; когда возведенные в рамках указанного национального проекта фельдшерско-акушерские пункты не эксплуатируются ввиду отсутствия медперсонала; когда в рамках реализации мероприятий, предусмотренных национальным проектом «Образование», под размещение школ приобретаются объекты капитального строительства, заведомо находящиеся в аварийном состоянии³ и др.

¹ Раскина Т.В., Шекк Е.А. Обеспечение законности при реализации национальных проектов // Законность. 2023. № 10. С. 6–9.

² См., напр.: Пересыпкин А.В. Некоторые проблемы нормативного регулирования, связанные с организацией и осуществлением прокурорского надзора в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» // Медицинское право. 2021. № 4. С. 31–38.

³ Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации мероприятий национальных

По фактам нарушений прокуроры принимают комплекс актов реагирования, предусмотренных Законом о прокуратуре, – приносят представления, протесты, объявляют предостережения, возбуждают дела об административных правонарушениях, обращаются с исками в суд, направляют материалы прокурорских проверок в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовных дел в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. В 2024 году прокурорами в рамках надзора за исполнением законов при реализации национальных проектов принято более 60 тыс. актов реагирования, к дисциплинарной и административной ответственности привлечено свыше 28 тыс. виновных лиц, по материалам прокурорских проверок возбуждено 863 уголовных дела⁴.

Так, по искам прокуроров судами признаются недействительными (ничтожными) сделки, заключенные в рамках реализации национальных проектов, с нарушением требований законодательства (в том числе, в обход обязательных конкурентных процедур); на органы местного самоуправления возлагаются обязанности по сносу аварийных многоквартирных домов, предоставлению их жильцам благоустроенных жилых помещений или выплате выкупной цены за изымаемое аварийное жилье, по сокращению сроков расселения граждан из аварийных домов (национальный проект «Жилье и городская среда»); по предоставлению муниципальных услуг в электронном виде (национальный проект «Цифровая экономика») и др.

Материалы прокурорских проверок служат основанием для возбуждения уголовных дел по фактам приемки и оплаты заказчиками фактически не выполненных работ, в том числе по строительству (реконструкции, ремонту) объектов капитального строительства (детских садов, школ, больниц); закупки оборудования, не отвечающего установленным требованиям и др.

Например, по материалам проверки, проведенной прокуратурой района в Омской области, возбуждено и расследуется уголовное дело по п. «в», «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ в отношении должностных лиц БУОО «О», оплативших невыполненные работы по строительству детского сада, сумма ущерба составила 8,3 млн руб.⁵ Материалы проверки, проведенной прокурором района г. Севастополя, послужили основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 293 УК РФ в связи с приобретением в рамках реализации нацпроекта «Здравоохранение» для нужд сосудистого центра центральной городской больницы аппарата УЗИ, не отвечающего стандартам оказания специализированной ме-

проектов «Демография» и «Образование» на территории СФО от 22.09.2023 № 39–21–2023.

⁴ Оперативные данные статистического отчета о результатах деятельности прокурора в сфере надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов по форме «НП» (дата обращения: 22.01.2024).

⁵ Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации мероприятий национальных проектов «Демография» и «Образование» на территории СФО от 22.09.2023 № 39–21–2023.

дицинской помощи, что повлекло необходимость приобретения за счет средств бюджета города дополнительного медицинского оборудования¹.

Прокуроры принимают меры к выявлению и пресечению фактов заключения антиконкурентных соглашений, особо распространенных в сфере строительства объектов, предусмотренных национальными проектами.

Например, в ходе проверки деятельности ГКУ Новосибирской области «У» (далее – учреждение) и подрядной организации, заключивших государственный контракт на строительство предусмотренного национальным проектом «Демография» детского сада-яслей, вскрыт факт заключения вследствие сговора между заказчиком и участником торгов вертикального² антиконкурентного соглашения. В частности, установлено, что фактическим заказчиком разработки проектной и сметной документации на объект, обосновывающей стоимость контракта, был подрядчик, а работы на объекте фактически начаты подрядчиком на основании выданной заказчиком доверенности за два месяца до заключения госконтракта. По материалам прокурорской проверки учреждение привлечено к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.32 КоАП РФ, в отношении директора учреждения возбуждено и расследовано уголовное дело по ч. 1 ст. 286 УК РФ³.

По результатам рассмотрения возбужденного прокуратурой района г. Астрахани дела об административном правонарушении по ч. 7 ст. 7.32 КоАП РФ на 6 месяцев дисквалифицирован заместитель руководителя организации, нарушивший сроки выполнения в рамках национального проекта «Демография» работ по контракту на строительство детского сада. В аналогичной ситуации в Ростовской области за несоблюдение сроков обустройства комплекса специализированных трасс для занятия велоспортом по инициативе прокуратуры Кировского района г. Ростова-на-Дону подрядчику назначен штраф в размере более 81 млн руб.⁴

Анализ результатов надзорной деятельности дает основания утверждать, что прокуратуре принадлежит ключевая роль в обеспечении законности и защите государственных интересов при реализации национальных проектов.

Вместе с тем, в современных условиях есть ряд проблемных вопросов, которые требуют научного осмысления и правового разрешения в целях обе-

спечения эффективности и единообразия прокурорской деятельности на данном направлении:

– *обеспечение баланса государственных и частных интересов при осуществлении прокурорскими надзорного сопровождения реализации национальных проектов.*

С марта 2022 года ведомственными документами предусмотрено дополнительное условие проведения прокурорами районного звена проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности – их предварительное согласование с руководителями прокуратур субъектов и приравненных к ним специализированных прокуратур, чем по сути в некоторой степени ограничена установленная Законом о прокуратуре «прокурорско-надзорная правосубъектность»⁵ прокуроров районного звена. Безусловно, подобная ситуация продиктована объективной необходимостью снижения административного давления на бизнес в условиях экономических санкций, вместе с тем отсутствие единого порядка согласования проверок порождает сложности в правоприменении (особенно в случаях, когда не проведение или промедление в проведении проверочных мероприятий порождает социальную напряженность, создает угрозу незаконного вывода денежных средств за границу и др.). В результате, прокуроры в своей ежедневной практике сталкиваются с дилеммой – как, следуя современным подходам в сфере защиты бизнеса и соблюдая требования о минимизации вмешательства в деятельность хозяйствующих субъектов, обеспечить эффективное надзорное сопровождение реализации национальных проектов? Каким образом, сведя к минимуму прокурорские проверки в отношении подрядчиков – субъектов предпринимательской деятельности, обеспечить их законопослушное поведение, ведь именно в их деятельности прокуроры выявляют основное число нарушений при исполнении мероприятий, предусмотренных национальными проектами (неисполнение контрактных обязательств, хищение бюджетных средств и др.)? Кто будет нести ответственность, в случае, если допущенные недобросовестными и в некоторой степени «бесконтрольными» подрядчиками существенные нарушения повлекут причинение ущерба государственным и общественным интересам? На практике, в целях обеспечения системного надзорного сопровождения реализации национальных проектов, в частности, исполнения условий государственных контрактов на возведение предусмотренных проектами объектов капитального строительства, прокуроры зачастую инициируют проверки в отношении заказчиков, которыми, как правило, являются государственные и муниципальные органы и учреждения, а меры реагирования прокурорского реагирования по фактам выявленных нарушений вносят, в том

⁵ Понятие прокурорско-надзорной правосубъектности как совокупности прокурорско-надзорных право- и дееспособности прокурора, определяемой главным образом объемом законно реализуемых полномочий, сформулировано в научной статье Белоусовой Д.С. «Прокурорско-надзорная правосубъектность» // Законность. № 9. 2021. С. 7–11.

¹ Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов от 21.10.2021 № 41–10–2021.

² В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» «вертикальное» соглашение – соглашение между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар.

³ Огнев Н.Р. Выявление вертикальных антиконкурентных соглашений // Законность. 2022. № 10. С. 14–16.

⁴ Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации мероприятий национальных проектов «Демография» и «Образование» на территории СФО от 22.09.2023 № 39–21–2023.

числе, в адрес подрядчиков. Вместе с тем, законность принесения в адрес хозяйствующих субъектов актов прокурорского реагирования без инициирования в их отношении соответствующей прокурорской проверки является весьма дискуссионной¹ и не имеет однозначного разрешения ни среди теоретиков, ни среди правоприменителей, в том числе, судебных органов.

Очевидно, что указанные вопросы, напрямую связанные с проблемой поиска баланса государственных и частных интересов при реализации национальных проектов, требуют проработки и соответствующей правовой регламентации, в том числе на ведомственном уровне (путем возможного вывода проверок субъектов хозяйствования, задействованных в реализации мероприятий национальных проектов из-под института «согласования» и др.).

– *соблюдение пределов прокурорского надзора при возбуждении дел об административных правонарушениях по фактам нарушений, допускаемых поднадзорными органами при реализации национальных проектов;*

Статья 28.4 КоАП РФ определяет составы дел об административных правонарушениях, которые вправе возбуждать исключительно прокурор, а также наделяет прокурора правом возбуждать дела о любых административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации (ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ).

На практике возникает насущный вопрос о соотношении норм ч. 2 ст. 28.4 КоАП РФ и п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре, устанавливающего запрет органам прокуратуры подменять иные государственные органы.

По результатам проверок исполнения законов при реализации национальных проектов прокуроры возбуждают дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 7.29–7.32.6, 15.15.5–15.15.15 КоАП РФ и др., возбуждение которых не отнесено к исключительной компетенции прокуроров. В Кодексе четко обозначены органы и лица, уполномоченные возбуждать данные составы, в том числе органы Казначейства, ФАС России, региональные министерства финансов и др., а значит их возбуждение прокурорами с точки зрения КоАП РФ целиком правомерно, а с точки зрения Закона о прокуратуре гипотетически может рассматриваться как подмена прокурорами функций иных органов. В свою очередь, с учетом изменений, внесенных в ст. 28.1 КоАП РФ в июле 2022 г.,²

¹ Бывальцева С.Г., Байрамов Б.Б. Прокурорская проверка: правовой и практический аспекты // Законность. 2021. № 9 (1043). С. 33–36., Мирошниченко М.Н. Актуальные вопросы практики участия прокуроров в рассмотрении судами дел, связанных с оспариванием актов прокурорского реагирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 12. С. 30–34.

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»: Федеральный закон от 14.07.2022 № 290-ФЗ // СЗ РФ. 2022, № 29 (часть III), ст. 5257.

перечисленные выше органы контроля (надзора) не могут возбуждать соответствующие дела об административных правонарушениях без проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки и др. (ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ), что в условиях моратория далеко не всегда возможно. Представляется, что с учетом этих обстоятельств возбуждение прокурорами по результатам проверок исполнения законодательства при реализации национальных проектов дел об административных правонарушениях, правом возбуждать которые наделяются иные органы, должно расцениваться не как подмена их функций, а как форма реализации компенсаторной роли прокурорского надзора в целях обеспечения законности.

– *несовершенство правового регулирования ответственности за неиспользование имущества, приобретенного в рамках реализации национальных проектов;*

Прокурорами повсеместно выявляться случаи неиспользования заказчиками поставленного в рамках национальных проектов дорогостоящего оборудования (рентгенов, томографов, аппаратов УЗИ, автоматизированных рабочих мест и др.), что свидетельствует о нарушении основополагающего принципа – принципа эффективности использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ). По факту, это означает, что выделяемые государством колоссальные бюджетные средства «не работают», задачи национальных проектов применительно к тем или иным конкретным случаям не достигаются. При этом, виновные в таком «неиспользовании» должностные лица зачастую фактически не несут никакой ответственности ввиду несовершенства правового регулирования рассматриваемого вопроса. Неэффективное использование бюджетных средств не указано в числе нарушений, предполагающих возможность применения бюджетных мер принуждения (Гл. 30 БК РФ), административная ответственность за неиспользование имущества, приобретенного в рамках реализации национальных проектов также отсутствует. Возможность привлечения виновных в «неиспользовании» закупленного оборудования должностных лиц к уголовной ответственности (например, по ст. 293 УК РФ «Халатность») ограничивается требованиями о размере причиненного ущерба, а также сложностью обоснования конкретных последствий неиспользования поставленного оборудования (сколько бы пациентов удалось обследовать, помогло бы это предотвратить негативные последствия и т.п.)³. Представляется, что введение административной ответственности должностных лиц, не обеспечивших эксплуатацию закупленного за бюджетные средства имущества (при условии отсутствия признаков уголовного деяния), и установление внушительных штрафов за указанное нарушение, позволит дисциплинировать заказчиков и будет способствовать укреплению законности в сфере реализации национальных проектов.

³ Пересыпкин А.В. Там же.

В заключении хочется отметить, что достижение поставленных целей реализации национальных проектов является одним из важнейших приоритетов деятельности органов прокуратуры. Организация эффективного надзорного сопровождения, обеспечение превентивного характера надзора на данном направлении в современных условиях требует установления единых понятных подходов к обеспечению баланса государственных и частных интересов в сфере реализации национальных проектов, оптимизации ответственности за допускаемые в этой сфере нарушения.

Литература

1. Абдреев Т.И., Давлетбаков Ш.Ш. Актуальные вопросы надзорной деятельности органов прокуратуры при реализации национальных проектов // *Налоги*. 2022. № 4. С. 20–23;
2. Белоусова Д.С. Прокурорско-надзорная правосубъектность // *Законность*. № 9. 2021. С. 7–11;
3. Бывальцева С.Г., Байрамов Б.Б. Прокурорская проверка: правовой и практический аспекты // *Законность*. 2021. № 9 (1043). С. 33–36.;
4. Данилов Д.Ю., Бут Н.Д. Обеспечение законности в сфере реализации национальных проектов средствами прокурорского надзора // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2021. № 1 (81). С. 12–18.
5. Елисеев Н.Р. Место прокуратуры Российской Федерации в системе финансовых правоотношений // *Современное право*. 2024. № 8. С. 33–38.
6. Мирошниченко М.Н. Актуальные вопросы практики участия прокуроров в рассмотрении судами дел, связанных с оспариванием актов прокурорского реагирования // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2022. № 12. С. 30–34;
7. Огнев Н.Р. Выявление вертикальных антиконкурентных соглашений // *Законность*. 2022. № 10. С. 14–16.
8. Пересыпкин А.В. Некоторые проблемы нормативного регулирования, связанные с организацией и осуществлением прокурорского надзора в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» // *Медицинское право*. 2021. № 4. С. 31–38.

9. Раскина Т.В., Шекк Е.А. Обеспечение законности при реализации национальных проектов // *Законность*. 2023. № 10. С. 6–9.
10. Степанова О.Н. Надзор за исполнением федерального законодательства при реализации национальных проектов / О.Н. Степанова // *Законность*. 2020. № 5. С. 16–17.

ON THE ISSUE OF THE PROSECUTOR'S PROTECTION OF STATE INTERESTS IN THE SPHERE OF IMPLEMENTATION OF NATIONAL PROJECTS

Belousova D.S.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The author in the article outlines the role of the prosecutor's office in ensuring the legality of the implementation of national projects, considers the main means of protecting state interests by the prosecutor in this area, highlights some problematic aspects that require scientific understanding and legal resolution in order to ensure the effectiveness and uniformity of prosecutorial activity in this area.

Keywords: national projects, prosecutorial supervision, acts of prosecutorial response, budget, ineffective use of budget funds, prosecutorial inspection.

References

1. Abdreev T.I., Davletbakov Sh.Sh. Current issues of supervisory activities of prosecutorial authorities in the implementation of national projects // *Taxes*. 2022. No. 4. Pp. 20–23;
2. Belousova D.S. Prosecutor's and supervisory legal capacity // *Legality*. No. 9. 2021. Pp. 7–11;
3. Byvaltseva S.G., Bayramov B.B. Prosecutor's inspection: legal and practical aspects // *Legality*. 2021. No. 9 (1043). Pp. 33–36.;
4. Danilov D.Yu., But N.D. Ensuring the rule of law in the implementation of national projects by means of prosecutorial supervision // *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2021. No. 1 (81). P. 12–18.
5. Eliseev N.R. The place of the prosecutor's office of the Russian Federation in the system of financial legal relations // *Modern law*. 2024. No. 8. P. 33–38.
6. Miroshnichenko M.N. Actual issues of the practice of prosecutors' participation in the consideration by courts of cases related to challenging acts of prosecutorial response // *Arbitration and civil procedure*. 2022. No. 12. P. 30–34;
7. Ognev N.R. Identification of vertical anticompetitive agreements // *Legality*. 2022. No. 10. P. 14–16.
8. Peresyppkin A.V. Some problems of regulatory regulation related to the organization and implementation of prosecutorial supervision in the sphere of implementation of the national project "Healthcare" // *Medical law*. 2021. No. 4. P. 31–38.
9. Raskina T.V., Shekk E.A. Ensuring legality in the implementation of national projects // *Legality*. 2023. No. 10. P. 6–9.
10. Stepanova O.N. Supervision of compliance with federal legislation in the implementation of national projects / O.N. Stepanova // *Legality*. 2020. No. 5. P. 16–17.

Духно Николай Алексеевич,

профессор, доктор юридических наук, Российский университет транспорта (МИИТ)
E-mail: naduhno@ui-miit.ru

Скуйбедина Ольга Николаевна,

доцент, кандидат философских наук, Российский университет транспорта (МИИТ)
E-mail: skujbedina@mail.ru

В статье дана оценка экологического состояния водных объектов нашей страны, показаны факты массового загрязнения водных объектов, проиллюстрированы массовые заболевания людей от употребления загрязненной питьевой воды. В ходе оценки выявлены и проанализированы недостатки в правовой охране окружающей среды, возникшие как следствие проявления публичности без учета интересов общества. Авторами предлагается признать охрану прав человека основой публичных интересов в целях избавления от фактов опасного загрязнения и разрушения объектов природы.

В статье представлен ряд правовых мер по избавлению от фактов опасного загрязнения и разрушения объектов природы. Обоснована необходимость независимого общественного контроля за ходом принятия экологических законов и за воплощением их в экологический правовой порядок. В систему образования авторами предложено ввести ряд воспитательных методов, разрабатываемых на основе научных данных о влиянии состояния окружающей среды на здоровье и жизнь человека.

Ключевые слова: публичность, охрана окружающей среды, правовое поле, экология, экологическое право, экологический ущерб, права человека, правовое образование.

Введение

На формирование эколого-правовых норм и на воплощение их в экологический правовой порядок большое влияние оказывает публичность. В теории права и в экологическом праве она представляется с большими изъятиями. В публичности доминируют интересы государства, об интересах общества указываются лишь декларативные заявления. Отдавая приоритет интересам органов власти, лица, наделенные властными полномочиями, игнорируют интересы человека и общества. Под покровом государственных интересов скрываются корыстные интересы лиц с властными полномочиями. Наблюдая варварское отношение к объектам природы лиц с властными полномочиями, люди перестают верить в полезность законов. В обществе формируется негативное отношение к законодательству. Целью нашего исследования было определить влияние публичности на охрану окружающей среды в достижении благоприятного ее уровня. Методология исследования осуществлялась на основе научных познавательных методов, направляемых на восприятие, анализ экологического права, на выявление в его содержании интересов общества, установление их соответствия интересам государственных органов в сфере охраны окружающей среды. В исследовании осуществлялся синтез правовых идей и данных, отражающих реальное состояние общественных отношений, сформированных по поводу состояния окружающей среды. Логичная оценка полученных выводов служила основанием для научного прогнозирования развития экологического правового порядка, как результата надежной охраны окружающей среды.

Для реализации цели исследования, были поставлены такие задачи как установление зависимости содержания экологического права от интересов общества; выявление соответствия интересов государства общественным интересам в сфере охраны окружающей среды; оценка состояния водных объектов, на основе данных, отраженных в Государственном докладе за 2022 год; научное прогнозирование развития экологических отношений в системе: человек – общество – органы власти.

Материалы и методы исследований

В нашем Отечестве принято считать право охраны окружающей среды экологическим правом. По своей сущности оно является публичным правом, образующим комплексную отрасль права, впитавшей большинство отраслей права нашей Отечественной правовой системы. Как публичное право экологиче-

ское право своим содержанием призвано выражать интересы общества в области охраны окружающей среды. Анализ содержания экологического права указывает на то, что в нем интересы общества и интересы государства не всегда совпадают при решении задачи обеспечения права каждого человека на благоприятную окружающую среду. Анализ экологического законодательства дает основание считать, что в нем в достаточной мере закреплены основополагающие эколого-правовые идеи, выражающие требования охраны окружающей среды в ходе экономической деятельности. В 2022 году проведена активная работа по улучшению законодательства в области охраны окружающей среды и природопользования [1. С. 575–578]. Экологическое право богато эколого-правовыми идеями, выражающими требования к формированию экологической культуры и к проведению научных исследований в области охраны окружающей среды [2. С. 118]. Экологические законы включают в себя содержание прав и обязанностей граждан, а также общественных и других некоммерческих объединений в области охраны окружающей среды. Говоря о богатстве эколого-правовых идей, выраженных в нормативных правовых актах всех уровней, мы можем предположить, что они могут стать хорошей основой для установления экологического правопорядка. Действительное состояние окружающей среды во многом не соответствует требованиям экологического законодательства. Существующее экологическое право не может обеспечить экологический правопорядок [3. С. 28]. Все затраты на осуществление экологического образования и на экологическое просвещение пока не дают существенных результатов. Экологическое состояние природных объектов продолжает находиться под угрозой вредных воздействий антропогенного характера. Между содержанием экологического права и сознанием людей нашего общества существует большой разрыв. Только по оценке состояния водных объектов можно судить о степени экологической опасности человеку и природе. В водные объекты промышленными предприятиями сбрасываются неочищенные или недостаточно очищенные сточные воды, которые содержат огромное количество загрязняющих веществ с различной степенью токсичности, это создает антропогенную нагрузку на качество водных объектов нашей страны. На территории Центрального Федерального округа России вода находится в загрязненном состоянии. Загрязнение воды увеличилось за один год в таких областях, как: Брянская – от 59,1% до 63,6%; Владимирская – от 5,9% до 17,7%; Орловская – от 69,2% до 76,9%; Смоленская – от 55,0% до 61,9%; Тульская – от 33,3% до 66,7%. Напряженная экологическая обстановка сохраняется на многих водных объектах, где загрязнение увеличивается [4. С. 185]. Такой процесс зафиксирован на водных объектах следующих областей: Белгородская – от 27,8% до 38,9%; Воронежская – от 4,2% до 12,5%; Ивановская – от 21,4% до 35,7%; Тверская – от 8,3% до 12,5%; Ярославская – от 3,7% до 22,2%. На территории Московской

области в последние годы водные объекты оцениваются как экстремально грязные. Они характеризуются крайне низким качеством воды. На территории Северо-Западного федерального округа почти все водные объекты, кроме Ненецкого Автономного округа, оцениваются как загрязненные [1. С. 68]. Поверхностные воды по уровню метрового объема в многолетнем плане оцениваются высоким уровнем загрязнения, обусловленным наличием большого количества предприятий разной хозяйственной направленности, не имеющих эффективных очистных сооружений. Число водных объектов с экстремально грязной водой, увеличилось в 2021 году по сравнению с 2020 годом в следующих областях: Свердловская – от 2,4% до 3,7%, Челябинская – от 1,9% до 3,8%. В 2021 году на водных объектах Ханты-Мансийского автономного округа было зафиксировано 3,0% створов, вода которых оценивалась как экстремально грязная [1. С. 69]. Поверхностные водные объекты Дальневосточного федерального округа на протяжении последних 10 лет в большинстве оцениваются как загрязненные. В 2021 году по сравнению с 2020 годом количество створов с загрязненной водой увеличилось: в Республике Бурятия от 64,0% до 88,4%; в краях: Хабаровский – от 61,2% до 76,0%; Забайкальский – от 77,2% до 88,2%; в областях: Амурская – от 52,8% до 65,0%; Магаданская – от 64,3% до 75,0%, в Еврейской автономной области – от 46,1% до 69,3% [1. С. 69–70]. В 2022 году случаи с экстремально высоким уровнем загрязнения поверхностных пресных вод на территории Российской Федерации отмечались на 122-х водных объектах в 544 случаях. В 2021 году на – 137 водных объектах в 582 случаях. Высокий уровень загрязнения отмечался на 320 водных объектах, в 1927 случаях. В 2021 году – на 281 водном объекте в 1684 случаях. Всего в 2022 году был зарегистрировано 2471 случай экстремально высоким уровнем загрязнения, по 25 загрязняющим веществам и 5 показателям качества воды. Суммарное количество случаев высокого и экстремально высокого уровня загрязнения достигло максимума за период с 2013 года по 2022 год. В 2022 году максимальную нагрузку от загрязнения испытывали водные объекты бассейнов рек Волга и Обь, на долю которых приходилось 60% всех случаев высокого уровня загрязнения и экстремально высокого уровня загрязнения [1. С. 70].

В 2022 году было зарегистрировано 40 аварий на поверхностных пресноводных объектах Российской Федерации, из них в бассейнах рек: Амур – 5; Волга – 18; Енисей – 3; Нева – 2; Обь – 6; Северная Двина – 2; в бассейне Карского моря – 1. В 12 случаях источник загрязнения не удалось установить; 20 случаев связаны с несанкционированным сбросом загрязненных сточных вод или неэффективной работой очистных сооружений. В 12 случаях аварии привели к разливу нефтепродуктов, в 3-х из них наблюдалось образование обширного нефтяного/ маслянистого пятна на водной поверхности. Последствием 26 аварийных ситуаций стало экстремально высокий уровень загрязнения водных объ-

ектов, а в шести случаях произошла массовая гибель рыбы [1. С. 71]. Наибольший объем сброса неочищенных сточных вод в поверхностные водные объекты в 2022 году был зафиксирован в бассейне Каспийского моря и составил 11686,3 млн кубических метров; в 2021 году сброс грязных сточных вод составлял 11845,4 млн кубических метров. Объем сброса грязных сточных вод в Каспийское море составляет 32,3% от общего объема сброса воды в природные поверхностные водные объекты по всей Российской Федерации. Самый большой удельный объем сброса загрязненной сточной воды без очистки на душу населения в 2022 году был зафиксирован в Республике Коми, составляя 170,74 кубических метров на человека [1. С. 668]. Осуществленный анализ состояния водных объектов дал основание для установления значимых не решенных проблем в сфере охраны и использования водных ресурсов в Российской Федерации: высокий объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или с очень плохой очисткой; истощение водных ресурсов; нарушение естественного стока вод в ходе антропогенной деятельности [1. С. 667].

Вода является одним из основных факторов, существенно влияющим на здоровье людей. По оценкам Всемирной организации здравоохранения ежегодно умирают 829 тыс. человек от диареи, вследствие употребления загрязненной питьевой воды. В структуре заболеваемости всего населения Российской Федерации, часть болезней появляется под влиянием употребления неадекватного качества питьевой воды. В 2022 году приоритетные позиции занимали: болезни органов пищеварения – 35,6%, составляя 446,5 тыс. случаев; болезни мочеполовой системы – 26,7% – 334,3 тыс. случаев; болезни кожи и подкожной клетчатки – 13,0% – 163,2 тыс. случаев; болезни крови, кровеносных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм – 6,7% – 84,2 тыс. случаев; болезни эндокринной системы и нарушения обмена веществ – 6,1% – 76,9 тыс. случаев [1. С. 279]. В структуре заболеваемости детей, вызванной воздействием употребляемой загрязненной воды, приоритетные позиции в 2022 году по количеству случаев занимали: болезни органов пищеварения – 43,3% – 198,2 тыс. случаев; болезни кожи и подкожной клетчатки – 18,8% – 85,9 тыс. случаев; болезни крови, кровеносных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм – 12,8% – 58,5 тыс. случаев; болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани – 9,8% – 44,7 тыс. случаев; болезни мочеполовой системы – 8,3% 37,8 тыс. случаев [1. С. 280]. Огромный вред причиняется здоровью людям от употребления загрязненной питьевой воды. Величину этого вреда пока никто не установил.

Результаты и обсуждения

Человек является основным фактором, ведущим к загрязнению и разрушению природных объектов.

Среда, в которой воспитывается человек, формирует его мышление, направляет его волю к действиям, созвучным его мысли. Анализ окружающей действительности дает возможность замечать недостатки в воспитании человека. Формирование мышления человека начинается с воспитания в семье и продолжается в школе, а затем в вузе. На воспитание человека оказывает огромное влияние общество, в котором живет человек. Экологическое воспитание человека происходит под воздействием всей среды, в окружении которой он находится. На формирование экологического сознания человека оказывают влияние не только экологическое образование или экологическое просвещение, но основными факторами становления экологического мышления человека остаются факты загрязнения окружающей среды. Когда человек воспринимает грязную питьевую воду с водопроводного крана и ему не рекомендуют пить такую воду, тогда возникает много проблем, которые предстоит решать с большим трудом. Купить бутилированную воду может не каждый человек. Такая вода может быть недоступна во многих поселениях. Рост цен на бутилированную воду не всегда позволяет ее купить человеку с низкой заработной платой. Подавленное настроение человека ухудшается при восприятии фактов действий предприимчивых людей, с властными полномочиями управлять производством, которые незаконно сбрасывают в реки неочищенные воды. Не могут улучшать экологическое сознание людей факты безответственного поведения чиновников и лиц с властными полномочиями, которые принимают решения вопреки требованиям экологического законодательства, не учитывают мнение общественности и разрушают природные объекты. Сколько фактов вырубке деревьев в черте городов остались безнаказанными [5. С. 12], много фактов остаются без внимания органов власти при отсутствии необходимых очистительных систем на производствах, связанных с повышенным выбросом и сбросом загрязняющих веществ. Не всегда люди получают достоверную экологическую информацию о состоянии загрязнения природных объектов. Сложившаяся система «человек-общество-природа» [6. С. 215] нуждается в совершенстве путем существенного ее изменения. В этой системе отсутствуют органы государства, которые узурпировали власть и не имеют желания учитывать интересы общества. Укоренившееся неверное представление о публичности способствует органам власти отстаивать свои интересы, предавая забвению интересы общества. В теории права публичность представляют как выражение интересов органов власти. Под влиянием такого понимания публичности развиваются все отрасли права. Экологическое право, как отрасль публичного права, отражает интересы государства, ставя интересы общества в подчинение государственным интересам. Такая конструкция экологического права не способствует развитию гарантий по охране и защите экологических прав человека. Содержание экологического права способствует органам власти охранять свои власт-

ные интересы и только декларативно провозглашать идеи об охране экологических прав человека [7. С. 211]. В действительности человек не имеет возможности добиться реализации права на получение достоверной экологической информации, еще тяжелее обстоит дело о полном возмещении экологического ущерба. Серьезно подорвавший здоровье от вредного воздействия загрязненной окружающей среды человек не может получить гарантию на полное возмещение экологического вреда. Многие правоведы считают невозможным в нашей действительности добиться возмещения полного экологического вреда [8. С. 79].

Для того, чтобы каждый человек мог обитать в благоприятной окружающей среде нужно формировать и развивать новую систему человек – общество – государство – природа, подчиненную охране и защите прав человека. В такой системе ключевую роль должен занимать человек [9. С. 237]. Права человека, дарованные ему природой, незыблемы, непоколебимы и органы государства обязаны их охранять и защищать. Сквозь призму охраны прав человека формируются интересы общества. Интересы органов власти не могут противоречить интересам общества. Новая система отношений человек – общество – государство, станет устойчивой по отношению к природе. Объединенные общими интересами, где права человека будут доминирующим критерием, общество и государство устремят свои усилия на охрану природы. Уйдут рудименты недоразвитости органов власти, пропитанных корыстными интересами, окрепнет мощь общих интересов, образуя непоколебимую силу в создании гарантированных мер по охране природы. Процесс охраны природы станет осуществляться под давлением необходимости охранять права человека [10. С. 49].

Выводы

В процессе изучения данной проблематики можно сделать следующие выводы:

- Интересы государства должны соответствовать интересам общества по обеспечению каждого жить в благоприятной окружающей среде.
- При принятии новых нормативных правовых актов по охране окружающей среды следует: уравнивать интересы органов власти с интересами общества, подчиняя их охране прав человека; устанавливать независимый общественный контроль, за ходом принятия экологических законов и за воплощением их в экологический правопорядок;
- В систему образования нужно внедрять воспитывающие методы преподавания, обучения, развиваемых на основе научных данных о влиянии состояния окружающей среды на здоровье и жизнь человека. Экологическое образование и просвещение должно базироваться только на достоверных данных.
- Юриспруденцию, как науку, следует ориентировать на научные исследования, выявляющие

состояние общественных отношений по отношению к состоянию окружающей среды. На основе результатов научного исследования развивать теорию экологического права, которая должна служить основой разработки новых законов по охране окружающей среды; по порядку полного возмещения экологического вреда. Теория экологического права должна служить основой подготовки учебников, учебных пособий и иной научно-популярной литературы необходимой для развития у каждого человека нашего общества достоверных знаний о существующих правовых способах охраны окружающей среды, и для повышения уровня правовой экологической культуры общества.

Авторы статьи выражают искреннюю благодарность ученым и лицам, вложившим огромный труд в получение, обработку, формирование данных о состоянии окружающей среды, и в подготовку материалов, ставших основой Государственного доклада Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году». Большую благодарность заслуживают лица, разработавшие актуальные предложения, направленные на предотвращение, ограничение и минимизацию негативного воздействия на окружающую среду.

Литература

1. Государственный доклад Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году» (<https://2022.ecology-gosdoklad.ru/>), дата обращения: 27.12.2024.
2. Саркисов, О.Р. Экологическое право: учеб. пособие для студ. учреждений высшего проф. образования /О.Р. Саркисов, Е.Л. Любарский. –5-е изд. переработанное и доп – Казань: Центр инновационных технологий, 2014–335 с.
3. Хлуденева, Н.И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды: монография / Н.И. Хлуденева; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Президенте Рос. Федерации. – Москва: ИНФРА-М, 2014. – 172 с. – ISBN 978-5-16-009450-2.
4. Зверева, А.И. Экологические преступления, посягающие на безопасность водных объектов. Характеристика и разграничение со смежными деликтами: монография / А.И. Зверева; под ред. Ю.В. Грачевой. – Москва: Проспект, 2020. –200 с. – ISBN 978-5-392-31295-5.
5. Шуплецова, Ю.И. Правовое регулирование лесных отношений в Российской Федерации: монография /Ю. И. Шуплецова; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Президенте Рос. Федерации. – Москва: Контракт, 2018. – 216 с. – ISBN 978-5-6041271-0-0.
6. Юрченко Ю.В. Обращение с отходами недропользования по-новому/ Ю.В. Юрченко//Эко-

логия производства. – 2024. – Выпуск № 8. – С. 212–218.

7. Экологическое право: учебник для вузов / С.А. Боголюбов, Ю.Г. Жариков, Н.В. Кичигин [и др.]; под ред. С.А. Боголюбова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2018. – 304 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-10925-2.
8. Рыженков А.Я. Правовое регулирование возмещения экологического вреда: проблемы теории и практики / А.Я. Рыженков // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МФЮА). – 2020. – № 3. – С. 77–85.
9. Бурко, Р.А. Экологические проблемы современного общества и их пути решения / Р.А. Бурко, Т.В. Терёшина // Молодой ученый. – 2013. – № 11 (58). – С. 237–238.
10. Правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде: сборник материалов Международной научно-практической конференции (МИИГАиК, ИЗиСП, 23 марта 2017 г.) / отв. ред. С.А. Боголюбов, Н.Р. Камынина, М.В. Пономарев. – М.: МИИГАиК, – 2017. – 240 с.

THE ROLE OF PUBLICITY IN LEGAL PROTECTION OF THE ENVIRONMENT

Dukhno N.A., Skuybedina O.N.
Russian University of Transport (MIIT)

The article assesses the ecological state of water bodies in our country, shows the facts of mass pollution of water bodies, illustrates mass diseases of people from drinking contaminated drinking water. During the assessment, shortcomings in the legal protection of the environment that arose as a result of the manifestation of publicity without taking into account the interests of society were identified and analyzed. The authors propose to recognize the protection of human rights as the basis of public interests in order to get rid of the facts of dangerous pollution and destruction of natural objects. The article presents a number of legal measures to get rid of the facts of dangerous pollution and destruction of natural objects. The need for independent public control over the course of adoption of environmental laws and their implementation in the environmental legal order is substantiated. The authors propose to introduce a number of educational methods into the education system, devel-

oped on the basis of scientific data on the impact of the state of the environment on human health and life.

Keywords: publicity, environmental protection, legal field, ecology, environmental law, environmental damage, human rights, legal education.

References

1. State report of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation "On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2022" (<https://2022.ecology-gosdoklad.ru/>), date of access: 27.12.2024.
2. Sarkisov, O.R. Environmental law: textbook for students of higher prof. education institutions / O.R. Sarkisov, E.L. Lyubarsky. – 5th revised and enlarged ed. – Kazan: Center for Innovation Technologies, 2014–335 p.
3. Khlyudeneva, N.I. Defects of legal regulation of environmental protection: monograph / N.I. Khlyudeneva; Institute of Legislation and Comparative Law under the President of the Russian Federation. – Moscow: INFRA-M, 2014. – 172 p. – ISBN 978-5-16-009450-2.
4. Zvereva, A.I. Environmental crimes that encroach on the safety of water bodies. Characteristics and distinctions from related torts: monograph / A.I. Zvereva; edited by Yu.V. Gracheva. – Moscow: Prospect, 2020. – 200 p. – ISBN 978-5-392-31295-5.
5. Shupletsova, Yu.I. Legal regulation of forest relations in the Russian Federation: monograph / Yu. I. Shupletsova; Institute of Legislation and Comparative Law under the President of the Russian Federation. – Moscow: Contract, 2018. – 216 p. – ISBN 978-5-6041271-0-0.
6. Yurchenko Yu.V. Handling subsoil waste in a new way / Yu.V. Yurchenko // Production ecology. – 2024. – Issue No. 8. – P. 212–218.
7. Environmental law: textbook for universities / S.A. Bogolyubov, Yu.G. Zharikov, N.V. Kichigin [et al.]; edited by S.A. Bogolyubov. – 7th ed., revised. and enlarged. – Moscow: Yurait, 2018. – 304 p. – (Higher education). – ISBN 978-5-534-10925-2.
8. Ryzhenkov A. Ya. Legal regulation of compensation for environmental damage: problems of theory and practice / A. Ya. Ryzhenkov // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MFUA). – 2020. – No. 3. – P. 77–85.
9. Burko, R.A. Environmental problems of modern society and their solutions / R.A. Burko, T.V. Tereshina // Young scientist. – 2013. – No. 11 (58). – P. 237–238.
10. Legal problems of compensation for damage caused to the environment: collection of materials from the International scientific and practical conference (MIIGAiK, IZiSP, March 23, 2017) / ed. S.A. Bogolyubov, N.R. Kamynina, M.V. Ponomarev. – M.: MIIGAiK, – 2017. – 240 p.

Дисциплинарное производство в отношении адвоката в Сингапуре и Индонезии

Елфимов Дмитрий Борисович,
аспирант Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина
E-mail: dmitry_elfimov@mail.ru

Статья посвящена анализу юридических аспектов дисциплинарной ответственности адвокатов в Сингапуре и Индонезии. Рассматриваются различные подходы к определению понятия «дисциплина» в юридической литературе и их влияние на практику дисциплинарного регулирования. Проанализированы Кодексы этики Сингапура и Индонезии обязанности адвокатских организаций и роль государственных структур в регулировании адвокатской деятельности. Особое внимание уделяется взаимосвязи нормативных стандартов и дисциплинарной практики. Выявлено, что дисциплинарные производства в отношении адвокатов в Сингапуре и Индонезии обладают специфическими особенностями, которые отражают правовые традиции и институциональные структуры каждой страны.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарное производство, Кодекс этики, меры дисциплинарного характера, этапы дисциплинарного производства, участники дисциплинарного производства

В Сингапуре система дисциплинарной ответственности адвокатов призвана поддерживать единство юридической профессии и обеспечения того, чтобы юристы придерживались высоких этических стандартов [8].

Прежде всего организация юридической деятельности в Сингапуре носит централизованный характер. Для осуществления юридической деятельности необходимо получить в установленном порядке сертификат на практику. В соответствии со статьей 33 «Правил профессиональной деятельности (профессионального поведения)» от 20 ноября 2015 года (Legal Profession (Professional Conduct) Rules) [3] (далее – Правила) к практикующим юристам в Сингапуре относятся: адвокатов (солиситоров), юристов, юридических консультантов, уполномоченных по присяге, нотариусов.

Дисциплинарная ответственность адвокатов (практикующих юристов) и дисциплинарное производство регламентируется «Законом о юридической профессии» (The Legal Profession Act) 1966 года [1] (далее – Закон), определяющим правовое положение адвокатов, «Правилами профессиональной деятельности (профессионального поведения)» от 20 ноября 2015 года (Legal Profession (Professional Conduct) Rules), которые акцентируют внимание на нравственной стороне вопроса адвокатской деятельности, а также Практическими указаниями и Руководящими записками, выпущенных Советом юридического общества (The Law Society of Singapore) [4].

Юридическое общество Сингапура служит фундаментальной опорой в правовом ландшафте Сингапура, представляя интересы и поддерживая стандарты юридической профессии. Основанное в 1967 году, оно действует под эгидой Закона о юридической профессии, который определяет его роль в поддержании профессиональных и этических стандартов адвокатов в Сингапуре. Каждый юрист Сингапура, имеющий действующий сертификат на практику, автоматически становится членом юридического общества.

Общество играет ключевую роль в оказании влияния на законодательство, юридическую практику и профессиональную среду, способствуя лучшему взаимопониманию между общественностью и юридическим сообществом [7]. Общество управляется Советом, избираемым его членами, который отвечает за определение стратегических направлений, политики и за рассмотрение дисциплинарных дел.

В соответствии со статьей 85 шестой главы «Закона о юридической профессии» дисциплинар-

ное производство может быть возбуждено против любого адвоката, нарушившего правила, установленные законом. Иными словами, в Сингапуре дисциплинарной ответственности подлежат не только действия адвоката, противоречащие этическим и моральным нормам, но и те действия, которые касаются финансовых и профессиональных компетенций. Кроме того, анализ положений Закона позволяет утверждать, что в Сингапуре отсутствует закрепленный перечень поступков и ситуаций, совершение которых предполагает применение дисциплинарных мер по отношению к адвокату. Напротив, соблюдение требований, указанных в Законе, освобождает адвоката от применения к нему дисциплинарных мер.

В статьях 4, 5 Правил закреплены принципы, касающиеся этических и моральных норм:

- адвокат имеет первостепенный долг перед судом, который имеет приоритет над долгом адвоката перед его клиентом;
- обязательства адвоката перед клиентом находятся в зависимости от обязательств адвоката перед судом и подчиняются им. Их реализация служит поддержке авторитета и целостности сингапурской правовой системы;
- адвокат обязан честно и добросовестно выполнять все свои обязанности перед любым судом, в котором он выступает, клиентами адвоката, общественностью и другими представителями юридической профессии;
- реализуя свою деятельность, адвокат должен руководствоваться законодательством Сингапура; – деятельность адвоката должна обеспечивать доступ населения к правосудию;
- адвокат должен быть справедливым и вежливым по отношению к каждому человеку в том, что касается его профессионального поведения;
- адвокат должен следить за тем, чтобы его профессиональное поведение всегда соответствовало ценностям юридической профессии в каждой юрисдикции, в которой адвокат имеет право заниматься юридической практикой, а при предоставлении консультаций в любой другой юрисдикции – ценностям юридической профессии в этой другой юрисдикции;
- адвокат должен быть в курсе всех актуальных изменений в законодательстве в области своей практики;
- адвокат должен обладать необходимыми знаниями, навыками и опытом для предоставления компетентного совета и представительства своему клиенту;
- адвокат должен быть честным во всех отношениях со своим клиентом.

Нарушение указанных принципов может стать предметом для инициации разбирательства по инициативе клиента, Совета, а также по информации органов государственной власти.

Кроме того, каждый адвокат должен в течение каждого года, предшествующего подаче заявления на получение сертификата практикующего ад-

воката (юриста), уплачивать в Общество юристов Сингапура (аналогично тому, что во многих странах называется Коллегией адвокатов) взнос в размере суммы, не превышающей двести долларов США, который затем передается в Компенсационный Фонд.

В Сингапуре процесс дисциплинарного производства в отношении адвоката начинается с подачи жалобы. Любое физическое или юридическое лицо имеет право подать жалобу на поведение адвоката, если они считают, что он нарушил профессиональную этику или совершил неправомерные действия. Закон предусматривает два вида жалоб на адвоката:

- ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей в соответствии со статьей 75B;
- профессиональный проступок при исполнении своих обязанностей в соответствии со статьей 85.

К первому случаю следует отнести жалобы на действие или бездействие адвоката при исполнении взятых на себя обязательств. Примерами профессионального проступка являются предполагаемая нечестность, мошенничество, чрезмерное завышение цен за выполненную работу, введение в заблуждение, разглашение конфиденциальной информации, предоставленной клиентом своему адвокату, действия в условиях конфликта интересов или действия с нарушением правил.

Жалоба подается в Совет юридического общества Сингапура, который отвечает за надлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей и соблюдение этических норм адвокатами. Заявитель должен предоставить четкие и конкретные основания для своей жалобы, описывая факты и события, на которых она основана.

В соответствии со статьей 85 Закона к жалобам предъявляются следующие требования: жалоба подается в письменной форме; должна включать в себя данные заявителя или организации; должна быть составлена в соответствии с законом формате за исключением случаев, если жалоба подается любым государственным служащим.

Стоит отметить, что в вышеуказанной статье также установлены сроки давности подачи жалобы. Если обжалуются действия адвоката по истечению 6 лет, то в этом случае Совет не передает жалобу для дальнейшего рассмотрения в Комиссию по расследованию.

После получения жалобы начинается начальная проверка. На первом этапе Совет оценивает соответствие жалобы к требованиям, установленных Законом. В случае удовлетворения всех требований к жалобе Совет передает жалобу на рассмотрение председателю Комиссии по расследованию, которая уполномочена в проведении разбирательства при этом уведомляя адвоката.

После поступления жалобы председателю Комиссии по расследованию, председатель или его заместитель формирует в течение 2 недель формирует Комитет по проверке, состоящий из:

- председатель, которым может быть, как сам председатель, его заместитель или член Комиссии по расследованию, являющийся адвокатом со стажем работы не менее 12 лет;
- сотрудник юридической службы или судебной службы, имеющий не менее чем 10-летний опыт работы.

Рассмотрение Комитетом по проверке жалобы или информации должно начаться в течение 2 недель с момента его создания.

Рассмотрение является следующим важным этапом дисциплинарного производства в отношении адвокатов в Сингапуре. На этапе рассмотрения преследуется цель, которая состоит в том, чтобы определить обоснованность предъявленных жалоб или обвинений против адвоката. Рассмотрение включает в себя сбор документальных доказательств, встречу с заявителем и ответчиком, а также консультации с возможными свидетелями. Комитет по проверке может также рассмотреть любые предыдущие дисциплинарные истории, связанные с данным адвокатом, что может повлиять на характер решения.

Комитет по проверке должен завершить рассмотрение в течение 4 недель с момента создания, в исключительных случаях при объективных причинах срок может быть продлен до 6 недель.

После тщательного анализа всей информации Комитет по проверке составляет отчет, который включает в себя выводы и рекомендации по дальнейшим действиям. Отчет должен быть исчерпывающим, структурированным и содержательным. Комитет по проверке принимает следующие решения в соответствии с пунктом 8 статьи 85 Закона:

- направление информации в Совет для прекращения дела, единогласно решив, что доводы в жалобы необоснованные и не состоятельны. В данном случае Совет в течение 7 дней прекращает дело, уведомляя заинтересованных лиц.
- в остальных случаях дело возвращается председателю Комиссии по расследованию.

При возвращении дела председателю по расследованию, председателем или его заместителем в течение 3 недель создается Комитет по расследованию для проведения расследования по жалобе или информации, состоящий из:

- председателя, который является членом Комиссии по расследованию, со стажем не менее 12 лет;
- члена Комиссии по расследованию, который является адвокатом;
- члена Комиссии по расследованию, который является специалистом;
- лицо, имеющее не менее чем 20-летний опыт работы в качестве сотрудника судебной службы или сотрудника юридической службы.

Комитет по расследованию в течение 2 недель после создания начинает расследование по жалобе или информации, которая связана с поведением адвоката. В исключительных случаях срок рассмо-

трения может быть продлен председателем Комиссии по расследованию до 6 месяцев.

В случае, когда Комитет по расследованию убежден что нет оснований для дисциплинарных мер в соответствии с пунктом 5 статьи 86 Закона, сообщает об этом Совету с указанием причины своего решения.

Если Комитет по расследованию приходит к выводу, что адвокатом совершен проступок, то Комитет по расследованию уведомляет по почте адвоката, предоставляя разумную возможность быть заслушанным.

Этап расследования собираются и анализируются все представленные доказательства, показания аргументы, представленные как обвинением, так и защитой. Комитет по расследованию вправе истребовать любые документы, которые могут относиться к предмету расследования от заявителя, адвоката и третьих лиц. В случае отказа в предоставлении сведений без оснований на то оснований, то на данное лицо может быть наложен штраф в размере 5 000 долларов США.

Основное внимание уделяется тому, были ли нарушены профессиональные или этические нормы, и если да, то насколько серьезным было это нарушение.

По результатам своей работы Комитетом по расследованию подготавливается отчет, в котором помимо вопросов о дисциплинарной ответственности должен быть рассмотрен вопрос о необходимости проведения официального расследования в Дисциплинарном трибунале. Комитет по расследованию рекомендует Совету следующее:

- должно быть проведено официальное расследование Дисциплинарным трибуналом;
- официальное расследование Дисциплинарным трибуналом не требуется и рекомендовать принятия следующих решений; а) выплата штрафа, достаточного и соответствующего проступку; б) выговор или предупреждение; в) предписание о принятии мер по исправлению ситуации; г) о применении мер в пункте «в» к дополнению к пунктам «а, б»; д) прекращение дела.

После завершения расследования в отношении адвоката в Сингапуре, Совет, отвечающий за дисциплинарное производство, переходит к стадии принятия решения. Совет тщательно анализирует все представленные материалы, чтобы убедиться в объективности и справедливости своего решения.

Совет рассматривает отчет Комитета в соответствии с обстоятельствами в течении одного месяца с момента получения отчета. По результатам рассмотрения выносит следующие решения:

- официальное расследование не является необходимым. В этом случае Совет может вынести адвокату или юристу предупреждение, сделать выговор, предписание о принятии мер по исправлению ситуации или наложить штраф не более 10 000 долларов США;
- необходимость проведения официального расследования Дисциплинарным трибуналом;

– возвращение дела в Комитет для повторного рассмотрения или подготовки нового отчета.

Если проступок имеет серьезные последствия, например, действия, которые подрывают доверие со стороны клиентов и коллег или подрывают доверие к правовой системе, то требуется официальное расследование в Дисциплинарном трибунале. В данном случае Совет в течение 4 недель должен обратиться к председателю суда с ходатайством о назначении Дисциплинарного трибунала. В свою очередь председатель назначает Дисциплинарный трибунал

Данный этап играет ключевую роль в оценке поведения адвокатов и обеспечении тщательного расследования любых обвинений в неправомерных действиях. В состав трибунала обычно входят судья Верховного суда и один или несколько адвокатов со стажем работы не менее 12 лет.

Процесс слушания похож на официальное судебное разбирательство, в ходе которого представляются доказательства, и как заявитель, так и адвокат имеют возможность изложить свои доводы. В ходе слушаний могут быть вызваны свидетели и изучены документы, имеющие отношение к делу. Цель состоит в том, чтобы обеспечить справедливую и беспристрастную площадку, где факты могут быть тщательно изучены.

Дисциплинарный трибунал заслушивает и проводит расследование, по результатам которого представляет свои выводы по существу в форме отчета председателю суда. Если Дисциплинарный трибунал приходит к выводу, что в действиях адвоката отсутствуют признаки дисциплинарного проступка для принятия мер дисциплинарного характера, то председатель суда отклоняет жалобу.

Трибунал рассматривает вопрос о том, нарушил ли адвокат какие-либо профессиональные или этические обязанности, учитывая такие факторы, как намерение, тяжесть проступка и любые смягчающие обстоятельства.

По окончании слушаний трибунал делает выводы относительно обвинений и порекомендует соответствующие санкции, если проступок будет доказан. В зависимости от тяжести нарушения они могут варьироваться от штрафа, выговора, предписания о принятии мер к устранению, до временного отстранения от работы сроком не более 5 лет или даже исключения и списка адвокатов, что гарантирует сохранение целостности и благонадежности профессии адвоката.

В Сингапуре апелляционный процесс по дисциплинарным делам адвокатов играет важную роль в обеспечении справедливости и защиты интересов как адвокатов, так и заявителей [6]. Если адвокат или заявитель не согласен с решением, вынесенным по результатам дисциплинарного производства, он имеет право на подачу апелляции. Апелляция может быть подана в Верховный суд Сингапура, в котором осуществляется пересмотр дела. Заинтересованная сторона должна представить веские основания для обжалования, например, указание на значительные ошибки в приме-

нении законодательства или нарушение процессуальных норм.

Апелляционный процесс требует тщательно-го сбора и анализа материалов, представленных в первоначальном разбирательстве. Адвокат или его представитель должны подготовить обоснованную апелляционную жалобу, включая детальное изложение всех обстоятельств и обоснование своей позиции. Верховный суд пересматривает материалы дела, рассматривает доводы сторон, и может оставить решение без изменений, изменить его или направить дело на повторное рассмотрение.

Обжалование решений дисциплинарных органов способствует поддержанию высокого уровня доверия к юридической профессии и уверенности общества в том, что адвокаты действуют в соответствии с законом и этическими стандартами. Это также обеспечивает защиту прав адвокатов, давая им возможность оспорить решения, которые они считают несправедливыми или необоснованными.

В Индонезии дисциплинарная ответственность адвокатов является важным аспектом поддержания профессиональной этики и честности в юридической профессии. Индонезийские адвокаты связаны кодексом этики [2], который определяет их обязанности и обязательства по отношению к клиентам, судам и более широкому сообществу. Нарушения этих этических стандартов могут привести к дисциплинарным мерам, которые призваны поддерживать честность профессии и защищать общественные интересы.

В Индонезии правовое регулирование дисциплинарной ответственности адвокатов определяется главным образом Законом № 18 от 2003 года о адвокатах (Undang-Undang Nomor 18 Tahun 2003 Tentang Advokat) [5]. Этот закон устанавливает основы для профессиональной деятельности адвокатов, включая их обязанности, права и механизмы дисциплинарной ответственности, а также Кодексом этики адвоката [5] (далее – Кодекс).

Каждый адвокат должен поддерживать имидж и достоинство профессиональной чести, а также быть верным и соблюдать Кодекс этики за исполнением которого следит Совет чести как институт, существование которого признает и должен признавать каждый адвокат, независимо от того, членом какой профессиональной организации он является.

Ассоциация адвокатов Индонезии (далее – ассоциация), известная как PERADI, играет центральную роль в регулировании поведения адвокатов и рассмотрении дисциплинарных вопросов. Когда адвокат подозревается в профессиональном проступке, жалоба может быть подана в ассоциацию клиентами, коллегами или другими сторонами, пострадавшими от действий адвоката. Эти жалобы запускают формальный процесс, в ходе которого обвинения подробно изучаются.

В Индонезии дисциплинарная ответственность адвокатов представляет собой структурированный процесс, который начинается с первоначаль-

ной жалобы и предварительной оценки. Когда подается жалоба на адвоката, это знаменует собой первый этап дисциплинарного разбирательства. Эта жалоба может быть инициирована клиентом, другим адвокатом или любой заинтересованной стороной, которая считает, что адвокат нарушил профессиональное поведение или этику.

В соответствии со статьей 12 Закона № 18 от 2003 года жалоба подается в письменном виде с указанием причин в Совет региона или в Руководящий Совет. Жалоба должна содержать соответствующую информацию, доказательства и подробности предполагаемого нарушения.

В соответствии со статьей 10 Кодекса Совет Чести уполномочен рассматривать и выносить решения по делам о нарушении адвокатами Кодекса этики. Рассмотрение жалобы может осуществляться на двух уровнях, а именно: уровень регионального Совета Чести и уровень Центрального Совета Чести.

После поступления письменной жалобы с приложением необходимых доказательств не позднее 14 дней Совет Чести направляет письмо-уведомление заявителю о наличии жалобы. Не позднее 21 дня заявитель должен предоставить письменный ответ Совету Чести, приложив к нему доказательства, которые сочтет нужным. В случае если заявитель не предоставит ответ, то будет считаться, что он отказался от своего права а ответ и Совет Чести может немедленно вынести решение без присутствия заинтересованных сторон.

Это включает рассмотрение фактов, представленных в жалобе, и определение того, есть ли достаточные основания для проведения полного дисциплинарного расследования. Если жалоба считается несерьезной или не имеющей под собой оснований, она может быть отклонена на этом этапе. Однако, если предварительная оценка указывает на потенциальное неправомерное поведение, дело будет направлено на дальнейшее рассмотрение. Этот начальный этап имеет решающее значение, поскольку он обеспечивает расследование только обоснованных жалоб, тем самым поддерживая целостность юридической профессии и защищая адвокатов от необоснованных обвинений.

На предварительном слушании Совет Чести объясняет процедуры рассмотрения, разъясняет порядок заключения мирового соглашения только по жалобам, которые носят гражданский характер. В случае если заявитель отзывает жалобу, то это служит основой для решения Совета Чести. Также обеим сторонам предлагается поочередно изложить суть своей жалобы и возражения на жалобу, заслушиваются свидетели.

Следующий этап – это слушание в Совете Чести отделения/региона. Совет Чести созывает Трибунал, состоящим не менее чем из 3 членов, один из которых одновременно является председателем Трибунала, но их число всегда должно быть нечетным.

В дисциплинарном производстве в отношении адвокатов в Индонезии роль и процедура дисци-

плинарного слушания являются важнейшими компонентами, призванными поддерживать профессиональную честность и обеспечивать подотчетность в юридической профессии. Слушание служит официальной платформой, на которой рассматриваются обвинения в отношении профессионального поведения адвоката. Оно включает в себя тщательную и структурированную оценку, гарантируя, что как обвиняемый адвокат, так и истец могут адекватно представить свои точки зрения.

В ходе слушания первостепенное значение имеет процессуальная справедливость; обеим сторонам предоставляется право на юридическое представительство, а разбирательство обычно следует структурированному формату, который включает вступительные заявления, допрос и перекрестный допрос свидетелей и заключительные аргументы. Совет Чести в конечном итоге обсуждает и принимает решение о соответствующих санкциях, если будут обнаружены какие-либо нарушения, гарантируя, что справедливость будет соблюдена, а профессиональные стандарты будут соблюдены.

После изучения и рассмотрения жалобы и доказательств коллегия Совета Чести принимает следующие решения:

- признать жалобу заявителя неприемлемой;
- принять жалобу заявителя, вынести решение и наложить санкции на адвоката;
- отклонить жалобу заявителя.

Коллегия Совета Чести принимает решение большинством голосов и оглашает его на открытом заседании в присутствии или без присутствия заинтересованных сторон, предварительно уведомив их о дате и времени слушания. Совет Чести предоставляет обоснованное решение, четко сформулировав основу своих выводов для поддержания прозрачности и подотчетности в профессии. Этот этап не только решает отдельные случаи, но и укрепляет этические нормы в юридическом сообществе, поддерживая общественное доверие к правовой системе.

В соответствии со статьей 16 Кодекса Совет может принять следующее решение:

- предупреждение, если характер нарушения не является серьезным;
- строгое предупреждение, если характер нарушения серьезный или из-за неоднократного нарушения Кодекса;
- временное отстранение от работы на определенный срок, если характер нарушения серьезный, не прислушивается и не уважает положения кодекса этики или если после применения санкций в виде строгого предупреждения все равно повторяет нарушение кодекса этики. Данная санкция сопровождается запретом на осуществление адвокатской деятельности.
- исключение из членства в профессиональной ассоциации, если нарушение кодекса этики совершено с намерением и целью нанести ущерб имиджу и достоинству чести профессии адвоката, которая должна поддерживаться как благородная и почетная профессия.

После принятия решения соответствующий адвокат имеет право подать апелляцию. Процесс апелляции позволяет адвокату оспорить выводы или тяжесть дисциплинарного взыскания. Апелляции обычно направляются в вышестоящий орган Центральный Совет Чести. Соответствующее заявление подается в течение 21 дня с момента получения заинтересованным лицом копии решения. Если пропустить указанный срок считается, что апеллянт отказался от своего права обжалования.

Центральный Совет Чести принимает решение на основании материалов дела, но в случае необходимости может запросить дополнительные материалы у заинтересованных сторон или вызвать их непосредственно для уточнения информации.

В ходе апелляции вышестоящий орган повторно рассматривает дело, потенциально пересматривая как процедуру, так и существо первоначального решения. Адвокаты сохраняют право на представительство в ходе этих разбирательств, обеспечивая справедливость. Результат апелляции может подтвердить, отменить или изменить первоначальное решение. Решение является окончательным и обязательным и не может быть оспорено ни в одном органе. Этот многоступенчатый процесс обеспечивает всесторонний пересмотр, предлагая, как подотчетность, так и защиту для юристов, одновременно защищая интересы общественности.

Таким образом, дисциплинарные производства в отношении адвокатов в Сингапуре и Индонезии обладают специфическими особенностями, которые отражают правовые традиции и институциональные структуры каждой страны.

В Сингапуре в отличие от Индонезии, дисциплинарное производство имеет более строгий подход к дисциплинарному контролю жалобы на адвокатов рассматриваются Советом, и в случае серьезных нарушений дело передается в Верховный суд, который может наложить серьезные санкции, такие как отстранение от практики на срок более 5 лет.

Кроме того, в Сингапуре прослеживается абсолютная монополия на оказание правовых услуг. Иными словами, никто кроме представителей адвокатского сообщества не обладает правом на оказание консультационных услуг. В связи с чем все лица несут ответственность перед своими клиентами и перед Советом, что способствует повышению качества оказываемых услуг и строгого контроля со стороны Совета.

В Индонезии дисциплинарные производства более децентрализованы. Советы Чести разных регионов имеют свои внутренние правила, и жалобы часто решаются на местном уровне, что может приводить к вариативности в применении дисциплинарных мер.

В контексте различий в дисциплинарном производстве в отношении адвокатов в Сингапуре и Индонезии можно сделать несколько важных выводов в Сингапуре наблюдается более формализованный подход с четко определенными регламентами, что способствует большей эффективности и прозрачности.

Индонезия борется за баланс между традициями и современными тенденциями, однако сталкивается с вызовами в обеспечении последовательной реализации дисциплинарных мер.

Литература

1. A Singapore Government Agency Website. Официальный сайт. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/LPA1966> (дата обращения: 08.12.2024).
2. Kode Etik Advokat. Komite Kerja Advokat Indonesia. Официальный сайт. URL: <https://www.peradi.or.id/index.php/profil/detail/5> (дата обращения: 08.12.2024).
3. Legal Profession (Professional Conduct) Rules 2015. URL: <https://sso.agc.gov.sg/SL/LPA1966-S706-2015?ProvIds=P11-#pr4-> (дата обращения: 08.12.2024).
4. The Law Society of Singapore. Официальный сайт. URL: <https://www.lawsociety.org.sg/for-lawyers/ethics-and-professional-responsibility/> (дата обращения: 08.12.2024).
5. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 18 Tahun 2003. Tentang Advokat. Официальный сайт. URL: https://id.wikisource.org/wiki/Undang-Undang_Republik_Indonesia_Nomor_18_Tahun_2003 (дата обращения: 08.12.2024).
6. Елфимов Д.Б. Дисциплинарная ответственность адвокатов Сингапура // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 9. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.010> УДК 347.965.6
7. Понятие и значение дисциплины труда / А.И. Копаева, К.М. Сулык, О.А. Умрилова, Д.М. Гребеньщиков, Ю.И. Чикунова // Трибуна ученого. 2022. № 8. С. 122–124.
8. Романов А.А. Особенности профессионального статуса адвоката в Сингапуре / А.А. Романов, ЕЮ. Налимова // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 57–60.

DISCIPLINARY PROCEEDINGS AGAINST A LAWYER IN SINGAPORE AND INDONESIA

Elfimov D.B.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafina

The article is devoted to the analysis of the legal aspects of disciplinary liability of lawyers in Singapore and Indonesia. Various approaches to the definition of the concept of “discipline” in legal literature and their impact on the practice of disciplinary regulation are considered. The Codes of Ethics of Singapore and Indonesia, the responsibilities of lawyers’ organizations and the role of government agencies in regulating advocacy are analyzed. Particular attention is paid to the relationship between regulatory standards and disciplinary practice. It is revealed that disciplinary proceedings against lawyers in Singapore and Indonesia have specific features that reflect the legal traditions and institutional structures of each country.

Keywords: disciplinary responsibility, disciplinary proceedings, Code of Ethics, disciplinary measures, stages of disciplinary proceedings, participants in disciplinary proceedings

References

1. A Singapore Government Agency Website. Official website. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/LPA1966> (accessed on 08.12.2024).

2. Kode Etik Advokat. Komite Kerja Advokat Indonesia. Official website. URL: <https://www.peradi.or.id/index.php/profil/detail/5> (accessed on 08.12.2024).
3. Legal Profession (Professional Conduct) Rules 2015. URL: [https://sso.agc.gov.sg/SL/LPA1966-S706-2015? ProvIds=P11-#pr4-](https://sso.agc.gov.sg/SL/LPA1966-S706-2015?ProvIds=P11-#pr4-) (accessed on 08.12.2024).
4. The Law Society of Singapore. Official website. URL: <https://www.lawsociety.org.sg/for-lawyers/ethics-and-professional-responsibility/> (accessed: 08.12.2024).
5. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 18 Tahun 2003. Tentang Advokat. Official website. URL: https://id.wikisource.org/wiki/Undang-Undang_Republik_Indonesia_Nomor_18_Tahun_2003 (accessed: 08.12.2024).
6. Elfimov D.B. Disciplinary liability of lawyers in Singapore // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. No. 9. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.9.9.010> UDC 347.965.6
7. The concept and meaning of labor discipline / A.I. Kopaeva, K.M. Sulyk, O.A. Umrilova, D.M. Grebenshchekov, Yu.I. Chikunova // Tribune of the scientist. 2022. No. 8. P. 122–124.
8. Romanov A.A. Features of the professional status of a lawyer in Singapore / A.A. Romanov, E. Yu. Nalimova // Arbitration and civil procedure. 2019. No. 12. P. 57–60.

Транспарентность судебной власти в Российской Федерации: проблемы и перспективы

Злобина Екатерина Александровна,

соискатель Центра судебного права, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (ИЗиСП)
E-mail: e_zlobina80@mail.ru

В статье рассматривается транспарентность судебной власти в Российской Федерации: проблемы и перспективы. Определено, что для реализации конституционных прав граждан, связанных с судебной защитой, необходимо внесение изменений, где вопрос применения информационных технологий будет поставлен в зависимость от потребностей граждан в применении таких технологий для защиты свои законных прав и интересов, а не от технической возможности суда. Определены перспективные аспекты внедрения IT-технологий. Выявлено, что внедрение информационных систем альтернативного разрешения споров позволит участникам процесса представить перспективы и риски судебного разбирательства до обращения в суд, получить представление о логике развития процесса и закономерности его исхода, исключив, тем самым, любые ложные предположения, не имеющих отношения к действительной судебной деятельности. Выделены риски для человека и общества, особенности при разработке правовых механизмов, коррелирующих с возникающим социальным взаимодействием по поводу применения соответствующих технологий и систем.

Ключевые слова: транспарентность, судебная власть, правовое государство, открытость, конституционные ценности.

Политические, правовые, социально-экономические изменения, произошедшие в России на рубеже XX и XXI столетий, весьма серьезно изменили отечественную судебную систему, находящуюся в перманентном состоянии реформирования. Проблемы организации судебной власти, судопроизводство, судейский корпус, процессуальные гарантии и права зачастую становились предметом специальных научных исследований, как российских, так и зарубежных ученых [1; 9; 10; 13; 15; 17; 19]. Между тем, необходимость разворота доктринальных исследований данной сферы в плоскость исследования эффективности функционирования судебной власти вызвана необходимостью коррекции законодательства и средств совершенствования правоприменительной практики для придания общественно-политическому и экономическому развитию устойчивого динамизма. Вместе с тем модернизация судебной власти не должна сводиться только к структурным изменениям системы органов судебной власти: в настоящее время актуальной проблемой эффективной деятельности судебной власти в Российской Федерации является ее транспарентность.

Судебная власть, как независимая, самостоятельная разновидность государственной власти, не свободна от контроля со стороны общественности, гарантиями реализации которого являются принципы открытости и гласности правосудия. Н.С. Бондарь указывал, что «недопустимо политизировать ценности, необходима конституционализация политики, то есть необходимо руководствоваться конституционными ценностями» [3; 4].

Транспарентность судебной власти продиктована принципами демократического правового государства; доктрина открытости судебной власти разрабатывалась в рамках гносеологического познания естественного справедливого правосудия, получившего практическое отражение в значительном числе международных документов (ст. ст. 10–11, 19, 29 Всеобщей Декларации прав человека и ст. ст. 14, 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 13 Конвенции о правах ребенка и п. 8 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, ст. ст. 6, 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.).

Элементами права на справедливое судебное разбирательство являются принцип доступности правосудия; принцип соблюдения процессуальной формы; принцип правовой определенности; принцип обеспечения единообразия правоприме-

нительной практики; принцип универсальности судебной защиты; принцип разумного срока судопроизводства и исполнения судебного акта, сочетающийся с компенсацией за его нарушение; сочетание судьейского усмотрения и мотивированности. Невозможность использовать суд в качестве инструмента охраны прав, свобод и законных интересов обесмысливает правовое регулирование [7].

Важнейшим аспектом реализации принципа открытости судебной власти является обеспечение гарантий информационной доступности о деятельности судебной власти. Транспарентность правосудия является одним из главных условий в системе обеспечения самостоятельности и независимости суда, поскольку открытость и прозрачность деятельности суда обеспечивают защиту от возможного оказания давления на суд, склоняя к принятию «нужного решения».

Одновременно, транспарентность обеспечивает возможность осуществления общественного контроля за деятельностью судебных органов, поскольку «подлинная независимость судебной власти предполагает такую ее безупречную деятельность, которая не позволяла бы независимости превращаться во вседозволенность, проявление произвола и беззакония» [11].

Повышение качества и доступности правосудия [12] сегодня является важной целью судебной реформы, в частности, посредством внедрения в данную систему информационных технологий. Масштабные изменения, внесенные в процессуальное законодательство [2; 6], предусматривают широкое применение информационных технологий. Тем не менее, законодательно возможность применения информационных технологий поставлена в зависимость от технической возможности суда [5], тогда как целью внесения таких изменений является повышение доступности правосудия.

На наш взгляд, для реализации конституционных прав граждан, связанных с судебной защитой, необходимо внесение изменений, где вопрос применения информационных технологий будет поставлен в зависимость от потребностей граждан в применении таких технологий для защиты своих законных прав и интересов, а не от технической возможности суда.

В научной и профессиональной среде все чаще возникает потребность цифровой трансформации судопроизводства, то есть изучение влияния математических расчетов и алгоритмов на механизм разрешения судебных споров по конкретным категориям дел, в целях разработки программных продуктов, способных предсказывать итоги судебных разбирательств, тем самым, минимизировать риски влияния свободы судьейского усмотрения на принятие решения.

Автоматизация судебной деятельности является перспективным направлением, поскольку позволяет раскрыть информацию о деятельности суда за пределы профессиональной юридической среды, обеспечивая своевременное, полное, квалифицированное, объективное информирования

общества о деятельности судов, судоустройстве и судопроизводстве, вовлекая и просвещая граждан, повышая уровень правовой грамотности и правовую культуру, что, в конечном счете, обеспечивает поддержание доверия общества к суду.

Следует выделить отдельно влияние транспарентности на процесс доказывания, так как «право на публичное судебное разбирательство дела» [14] способствует установлению объективной истины по делу посредством раскрытия информации не только о процессуальной длительности суда, но заблаговременное раскрытие информации о деятельности участников процесса, а именно: представление доказательств, письменных пояснений и отзывов, совершение иных процессуальных действий. Правосудие и процедуры его осуществления должны соответствовать определенной форме (процессуальное законодательство предъявляет требования к исковым заявлениям, доказательствам, судебным решениям, апелляционным постановлениям и т.д.). Соблюдение процессуальной формы обеспечивает многие демократические принципы правосудия: следование требованиям состязательности, равенства сторон и другим принципам гарантирует законность судебного решения, уважение к правам вовлеченных в систему судебной юстиции лиц. Ценность процессуальной формы, в частности опосредуемая идеей состязательности сторон и строгого следования ей, учитывается в деятельности российских судов, обеспечиваемой соответствующей судебной практикой [7].

Представляются перспективными следующие аспекты внедрения IT-технологий:

- организация и автоматизация делопроизводства путем использования единых программно-аппаратных средств для осуществления судопроизводства и делопроизводства;
- последовательный переход от электронного к цифровому способу передачи данных;
- извещение участников судебного процесса; распознавание аудиопротоколов;
- использование служб электронного поиска и извлечения документов, поступивших в суд, в целях получения в режиме онлайн доступа к ним; генерация предложений и оценка доказательств;
- возможность получения непосредственно из ведомственных баз данных сведений и документов о важных фактах в рассматриваемом деле в электронном виде, то есть создание единого цифрового пространства; оптимизация судебного делопроизводства посредством перехода к формированию дел кратковременного срока хранения исключительно в электронном виде либо в гибридном формате;
- информационная обеспеченность судебного процесса судебной практикой, что позволит повысить эффективность и время реакции судебной системы.

В настоящее время целесообразно предложить разработать и разместить на веб-сайтах судов ин-

струкции по ведению дел по разным категориям споров, также представляется перспективным размещение на официальных сайтах судов в сети Интернет стандартных форм заявлений в суд и перечня необходимых документов, что позволит сделать судебный процесс не только открытым, но и более понятным, значительно повысит эффективность взаимодействия сторон процесса и суда, сократит сроки рассмотрения дел судом.

Создание Электронной информационно-справочной службы в судах обеспечит всем заинтересованным лицам возможность в режиме реального времени получать доступ к информационным ресурсам о процессуальных действиях суда по делу, что сократит нагрузку на сотрудников суда, вынужденных представлять необходимую информацию участникам процесса по телефону, то есть процесс взаимодействия со сторонами перейдет на иной, более качественный уровень.

Внедрение и использование Электронной информационно-справочной службы, оперирующей несколькими модулями, позволит производить поиск одновременно в разных, взаимосвязанных, синхронизированных судебных базах данных, что позволит сторонам оперативно получать необходимую информацию по интересующему вопросу, в частности, о графиках судебных заседаний и принятых судебных актах, знакомиться с материалами дел.

Необходимо отметить, что доступ к Электронной информационно-справочной службе должен быть открыт для любого пользователя, то есть ориентироваться не только на профессиональную и научную среду, использование удобного и понятного интерфейса позволит любому пользователю, включая СМИ, получать актуальную процессуальную информацию, что, в конечном счете, позволит обеспечить единообразие и стабильность судебной практики. Так, в соответствии с правовой позицией ЕСПЧ по делу «Прагер (Prager) и Обершлик (Oberschlik) против Австрии», «пресса играет особую роль в правовом государстве... на нее возлагается обязанность передавать информацию и идеи по политическим вопросам и иным темам, представляющим общественный интерес. Безусловно, это относится и к вопросам, касающимся функционирования системы правосудия – учреждения, жизненно важного для любого демократического общества. Пресса является одним из инструментов, с помощью которого политики и общество могут удостовериться, что судьи исполняют свои нелегкие обязанности в полном соответствии с той целью, которая лежит в основе возложенной на них задачи» [20].

Создание электронной информационно-справочной службы будет являться важнейшим шагом по обеспечению поиска и раскрытию информации о деятельности судов и их открытости, доступности судебной защиты прав граждан и юридических лиц, их охраняемых законом интересов, установлению действенного общественного контроля за правосудием в целом, а также позво-

лит обеспечить качественно новый уровень реализации принципа гласности в условиях активного внедрения и использования IT-технологий.

На наш взгляд, необходимость обращения в суд за защитой нарушенного права по отдельным категориям споров может быть преодолена путем внедрения на веб-сайты судов информационных систем альтернативного разрешения споров, иными словами, онлайн медиации. Данные информационные системы должны представлять платформу для диалога спорящих сторон в целях поиска компромиссного решения конфликта. Информационные системы альтернативного разрешения споров необходимо рассматривать как эффективный способ разрешения споров и оперативной защиты нарушенного права, которое осуществляется путем обмена документами без проведения судебного заседания. При этом у пользователей данных информационных систем сохраняется право обратиться с иском заявлением в суд.

В настоящее время процессуальным законодательством по отдельным категориям споров предусмотрена обязательность соблюдения претензионного урегулирования спора, однако введение обязанности данной медиативной процедуры, носящей, в большинстве случаев, формальный характер, не отразилось на количестве обращений в суд.

Внедрение же информационных систем альтернативного разрешения споров позволит участникам процесса представить перспективы и риски судебного разбирательства до обращения в суд, получить представление о логике развития процесса и закономерности его исхода, исключив, тем самым, любые ложные предположения, не имеющих отношения к действительной судебной деятельности.

Информационные системы альтернативного разрешения споров позволят повысить уровень правовой культуры участников процесса, обеспечат обучение участников процесса уважать оппонентов и договориться с ними, будут способствовать обеспечению подлинного укрепления судебной власти путем формирования уважения к суду и принимаемым им актам.

Отдельным аспектом реализации принципа гласности судебной власти является размещение на официальных сайтах судов в сети Интернет вне процессуальных обращений различных должностных лиц, государственных органов, общественных организаций и граждан к председателям судов с просьбами «взять дело под свой личный контроль». Указанные обращения представителей государственных структур преследуют цель лоббирования в суде частных интересов, оказание давления на судей в целях принятия «нужного решения».

Опубликование на официальных сайтах судов в сети Интернет вне процессуальных обращений способствует наиболее полной реализации принципа транспарентности судебной власти, являясь дополнительной гарантией обеспечения самостоятельности суда в решении вопросов правосу-

дия, организации и деятельности судебной власти. Борьба с подобными обращениями, нарушающими принципы равенства всех граждан перед судом и перед законом, независимости суда и судей, имеет положительную динамику, поскольку наблюдается тенденция к их снижению. Придание гласности фактам оказания давления на суд посредством внепроцессуальных обращений дало обратный эффект – повышение контроля со стороны общества не только за принятым судом решением, но и за деятельностью автора подобного обращения.

Внедрение и развитие информационных инфраструктур, эффективно интегрирующих, синхронизирующих системы сбора, классификации, передачи, хранения и обработки данных, их последующий анализ и моделирование, обеспечат транспарентность судебной власти в современном информационном пространстве. Имплементация IT-технологий в судопроизводство, безусловно, положительно отразится на уровне доступности правосудия и доверия населения, позволит снизить производственные, финансово-экономические, временные затраты, однако возникает целый комплекс экзистенциальных рисков. Академик РАН Т.Я. Хабриева указывает на необходимость учета различных рисков для человека и общества, «особенностей при разработке правовых механизмов, коррелирующих с возникающим социальным взаимодействием по поводу применения соответствующих технологий и систем, отсюда развилка, на которой оказались как теоретики, так и практики и которая еще не пройдена» [16].

Во-первых, качество правосудия ставится в зависимость от обеспечения информационной безопасности и технических возможностей, так, IT-технологии повышают риски развития, так называемого, «шаблонного» правосудия, что, в свою очередь, повышает риск принятия неправосудных судебных актов. Вместе с тем возрастают риски нарушения права участвующих в деле лиц на справедливое судебное разбирательство, поскольку алгоритмический механизм разрешения спора ставится в зависимость от охвата судебной практики и всех отраслей права для машинного и глубокого обучения искусственного интеллекта.

Во-вторых, распознавание и перевод в читаемый цифровой формат аудиопротоколов судебных заседаний, документов, предоставляемых сторонами, сопряжено с рисками раскрытия чувствительной информации для неограниченного круга лиц.

В-третьих, IT-технологии позволят значительно сократить сроки рассмотрения дел, что может негативно отразиться на качестве правосудия.

В-четвертых, отсутствие специального программного продукта, предназначенного для проведения дистанционных судебных заседаний, ведет к снижению проведения подобных заседаний, поскольку сервисы Zoom и Skype не позволяют учитывать все особенности судопроизводства.

В-пятых, отсутствие генеративного искусственного интеллекта судебной правоприменительной практики, создание и применение которого позволит обеспечить единство и стабильность судебной практике по конкретным категориям споров.

В-шестых, внедрение и применение IT-технологий в работе суда сопряжено в решении этических проблем, поскольку ИИ должен быть только помощником судьи, его цифровым ассистентом, не подменять человека.

В-седьмых, актуализация проблемы прямого, непосредственного изучения и исследования доказательств судом, поскольку исключена передача посредством IT-технологий оригиналов документов в суд, а также отсутствие адекватной системы идентификации и аутентификации электронных документов.

В-восьмых, информационная открытость судопроизводства сопряжена с проблемой обеспечения информационной безопасности, «расширяющееся применение цифровых технологий выявило в правоприменительной практике пробелы и неопределенности в защите конфиденциальности персональных данных» [8], то есть поиска баланса между реализацией принципа транспарентности и защитой чувствительной персональной информации. Соответственно, «состояние информационной среды, безопасность информации, защищенность субъектов от негативного информационного воздействия» [18] должны способствовать открытости правосудия в целях повышения его доступности, эффективности, безопасности судебной власти в информационной сфере, что, в конечном счете, позволит обеспечить удовлетворение информационных потребностей субъектов информационных отношений.

Соответственно, минимизация названных рисков является актуальной задачей внедрения IT-технологий в судопроизводство, перспективными способами решения которой в настоящее время являются, на наш взгляд, установление государственного контроля по использованию в судопроизводстве чувствительной информации путем разработки эффективных требований для защиты информации, относящейся к судопроизводству, совместная разработка и имплементация генеративного искусственного интеллекта, продуктов электронного правосудия юристами и IT-специалистами, что позволит обеспечить синергетический эффект в правосудии и правосознании общества.

Назрела необходимость принятия цифрового, высокотехнологичного, процессуального законодательства, основной задачей которого будет формирование системного, гармонизированного, универсального правового регулирования взаимодействия субъектов общественных отношений по вопросам использования цифровых технологий при отправлении правосудия. Современные цифровые когнитивные технологии с элементами искусственного интеллекта должны стать имманентными свойствами судопроизводства и судебной вла-

сти, при этом принятие решения с использованием гибридных системах должно оставаться за судьей.

Литература

1. Андриюшечкина И.Н. Анализ основных показателей деятельности судов общей юрисдикции // Российская юстиция. 2007. № 3. С. 65–71.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N 95-ФЗ (АПК РФ) (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. N 30 ст. 3012.
3. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: Защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. Издательство «Юстицинформ», 2005. 384 с.
4. Бондарь Н.С. Личное и публичное. В поисках баланса. Ростов-на-Дону: Издательство Алтайр, 2010.
5. Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Журнал «Закон». 2018. № 1. С. 59–70.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (ГПК РФ) (с изменениями и дополнениями) // Российская газета от 20 ноября 2002 г. N 220.
7. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / Т.Я. Хабриева, А.И. Ковлер, Р.А. Курбанов; отв. ред. Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 39–41.
8. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев, Э.В. Алимов и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. 176 с.
9. Зражевская Т.Д. Эффективность реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в субъектах Российской Федерации // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, С.Е. Андреева. М.: Формула права. 2001. С. 115–119.
10. Лапаева В.В. Анализ качества судебной деятельности в процессе правового мониторинга (вопросы теории и методологии) // Законодательство из кономика, 2009. № 10. С. 7–16.
11. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: РАП, 2000. 368 с.
12. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. N 1406 // Собрании законодательства Российской Федерации от 7 января 2013 г. N 1 ст. 13.
13. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с.
14. Постановление ЕСПЧ от 30 мая 2013 г. «Малофеев против Российской Федерации».
15. Татаринов С.А. О критериях определения эффективности отправления конституционного правосудия в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Часть 34 / Под ред. В.Ф. Волочича. Томск: Изд-во Томск.ун-та, 2006. С. 34–38.
16. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В.А. Лекторского. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2022. 328 с.
17. Чепунов О.И. Об эффективности судебной власти // Современное право. 2009. № 5(1). С. 79–83.
18. Яковец Е.Н. Правовые основы обеспечения информационной безопасности Российской Федерации: Учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2014. 408 с.
19. Albers P. The Assesment of Court Quality: Hype or Global Trend? Hague Journal on the Rule of Law. 2009. No.1. P. 53–60.
20. Prager and Oberschlick v. Austria (Application no. 15974/90). 1995. URL: http://www.hraction.org/wp-content/uploads/prager_and_oberschlick_v_austria.pdf (дата обращения: 05.12.2024).

TRANSPARENCY OF THE JUDICIARY IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Zlobina E.A.

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article examines the transparency of the judiciary in the Russian Federation: problems and prospects. It is determined that in order to implement the constitutional rights of citizens related to judicial protection, it is necessary to make changes, where the issue of using information technologies will be made dependent on the needs of citizens in using such technologies to protect their legitimate rights and interests, and not on the technical capabilities of the court. Promising aspects of the implementation of IT technologies are identified. It is revealed that the introduction of information systems for alternative dispute resolution will allow participants in the process to imagine the prospects and risks of litigation before applying to the court, to get an idea of the logic of the development of the process and the regularity of its outcome, thereby excluding any false assumptions that are not related to actual judicial activity. Risks for a person and society are highlighted, features in the development of legal mechanisms that correlate with the emerging social interaction regarding the use of relevant technologies and systems.

Keywords: transparency, judiciary, rule of law, openness, constitutional values.

References

1. Andryushechkina I.N. Analysis of the main performance indicators of courts of general jurisdiction // *Russian Justice*. 2007. No. 3. P. 65–71.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 N 95-FZ (APC RF) (with amendments and additions) // *Collected Legislation of the Russian Federation of July 29, 2002 N 30 Art. 3012*.
3. Bondar N.S. Power and Freedom on the Scales of Constitutional Justice: Protection of Human Rights by the Constitutional Court of the Russian Federation. Yustitsinform Publishing House, 2005. 384 p.
4. Bondar N.S. Personal and Public. In Search of Balance. Rostov-on-Don: Altair Publishing House, 2010.
5. Branovitsky K.L. Use of information technologies in the context of optimization of civil proceedings // *Magazine "Law"*. 2018. No. 1. P. 59–70.
6. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 N 138-FZ (CPC RF) (with amendments and additions) // *Rossiyskaya Gazeta of November 20, 2002 N 220*.
7. Doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation: monograph / T. Ya. Khabrieva, A.I. Kovler, R.A. Kurbanov; ed. T. Ya. Khabrieva. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. P. 39–41.
8. Data protection: scientific and practical commentary on judicial practice / V.V. Lazarev, H.I. Gadzhiev, E.V. Alimov et al.; ed. by V.V. Lazarev, H.I. Gadzhiev; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: OOO "LAW FIRM CONTRACT", 2020. 176 p.
9. Zrazhevskaya T.D. Efficiency of Implementation of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Subjects of the Russian Federation // *Problems of Execution of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and Constitutional (Charter) Courts of the Subjects of the Russian Federation by Federal Government Bodies and Government Bodies of the Subjects of the Russian Federation: Materials of the All-Russian Conference (Moscow, March 22, 2001)* / Ed. by M.A. Mityukov, S.V. Kabyshev, V.K. Bobrova, S.E. Andreev. Moscow: Formula of Law. 2001. Pp. 115–119.
10. Lapayeva V.V. Analysis of the quality of judicial activity in the process of legal monitoring (theoretical and methodological issues) // *Legislation and Economy*, 2009. No. 10. Pp. 7–16.
11. Lebedev V.M. Formation and development of the judiciary in the Russian Federation. Moscow: RAP, 2000. 368 p.
12. On the federal target program "Development of the judicial system of Russia for 2013–2024": Resolution of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012 N 1406 // *Collected Legislation of the Russian Federation of January 7, 2013 N 1 Art. 13*.
13. Petrukhin I. L., Baturov G.P., Morshchakova T.G. Theoretical foundations of the effectiveness of justice. Moscow: Science, 1979. 392 p.
14. Judgment of the ECHR of 30 May 2013 "Malofeev v. Russian Federation".
15. Tatarinov S.A. On the criteria for determining the effectiveness of the administration of constitutional justice in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation // *Legal problems of strengthening Russian statehood: Collection of articles. Part 34* / Ed. V.F. Volovich. Tomsk: Publishing house of Tomsk University, 2006. Pp. 34–38.
16. Man and artificial intelligence systems / Ed. V.A. Lektorsky. St. Petersburg: Publishing house "Legal Center", 2022. 328 p.
17. Chepunov O.I. On the effectiveness of the judiciary // *Modern law*. 2009. No. 5 (1). Pp. 79–83.
18. Yakovets E.N. Legal Foundations for Ensuring Information Security of the Russian Federation: Textbook. manual. Moscow: Yurlitinform, 2014. 408 p.
19. Albers P. The Assessment of Court Quality: Hype or Global Trend? *Hague Journal on the Rule of Law*. 2009. No. 1. P. 53–60.
20. Prager and Oberschlick v. Austria (Application no. 15974/90). 1995. URL: http://www.hraction.org/wp-content/uploads/prager_and_oberschlick_v_austria.pdf (accessed: 05.12.2024).

Внешний образ этнической самобытности как фактор политической гармонизации межкультурных различий

Кугай Александр Иванович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: kugay3@yandex.ru

Захарова Ирина Викторовна,

аспирант, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: jomiv@yandex.ru

Внешний образ индивида, характеризующего определенную этническую группу в полиэтничестве, может являться спусковым механизмом для развития конфликтогенной среды, а также фактором их урегулирования, при применении существенных мер контроля интерпретаций, воздействия и поддержки. В статье проводится анализ влияния объективного или сгенерированного, ради достижения определенного умысла, внешнего образа, на жизненную необходимость индивидов в взаимодействии в многонациональной группе, анализ совокупности экстралингвистических факторов, сравнительный статистический анализ. Изучение работы над поддержанием благоприятного образа этнических групп в полиэтничестве, финансирование и поддержка от государства и организаций, целью которых является дружественное транслирование информации о своем этносе и формирование открытого позитивного общения между этносами, благоприятно влияющими на общий фон в отдельно взятой территории, на которой осуществляются подобные мероприятия. Содействие государственных структур в наращивании оборотов среди предпринимателей сферы питания с этническим колоритом, производит гастро-туры, благотворно воздействующие на абрис общества. Патриотические акции, вахты памяти с привлечением различных межэтнических групп, помогают поддерживать и продвигать благоприятный внешний образ представителя той или иной национальности, проживающего на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: мигранты, идентичность, самоопределение, межэтнические конфликты, межэтнический фон, этнический образ, внешний образ, этнос, управление конфликтом.

Введение

Создание и стабилизация единого межконфессионального и межэтнического благоприятного фона, является неотъемлемой жизненной необходимостью для конструирования сообществ и процветания государств. Наряду с этим стабильное, относительно безопасное сообщество, в свою очередь, продуцирует спокойного и уверенного индивида. Равно как и дезорганизованность и напряжение в государстве делает индивида конфликтогенным актором общества. Изыскания на тему подобной взаимозависимости, регулирование влияния внешних факторов и сдерживание негативных проявлений – фундамент устойчивого государства.

Цель статьи – выявить грань влияния внешнего образа представителя этноса на текущую межэтническую обстановку. Задачи: а) определить влияние языкового фактора на развитие и изменение общего этнического образа, б) рассмотреть возможность управления образом через регуляцию и использование имиджевых стратегий.

Материалы и методы исследования

Статья написана в границах планового многоступенчатого исследования взаимодействия этнических групп с органами государственной власти в Санкт-Петербурге. В основе исследования лежит системный метод, метод структурно-функционального социологического анализа, институциональный метод и метод социального конструктивизма.

Общетеоретической основой работы послужили труды таких ученых, как: Андерсон, 2001; Бергер, 1995; Брубейкер, 2012; Бромлей, 1983; Геллер, 1991; Дробужева, 2003; Малахов, 2005; Тишков, 2003; Хобсбаум, 1998; Кугай, 2023, Де Вос, 1997; Лаффри, 2011 и др.

Структура статьи сформирована из двух разделов. В первой части – исследование внешнего образа индивида, коррелирующего с комплексом интерпретаций, поступающих извне. Во втором разделе анализ совокупности экстралингвистических факторов (Прагматических, социокультурных, этнических), сравнительный статистический анализ национально-гастрономических факторов и их влияния на восприятие этнических дифференцированных групп и их отдельных представителей. В заключительной части выявляются факторы, воздействующие на уровень этнической напряженности, и объединяются вышеперечисленные части и комбинируя инструменты регуляции общественным мнением.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенности внешней самобытности индивида

Внешний образ человека, общественной группы, этнической группы, общества в целом, как один из факторов влияния, связан с рядом особенностей и проходит через постоянные трансформации в связи с воздействием внутренних и внешних факторов [18]. Что, в свою очередь, коррелирует с всеобщим взаимодействием на разных уровнях и проводит расцвету, либо упадку сообществ, а также к различным конфликтам, возникающим в них.

В совокупности внешний образ представляет собой комплекс видений интерпретаций, эмоций, мнений и оценок, [3]; [2] которые сторонний наблюдатель или группа лиц определяют, как истину о носителе образа [14]; [18]. Такое личное восприятие зачастую связано с продолжительным наблюдением за объектом, полученным опытом, а также включает в себя эмоции, которые вызывает носитель образа [18]. Гармоничный образ – это возможность передачи своей неповторимости и акт выражения любви к себе. Именно внешний облик, является одним из главных способов самовыражения в обществе.

Фигура человека, то, как он одевается, тембр голоса, жесты, мимика, даже походка, являются визиткой, за которой находится внутренняя составляющая каждого из нас [19]. Это неотъемлемая часть каждого человека.

Не зависимо от желания, каждый человек имеет уникальный внешний образ в обществе. Имидж может частично совпадать или не совпадать с личным мнением человека о себе, может быть навязан извне или искусственно создан самим человеком. Пословица «Встречают по одежке, а провожают по уму», как нельзя явственно выражает концепцию важности имиджа и не теряет своей актуальности по сей день.

Акцентируясь на этническом образе, необходимо понимать, что задействуется целый пласт социокультурных компонентов, исторических, территориальных, языковых и других факторов [18]; [16]. Относительно этнической самобытности, подразумеваются компоненты социальной жизни этноса, его самоорганизация, элементы культурного наследия, которые отделяют его от других сообществ и не только изнутри, но и визуально демонстрируют его индивидуальность и инаковости.

Уникальность предполагает сохранение и передачу сквозь века удивительной самобытности, визуально выражающейся в множестве элементов, например, костюме, украшениях, языковых особенностях, традициях каждого этноса, что существенно отделяет его от других [1]; [14]. Исторический аспект связан с самоопределением. Он предполагает накопление информации о происхождении этноса, культуре, традициях, исторических особенностях. Передача знаний в дописьменные времена в контексте сказок, легенд, преданий, добавляет в общую ветвь повествования, личностное восприятие сказителя, тем самым трансформируя те или иные особенности в веках.

Этнический дискурс и национальная кухня

Внешним фактором так же является дискурс, понимаемый как высказывание, структурирующее социальную реальность – особенности этнического и национального самосознания, формирующийся и «живущий» наряду с самим этносом. Сохранение и уважение языковой самобытности отдельных этносов в России предполагает поддержку языковых общностей, например, поддержку малых народов. Языковая принадлежность, как внешний фактор, указывающий на принадлежность к той или иной этнической группе [1] часто выражается в акценте, использовании «местных» слов и выражений, аканьи, оканьи и других аспектах.

Оперирование теми или иными этническими языковыми отсылками в повседневной жизни межэтнического общества помогает формировать тот или иной первообраз восприятия у населения на исследуемой территории [7]; [20]. Управление мнением, в данном случае, происходит через преподнесение ценностей или наоборот раздражающих общественность элементов, а также через языковую составляющую. Постоянное использование формирует устойчивый образ и связь. Живым примером такой отсылки является кафе быстрого питания «Теремок», которое преподносит себя как кафе здоровой, домашней, русской пищи. Здесь происходит интересная отсылка к русским ценностям, к традиционной кухне, народному празднику Масленице, ассоциирующемуся с возрождением и радостью, домашнему русскому очагу, большой печи и хозяйки у накрытого стола. Использование в логотипе и фирменной форме элементов и цветов русского традиционного костюма, создание образа русского терема, с печью, с блинами «С пылу, с жару». Использование приветствий с отсылкой на традиционные русские обращения «сударь, сударушка», что еще раз вызывает улыбку у посетителей и продолжительный ассоциативный ряд домашнего очага и сказки. А разве домашняя кухня может быть вредной? Это место, в которое скорее можно пойти с детьми и почитать сказку про Теремок и покушать блины. Надо признать, что этот образ дает устойчиво растущие финансовые показатели. Редко, когда в этих кафе в выходные не бывает очереди. И, казалось бы, блины, но такое позиционирование помогает на голову обгонять другие кафе с блинами, так как блин – это блин, не всегда хочется, достаточно тяжелая пища, можно съесть что-то другое, а тут целая история с образом доброй, полноценной, быстрой, здоровой пищи. А кто в наше время не хотел бы питаться «здоровой» пищей и быстро, если есть такая возможность? Это позиционирование приносит компании хорошую прибыль и привлекательность.

Другим элементом микрополитической кооперации населения является модель популярности кафе быстрого питания с добавлением в асортимент элементов национальной кухни, таких как кебаб, шаверма. В таблице рассчитано соотношение количество точек продажи шавермы

в Санкт-Петербурге в зависимости от года. (См. Таблица 1)¹.

Таблица 1. Соотношение количества точек продажи шавермы в Санкт-Петербурге во времени

Год	Количество точек продажи	Процентное соотношение
Середина 2019	1057 шт.	-
2020	– пандемия	
Середина 2021	1913	+80,9%
Начало 2022	1209	-36,8%
Конец 2022	1934	+60%
Начало 2023	1372	-29%
Конец 2023	1574	+14,7%
Начало 2024	1938	+18,8%

Перманентно цикличное наращивание точек сбыта торговой продукции с адаптивными характеристиками в углубление на национальный колорит, эксплицирует рост личных вкусовых пристрастий в обществе. Продвижение обусловлено признанием населения, удовлетворённостью вкусовыми характеристиками, удобством «еды на ходу», доступностью ценового диапазона. Наряду с этим видна корреляция с отсылкой на национальный колорит. Популярность национального блюда продуцирует хорошее восприятие представителей национальности в целом. Как и принята обществом неформальная парадигма: «Нигде не умеют так хорошо готовить шашлык, как на Кавказе», здесь популяризация этноса происходит через воздействие на естественные потребности индивида. Интересно, что на Западе шашлык представляется исконно русским блюдом, тем не менее исторически слово шашлык от слова «шиш», что значит «вертел», то есть блюдо, приготовленное на вертеле на открытом огне, пришло к нам из тюркской языковой группы. По аналогии с ним Армянский хоровец (армянский шашлык) блюдо национальной кухни из говядины с гранатом несущее в себе силу солнца, подается с яркими овощами, является одним из главных блюд армянской кухни, представленной в Санкт-Петербурге, и обрело своих приверженцев среди многонационального населения города. Тождественно создающие эмоциональное впечат-

¹ Фонтанка.ру – В Петербурге резко сократилось число кофеен и шаверм [Электронный ресурс] URL: <https://www.fontanka.ru/2022/11/28/71851334/> (Дата обращения: 10.12.2024); Строительная газета – рынок общественного питания [Электронный ресурс] URL: <https://stroygaz.ru/publication/projection/kolichestvo-stolovykh-v-peterburge-za-god-vyroslo-na-8-a-chislo-shaverm-sokratilos-pochti-na-tret/> (Дата обращения: 03.04.2024); Комсомольская правда – рынок общепита [Электронный ресурс] URL: <https://www.spb.kp.ru/online/news/5031101/> (Дата обращения: 10.12.2024); 2GIS данные карты Санкт-Петербург [Электронный ресурс] URL: <https://2gis.ru/spb/search/> (Дата обращения: 10.12.2024)

ление праздника блюда турецкой кухни «шиш-кебаб»², блюдо стран Юго-восточной Азии, Малайзии, Индонезии и других «сатэй» (кусочки курицы в маринаде из остро-сладких специй, приготовленные на углях) так же представлены в диапазоне Санкт-Петербургских ресторанов. Потребность в созидании собственных этнических ориентиров и заинтересованность в коммуникации с внешними, обусловлена исторической значимостью самоопределения индивида через призму этнической принадлежности.

Объединяющий фактор национальной кухни, представленный на вышестоящих примерах и обусловленный арифметической прогрессией количества торговых точек с национальным продуктом, а также ростом популярности, внедрением и аккомодацией в обществе, является структурирующим компонентом регламентации работы в проспекте национальной политики города.

Для разъяснения объективности воздействия национальной кухни как медиатора взаимодействия национальных групп важно имплицировать рост общественного питания по городу Санкт-Петербургу в временной шкале³⁴ С ракурса по значению млн руб. в год соотношение оборота общественного питания с 2000 по 2023 год прирост составил 194661,1 в с амплитудой ежегодного прироста по минимальному значению 71.5% и 129.3%.

Базируясь на данных исследования и статистической информации по декларируемым оборотам общественного питания в Санкт-Петербурге, учитывая допущение существенного черно-кассового оборота, приводится умозаключение о движении по возрастающему каналу тренда с спадами обусловленными политической, экономической, социальной ситуацией в обществе⁵. Здесь прослеживается синкретизм падения процента с кризисом 2008 года. Так же следует отметить задержку роста оборотов и падение процента с соотношением в релевантную стоимость в корреляции с событиями 2014 года, кризисное падение показателей в контексте пандемии 2020 года, практически двухкратное увеличение оборотов в 2021 году. Миграционные потоки, отток и приток мигрантов в город, активно влияют на данные показатели в контексте освещенных событий. В 2022 году является отток продукции недружественных стран и замещение рынка региональным и продуктом дружественных стран. На фоне этого замещения выкристаллизовывается новый ассортимент про-

² Энциклопедия Академик [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1201267> (Дата обращения: 10.12.2024)

³ Федеральная служба государственной статистики Росстат, Розничная торговля и общественное питание в Российской Федерации, Оборот общественного питания по субъектам Российской Федерации. Индекс Физического объема оборота [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (Дата обращения: 10.12.24.2024)

⁴ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/tematicheskii-katalog/food> (Дата обращения: 10.12.2024)

⁵ 2GIS данные карты Санкт-Петербург [Электронный ресурс] URL: <https://2gis.ru/spb/search/> (Дата обращения: 10.12.2024)

дукции, состав акторов на рынке питания на вынос. Прирост новых игроков имплицитно расширяет национально-культурные особенности, точек продаж национальной кухни, вносит оригинальный, характерный национальный колорит в палитру ресторанного бизнеса города. Расширение рынка, регулирование рынка с стороны государства, прирост точек продаж с национальной кухней в свою очередь влияет на межэтнический фон города.

Например, рост заведений с национальным лакомством «Пышка» ежегодно набирает популярность в городе. В 2021 году 27 заведений имели в ассортименте данный продукт, в 2022 их уже 45, в 2023—49, в 2024 пышечных 54, а заведений, имеющих в меню продукт 144¹.

Покупательская способность населения так же играет решающую роль в взаимодействии культур через гастрономический фактор. Учитывая, это следует отметить тренд учтенного оборота в сфере питания в профильных точках продаж на душу населения в Санкт-Петербурге. В 2010 году оборот составил 9437 рублей на одного человека за год, далее виден рост по экспоненте до 17170 рублей на человека в 2019 году, падение до 12471 рублей в 2020 и выравнивание на тренд в 28171 рубль на человека в 2022 году².

В корпусе заданных данных получаем соотношение предложения на рынке общественного питания и реальной покупательской способности. Все чаще прослеживается скачкообразный рост тенденции в обществе на потребление «домашней кухни» вне дома. На этапе ускорения процессов выявляется предпочтение значительных общественных масс к вкусной, относительно здоровой, но быстрой кухне, в том числе и на вынос. Здесь широкий рыночный ассортимент предоставляет покупателю возможность постоянного путешествия в поисках предпочтений на уровне города. Повышенный спрос приводит к борьбе за покупателя, что сводится к выявлению и популяризации через визуальные и внутренние акценты. Таким акцентом в контексте исследования становится национальный колорит заведения, что в свою очередь популяризирует культуру и традиции этноса, представляющего его на рынке общественного питания.

Каждое заведение так или иначе представляет свои референции для привлечения спроса. На период апреля 2024 года на территории города Санкт-Петербурга выявлено 9645 зарегистрированных заведений питания. Анализируя акторов общественного рынка питания определен ряд

¹ BI Portal Федеральная служба государственной статистики Росстат, Оборот розничной торговли по категориям [Электронный ресурс] URL: <http://bi.gks.ru/biportal/contourbi.jsp?all-sol=1&solution=Dashboard&project=%2FDashboard%2Ftrade> (Дата обращения 15.12.2024)

² Федеральная служба государственной статистики Росстат, Розничная торговля и общественное питание в Российской Федерации, Оборот общественного питания на душу населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (Дата обращения: 15.12.2024)

заведений, базирующихся или представляющих в своем ассортименте национальную кухню. (См. Таблица 2. Распределение заведений по виду национальной кухни в Санкт-Петербурге в 2024 году).

Таблица 2. Распределение заведений по виду национальной кухни в Санкт-Петербурге в 2024 году

Кухня	Количество заведений
Русская	1076
Татарская	15
Якутская	1
Бурятская	4
Армянская	48
Грузинская	465
Узбекская	490
Вьетнамская	73
Еврейская	39
Индийская	39
Японская	558
Китайская	132

Возможность свободного гастро-путешествия по уголкам нашей страны и миру в территориальных границах одного города благоволяет конструированию лояльного, комплиментарного этносоциального абриса. Диапазон выбора дает возможность коммуникации и приобщения к инаковым традициям и культуре, что в свою очередь обогащает внутренний мир индивида, а также способствует добрососедским отношениям в будущем.

Иллюстрирование явственных культурных и традиционных ценностей через национальную кухню, генерирует благоприятный образ этноса в оптике общества. Что в свою очередь является инструментом социальной консолидации и гармонизации межэтнических настроений.

Тиражирование образа позитивно влияет не только на экономические показатели компании и приносит прибыль государству от налогов, но и формирует позитивный образ этноса [16] через отсылку на традиционный быт, национальную кухню, использования языковых отсылок, традиционных элементов, через влияние на выбор в естественной потребности человека, в пище. В понимании пищи как основополагающей потребности по пирамиде Абрахама Маслоу³. Эти примеры выступают в качестве важнейшего государственного инструмента формирования популярности, через этнический колорит, с помощью которого происходит управление общественным мнением, косвенная поддержка позитивного этнического фона и экономической эффективности, популяризация этноса, наряду с экономической выгодой.

³ РБК Общество – Пирамида потребностей Абрахама Маслоу [Электронный ресурс] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6385b3499a794707b048ec86> (Дата обращения: 15.12.2024)

Выводы

Таким образом, если говорить о регуляции межэтнических конфликтов, поддержке позитивного эмоционального фона в обществе, следует учитывать визуальный образ этнических сообществ и их представителей на заданной территории и помнить о индивидуальности каждого представителя, его психологических, религиозных, экономических, политических ориентирах. При работе над урегулированием межэтнических конфликтов организациям и заинтересованным государственным органам при ориентировании целей на позитивный вектор, правильное формирование образа в межэтнической среде позволит частично регулировать зоны межэтнической напряженности [7]; [8].

При попадании в моноэтническую среду представитель того или иного отличного этноса всегда сталкивается с рядом задач и проходит этапы социализации. [1]

Положительно, работа над поддержанием позитивного образа этнических групп в полиэтнической среде, финансирование и поддержка от государства организаций, целью которых является дружественная передача информации о своем этносе и формирование открытого позитивного общения между этносами благоприятно влияет на общий фон отдельно взятой территории, на которой осуществляются подобные действия.

Таковыми же инструментами могут быть межкультурные обмены среди молодежи и на предприятиях, финансирование мероприятий, направленных на транслирование дружественной атмосферы между этносами, патриотические акции, вахты памяти с привлечением межэтнического контекста, помогающие поддерживать и продвигать благоприятный внешний образ объекта в обществе. [1]; [15] Определенно равновесие в работе для поддержания позитивного межэтнического фона в сообществе со стороны государства значимая и необходимая часть взаимодействия с обществом.

Подводя итоги следует сказать, что работа с популяризацией внешнего образа этнической самобытности, как фактор влияния на управление уровнем межэтнической напряженности носит основополагающий характер. Именно здесь очень важно равновесие, понимание и аккуратность в принятии решений. Понимание времени и места, в котором необходимо влияние, регуляция конфликта, поддержка или отступление – императив в работе в данной сфере.

Литература

1. Андерсон, Бенедикт. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Бенедикт Андерсон; Ин-т социологии РАН, Моск. высш. шк. социальных и эконом. наук, Центр фундаментальной социологии; пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности/ П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп/ Р. Брубейкер. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.
4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса/ Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 418 с
5. Геллнер, Эрнест. Нации и национализм / Эрнест Геллнер; Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. – Москва: Прогресс, 1991. – 319,[4.
6. Дробижеева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России/ Л.М. Дробижеева. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 376 с.
7. Захарова, И.В. Интеграция иммигрантов в Санкт-Петербурге на фоне эпидемии коронавируса / И.В. Захарова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – № 2(36). – С. 72–76.
8. Кугай, А. И., Захарова И.В. Предвосхищение и механизмы разрешения межнациональных конфликтов / А.И. Кугай, И.В. Захарова // Управленческое консультирование. – 2021. – № 7(151). – С. 49–53.
9. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология/ В.С. Малахов. – М.: КДУ, 2005. – 320 с.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии/ В.А. Тишков. М.: Наука, 2003. – 544 с.
11. Хобсбаум, Эрик Джон. Нации и национализм после 1780 года / Эрик Хобсбаум; Пер. с англ. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
12. Abraham H. Maslow, Motivation and personality, third edition. Wesley Longman Inc. New York, 2019. P. 400.
13. D.P. Moynihan Pandaemonium: Ethnicity in International Politics. Daniel Patrick Moynihan. Published by OxfordUniversity Press, USA (1993)
14. De Vos G. Ethnic Pluralism. Conflict and Accomodation // Ethnic Identity / Cultural Change. Chicago, 1997. P. 9.
15. Bjorgo, T. Conflict processes between youth groups in a Norwegian City: Polarization and Revenge. European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice, Vol. 13/1, 2005b
16. Caprara, G. V., Vecchione, M., Schwartz, S. H., Schoen, H., & Caprara, M.G. Basic values, ideological self-placement and voting: A cross-cultural study. Cross-Cultural Research, 2017. 41(4), P. 388–411.
17. LaFree, G. Using open source data to counter common myths about terrorism. In: Forst, B., 2011
18. Feldman, S Values, ideology, and the structure of political attitudes. In D.O. Sears, L. Huddy, & R. Jervis (Eds.), The Oxford handbook of political psychology (pp. 477–508). New York: Oxford University Press, 2003
19. Schwartz, S. H., & Boehnke, K. Evaluating the structure of human values with confirmatory factor

analysis. *Journal of Research in Personality*, 2004. 38(3), P. 230–255.

20. Wodak R. *Discourse and Discrimination. Rhetorics of racism and antisemitism* / R. Wodak. M.: Reisingl. Taylor&Francis. 2000. 312 p.

EXTERNAL IMAGE OF ETHNIC INDIVIDUALITY, AS A FACTOR OF POLITICAL HARMONIZATION INTER-ETHNIC DIFFERENCES

Zakharova I., Kugay A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The external image of an individual characterizing a certain ethnic group in a multiethnic society can be a trigger for the development of a conflict-generating environment, as well as a factor in their resolution, with the application of significant measures to control interpretations, influence and support. The article analyzes the influence of an objective or generated, for the sake of achieving a certain intent, external image on the vital need of individuals to interact in a multinational group, an analysis of a set of extralinguistic factors, and a comparative statistical analysis. Studying work to maintain a favorable image of ethnic groups in a multi-ethnic environment, funding and support from the state and organizations whose goal is the friendly broadcast of information about their ethnic group and the formation of open positive communication between ethnic groups that favorably influence the general background in a particular territory in which they are carried out similar events. The assistance of government agencies in increasing turnover among entrepreneurs in the food sector with an ethnic flavor produces gastro tours that have a beneficial effect on the outline of society. Patriotic actions, memorial watches with the involvement of various interethnic groups help to maintain and promote a favorable external image of a representative of a particular nationality living on the territory of the Russian Federation.

Keywords: migrants, identity, self-determination, interethnic conflicts, interethnic background, ethnic image, external image, ethnos, conflict management.

References

1. Anderson, Benedict. *Imaginary Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism* / Benedict Anderson; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow. Higher School of Social and Economic Sciences. Gauck, Center for Fundamental Sociology; translated from the English by V.G. Nikolaev. – M.: Canon-Press-Ts, 2001.
2. Berger P. *Social construction of reality* / P. Berger, T. Lukman. M.: Medium, 1995. – 323 p.
3. Brubaker R. *Ethnicity without groups* / R. Brubaker. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 408 p.
4. Bromley Yu.V. *Essays on the theory of ethnos* / Yu.V. Bromley. – M.: Nauka, 1983. – 418 p.
5. Gellner, Ernest. *Nations and Nationalism* / Ernest Gellner; Translated from the English by T.V. Berdikova, M.K. Tyunkina; Ed. and afterword by I.I. Krupnik. – Moscow: Progress, 1991. – 319, [4].
6. Drobizheva L.M. *Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia* / L.M. Drobizheva. – M.: Center for Universal Values, 2003. – 376 p.
7. Zakharova, I.V. *Integration of immigrants in St. Petersburg against the background of the coronavirus epidemic* / I.V. Zakharova // *Eurasian integration: economics, law, politics*. – 2021. – № 2(36). – Pp. 72–76.
8. Kugay, A. I., Zakharova I.V. *Anticipating and mechanisms for resolving interethnic conflicts* / A.I. Kugay, I.V. Zakharova // *Managerial consulting*. – 2021. – № 7(151). – 49–53.
9. Malakhov V.S. *Nationalism as a political ideology* / V.S. Malakhov. – M.: KDU, 2005. – 320 p.
10. Tishkov V.A. *Requiem for ethnos: studies in socio-cultural anthropology* / V.A. Tishkov. M.: Nauka, 2003. – 544 p.
11. Hobsbawm, Eric John *Nations and Nationalism after 1780* / Eric Hobsbawm; Translated from the English by A.A. Vasilyeva. – St. Petersburg: Aletya, 1998. – 305 p.
12. Abraham H. *Maslow, Motivation and Personality*, third edition. Wesley Longman Inc. New York, 2019. p. 400.
13. D.P. Moynihan "Pandemonium: ethnicity in international politics". Daniel Patrick Moynihan. Published by Oxford University Press, USA (1993)
14. De Vos G. *Ethnic pluralism. Conflicts and adaptation* // *Ethnic identity / Cultural changes*. Chicago, 1997. p. 9.
15. Bjorgo, T. *Conflict processes between youth groups in a Norwegian city: polarization and revenge*. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, Volume 13/1, 2005b
16. Caprara G. V., Veccione M., Schwartz S.H., Sean H. and Caprara M.G. *Basic values, ideological self-determination and voting: a cross-cultural study*. *Cross-Cultural Studies*, 2017. 41(4), pp. 388–411.
17. Lafrey G. *Using data from open sources to refute common myths about terrorism*. In: Forst B., 2011
18. Feldman, Values, ideology and structure of political attitudes. In the book by D.O. Sears, L. Huddy and R. Jervis, *The Oxford Handbook of Political Psychology* (ed.) (pp. 477–508). New York: Oxford University Press, 2003
19. Schwartz S. H. and Behnke K. *Assessment of the structure of human values using confirmatory factor analysis*. *Journal of Personality Research*, 2004. 38(3), pp. 230–255.
20. Wodak R. *Discourse and discrimination. The rhetoric of racism and anti-Semitism* / R. Wodak. M.: Reisingl. Taylor and Francis. 2000. 312 p.

Кутергин Михаил Николаевич,

аспирант, кафедра публичного права и национальной безопасности, Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: m.kutergin@list.ru

Статья посвящена всестороннему исследованию административно-правового статуса военнослужащих, являющегося одной из ключевых составляющих правового регулирования военной службы. Основной целью работы является раскрытие сущности, содержания и специфических особенностей данного статуса, а также анализ существующих проблем нормативно-правового регулирования, с которыми сталкиваются военнослужащие в своей профессиональной деятельности. В процессе исследования подробно рассматриваются ключевые элементы административно-правового статуса военнослужащих. Особое внимание уделяется уникальной роли военнослужащих как специфической категории государственных служащих. Их профессиональная деятельность связана с выполнением задач по обеспечению национальной безопасности и защите государственной независимости, что требует строгого соблюдения дисциплины, выполнения приказов и высокой степени законности в действиях. Специфика статуса военнослужащих проявляется также в повышенных требованиях к их подчинению установленным правилам и нормам. Анализ показал, что несмотря на существующую систему нормативного регулирования, в данной области имеются значительные пробелы и противоречия. Проблемы возникают, прежде всего, в части обеспечения баланса между требованиями воинской дисциплины и необходимостью защиты прав военнослужащих. Автор подчёркивает важность создания эффективных механизмов правовой защиты, которые позволили бы минимизировать риски нарушения прав военнослужащих при одновременном сохранении высокого уровня дисциплины в воинских коллективах.

Ключевые слова: административно-правовой статус, военнослужащий, права и обязанности, правовая защита, воинская дисциплина, нормативно-правовое регулирование.

Введение

Административно-правовой статус военнослужащего представляет собой комплекс прав, обязанностей и особых полномочий, определяющих место и роль военнослужащих в системе государственного управления и их отношение с другими субъектами права. Центральным элементом в понимании данного феномена выступает факт принадлежности военнослужащих к особой категорией государственных служащих, на которых возложены ответственные задачи по обеспечению обороноспособности и государственной безопасности. Этот статус, регулируемый как национальным законодательством, так и международными соглашениями, вносит значительные отличия в права и обязанности военнослужащих по сравнению с гражданскими лицами. Данный статус отражает не только нормативно-правовое регулирование, но и широкий спектр социальных, экономических и политических факторов.

Важным аспектом административно-правового статуса военнослужащих является его двусторонний характер. В одной плоскости этот статус подразумевает исполнение обязательств перед государством и обществом, включая соблюдение дисциплинарных норм и готовность к самопожертвованию ради защиты родины. В другой – государство обязано гарантировать соблюдение социальных и правовых норм, обеспечивающих достойные условия службы, защиту от произвола, а также доступ к правосудию и социальным гарантиям.

Таким образом, изучение административно-правового статуса военнослужащих открывает новые перспективы для научного исследования, позволяя представить военнослужащих как важнейший элемент структуры государственного управления, а также более глубокое осознание их особой роли в контексте обеспечения национальной безопасности. Этот аспект требует дальнейшего анализа с акцентом на многоуровневом подходе, интегрирующем различия национальных и международных правовых систем и их эволюцию в современном мире.

Теория правового статуса

Правовой статус личности представляет собой одну из фундаментальных категорий правовой науки, которая отражает юридически закрепленное положение индивида в системе общественных отношений. Эта концепция включает в себя комплекс прав, свобод и обязанностей, предусмотренных законодательством и обеспеченных государственными гарантиями. Правовой статус играет ключевую роль

в установлении равенства всех лиц перед законом, а также в защите их интересов в процессе взаимодействия с государственными органами и другими участниками правоотношений. Его важность заключается в создании равновесия между интересами личности и общества, что способствует поддержанию стабильности и гармонии в социальной среде.

Современные исследования правового статуса личности предлагают различные теоретические подходы к его определению и пониманию. Н.В. Витрук рассматривает правовой статус как совокупность прав, свобод, обязанностей и законных интересов, которые признаются государством и обеспечиваются правовыми механизмами [Витрук, 2017: 43]. Такой подход акцентирует внимание на нормативно-правовой основе и фиксированных элементах правового статуса. В то же время Л.Д. Воеводин предлагает более широкую интерпретацию, подчеркивая, что правовой статус формируется через взаимодействие гражданина, государства и общества, закрепленное в правовых нормах [Воеводин, 1997: 87]. Это расширенное понимание подчеркивает важность социальных связей и интеграции правовых норм в процесс общественного регулирования. Таким образом, правовой статус личности можно охарактеризовать как сложное и многогранное явление, в котором права, свободы и обязанности выступают не только формальным закреплением юридических норм, но и инструментом обеспечения взаимодействия личности и государства. Баланс между правами и обязанностями создает основу для социальной устойчивости, а гарантии государства укрепляют уверенность граждан в соблюдении их законных интересов.

В этой связи следует признать, что эволюция правового статуса – это динамичный процесс, находящийся в зависимости от изменений, происходящих в социальной и экономической сферах общества, а также от развития международного права и усиления акцента на права человека в современной правовой системе. Эти изменения требуют постоянного пересмотра и совершенствования законодательных норм, что направлено на более эффективную защиту человеческого достоинства и укрепление принципа справедливости в практике правоприменения. Таким образом, правовой статус личности является многогранной категорией, которая не только закрепляет права и обязанности индивида в обществе, но и служит инструментом балансировки интересов отдельного человека и государства. В условиях глобализации и активного развития международных правовых отношений, непрерывное развитие и приспособление правового статуса к новым вызовам является необходимым условием для повышения эффективности правовой системы и обеспечения справедливости в обществе.

Правовой статус военнослужащего

Правовой статус военнослужащих в Российской Федерации представляет собой сложную и многоуров-

невую систему, в основе которой лежит интеграция общегражданских прав и обязанностей с уникальными правовыми нормами, определенными специфическими особенностями воинской службы. Эта особенность продиктована необходимостью обеспечения обороноспособности государства, что требует от военнослужащих выполнения особых обязанностей, соблюдения строгой дисциплины и готовности действовать в условиях повышенного риска. Наложение дополнительных нормативно-правовых ограничений на военнослужащих связано с необходимостью бесперебойного функционирования государственных оборонных структур, несмотря на это, они продолжают оставаться гражданами со всеми своими правами и обязанностями.

Военная служба в Российской Федерации является неотъемлемой частью системы государственного управления и представляет собой особую форму федеральной государственной службы. Этот вид службы включает профессиональную деятельность граждан, выполняющих обязанности на воинских должностях в Вооружённых Силах России, а также в других специализированных войсках и формированиях, предназначенных для защиты национальных интересов и обеспечения безопасности государства [Борщевский, 2023]. Важной особенностью военной службы является её особый статус, который отличает её от других видов государственной службы, поскольку она требует высокой степени дисциплины, ответственности и готовности к выполнению специфических задач, связанных с обороной страны. При этом регламентация правового статуса военнослужащих осуществляется на основе Конституции РФ, которая выступает как основополагающий документ, определяющий права и обязанности граждан, включая тех, кто проходит военную службу. Такой подход обеспечивает надежную нормативно-правовую базу для регулирования служебной деятельности военнослужащих, с учетом специфики их профессиональной деятельности.

Военная служба требует от военнослужащих специфической ответственности, обусловленной необходимостью выполнения ключевых задач, таких как защита государства с применением вооруженных сил. Эта ответственность предполагает наличие у военнослужащих особых прав и обязанностей, которые отличаются от тех, что характерны для других категорий граждан. Одним из таких прав является возможность хранения, ношения и применения оружия, что влечет за собой не только право, но и строгие обязательства по соблюдению всех мер безопасности. Эти меры направлены на предотвращение несанкционированного доступа, неправильного использования оружия и обеспечение его применения исключительно в рамках установленных законодательных и служебных норм. Предписания по этим вопросам детально изложены в специальных нормативных актах, таких как например, Устав гарнизонной и караульной служб ВС РФ, что обеспечивает четкость и последовательность в действиях военнослужащих.

Кроме того и особые условия прохождения военной службы создают определенные ограничения для реализации гражданских прав, однако это компенсируется наличием механизма, адаптирующего общегражданские нормы к специфике военной службы. В частности, военная служба устанавливает рамки для реализации прав и обязанностей военнослужащего, включая ограничения в интересах боеготовности войск. Это позволяет обеспечить баланс между необходимостью выполнения военных задач и защитой прав и свобод военнослужащих.

Статус военнослужащих возникает с момента их зачисления на службу и утрачивается по завершении её прохождения. Этот правовой статус охватывает лиц, занимающих различные воинские должности, включая офицеров, прапорщиков, мичманов, сержантов, старшин, солдат и матросов. Важно отметить, что данный статус распространяется на всех военнослужащих, независимо от того, проходят ли они службу по контракту или по призыву. Эти положения закреплены в соответствующих законодательных актах, которые формируют правовую основу для организации и функционирования военной службы в Российской Федерации. Вместе с тем, военная служба включает в себя и ряд дополнительных правовых механизмов, касающихся лиц, призванных на военные сборы или пребывающих в мобилизационном людском резерве. Эти категории граждан получают статус военнослужащих в соответствии с предусмотренным законодательством порядком, что гарантирует их права и обязанности в условиях мобилизации. Комплексное регулирование подобных аспектов обеспечивает готовность органов военного управления к выполнению задач любой сложности, сохраняя при этом правопорядок и защищая права военнослужащих.

Особенности административно-правового статуса военнослужащего

Правовой статус военнослужащих в Российской Федерации является сложным и многогранным явлением, которое охватывает различные аспекты их профессиональной деятельности и правового положения. Он включает в себя совокупность прав, обязанностей и специфических видов юридической ответственности, что отличает его от правового статуса гражданского населения. Этот статус регулируется обширной системой нормативных актов, которые определяют как общие принципы службы в вооружённых силах, так и специализированные правила, применяемые в контексте военной службы. Так, согласно М. Корякину, правовой статус военнослужащего можно рассматривать как совокупность правосубъектности, то есть способности лица быть носителем прав и обязанностей, а также комплекса инструментов юридической ответственности. Эти инструменты включают в себя механизмы воздействия, направленные на обеспечение соблюдения установленных норм и наказание за их

нарушение [Корякин, 2015: 129]. Данный подход отражает сложность юридического статуса военнослужащих, влияющую на их служебную деятельность и повседневную жизнь.

Российская правовая система признает военнослужащих как субъектов, исполняющих важнейшие государственные функции, направленные на обеспечение суверенитета и безопасности страны. Это придаёт им особую роль в обществе, делая их носителями публичной власти, что отражается в публично-правовом характере правоотношений, возникающих в процессе выполнения ими служебных обязанностей. В связи с этим, правовой статус военнослужащих имеет основу, вытекающую из их функции как представителей государства, и оказывает влияние на формирование административно-правового статуса этой категории граждан. Так, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 8 от 29 мая 2014 года подчеркивает публично-правовой характер деятельности военнослужащих, подтверждая правовые основания для регулирования их действий в контексте выполнения государственных задач. Это постановление служит важным правовым ориентиром, который акцентирует внимание на специфике взаимодействия военнослужащих с государственными структурами и необходимостью обеспечения правопорядка и дисциплины в вооружённых силах.

При рассмотрении административно-правового статуса военнослужащих можно выделить несколько ключевых элементов, которые составляют его основу. К ним относятся права, обязанности, гарантии, ограничения и запреты, а также ответственность. Эти компоненты образуют целостную модель, отражающую уникальные условия службы в вооружённых силах. Помимо этого, воинская должность и звание военнослужащих играют важную роль в правовой системе, так как они напрямую влияют на распределение обязанностей, прав и ответственности, формируя иерархическую структуру, в рамках которой происходит регулирование военной службы.

Согласно Закону «О статусе военнослужащих», военнослужащие обладают фундаментальными правами и свободами гражданина, подчиняясь определённым ограничениям, которые определяют рамки их правового положения. Права военнослужащих законодательно установлены и направлены на эффективное выполнение ими своих обязанностей в рамках военной службы. Эти права варьируются от общих до специальных, касающихся конкретных должностных обязанностей. При этом совокупность гарантий на военной службе включают в себя административно-правовые меры, обеспечивающие не только правовую, но и социальную защищённость военнослужащих. Это позволяет поддерживать баланс между общественными интересами и индивидуальными правами военнослужащих, включая защиту их трудовых прав и социальных гарантий.

Следует особо отметить, что особые ограничения и запреты накладываются на военнослужащих в целях предотвращения действий, несоответству-

ющих их высокому социальному статусу и способных нанести вред государственным интересам. Законодательство чётко регламентирует эти аспекты, внедряя институциональные механизмы контроля, чтобы минимизировать риски, касающиеся как национальной безопасности, так и институциональной целостности военной службы. В частности, юридическая ответственность военнослужащих предполагает многоуровневую систему наказаний за правонарушения, что обусловлено их ролью в обеспечении общественного порядка и государственной безопасности. Данная ответственность включает административные, материальные и уголовные санкции, которые применяются в зависимости от характера и тяжести нарушения.

Таким образом, административно-правовой статус военнослужащих Российской Федерации представляет собой многогранную и многоуровневую систему, которая сочетает в себе как общие принципы правового регулирования, так и особенности, обусловленные специфическими условиями службы в вооруженных силах. Центральным элементом этой системы является совокупность прав и обязанностей, которые закреплены в Конституции Российской Федерации, а также в специализированных законодательных актах, регулирующих деятельность военнослужащих.

Признание военнослужащих носителями прав и свобод, аналогичных правам обычных граждан, обеспечивается через основополагающие положения Конституции. Однако, несмотря на наличие базовых прав и свобод, военнослужащие сталкиваются с рядом ограничений, которые обусловлены специфическими требованиями военной службы. Эти ограничения касаются, прежде всего, свободы передвижения и выбора места жительства на период прохождения службы, что необходимо для обеспечения боевой готовности и оперативности воинских подразделений. Кроме того, специальный правовой статус военнослужащих предусматривает наличие дополнительных служебных прав и обязанностей, вытекающих из характера их профессиональной деятельности. Обязанности военнослужащих требуют соблюдения высоких стандартов дисциплины, ответственности и профессиональной этики, что находит отражение в воинских уставах, таких как Устав внутренней службы ВС РФ и Д и Устав гарнизонной и караульной служб ВС РФ. Наличие этих документов подчеркивает важность правовой регламентации каждого аспекта служебной деятельности.

Особенный статус, в свою очередь, образует систему специфических характеристик, которые применимы к определенным категориям военнослужащих, например, тем, кто служит по контракту. Заключая контракт, гражданин принимает на себя ряд обязательств, таких как обязательство поддерживать высокий уровень квалификации и соблюдать уставные нормы поведения [Закиров и др., 2012: 103]. Взамен ему гарантируются социальные компенсации и другие льготы, предусмотренные законодательством.

В свою очередь единичный статус отражает уникальные условия службы, связанные с правовым положением каждого отдельного военнослужащего. Это может касаться как их полномочий в рамках их должности, так и предоставляемых им государственных гарантий. Например, законодательно закреплены определенные преференции для военнослужащих, выполняющих особо важные или опасные задачи.

Вывод

Военнослужащие занимают особое место в государственном механизме, что обусловлено их ключевой ролью в обеспечении суверенитета и национальной безопасности. Это положение предопределяет наделение военнослужащих особыми правами и обязанностями, которые необходимы для эффективного выполнения возложенных на них задач. В этой связи ключевая характеристика административно-правового статуса военнослужащих заключается в специфике их служебных правоотношений. Эти отношения регулируются не только нормами общего административного права, но и специальными нормативно-правовыми актами, касающимися военной службы. Уникальность такого регулирования проявляется в сочетании общих прав и свобод, закрепленных в законодательстве для всех граждан, и специальных обязанностей, возникающих в связи с особенностями военной службы. Это, в свою очередь, накладывает на военнослужащих дополнительные ограничения, направленные на поддержание дисциплины, боевой готовности и оперативности воинских подразделений.

Одной из ключевых задач в рамках определения административно-правового статуса военнослужащих является обеспечение баланса между необходимостью строгого соблюдения дисциплины и гарантированным соблюдением прав человека. Учитывая, что выполнение военных функций связано с высокой степенью ответственности и требованиями к профессиональной этике, правовое регулирование данного статуса должно учитывать как потребности обороноспособности, так и принципы правовой защищенности личности. Это требует регулярного анализа и совершенствования нормативной базы, что позволяет адаптировать ее к изменяющимся условиям и вызовам. Таким образом, административно-правовой статус военнослужащего представляет собой фундаментальный инструмент, обеспечивающий устойчивость системы военного управления. Его значение заключается не только в регулировании служебных отношений, но и в повышении эффективности выполнения оборонных функций, что играет важную роль в обеспечении безопасности государства.

Заключение

В заключение исследования административно-правового статуса военнослужащих необходимо подчеркнуть, что данная категория граждан требует

специфического нормативного регулирования, обусловленного особыми условиями службы и государственными интересами. Природа их правового положения сочетает в себе элементы общегражданского и специализированного правового статуса, который определяет их уникальные обязанности, права и ограничения, продиктованные необходимостью обеспечения национальной безопасности. Административно-правовые нормы, регулирующие статус военнослужащего, служат инструментом поддержания дисциплины и порядка в Вооружённых силах, а также защитой их прав в границах существующих правоотношений.

Литература

1. Борщевский Г.А. Государственная служба: учебник и практикум для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 480 с.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. – М.: Норма, 2017. – 432 с.
3. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 304 с.
4. Закиров Р.А., Корякин В.М., Шанхаев С.В. Не-выполнение военнослужащим условий контракта как основание его досрочного увольнения с военной службы: проблемы правоприменительной практики// Право в Вооруженных Силах. – 2012. – № 10. – С. 97–103.
5. Корякин В.М. Военная администрация: учебник. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант». – М.: «За права военнослужащих», 2015. – 416 с.

PECULIARITIES OF THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF A SERVICEMAN

Kutergin M.N.

Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration

This article is dedicated to a comprehensive study of the administrative and legal status of military personnel, which constitutes one of the key components of the legal regulation of military service. The main objective of the work is to reveal the essence, content, and specific features of this status, as well as to analyze the existing issues in regulatory and legal frameworks faced by military personnel in their professional activities. The study thoroughly examines the key elements of the administrative and legal status of military personnel. Special attention is given to the unique role of military personnel as a distinct category of public servants. Their professional activities are directly related to the fulfillment of tasks aimed at ensuring national security and protecting state sovereignty, which demands strict adherence to discipline, execution of orders, and a high degree of legality in their actions. The specific nature of the military personnel's status also manifests in the heightened requirements for their compliance with established rules and norms. The analysis revealed that despite the existing regulatory framework, significant gaps and contradictions remain in this area. Problems primarily arise in balancing the demands of military discipline with the need to protect the rights of military personnel. The author emphasizes the importance of developing effective legal protection mechanisms that would minimize the risks of violating the rights of military personnel while maintaining a high level of discipline within military units.

Keywords: administrative and legal status, serviceman, rights and duties, legal protection, military discipline, regulatory framework.

Reference

1. Borshchevsky G.A. Civil service: textbook and practical course for universities. – 3rd ed., ispr. and add. – M.: Yurayt, 2023. – 480 p.
2. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility: a monograph. Moscow: Norma, 2017. 432 p.
3. Voevodin L.D. Legal status of an individual in Russia: textbook. – M.: INFRA-M-NORM, 1997. – 304 p.
4. Zakirov R.A., Koryakin V.M., Shankhaev S.V. Non-fulfillment by a serviceman of the terms of a contract as the basis for his early discharge from military service: problems of law enforcement practice// Law in the Armed Forces. – 2012. – No. 10. – pp. 97–103.
5. Koryakin V.M. Military administration: textbook. The series “Law in the Armed Forces – consultant.” – M.: “For the rights of military personnel”, 2015. – 416 p.

Институт общественных помощников в органах прокуратуры Российской Федерации: постановка проблемы

Потапова Лариса Валерьевна,

доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета
E-mail: lvpotapova2014@yandex.ru

Данная научная статья посвящается изучению правового, теоретического фундамента реализовываемого в органах современной российской прокуратуры Российской Федерации института общественных помощников.

Отмечается, что в последнее время наблюдается тенденция к постепенной правовой и фактической интеграции ряда институтов гражданского общества в деятельность правоохранительных органов и органов государственной власти Российской Федерации.

В статье подчеркивается, что организованное волонтерство органично встроилось в деятельность Министерства внутренних дел Российской Федерации при разрешении вопросов, связанных с поиском пропавших/разыскиваемых лиц и охраной общественного порядка. В органах прокуратуры Российской Федерации, Следственном комитете Российской Федерации взаимодействие общественности с данными институтами происходит в различных формах, одной из которых выступает институт общественных помощников.

В качестве источников правового регулирования работы общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации можно обозначить разрозненные положения российского законодательства, организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации и прокуроров субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты РСФСР и СССР, модельные международно-правовые акты.

Указывается, что современное состояние теоретических исследований обозначенного вопроса характеризуется нарастанием тенденции, связанной с утратой интереса к изучению института общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации, практическим отсутствием научных исследований по указанной проблематике. Имеющиеся научные данные, посвящённые анализу статуса общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации, в большинстве своём связаны с изучением исторического аспекта развития данного института.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации; общественный помощник прокурора; правовой статус; актуальные проблемы.

Прокуратура Российской Федерации – один из важнейших правоохранительных органов государства, обеспечивающих стабильность и развитие общественных отношений в социальной, экономической и политической сферах.

В последние годы наблюдается тенденция к постепенной правовой и фактической интеграции ряда институтов гражданского общества в деятельность правоохранительных органов и органов государственной власти Российской Федерации.

Организованное волонтерство органично встроилось в деятельность Министерства внутренних дел Российской Федерации при разрешении вопросов, связанных с поиском пропавших/разыскиваемых лиц и охраной общественного порядка. В органах прокуратуры Российской Федерации, Следственном комитете Российской Федерации взаимодействие общественности с данными институтами происходит в различных формах, одной из которых выступает институт общественных помощников.

О необходимости создания в органах прокуратуры Российской Федерации регламентированной формы общественного контроля/помощи (общественный помощник), особенно по линии надзора за исполнением законов и законностью правовых актов неоднократно упоминал Генеральный прокурор Российской Федерации [1].

Помимо прочего, п. 6.6. Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации, утверждённой приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 N 114 для прокуроров субъектов установлена обязанность по привлечению лиц, обучающихся в рамках целевого обучения, в качестве общественных помощников[2].

Институт общественных помощников имеет значение как для практической деятельности органов прокуратуры, так и для теоретических исследований, ввиду возможности использования эмпирического опыта работы помощника на общественных началах.

Учеными подчеркивалась важность на современном этапе обеспечить органы прокуратуры Российской Федерации общественной помощью, прежде всего, по причине крайне высокой загруженности прокуратуры, недостаточной кадровой оснащенности, дисбалансом между ограниченной временными ресурсами и объемом выполняемой работы[3].

В последнее время наблюдается стремление органов прокуратуры Российской Федерации (на уровне территориальных прокуратур) поста-

вить вопрос о четкой регламентации деятельности общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации, поскольку отсутствие правового регулирования обозначенных отношений как на уровне федерального законодательства, так и на уровне организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации только усиливает актуальность тематики.

Представляется, что отсутствие единообразного подхода к упорядочиванию соответствующих общественных отношений приводит к дифференциации правового положения общественных помощников в зависимости от органа прокуратуры, котором осуществляется ими форма общественной деятельности.

Сегодня в качестве источников правового регулирования работы общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации можно обозначить разрозненные положения российского законодательства, организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации и прокуроров субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты РСФСР и СССР, модельные международно-правовые акты.

Современное состояние теоретических исследований обозначенного вопроса характеризуется нарастанием тенденции, связанной с утратой интереса к изучению института общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации, практическим отсутствием научных исследований по указанной проблематике. Имеющиеся научные данные, посвященные анализу статуса общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации, в большинстве своем связаны с изучением исторического аспекта развития данного института.

Достаточно сложно обнаружить публикации, представляющие собой комплексное и всестороннее исследование института общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации. Для восполнения пробела, а также целей компенсации отсутствия научно-обоснованных взглядов по ряду исследуемых положений, используются правовые позиции прокуратур субъектов Российской Федерации.

Отсутствие теоретических и практико-ориентированных исследований общественных отношений, возникающих при взаимодействии общественных помощников и органов прокуратуры Российской Федерации, обуславливает потребность в тщательном научном изучении.

В рамках научного исследования представляется необходимым постановка и анализ следующих ключевых аспектов:

- правовое регулирование общественных отношений, возникающих в результате взаимодействия общественных помощников и органов прокуратуры Российской Федерации, установление существующих на современном этапе проблем регламентации соответствующих отношений и формирование конкретных право-

вых способов устранения обозначенных пробелов;

- тщательное исследование природы института общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации, в частности, выявление существенных признаков, определение содержания понятия «общественный помощник органов прокуратуры», определение основных принципов деятельности общественных помощников;
- анализ функционального назначения общественных помощников с одновременным изучением возможности реализации ими специальных полномочий;
- восприятие данного вида работы в качестве важнейшей формы взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации с общественностью с необходимостью глубокого анализа деятельности общественных помощников и волонтерства;
- изучение фундаментальных элементов механизма формирования штата общественных помощников органов прокуратуры Российской Федерации, в частности, представляется верным разработать конкретный перечень требований, предъявляемых к общественным помощникам органов прокуратуры Российской Федерации, внедрить процедуру приобретения ими соответствующего статуса, рассмотреть вопросы штатной численности общественных помощников и срока их полномочий, изучить процедуру прекращения деятельности общественного помощника через установление оснований, подвергнуть анализу возможность формирования штата общественных помощников в специализированных органах прокуратуры Российской Федерации;
- требуется также изучение организационной составляющей деятельности общественных помощников в органах прокуратуры Российской Федерации, в особенности, вопросов установления пределов «рабочего» времени, инструментов контроля за их деятельностью;
- в фокус внимания важно поместить вопрос о выдаче общественным помощникам служебного удостоверения или иного соответствующего документа, удостоверяющего статус;
- отдельно стоит проработать механизмы поощрения общественных помощников;
- немаловажно определить основные компоненты правового статуса общественных помощников, к примеру, обозначить базовые права и обязанности, изучить вопрос привлечения общественных помощников к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности;
- имеет смысл поставить на обсуждение вопрос возможности привлечения указанных субъектов в качестве понятых в рамках административного и уголовного судопроизводства, определить основные гарантии деятельности общественных помощников органов прокуратуры.

Таким образом, очевидно, что на современном этапе развития общества и государства, развития органов прокуратуры Российской Федерации назрела необходимость более тщательного осмысления, правовой проработки института общественных помощников органов прокуратуры. В перечне причин, обуславливающих внимание к этому вопросу, находится целый спектр обстоятельств, среди которых: высокая загруженность органов прокуратуры Российской Федерации по различным направлениям работы (прежде всего, это так называемый «общий» надзор); недостаточное кадровое оснащение прокуратуры, стремительно развивающиеся общественные отношения; новые полномочия, возложенные на прокуратуры под влиянием реформаций социального, экономического и политического толка, развивающиеся процессы интеграции общества и прокуратуры и прочее.

Литература

1. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки журналу «Человек и закон»: сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]//URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=21488812> (дата обращения: 08.03.2024).
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2010 № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»// Законность. № 3. 2010.
3. Институты гражданского общества в реализации правоохранительной функции Российского государства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Лебедева Екатерина Владимировна; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. – Челябинск, 2007. – 176 с.

THE INSTITUTE OF PUBLIC ASSISTANTS IN THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEM STATEMENT

Potapova L.V.
Ural State Law University

This scientific article is devoted to the study of the legal and theoretical foundation of the institution of public assistants implemented in the bodies of the modern Russian prosecutor's office of the Russian Federation.

It is noted that recently there has been a tendency towards gradual legal and actual integration of a number of civil society institutions into the activities of law enforcement agencies and state authorities of the Russian Federation.

The article emphasizes that organized volunteering has organically integrated into the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in resolving issues related to the search for missing/wanted persons and the protection of public order. In the bodies of the prosecutor's office of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation, the interaction of the public with these institutions occurs in various forms, one of which is the institution of public assistants.

As sources of legal regulation of the work of public assistants of the prosecutor's office of the Russian Federation, one can designate disparate provisions of Russian legislation, organizational and administrative documents of the Prosecutor General of the Russian Federation and prosecutors of the constituent entities of the Russian Federation, regulatory legal acts of the RSFSR and the USSR, model international legal acts. It is indicated that the current state of theoretical research on the designated issue is characterized by an increasing trend associated with the loss of interest in studying the institution of public assistants to the prosecutor's office of the Russian Federation, and the practical absence of scientific research on the specified issue. The available scientific data devoted to the analysis of the status of public assistants to the prosecutor's office of the Russian Federation are mostly associated with the study of the historical aspect of the development of this institution.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation; public assistant to the prosecutor; legal status; current issues.

References

1. Interview of the Prosecutor General of the Russian Federation Yuri Chaika to the magazine "Chelovek i zakon": website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation [Electronic resource]//URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=21488812> (date of access: 03/08/2024).
2. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation of 03/17/2010 No. 114 "On approval and implementation of the Code of Ethics of the prosecutor's office of the Russian Federation and the Concept of educational work in the system of the prosecutor's office of the Russian Federation"// Legality. No. 3. 2010.
3. Institutions of civil society in the implementation of the law enforcement function of the Russian state: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.01 / Lebedeva Ekaterina Vladimirovna; [Place of protection: South Ural state. University]. – Chelyabinsk, 2007. – 176 p.

Правовое просвещение и формирование электорально-правовой культуры молодежи

Шафигулина Светлана Равильевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
E-mail: sv-shafigulina@yandex.ru

Вопросы, связанные с народовластием и формами его реализации, традиционно находятся в центре внимания государства и общества. Перспективы государственного развития определяются совокупностью факторов, в числе которых уровень правовой осведомленности граждан о своих возможностях в конституционно-правовой сфере и доверия к институтам власти. В числе проблем общегосударственного масштаба, все чаще называют уровень правовой культуры и правосознания россиян, а также проявляющийся в обществе правовой нигилизм. В связи с этим, вопросы правового просвещения, в том числе электорально-правового, стали предметом активного обсуждения научным и профессиональным сообществами. Проблемы электорально-правового просвещения участников избирательного процесса представляют широкое поле для научного исследования. Цель настоящего исследования состоит в анализе содержания, принципов, методов электорально-правового просвещения на основе «Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 годы», принятой ЦИК РФ и практики правового просвещения субъектами государственной политики. Методологической основой исследования стала совокупность общенаучных и частнонаучных методов, что позволило проанализировать состояние электорально-правового просвещения в настоящее время. Использование данных социологических опросов, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения, позволило выявить мнение различных групп российского общества по важнейшим государственным вопросам и их отношение к государственным институтам. По мнению автора, целью электорально-правового просвещения является формирование доверия гражданского общества к выборным процедурам и позитивной активности граждан в период организации, подготовки и проведения выборов.

Ключевые слова: народовластие, правовое просвещение, правовая культура, избирательная комиссия, избиратель, дети и молодежь.

Вопросы правового просвещения, в том числе и в сфере народовластия, неизменно являются предметом активного обсуждения на всех уровнях публичной власти, что обусловлено не только заинтересованностью в повышении уровня правовой грамотности населения, но и формирования гражданского сознания, гражданской компетентности и гражданской ответственности.

Историческое развитие показывает, и современная практика это подтверждает, что избирательная система (понимаемая в широком смысле) есть важный инструмент взаимодействия власти с населением. Ведь именно здесь образуется точка пересечения активного взаимодействия власти и его источника, т.е. народа. Всем известно, что избирательная система представляет собой элемент демократического устройства публичного управления в рамках которого население включается в процессы управления. В связи с этим вполне понятен интерес к различным аспектам ее функционирования со стороны государства и научного сообщества.

Правовая культура есть социокультурное состояние общества в политико-правовом пространстве, она «пронизывает правовые отношения во всех сферах социальной жизни» [19, с. 49]. Совершенно очевидно, что формирование электорально-правовой культуры, процесс достаточно сложный и длительный, требующий немалых усилий со стороны публичной власти. Для общественных и гуманитарных наук этот вопрос представляет широкое поле для научного исследования. Чисто юридический аспект исследования обедняет всестороннее познание и не позволяет выявить причинно-следственные связи, поскольку требуется творческое сотрудничество различных отраслей научного знания.

Перейдем к рассмотрению вопроса, связанного с правовым просвещением участников избирательного процесса. Первичным здесь выступает понятие просвещение, трактуемое как «распространение знаний, образования, культуры», как «совокупность образовательно-воспитательных мероприятий» [1, с. 237]. Такую понятийно-смысловую интерпретацию применим и в отношении правового просвещения участников избирательного процесса или правового электорального просвещения. Данную разновидность правопросветительской деятельности можно рассматривать как часть общеправового просвещения, охватывающую всех членов общества без социально-возрастных различий.

Под электорально-правовым просвещением будем понимать деятельность органов публичной

власти, образовательных организаций, институтов гражданского общества, направленную на формирование общественно-политических компетенций. Степень освоения которых выступает в качестве маркера состояния «общественно-политической жизни, состояние законодательства о выборах и правоприменительной деятельности» [20, с. 228].

25 декабря 2024 года постановлением ЦИК РФ утверждена «Концепция повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 годы» (далее – Концепция ЦИК РФ) [18], определяющая сущностно-содержательные и организационно-методические подходы к правовому просвещению избирателей. С позиции указанного документа это есть деятельность государства и общества «по формированию у граждан Российской Федерации всеобъемлющих знаний о праве, отношения к праву и навыков правового поведения, обеспечивающих осознанное участие в избирательном процессе» [18, с. 1]. Анализ данной трактовки показывает, что субъектами правопросветительской деятельности выступают государственные органы, образовательные учреждения, институты гражданского общества; в качестве объектов воздействия – разные социально-возрастные группы населения; правопросветительская деятельность реализуется на началах целенаправленности, системности, а формируемые представления, отношения и оценка государственно-политических институтов должны способствовать формированию доверительного восприятия выборных процедур и позитивной активности граждан в период организации, подготовки и проведения выборов. Организационно-методически правовое просвещение избирателей ориентировано как на общество в целом, так и отдельные категории избирателей.

Организация правового просвещения строится в Концепции на основе принципов непрерывности, системности, управляемости. Правовое просвещение представляет собой систематическую деятельность, в процессе которой реализуются мировоззренческая и методологическая функции. Суть мировоззренческой функции состоит в формировании системы представлений, взглядов на состояние общественно-политической жизни, моделей правокультурного электорального поведения. Методологическая функция проявляется в совокупности познавательных средств, методов, приемов, применяемых для достижения основных целей. Система правового просвещения молодежи и других участников избирательного процесса должна быть развивающейся, стабильной и управляемой, основанной на единых подходах к ее осуществлению. Данные принципы нашли отражение в Концепции ЦИК РФ.

По мысли Д.Б. Шоу, «мы должны или воспитать политические способности, или погубить демократию» [5], конечно, государство заинтересовано в первом, чтобы избежать второго. Этим определяется важность электорально-правового просвещения. Правовое просвещение участни-

ков избирательного процесса представляет собой деятельность по распространению знаний, привитию навыков правокультурного электорального поведения, а также систему воспитательно-образовательных мероприятий. Результатом электорально-правового просвещения становится активное и осознанное участие в избирательном процессе, формирование моделей правомерного электорального поведения участников избирательного процесса. Видимым результатом деятельности субъектов государственной политики, институтов гражданского общества станет (и стало) повышение доверия общества к институту выборов и демонстрация участниками избирательного процесса правокультурного электорального поведения.

Измерением эффективности электорально-правового просвещения является баланс между целями, заявленными в Концепции и достигнутыми результатами. В качестве электоральных показателей оценки эффективности могут служить данные социологических опросов, показывающие уровень информированности о предстоящих выборах, доверия населения к результатам выборов, удовлетворенности результатами выборов, оценки честности подсчета голосов и т.д.

По данным ЦИК РФ численность избирателей, зарегистрированных на 1.01.2024 г. составила 112 309 947 чел. [3, с. 28]. По озвученным данным главы Центризбиркома более 87,5 млн избирателей приняли участие в выборах Президента РФ (2024 г.) [17], что составило более 77%.

Наглядный результат многолетней работы по повышению правовой культуры (правовому просвещению) избирателей дают данные ВЦИОМ. В частности, 72% россиян высказались о своем доверии к результатам президентских выборов 2024 г. [2]. Эмпирическими индикаторами общественно-политических настроений являются данные социологических опросов. Представленные данные можно рассматривать как один из индикаторов общественно-политической активности, т.к. ВЦИОМ применяет достаточно широкий спектр исследовательских техник. Показательным в отношении признания результатов выборов соответствующих волеизъявлению граждан и их достоверности может стать сравнение данных ВЦИОМ: в 2004 г. и 2008 гг. он составил 53%, в 2012 г. – 44%, 2018 г. – 60% [2]. Конечно, общественное мнение может изменяться под воздействием различных факторов, что определяет степень доверия к достоверности результатов выборов (например, данные за 2012 г.), но постоянно стабильным остается общественный интерес к политико-правовой сфере жизни общества. Среди проблем, возникающих в сфере электоральных отношений, можно выделить психолого-поведенческие, связанные с восприятием, оценкой (позитивной, негативной или индифферентной) и моделированием собственного электорального поведения. И здесь важное значение играет, достигнутый в результате правового просвещения в межвыборный период,

период проведения избирательных кампаний, уровень правовой осведомленности, правовой культуры граждан.

Электорально-правовое просвещение проводится избирательными комиссиями, образовательными учреждениями, учреждениями культуры, средствами массовой информации и др. Концепция повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации предусматривает «проведение мероприятий, направленных на создание разнообразных полномасштабных форм правового просвещения избирателей» [18, с. 2].

Одним из направлений, отмечаемых в Концепции, является правовое просвещение молодежи, как наиболее незащищенной перед социально-политическими искажениями социально-возрастной группы.

Организация работы по правовому просвещению молодежи строиться с учетом возрастных особенностей, одного из важных педагогических принципов. Он необходим для организации работы с младшими и старшими школьниками, обучающимися средних специальных учебных заведений и студентами вузов. Без учета особенностей возрастных групп, правовое просвещение не достигнет своих целей, но даже может вызвать негативное восприятие и отношение.

При ЦИК РФ более 30 лет действует Российский центр обучения избирательным технологиям (изначально носивший название «Российский центр политического маркетинга»). За несколько десятилетий своей деятельности Российским центром обучения избирательным технологиям были разработаны и внедрены организационные, методические основы системы обучения участников избирательного процесса и правового просвещения избирателей.

С целью правового просвещения и повышения правовой культуры проводятся конкурсы, олимпиады всероссийского масштаба, охватывающие разные группы избирателей:

- Всероссийский конкурс на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса «Атмосфера (с 1999 года);
- Всероссийская олимпиада «Софиум» (с 2019 года);
- Всероссийский конкурс среди работников региональных и муниципальных библиотек на лучшую организацию информационно-разъяснительной работы в период подготовки и проведения выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления в Российской Федерации (с 2023 года).

Работу в данном направлении продолжают избирательные комиссии субъектов Российской Федерации. Анализ материалов, размещенных на официальных сайтах избирательных комиссий, показал, что проводятся мероприятия различных форматов, ориентированные на разные возрастные группы. Среди них наиболее активно применяются следующие формы:

- квесты, викторины, олимпиады: Твой выбор – будущее России» [6], «Время выбирать» [16], «Я – будущий избиратель!» [13], интеллектуальные игры по вопросам избирательного права и избирательного процесса [12];
- конкурсы рисунков: «Мы молодые избиратели!» [14], «Я рисую выборы» [11];
- публичные лекции в online и offline форматах, посвященные эволюции избирательного права [9], современному избирательному праву [7];
- научно-практические конференции, круглые столы: «Избирательное право и избирательный процесс в Донецкой Народной Республике: вопросы теории и практики» [8], «Актуальные проблемы избирательного права» [15]; «Общество и выборы» [10] и т.д.

Пристальное внимание уделяется детям и молодежи, как электоральному резерву общества, что отражается в тематике и формах проводимых мероприятий.

Влияние на молодежь можно оказывать и через информационное пространство. Большая часть молодежи (и не только) подавляющую часть своего времени проводит в интернет-пространстве, оказываясь вовлеченными в стремительный информационный поток.

Наиболее активно проявляет себя в цифровом пространстве поколение Z (2000–2011 г.р.), в контексте теории поколений У.Штраусса и Н.Хоуфа. Социальные сети, интернет-пространство стало для них комфортной площадкой коммуникационного обмена, получения образования. Здесь происходит формирование общественного мнения и ценностных ориентаций поколения Z, в том числе и социально-политических. Среди представителей этого поколения появляются «лидеры мнений и общественно значимые и известные фигуры» [4, с. 14], чье мнение и оценка событий, происходящие в стране, оказывается значимыми. Есть еще поколение А (с 2011 г.р.), с детства погруженное в цифровое пространство и онлайн-общение. В современном мире социальные сети, интернет-пространство есть действенный инструмент, но вот вопрос, в чьих руках он окажется?

В этой связи, среди основных принципов реализации Концепции правового просвещения, названы информационная открытость и широкое использование современных технологий. Отмечается, что «мероприятия могут быть проведены с использованием различных форм информационно-разъяснительной работы с избирателями, в том числе дистанционных – при помощи информационно-разъяснительных телеграм-каналов ЦИК России и РЦОИТ при ЦИК России (телеграм-канал «Электорий»), сообществ в социальных сетях и каналов на видеохостингах (каналы «Просто о выборах» на видеохостингах)».

Для достижения целей, сформированных в Концепции, применяется программно-целевой подход. Электорально-правовое просвещение осуществляется в различных формах, выбор которых обусловлен конкретными задачами, целевой аудито-

рией, ее возрастными характеристиками, другими значимыми факторами.

Рассматривая электорально-правовое просвещение как часть процесса конструирования социально-политической реальности, отметим, что этот процесс включает в себя правовое информирование, доведение информации об избирательной системе и ее функционировании до адресатов, восприятие и осознание ее адресатами, формирование системы позитивных ценностных ориентаций, а также трансформацию в индивидуальном и массовом поведении участников избирательных правоотношений.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка/гл.ред.А.С.Герд. М.-СПб.: Наука, 2012. Т. 21.
2. ВЦИОМ. Новости: Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov> (дата обращения 10.12.2024)
3. Выборы Президента Российской Федерации. 2024: Электоральная статистика / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – М., 2024. – 336 с.
4. Гришаева, С.А. Перспективы развития цифровых форм политического участия поколения Z в современной России / С.А. Гришаева, А.А. Лебедева // Цифровая социология. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 12–18. – DOI 10.26425/2658–347X-2020–3–4–12–18. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [elibrary_44609853_11573464.pdf](http://elibrary.ru/44609853_11573464.pdf) (дата обращения 14.12.2024)
5. Джордж Бернард Шоу [Электронный ресурс] // Жемчужины мысли. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inpearls.ru/author/george+bernard+shaw/page/2> (дата обращения: 05.12.2024).
6. Избирательная комиссия Республики Алтай. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.altai-rep.izbirkom.ru/news/?ELEMENT_ID=2288 (дата обращения: 05.01.2025).
7. Избирательная комиссия Республики Башкортостан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bashkortostan.izbirkom.ru/news/detail.php?id=53136> (дата обращения: 05.01.2025).
8. Избирательная комиссия Донецкой Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dnr.izbirkom.ru/news/23994/> (дата обращения: 05.01.2025).
9. Избирательная комиссия Республики Карелия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.karel.izbirkom.ru/news/5855/> (дата обращения: 05.01.2025).
10. Избирательная комиссия Республики Карелия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.karel.izbirkom.ru/news/5701/> (дата обращения: 07.01.2025).
11. Избирательная комиссия Луганской Народной Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lnr.izbirkom.ru/news/25118/> (дата обращения: 07.01.2025).
12. Избирательная комиссия Красноярского края. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasnoyarsk.izbirkom.ru/arkhiv-dokumentov/novosti-arkhiv.php/38440/> (дата обращения: 07.01.2025).
13. Избирательная комиссия Астраханской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.astrakhan.izbirkom.ru/news/12080/> (дата обращения: 09.01.2025).
14. Избирательная комиссия Астраханской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.astrakhan.izbirkom.ru/news/12093/> (дата обращения: 09.01.2025).
15. Избирательная комиссия Астраханской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.astrakhan.izbirkom.ru/news/12106/> (дата обращения: 09.01.2025).
16. Избирательная комиссия Сахалинской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakhalin.izbirkom.ru/news/4461/> (дата обращения: 05.01.2025).
17. Известия-новости политики, экономики, спорта, культуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1669053/2024-03-21/pamfilova-nazvala-rekordnym-chislo-priniavshikh-uchastie-v-golosovanii-rossii> (дата обращения: 12.01.2025).
18. Постановление ЦИК России от 25.12.2024 N 191/1493–8 «О Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 годы»// Документы ЦИК России (дата обращения 10.01.2025)
19. Право как создатель новой социальной реальности: монография/Г.М.Азнагулова, Ж.А. Гаунова, О.Ю. Еремина и др.; отв.ред. Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Проспект, 2024. –304с.
20. Шехмаметьева, В.А. Правовое просвещение участников избирательного процесса – молодых и будущих избирателей: практика избирательной комиссии Нижегородской области//В сборнике: Конституция России и развитие законодательства. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Российской Федерации. Под редакцией С.В. Горбачевой, Н.Б. Верховой. Нижний Новгород, 2023. –С. 227–233.

LEGAL EDUCATION AND FORMATION OF ELECTORAL AND LEGAL CULTURE OF YOUTH

Shafigulina S.R.

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Issues related to democracy and the forms of its implementation have traditionally been the focus of attention of the State and society. The prospects for state development are determined by a set of factors, including the level of legal awareness of citizens about their constitutional and legal capabilities and trust in government institutions. Among the problems on a national scale, the level of legal culture and legal awareness of Russians, as well as the legal nihilism manifested in society, are increasingly being mentioned. In this regard, issues of legal education, including electoral law, have become the subject of active discussion by the scientific and professional communities. The problems of electoral and legal education of participants in the electoral process represent a wide field for scientific research. The purpose of this study is to analyze the content, principles, and methods of electoral legal education based on the "Concept of Improving the Legal Culture of Voters in the Russian Federation for 2025–2027," adopted by the Central Election Commission of the Russian Federation and the practice of legal education by subjects of state policy. The methodological basis of the research was a combination of general scientific and private scientific methods, which allowed analyzing the current state of electoral and legal education. Using the data of sociological surveys conducted by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, it was possible to identify the opinions of various groups of Russian society on the most important state issues and their attitude to state institutions. According to the author, the purpose of electoral legal education is to build civil society's confidence in electoral procedures and the positive activity of citizens during the organization, preparation and conduct of elections.

Keywords: democracy, legal education, legal culture, election commission, voters, children and youth.

References

1. Large Academic Dictionary of the Russian Language / ed.-in-chief A.S. Gerd. Moscow-St. Petersburg: Nauka, 2012. Vol. 21.
2. VTsIOM. News: Elections of the President of the Russian Federation-2024: assessment of results. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov> (date of access 12/10/2024)
3. Elections of the President of the Russian Federation. 2024: Electoral statistics / Central Election Commission of the Russian Federation. – M., 2024. – 336 p.
4. Grishaeva, S.A. Prospects for the Development of Digital Forms of Political Participation of Generation Z in Modern Russia / S.A. Grishaeva, A.A. Lebedeva // Digital Sociology. – 2020. – Vol. 3, No. 4. – Pp. 12–18. – DOI 10.26425/2658–347X-2020–3–4–12–18. – [Electronic resource]. – Access mode: [elibrary_44609853_11573464.pdf](https://elibrary44609853_11573464.pdf) (accessed on 12/14/2024)
5. George Bernard Shaw [Electronic resource] // Pearls of Thought. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.inpearls.ru/author/george+bernard+shaw/page/2> (accessed on 12/05/2024).
6. Electoral Commission of the Altai Republic. – [Electronic resource]. – Access mode: http://www.altai-rep.izbirkom.ru/news/?ELEMENT_ID=2288 (date of access: 01/05/2025).
7. Electoral Commission of the Republic of Bashkortostan. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.bashkortostan.izbirkom.ru/news/detail.php?id=53136> (date of access: 01/05/2025).
8. Electoral Commission of the Donetsk People's Republic. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.dnr.izbirkom.ru/news/23994/> (date of access: 01/05/2025).
9. Electoral Commission of the Republic of Karelia. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.karel.izbirkom.ru/news/5855/> (date of access: 05.01.2025).
10. Electoral Commission of the Republic of Karelia. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.karel.izbirkom.ru/news/5701/> (date of access: 07.01.2025).
11. Electoral Commission of the Lugansk People's Republic. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.lnr.izbirkom.ru/news/25118/> (date of access: 07.01.2025).
12. Electoral Commission of Krasnoyarsk Krai. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.krasnoyarsk.izbirkom.ru/arkhiv-dokumentov/novosti-arkhiv.php/38440/> (date of access: 07.01.2025).
13. Electoral Commission of the Astrakhan Region. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.astrakhan.izbirkom.ru/news/12080/> (date of access: 09.01.2025).
14. Electoral Commission of the Astrakhan Region. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.astrakhan.izbirkom.ru/news/12093/> (date of access: 09.01.2025).
15. Electoral Commission of the Astrakhan Region. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.astrakhan.izbirkom.ru/news/12106/> (date of access: 01/09/2025).
16. Electoral Commission of the Sakhalin Region. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.sakhalin.izbirkom.ru/news/4461/> (date of access: 01/05/2025).
17. Izvestia – news of politics, economics, sports, culture. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://iz.ru/1669053/2024-03-21/pamfilova-nazvala-rekordnym-chislo-priniavshikh-uchastie-v-golosovanii-rossiian> (date of access: 01/12/2025).
18. Resolution of the Central Election Commission of Russia dated 25.12.2024 N 191/1493–8 "On the Concept of Improving the Legal Culture of Voters in the Russian Federation for 2025–2027" // Documents of the Central Election Commission of Russia (date of access 10.01.2025)
19. Law as a creator of a new social reality: monograph / G.M. Aznagulova, Zh.A. Gaunova, O. Yu. Eremina et al.; ed. Yu.A. Tikhomirov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 2024. –304 p.
20. Shekhmametyeva, V.A. Legal education of participants in the electoral process – young and future voters: practice of the electoral commission of the Nizhny Novgorod region // In the collection: Constitution of Russia and the development of legislation. Collection of materials of the IV All-Russian scientific and practical conference dedicated to the Constitution Day of the Russian Federation. Edited by S.V. Gorbacheva, N.B. Verkhova. Nizhny Novgorod, 2023. –P. 227–233.

Инфраструктурный потенциал развития физкультурно-спортивных организаций: правовой аспект

Гирфанов Ильнар Исрафилович,

соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: girfanof@gmail.com

Статья посвящена анализу преобразований в спортивной сфере и определению условий реализации потенциала инфраструктурного и институционального преобразования отечественного спорта. Автором обращено внимание на то, что последние несколько лет ознаменовались важными преобразованиями в спортивной сфере, выразившиеся в создании условий для серьезного инфраструктурного и институционального преобразования отечественного спорта. На основе проведенного исследования основных программных документов – стратегий сделан вывод о наличии определенных временных индикаторов с привязкой к достижимой цели к определенному периоду времени. При этом достижение указанных индикаторов возложена на физкультурно-спортивные организации как ключевых выгодоприобретателей реализации программных документов. Вместе с тем, следует отметить, что инфраструктурный потенциал может быть реализован при непосредственном партнерстве публичных органов с физкультурно-спортивными организациями.

Ключевые слова: физкультурно-спортивные организации, инфраструктура, Стратегия развития физической культуры и спорта, Стратегия развития спортивной индустрии, спортивное законодательство.

Последние несколько лет ознаменовались важными преобразованиями в спортивной сфере [8,9], обусловленные, с одной стороны, давлением извне на отечественный спорт и попыток международных спортивных организаций выйти за пределы права в угоду политической конъюнктуры [14], с другой стороны, принятием отечественным законодателем концептуальных программных решений [13] как основы развития отечественного спорта [2]. Указанные предпосылки выступили условием серьезных инфраструктурных и институциональных преобразований [1, с. 143].

Возрастание вынужденных «протекционистских» решений¹, обусловленные попыткой международных организаций влиять на принятие управленческих решений национальными физкультурно-спортивными организациями [12, с. 339] обусловили формирование важного институционального блока регулятивных решений [2]. Безусловно, это не повлияло на основной постулат, что отечественные организации в отношениях с зарубежными физкультурно-спортивными организациями придерживаются положений соответствующих договоров.

Внутренним ориентиром развития выступают программные документы – стратегии², в соответствии с временными индикаторами определяющие контрольные точки роста. Из всех программных документов, на наш взгляд, принципиальное значение имеет Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее – Указ № 309)³.

Анализ этих стратегических документов позволяет выделить наличие: 1) определенных временных индикаторов с привязкой к достижимой цели к определенному периоду времени; 2) установление критериев оценки достижимой цели. Отече-

¹ Например, в качестве базового принципа Стратегии развития спортивной индустрии до 2035 г. заложено соответствие требованиям и целям государственной политики в отношении развития физической культуры и спорта, а также здоровья нации в целом. Данная конструкция, безусловно, является не характерной для принципов как основополагающих начал.

² Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения – 30.11.2024); Распоряжение Правительства РФ от 03.06.2019 № 1188-р «Об утверждении Стратегии развития спортивной индустрии до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения – 30.11.2024);

³ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 13 мая 2024 г. N 20 ст. 2584

ственная доктрина выделяет подобные временные индикаторы [5, с. 43] и оценку критериев достижения цели [3]. Анализ программных документов, свидетельствует о переоценке основных реперных точек развития регулирования общественных отношений в сфере физической культуры и спорта [4,7,10,11,15].

Если коротко, то национальными целями отечественного развития согласно Указу № 309 является формирование путем систематического занятия спортом здорового образа жизни граждан, а также повышение уровня удовлетворенности граждан условиями для занятий физической культурой и спортом (пункт д, е). Указанные цели, в первую очередь, обусловлены решением инфраструктурных задач [11]. Инфраструктурный потенциал развития, согласно Стратегии развития спортивной индустрии направлен на улучшение условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом для всех категорий и групп населения и привязан к конкретным показателям.

Не менее важна и нормативная определенность категорий, используемых в сфере спорта. Стратегия развития спортивной индустрии определяет спорт через сферу социально-культурной деятельности, где ключевой формой является соревнования, а физическая культура раскрывается через совокупность ценностей, норм и знаний для развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и т.п. Отечественная доктрина, в свою очередь, предлагает более широкие [14] и узкие [13] подходы к данным дефинициям. Однако, нормативное закрепление делает, безусловно, более достижимыми цели, определенные временными индикаторами.

Предполагается, что изложенный в Стратегии программно-целевой подход обусловлен созданием материально-технической базы, к примеру, строительство спортивных площадок. Все это в конечном итоге способствует улучшению материально-технической базы физкультурно-спортивных организаций [14] и большей вовлеченности граждан в деятельность физкультурно-спортивных организаций [7].

Стратегия развития физической культуры и спорта относит спортивные организации к ключевым бенефициарам реализации стратегического направления [6]. В этой связи на физкультурно-спортивные организации как бенефициаров реализации стратегического направления возлагается содействие внедрению электронного паспорта спортсменов, что обеспечивает ясность в профессиональной траектории развития способных детей.

Одной из приоритетной задачи развития физкультурно-спортивных организаций является такая составляющая инфраструктурного потенциала, как формирование критериев оценки – внешних индикаторов эффективности реализации Стратегии развития физической культуры и спорта (доля граждан, вовлеченных в спорт; доля субъектов, интегрированных в единую цифровую среду,

а также уровень удовлетворенности граждан, занимающихся спортом, условиями).

Таким образом, достижение указанных индикаторов возложена на физкультурно-спортивные организации как ключевых выгодоприобретателей реализации программных документов. Следует уточнить, что инфраструктурный потенциал может быть реализован при непосредственном партнерстве публичных органов с физкультурно-спортивными организациями.

Литература

1. Асадуллин М.Р. К вопросу о предпосылках возникновения правовой самоорганизации в спорте // Юридический мир. 2024. № 5. С. 14–17.
2. Байбеков Р.Р. Спортивные лиги в России и за рубежом: признаки и особенности правового регулирования // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 135–143.
3. Боярова Г.А. Критерии оценки разумности в гражданском праве // Закон. Право. Государство. 2016. № 2. С. 206–209.
4. Бухарова Д.Х., Мясникова Т.И. Коммерческие физкультурно-спортивные организации: современные тенденции и проблемы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8. С. 97–102.
5. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Планово-временные индикаторы как показатели развития электронного правосудия на примере Европейского союза // Российская юстиция. 2021. № 10. С. 36–43.
6. Васильевич В.П. К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности спортсмена // Юридическая наука. 2020. № 11. С. 29–33.
7. Гришин С.Ю., Волков П.А., Нифонтова К.Р. Современные тенденции развития корпоративного спорта в РФ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 6–2. С. 174–177.
8. Ерошкина С.Б. Физическая культура и спорт в современной России: статистические факты и тенденции // Вестник спортивной науки. 2019. № 4. С. 59–66.
9. Захарова Л.И. Lex mercatoria и lex sportiva: особенности, сходства и различия // Lex Russica. 2019. № 11. С. 70–78.
10. Исаев А.А., Куралева О.О. Современное состояние и перспективы развития физической культуры и спорта в России // Теория и практика современной науки. 2021. № 12. С. 151–153.
11. Летягина Е.Н., Буланова Е.В., Кутасин А.Н., Сударикова И.А. Современный подход к управлению физкультурно-спортивными организациями // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. № 5.
12. Максимов В.В. Доступная социальная инфраструктура vs государственно-частное партнерство // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 3. С. 339–348.

13. Столяр П.Я. Физическая культура и спорт: становление понятий и отличия // Интернаука. 2023. № 16–3 (286). С. 25–26.
14. Филимонова С.И., Андриященко Л.Б. Политическое и правовое поле – главные детерминанты развития современного пространства физической культуры и спорта // Спорт: экономика, право, управление. 2021. № 1. С. 30–33.
15. Хамитов Т.Р. Трансформация управления профессиональными спортивными клубами в современных условиях // Экономика и предпринимательство. 2022. № 6. С. 1405–1408.

INFRASTRUCTURAL POTENTIAL FOR THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS ORGANIZATIONS

Girfanov I.I.

Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the analysis of transformations in the sports sphere and the definition of conditions for realizing the potential of infrastructural and institutional transformation of domestic sports. The author draws attention to the fact that the last few years have been marked by important transformations in the sports sphere, expressed in the creation of conditions for a serious infrastructural and institutional transformation of domestic sports. Based on the conducted research of the main policy documents, strategies, it is concluded that there are certain time indicators linked to an achievable goal for a certain period of time. At the same time, the achievement of these indicators is entrusted to physical culture and sports organizations as key beneficiaries of the implementation of program documents. At the same time, it should be noted that the infrastructural potential can be realized with the direct partnership of public authorities with physical culture and sports organizations.

Keywords: physical culture and sports organizations, infrastructure, Strategy for the development of physical culture and sports, Strategy for the development of the sports industry, sports legislation.

References

1. Asadullin M.R. On the prerequisites for the emergence of legal self-organization in sports // Legal world. 2024. No. 5. P. 14–17.
2. Baibekov R.R. Sports leagues in Russia and abroad: signs and features of legal regulation // Russian law journal. 2022. No. 6. P. 135–143.
3. Boyarova G.A. Criteria for assessing reasonableness in civil law // Law. Right. State. 2016. No. 2. P. 206–209.
4. Bukharova D.Kh., Myasnikova T.I. Commercial physical education and sports organizations: modern trends and problems // International journal of humanitarian and natural sciences. 2023. No. 8. P. 97–102.
5. Valeev D.Kh., Nuriyev A.G. Time-based indicators as indicators of the development of electronic justice using the example of the European Union // Russian Justice. 2021. No. 10. Pp. 36–43.
6. Vaskevich V.P. On the issue of legal regulation of an athlete's professional activities // Legal Science. 2020. No. 11. Pp. 29–33.
7. Grishin S.Yu., Volkov P.A., Nifontova K.R. Modern trends in the development of corporate sports in the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics. 2023. No. 6–2. Pp. 174–177.
8. Eroshkina S.B. Physical culture and sports in modern Russia: statistical facts and trends // Bulletin of sports science. 2019. No. 4. P. 59–66.
9. Zakharova L.I. Lex mercatoria and lex sportiva: features, similarities and differences // Lex Russica. 2019. No. 11. P. 70–78.
10. Isaev A.A., Kuraleva O.O. Current state and prospects for the development of physical education and sports in Russia // Theory and practice of modern science. 2021. No. 12. P. 151–153.
11. Letyagina E.N., Bulanova E.V., Kutasin A.N., Sudarikova I.A. Modern approach to the management of physical education and sports organizations // Moscow Economic Journal. 2023. Vol. 8. No. 5.
12. Maksimov V.V. Affordable social infrastructure vs public-private partnership // Standard of living of the population of the regions of Russia. 2021. Vol. 17. No. 3. Pp. 339–348.
13. Stolyar P. Ya. Physical culture and sport: formation of concepts and differences // Internauka. 2023. No. 16–3 (286). Pp. 25–26.
14. Filimonova S.I., Andryushchenko L.B. Political and legal field are the main determinants of the development of the modern space of physical culture and sport // Sport: economics, law, management. 2021. No. 1. Pp. 30–33.
15. Khamitov T.R. Transformation of management of professional sports clubs in modern conditions // Economy and entrepreneurship. 2022. No. 6. Pp. 1405–1408.

Особенности правового режима имущества межправительственных финансовых организаций: теоретические и практические аспекты

Гордюшкин Игорь Германович,

аспирант 3 курса, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»

E-mail: igorgord@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей правового режима имущества МФО, рассматривая как теоретические, так и практические аспекты. Предмет – правовой режим имущества МФО. Цель работы – комплексный анализ правового статуса имущества МФО. В исследовании применяется сравнительно-правовой метод, метод системного анализа, а также метод формально-юридического анализа нормативных актов, регулирующих деятельность МФО. В результате исследования выявлены особенности правового режима имущества МФО, обусловленные их особым статусом международных организаций, иммунитетом от юрисдикции государств-членов и принципами международного права. Полученные результаты могут быть использованы для совершенствования национального законодательства, регулирующего взаимодействие государств с МФО, а также для повышения эффективности деятельности самих организаций. Новизна исследования заключается в комплексном анализе правового статуса имущества МФО с учетом многообразия их функций и форм деятельности, а также в разработке практических рекомендаций по преодолению выявленных правовых проблем.

Ключевые слова: международные финансовые организации, правовой режим имущества, иммунитет от юрисдикции, международное финансовое право, международный договор.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в всестороннем рассмотрении правового статуса имущества межправительственных финансовых организаций (в дальнейшем – МФО), что включает как теоретические, так и практические аспекты, которые ранее не изучались в комплексе. Существующие работы чаще всего акцентируют внимание на отдельных характеристиках правового статуса имущества МФО, например, на вопросах иммунитета от юрисдикции или на юридической природе различных МФО.

Гражданско-правовой статус МФО предопределяется комплексом факторов, включающим в себя международные договоры, учредительные документы самой организации и национальное законодательство стран-участниц. Нет единого универсального акта, определяющего статус всех МФО во всех странах. В первую очередь, статус МФО определяется международными договорами, в рамках которых они созданы. Эти договоры, как правило, являются основополагающими документами, определяющими привилегии, иммунитеты и льготы организации. Они устанавливают, в какой мере МФО обладают юридической самостоятельностью, каковы пределы их ответственности, и какие специальные процедуры применяются в отношениях с государствами-членами и другими субъектами права. Например, Соглашение о создании Международного валютного фонда [2] предоставляет данной организации значительные иммунитеты от юрисдикции национальных судов государств-членов. Аналогичные положения содержатся в уставе Всемирного банка [3]. Далее, учредительные документы самой МФО (устав, соглашение о создании и другие внутренние акты) играют ключевую роль в определении её правового статуса. В частности, документы конкретизируют положения международных договоров, определяя структуру управления, компетенцию органов организации, процедуры принятия решений и внутренний порядок деятельности. Учредительные документы могут содержать определения правосубъектности МФО, устанавливать правила приобретения и распоряжения имуществом, определять ответственность за действия сотрудников и т.д. [4].

В большинстве случаев, государства-члены ратифицируют международные договоры о создании МФО, при этом адаптируя национальное законодательство для обеспечения эффективного функционирования этих организаций в рамках своей юрисдикции. В частности, включает: приня-

тие специальных законов, издание подзаконных актов, принятие решений правительства и других органов власти для реализации положений международных договоров и обеспечения соблюдения иммунитетов и привилегий МФО. Однако важно отметить, что национальное законодательство не может противоречить международным договорам, которые имеют приоритет в случае коллизии [4].

Определено, что правовой режим имущества МФО представляет собой сложную и многогранную область международного публичного и частного права, характеризующуюся особым сочетанием иммунитетов, привилегий и ограничений. Анализ прецедентного права, а также положений учредительных договоров и соглашений МФО, позволяет выделить ключевые аспекты данного режима.

Считаем, что отправной точкой к проблемным аспектам являются границы интересов самих МФО, которые, в свою очередь, определяются их мандатами и целями. Размытость этих границ порождает множество коллизий и споров. Во-первых, иммунитет от юрисдикции является краеугольным камнем правового статуса МФО. Он призван обеспечить беспрепятственное функционирование организаций, защищая их активы от судебных исков в национальных судах. Однако, абсолютный иммунитет – редкость. Современная практика склоняется к концепции функционального иммунитета, согласно которой иммунитет распространяется только на действия, непосредственно связанные с осуществлением функций МФО, определенных в их учредительных документах. Определение границ этих функций часто становится предметом острых споров. Например, является ли коммерческая деятельность, осуществляемая МФО для получения прибыли, которая затем реинвестируется в социальные проекты, частью их иммунизированной деятельности? Во-вторых, вопрос о применимом праве в спорах, касающихся имущества МФО, является крайне сложным. Часто возникают коллизии между международным правом, правом страны местонахождения имущества и правом государства-участника, в котором осуществлялась деятельность, приведшая к спору. Отсутствие единого, универсального механизма разрешения таких споров создает неопределенность и риск для всех заинтересованных сторон. Особенно актуально это для случаев, когда споры возникают на стыке публичного и частного права.

Иммунитет от юрисдикции представляет собой один из основных принципов правового положения МФО. Он заключается в защите их активов от каких-либо исполнительных мероприятий, так же как и в освобождении от юрисдикции судов стран-участниц, за исключением ситуаций, которые четко прописаны в их учредительных документах или международных договорах.

Прецеденты Международного Суда ООН неоднократно подтверждали наличие такого иммунитета, но одновременно подчеркивали его неабсолютный характер. Например, иммунитет может не распространяться на коммерческие действия

МФО, выходящие за рамки их уставной деятельности. Определение того, являются ли конкретные действия «коммерческими», часто становится предметом споров и требует тщательного анализа обстоятельств дела. Важным элементом правового режима является вопрос владения и распоряжения имуществом. МФО, как правило, обладают правом собственности на свое имущество, но это право часто ограничено положениями их учредительных актов и международными соглашениями. Например, МФО могут быть ограничены в использовании своего имущества для целей, не связанных с их уставными целями. Кроме того, международные соглашения могут устанавливать специальные правила относительно распоряжения имуществом МФО в случае их ликвидации или реструктуризации. В этой связи, прецедентное право играет значительную роль в формировании правового режима имущества МФО. Решение конкретных споров, связанных с иммунитетом, владением имуществом, исполнением обязательств МФО, создают прецеденты, которые используются в последующей практике. Однако, важно учитывать, что прецедентное право в международном праве не обладает той же обязательной силой, что и в некоторых национальных правовых системах. Прецеденты Международного Суда ООН, арбитражных трибуналов, а также национальных судов, рассматривающих споры с участием МФО, представляют собой важный, но не единственный источник права. На данном этапе можем заключить, что правовой режим имущества МФО – это динамично развивающаяся область права, которая требует комплексного подхода.

Результаты исследования

Регулирование правового статуса имущества МФО представляет собой сложную задачу, требующую тщательного анализа с учетом международных соглашений и законодательства каждой страны-участницы. На глобальном уровне не существует единого всеобъемлющего нормативно-правового акта, который бы охватывал эту тему. Правовой статус определяется, прежде всего, учредительными документами самой организации и договорами между государствами-участниками, а также национальными законами стран, на территории которых располагается имущество организации.

Характеристика правового статуса имущества МФО, действующих с участием Российской Федерации в региональном масштабе, представляет собой комплексную и многослойную задачу, требующую всестороннего анализа, учитывающего как международные, так и национальные российские нормы права. Ключевым аспектом является определение правового статуса самой МФО. Практика показывает, что режим имущества таких организаций, как НБР, ЕАБР, МИБ, Межгосударственный банк, характеризуется определённой спецификой, обусловленной их международно-правовым статусом и целями деятельности.

Новый банк развития (НБР)

Согласно Соглашению «О новом банке развития» от 15 июля 2014 года [1] действует как субъект международного права. В качестве многостороннего института, НБР располагает уникальным правовым статусом, касающимся его активов. Учредителями НБР выступают такие страны как Федеративная Республика Бразилия, Российская Федерация, Республика Индия, Китайская Народная Республика и Южно-Африканская Республика. На территории каждого государства-члена Банк обладает полным правосубъектным статусом, включая полную правоспособность: на заключение контрактов; на приобретение как движимого, так и недвижимого имущества, а также на его распоряжение; на инициирование юридических процедур.

Основная цель работы НБР заключается в привлечении финансовых ресурсов для поддержки инфраструктурных и устойчивых проектных инициатив в странах БРИКС, а также других развивающихся и переходных экономиках. Эта деятельность служит дополнением к усилиям многосторонних и региональных финансовых учреждений, которые способствуют глобальному экономическому развитию. Для достижения своих задач НБР имеет право реализовывать такие функции: использовать свои ресурсы для поддержки как государственных, так и частных инфраструктурных и устойчивых проектов в странах БРИКС и других развивающихся странах, предоставляя кредиты, гарантии, капитальные вложения и различные финансовые инструменты; осуществлять взаимодействие с международными учреждениями и местными государственными и частными организациями, включая международные финансовые организации и банки развития; предлагать техническую поддержку для разработки и реализации инфраструктурных и устойчивых проектов, которые будут финансироваться Банком; способствовать инфраструктурным и устойчивым проектам, которые охватывают более чем одну страну; создавать или управлять специализированными фондами, нацеленными на реализацию задач НБР.

Имущество НБР является многогранным и включает как доходные активы, так и те, что необходимы для ведения его операционной деятельности. В соответствии с пунктом с) статьи 30 Соглашения «О новом банке развития» от 15.07.2014 [1], имущество и активы НБР, независимо от их расположения и владельца, пользуются защитой от всех видов конфискации, ареста или других способов принудительного исполнения до тех пор, пока не будет вынесено окончательное решение суда в отношении НБР. К основному имуществу НБР относятся:

Уставный капитал НБР формируется за счет взносов государств-членов (страны БРИКС и другие развивающиеся страны, присоединившиеся к банку). Эти взносы могут быть представлены в денежной форме (национальные валюты или свободно конвертируемые валюты, например, доллары США)

и, в некоторых случаях, в виде других активов, согласованных между НБР и государством-членом. НБР, как финансовая организация, накапливает резервы для покрытия потенциальных убытков и распределяет прибыль в соответствии со своей внутренней политикой. Эти резервы и прибыль также являются частью его имущества и управляются в соответствии с принципами финансовой стабильности и устойчивости [1]. Существенная часть имущества НБР представлена в виде инвестиций в различные ценные бумаги, облигации и другие финансовые инструменты. Эти инвестиции осуществляются в соответствии со стратегией НБР и направлены на получение прибыли и поддержку его операционной деятельности. НБР, как и любая крупная финансовая организация, владеет недвижимостью, включая здания офисов, земельные участки и другие объекты. К имуществу НБР относятся также компьютерное оборудование, программное обеспечение, интеллектуальная собственность (патенты, авторские права) и другие нематериальные активы, необходимые для осуществления его деятельности. Управление этими активами осуществляется в соответствии с внутренними правилами банка и международными стандартами.

В соответствии с пунктом а) статьи 34 Соглашения «О новом банке развития» от 15.07.2014 [1], НБР, а также его активы, имущество, доходы и финансовые операции, выполняемые в рамках данного документа, обладают иммунитетом от любых налогов, ограничений и таможенных сборов. Кроме того, НБР не несет обязательств по сбору, удержанию или выплате любых налогов или сборов. В той мере, в какой это необходимо для достижения его целей и выполнения задач, и при условии соблюдения условий Соглашения, все активы и имущество НБР освобождаются от любых ограничений и контроля. Таким образом, можно сделать вывод, что все имущество НБР защищено международным правом и обладает иммунитетом от судебного преследования и национализации. Однако этот иммунитет не является абсолютным и может быть ограничен в определенных ситуациях, таких как случаи нарушения НБР принципов международного права или его собственных внутренних норм.

Рассмотрим правовой режим имущества следующих МФО – ЕАБР [6], МИБ (Международный инвестиционный банк) [7], Межгосударственного банка [8]. Их имущество, обладает иммунитетом от юрисдикции государств-участников, что означает невозможность быть предметом судебных разбирательств или иных принудительных мер со стороны национальных органов власти, за исключением случаев, прямо предусмотренных соглашениями об учреждении этих организаций или международным правом. Рассмотрим особенности имущества каждой организации.

Евразийский банк развития (ЕАБР)

В соответствии с положениями статьи 3 Соглашения об основании Евразийского банка развития,

подписанного в Астане 12 января 2006 года [10], ЕАБР функционирует как международная организация, обладающая правосубъектностью и возможностью заключать международные соглашения в рамках своей компетенции. Кроме того, банк способствует укреплению глобального финансового и экономического взаимодействия, принимая участие в деятельности различных международных финансовых и банковских учреждений, а также объединений. Для достижения своих целей ЕАБР выполняет несколько ключевых функций: он осуществляет инвестиции, способствующие социально-экономическому прогрессу государств-участников, финансируя разнообразные проекты и программы, предоставляя гарантии и участвуя в уставных капиталах организаций. В своей деятельности ЕАБР использует как собственные средства, так и средства, привлеченные с международных и национальных финансовых рынков, а также другие доступные источники ресурсов.

ЕАБР также оказывает консультационные услуги своим членам по вопросам, касающимся экономического развития, рационального использования ресурсов, а также укрепления торговых и экономических взаимосвязей. Одной из ключевых сфер его деятельности является информационно-аналитическая работа в области как государственных, так и международных финансов. Более того, ЕАБР взаимодействует с международными учреждениями, правительственными органами, национальными структурами и бизнес-сообществами стран-участниц, а также других государств, заинтересованных в финансировании экономического прогресса. В дополнение к этому, ЕАБР выполняет различные действия, которые соответствуют его задачам, прописанным в указанном Соглашении и двусторонних договорах с участниками, их центральными банками и другими уполномоченными органами, а также практике международного банковского дела.

Имущество ЕАБР, включающее здания, земельные участки, ценные бумаги, денежные средства и прочее, находится в его исключительной собственности. При этом, ЕАБР обладает иммунитетом от налогообложения и других государственных обременений в соответствии с Соглашением об учреждении Евразийского банка развития (г. Астана, 12 января 2006 года) [10].

ЕАБР, будучи наделённым статусом юридического лица на территориях государств-участников, обладает широким спектром полномочий, вытекающих из его Устава. В частности, ЕАБР, в рамках, не противоречащих его уставным целям и положениям, правомочен осуществлять любые действия, необходимые для достижения этих целей, включая, но не ограничиваясь, следующими: приобретение, владение, пользование, распоряжение, в том числе путем отчуждения (продажи, обмена, дарения и иными способами), аренды, залога и иных сделок, как движимым, так и недвижимым имуществом, расположенным на территориях государств-участников и за их пределами, при условии со-

блюдения всех применимых норм национального и международного права. Данное правомочие распространяется на все виды имущественных прав, включая, но не ограничиваясь, права интеллектуальной собственности, права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. ЕАБР вправе выступать в качестве истца и ответчика в судебных и арбитражных органах всех уровней на территории государств-участников, используя все предусмотренные законодательством данных государств процессуальные средства защиты своих прав и законных интересов, аналогично полномочиям, предоставленным местным юридическим лицам. Это включает в себя право на обжалование судебных актов в порядке, установленном национальным процессуальным законодательством. Более того, ЕАБР имеет право заключать любые виды договоров, предусмотренные законодательством государств-участников, в том числе, но не ограничиваясь, договоры займа, кредитные договоры, договоры поручительства, договоры гарантии, договоры купли-продажи, договоры аренды, договоры подряда, договоры на оказание услуг и иные договоры, необходимые для осуществления своей деятельности. ЕАБР уполномочен представлять свои интересы в любых государственных органах и организациях государств-участников, а также в международных организациях и судах, включая арбитражные суды, в соответствии с применимым правом. Он обладает правом на открытие банковских счетов, получение и распоряжение денежными средствами, а также осуществление всех необходимых финансовых операций. В случае возникновения споров, связанных с деятельностью ЕАБР, он имеет право выбирать способы разрешения споров, предусмотренные законодательством государств-участников или международным правом, включая арбитраж или судебное разбирательство. Все действия ЕАБР, осуществляемые в рамках его полномочий, должны соответствовать нормам национального законодательства государств-участников и международного права, а также положениям Устава ЕАБР.

Пункт 3 статьи 31 Соглашения ЕАБР устанавливает иммунитет активов и имущества Банка, находящихся на территориях государств-участников ЕАБР, от любых форм принудительного изъятия, включая, но не ограничиваясь, обыски, реквизиции, аресты, конфискации, экспроприации и иные действия, направленные на отчуждение указанного имущества. Данный иммунитет действует до момента вступления в законную силу окончательного и обжалованию не подлежащего судебного решения, касающегося ЕАБР. Предоставление ЕАБР такой правовой неприкосновенности, закрепленное как в учредительных документах Банка, так и в международных соглашениях с государствами-участниками, является неотъемлемым элементом обеспечения его независимости в операционной деятельности и финансовой стабильности. Гарантия неприкосновенности активов ЕАБР до выне-

сения окончательного судебного решения направлена на предотвращение неправомерного вмешательства со стороны компетентных органов государств-участников в деятельность Банка, тем самым обеспечивая бесперебойное исполнение им своих уставных функций, определенных учредительными документами. Следует отметить, что данный иммунитет не является абсолютным и может быть ограничен в рамках международного права и национального законодательства государств-участников лишь в случаях, прямо предусмотренных международными договорами, участником которых является ЕАБР, при условии соблюдения установленной процедуры и наличия законных оснований, подтвержденных соответствующим судебным решением, вступившим в законную силу. Любые действия, направленные на нарушение положений пункта 3 статьи 31 Соглашения, могут рассматриваться как нарушение международного права и могут повлечь за собой международно-правовую ответственность государства-участника, допустившего такие действия. Более того, указанный иммунитет распространяется на все виды активов и имущества ЕАБР, включая, но не ограничиваясь, денежные средства, недвижимость, ценные бумаги и иное имущество, находящееся в собственности или во владении Банка. Определение понятия «окончательное судебное решение» должно осуществляться в соответствии с правом той юрисдикции, в которой рассматривается дело, при этом учитываются международные стандарты в области исполнения судебных решений и арбитражных решений. При возникновении споров, связанных с интерпретацией положений пункта 3 статьи 31 Соглашения, приоритетное значение имеют принципы международного права и учредительные документы ЕАБР. В случае нарушения иммунитета ЕАБР, Банк имеет право обратиться в международные арбитражные суды или иные компетентные органы для защиты своих прав и интересов в соответствии с применимым правом.

Принцип иммунитета международных организаций, включая ЕАБР, основывается на концепции функциональной необходимости. Эта концепция подразумевает, что для эффективной реализации задач, направленных на благо международного сообщества или группы стран, организациям необходима степень независимости от национальных юрисдикций. В частности, иммунитет ЕАБР позволяет ему осуществлять финансирование инвестиционных проектов, которые содействуют экономическому развитию стран-членов, избегая риска воздействия политических санкций или ограничений. Подробное изучение иммунитета ЕАБР предполагает анализ его масштабов и границ. Иммунитет распространяется на все виды активов и имущества ЕАБР, находящихся на территории стран-участников, включая денежные средства, ценные бумаги, недвижимость и другие активы.

В той мере, в которой это необходимо для выполнения задач и осуществления функций ЕАБР, а также с учётом положений Устава, все активы

и имущество банка освобождены от каких-либо ограничений, предписаний или мораториев. Финансовые поступления банка, его активы и операции, проводимые согласно Уставу на территориях стран-участников, не подлежат налогам, сборам, пошлинам и другим обязательным платежам, за исключением платежей за определённые услуги. Тем не менее, данный иммунитет не является абсолютным и может быть ограничен в ряде случаев, например, для обеспечения выполнения финансовых обязательств перед кредиторами, или в случае, если действия банка противоречат его целям, установленным в Уставе. Порядок управления и распоряжения имуществом ЕАБР определяется его внутренними нормативными документами и соглашением [10]. Существенной характеристикой является то, что имущество ЕАБР в основном используется для достижения его уставных задач, включая финансирование инфраструктурных проектов в государствах-участниках.

Международный инвестиционный банк (МИБ)

В соответствии со ст. 2 Соглашения об образовании международного инвестиционного банка [11], выступает многосторонним институтом развития.

МИБ ставит перед собой важнейшую задачу – содействовать экономическому развитию, улучшать конкурентоспособность национальных экономик и развивать торгово-экономическое сотрудничество, а также инвестиционные возможности в интересах стран-участниц. В частности, организация нацелена на усиление своего воздействия в различных регионах и поддержку экономик всех государств, вступивших в её состав.

Цели и задачи МИБ, его правосубъектность, включая полномочия и пределы ответственности, регулирование юридической деятельности, а также привилегии и иммунитеты, которыми обладает МИБ и его представители в Совете управляющих и Совете директоров, а также должностные лица и сотрудники на территории стран-участников, определяются Соглашением и действующим Уставом. В частности, МИБ имеет право: заключать международные соглашения; владеть, дарить, сдавать в аренду и арендуя любое имущество, включая как недвижимость, так и другие активы, а также совершать сделки, не противоречащие Уставу; быть стороной в судебных разбирательствах (государственных или арбитражных) в качестве истца или ответчика; на территории стран-участников МИБ наделен процессуальными правами, схожими с теми, что предоставляются юридическим лицам в данной стране; открывать филиалы и представительства; создавать дочерние компании; принимать внутренние регламенты, касающиеся его деятельности; а также осуществлять другие действия, направленные на достижение целей, установленных Соглашением и Уставом [11].

В соответствии со статьей 13 указанного выше Соглашения, МИБ, вместе с его активами и имуществом, а также архивами и документацией, об-

ладают защитой от любых видов административных и судебных вмешательств, независимо от их местонахождения или принадлежности. Исключения составляют только те случаи, когда МИБ самостоятельно решает отказаться от этого иммунитета. В процессе выполнения своих обязанностей на территории любой страны, являющейся членом Банка, представителям и их заместителям, назначенным от членом Банка в Совете управляющих, предоставляются следующие права и иммунитеты: защита от судебных и административных преследований за действия, осуществленные в ходе выполнения служебных функций. Этот иммунитет не распространяется на гражданские иски, связанные с ущербом от дорожно-транспортных происшествий. Им предоставляются такие же таможенные привилегии для их личного багажа, как и сотрудникам дипломатических миссий аналогичного уровня в данной стране; они освобождаются от уплаты прямых налогов и сборов на суммы, получаемые представителями и их заместителями, назначенными от членом; а также освобождаются от выполнения обязательств по государственным повинностям.

Согласно части 2 статьи 14 Соглашения о создании Международного инвестиционного банка [11], член МИБ обязан отказаться от любых привилегий и иммунитетов, которые были предоставлены его представителю в Совете управляющих или заместителю, если имеется мнение, что данные привилегии или иммунитеты могут препятствовать осуществлению справедливости и могут быть отменены без ущерба для интересов международной организации. Такое решение должно приниматься в объеме и условиях, которые, по их мнению, наиболее соответствуют целям МИБ, аналогичные положения также присутствуют в статье 15 указанного соглашения.

В соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Международным инвестиционным банком относительно условий его присутствия на территории России, целью является содействие развитию взаимовыгодного сотрудничества между сторонами, а также создание оптимальных условий для работы МИБ, его филиалов и представительств в РФ. Это также включает признание статуса, привилегий и иммунитетов, которые предоставляются Международному инвестиционному банку, а также членам Совета управляющих и Совета директоров, включая сотрудников и должностных лиц банка [12].

Согласно статье 15 указанного Соглашения, уполномоченные органы Российской Федерации обязаны отказаться от любых привилегий и иммунитетов, предоставляемых их представителям в Совете управляющих и Совете директоров, если они сочтут, что такие преимущества препятствуют справедливому правосудию, при условии, что их отмена не нанесет вреда интересам Банка. Это должно быть реализовано в той степени и на тех условиях, которые, с точки зрения этих органов, соответствуют интересам Банка. При схожих обстоя-

тельствах и на аналогичных условиях Совет управляющих также должен отказаться от любых привилегий или иммунитетов в отношении членом Правления Банка. Кроме того, Председатель Правления Банка обязан отказаться от любых преимуществ или иммунитетов в отношении любого сотрудника или должностного лица Банка, за исключением членом Совета директоров и членом Правления.

Межгосударственный банк – этот банк, как и другие, обладает иммунитетом от юрисдикции государств-участников в отношении своего имущества [13]. В его учредительных документах определяются правила владения, пользования и распоряжения имуществом, а также механизмы его защиты. Имущество используется для достижения целей Банка СНГ, определяемых его уставом, связанными с экономическим развитием стран СНГ. Во всех шести случаях, режим имущества МФО тесно связан с их международно-правовым статусом и целями деятельности. Тем самым, можем заключить, следующее. Во-первых, имущество МФО, как правило, обладает иммунитетом от юрисдикции государств-участников, включая Россию. Данный иммунитет, закреплённый в учредительных договорах и соглашениях об иммунитете, распространяется на различные виды имущества, включая недвижимость, движимое имущество, финансовые активы и др. Однако, важно отметить, что иммунитет не является абсолютным. Существуют исключения, предусмотренные как международным правом, так и национальным законодательством государств-участников. Например, иммунитет может не распространяться на коммерческую деятельность МФО, на случаи нарушения МФО национального законодательства или на споры, связанные с трудовыми отношениями. Во-вторых, правовой режим имущества МФО тесно связан с принципами международного права, в частности, принципами суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела. Учредительные договоры МФО, как правило, определяют отношения распоряжения имуществом. Это означает, что национальное законодательство РФ может ограниченно воздействовать на порядок распоряжения имуществом МФО в пределах, установленных учредительными документами. В-третьих, важным аспектом является налоговый режим имущества МФО. Как правило, учредительные договоры содержат положения, предоставляющие МФО льготы в отношении налогообложения. Разногласия могут возникать по вопросам определения налогооблагаемой базы, видов налогов, подлежащих уплате, и процедуры налогового контроля. В-четвертых, режим ответственности МФО за причинение вреда третьим лицам также имеет свою специфику. Наличие иммунитета не исключает возможности привлечения МФО к ответственности в случае нанесения имущественного вреда, но порядок привлечения к ответственности и величина возмещения могут регулироваться специфическими положениями учредительных документов и международных договоров.

Особенности правового режима МФО тесно связаны с концепцией их иммунитета. Необходимо отметить, что имущество МФО не обладает абсолютным и неизменным иммунитетом. Его правовой режим динамичен и зависит от ряда обстоятельств, таких как вид имущества, его назначение, юрисдикция и, важно, характер совершаемой с ним операции. Следовательно, одно и то же имущество может как подпадать под иммунитет, так и не подпадать, в зависимости от конкретной ситуации. Примером может служить сдача в аренду имущества МИБ, что наглядно демонстрирует дифференцированный подход к применению иммунитета. Разграничение между имуществом, используемым непосредственно для выполнения уставных функций МФО, и имуществом, используемым в коммерческих целях, является ключевым. Первое, как правило, пользуется более широким иммунитетом, защищающим его от исполнительных действий, налогообложения и других форм вмешательства со стороны государств. Это обусловлено необходимостью обеспечения независимости МФО в реализации их целей, которые зачастую связаны с глобальной финансовой стабильностью и развитием. Такое имущество, например, здания штаб-квартир, активы, непосредственно участвующие в операциях по кредитованию государств-членов, пользуется практически абсолютным иммунитетом. В отличие от этого, имущество, используемое МФО в коммерческой деятельности, например, сдаваемое в аренду недвижимое имущество, может не подпадать под иммунитет или подпадать под него в ограниченной степени. Это связано с тем, что в данном случае МФО выступает не как субъект международного публичного права, реализующий суверенные функции, а как участник гражданско-правовых отношений, сопоставимый с частными компаниями. Поэтому государства могут претендовать на применение своих законов и юрисдикции в отношении такого имущества, включая взыскание налогов, применение мер принудительного исполнения и т.д.

Выводы

Особенностью правового режима имущества МФО является его специфический статус, существенно отличающийся от правового режима имущества как государственных, так и частных субъектов. Этот статус обусловлен их международным характером, особыми целями и функциями, а также привилегированным положением, предоставляемым им государствами-членами. Теоретически, имущество МФО, включая здания, средства на счетах, ценные бумаги и другие активы, находится под защитой международного права и национального законодательства стран-участниц, однако на практике возникают многочисленные проблемы.

Один из ключевых аспектов – иммунитет от юрисдикции. МФО, как правило, обладают иммунитетом от национальной юрисдикции государства-члена, в котором они осуществляют

свою деятельность. Это означает, что их имущество не может быть арестовано, конфисковано или подвергнуто другим исполнительным действиям по искам частных лиц или даже государственных органов, если только это не предусмотрено соглашениями, учредившими МФО, или специальными международными договорами. Однако, границы этого иммунитета постоянно оспариваются. Судебная практика демонстрирует стремление судов находить баланс между необходимостью защиты деятельности МФО и обеспечением справедливости для кредиторов и других заинтересованных сторон. В условиях геополитической нестабильности и санкционной политики, этот баланс становится еще более хрупким, поскольку государства могут использовать свои национальные законы для ограничения иммунитета МФО, если их деятельность противоречит национальным интересам. Другой проблемный аспект связан с налогообложением. МФО, как правило, освобождены от налогов на имущество, прибыль и другие виды налогов. Это освобождение, заложенное в учредительных документах и международных соглашениях, призвано обеспечить их беспрепятственную деятельность. Однако, в условиях финансового кризиса или геополитического противостояния, государства могут пересматривать эти привилегии, вводя новые налоги или расширяя сферу налогообложения для МФО. Это может привести к серьезным спорам и даже к приостановке деятельности МФО на территории данного государства. В контексте СВО (специальной военной операции) на Украине, проблемные аспекты правового режима имущества МФО обострились. Санкции, введенные против России и ряда российских юридических и физических лиц, косвенно затрагивают и МФО, имеющие деловые отношения с Россией. Возникают вопросы о возможности замораживания или конфискации имущества МФО, если они, несмотря на свой иммунитет, связаны с санкционированными лицами или организациями. В заключение, правовой режим имущества МФО характеризуется сложностью и многогранностью. В условиях геополитической напряженности, возникают новые проблемы, приоритетным решением которых является защита национальных интересов государств-членов.

Литература

1. Федеральный закон от 08.03.2015 N 29-ФЗ «О ратификации Соглашения о Новом банке развития» // «Собрание законодательства РФ», 09.03.2015, N 10, ст. 1399
2. Соглашение о создании Международного валютного фонда [Электронный ресурс] // URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf> (дата обращения 27.11.2024).
3. Устав Всемирного Банка [Электронный ресурс] // URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/pt/992091468764106236/pdf/271451RU1guide1orld0bank1an0excerpt.pdf> (дата обращения 27.11.2024).

4. Организация объединенных наций и верховенство права [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/un-and-the-rule-of-law/worldbank/> (дата обращения 27.11.2024).
5. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/international/development_institutions_participation_rf/new_development_bank/ (дата обращения 24.11.2024).
6. Евразийский банк развития [Электронный ресурс] // URL: <https://eabr.org/> (дата обращения 27.11.2024).
7. Международный инвестиционный банк [Электронный ресурс] // URL: <https://iib.int/ru> (дата обращения 29.11.2024).
8. Межгосударственный банк [Электронный ресурс] // URL: <https://www.isbnk.org/> (дата обращения 29.11.2024).
9. «Соглашение о Новом банке развития» [рус., англ.] (Заключено в г. Форте-лезе 15.07.2014) // Бюллетень международных договоров. 2016. N 3. С. 3–44.
10. Соглашение об учреждении Евразийского банка развития (вместе с Уставом) (г. Астана, 12 января 2006 года) [Электронный ресурс] // URL: <https://eabr.org/upload/iblock/893/soglashenie-ob-uchrejdении-banka.pdf> (дата обращения 16.12.2024).
11. Соглашение об образовании международного инвестиционного банка [Электронный ресурс] // URL: https://iib.int/attachments/prilozhenie_7_soglashenie_ob_obrazovanii_mib.pdf (дата обращения 18.12.2024).
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным инвестиционным банком об условиях пребывания Международного инвестиционного банка на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%20%D0%9C%D0%98%D0%91%20%D0%BE%20%D0%B-C%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B-F%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%A4.pdf> (дата обращения 18.12.2024).
13. Соглашение стран СНГ от 22.01.1993 «Об учреждении Межгосударственного банка» // «Бюллетень международных договоров», N 12, 1994;
14. Соглашение между Межгосударственным банком и Правительством РФ от 30.07.1996 «Об условиях пребывания Межгосударственного банка на территории Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 09.03.1998, N 10, ст. 1148/

The article is devoted to the study of the features of the legal regime of the property of MFIs, considering both theoretical and practical aspects. The subject is the legal regime of the property of MFIs. The purpose of the work is a comprehensive analysis of the legal status of the property of MFIs. The study uses the comparative legal method, the method of system analysis, as well as the method of formal legal analysis of regulations governing the activities of MFIs. As a result of the study, the peculiarities of the legal regime of the property of MFOs are revealed, due to their special status as international organizations, immunity from the jurisdiction of member States and the principles of international law. The results obtained can be used to improve national legislation governing the interaction of states with MFIs, as well as to improve the effectiveness of the organizations themselves. The novelty of the study lies in a comprehensive analysis of the legal status of the property of MFIs, taking into account the diversity of their functions and forms of activity, as well as in the development of practical recommendations to overcome the identified legal problems.

Keywords: international financial organizations, legal regime of property, immunity from jurisdiction, international financial law, international treaty.

References

1. Federal Law of 08.03.2015 N 29-FZ “On Ratification of the Agreement on the New Development Bank” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 09.03.2015, N 10, Art. 1399
2. Agreement on the Establishment of the International Monetary Fund [Electronic resource] // URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf> (date of access 11/27/2024).
3. Charter of the World Bank [Electronic resource] // URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/pt/992091468764106236/pdf/271451RU1guide1orld0bank1an0excerpt.pdf> (date of access 11/27/2024).
4. The United Nations and the Rule of Law [Electronic resource] // URL: <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/un-and-the-rule-of-law/worldbank/> (date of access 11/27/2024).
5. The Ministry of Finance of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/international/development_institutions_participation_rf/new_development_bank/ (date of access 11/24/2024).
6. The Eurasian Development Bank [Electronic resource] // URL: <https://eabr.org/> (date of access 11/27/2024).
7. The International Investment Bank [Electronic resource] // URL: <https://iib.int/ru> (date of access 11/29/2024).
8. Interstate Bank [Electronic resource] // URL: <https://www.isbnk.org/> (date of access 11/29/2024).
9. “Agreement on the New Development Bank” [Russian, English] (Concluded in Fortaleza on 07/15/2014) // Bulletin of International Treaties. 2016. N 3. pp. 3–44.
10. Agreement on the Establishment of the Eurasian Development Bank (together with the Charter) (Astana, January 12, 2006) [Electronic resource] // URL: <https://eabr.org/upload/iblock/893/soglashenie-ob-uchrejdении-banka.pdf> (date of access 12/16/2024).
11. Agreement on the establishment of an international investment bank [Electronic resource] // URL: https://iib.int/attachments/prilozhenie_7_soglashenie_ob_obrazovanii_mib.pdf (date of access 12/18/2024).
12. Agreement between the Government of the Russian Federation and the International Investment Bank on the conditions of presence of the International Investment Bank on the territory of the Russian Federation [Electronic resource] // URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%20%D0%9C%D0%98%D0%91%20%D0%BE%20%D0%B-C%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B-F%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%8B%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%A4.pdf> (date of access 12/18/2024).
13. Agreement of the CIS countries of 22.01.1993 “On the establishment of the Interstate Bank” // “Bulletin of international treaties”, No. 12, 1994;
14. Agreement between the Interstate Bank and the Government of the Russian Federation of 30.07.1996 “On the conditions of the presence of the Interstate Bank on the territory of the Russian Federation” // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 09.03.1998, No. 10, Art. 1148/

FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF PROPERTY OF INTERGOVERNMENTAL FINANCIAL ORGANIZATIONS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Gordyushkin I.G.
Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

Роль финансового законодательства в решении отдельных задач гражданского оборота в условиях цифровизации

Задорожная Евгения Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса, АНО ВО «Московский международный университет»

E-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Карташов Иван Вячеславович,

студент, АНО ВО «Московский международный университет»

E-mail: williebgx@gmail.com

Ковригина Елена Борисовна,

студент, АНО ВО «Московский международный университет»

E-mail: elenakovrigina361@gmail.com

В статье анализируются актуальные положения финансового законодательства Российской Федерации, регулирующих выпуск и обращение цифровых финансовых активов (ЦФА), цифровых валют (криптовалют и стейблкоинов) и цифрового рубля. Акцент сделан на применении перечисленных цифровых новаций в сфере финансов при ведении внешнеэкономической деятельности российскими и иностранными контрагентами в условиях санкционной политики недружественных государств. Рассмотрена проблематика соотношения актуальных норм отечественного законодательства и практики применения цифровых новаций, а также высоких ожиданий участников внешнеэкономической деятельности в части их регулирования и применения. Подчеркивается важность законодательной разработки, введения в оборот и регулирования новых, альтернативных традиционным средств расчетов в условиях цифровой трансформации гражданского оборота и адаптации к оказываемому санкционному давлению.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой финансовый актив, ЦФА, цифровые валюты, криптовалюты, стейблкоины, цифровой рубль, санкционные ограничения, внешнеэкономическая деятельность.

К области публичного права Ю.А. Тихомиров относит финансовое право [4], которое позволяет в условиях санкционного давления на наше государство, принимать эффективные решения, в том числе, путем внесения изменений. В настоящее время финансовое законодательство представлено самостоятельными источниками, к которым относятся Налоговый и Бюджетный кодексы Российской Федерации. Важными для изучения правового регулирования в данной сфере и определения законодательных тенденций служат «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики», принимаемые на очередной финансовый год и плановый период. В соответствующем документе на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов [19], принятым в условиях введенных западными странами финансовых и экономических санкций, направленных на дестабилизацию финансовой системы и нанесение ущерба экономическому потенциалу России, отмечено смещение акцента с антикризисной повестки в сторону содействия достижению национальных целей развития страны, в том числе, обеспечению цифровой трансформации, посредством обеспечения устойчивых темпов роста экономики и расширения потенциала сбалансированного развития. При этом базовый сценарий прогноза социально-экономического развития страны разработан с учетом сохранения введенных ограничений до конца указанного выше периода.

Цифровая трансформация стала вызовом для развития российских отраслей права, включая отрасли финансового и гражданского права. В феврале 2019 года В.В. Путин в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ поставил задачу «настроить на новую технологическую реальность» все российское законодательство [8]. Потребность в таковой трансформации и специфика предмета правового регулирования у отраслей различны. «Сфера регулируемых нормами финансового права отношений оказалась по целому ряду объективных причин наиболее технологичной» [3; С. 9–13]. Между тем, необходимость решения задачи определения национальной модели правового обеспечения и развития цифрового гражданского оборота подразумевает трансформацию подходов и правовых средств для определения векторов развития правового регулирования новых общественных отношений. В научной литературе делается прогноз на запрос со стороны субъектов гражданского оборота на трансформацию законодательства в области регулирования «оборота цифровых объектов, эксплуатацию цифро-

вых технологических платформ, предоставление цифровых услуг, регламентации деятельности лиц, функционирующих только в цифровой среде, применение систем искусственного интеллекта и технологий распределенного реестра» [5].

Технологическое развитие нельзя предотвратить или игнорировать, но его можно и нужно регулировать. Начало было положено принятием в качестве базисного нормативно-правового акта в рамках изучаемой темы федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (далее – ФЗ № 259-ФЗ) [6].

Условия беспрецедентного санкционного давления на Россию, оказываемого с 24 февраля 2022 года, детерминировали поиск альтернативных способов расчета с иностранными контрагентами и выявили повышенный интерес к использованию нетрадиционных средств платежа, в числе которых рассматриваются криптовалюты. Данный вопрос требует совершенствования правового регулирования. Промежуточным итогом работы законодателя стало внесение изменений в Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 258-ФЗ). С его редакцией появилась возможность использования не только цифровых финансовых активов, но и цифровой валюты в качестве средства платежа.

Далее мы рассмотрим особенности правового регулирования правоотношений в сфере оборота цифровых финансовых активов, цифровых валют и цифрового рубля применительно к внешнеэкономической деятельности в условиях санкционных ограничений. Для этого необходимо провести анализ правовых категорий «цифровой финансовый актив», «цифровая валюта» и «цифровой рубль», выявить достоинства и недостатки правового регулирования вопросов использования их в качестве средств платежа в рамках внешнеэкономической деятельности. Прежде чем говорить о механизме использования цифровых финансовых активов и цифровых валют в качестве средства платежа в процессе осуществления гражданского оборота, следует указать легальные и доктринальные дефиниции указанных понятий.

Под цифровым финансовым активом (далее – ЦФА) понимаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенно-

го реестра, а также в иные информационные системы (часть 2 статьи 1 ФЗ № 259-ФЗ).

Под цифровой валютой понимаются совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечить соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам (часть 3 статьи 1 ФЗ № 259-ФЗ).

Если понятие «цифровая валюта» встречалось еще до введения данного Федерального закона в действие (например, Европейский центральный банк под этим понятием понимает любую форму валюты в нематериальном виде: электронные деньги, записи на банковских счетах, виртуальные валюты [1]), то вот «цифровой финансовый актив» – оригинальное изобретение отечественного законодателя, появившиеся в результате работы над первой версией законопроекта [2].

Опираясь на правоприменительную практику и мнения экспертов [9], можно заключить, что цифровой финансовый актив представляет из себя не имущественную категорию, а обязательственную, связанную с денежными и эмиссионными требованиями, поскольку сам по себе выпуск ЦФА подразумевает наличие обязанного и управомоченного лица. Цифровая валюта же, наоборот, представляет из себя имущественную категорию, поскольку обязанное лицо отсутствует – она может быть использована в качестве инвестиционного инструмента или средства платежа.

С последней редакцией законодатель разрешил использование ЦФА в качестве «встречного предоставления» по внешнеторговым договорам (часть 11 статьи 4 ФЗ № 259-ФЗ). Механизм его использования схож с выпуском облигации: эмитент размещает в информационной системе запись, в которой фиксирует право стороны потребовать от другой удовлетворение своих денежных требований (например, уплаты долга) [10].

Важно понимать, что в данном случае ЦФА не выступает в качестве платежного средства, а является альтернативным средством, эквивалентным указанной в договоре цене, при помощи которого свое существование прекращает денежное обязательство одной стороны перед другой. Иными словами, продолжая аналогию с облигацией, ЦФА выступает в качестве эмиссионной ценной бумаги, владелец которой имеет право потребовать от эмитента номинальную стоимость в форме денег или имущества. Все также продолжая анало-

гию с облигацией, ЦФА может быть выпущен как адресно (в пользу конкретного контрагента), так и быть переуступкой права требования эмитента по ранее выпущенному, иному ЦФА, в отношении третьего лица, либо быть заранее приобретенным на вторичном рынке цифровым правом в отношении третьих лиц. Существенным условием здесь является эквивалентность итогового встречного предоставления прописанной в договоре цене.

Для получения денежных средств в результате обладания ЦФА, его владельцу необходимо, как и в случае с облигациями, либо дождаться исполнения платежа по долгу от эмитента (погашение ЦФА), либо же реализовать его на вторичном рынке другому лицу, которое приобретет с его передачей право на требование от эмитента этого же действия (т.е. переуступить ЦФА, выручив денежную сумму). Реализация обязательства по ЦФА происходит в рамках информационной системы, где он находится в данный момент времени (в том числе, если он был передан через оператора обмена на вторичный рынок), но первичная передача ЦФА, если он используется в качестве встречного предоставления, возможна лишь в рамках той информационной системы, где актив был выпущен.

Несомненным преимуществом ЦФА в качестве встречного предоставления является то, что оно может быть связано с использованием технологии смарт-контрактов, пришедшей из криптомира. Например, при передаче товара по договору поставки, актив будет автоматически передан контрагенту, как только системе станет известно о выполнении им условий договора: это значительно ускоряет процесс исполнения обязательств между участниками сделки и повышает уровень их доверия друг к другу, что было неоднократно доказано при использовании данной технологии в криптовалютной индустрии.

В то же время, использование цифрового финансового актива в качестве встречного предоставления имеет существенный недостаток: с передачей ЦФА во владение контрагенту платеж не будет считаться состоявшимся, поскольку ЦФА не является средством наличного или безналичного расчета – будет погашено лишь денежное обязательство перед получающей во владение актив стороной. Необходимость дальнейшего платежа в рамках исполнения обязательства по ЦФА, реализуемая в рамках информационной системы (которая, по требованиям законодательства, может быть исключительно российской), происходит в российских рублях, заграничное движение которого сегодня крайне ограничено из-за наложенных на Российскую Федерацию санкций.

Еще один из рассматриваемых законодателем вариантов по обеспечению российской внешнеэкономической деятельности – использование в качестве расчетных средств криптовалют, именуемых в законодательстве как «цифровая валюта». Их эмитентами являются лица частного права. На современном этапе технологического развития цифровые валюты являются одной из форм аль-

тернативных платежных средств. Однако, из-за их крайне высокой волатильности, обосновываемой механизмом эмиссии (майнингом) и непрекращающимися спекуляциями на криптовалютных биржах, такой вариант остается достаточно сомнительным. По крайней мере, в отношении классических криптовалют – Bitcoin и ему подобные альткоины, такие как Ethereum, Litecoin и прочие, существующие только в цифровой форме и выпускаемые в обращение, не имея единого эмиссионного центра.

В статье 14 ФЗ № 259-ФЗ зафиксировано, что следует понимать под организацией выпуска и выпуском цифровой валюты, а также под организацией ее обращения. Отдельно оговорено, что организация выпуска, выпуск, а также порядок обращения цифровой валюты в Российской Федерации должны регулироваться федеральными законами. Из данного положения следует, что в перспективе следует ожидать принятия федерального закона, осуществляющего правовое регулирование в рассматриваемой сфере.

В текущий период времени существует нормативно закреплённый запрет применения цифровых валют в качестве платежного средства. Российские резиденты – организации и физические лица не имеют права принимать и передавать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги или использовать ее каким-либо иным способом, позволяющим предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Кроме того, нормативно установлен запрет даже на распространение информации о предложении или приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления. Данные положения валютно-правового режима фактически полностью исключают использование платежной функции цифровых валют в Российской Федерации.

В целях трансформации правового регулирования обращения иностранной цифровой валюты в будущем следует изучить доклад Банка России «Криптовалюты: тренды, риски, меры» [11].

Так называемые «стабильные» криптовалюты (они же – стейблкоины), выглядят как довольно привлекательное средство расчета из-за своей привязки к традиционным фиатным деньгам или драгметаллам. Самым популярным представителем данного вида является Tether USD (USDT) – созданная Tether International Limited криптовалюта, одна монета (токен) которой приравнена к одному американскому доллару. Отличительной чертой большинства стейблкоинов является наличие обеспечения, они по своей сути аналогичны инвестиционным фондам и, в частности, фондам денежного рынка. Стейблкоин Tether, как отмечается в упоминаемом нами докладе Банка России, более чем на 50% обеспечен коммерческими бумагами, депозитарными сертификатами, обеспеченными кредитами, корпоративными облигациями, ценными металлами, вложениями в фонды и т.д. Таким образом, фактически стейблкоины являют-

ся способом обхода соответствующего регулирования. Привлекательность такого специфического вида криптовалют заключается в существовании у них «обязанного лица» – эмитента токена [12].

Здесь важно рассмотреть нюанс законодательного регулирования такого вида криптовалют: как следует из дефиниции понятия «цифровая валюта», у нее отсутствует всякое обязанное лицо перед участниками системы (за исключением обязанности в поддержании корректной работоспособности информационной системы (блокчейна)). Следовательно, корректно их будет считать цифровым финансовым активом, для которого действуют нормы и правила обращения, рассмотренные ранее. Однако, эмитент USDT – зарубежная компания, которая не зарегистрирована в качестве оператора информационной системы, не имеет своих технических средств на территории России, но главное – российский закон не является для нее личным законом (пункт 1 статьи 5 ФЗ № 259-ФЗ не содержит уточнений, могут ли филиалы или представительства иностранных юридических лиц быть операторами информационной системы).

В Стратегии развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы Банк России определил стейблкоины как разновидность криптовалют с встроенными механизмами стабилизации их курсов по отношению к другим активам или криптовалюте, обеспеченные другими активами (напр., доллара США или иного актива – золота, нефти и т.д.; п. 2.3.1) [13]. В Приложении к Аналитическому докладу «Стейблкоины: опыт использования и регулирования» Банка России 2024 г. приведены еще 9 определений стейблкоинов, зафиксированных в различных источниках [7].

30.01.2024 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 540256–8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В пояснительной записке к данному законопроекту указано, что он направлен на отнесение обеспеченных стейблкоинов к числу цифровых финансовых активов и установлении возможности их использования во внешне-торговой деятельности для оплаты за передаваемые товары, выполняемые работы и оказываемые услуги. На данный момент дата рассмотрения законопроекта в первом чтении не определена [14], а в официальном отзыве Правительства Российской Федерации отмечено, что сформулированное в законопроекте определение «обеспеченных стейблкоинов» признано некорректным, т.к. не позволяет установить возможность отнесения обеспеченных стейблкоинов к цифровым финансовым активам или цифровой валюте, а также установить вид обеспечения исполнения обязательств, удостоверяемых стейблкоинами.

Таким образом, мы можем констатировать, что на данный момент использование именно стейблкоинов, как наиболее привлекательной криптовалюты для ведения реальной внешнеэкономической

деятельности, остается законодательно неурегулированным.

Еще до подписания Президентом Российской Федерации Федерального закона от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», позволившего с 1 сентября 2024 года проводить расчеты в цифровой валюте в рамках экспериментальных правовых режимов (ЭПР), многие предприниматели ждали разрешения (а некоторые напрямую обращались к представителям публичной власти за этим) проводить платежи именно в ней. В чем же причины? В отличие от ЦФА, криптовалюты (цифровые валюты) – уже давно существующее на рынке средство, имеющее свою позитивную и понятную практику использования (правда, в основном, не в корпоративном, а частном сегменте ведения экономической деятельности). Благодаря максимальной пропускной способности некоторых блокчейнов, проводить транзакции, а также рассчитывать комиссии, можно на сопоставимом с традиционными платежными системами уровне (VISA, MasterCard, МИР и другие), а подсчет комиссий (который все равно остается выгоднее, чем при простой конвертации фиатных валют в условиях постоянных изменений курса национальной российской валюты по отношению к мировым, а также санкционного давления, накладывающего дополнительные ограничения) происходит в момент совершения транзакции, а не постфактум (иногда, в традиционных платежных системах этот процесс, из-за коммерческих банков, может сильно затянуться, что создаст дополнительное ожидание исполнения обязательств между контрагентами).

Недостатком же использования криптовалют является возможность маркировки криптокошельков и активов российских участников таких сделок как попадающих под санкции, поскольку большинство криптовалютных бирж (а в частности, и эмитенты стейблкоинов), где обычно и совершаются крупные сделки, передают свою финансовую отчетность иностранным финансовым регуляторам. Компания Tether, а также ее ближайший конкурент – Circle (токен USDC) – так и вовсе регулярно подает отчетность в американское Управление по контролю за иностранными активами (OFAC), хотя американскими компаниями они не являются (в том числе это связано с регулярными обвинениями иностранных СМИ в помощи подсанкционным лицам в обходе наложенных на них ограничений [15]). Все это означает, что по тем же причинам, из-за которых крупные криптовалютные биржи официально покинули российский рынок [16] (опасение «вторичных» санкций), операции на иных биржах и даже в блокчейнах (Пользовательские соглашения популярных стейблкоинов предполагает блокировку на уровне информационной системы активов пользователей) будут под серьезной угрозой.

Справиться с этим недостатком не поможет даже использование так называемых «миксеров» (легальные сервисы в криптомире, помогающие разорвать связь между отправителем и получа-

телем токенов путем дробления суммы перевода на мелкие части с их последующим «смешиванием» с другими криптоактивами и перевода получателю малых сумм из разных кошельков [17]), поскольку их принцип работы схож с отмытием денег, чем охотно пользуются представители криминального мира, легализующие свои доходы, полученные преступным путем. Учитывая, что для проведения транзакции в рамках ЭПР (единственной легальной среде, где возможно осуществление платежа при помощи ЦФА или цифровой валюты) требуется предварительно получить разрешение на установление такого правового режима от Центробанка, в отдельных случаях обязанный согласовать свое решение с ФСБ России и Росфинмониторингом (следует из положений ФЗ № 258-ФЗ) такая попытка обойти возможные ограничения извне изначально обречена на провал, поскольку противозаконна.

В контексте рассмотрения реакции государственных органов на распространение криптовалют всех видов, являющееся логичным и неизбежным результатом технического прогресса, невозможно не упомянуть и о «цифровом рубле» – новой форме национальной валюты, проходящей, на момент написания материала, тестирование.

Цифровой рубль представляет собой цифровую валюту центрального банка (central bank digital currency, CBDC; далее – ЦВЦБ). Данное определение очень интересно соотносится с дефиницией цифровой валюты, рассмотренной нами ранее, ведь согласно внесенным ко второму чтению поправкам [18] к Федеральному закону от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Банк России не несет ответственности за сохранность средств пользователей информационной платформы, в рамках которой осуществляется движение цифрового рубля – его обязанностью является организация бесперебойного функционирования и предоставления непосредственного доступа к ней участникам, под которыми понимаются коммерческие банки. То есть законодатель наделяет ЦБ РФ (оператора платформы цифрового рубля, организующего и обеспечивающего бесперебойность ее функционирования, а также устанавливающего правила платформы цифрового рубля) списком и характером обязанностей, сходными с теми, какие были им возложены на эмитентов криптовалют.

Такое законодательное совпадение, полагают авторы, связано не только с технической частью вопроса (ведь главное отличие ЦВЦБ от стейблкоинов заключается в лице, эмитирующем «токен» – государстве; в то время как для криптовалют, так и для цифрового рубля, по сути, используются те же технологии создания и функционирования), и не только с вытекающей и доказанной практикой сложности отслеживания злонамеренных и преступных махинаций с цифровыми деньгами, равно как и их предотвращения и наказания преступников и злоумышленников (то есть с желанием пере-

ложить ответственность (в отношении цифрового рубля) за борьбу с распространившимся в последнее время телефонным мошенничеством с регулятора на коммерческие банки). В числе причин существования такого совпадения авторы видят и желание популяризации новой формы рубля в массовом сознании населения за счет проведения аналогий с, как упоминалось выше, ставшими привычными в обороте для некоторой части населения цифровыми валютами, а также повышение доверия к цифровой новации российского государства в экономической сфере.

Рассматривая же цифровой рубль как одно из средств преодоления санкционного бремени, организации новых путей и средств расчета с иностранными контрагентами, следует отметить, что вызвать интерес у участников внешнеэкономической деятельности таким способом (если в действительности законодатель руководствовался желанием повысить доверие и популяризировать цифровой рубль таким методом) вряд ли получится. Причина кроется в том, что российская ЦВЦБ изначально является третьей формой национальной валюты, что означает, скорее всего, распространение на нее всех уже введенных против «традиционного» (наличного и безналичного) рубля ограничений со стороны недружественных государств, а также негласное и гласное воздержание со стороны даже дружественных государств от использования его в расчетах с нашими контрагентами из-за опасения вторичных санкций.

Немаловажно упомянуть и то, что та же международная межбанковская система передачи информации и совершения платежей Swift только находится в процессе настройки работы ЦВЦБ [21]. Это означает, что даже если указание ЦБ РФ о создании «счетов цифровых рублей иностранного банка» [20] пройдет все необходимые этапы перед вступлением в силу, интерес может возникнуть у стран-участниц BRICS, ЕАЭС и СНГ – то есть тех государств, которые итак продолжают активное сотрудничество с российскими контрагентами; банки же недружественных государств с очень малой долей вероятностью прибегнут к использованию цифрового рубля: у них нет возможности оперировать с привычным финансовым инструментом (Swift), для замены которого, во многом, российская ЦВЦБ и создается.

В заключение отметим, что решение задачи формирования национальной модели правового обеспечения и развития цифрового гражданского оборота с установлением новых критериев внешнеэкономических сделок невозможны без учета новых тенденций в сфере финансового права. Проводимая законодателем работа по регулированию цифровых валют, введению в оборот цифровых финансовых активов и внедрению цифрового рубля только идет. Законодатель предпринимает большое количество усилий, чтобы соблюсти интересы каждого (как действующего, так и потенциального) из участников внешнеэкономической деятельности, предоставляя им различные меха-

низмы, инструменты и средства взаиморасчетов. Их апробирование, происходящее в тесной связи с представителями внешнеэкономической деятельности, определенно, принесет положительные результаты к тому моменту, как сформируется финальный взгляд российского государства на регулирование и использование цифрового рубля и валют, а также ЦФА.

Литература

1. Камышанова Анна Евгеньевна, Брилева Алиса Дмитриевна ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kriptovalyuty-v-rossii-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 25.10.2024);
2. Наталия Сергеевна Александрова Соотношение понятий «цифровые права», «цифровая валюта» и «цифровой финансовый актив» // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-tsifrovye-prava-tsifrovaya-valyuta-i-tsifrovoy-finansovyy-aktiv> (дата обращения: 25.10.2024);
3. Рыбакова С.В. Правовая легитимация цифровой валюты (криптовалюты) в аспекте правообразующего условия трансформации правосубъектности кредитных организаций // Финансовое право. 2022. № 2. С. 9–13;
4. Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. 2001. № 5;
5. Хабриева, Т.Я. Научные концепции развития российского законодательства: монография / В.Р. Авхадеев, Е.Г. Азарова, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 8-е изд., доп. и перераб. – Москва: Норма, 2024. – 656 с. – DOI 10.12737/2127734. – ISBN 978-5-00156-353-2. – Текст: электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2156983> (дата обращения: 16.12.2024);
6. СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018;
7. Аналитический доклад «Стейблкоины: опыт использования и регулирования». Банк России. 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
8. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
9. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/631b2bf69a794796b75dd573> (дата обращения: 12 декабря 2024 г.);
10. Журнал «Банковское обозрение» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://bos-fera.ru/bo/cfa-kak-sredstvo-platezha> (дата обращения: 13 декабря 2024 г.);
11. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
12. Официальный сайт tether [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://tether.to/ru/legal/?tab=terms-of-service> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
13. Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120210/strategy_nps_2021-2023.pdf (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
14. Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/540256-8> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
15. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66e1548f9a7947a759d50864> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
16. Официальный сайт Forbes Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.forbes.ru/finansy/497380-binance-uhodit-iz-rossii-zacem-eto-nuzno-i-cto-delat-pol-zovatelam> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
17. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ekb.plus.rbc.ru/partners/62a20a827a8aa999c84dc9f6> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
18. Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8#bh_histras (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
19. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ONBNiTTP_2024-2026.pdf?ysclid=m4racdjrq8270102066 (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
20. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.rbc.ru/finances/10/10/2023/6523e87b9a7947b24f71b430> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.);
21. Официальный сайт платежной системы swift [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.swift.com/ru/node/309515> (дата обращения: 15 декабря 2024 г.).

THE ROLE OF FINANCIAL LEGISLATION IN SOLVING CERTAIN TASKS OF CIVIL TURNOVER IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Zadorozhnaya E.V., Kartashov I.V., Kovrigina E.B.
Moscow international university

The article analyzes the current provisions of the financial legislation of the Russian Federation governing the issuance and circulation of

digital financial assets (DFAs), digital currencies (cryptocurrencies and stablecoins) and the digital ruble. The emphasis is placed on the application of the listed digital innovations in the field of finance in the conduct of foreign economic activity by Russian and foreign counterparties in the context of the sanctions policy of unfriendly states. The article considers the relationship between the current norms of domestic legislation and the practice of applying digital innovations, as well as the high expectations of participants in foreign economic activity in terms of their regulation and application. The importance of legislative development, introduction into circulation and regulation of new, alternative traditional means of settlement in the context of the digital transformation of civil turnover and adaptation to the sanctions pressure is emphasized.

Keywords: digitalization, digital financial asset, DFA, digital currencies, cryptocurrencies, stablecoins, digital ruble, sanctions restrictions, foreign economic activity.

References

1. Kamyshanova Anna Evgenievna, Brileva Alisa Dmitrievna LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS // Law and the state: theory and practice. 2022. № 4 (208). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-kriptovalyuty-v-rossii-problemy-i-perspektivy> (date of request: 10/25/2024);
2. Natalia Sergeevna Alexandrova The relationship between the concepts of “digital rights”, “digital currency” and “digital financial asset” // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-ponyatiy-tsifrovye-pravatsifrovaya-valyuta-i-tsifrovoy-finansovyy-aktiv> (date of request: 10/25/2024);
3. Rybakova S.V. Legal legitimation of digital currency (cryptocurrencies) in the aspect of the law-forming condition for the transformation of the legal personality of credit institutions // Financial law. 2022. No. 2. pp. 9–13;
4. Tikhomirov Yu.A. Public law regulation: dynamics of spheres and methods // Journal of Russian Law. 2001. № 5;
5. Khabrieva, T. Ya. Scientific concepts of the development of Russian legislation: a monograph / V.R. Avkhadeev, E.G. Azarova, L.V. Andrichenko et al.; edited by T. Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – 8th ed., additional and revised – Moscow: Norma, 2024. – 656 p. – DOI 10.12737/2127734. – ISBN 978-5-00156-353-2. – Text: electronic. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2156983> (date of request: 12/16/2024);
6. Federal Law of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part I). Art. 5018;
7. Analytical report “Stablecoins: Usage and Regulatory experience”. The Bank of Russia. 2024. [Electronic resource]. – Access mode: URL: (date of access: December 15, 2024);
8. The official website of the President of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (date of access: December 15, 2024);
9. The official website of RBC [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/631b2bf69a794796b75dd573> (accessed December 12, 2024);
10. The journal “Banking Review” [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://bosfera.ru/bo/cfa-kak-sredstvo-platezha> (date of access: December 13, 2024).
11. Official website of the Bank of Russia [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (accessed December 15, 2024);
12. Official tether website [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://tether.to/ru/legal/?tab=terms-of-service> (accessed December 15, 2024);
13. National payment system development Strategy for 2021–2023. [electronic resource]. – Access mode: URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120210/strategy_nps_2021–2023.pdf (date of reference: December 15, 2024);
14. Legislative support system [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/540256–8> (date of access: December 15, 2024);
15. The official website of RBC [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66e1548f9a7947a759d50864> (accessed December 15, 2024);
16. Forbes Russia official website [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.forbes.ru/finansy/497380-binance-uhodit-iz-rossii-zacem-eto-nuzno-i-cto-delat-pol-zovatelam> (accessed December 15, 2024);
17. The official website of RBC [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ekb.plus.rbc.ru/partners/62a20a827a8aa999c84dc9f6> (date of reference: December 15, 2024);
18. Legislative support system [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838–8#bh_histras (accessed December 15, 2024);
19. The official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/ON-BNiTTP__2024–2026.pdf?ysclid=m4racdjrqr8270102066 (date of access: December 15, 2024);
20. The official website of RBC [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.rbc.ru/finances/10/10/2023/6523e87b9a7947b24f71b430> (date of access: December 15, 2024);
21. The official website of the swift payment system [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.swift.com/ru/node/309515> (accessed December 15, 2024).

Ионцев Михаил Анатольевич,

PhD, доцент кафедры правового сопровождения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, руководитель направления Центра правового сопровождения цифровизации на финансовом рынке (на правах Управления) Юридического департамента, Банк России
E-mail: mikhail.iontsev@gmail.com

В современных условиях финансового рынка, который становится все более сложным и многоуровневым, юридическое посредничество играет ключевую роль в обеспечении справедливости и прозрачности финансовых операций. Данное явление представляет собой неотъемлемый инструмент, позволяющий различным участникам финансовых процессов взаимодействовать и строить доверительные отношения. Юридическое посредничество охватывает широкий спектр практик, включая брокерские услуги, консалтинговые фирмы и финансовых агентов, что делает его важным объектом исследования для юристов, экономистов и специалистов в области финансов. В статье рассматривается современная классификация видов юридического посредничества. Автор предлагает разграничивать договор комиссии и договоры по модели комиссии, в рамках которых хозяину дела не возвращается все полученное имущество, но может быть иным видом финансового результата. В статье рассматриваются отношения между операторами выпуска ЦФА и пользователями, операторами обмена ЦФА и пользователями, особенности конструкции отношений между номинальными держателями ЦФА и их клиентами, делается вывод относительно возможности и допустимости заключения договоров доверительного управления ЦФА, а также заключения брокерами сделок (вне рамок лицензии на осуществление брокерской деятельности), предметом которых является ЦФА.

Ключевые слова: юридическое посредничество, иностранный номинальный держатель цифровых финансовых активов, комиссия, поручения, агентирование, посредничество на рынке цифровых прав.

О видах юридического посредничества

Юридическое посредничество от фактического отличается обязанностью совершения юридических действий для выполнения задания хозяина дела: сделок и/или сделкоподобных действий в отношении третьих лиц. Один из проектов Гражданского уложения Российской Империи предусматривал в своей структуре создание общих положений о юридическом посредничестве, разработанный Гойхбаргом А.Г., который объединял бы положения о договоре поручения, комиссии, экспедиции, вклада, счета и иных. Однако после революционных событий начала 20 века по требованию Ленина В.И. данные положения были исключены Наркомом юстиции Курским Д.И., как буржуазные. Виды юридического посредничества строятся по двум моделям: поручения (когда посредник не является стороной сделки, так как действует на основании сделки, а хозяин дела раскрывается третьим лицам), комиссии (когда посредник действует от собственного имени и является стороной сделки, а хозяин дела не раскрывается третьим лицам). Впервые кодифицированное регулирование отношений из договора комиссии появляется в оговор в ГК СССР 1964 года, в современном ГК РФ содержится довольно много новых положений, свидетельствующих о существенном развитии договора комиссии.

Юридическое посредничество по типу поручения – это модель, в которой посредник совершает сделку от имени хозяина дела, то есть не является стороной сделки и действует на основании доверенности, которая наделяет его соответствующими полномочиями. В работах отечественных цивилистов [1] приводится важная цитата немецкого цивилиста Франца Бернгефта, характеризующая суть юридического посредничества по модели поручения:

«Личное право допускает в правовой жизни персонификацию, олицетворение. Под персонификацией следует понимать такую форму деятельности, при которой одно лицо воплощает в себе личность другого. Это сплошь и рядом бывает в искусстве. Имеется в виду, что на такой персонификации зиждется все драматическое искусство. В правовой жизни персонификация не доходит до того, чтобы одно лицо надевало на себя чужую маску. Она заключается в том, что одно лицо господствует в той области, которая составляет собственную сферу другого... Следовательно, одно лицо берет у другого не его специфические личные черты, а лишь его положение в правовой жизни. Это и есть представительство. О представителе говорят, что он есть alter ego другого, деятельность одного от имени другого» [2].

Юридическое посредничество по типу комиссии – это модель, в которой посредник совершает сделку от своего имени, хотя и распоряжается имуществом хозяина дела, таким образом, он является стороной сделки и ему не требуется доверенность на совершение распорядительных действий [3]. Так, по типу комиссии строится большинство финансовых сделок.

При этом автор статьи настаивает на различении непосредственно договора комиссии, когда комиссионер должен вернуть комитенту имущество, которое он получил по сделке с третьим лицом, и иных договоров, в которых посредник обладает так называемой «комиссионной собственностью», то есть вправе распоряжаться имуществом комитента в качестве собственника перед всеми третьими лицами и не всегда обязан вернуть все полученное имущество в результате сделки, так как специальным договором по модели комиссии может быть предусмотрено иное предоставление со стороны посредника.

Так, например, договор комиссии являются элементом и таких смешанных договоров, как лизинг, факторинг и форфейтинг, когда хозяин дела дает посреднику (лизингодателю, фактору) задание на покупку вещи или права требования и ожидает предоставление посредником (комиссионером) приобретенного имущества. Следует также отметить, что договор экспедиции может быть также построен по модели комиссии, а не только как вид перевозки с хранением, на что, в частности, указывает статья L131–1 ФГК.

В то же время по договору доверительного управления, номинального счета, аккредитива, о депозитарной деятельности и брокерской посредник не обязательно предоставляет полученное имущество, но предоставляет хозяину дела определённый экономический эффект от совершения сделок с его имуществом. Например, по договору доверительного управления управляющий предоставляет хозяину дела доходы от управления имуществом, переданным в доверительное управление, при этом, очевидно, доходы, как экономический показатель, зависят не только от навыков, значений и умений управляющего, но и от рыночной конъюнктуры, таким образом, не «гарантированы» и не могут предоставляться на регулярной основе. Например, по договору о депозитарной деятельности предоставлением депозитария является ведение учета эмиссионных ценных бумаг, права на которые принадлежат владельцу таких ценных бумаг.

В отечественной доктрине агентский договор выделяется в специальный вид в силу своего смешанного характера. Так, агентский договор может строиться как по модели договора комиссии, так и поручения, но может также и совмещать в себе как элементы первого, так и второго, как смешанный договор, в котором к отдельным действиям посредника будут применяться положения либо комиссии, либо поручения. При этом согласно В.Ф. Яковлеву агентский договор может совме-

щать в себе не только элементы юридического посредничества, но и фактического. Так, следует отметить, что по идее авторов норм об агентировании, которые были изложены в «Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй» (4-е издание, исправленное и дополненное) под ред. О.Н. Садикова агентирование допускает и элементы фактического посредничества, таким образом, договорные отношения из фактического посредства, если и получают частичное регулирование, то через нормы ГК РФ об агентировании, а именно: «Агентирование оформляется соответствующим договором, именуемым агентским. Данный договор является разновидностью договора возмездного оказания услуг. В основном услуги по агентскому договору относятся к числу юридических, однако в отличие от договоров поручения и комиссии, которыми опосредствуется предоставление только юридических услуг, агентский договор будет иметь более широкую сферу применения, поскольку в рамках этого договора могут предоставляться и другие услуги. Таковы, например, действия агента, ограничивающиеся поиском подходящего варианта обмена (купли-продажи) жилого помещения, дальнейшие действия с которым будут совершены без его участия. Другой пример фактических действий – реклама товара или услуг, которая никакого отклика со стороны покупателей может и не вызвать.»

При этом в зарубежной доктрине агентский договор выделяется в специальный вид по другому признаку. Так, квалифицирующим признаком агентских отношений в большинстве правовых систем является их длительный характер и компенсация всех издержек посредника, вызванных прекращением агентских отношений. Например, во Франции Министерство экономики и финансов устанавливает размеры обязательных платежей, которые хозяин дела обязан выплатить агенту при расторжении по своей инициативе договора. Плата за расторжение договора тем выше, чем дольше история договорных отношений агентского характера между сторонами. Отдельно следует указать, что расторжение договора, ставшее причиной несостоятельности агента, вызывает весьма серьезные последствия для хозяина дела, так как он обязывается восстановить благосостояние своего агента.

Видимо особенности в понимании агентского договора отечественным законодателем и доктриной вызваны отсутствием кодифицированных положений о договоре фактического посредничества и неготовностью законодателя предоставить сильную защиту агенту. Последнее кажется необоснованным, так как агент при длительном взаимодействии с одним хозяином дела выстраивает полностью свою работу, бизнес-связи, контакты под особенности хозяина дела и даже его бизнес-модель. Так, агент, сотрудничающий с одним печатным домом и издательством, которые долгие годы продавал и распространял книги хозяина дела, как представляется, с большим трудом сможет перестро-

ится на продажу галантереи или косметики, и такие долгосрочные отношения, безусловно, должны пользоваться защитой. При этом, как представляется стороны, конечно, вправе предусмотреть неустойку за одностороннее расторжение договора в агентском договоре, но, во-первых, высока вероятность того, что в суде она будет оспорена, а, во-вторых, агенты, как правило, в подобных отношениях являются слабой стороной сделки и их переговорной силы не хватает для установления столь проагентской оговорки в качестве условия.

О возможности совершения сделок с цифровыми финансовыми активами в рамках осуществления деятельности по управлению ценными бумагами и брокерской деятельности

Осуществление управления ЦФА в рамках деятельности по управлению ценными бумагами, предусмотренной статьей 5 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о РЦБ), или брокерской деятельности, определение которой указано в пункте 1 статьи 3 указанного закона не представляются возможными, так как ЦФА не относятся к ценным бумагам по смыслу подпункта 1 пункта 1 статьи 2 закона о РЦБ.

При этом федеральное законодательство, включая Закон о РЦБ, не содержит запретов для юридических лиц, имеющих лицензию на осуществление деятельности по управлению ценными бумагами или брокерской деятельности, на заключение договора доверительного управления имуществом, объектом которого являются ЦФА, а также договоров поручения или комиссии на куплю-продажу ЦФА для брокеров.

Дополнительно следует обратить внимание, что согласно пункту 1 статьи 1018 Гражданского кодекса Российской Федерации имущество, переданное в доверительное управление, обособляется от другого имущества учредителя управления, а также от имущества доверительного управляющего. При этом федеральное законодательство не предусматривает специального порядка и способов обособления ЦФА, переданных в доверительное управление от ЦФА, составляющих имущество учредителя.

Нормативные акты Банка России, в частности, Указание Банка России от 22.03.2019 № 5099-У «О требованиях к расчету размера собственных средств при осуществлении профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также при получении лицензии (лицензий) на осуществление профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг», Указание Банка России от 02.08.2021 № 5873-У «Об установлении обязательного норматива достаточности капитала для профессиональных участников рынка ценных бумаг, осуществляющих дилерскую, брокерскую деятельность, деятельность по управлению ценными бумагами и деятельность форекс-дилеров» (далее – Указание

№ 5873-У) и Указание Банка России от 13.04.2020 № 5436-У «Об установлении обязательного норматива краткосрочной ликвидности для брокера, которому клиентами предоставлено право использования их денежных средств в его интересах» (далее – Указание № 5436-У), прямо не указывают ЦФА в качестве показателей, принимаемых к расчету пруденциальных нормативов профессиональных участников рынка ценных бумаг (далее – ПУРЦБ).

Вместе с тем с учетом установленных требований к порядку расчета указанных нормативов возможность (порядок) учета ЦФА в таких расчетах в целом зависит от особенностей (порядка) отражения ЦФА в бухгалтерском учете ПУРЦБ на расчетную дату.

Таким образом, вопрос о возможности (необходимости) принятия ЦФА в качестве соответствующего показателя к расчету указанных пруденциальных нормативов в каждом случае должен решаться с учетом всех конкретных обстоятельств (условий) и в зависимости от конкретного вида ЦФА.

Дополнительно в рамках рассматриваемого вопроса следует отметить, что при расчете норматива достаточности капитала в соответствии с Указанием № 5873-У ПУРЦБ включает ЦФА в величину капитала, в частности, с учетом требований подпунктов 2.2.4, 2.2.5 пункта 2.2, подпунктов 2.3.5, 2.3.6 пункта 2.3 указанного нормативного акта Банка России. Также сообщаем, что ЦФА не отвечают требованиям к активам, которые включаются в расчет величины высоколиквидных активов в соответствии с Указанием № 5436-У.

Номинальные держатели ЦФА как специальные субъекты юридического посредничества на рынке цифровых прав

Несложно также установить на множество случаев различных видов посредничества, которые допускаются Законом о ЦФА. Например, часть 4 статьи 2 Закона о ЦФА гласит, что допустима комиссионная модель при распоряжении ЦФА, а именно: ЦФА могут быть зачислены номинальному держателю ЦФА, который учитывает права на ЦФА, принадлежащие иным лицам.

Учет и переход прав таких ЦФА, как это предполагает комиссионная модель, осуществляется номинальным держателем ЦФА от своего имени, в интересах своих клиентов, а также согласно их поручениям. Для всех третьих лиц номинальный держатель ЦФА признается полноправным собственником ЦФА, однако в отношениях между номинальным держателем ЦФА и его клиентами все правомочия обладания принадлежат клиентам. По данной модели может быть в частности строится модель депозитарных отношений, на что прямо и указывает Закон о ЦФА, требуя от номинального держателя ЦФА иметь лицензию депозитария [4]. Номинальный держатель ЦФА во многом являет-

ся институтом-близнецом номинального держателя ЭЦБ.

Рассмотрим два вида отношений, связанных с учетом и управлением имуществом, которые строятся по комиссионной модели. Так, Закон о РЦБ устанавливает двух различных субъектов: депозитария и управляющего ценными бумагами. Несмотря на то, что родовым видом отношений является модель «комиссии», управляющий ценными бумагами действует в рамках договора доверительного управления (который возник как альтернатива Указа о трасте), а депозитарий согласно депозитарному договору (договору о счете депо).

Для оборота ценных бумаг согласно российскому праву важно лишь наличие распорядительных полномочий для совершения сделок по отчуждению ценных бумаг. Однако Закон о РЦБ вводит отдельные фигуры: иностранного номинального держателя ценных бумаг и иностранного уполномоченного держателя ценных бумаг. Избыточность данного разграничения проявляется в частности в том, что данные лица *de facto* имеют одинаковый правовой статус: действуют от всего имени в интересах клиентов, согласно указаниям в виде инструкций или инвестиционной декларации, обладают распорядительными полномочиями, обязаны отчитываться об исполнении поручений или декларации.

Разграничение, однако может быть признано лишь отчасти оправданным, так как в силу особенностей централизованного учета, к иностранным номинальным держателям, предъявляется несколько специальных требований (например, пункты 8 и 11 статьи 8.5, пункты 3 и 7 статьи 8.6–1, пункты 2, 7, 8 и 12 статьи 8.7–1, пункты 1, 5 и 6 статьи 8.9 закона о РЦБ).

Правовой статус иностранного номинального держателя ЦФА (далее – ИНД ЦФА) описывается Федеральным законом от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об ИЦ). На первоначальном этапе разработки указного закона предлагалось непосредственно ввести определение ИНД ЦФА по аналогии с частью 2 статьи 8.6 Закона о РЦБ. Кроме того, как известно, в процессе работы над законопроектом поступали также предложения указать дополнительно иностранного уполномоченного держателя ЦФА (далее – ИУД ЦФА). То есть разграничить учет и управление ЦФА по аналогии с ЭЦБ. В итоге, законодатель, отказался от указанного подхода в связи со следующим.

Во-первых, введение определений на уровне федерального закона, как парило, не оправданно, кроме того, такая практика сформировалась преимущественно в период новейшей истории, ведь советское и дореволюционное нормативное регулирование скорее придерживалось принципа регулирования отношений посредством норм, предписывающих поведение, нежели норм-определений, из которых только методом толкования можно уста-

новить правовой статус субъекта или правовой режим объекта права.

Во-вторых, учет ЦФА производится в информационной системе на основе распределённого реестра согласно части 2 статьи 1 Закона о ЦФА, является децентрализованным. Таким образом, необходимости в установлении специального правового режима двух различных субъектов совершенно неоправданно при отсутствии централизованного учета.

Таким образом, при подготовке Закона об ИЦП законодатель избрал привычный и традиционный для российской юридической техники прием посредством регулирования отношений нормами предписаниями. В частности, был совершен отказ от избыточных определений субъектов.

Дополнительно следует отметить, что частью 4.1 статьи 2 Закона о ЦФА устанавливается компетенция Банка России предусмотреть требования к ИНД ЦФА. Как представляется, среди таких требований могут быть квалификационные, репутационные, финансовые, юридические и технические.

Правовой статус ИНД ЦФА формулируется по аналогии статусом номинального держателя ЦФА. Так, в части 4.1 указывается, что ИНД ЦФА является пользователем информационной системы, что следует из того, что ему зачисляются ЦФА. Однако содержание правомочий ИНД ЦФА в отношении, зачисленных ему ЦФА, ограничивается учетом прав на ЦФА, принадлежащие иным лицам, в интересах которых осуществляются учет или распоряжение указанными ЦФА.

Таким образом, ИНД ЦФА является классическим видом юридического посредника по комиссионной модели: обладатель для всех третьих лиц, а в отношениях с своим клиентом – лицо, действующее в интересах и в соответствии с поручениями клиента (хозяина дела). Данному утверждению вторит второе предложение части 5 статьи 1 закона о ЦФА, согласно которому определение лица в качестве обладателя ЦФА, осуществляющего права по ЦФА, учет прав на которые осуществляет ИНД ЦФА, осуществляется в соответствии с личным законом ИНД ЦФА.

На комиссионную модель отношений между клиентом и ИНД ЦФА указывает в частности часть 4.3 статьи 2 Закона о ЦФА, которая уточняет специальную правоспособность ИНД ЦФА в российском правопорядке, а именно право ИНД ЦФА совершать юридические действия, связанные с осуществлением прав, удостоверенных ЦФА, и распоряжением ими без доверенности в интересах своих клиентов.

Другим доказательством того, что ИНД ЦФА является юридическим посредником по модели комиссии является сходство регулирования части 4.2 статьи 2 Закона о ЦФА со статьями 926.4 и часть 1 1018 ГК РФ (обязанность обособить имущество), и следствие системного толкования статей 990 и 998 ГК РФ [5]. В развитии указанного положения указывается также запрет на взыска-

ние цифровые прав, которые зачислены ИНЦ ЦФА, по долгам ИНД ЦФА. Очевидно, часть 4.5 статьи 2 Закона о ЦФА коррелирует со статьей часть 1 статьи 860.14, 926.7, часть 1 статьи 860.5 и 990 и 1002 ГК РФ.

Таким образом, ИНД ЦФА является новым видом юридических посредников, который вправе осуществлять от своего имени любые распорядительные действия с ЦФА, но в интересах своих клиентов и согласно с их указаниями, так как ИНД ЦФА является полноценным пользователем системы, на кошелек которого в информационной системе ОИС ЦФА, зачисляются ЦФА, выпущенные в этой системе.

Появление фигуры ИНД ЦФА в законодательстве обусловлено стремление законодателя усовершенствовать механизм использования цифровых прав в качестве средства платежа по внешне-торговым договорам. При этом допустимым вариантом участия ИНД ЦФА в расчетах по внешне-торговым договорам (контрактам) является использование ЦФА в качестве учетной расчетной единицы клиринга, когда ИНД ЦФА сопоставляет в своих учётных записях денежные требования своих клиентов, которые обращены друг к другу, затем производит сопоставление их требований, проводит зачет в соответствующем объёме отражает количество ЦФА, которые принадлежат конкретному лицу.

Оператор обмена ЦФА как юридический посредник

Как известно, оператор обмена ЦФА, как правило, не обладает информационной системой и (естественно) не выпускает ЦФА. Оператор обмена ЦФА должен определиться с договорной моделью, в рамках которой происходит обмен ЦФА. Согласно части 1 статьи 10 Закона о ЦФА может быть три договорных модели: во-первых, когда оператор является коммерческим представителем сторон и действует на основании доверенности (модель поручения), на что указывают слова «сделка совершается через оператора обмена ЦФА»; б) когда он действует от своего имени, но в интересах пользователей, на что указывают слова «будучи стороной по сделке»; в) либо когда оператор является фактическим посредником, то есть не совершает никаких юридических действий, а только содействует заключению сделок посредством сбора и сопоставления заявок.

Например, оператор выпуска ЦФА ООО «Системы распределённого реестра» в пункте 5.2 своих правил указывает, что оператор не является стороной по сделкам с ЦФА. Таким образом, оператор прямо указывает, что не является юридическим посредником по модели комиссии между пользователями. Правила этого оператора выпуска ЦФА не предусматривают возможность действовать от имени пользователя, хотя прямо модель юридического посредничества по модели поручения не исключена. Таким образом, можно сделать вывод, что оператор выбрал модель фак-

тического посредничества между пользователями, когда он не совершает ни сделок, ни сделкоподобных действий (юридически значимых сообщений) ни от имени пользователей, ни от своего в интересах пользователей.

Рассмотрим, как строятся юридическое отношения между оператором выпуска ЦФА и оператором обмена ЦФА, если есть необходимость у пользователя, который выпустил ЦФА в одной информационной системе обменять их на ЦФА, которые выпущены неким иным пользователем в другой информационной системе.

Первая модель, согласно которой оператор обмена ЦФА является стороной сделки, подразумевает, что оператор обмена ЦФА должен быть зарегистрирован в качестве пользователя в информационных системах операторов выпуска ЦФА, в которых выпущены ЦФА, являющиеся предметом обмена. В частности, такой порядок взаимодействия между оператором выпуска ЦФА и оператором обмена ЦФА предусмотрен в пункте 6.7 правил ООО «Токены», ООО «Системы распределённого реестра», пункт 6.6 правил ПАО «Сбербанк», пункт 6.7 правил АО АКБ «ЕВРОФИНАНС МОСНАРБАНК», пункт 5.6 правил АО «Альфа-Банк». В целом данное решение является одним из самых популярных. Оно действительно наиболее удобно с точки зрения экономической логики, так как для осуществления обмена ЦФА оператор обмена ЦФА будет обладать всеми необходимыми полномочиями по распоряжению ЦФА от своего имени, но в интересах своих пользователей, а регистрация в информационной системе позволит ему осуществлять сделки в рамках информационных систем по отчуждению ЦФА лицам, которые осуществляют обмен. Таким образом, осуществив две сделки купли-продажи ЦФА в двух информационных системах, оператор обмена ЦФА осуществит предоставление своим пользователям в рамках посреднических отношений по модели комиссии. Следует, однако отметить, что существующий на настоящий момент оператор обмена ЦФА ПАО «Московская биржа» не предусматривает возможности совершения сделок по обмену ЦФА от имени своих пользователей [6].

Литература

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В., «Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг», книга 3, издание исправленное и дополненное, «Статут», 2002
2. Бернгефт Ф., Колер И. Гражданское право Германии. СПб., 1910. С. 112.
3. Егоров А.В. Предмет договора комиссии // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Выпуск пятый / под редакцией профессора В.В. Витрянского. М.: Статут, 2002. С. 86–146.
4. Реуцкий С.Ю. Сравнительно-правовой анализ правового регулирования финансовых активов, выраженных в цифровой форме в Рос-

сии и некоторых других странах Азиатско-Тихоокеанского региона / С.Ю. Реуцкий, И.В. Сарнаков // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – XII: материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 16 апреля 2021 г.): сборник научных статей / ответственный редактор Ю.П. Гармаев. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. С. 47–49.

5. Емелькина И.А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // Гражданское право. 2021. N 6. С. 12–17.
6. Цареградская Ю.К. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности // Право и цифровая экономика. 2021. N 2. С. 32–38.

ON LEGAL MEDIATION IN THE DIGITAL SEGMENT OF THE FINANCIAL MARKET

Iontsev M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

In today's financial market environment, which is increasingly complex and multi-tiered, legal intermediation plays a key role in ensuring the fairness and transparency of financial transactions. This phenomenon is an integral tool that allows various participants in financial processes to interact and build trust relationships. Legal mediation covers a wide range of practices, including brokerage services, consulting firms and financial agents, making it an important research object for lawyers, economists and financial professionals. The article discusses the modern classification of types of legal me-

diation. The author proposes to distinguish between the commission agreement and contracts according to the commission model, under which all the received property is not returned to the owner of the case, but may be a different type of financial result. The article examines the relations between operators of the issue of digital financial assets and users, operators of the exchange of digital financial assets and users, the peculiarities of the design of relations between nominal holders of tokens and their clients, concludes on the possibility and admissibility of concluding contracts of trust management of digital financial assets, as well as the conclusion of transactions by brokers (outside the framework of a brokerage license), the subject of which is digital financial assets.

Keywords: legal intermediation, foreign nominee holder of digital financial assets, commission, assignments, agency, intermediation in the digital tokens market.

References

1. Braginsky M.I., Vitriansky V.V., "Contract law. Contracts for the Performance of Works and the Provision of Services, Book 3, Amended and Supplemented Edition, Statute, 2002
2. Bergeft F., Kohler I. German Civil Law. St. Petersburg, 1910. С. 112.
3. Egorov A.V. Subject of the commission agreement//Actual problems of civil law: Collection of articles. Issue five/edited by Professor V.V. Vitryansky. M.: Statute, 2002. S. 86–146.
4. Reutsky S.J. Comparative legal analysis of the legal regulation of financial assets expressed in digital form in Russia and some other countries of the Asia-Pacific region/S.J. Reutsky, I.V. Sar-nakov//Comparative law in the countries of the Asia-Pacific region – XII: materials of the annual international youth scientific and practical conference (Ulan-Ude, April 16, 2021): collection of scientific articles/executive editor Yu.P. Garmaev. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University, 2021. P. 47–49.
5. Emelkina I.A. Problems of the relationship of real law with the construction "management of other people's property"//Civil law. 2021. N 6. S. 12–17.
6. Tsaregrad Yu.K. Cryptocurrency, digital financial assets, digital rights: terminology diversity in the process of forming legal reality//Law and digital economy. 2021. N 2. S. 32–38.

Косынкин Александр Александрович,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского права
и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ
(РПА Минюста России)
E-mail: kosynkinaa@yandex.ru

В августе 2014 года произошло объединение двух судов: Высший Арбитражный Суд РФ (ВАС) объединился с Верховным Судом РФ и прекратил своё существование.

В юридическом сообществе неоднозначно оценили нововведение, так как ВАС считался интеллектуальной и грамотной инстанцией в сфере экономических споров и благотворно влиял на развитие арбитражной судебной системы. В конечном итоге за десять лет существования единого высшего судебного органа, рассматривающего, в том числе, экономические споры в кассационной и надзорной инстанции мы получили огромное количество судебных актов, противоречащих не только друг другу, но и закону. А судьи в кулуарах начали рекомендовать следовать не букве закона, а судебной практике, что в конечном итоге постепенно стало приводить к раздражению правоприменителей и непониманию юристов, как поступать в той или иной ситуации, чтобы следовать действующему законодательству.

Ключевые слова: арбитражные споры, судебная практика, буква и дух закона, отмена судебных актов, норма права.

Многие судебные юристы, участвующие в арбитражных спорах, в последнее время сталкиваются с судебными актами, которые являются немотивированными и противоречащими действующему законодательству. Особенно, это наглядно просматривается в банкротных спорах, которые являются наиболее длительными и сложными в судебной системе.

В надежде на законное, обоснованное и справедливое решение проигравшая сторона подает апелляционные и кассационные жалобы, надзорные жалобы и жалобы по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, указывая на основания, предусмотренные ст. 270, 288, 308.8, 311 АПК РФ, однако судьи высших инстанций не всегда хотят разбираться с делами. А, ведь, очень важно, чтобы суд вник в суть спора, разобрался и вынес решение в соответствии с материальными нормами права. Это важно, в первую очередь, потому, что участники правовых отношений основывают свою деятельность на законе, на тех нормах материального права, которые находятся в Конституции РФ, кодексах, законах и т.д. Стабильность и единообразие применения закона к сформировавшимся правовым отношениям, является гарантией развития экономической деятельности, в том числе и увеличением количества инвестиций в Российскую Федерацию.

Однако, в последнее время, на развитие правовых отношений значительное влияние оказывает судебная практика. В данном случае в качестве судебной практики, мы имеем ввиду судебные акты судей Верховного Суда РФ, а не постановления Пленумов, Президиума или разъяснения судебной практики.

В соответствии с действующим законодательством судебные решения судей Верховного суда РФ в России не являются источником права в РФ, поэтому обязательными при вынесении решений по другим делам не являются. Исключения из этого правила составляют постановления Пленума, Президиума Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда. Однако, судьи при разрешении споров ориентируются на судебные акты судей Верховного суда по аналогичным делам.

Данное ориентирование не всегда приводит к положительному результату для сторон спора, так как судьи первой инстанции делают ссылку на судебный акт Верховного Суда РФ, без учета обстоятельств конкретного спора. [1]

Так, в последнее время изменилась в противоположную сторону судебная практика по истребованию документов и имущества у бывшего руководителя юридического лица в банкротстве. Если раньше, конкурсному управляющему должника до-

статочно было привести доказательства непередачи имущества и документов должника-банкрота, то в настоящее время, ему нужно доказать наличие конкретных документов и (или) имущества, именно, у бывшего руководителя должника. [2] По нашему мнению, такая тенденция приводит к злоупотреблению со стороны бывших руководителей, так как им достаточно при рассмотрении ходатайства об истребовании заявить об отсутствии имущества у него. По большому счету, бывшему руководителю даже можно не приводить доказательства, что имущество утрачено, или находится во владении у третьих лиц и т.п. и суд сам вынесет определение об отказе от удовлетворения заявленных требований, указав в мотивировочной части судебную практику – определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2019 № 306-ЭС19–2986, от 08.10.2020 № 305-ЭС20–1476 (2) и от 12.10.2020 № 302-ЭС20–10575, от 24.12.2021 № 308-ЭС21–12178(2) по делу № А63–12846/2019.

Целью конкурсного производства является удовлетворение требований кредиторов. Формальное указание суда о том, что если руководителем должника не передаются документы или имущество, то с него можно взыскать убытки, либо привлечь к субсидиарной ответственности, как правило, не достигает своей цели, так как добросовестный руководитель должника-банкрота изначально старается сотрудничать с конкурсным управляющим, оказывать ему содействие в поиске и передаче имущества и т.п., а недобросовестный руководитель, который не боится быть привлеченным к субсидиарной ответственности или взысканию убытков, равнодушно относится к требованиям закона.

Поэтому на наш взгляд, суду следует в каждом конкретном деле разбираться, а не формально «отфутболивать» обратившееся лицо, чье требование основано на нормах закона, а не на судебной практике.

В качестве еще одного примера, в котором судебная практика идет в противоречие с нормой закона, можно привести абзац 5 пункта 12 статьи 110 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который в качестве основания отказа в допуске заявителя к участию в торгах указывает на ситуацию, при которой поступление задатка на счета, указанные в сообщении о проведении торгов, не подтверждено на дату составления протокола об определении участников торгов.

Казалось бы, простая и понятная ситуация: закон четко говорит о том, что если денежные средства в качестве задатка не поступили на счет должника до составления организатором торгов протокола об определении участников торгов, то потенциальный участник торгов не допускается до их участия. Т.е. закон стимулирует добросовестных участников торгов заблаговременно оплачивать задатки в качестве обеспечения исполнения обязательств.

Однако, современная судебная практика, настолько извратила данную норму, что одни и те же

судьи по аналогичным ситуациям принимают противоположные решения при наличии судебного спора.

Так, в деле о банкротстве ООО «Управление механизации» участник торгов обратился в суд первой инстанции о признании недействительными торгов посредством публичного предложения. В качестве основания он указал, что оплатил задаток до подачи заявки, однако организатор торгов не допустил его к участию на основании абзаца 5 пункта 12 статьи 110 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Суд первой инстанции отказал в удовлетворении заявления, сославшись на ту же норму закона – абзац 5 пункта 12 статьи 110 Закона о банкротстве, так как действительно, задаток от участника поступил на счет организатора торгов только через два дня, после составления протокола об определении участников торгов. [3]

Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции и удовлетворил апелляционную жалобу недопущенного участника торгов. В качестве основания, суд апелляционной инстанции указал, что действуя добросовестно и разумно, организатор торгов должен был подождать несколько дней, чтобы убедиться в действительности поступления задатка от участника торгов. [4]

Т.е. суд апелляционной инстанции, как бы, говорит о том, что да, есть норма закона, которая определяет правило поведения сторон, то в данном случае, нужно закрыть глаза на норму закона и принимать решение исходя из конкретных обстоятельств дела.

В другом деле [5] в сходных обстоятельствах, суд первой инстанции удовлетворил заявления недопущенного участника торгов, сделав, в том числе на ссылку на судебную практику по делу ООО «Управление механизации». Однако, суд апелляционной инстанции, под председательством того же судьи, что и в деле ООО «Управление механизации» отменяет определение первой инстанции и отказывает в удовлетворении жалобы. Причем, справедливо, в качестве основания для отмены указывает всё ту же норму права – абзац 5 пункта 12 статьи 110 Закона о банкротстве. [6]

Таким образом, необоснованный допуск к участию к торгам претендента, который не оплатил своевременно задаток, мог повлечь инициирование иных споров относительно спорного имущества и затягивание процедуры банкротства должника при отсутствии неопровержимых доказательств реального намерения претендента на участие в торгах и приобретение имущества.

На наш взгляд, пренебрежение судьями понимать дух закона, а тем более его применять в возникшим правовым отношениям, влечет не только нарушение материальных или процессуальных правовых норм, но и порождает неверие в закон.

Если есть норма закона, которая уже регулирует возникшие правоотношения, то суду следует применять эту норму, хорошая она или плохая,

справедливая или не справедливая, а, если суд, считает, что вследствие развития тех или иных отношений, конкретная норма перестала выполнять свою функцию, т.е. дух закона не соответствует текущей обстановке, то следует на законодательном уровне внести изменения в данный закон, или исключить норму из закона.

В свою очередь, судебная практика не должна противоречить закону, а тем более его подменять, судебная практика призвана разрешать спорные ситуации, не урегулированные на текущий момент, нормами права. Только тогда она будет эффективной и приносить ясность в судебные споры.

Таким образом, при разрешении судебных споров судебная практика будет являться помощницей только при условии, что сама не будет противоречить нормам закона.

Литература

1. Определение Арбитражного суда Республики Мордовия по делу № А39–806/2022 от 26.07.2023 г. // СПС «Консультант Плюс».
2. Определение Арбитражного суда Московской области по делу № А41–21988/20 от 22.11.2024 г. // СПС «Консультант Плюс».
3. Определение Арбитражного суда Республики Мордовия по делу № А39–3981/2018 от 30.12.2021 г. // СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда по делу № А39–3981/2018 от 04.05.2022 г. // СПС «Консультант Плюс».
5. Определение Арбитражного суда Владимирской области по делу № А11–3520/2018 от 06.04.2023 // СПС «Консультант Плюс».

6. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда по делу № А11–3520/2018 от 03.07.2023 г. // СПС «Консультант Плюс».

JUDICIAL PRACTICE AND THE LAW: PROBLEMS OF APPLICATION

Kosynkin A.A.

Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

In August 2014, two courts merged: the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation (SAC) merged with the Supreme Court of the Russian Federation and ceased to exist.

The innovation was ambiguously assessed in the legal community, as the VAS was considered an intellectual and competent authority in the field of economic disputes and had a beneficial effect on the development of the arbitration judicial system. In the end, over the ten years of the existence of a single supreme judicial body that considers, among other things, economic disputes in cassation and supervisory instances, we have received a huge number of judicial acts that contradict not only each other, but also the law. And the judges on the sidelines began to recommend following not the letter of the law, but judicial practice, which eventually gradually began to irritate law enforcement officers and lawyers' misunderstanding of how to act in a given situation in order to follow the current legislation.

Keywords: arbitration disputes, judicial practice, letter and spirit of the law, annulment of judicial acts, rule of law.

References

1. Ruling of the Arbitration Court of the Republic of Mordovia in case no. А39–806/2022 dated 07.26.2023 // SPS "Consultant Plus".
2. Ruling of the Arbitration Court of the Moscow region in case no. А41–21988/20 dated 11/22/2024 // SPS "Consultant Plus".
3. Ruling of the Arbitration Court of the Republic of Mordovia in case no. А39–3981/2018 dated 12/30/2021 // SPS "Consultant Plus".
4. Ruling of the First Arbitration Court of Appeal in case no. А39–3981/2018 dated 05/04/2022 // SPS "Consultant Plus".
5. Ruling of the Arbitration Court of the Vladimir region in case no. А11–3520/2018 dated 04/06/2023 // SPS "Consultant Plus".
6. Decision of the First Arbitration Court of Appeal in case no. А11–3520/2018 dated 07/03/2023 // SPS "Consultant Plus".

Актуальные проблемы взыскания убытков в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, признаваемым несостоятельным (банкротом)

Лесных Владимир Андреевич,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: rabochii1998@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы взыскания убытков в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом (далее – юр. лицо), признанным несостоятельным (должником). Анализируются причины несостоятельности (банкротстве) юр. лица, что определяет возможность установления субсидиарной ответственности перед независимыми кредиторами. Автор утверждает, что презумпция виновного поведения контролирующих должника лиц действует только в условиях недостаточности конкурсной массы и не может быть реализована при разрешении споров о взыскании корпоративных убытков. Предлагается система привлечения к ответственности за вред, причиненный ненадлежащим управлением в виде убытков кредиторских, корпоративных, причиненных уполномоченным выступать от имени юридического лица и корпоративных, причиненных неуполномоченными лицами.

Особое внимание уделяется особенности прокредиторской системе банкротства, устанавливающей интересы независимых кредиторов выше интересов должника и распределению ответственности между лицами, привлекаемыми к гражданско-правовой ответственности. В ходе исследования установлена необходимость применения солидарной ответственности в ситуации причинения вреда неправомерными выплатами между номинальным работником и лицом, трудоустроившим. В то же время, солидарная ответственность не может применяться в отношении равноправных участников (учредителей) в случае если голос миноритария не определял выбор решения.

Обсуждается порядок применения п. 3.1. ст. 3 Закона об ООО. Установлено, что суду нет необходимости оценивать признаки несостоятельности (банкротства) юр. лица в случае, когда процедура банкротства была завершена по причине недостатка актива на погашение судебных расходов или несоответствия требований кредиторов ст. 6 Закона о банкротстве.

Ключевые слова: банкротство, юридическое лицо, убытки, субсидиарная ответственность.

Актуальным вопросом в развитии судебной практики по делам о банкротстве является влияние на общий размер «убытков, причинных кредиторам, и корпоративные убытки, требование о взыскании которых фактически направлено на возмещение вреда, причинного собственникам юр. лица» [1]. Так, в делах о банкротстве выделяются два вида убытков: кредиторские и корпоративные.

Если должник получает прямую выгоду, то речь идёт о заявлении о взыскании убытков по корпоративным основаниям. Сумма такого иска может быть больше требований кредиторов, так как она определяется согласно статьям 15, 53.1 и 393 ГК РФ. Кредиторы выступают в роли процессуальных истцов, которые в соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 61.20 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ЗоБ) имеют право выступать от имени корпорации и её акционеров.

Если стоимость чистых активов корпорации становится отрицательной, то это означает наличие кредиторских убытков. Право требовать взыскания таких убытков принадлежит сообществу кредиторов в порядке конкурсного производства [2].

Представляется, что предложенное ВС РФ разграничение убытков является нечетко сформулированным и неоднозначным, поскольку абсолютно любую сделку в условиях банкротства должника можно признать как создавшую отрицательное значение чистого актива. Не существует такой сделки, которая могла быть причинить вред исключительно собственникам юр. лица, но не причинила вред кредиторам в условиях уже установленного факта отрицательного значения чистого актива.

Противоречия в таком разделении возникают даже в самом деле о банкротстве, где эти убытки были разделены. Например, в рамках одной из сделок арбитражный суд установил, что ранее ответчик уже был привлечен к субсидиарной ответственности. Квалифицируя оспариваемую сделку, суд однозначно определил её как корпоративную, ссылаясь на нормы, устанавливающие именно корпоративную ответственность (п. 3 ст. 53, ст. 53.1 ГК РФ, ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО), ст. 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) и на общие правила об убытках (ст.ст. 15 и 1064 ГК РФ) [3]. Однако ВС РФ уже определил их как кредиторские убытки, поскольку стоимость чистых

активов корпорации в результате этой сделки стала приобретать отрицательное значение. Возникает вопрос: существуют ли такие примеры сделок, повлекших убытки и не создавших отрицательное значение чистого актива? Поскольку судебная практика таких примеров не знает, любая сделка, повлекшая убытки, может быть квалифицирована во вред кредиторам.

В развитии идеи иерархии убытков, предложенной ВС РФ, справедливо под корпоративными убытками считать только убытки, причиненные в момент отсутствия признаков неплатежеспособности должника. Тогда кредиторскими убытками следует считать убытки, которые не могли привести должника к банкротству, поскольку он уже обладал признаками неплатежеспособности или вообще признан банкротом.

Поскольку по критерию множественности лиц гражданско-правовая ответственность подразделяется на долевую, солидарную и субсидиарную, помимо взыскания убытков согласно ст. 53.1. ГК РФ, следует раскрыть такой ее вид, как субсидиарная ответственность.

Субсидиарная ответственность – это дополнительная ответственность, которую в силу закона, других правовых актов или условий обязательства несут лица по обязательствам основного должника.

В основу субсидиарной ответственности положены три основных принципа: добросовестность, разумность поведения и справедливость.

Согласно взглядам ученых-юристов, принципы добросовестности и разумности будут означать осуществление такого вида деятельности, которая не приведет юр. лицу к невозможности осуществления хозяйственной деятельности в целом [4, 137].

Условиями привлечения к ответственности лиц, которые в силу своих обязанностей контролируют должника, являются:

1) причинение вреда, в основе которого лежит намерение причинить имущественный вред (что и будет являться основным признаком неправомерных деяний контролирующего лица);

2) наличие вины (а если она отсутствует, контролирующие лица соответственно не могут и не должны быть привлечены к ответственности, так как наступление банкротства может быть связано с обычными предпринимательскими рисками) [5, 221];

3) неправомерное поведение контролирующего лица напрямую способствовало наступлению неблагоприятных последствий.

В судебной практике давно уже сложился подход, согласно которому субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника фактически представляет собой разновидность иска о взыскании убытков [6]. Как и кредиторские убытки, субсидиарная ответственность направлена на восстановление интересов кредиторов. Таким образом, в случае если суд не установит существенность негативного воздействия

КДЛ для привлечения его к субсидиарной ответственности, а предпочтет взыскать убытки, то кредиторскими убытками будут признаны не все доказанные убытки, а лишь те, которые возникли после того, как банкротство стало объективно неминуемым, что в конечном счете могло бы привести ко взысканию убытков[7].

В процессе банкротства субсидиарная ответственность отличается от убытков стандартизацией и упрощением процедуры доказывания [8]. Это достигается за счёт введения презумпции вины ответчика. Кроме того, устанавливается порядок определения размера ответственности виновного лица.

При рассмотрении различий между субсидиарной ответственностью и требованиями о возмещении убытков с лиц, контролирующих должника, важно проводить грань между ответственностью за вред, причинённый третьим лицам (кредиторам), и ответственностью за ущерб, нанесённый самому должнику. В отличие от субсидиарной ответственности, которая всегда нацелена на удовлетворение требований кредиторов должника, убытки могут быть направлены на компенсацию имущественных потерь как кредиторов, так и самой корпорации или её участников.

Поскольку способы и основания защиты имущественных интересов заинтересованных лиц в отношениях, связанных с управлением юр. лицами, признаваемых несостоятельными (банкротами) имеют особенности, предлагается разграничить их в зависимости от закреплённой учредительными документами и локальными правовыми актами системы управления должником, правового положения конкретного органа управления, решения которого оказали влияние на результаты финансово-хозяйственной деятельности должника, и сопутствующих принимаемым решениям фактических обстоятельств виды ответственности на:

- ответственность за убытки, причиненные кредиторам, восстановление имущественного положения которых реализуется через конструкцию субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц как особого способа взыскания убытков (кредиторские убытки). Характерные признаки таких убытков выражаются в сложности сбора или в полном отсутствии достаточных сведений со стороны заявителей из-за фактического отсутствия участия в действиях (бездействиях) КДЛ, причинивших убытки, наличии презумпций, направленных на поиск баланса достаточности доказательств, выраженных в отсутствии необходимости доказывания вины и причинно-следственной связи в убытках, повлекших банкротство и обязанность по оправданию своего поведения со стороны КДЛ. Особенность кредиторских убытков заключается в том, что они принадлежат сообществу кредиторов (конкурсной массе), что позволяет кредиторам лично распорядиться своей долей требования к должнику;
- убытки, причиненные юр. лицу, защита интересов которого осуществляется путем предъявления

ния иска о взыскании убытков к лицам, уполномоченным выступать от имени или в интересах должника (корпоративные/кредиторские убытки). Этот вид убытков, присущих всем видам ответственности, характеризуется такой особенностью, как смешанный характер. Заявление может быть подано от лица самого должника в интересах кредиторов и учредителей (участников), где применяются презумпции получения контроля действий юр. лица и обязанность доказывания непричастности возникновения убытков юр. лица. В зависимости от квалификации этих убытков на кредиторские или корпоративные, определяется право распоряжения требованием;

- убытки, причиненные учредителям (участникам) юр. лица, в действиях которых отсутствует вина и взыскание которых осуществляется с иных лиц, уполномоченных выступать от имени или в интересах должника (корпоративные убытки). В отличие от указанного выше, заявителем здесь, как правило, выступают лица, обладающие (обладавшие) источниками сбора сведений и доказательств, достаточных для соблюдения состава гражданского правонарушения, что устраняет необходимость применения презумпций. Более того, корпоративные убытки не могут быть уступлены этим заявителям, как минимум потому, что ЗоБ не признает таких лиц непосредственно кредиторами из-за направленности требования на возмещение вреда, причиненного именно собственникам юр. лица. С.С. Галкин указывает, что системное толкование норм ЗоБ позволяет прийти к выводу, что участники должника по обязательствам из корпоративных оснований не являются конкурсными кредиторами, их требования не подлежат квалификации ни как текущие, ни как реестровые и удовлетворяются за счет имущества, оставшегося после распределения между внешними кредиторами [9, 85].

Еще одним актуальным вопросом в банкротстве, является наличие специфических отраслевых гарантий от взыскания убытков с определенных лиц. Это может как порождать сложности в доказывании состава правонарушения, так и блокировать удовлетворение требований кредиторов.

Анализ судебной практики показывает, что руководители организаций применяют все более изощренные и сложные методы вывода активов, неправомерно используя институты, рассчитанные на добросовестных участников оборота. Например, в настоящее время имеется тренд применения схемы трудоустройства номинальных работников, не входящих в состав органов юр. лица. Ввиду их защищенности трудовыми гарантиями, причинители вреда рассчитывают блокировать применение к ним обычных способов защиты кредитора.

В отличие от гражданского права, трудовое законодательство не предусматривает аналога механизма признания трудового договора недей-

ствительным, как это описано в статьях 166 и 168 ГК РФ. Несмотря на это арбитражной практикой была осознана необходимость оспаривания действий должника, которые сделками не являются. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. (п. 5) предлагалось под сделками, которые могут быть оспорены по специальным основаниям, предусмотренным ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», понимать и действия, которые являются исполнением обязательств [10].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что формально руководитель в условиях примененного способа защиты вообще будет выведен из-под ответственности. Анализ судебной практики показывает, что при оспаривании сделки, заключенной между руководителем от лица должника-работодателя номинальным работником, применяются правила реституции, но действуют они только в отношении самого работника. Иными словами, работник, получивший денежные средства, обязан вернуть их работодателю – должнику [11]. Примененный способ защиты не образует требование к самому руководителю.

В таких условиях мало того, что у кредиторов возникли объективные сложности по оспариванию самого трудового договора, так им предлагается довольствоваться только взысканием с самого работника, который в большинстве случаев не является конечным получателем самого заработка.

Подобные прецеденты возникают ввиду того, что в соответствии с главой III.1. ЗоБ при признании недействительной сделки применяются последствия недействительности этой сделки только для одной стороны, которая взамен получает лишь призрачное регрессное требование в виде требования кредитора, удовлетворение которого произойдет только после погашения требований кредиторов третьей очереди.

Автор критикует такой подход законодателя, где любая сделка признается недействительной на таких условиях, будто только одна сторона создала условия для совершения подозрительной сделки, будто именно из-за его недобросовестности возникли убытки и руководитель должника не знал о мотивах злоупотребления. Это приводит к юридической безнаказанности неправомерного поведения.

Таким образом, недобросовестный руководитель должника владеет отличным инструментом – вывести актив, ссылаясь на гарантии, предусмотренные трудовым законодательством. Даже если в конкурсном производстве удастся оспорить эти договоры, ответственности за это все равно не возникнет, ответственность предусмотрена только для самого номинального работника.

Довольно призрачными являются возможности номинального работника обратиться с регрессным требованием, даже если будет установлено, что значительную долю неправомерно получаемой заработной платы он себе не оставлял.

По мнению автора, решение проблемы заключается в наделении заявителей таким полномо-

чием как привлечение к солидарной ответственности и номинального работника, и руководителя должника, трудоустроившего его. Подобная ответственность по своей сути напоминает совместное причинение ущерба, когда нельзя точно определить вклад каждого из виновников. [12], [13]. В нашей ситуации, потерпевшими являются конкурсные кредиторы, которые также пострадали от совместных, недобросовестных и целенаправленных на ущемление имущественных прав руководителя должника и номинального работника.

Однако необходимо ставить вопрос о целесообразности применения солидарной ответственности в том случае, если суд установит, что ответчики обладали конкретной долей управления, одинаковыми полномочиями, что следует из учредительных документов, и в их действиях будет установлена только неразумность в связи со следующим. Согласно п. 2 ст. 28 Закона об ООО прибыль распределяется между участниками пропорционально размеру принадлежащих им долей, но закон предусматривает и равное распределение чистой прибыли по соглашению сторон. Если не учитывать разделение акций на типы, то чистая прибыль акционерного общества также распределяется между акционерами пропорционально количеству акций (п. 2 ст. 31 и п. 2 ст. 32 Закона об АО).

Так, если суд установит, что неразумное действие было совершено равноправными управленцами, доля участия каждого устанавливается исходя из количества голосов (акций в акционерном обществе, доли в уставном капитале). В таком случае, у суда не должно возникать сомнения относительно значения каждого лица, причинившего убытки юр. лицу, пока не доказано иное.

Из поставленного вопроса усматривается неразрешенная несправедливость и необоснованное преимущество одного, мажоритарного, участника, принявшего неразумное действие от другого, миноритарного, участника, также одобрявшего совершение неразумного действия: в первую очередь, существует риск того, что миноритарный участник заплатит долг за мажоритарного, где последний изначально создаст условия невозврата своей части долга в порядке регрессного требования.

За солидаритетом стоит выбор лица участвовать в этих отношениях или нет, действовать ли совместно с кем-то другим или нет. В данном случае к солидарной ответственности привлекаются лица вне их волеизъявления, даже потенциально. Более того, они вынуждены будут претерпевать негативные последствия чужого поведения и только в дальнейшем, при рассмотрении регрессного иска, устанавливать действительный размер своей ответственности.

Не исключены случаи, когда мажоритарные участники могут принять решение совместно с миноритарными, при этом каждый участник преследует сугубо личные интересы (иными словами, не участвуют в сговоре); и те, и другие находятся в ситуации конфликта интересов, однако

их совместное решение квалифицируется как неразумное. Чаще всего такие действия направлены на приобретение материальной выгоды за счет юр. лица.

Несправедливость в корпоративных отношениях может возникнуть в тот момент, когда мажоритарный участник начнет действовать недобросовестно по отношению к миноритариям: будет скрывать, выводить и продавать свои активы, искусственно создавая дефицит имущества и вводя себя в предбанкротное состояние. Миноритарий, в свою очередь, полностью исполнив ответственность за себя и за мажоритария, уже не сможет получить деньги в порядке регресса. Определение доли ответственности каждого должника в условиях, когда солидарное обязательство прекращено его исполнением (п. 2 ст. 325 ГК РФ), не способно восстановить права в том случае, когда сам должник-мажоритарий уже обратился с заявлением о признании себя банкротом.

Условия, при которых один из солидарных должников принудительно исполняет солидарное обязательство и обретает право требования, повсеместно применяются в практике, однако в рамках уже гражданско-правовых отношений подобная сделка (соглашение о солидарном исполнении обязательств) была бы квалифицирована как недействительная, поскольку такие условия не представляют экономической выгоды. Солидарные должники заведомо знали, что у мажоритарного должника денег нет, обязательство им не будет исполнено, а у миноритарного должника не будет возможности обращения регрессного требования в связи с исполнением обязательства к должнику ни по основаниям ст. 365 ГК РФ, ни по основаниям ст. 325 ГК РФ [14].

Другой вопрос, набирающий популярность – привлечение к ответственности вне рамок дела о банкротстве, в частности, ликвидированного юр. лица. В таких случаях закон предусматривает компенсирующий правовой механизм. Согласно пункту 3.1 статьи 3 Закона об ООО с ограниченной ответственностью, если неисполнение обязательств исключённого общества связано с недобросовестными или неразумными действиями лиц, указанных в пунктах 1–3 статьи 53.1 ГК РФ, то на этих лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам.

В случае если процедура банкротства не возбуждалась до ликвидации юр. лица, суд будет оценивать именно объективную недобросовестность: знал ли ответчик о существующем долге кредитора или, обращался ли он с заявлением о банкротстве? Если не обращался, знал о наличии долга, но не исполнил обязанность, установленную ст. 62 ГК РФ, такого ответчика привлекут именно к субсидиарной ответственности, хотя очевидно, что вред от оспариваемых сделок не всегда может повлечь объективное банкротство, однако это уже не имеет значения для предмета иска.

Если же процедура банкротства была прекращена, а после юр. лицо будет исключено из ЕГРЮЛ

регистрирующим органом, согласно ст. 21.1 Закона о государственной регистрации ЮЛ и ИП за недостоверность сведений, суд устанавливает объективность банкротства, хотя в случае отсутствия денежных средств на погашение судебных расходов, автор не видит в этом необходимости [15].

Когда процедура банкротства завершается из-за нехватки средств для её финансирования, в том числе из-за отсутствия имущества у должника, это может указывать на то, что руководитель должника пытался ликвидировать недействующую компанию в соответствии с законодательством. Однако это не исключает предположения о фиктивном возбуждении процедуры банкротства для формального соблюдения требований закона. Следовательно, ответчик должен доказать отсутствие признаков несостоятельности юр. лица на момент ликвидации должника.

Если ситуация развивается иначе, то есть риск, что в судебной практике сложится тенденция к отказу в удовлетворении требований о привлечении руководителя к гражданско-правовой ответственности. Сам по себе этот факт не служит безусловным доказательством вины ответчика в неуплате долга и не подтверждает недобросовестное или неразумное поведение.

Суды чётко указывают на необходимость, чтобы неразумные и (или) недобросовестные действия (бездействие) таких лиц (директоров) привели к тому, что юр. лицо утратило способность исполнять обязательства перед кредиторами. Даже когда юр. лицо уже фактически ликвидировано... [16].

Литература

1. Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2023 № 307-ЭС22-20271(3) по делу № А13-2125/2021 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 305-ЭС23-22266 по делу № А40-169761/2018 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Определение Арбитражного суда города Москвы от 20.02.2023 по делу № А40-169761/2018-74-233 «Б» о несостоятельности (банкротстве) // Электронное правосудие. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d475bffe-4c58-41fd-b593-f347b3bba9c5> (дата обращения: 21.12.2024).
4. Петухов С.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в контексте осуществления должником хозяйственной деятельности // Legal Bulletin. – 2023. – № 4. – С. 137.
5. Мишкина К.С. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц // Меридиан. – 2020. – № 7 (41). – С. 221.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.08.2023 № Ф07-10740/2023 по делу № А05-1391/2021 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007(2) по делу № А40-203647/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
9. Галкин С.С. Субординация кредиторских требований, возникших после возбуждения производства по делу о банкротстве: возможные правоприменительные модели de lege lata // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2020. – № 2. – С. 79–90.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 30 апреля 2009 г. N 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. N 7.
11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.11.2020 N Ф01-13116/2020 по делу N А43-28296/2019
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»;
13. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ N 4 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022);
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.10.2017 № Ф07-9797/2017, Ф07-9805/2017 по делу № А56-64381/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.06.2023 № Ф09-3803/23 по делу № А76-28305/2020
16. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.12.2023 № Ф10-6159/2023 по делу № А08-13789/2022 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

CURRENT ISSUES OF RECOVERY OF DAMAGES IN RELATIONS RELATED TO THE MANAGEMENT OF A LEGAL ENTITY RECOGNIZED AS INSOLVENCY (BANKRUPT)

Lesnykh V.A.
St. Petersburg State University

The article discusses the current problems of recovery of losses in relations related to the management of a legal entity recognized as insolvent (debtor). The reasons for the insolvency (bankruptcy) of a legal entity are analyzed, which determines the possibility of establishing subsidiary liability to independent creditors. The author argues that the presumption of culpable behavior of persons controlling the debtor is valid only in conditions of insufficient bankruptcy estate and cannot be implemented in resolving disputes on corporate damages. A system of holding accountable for damage caused by improper management in the form of creditor and corporate loss-

es caused by authorized persons acting on behalf of a legal entity and corporate losses caused by unauthorized persons is proposed. Special attention is paid to the specifics of the bankruptcy procedure system, which establishes the interests of independent creditors above the interests of the debtor, a legal entity, and the distribution of responsibility between persons involved in civil liability. The study established the need to apply joint and several liability in a situation of causing harm by illegal payments between a nominal employee and the person who employed him. At the same time, joint and several liability cannot be applied to equal participants (founders) if the vote of the minority did not determine the choice of the solution. The procedure for applying clause 3.1. of Article 3 of the LLC Law is being discussed. It has been established that the court does not need to assess the signs of insolvency (bankruptcy) of a legal entity in the event that the bankruptcy procedure has been completed due to a lack of assets to repay court costs or inconsistency with creditors' claims of art. 6 of the Bankruptcy Law.

Keywords: bankruptcy, legal entity, losses, subsidiary liability.

References

1. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 6, 2023, No. 307-ЭС22–20271(3) in case No. А13–2125/2021 // Legal reference system «Consultant Plus».
2. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 28, 2024, No. 305-ЭС23–22266 in case No. А40–169761/2018 // Legal reference system «Consultant Plus».
3. Decision of the Moscow City Arbitration Court dated February 20, 2023 in case No. А40–169761/2018–74–233 «Б» on insolvency (bankruptcy) // Electronic justice. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d475bfef-4c58-41fd-b593-f347b3bba9c5> (access date: December 21, 2024).
4. Petukhov S.V. Subsidiary liability of controlling persons in the context of debtor's economic activity // Legal Bulletin. – 2023. – No. 4. – P. 137.
5. Mishkina K.S. The legal nature of subsidiary liability of persons controlling the debtor // Meridian. – 2020. – No. 7 (41). – P. 221.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017, No. 53 «On some issues related to bringing persons controlling the debtor to responsibility in bankruptcy» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – No. 3.
7. Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District dated August 25, 2023, No. Ф07–10740/2023 in case No. А05–1391/2021 // Legal reference system «Consultant Plus».
8. Ruling of the Judicial Panel on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 3, 2020, No. 305-ЭС19–17007(2) in case No. А40–203647/2015 // Legal reference system «Consultant Plus».
9. Galkin S.S. **Subordination of creditor claims arising after the initiation of bankruptcy proceedings: possible law enforcement models de lege lata** // Bulletin of the Moscow District Arbitration Court. – 2020. – No. 2. – P. 79–90.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 30, 2009, N 32 «On some issues related to challenging transactions on the grounds provided for by the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. N 7.
11. Ruling of the Volga-Vyatka District Arbitration Court dated November 25, 2020, N Ф01–13116/2020 in case N А43–28296/2019.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2022, N 33 «On the practice of applying the norms on compensation for moral damage by courts».
13. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation N 4 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on February 16, 2022).
14. Ruling of the Arbitration Court of the North-Western District dated October 16, 2017, N Ф07–9797/2017, Ф07–9805/2017 in case N А56–64381/2016 // Legal reference system «Consultant Plus».
15. Ruling of the Ural District Arbitration Court dated June 27, 2023, N Ф09–3803/23 in case N А76–28305/2020.
16. Ruling of the Central District Arbitration Court dated December 18, 2023, N Ф10–6159/2023 in case N А08–13789/2022 // Legal reference system «Consultant Plus».

О некоторых вопросах правового статуса самозанятых граждан: особенности и проблематика

Куделя Наталья Юрьевна,

старший преподаватель кафедры конкурентного и предпринимательского права Дальневосточного федерального университета
E-mail: kudelya.nyu@dvfu.ru

Лопатин Михаил Владимирович,

студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: lopatin.mv@dvfu.ru

Утва Ирина Сергеевна,

студентка Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: utva.is@dvfu.ru

В статье рассматриваются вопросы правового статуса самозанятых граждан, включая сложности с их определением, что затрудняет законодательное регулирование. Обсуждаются проблемы, связанные с заменой трудовых отношений самозанятыми, что может привести к нарушениям и уменьшению социальных гарантий. Анализируется, как налогообложение самозанятых отличается от работников, а также подчеркиваются различия между самозанятыми и надомниками. Авторы акцентируют внимание на необходимости изменений в законодательстве для четкого определения правового статуса самозанятых и защиты их интересов.

Ключевые слова: самозанятые, налог на профессиональный доход, предпринимательская деятельность, труд, бизнес.

Введение

Началом развития бизнеса как экономической деятельности в Российской Федерации считается принятие Конституции РФ в 1993 году. Именно в ней закреплено право граждан на свободное осуществление любой предпринимательской деятельности, не запрещенной законом [1]. Можно с уверенностью сказать, что основой нынешней рыночной системы в России считается возможность свободно заниматься экономической деятельностью. Именно поэтому законодательством введен широкий круг субъектов, которые могут заниматься предпринимательской деятельностью.

Особым субъектом предпринимательской деятельности можно считать граждан, имеющих статус “самозанятых”. Впервые о необходимости введения такого правового статуса было заявлено в 2016 году. Это было связано с тем, что многие граждане без образования какого-либо юридического лица, не имея определенного юридического статуса фактически осуществляли предпринимательскую деятельность, не уплачивая налоги и не неся никакой юридической ответственности. Чтобы вывести данную категорию граждан из теневого бизнеса, было принято решение о закреплении института “самозанятых”.

В последние годы можно наблюдать увеличение количества граждан, регистрирующихся в качестве “самозанятых”. Так, в 2022 году “самозанятыми” стали 6,5 млн человек, в 2023 году – 9 млн, в 2024 – почти 12 млн. Однако в силу ограниченного правового регулирования и новизны данного института в нашем законодательстве, необходимо разобраться, какие есть особенности у граждан со статусом “самозанятые” и какие существуют проблемы правовом регулировании.

Основная часть

Прежде всего хочется отметить, что легальное определение “самозанятые” законодательно не закреплено. В широком смысле под “самозанятостью” понимается любая самостоятельная деятельность гражданина, которая так или иначе приносит ему доход. То есть в эту категорию граждан можно отнести всех, кто работает сам на себя. В узком же смысле под “самозанятостью” понимается форма осуществления предпринимательской деятельности без найма и без образования юридического лица.

Стоит отметить, что только в одном нормативно-правовом акте содержится термин “самозанятые”. Так, в приказе ФНС от 02.07.2021 года указана сле-

дующая дефиниция: “самозанятые граждане – физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» в порядке, установленном Федеральным законом от 27.11.2018 N 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [2]. Отсюда можно сделать вывод, что данное понятие тесно связано с налоговым законодательством, в особенности с применением специального налогового режима. Тем не менее этот термин недостаточно раскрывает особенности правового статуса самозанятых. Также, в нем не прослеживается разграничение самозанятых и индивидуальных предпринимателей, что также вызывает вопрос о различиях этих двух субъектов предпринимательской деятельности.

Данную проблематику обсуждают в юридической литературе. Так, в статье Морозова Н.Г. и Типалиной М.В. говорили – “Актуален вопрос о необходимости установления правового статуса самозанятых граждан, поскольку данное понятие не получило официального определения ни в гражданском, ни в налоговом законодательстве, несмотря на активное использование термина” [3].

На законодательном уровне этот вопрос также активно обсуждается. Так, Минюст РФ в 2018 году пыталось законодательно закрепить правовой статус самозанятых граждан, представив проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам определения статуса самозанятых граждан». Этот проект, так и не дошедший до рассмотрения в Государственной Думе, был призван закрепить определение «самозанятый» [4]. Также он позволял разграничить правовой статус с гражданами, имеющими регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя.

Предлагаемое определение закрепляло несколько ключевых критерий. Во-первых, это гражданин, который лично занимается предпринимательской деятельностью без привлечения наемных работников. Во-вторых, деятельность осуществляется с целью реализации произведенных своими силами товаров, а также предоставлении услуг или выполнении работ исключительно для физических лиц. В-третьих, предпринимательская деятельность происходит в нерабочее время, то есть деятельность самозанятого не может быть включена в трудовые обязанности, которая предусмотрена трудовым договором. В-четвертых, лицо не должно иметь регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя. В-пятых, самозанятый должен уведомлять об осуществлении определенного вида деятельности налоговые органы. Хотя этот законопроект так и не был рассмотрен, однако именно в нем были выделены ключевые признаки понятия “самозанятых”.

На основании вышеизложенного, можно предложить закрепить такое определение. Самозанятые – это физические лица, осуществляющие

предпринимательскую деятельность в виде производства и реализации товаров, предоставлении услуг или получения доходов от использования имущества, не имеющее зарегистрированного статуса индивидуального предпринимателя и не привлекающие наемного труда, уплачивающие налог на профессиональный доход.

Одной из главных тенденций в области осуществления трудовой деятельности в течение последних десятилетий является распространение формы занятости, при которой традиционные трудовые отношения с наемными работниками постепенно заменяются на отношения с самозанятыми. На первый взгляд, переход к самозанятости кажется выгодным решением как для “работодателей”, так и для “работников”: первые могут сэкономить на социальных отчислениях, а вторые – обретают свободу и независимость в работе.

Основанием для привлечения к осуществлению трудовой деятельности самозанятого является заключение договора подряда, где в качестве заказчика выступает “работодатель”, а в качестве подрядчика – самозанятый.

Управление Федеральной налоговой службы по г. Москве в своём письме № 10–17/051757@ от 27.07.2020 устанавливает ряд обстоятельств, которые могут являться основаниями для проведения контрольной проверки в целях выявления рисков неуплаты НДФЛ и страховых взносов [5]. К таковым относятся:

- 1) Выявление факта заявления зарплаты сотрудников в размере значительно ниже, чем составляет средний уровень по региону или по аналогичному ОКВЭД;
- 2) Указание работником организации для получения кредита в банковских документах уровня зарплаты, отличного от сведений, подаваемых работодателем;
- 3) Поступление жалобы работника, обращения или письма о выплате неучтенной зарплаты или зарплаты «в конвертах».

Мониторинг случаев подмены трудовых отношений является одной из важнейших задач налоговых органов. Он имеет ряд целей.

Во-первых, одной из главных задач налоговых органов является обеспечение надлежащего пополнения бюджета путем взимания налогов. Трудовые договоры требуют обязательных налоговых и страховых отчислений, включая НДФЛ, а также взносы в СФР и т.д. В свою очередь, договоры ГПХ зачастую используются для минимизации налоговых обязательств, что напрямую сказывается на объеме налоговых поступлений.

Во-вторых, при оформлении трудовых договоров работники получают ряд социальных гарантий: отпуск, больничные и т.д. В случае оформления отношений через ГПХ, эти гарантии самозанятым не предоставляются.

В случае обнаружения факта того, что с работником был заключен договор гражданско-правового характера, но фактически регулирующим трудовые отношения с работодателем, то дей-

ствия последнего квалифицируются по ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ.

Схожей является позиция судебной практики. Из содержания п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 29.05.2018 ясно, что если стороны заключили гражданско-правовой договор, но во время судебного разбирательства будет выявлено, что этот договор на самом деле регулирует трудовые отношения между работником и работодателем, то к таким отношениям, согласно ч. 4 ст. 11 ТК РФ, должны применяться нормы трудового законодательства и другие акты, содержащие правила трудового права [6].

Из содержания указанного пункта ясно, что в случае признания договора ГПХ трудовым, лицу, осуществляющему трудовую функцию, полагается выплата всех денежных отчислений, которые ему были бы выплачены как работнику по трудовому договору.

В последние годы на рынке труда России наблюдается значительная эволюция в формах занятости. Появление новых экономических реалий, в частности, вызвано цифровизацией и глобализацией, а также изменением общественных потребностей, способствовало росту числа работников, которые предпочитают гибкие и менее традиционные способы заработка. В данном случае особое внимание заслуживают не только самозанятые, но еще и надомники.

Понятие надомников дается в статье 310 ТК РФ. Надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор о выполнении работы на дому из материалов и с использованием инструментов и механизмов, выделяемых работодателем либо приобретаемых надомником за свой счет [7].

Уже заметно первое отличие – лицо, являющееся надомником заключает трудовой договор, следовательно, является стороной трудовых правоотношений, где с одной стороны выступает работодатель, а с другой – работник. Как было выяснено ранее, специфика статуса самозанятого позволяет говорить о том, что лицо, считающееся самозанятым, работает само на себя и не нанимает работников. Следовательно, оно не является стороной трудовых правоотношений.

С этим различием связано еще два основания для сравнения.

Во-первых, как указывается в п. 2 ст. 20 ТК РФ, работником является только физическое лицо [8]. Налогоплательщиками налога на профессиональный доход признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на специальный налоговый режим.

Здесь необходимо уяснить, что индивидуальный предприниматель может работать по трудовому договору, но при этом его статус как предпринимателя не влияет на условия трудовых отношений. Когда ИП устраивается на работу, он выступает в качестве физического лица, а не как предприниматель. Это значит, что его статус ИП не учитывается при оформлении трудового договора.

ИП также не может заключить трудовой договор с самим собой, так как это противоречит ряду принципов трудового законодательства, в частности, закрепленному в п. 1 ст. 16 ТК РФ, который гласит, что трудовые отношения возникают между работником и работодателем, то есть, между двумя лицами.

Во-вторых, в случае использования надомником собственных инструментов и механизмов, то работодатель обязан выплатить ему компенсацию за их износ. Самозанятые в ходе осуществления деятельности, приносящей им доход также используют свои предметы и механизмы, однако на них целиком лежит бремя их содержания, поскольку они выступают как независимая и самостоятельная сторона в процессе выполнения своей деятельности.

Также, трудовым договором, заключенным с надомником должны регламентироваться порядок и сроки обеспечения их сырьем, материалами и полуфабрикатами. Следовательно, ответственность за предоставление им необходимого оборудования возлагается на работодателя. Обеспечение вышеуказанными предметами самозанятых лиц лежит на них самих.

Как указывается также в вышеуказанной статье ТК РФ, надомник может выполнять работу, обусловленную трудовым договором, с участием членов его семьи. Исходя из буквального толкования становится понятно, что определенная часть трудовых обязанностей надомника, наделенных ему трудовым договором, может быть передана к выполнению членам его семьи. При этом важно отметить, что трудовые отношения между членами семьи надомника и работодателем не возникают, что исключает необходимость соблюдения норм трудового законодательства в отношении этих членов семьи.

С другой стороны, самозанятые граждане фактически также могут привлекать членов своей семьи к выполнению работы. Однако данная возможность не имеет четкого нормативного закрепления в законодательстве и не находится в правовом поле.

Статья 311 ТК РФ устанавливает 2 условия, при которых возможен надомный труд:

- 1) работы, поручаемые надомникам, не могут быть противопоказаны им по состоянию здоровья;
- 2) работы должны выполняться в условиях, соответствующим требованиям охраны труда.

Законодательно требования к условиям труда самозанятых также не устанавливаются. Предполагается, что, если самозанятый осуществляет свою деятельность у себя на дому, то Условия работы должны соответствовать установленным требованиям, однако опять же, указанные требования являются общими и не устанавливаются конкретно для самозанятых.

Отдельно стоит упомянуть про налоговые режимы для сравниваемых категорий лиц. Для лиц, являющихся самозанятыми устанавливается льготный налоговый режим, как было выяснено нами

ранее. Ставки НПД устанавливаются в размере 4% в отношении доходов от деятельности в пользу физических лиц, а также в размере 6% для самозанятых – в отношении доходов от деятельности в пользу ИП и юридических лиц [9]. Льготные налоговые ставки делают самозанятость более привлекательной, позволяя людям легально осуществлять деятельность с минимальными налоговыми обязательствами.

Налоговый режим для надомников аналогичен налоговому режиму работников по трудовому договору, а не специальным налоговым режимом, как это происходит с самозанятыми. Надомники осуществляют свою профессиональную деятельность на основании трудового договора и подлежат общим правилам налогообложения, применяемым к работникам. Заработная плата надомников облагается налогом на доходы физических лиц (НДФЛ) по стандартной ставке. Работодатель также обязан уплачивать страховые взносы на обязательное пенсионное страхование и т.д.

Заключение

Самозанятость как форма осуществления предпринимательской деятельности с каждым годом становится популярнее, о чем свидетельствует статистика за последние годы. Однако основываясь на проведенном анализе, можно сделать вывод, что в законодательстве существуют некоторые пробелы, которые приводят к проблемам в правовом регулировании граждан, имеющих статус самозанятых. В связи с таким неточным правовым регулированием существуют злоупотребление со стороны работодателей, которые переводят своих работников на специальный налоговый режим, чтобы не выплачивать страховые взносы. Тем не менее, существуют нормы, которые все же позволяют выделить особенности правового статуса самозанятых, помогают отграничить их от иных субъектов предпринимательской деятельности, имеющие схожий правовой статус, например как у надомников и индивидуальных предпринимателей.

С учетом выделенных актуальных проблем, можно предложить внесение поправок в законодательство, а именно: принять отдельный Федеральный закон “о самозанятости и самозанятых граждан”, закрепить легальное понятие “самозанятость”, определить перечень видов деятельности, а также состав правонарушений и меры ответственности для данных субъектов предпринимательской деятельности.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс
2. Приказ Федеральной налоговой службы от 2 июля 2021 г. N ЕД-7–20/620@ “Об утверж-

дении Методики расчета показателя «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД)» федерального проекта «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами», входящего в национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // СПС КонсультантПлюс

3. Морозова Н.Г., Типалина М.В. Современные проблемы и перспективы применения налога на профессиональный доход // Вестник университета. 2023. № 6. С. 162–170.
4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу определения статуса самозанятых граждан» (подготовлен Минюстом России 29.05.2018) // СПС КонсультантПлюс
5. Письмо Управления ФНС по Московской области от 27 июля 2020 г. N 10–17/051757@ «О рассмотрении обращения» // СПС КонсультантПлюс
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 N 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // СПС КонсультантПлюс
7. Глава 49 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
8. Пункт 2 статьи 20 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
9. Статья 10 Федерального закона от 27.11.2018 N 422-ФЗ) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СПС КонсультантПлюс

ABOUT SOME ISSUES OF THE LEGAL STATUS OF SELF-EMPLOYED CITIZENS: FEATURES AND ISSUES

Kudelya N.Yu., Lopatin M.V., Utva I.S.
Far Eastern Federal University

The article discusses the issues of the legal status of self-employed citizens, including difficulties in defining them, which complicates legislative regulation. The problems related to the replacement of labor relations with the self-employed are discussed, which can lead to violations and a decrease in social guarantees. It analyzes how taxation of the self-employed differs from workers, and highlights the differences between the self-employed and homeworkers. The authors emphasize the need for legislative changes to clearly define the legal status of the self-employed and protect their interests.

Keywords: self-employed, professional income tax, entrepreneurial activity, labor, business.

References

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // ConsultantPlus

2. Order of the Federal Tax Service dated July 2, 2021 N ED-7-20/620@ "On approval of the Methodology for calculating the indicator "Number of self-employed citizens who have registered their status and apply the special tax regime "Professional Income Tax" (NAP) of the federal project "Creating favorable conditions for self-employed citizens", included in the national project "Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative" // ConsultantPlus
3. Morozova N.G., Tupalina M.V. Modern problems and prospects of applying the tax on professional income//Bulletin of the University. 2023. No. 6. pp. 162–170.
4. Draft Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Determining the Status of Self-employed Citizens" (prepared by the Ministry of Justice of Russia on 05/29/2018) // ConsultantPlus
5. Letter from the Office of the Federal Tax Service for the Moscow Region dated July 27, 2020 N 10–17/051757@ "On consideration of appeals" // ConsultantPlus
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05/29/2018 No. 15 "On the application by courts of legislation Regulating the work of employees working for employers – individuals and employers – small businesses that are classified as microenterprises" // ConsultantPlus
7. Chapter 49 of the Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 N 197-FZ // ConsultantPlus
8. Paragraph 2 of Article 20 of the Labor Code of the Russian Federation dated 12/30/2001 N 197-FZ // ConsultantPlus
9. Article 10 of the Federal Law of 27.11.2018 N 422-FZ) "On conducting an experiment to establish a special tax regime "Tax on professional income" // ConsultantPlus

Максимова Наталья Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)
E-mail: maximovana2706@gmail.com

Актуальность работы состоит в рассмотрении проблемных вопросов в сфере регионального правотворчества и его прав реализации в части условий и порядка. Цель статьи: изучить региональное семейное законодательство. Задачи: изучить литературу по данной теме, проанализировать результаты исследования. Методы: теоретический, аналитический. Гипотеза исследования: если проанализировать семейное законодательство и рассмотреть его в практическом применении, можно будет в дальнейшем провести его корректировку и улучшение в данной сфере. Результаты исследования: устройство такого государства как Российская Федерация предусматривает создание общей системы права. В данном случае право на региональном является продолжением права на федеральном уровне, где подробно учитываются специфика и особенности каждого субъекта в Российской Федерации. Проанализировано законодательство РФ и рассмотрена практика его применения.

Ключевые слова: законодательство, брак, опека, попечительство, семья.

Основы регионального семейного законодательства заложены прежде всего в статье 5 Основного Закона страны, которая гласит: «Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой устав и законодательство». Данная норма находится в системной связи со статьями 72 (п. «к» ч. 1), 73 и 76, наделяя регионы полномочиями по принятию законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, выступающих в виде органической структурной части единой системы семейного законодательства (п. 2 ст. 3 Семейного кодекса РФ; далее – СК) и являющихся его источником [3, с. 83–87; 5, с. 214–220].

Прошло более тридцати лет с момента надления Конституцией РФ региональных органов государственной власти правом принимать законодательные акты по вопросам, отнесенным к совместной компетенции федерации и субъектов Федерации и вопросам, составляющим собственную компетенцию субъекта РФ. Но проблематика правотворчества и правореализации семейного законодательства не исчезла и не потеряла свою актуальность [4, с. 492–493].

Согласно п. 2 ст. 3 СК к компетенции субъектов РФ относятся две группы вопросов, первая из которых представляет собой исчерпывающий перечень их полномочий по правовой регламентации семейных отношений в части условий и порядка:

- 1) изменения минимального брачного возраста (абз. 2 п. 2 ст. 13 СК);
- 2) выбора фамилии при вступлении в брак (п. 1 ст. 32 СК);
- 3) формы устройства детей, оказавшихся без попечения родителей – патронатной семьи (абз. 2 п. 2 ст. 54, п. 1 ст. 123 и п. 6 ст. 145 СК);
- 4) присвоения ребенку имени, отчества и фамилии (пп. 2, 3 ст. 58 СК);
- 5) надления органов местного самоуправления полномочиями по опеке и попечительству (абз. 2 п. 1 и п. 2 ст. 77, п. 2 ст. 121 СК);
- 6) учета детей, подлежащих усыновлению, и лиц, желающих усыновить детей (ст. 126 СК);
- 7) подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей по программе, утвержденной органами исполнительной власти субъектов РФ (п. 6 ст. 127 СК).
- 8) размер денежных средств, которые выделяются на содержание детей, находящихся под опекой или попечительством (п. 3 ст. 148 СК); приемным родителям; мер социальной поддержки, предоставляемых приемной семье (п. 2 ст. 153.1 СК).

Рассмотрим различные практические решения регионального законодателя в рамках его полномочий данной группы [10, с. 5].

1. Изменение нижнего предела брачного возраста (п. 2 ст. 13 СК).

Общая норма накладывает основание для признания полной гражданской дееспособности лиц при условии их совершеннолетней зрелости, в частности, данное позволяет заключать брачный союз с 18 лет (ст. 21, ч. 1 Гражданского кодекса РФ; далее – ГК) и определяется как возможность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и отвечать за их исполнение. Но, человек может считаться дееспособным до достижения срока 18 лет – при условии вступления в брак с 16 лет, сюда можно отнести эмансипацию, хотя это больше исключение, чем правило.

Установлены два вида обретения полной дееспособности до установленного законом срока – это через органы опеки и попечительства, иногда по суду в случаях отказа.

Брачный возраст по семейному законодательству может быть снижен. Как известно по Конституции РФ, для того, чтобы вступить в брак, необходимо обладать биологической и психологической зрелостью. Федеральным законодательством таким возрастом был определен возраст 18 лет. В некоторых случаях возраст может быть снижен до 16 лет, но для этого должны быть некоторые установленные обстоятельства. В исключительных случаях вступление в брак может осуществляться и до 16 лет.

В случаях, когда возраст вступления в брак снижается, данный факт должен быть подтвержден особыми обстоятельствами, уважительные причины схожи между собой по типу:

- 1) беременность,
- 2) появление ребенка до брака,
- 3) угроза жизни одного из желающих вступить в брак.

Некоторые законы, принятые в субъектах РФ, могут уточнять и разъяснять имеющиеся обстоятельства:

случай 1 – срок беременности, который не допускает ее прерывания, либо имеется желание ее сохранить со стороны обоих родителей: 12 недель и более (Закон Республики Адыгея), 22 и более (Закон Челябинской области);

во втором – как непосредственно рождение ребенка, так и его нахождение при матери по факту, мать при этом имеет желание зарегистрировать свои отношения (Закон Кабардино-Балкарской Республики),

в третьем, связанным с угрозой жизни, – он исключается из общего списка уважительных причин (Закон Калужской области, Закон Магаданской области, Закон Сахалинской области, Закон Еврейской автономной области), а также дополняются в случаях:

- 1) призыва на военную службу (Закон Новгородской области);

- 2) при наличии тяжести материального положения и иных условий, отягощающих обстоятельства (Закон Мурманской области);

- 3) наличия совместного ребенка у лиц, желающих вступить в брак.

Вышеперечисленные обстоятельства особого порядка регламентируются как на уровне законодательства, так и на уровне административных регламентов должны быть подтверждены: справкой медицинской организации о наличии беременности; свидетельствами о рождении ребенка и иными документами, подтверждающими особые обстоятельства.

Заметим, что в нарушении статьи 13 СК субъекты РФ понижают уровень должного законодательного регулирования порядка и условий уменьшения брачного возраста ниже шестнадцати лет в исключительных обстоятельствах, регламентируя этот вопрос, например региональными подзаконными актами (Постановление правительства, Нижегородской области), при этом ещё и устанавливая не исчерпывающий перечень этих обстоятельств, что вызывает справедливое критическое отношение Конституционного Суда РФ [14].

Ещё одним весьма частым нарушением со стороны регионального законодателя является дублирование в своих законах федеральных норм, которые по своему содержанию и правовому смыслу аналогичны положениям Семейного кодекса РФ и не устанавливают собственного правового регулирования, отличающегося от требований, закрепленных в федеральном акте.

2. Определение дополнительного порядка выбора супругами фамилии при заключении брака (п. 1 ст. 32 СК).

Кодекс содержит следующее – «если иное не предусмотрено законом субъекта Федерации».

Единственным исключением из «законодательного безмолвия» субъектов Федерации является Семейный кодекс Республики Татарстан (ст. 24), который реализовал данное правомочие, отразив национальные аспекты в образовании и выборе фамилии. Так, супруги после факта заключения брака, учитывая традиции, могут выбрать усеченный вариант либо сокращенную форму (дериват) фамилии одного из супругов, изменив фамилию на исторический лад. К примеру, Хакимов – в Хаким и т.д. Заметим, что подобные «уменьшения в одно время были распространены среди элиты и интеллигенции, чаще всего так выбирался псевдоним, но фамилией официального характера он быть не мог» [1, с. 18].

3. Регламентация формы устройства детей, оказавшихся без попечения родителей – патронатной семьи (патронате, патронатном воспитании) (абз. 2 п. 2 ст. 54, п. 1 ст. 123 и п. 6 ст. 145 СК).

Патронат имеет особенное регулирование со стороны права. Патронат как вид устройства детей, оставшихся без попечения родителей, самостоятельно устанавливают регионы.

В регионах патронат работает как способ оказания поддержки детям социального характера.

Патронат в данном случае выполняет следующие поставленные перед ним задачи:

- 1) защита прав и интересов детей-сирот;
- 2) постинтернатная адаптация таких детей;
- 3) профилактика социального сиротства.

Во многих региональных законах определяются общие принципы патронатного воспитания, а также условия и процедуры заключения и прекращения патронатного договора. Закрепляются права и обязательства сторон, порядок начисления вознаграждения, полагающегося патронатному воспитателю, и механизмы контроля над реализацией патроната. Но, специфика патронатной семьи, в том числе, достижение определенного возраста (Закон Московской области), сроки (Закон Рязанской области) или без их указания (Закон Тверской области), устанавливается отдельно в каждом законе региона РФ.

Эта конструкция семейных отношений предполагает значимые отличия от классического удочерения или попечительства через приемную семью. Особенность заключается в четком распределении законных полномочий и ответственности между биологическими родителями, официальным органом опеки и патронатным воспитателем по обеспечению правового статуса и благополучия ребенка.

Из этого следует, что не только патронатная семья представляет интересы ребенка. Законно представлять интересы ребенка может как семья, так и передающий ребенка в семью орган (органы опеки и попечительства). Ответственность, которая лежит на семье, мера ответственности службы определена в самом договоре о патронатном воспитании. Договор составляется между тремя сторонами, обязанности которых имеют определенную специфику. Все полномочия, которые должен исполнять патронатный воспитатель по представительству интересов детей, должны быть прописаны в обязательном порядке в договоре.

4. Определение порядка присвоения ребенку имени, отчества и фамилии (пп. 2, 3 ст. 58 СК).

Имя гражданина состоит из имени и фамилии, отчества, благодаря этим данным он узнается в обществе и помогает защищать свои права в течение всей жизни. В рамках полномочий регионов Российской Федерации допускается самостоятельное определение процедуры установления имени и фамилии ребенка при рождении; альтернативно же возможен выбор только в части закрепления отчества. Эта компетенция субъектов федерации базируется на норме статьи 58 Семейного кодекса (СК РФ). В связи с этим отчество устанавливается по имени отца, но в редких случаях иное может быть установлено субъектами (обычаем) [9, с. 7].

В рамках данного контекста, региональные законодательные акты Российской Федерации выступают фундаментом для поддержания традиционных методов присваивания имён (фамилии, отчества).

Когда отец и мать имеют разные фамилии, родители обоюдно соглашаются, в том числе соблюдая все установленные традиции, ребенок берет

фамилию, образованную от матери и отца с помощью добавления некоторых окончаний, в Республике Северная Осетия-Алания: «-ты», «-ти», «-он»; от имени отца или имени деда ребенка как со стороны отца, так и со стороны матери ребенка, в Забайкальском крае: с помощью суффиксов -э-, -о-, -он-, -ин-.

В Республике Тыва в отчестве ребенка используются слова «оглу», «оглы», «кызы», иногда с добавлением аффиксов «ович», «евич» (схожи с русскими суффиксами).

В Республике Саха (Якутия) отчество ребенку дается с учетом национальных традиций коренных народов Севера (которые имеют малую численность):

а) эвенкийскими – добавление к имени отца ребенка слова «омолгин» (для ребенка мужского пола) и «сунадин» (женский пол);

б) эвенскими – к имени отца ребенка прибавляется «омалган» (мужской пол) и «хунадин» (женский род);

в) юкагирскими – к имени отца ребенка прибавляется «адуоги» (мужской пол) и «машлыуоги» или «паадьэдуоги» (женский пол);

г) чукотскими – к имени отца ребенка прибавляется «нэнкаеты» (мужской пол) и «наакагты» (женский пол);

д) долганскими – путем прибавления к имени отца ребенка слова «уола» (мужской пол) и «кыса» (женский пол);

е) якутскими – путем прибавления к имени отца ребенка слова «уола» (мужской пол) и «кыыһа» (женский пол) [8, с. 23].

Согласно законодательству Республики Татарстан в Семейном кодексе, особо подчеркнута значимость национальных традиций: при разных фамилиях родителей для малыша возможен выбор фамилии, основанный на именах отца или предков по первому и второму поколению.

Так, некоторая часть субъектов Российской Федерации, присваивает имя ребенку, исходя их традиций и обычаев. Поэтому в соблюдении ФЗ, были приняты и разработаны законы, которые позволяют производить регистрацию имени ребенка в соответствии с традициями.

5. Наделение органов местного самоуправления полномочиями по опеке и попечительству (абз. 2 п. 1 и п. 2 ст. 77, п. 2 ст. 121 СК).

Законодатель на федеральном уровне относит органы опеки и попечительства к органам власти исполнительного характера субъекта Федерации, им устанавливается, что органы, которые управляют на местном уровне, могут также соответствовать региональным нормам по опеке и попечительству с передачей необходимых средств в финансовом выражении. Так работает большое число субъектов РФ.

Причем, в одних случаях законодатель детально расписывает государственные полномочия, которыми наделяются органы местного самоуправления, например, в Ленинградской области, а в других, например, в Республике Адыгея огра-

ничивается бессодержательным наполнением. Такие формальные конструкции как «организация осуществления полномочий», «исполнение актов нормативного характера», являющиеся государственными, выставляют требования по наполнению содержания, в первую очередь при помощи наделения особыми полномочиями органы местного самоуправления, здесь – в области опеки и попечительства. Важно помнить и понимать, что Европейская хартия подтверждает, что полномочия органов местного самоуправления должны быть полными и исключительными (пункт 4 статьи 4). Если данный критерий не соблюдается, то применение права не предоставляется возможным. Из этого следует, что законодательство должно закреплять широкую систему полномочий органов местного самоуправления. Это поможет им результативно участвовать в интересах жителей в организации деятельности в сфере опеки и попечительства.

Отличия некоторых регионов состоят в том, что муниципальный уровень не получает полномочия по опеке и попечительству, вся реализация, к примеру, осуществляется в Республике Северная Осетия-Алания – органом, который уполномочен в исполнительной власти, в Республике Коми – властью исполнительного уровня по опеке. В Ивановской области данная деятельность поручена центральному исполнительному органу власти государства. В Калужской области исполнительную власть в данной сфере осуществляет орган по делам семьи, демографической и социальной политике по вопросам организации и осуществления деятельности по попечительству. В Псковской области – действует опека и попечительство, в Тверской области – органы, которые уполномочили Правительства регионов. В Тульской области деятельность осуществляет исполнительная власть, уполномоченная Губернатором области, в Ярославской области – органы исполнительной власти, попечительства и иные органы и организации, участвующие в осуществлении деятельности в сфере опеки и попечительства [7, с. 12].

Причины передачи или не передачи полномочий в нормативных актах субъектов Федерации, к сожалению, не раскрываются. Но, законодательный орган, будучи «властелином текстов», имеет отношение к операциям знакового характера.

По законодательству, которое устанавливается в регионе, для того, чтобы прекратить осуществление переданных полномочий, должно произойти следующее:

- 1) не должны быть соблюдены переданные полномочия;
- 2) невозможность исполнения органами местного самоуправления и их должностными лицами предписаний уполномоченного по опеке и попечительству органа исполнительной власти по устранению выявленных нарушений при исполнении полномочий;
- 3) нецелесообразность исполнения полномочий, переданных государством.

Закон Удмуртской Республики в данном случае это исключение. Именно он останавливает осуществление органами местного самоуправления полномочий государства некоторого рода – по опеке и попечительству в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, причиной тому выступает отсутствие целесообразности их осуществления органами местного самоуправления. Прекращение полномочий со стороны органов местного самоуправления возможно при наличии нарушений, допущенных в тот момент, когда они были переданы. Когда с позиций теоретического подхода дуализма обнаруживается раздвоение правовой сущности муниципального управления: будучи включёнными в структуру государственных компетенций, эти его элементы становятся неотъемлемой частью механизмов государственной власти и средством реализации её управленческих функций.

В итоге следует отметить: вне зависимости от механизма создания органов по охране прав детей (будь то при формировании их через систему региональной гос. власти либо на муниципальном уровне), основная задача данных структур заключается в обеспечении защиты детских прав и законных интересов.

6. Утверждение порядка учета детей, подлежащих усыновлению, и лиц, желающих усыновить детей (ст. 126 СК).

Нормы по учету лиц, которые хотят усыновить или удочерить ребенка, прописаны в Правилах передачи детей на усыновление (удочерение), что учитывают субъекты РФ при разработке нормативных актов правового характера по данному вопросу [14, с. 15].

Почти все регионы в РФ при учете людей, которые имеют желание усыновить детей, осуществляют помощь при опеке и попечительстве.

7. Подготовка лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей по программе, утвержденной органами исполнительной власти субъектов Федерации (п. 6 ст. 127 СК).

Требования, которые устанавливает Федерация, гласят о том, что лица, которые являются родителями, должны подготовить в орган опеки и попечительства должны предоставить свидетельство о прохождении подготовки лиц, желающих взять в семью ребенка [12, 13].

Когда суды рассматривали дела об усыновлении детей, исследовался вопрос о прохождении кандидатами в усыновители надлежащей подготовки. Трудоемкость программы подготовки кандидатов в усыновители соответствовала критериям, установленным в Требованиях к содержанию программы, и справедливо различалась в разных субъектах Федерации по своей структуре и содержанию (13 тем, 14 тем, 19 тем).

8. Определение порядка выплаты и размера денежных средств на содержание детей, находящихся под опекой или попечительством (п. 3 ст. 148 СК); приемным родителям; мер социаль-

ной поддержки, предоставляемых приемной семье (п. 2 ст. 153.1 СК).

Существует несколько форм устройства детей, которые остались без родителей. Об этом гласит Конституционный Суд РФ.

В данном контексте правовая система определяет условия и предпосылки для предоставления возможности гражданам заботиться о воспитании детей. Эти же условия служат стимулами в виде особых правомочий для лиц, желающих взять ребенка на попечительство или опеку. Существующие варианты такого устройства включают как безвозмездные формы, так и компенсационные, например – осуществление обязанностей опекуном или попечителем за вознаграждение. Также забота может и не носить возмездного характера.

По СК РФ вознаграждение приемным родителям значительно отличается от денежных средств, которые отпускаются на то, чтобы содержать детей. Поддержка социального характера также имеет свои отличия. Нельзя забывать о том, что денежное поощрение приемным родителям и иные виды социальной поддержки в денежном выражении являются разными видами обеспечения, что очень часто указывается в практике суда.

Указанное право подопечного ребенка на обеспечение ему содержания корреспондируется с установленной ГК РФ (п. 3 ст. 36) обязанностью опекуна или попечителя заботиться о содержании своего подопечного [11, с. 12].

Государство со своей стороны берет на себя обязательства по материальному обеспечению детей, оставшихся без попечения родителей. Так создаются необходимые условия для жизни детей. Часть вторая и третья статьи 31 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» определяют нормы регулирования права подопечных, равно как и их официальных представителей – опекунов или попечителей. В этих положениях очерчены правила получения пособий и прочих социальных выплат, что представляют собой систему государственной финансовой поддержки на уровне федерального и регионального законодательства.

Несмотря на то, что большая часть видов поддержки от государства детей, находящихся под опекой, установлена законодательством федерального масштаба, субъекты РФ имеют право устанавливать дополнительные меры поддержки опеки и попечительства (п. 4 ст. 31 ФЗ «Об опеке и попечительстве»).

Большое число субъектов РФ самостоятельно создают законы, в которых нуждаются такие семьи на сегодняшний день. Государство выделяет соответствующие выплаты опекунам на каждый месяц на питание, приобретение одежды, обуви, мягкого инвентаря, предметов хозяйственного обихода, личной гигиены, игр, игрушек, книг исходя из установленных натуральных норм по фактическим ценам, которые имеются в субъектах РФ [1, с. 18].

СК РФ (п. 2 ст. 153.1) установлено, что размер вознаграждения, причитающегося приемным родителям, размер денежных средств на содержание

каждого ребенка, а также меры социальной поддержки, предоставляемые приемной семье в зависимости от количества принятых на воспитание детей, определяются договором о приемной семье в соответствии с законами субъектов РФ. Реализация такого договорно-правового механизма видна на типовом примере города Москвы: на основании Закона г. Москвы «Об организации опеки, попечительства и патронажа в городе Москве» (п. 2 ст. 11) принимается Постановление Правительства г. Москвы [2, с. 22] и ведомственный приказ.

Федеральным законодательством не определено, как должна осуществляться выплата вознаграждения, если ребенок передан на воспитание лицам, являющимся супругами. С учетом этого субъекты РФ регулируют данный вопрос по собственному усмотрению. Иногда существуют правила, когда выплату может получить только один родитель. В одних случаях устанавливаются правила, когда выплату получает единственный родитель (Закон Тульской области). В иных случаях выплата назначается каждому из приемных родителей одного ребенка (Закон Краснодарского края), в-третьих, – приемным родителям представляется право самим определять, кто будет получать денежные выплаты (Закон Новосибирской области), и в некоторых случаях вопрос остается неурегулированным (Закон Липецкой области). В судебной практике путем анализа были выявлены отказы по выплатам средств на содержание детей, которые находятся под попечительством. В большинстве случаев суды защищают детей, которые находятся под опекой (попечительством), и восстанавливают их требования, которые были нарушены [5, с. 33].

Вторая группа включает вопросы, которые не регулируются кодифицированным актом нормативно-правового характера, определяющим семейные отношения в России (абз. 2 п. 2 ст. 3 СК) и, как следствие, находящиеся только в компетенции субъектов РФ. Отмечается: конституционные рамки Российской Федерации и федеральный закон регламентируют самостоятельность субъектов страны по регулированию семейных отношений, оставляя для местного законодательства строго конфигурированное поле деятельности [2, с. 47–49]. Но, речь идет только о правотворчестве, поскольку ответственность за эффективность реализации законов целиком и полностью лежит на исполнителе. Однако, рассматривая этот конституционный принцип, приходится отметить, что в настоящей правовой действительности не обнаружили исключительных полномочий субъектов РФ. В основе организации Российского государства лежит федеративный принцип, согласно которому создается унифицированная правовая система. Здесь региональное законодательство не только гармонично вплетается в федеральные нормы, но и отражает учёт уникальных черт и особенностей отдельных субъектов Российской Федерации [6, с. 58]. Обобщенная система права объединяет в себя

все цели права, единение методов и средств технологии юридических прав целого государства.

Литература

1. Брайлловская С. Семейный кодекс Татарстана разрешил усекавать фамилии с учетом национальных традиций // Рос. газ. 2009, 22 янв. / [Электронный ресурс] – URL: <https://rg.ru/2009/01/22/reg-volga-ural/familia.html> (дата обращения: 20.12.2024).
2. Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государств-участников СНГ: монография. – М., 2017. 327 с.
3. Максимович Л.Б. Законы субъектов Российской Федерации как источник семейного законодательства // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2016. № 2. С. 83–87.
4. Научные концепции развития российского законодательства: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – 8-е изд. – М.: Норма, 2024. – 656 с.
5. Ординарцева Л.И. Законы субъектов Российской Федерации как источник семейно-правового регулирования // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2013. Выпуск 36. С. 214–220.
6. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгалов, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Ружакова; под ред. П.В. Крашенинникова. – 5-е изд. – М.: Статут, 2022. – 320 с.
7. Татаров В.А. Проблемы осуществления ребенком права на имя // Закон и право. – 2018. – № 2. – С. 52–55.
8. Токарева А.В. Подходы к трактовке понятий «несовершеннолетний» и «ребенок» в конституционном праве Российской Федерации // Наука и мир. – 2015. – № 9. – С. 171–173.
9. Толстикова О.М., Белоусова Н.Н. Правовое регулирование реализации права ребенка выражать свое мнение (проблемы теории и практики) // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 2. – С. 78–82.
10. Усачева Е.А. Понятие «ребенок» в категориальном аппарате семейно-правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 8. – С. 40–43.
11. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2024. № 48. Ст. 7212.
12. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4933.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 568-О-О // СПС «Консультант-Плюс».

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4470.

REGIONAL FAMILY LAW AND ITS IMPLEMENTATION PRACTICE

Maksimova N.A.

Astrakhan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of the work consists in considering problematic issues in the sphere of regional lawmaking and its implementation rights in terms of conditions and procedure. The purpose of the article: to study regional family legislation. Objectives: to study the literature on this topic, to analyze the results of the study. Methods: theoretical, analytical. Research hypothesis: if we analyze family legislation and consider it in practical application, it will be possible to further adjust and improve it in this area. Research results: the structure of such a state as the Russian Federation provides for the creation of a common legal system. In this case, the law at the regional level is a continuation of the law at the federal level, where the specifics and features of each subject in the Russian Federation are taken into account in detail. The legislation of the Russian Federation is analyzed and the practice of its application is considered.

Keywords: legislation, marriage, guardianship, trusteeship, family.

References

1. Brailovskaya S. The Family Code of Tatarstan allowed to truncate families taking into account national traditions // Russian Gas. 2009, 22 Jan. / [Electronic resource] – URL: <https://rg.ru/2009/01/22/reg-volga-ural/familia.html> (date of reference: 12/20/2024).
2. Levushkin A.N. Theoretical model of building a system of family legislation of the Russian Federation and other member states of the Commonwealth of Independent States: abstract of the dissertation. Dr. Jurid. Sciences. M., 2013. 60 p.
3. Maksimovich L.B. Laws of the subjects of the RF as a source of family legislation // TvSU Bulletin. The Pravo series. 2016. No. 2. pp. 83–87.
4. Scientific concepts of the development of Russian legislation: a monograph / edited by T. Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov. – 8th ed. – M.: Norm, 2024. 656 p.
5. Ordinartseva L.I. Laws of the subjects of the RF as a source of family law regulation // TvSU Bulletin. The Pravo series. 2013. Issue 36. pp. 214–220.
6. Family law: textbook / B.M. Gongalo, P.V. Krashenninnikov, L. Yu. Mikheeva, O.A. Ruzakova; edited by P.V. Krashenninnikov. – 5th ed. – M.: Statut, 2022. – 320 p.
7. Tatarov V.A. Problems of the child's exercise of the right to a name // Law and Right. – 2018. – No. 2. – P. 52–55.
8. Tokareva A.V. Approaches to the interpretation of the concepts of “minor” and “child” in the constitutional law of the Russian Federation // Science and the World. – 2015. – No. 9. – P. 171–173.
9. Tolstikova O.M., Belousova N.N. Legal regulation of the implementation of the child's right to express his opinion (problems of theory and practice) // Siberian Law Bulletin. – 2016. – No. 2. – P. 78–82.
10. Usacheva E.A. The concept of “child” in the categorical apparatus of family and legal regulation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2016. – No. 8. – P. 40–43.
11. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024) // SZ RF. 1996. No. 1. Art. 16; 2024. No. 48. Art. 7212.
12. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024) // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301; 2024. No. 33 (Part I). Art. 4933.
13. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.10.2008 No. 568-O-O // SPS “ConsultantPlus”.
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2012 No. 19-P // SZ RF. 2012. No. 31. Art. 4470.

Сравнительное правовое исследование отечественного и зарубежного опыта несостоятельности (банкротства) физических лиц

Борисова Ирина Дмитриевна,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Юридический институт ФГБОУ ВО «ВлГУ»

Начарова Анна Вячеславовна,

студент магистратуры Юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

В статье проводится исследование и сравнительный анализ правовых механизмов регулирования банкротства физических лиц в Российской Федерации и ведущих зарубежных странах, таких как Великобритания, Соединённые Штаты Америки, Федеративная Республика Германия и Франция.

Целью исследования является выявление общих тенденций и различий в правовых подходах к регулированию банкротства физических лиц, а также определение перспектив использования положительного опыта зарубежных стран для совершенствования российской системы регулирования банкротства.

Ключевые слова: финансовая несостоятельность физических лиц, механизмы процедуры банкротства, последствия и условия объявления граждан банкротами, банкротство в Англии, банкротство в США, банкротство в Германии, банкротство во Франции.

Институт банкротства физических лиц в отечественном законодательстве представляет собой относительно новое явление и был закреплен только в 2015 году. В Европейском союзе данная процедура имеет более длительную историю правоприменения и, соответственно, наработанного опыта. В данной статье проводится детальный анализ и обобщение зарубежной практики банкротства физических лиц, при этом делается акцент на правовых системах англо-саксонской и романо-германской традиций. На основании выявленных положительных аспектов иностранного законодательства даны рекомендации по внесению соответствующих новелл в национальное правовое регулирование.

В первую очередь рассмотрим опыт применения процедур банкротства граждан в странах с англо-саксонской правовой системой. Прежде всего обратимся к опыту Великобритании, так как рассматриваемый институт появился там еще в XVI веке. Банкротство в те времена принципиально отличалось от нынешнего, оно имело уголовную направленность и не преследовало цели наладить финансовое положение должника и защитить его права. Институт банкротства был заимствован из римского права, однако несмотря на данный факт, а также развитие данного института в соседних странах, опыт Великобритании является уникальным и обособленным. В сравнении с отечественным опытом, в Англии первым зародился именно институт банкротства частных лиц, так как считалось, что несостоятельность подданных является результатом их расточительного распоряжения денежными средствами, в то время как лица, осуществляющие торговую деятельность становились банкротами в результате несчастного случая. В нынешнее время в Великобритании действует Insolvency Act 1986 года с поправками от 2020 года. Современное законодательство Соединенного Королевства является одним из наиболее гуманных в мире по отношению к несостоятельному должнику, однако, несмотря на это, оно все же является прокредиторским, то есть направленным в первую очередь на защиту прав и законных интересов кредиторов банкротящегося лица. На сегодняшний день в парламенте рассматриваются предложения по переименованию действующего законодательства в Закон «О восстановлении» с внесением соответствующих поправок, предусматривающих обширный ряд методов восстанавливающего характера. Также в Великобритании правом подачи заявления о возбуждении судебного дела о признании должника банкротом обладает более широкий круг лиц

в сравнении с отечественным законодательством. Таким образом, соответствующим правом обладают: сам должник; его кредиторы; уполномоченные государственные органы; непосредственно суд; клерк суда магистрата; в исключительных случаях данным правом обладают и иные лица. Представляется необходимым упомянуть, что в Великобритании действует The Insolvency Service (Служба неплатежеспособности), являющаяся структурным подразделением министерства промышленности и торговли. В компетенцию данного органа входит управление, а также расследование дел личных банкротств и несостоятельности юридических лиц. Данная организация осуществляет свои функции по делам о принудительном банкротстве. Также прослеживается различия в обязанностях должника, так в отечественном законодательстве предусмотрено перечисление до вынесения решения о признании должника банкротом данным лицом на депозит арбитражного суда денежных средств, которые перечисляются финансовому управлению после завершения процедуры в качестве вознаграждения. Также отличительной особенностью в опыте Великобритании является применение процедуры Company voluntary arrangement (добровольного урегулирования долгов), которая несколько отличается от мирового соглашения, предусмотренного российским законодательством. В ходе данной процедуры куратором созывается собрание кредиторов, на котором утверждается непосредственно план урегулирования долгов, а куратор наделяется статусом «supervisor». Супервайзер выполняет непосредственно функции по наблюдению за ходом исполнения утвержденного ранее плана. Данный метод зачастую применяется для достижения соглашения по компенсации долга, для отсрочки выплаты, а также в целях рассрочки долга. Также отличительной чертой английского законодательства является освобождение несостоятельного физического лица от долгов в процессе конкурсного производства.

Также большой интерес представляет опыт США в банкротстве физических лиц. Отличительной чертой личного банкротства в сравнении с отечественным законодательством является возможность физическим лицам заявлять, как отдельно, так и непосредственно от лица супружеской пары. Важной особенностью является то, что заявление о банкротстве физического лица может быть подано в соответствии с одной из трех глав Кодекса США о банкротстве. В основном граждане подают заявление по 7 (Ликвидация) или 13 (Финансовая реабилитация граждан) главам, это зависит от финансовой ситуации должника, его дохода. Ликвидация по 7 главе Кодекса США о банкротстве доступна лицам у которых достаточно невысокий доход, в процессе ликвидации реализуется имущество должника. В сравнении с российской процедурой реализации имущества должника при процедуре ликвидации продается не все имущество физического лица. Банкротящееся лицо имеет право сохранить часть своего имущества, к при-

меру дом, личные вещи, драгоценности и иную собственность, которая является освобожденным активом должника. В том случае, если лицо подпадает под критерии ликвидации, оно все равно в первую очередь подает заявление в общем порядке по 13 главе Кодекса о банкротстве. Также законодательством Штатов предусмотрена консультация от утвержденного агентства по предоставлению кредита на индивидуальном брифинге или на групповом брифинге. В том случае, если гражданин за пол года до подачи заявления не обратился за такой консультацией, то он теряет право, даже с учетом иных факторов, ходатайствовать о рассмотрении заявления по 7 главе Кодекса о банкротстве. «Освобождение (discharged, ст. 727 BC) представляет собой приказ суда, который обеспечивает защиту от кредиторов, предоставляет право должнику не оплачивать необеспеченные долги, запрещает кредиторам предпринимать попытки получить долги» [6, с. 233–235]. Также, на наш взгляд, интересным для отечественного законодателя является тестирование финансового положения должника. Тестирование включает в себя два теста: тест медианного показателя доходов, направленный на выявление превышения/отсутствия превышения доходов в сравнении со среднестатистическим показателем подушевого дохода по государству; тест изучения материального положения должника и его семьи, он проводится в том случае, если первый тест показал превышение среднестатистического дохода по стране, с помощью данного теста определяют размер остатка от ежемесячного дохода (исключая разумные расходы должника) и выясняют, хватит ли его для погашения требований кредиторов должника. В том случае, если лицо обладает достаточным доходом по тестам, то в ликвидации гражданину будет отказано. Подобное тестирование не предусмотрено отечественным законодательством, однако суды часто сталкиваются с проблемой определения дохода должника, зачастую судьями субъективно оценивается данный критерий. Введение подобной процедуры позитивно сказалось бы на отечественной практике и упростило бы работу судебного аппарата. Финансовая же реабилитация должника, предусмотренная 13 главой Кодекса, практически аналогична процедуре реструктуризации долгов, регламентируемой отечественным законодательством. Стоит отметить, что гражданин имеет полное право совершать любого рода сделки со своим имуществом. Что касается главы 11 Кодекса о банкротстве США, то она распространяет свое действие только на лиц, ведущих хозяйственную деятельность в виде рыболовства, фермерства и так далее.

Изучим теперь практику государств, принадлежащих к романо-германской правовой системе. В первую очередь сосредоточимся на анализе института банкротства физических лиц в Германии. В ФРГ регулирование данных общественных отношений осуществляется Законом о несостоятельности от 5 октября 1994 г., и данный инсти-

тут именуется как «процедура несостоятельности потребителя». Отличительной особенностью закона о банкротстве в Германии является оставление в собственности должника предметов роскоши с явными следами изношенности, что не предусмотрено, например, отечественным законодательством. Погашение судебных расходов производится из средств федерального бюджета. Также немаловажной особенностью является и то, что заявителем по данной категории дел может быть только непосредственно сам гражданин или его кредиторы. Отличительной особенностью германского права, регулирующего рассматриваемые нами отношения, является подача не одного заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), а двух заявлений. Первое заявление относится к снятию остатка долговых обязательств, второе же непосредственно о введении процедуры несостоятельности, данные заявления являются взаимоисключающими. Длительность процедуры в отличие от отечественного опыта составляет от трех лет до шести, при этом судом определяется размер дохода, который должник будет получать на протяжении данного периода, который составляет от 1050 до 2320 евро. Немаловажным фактором является и то, что процедура может быть сокращена до трех лет только в том случае, если должником покрыто от 35% всех долговых обязательств за эти три года. Представляется необходимым подчеркнуть, что в современном немецком законодательстве закреплена процедура, согласно которой должник заблаговременно может согласовать план реструктуризации простым большинством голосов кредиторов разных очередностей. Итак, можно выделить следующие особенности правового регулирования оснований несостоятельности в ФРГ:

- дифференцированный подход к основаниям несостоятельности на основе таких критериев, как круг субъектов, в отношении которых применяются основания несостоятельности, их имущественное положение на момент применения к ним процедур несостоятельности;
- отсутствие нормативного закрепления критериев неплатежеспособности и активная роль судов в их определении;
- наличие в законодательстве оснований, позволяющих применять к должнику процедуры несостоятельности на самых ранних стадиях ухудшения его имущественного положения.

Благодаря указанным особенностям, у судов появляется возможность сформировать индивидуальный подход к каждому должнику и более точно решить вопрос о его несостоятельности.

Интересен также и французский опыт в области банкротства физических лиц. Французский опыт очень богат, так как по большей части законодательство, регулирующее данную категорию отношений, принято в 1985 году. Французское законодательство достаточно жесткое в отношении должников, так помимо имущества банкрот может потерять и ряд своих гражданских прав. Статус бан-

крота имеет пролонгированные последствия, так на несостоятельное лицо накладываются ограничения при получении кредитов, при пересечении границы и осуществлении предпринимательской деятельности. Во Франции банки составляют так называемый «черный список», поэтому у бывшего должника могут быть трудности при попытке получения нового кредита в течение последующих восьми лет. Достаточный интерес представляет и срок в течение которого должник обязывается подать заявление о признании его банкротом, так в отличие от отечественного законодательства, по которому срок составляет 30 дней, во Франции он равен 15 дням. Представляется также необходимым отметить, что несмотря на ограничения, которые накладываются на должника, французское конкурсное законодательство не является в полной мере прокредиторским, так как законодатель рассматривает таковые финансовые трудности временными и случайными. Законодателем предусмотрен целый ряд обеспечительных досудебных мер, направленных на восстановление финансового положения должника. Подобные восстановительные процедуры достаточно продолжительны по времени и в случае невозможности должника даже после введения подобного рода мер удовлетворить все требования кредиторов, он освобождается от остатка долга. В том случае, если между должником и кредиторами заключается мировое соглашение, то должнику предоставляются определенные льготы. Также, как и в Великобритании судебное разбирательство может быть возбуждено на основании заявления должника, его кредиторов, прокурора и непосредственно самого суда.

В результате проведенного анализа было установлено, что, несмотря на наличие схожих условий и последствий процедур банкротства в разных странах, существуют значительные различия в моделях правового регулирования. Основные различия наблюдаются между континентальной и англо-американской моделями, которые представляют противоположные подходы к обеспечению интересов должников и кредиторов.

Для улучшения процесса банкротства физических лиц предлагается:

1) изменить порядок процедуры выбора финансового управляющего, чтобы сделать её более прозрачной и снизить количество случаев банкротства. Можно адаптировать опыт США к условиям России;

2) внедрение процедур финансового оздоровления, основанных на континентальной модели, предусматривающих отсрочку по обязательствам после продажи имущества и оценки финансового положения, поможет восстановить платёжеспособность и снизить риск злоупотреблений;

3) в законодательство необходимо внести чёткие критерии для регулирования трансграничного банкротства, чтобы устранить пробелы в правовом регулировании, обеспечить баланс интересов сторон и повысить эффективность процедур банкротства, защищая права всех участников.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Парламентская газета, № 140–141, 27.07.2002, Российская газета, № 137, 27.07.2002, Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, № 30, ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301, Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16, Российская газета, № 17, 27.01.1996.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) О несостоятельности (банкротстве) // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190, Парламентская газета, № 209–210, 02.11.2002, Российская газета, № 209–210, 02.11.2002.
5. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) Об исполнительном производстве (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // «Российская газета», № 223, 06.10.2007, «Собрание законодательства РФ», 08.10.2007, № 41, ст. 4849, «Парламентская газета», № 131, 10.10.2007.
6. Королев В.В. Банкротство физических лиц по законам США / В.В. Королев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2007. – № 3. – С. 233–235.
7. Таран П.Е., Погребняк Е.С. Сравнительно-правовой анализ современной процедуры банкротства физических лиц в Великобритании и Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – С. 345–349.

COMPARATIVE LEGAL STUDY OF DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF INDIVIDUALS

Borisova I.D., Nacharova A.V.

Law Institute of the All-Russian State University, Law Institute of Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

This article provides a study and comparative analysis of the legal mechanisms governing bankruptcy of individuals in the Russian Federation and leading foreign countries such as the United Kingdom, the United States of America, the Federal Republic of Germany and France.

The purpose of the study is to identify common trends and differences in legal approaches to the regulation of bankruptcy of individuals, as well as to determine the prospects for using the positive experience of foreign countries to improve the Russian bankruptcy regulation system.

Keywords: financial insolvency of individuals, mechanisms of bankruptcy procedure, consequences and conditions of declaring citizens bankrupt, bankruptcy in England, bankruptcy in the USA, bankruptcy in Germany, bankruptcy in France.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 28.12.2024) // Parliamentary Newspaper, No. 140–141, 27.07.2002, Rossiyskaya Gazeta, No. 137, 27.07.2002, Collected Legislation of the Russian Federation, 29.07.2002, No. 30, Art. 3012.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 31.10.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, Art. 3301, Rossiyskaya Gazeta, No. 238–239, 08.12.1994.
3. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation, 01.01.1996, No. 1, Art. 16, Rossiyskaya Gazeta, No. 17, 27.01.1996.
4. Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ (as amended on 26.12.2024) On Insolvency (Bankruptcy) // Collected Legislation of the Russian Federation, 28.10.2002, No. 43, Art. 4190, Parliamentary newspaper, No. 209–210, 02.11.2002, Rossiyskaya Gazeta, No. 209–210, 02.11.2002.
5. Federal Law of 02.10.2007 No. 229-FZ (as amended on 23.11.2024) On enforcement proceedings (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2025) // Rossiyskaya Gazeta, No. 223, 06.10.2007, Collected Legislation of the Russian Federation, 08.10.2007, No. 41, art. 4849, Parliamentary newspaper, No. 131, 10.10.2007.
6. Korolev V.V. Bankruptcy of individuals under US laws / V.V. Korolev // Problems of Economics and Legal Practice. – 2007. – No. 3. – P. 233–235.
7. Taran P.E., Pogrebnyak E.S. Comparative legal analysis of the modern bankruptcy procedure for individuals in the UK and the Russian Federation // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. – 2019. – Vol. 5 (71). No. 1. – P. 345–349.

Никиенко Константин Геннадьевич,

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский гуманитарный университет»
E-mail: bk5koc1nik@vk.com

Статья посвящена проблемам современной миграционной политики ряда зарубежных стран на примере США, Германии, Нидерландов, Дании, Норвегии. Каждая страна обладает своей спецификой в сфере миграционной политики и собственным опытом. Показаны основные направления миграционной политики, её цели, выделены существующие проблемы. Рассмотрен правовой статус трудовых мигрантов, прибывающих в ЕС. Дана сравнительная оценка миграционной политики указанных стран и России. Сделан вывод о том, что Российской Федерации, необходимо ясное понимание своих целей для формирования миграционной политики. На примере Польши и Казахстана рассмотрен опыт внедрения такого инструмента миграционной политики как «национальная карта», внесено предложение о возможности использования подобного инструмента и в Российской Федерации. Режим особого благоприятствования по карте россиянина может быть предоставлен высококвалифицированным кадрам

Ключевые слова: миграция, миграционный поток, миграционная политика США, миграционная политика Германии, миграционная политика Нидерландов, миграционная политика стран Северной Европы, «карта поляка», «карта россиянина»

В условиях глобализованного мира миграция, в том числе и трудовая, стала явлением, с которым, в большей или меньшей степени, сталкиваются все страны, выступая в качестве донора или реципиента, либо совмещая оба статуса одновременно. Миграционные процессы, как неотъемлемая часть жизни общества, влияют на все стороны его жизни, побуждая правительства различных стран мир разработать меры по привлечению или ограничению мигрантов, их секьюритизации, устанавливая определенные правила перемещения национальной границы. Несмотря на некоторую схожесть действий управления миграционными потоками, каждая страна обладает своей спецификой в сфере миграционной политики и собственным опытом изучения которого может быть полезно и для России.

Трудовая миграция не может быть оценена однозначно. Благодаря привлечению трудовых мигрантов становится возможным решение ряда экономических проблем, в том числе в сфере демографии, нехватки трудовых ресурсов, с точки зрения социальной сферы миграция способствует расширению межкультурной коммуникации. Но только в том случае, если речь идет о легальных, упорядоченных миграционных потоках, в то время как незаконная миграция, напротив, становится источником целого ряда проблем и напрямую может угрожать национальной безопасности страны-реципиента.

Одной из стран, для которых проблема миграции стоит очень остро являются США. Соединенные Штаты Америки не случайно называли «плавильным котлом» поскольку вся культура этой страны основывалась на смешении различных рас и народностей. На протяжении значительных периодов истории этого государства именно мигранты играли ведущую роль в её развитии и достижении значительных успехов. Однако, последние годы нарастающие объемы незаконной миграции стали серьезной проблемой для американского общества. Главный нормативный правовой документ, на основе которого осуществляется координация миграционной политики – закон Уолтера-Маккарена, определяющий порядок получения разрешения на въезд в США и статус мигранта, определена ежегодная квота в размере 675 тыс. виз, дающих право на постоянное проживание и трудоустройство. Указанное количество виз распределяется на семь категорий – это лица, обладающие определенными профессиями, которым отдается предпочтение среди которых квалифицированные рабочие, представители IT-технологий, инвесторы. Список предпочитаемых профессий меняется в соответствии с состоянием рынка труда США.

Крупной страной-реципиентом трудовых мигрантов является Германия, испытывавшая после окончания Второй мировой войны существенную нехватку трудовых ресурсов. Поэтому с началом восстановления и постепенного подъёма экономики потребовалось привлечение трудовых мигрантов и в 50-е годы XX века в страну активно приглашались трудовые мигранты из различных стран, в том числе Юга Европы (греки, итальянцы), мигранты из Турции. Современное правовое регулирование трудовой миграции в Германии частично основывается на общеевропейских Директивах, а частично на национальном законодательстве. Правовой статус трудовых мигрантов, прибывающих в любую из стран ЕС, установлен Директивой 2011/98 [1], а также рядом национальных Законов, в том числе Закон о пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранцев на федеральной территории от 30 июля 2004 года. Германия нуждается в квалифицированной рабочей силе поэтому при запросе на получение разрешительных документов преимуществом обладают люди с высшим и профессиональным образованием преимущественно технической направленности, а также ученых. Хотя национальное миграционное законодательство Германии нельзя отнести к жёстким оно устанавливает определенные ограничения для тех, чей профессиональный уровень недостаточно высок. Однако, как уже упоминалось, политику Германии в области трудовой миграции регулирует не только национальное, но и общеевропейское законодательство, а оно обязывает отдавать приоритет пребывающим под статусом беженцев мигрантам из ряда ближневосточных стран и Северной Африки, трудоустройство которых возможно только на работу, не требующую никакой квалификации или образования [2]. В результате власти Германии вынуждены были внести изменения в национальное миграционное законодательство существенно снизив требования как к квалификации трудовых мигрантов, так и их способности адаптироваться в новой для себя культуре, в частности, знанию немецкого языка.

Сравнительно большое число административных барьеров предусматривает миграционная политика стран Северной Европы. Например, в Дании ограничения на свободный въезд с целью трудоустройства граждан неевропейских стран существовали задолго до начала миграционного кризиса ЕС, еще с конца 80-х годов XX века. Начиная с 2005 года в миграционную политику Дании были включены особые меры предосторожности против въезда в страну мигрантов из мусульманских стран, а для тех, кто уже проживал и работал в Дании был введен ряд правил, цель которых заключалась в сохранении национальной культуры от воздействия ислама. Тем самым правительство Дании выступило против одного из основных общеевропейских трендов – политики мультикультурализма в защиту национальной культуры. В 2021 году были внесены поправки в законодательство о статусе трудовых мигрантов сокращающие срок пребыва-

ния в стране с 5 до 2 лет и вводящие дополнительные критерии, нацеленные на сдерживание переезда в Данию членов семей рабочих-мигрантов [3].

Миграционная политика Норвегии, в отличие от датской, предусматривает привлечение в страну рабочих-мигрантов. Приоритетными являются такие отрасли как рыболовство и нефтегазовая промышленность, являющиеся ключевыми для экономики страны и в силу сложных условий труда, постоянно испытывающих дефицит рабочей силы. Мигранты иных категорий в стране не приветствуются и в отношении них проводится политика ограничения срока пребывания в стране.

Определенный интерес представляет миграционная политика Нидерландов. Будучи достаточно либеральной в отношении тех трудовых мигрантов, которые пребывают в страну на законных основаниях, она предусматривает жесткие меры уголовной ответственности для тех, кто организует проникновение мигрантов в страну в обход всех установленных правил, а также для самих мигрантов-нелегалов. Нелегальная миграция, в соответствии с действующим законодательством Нидерландов включает в себя как незаконное пересечение государственной границы, так и пребывание в стране без соответствующих разрешительных документов, действия, направленные на трудоустройство. Уголовной ответственности подлежат и те, кто предоставляет работу мигрантам, находящимся на нелегальном положении [4], а также сам иностранец.

Сравнивая миграционную политику зарубежных стран и России, можно выделить общее стремление к привлечению специалистов, востребованных на рынке труда стран-реципиентов, предоставляя им ряд преимуществ. Однако в России, в отличие от некоторых других стран, борьба с незаконной миграцией организована менее эффективно, несмотря на наличие необходимого законодательства.

Сравнивая миграционную политику Германии и России, отметим, что в обеих странах она направлена на увеличение доли работоспособного населения, для преодоления последствий демографического кризиса. Однако, если в Германии высококвалифицированные иностранные работники являются главной целью трудовой иммиграции, то в России они являются дополнением к более многочисленной доле низкоквалифицированных работников. Российской Федерации, необходимо ясное понимание своих целей для формирования миграционной политики, затрагивающую все системы государственного регулирования миграционных процессов.

Для России основную проблему составляет трудовая миграция из стран бывшего СССР. Незаконной трудовой миграции, помимо всего, способствует протяженная граница России с бывшими республиками СССР, большая часть которой до сих пор надлежащим образом не оборудована. Несомненно, данный вид миграции не имеет ничего общего с миграцией в зарубежных странах, тем не менее некоторая проблема все же присутствует. В то же

время возросла миграция из других зарубежных стран, в т.ч. из Китая.

Все страны сталкиваются с проблемой незаконной миграции, а также потребностью проведения политики, интегрирующей трудовых мигрантов в новую для них культурную среду. В этом плане показателем опыта Дании и Норвегии, где поставлена задача на сохранение приоритетности национальной культуры в условиях, когда поток мигрантов в страну достаточно высок.

В качестве одной из мер правового регулирования трудовой миграции, получившей распространение за рубежом, которую представляется возможным использовать и в нашей стране рассмотрим «национальную карту». Национальная карта – инструмент, позволяющий создать специальный правовой статус для особой категории мигрантов – бывших соотечественников, проживающих в другой стране, но решивших заняться трудовой деятельностью на бывшей родине. Так, например, в Польше принят Закон от 07 сентября 2007 г. «О карте поляка» распространивший свое действие на любого, у кого в роду имеются предки поляки, даже если сам субъект родился и вырос в другой стране [4]. Предназначение рассматриваемого инструмента состоит в том, что он дает обладателю ряд преимуществ перед прочими трудовыми мигрантами, например освобождает от необходимости получать разрешение на работу. Имеющий карту поляка сразу получает не только долгосрочную визу, но и право на получение польского гражданства в упрощенном виде, а также возможность льготного обучения по интересующей специальности.

Подобный опыт имеется и в странах СНГ. Приказом Министерства труда и социальной защиты Казахстана в июле 2023 года был утвержден порядок получения карты «Ата жолы» [6]. В отличие от карты поляка, «Ата жолы» может быть получена не любым этническим казахом, а только теми лицами, кто может предложить Республике перспективные бизнес-проекты, либо обладает профессией, высоковостребованной на рынке труда Казахстана.

После распада СССР большое число наших соотечественников вынужденно оказались иностранцами. Использование опыта Польши и Казахстана и введение «карты россиянина» могло бы способствовать не только повышению эффективности государственной миграционной политики, но и способствовать репатриации тех, кто хочет вернуться на родину, но перед принятием окончательного решения хотел бы пожить и поработать на территории России.

По аналогии с картой поляка, карта россиянина также могла бы предоставлять долгосрочную визу и возможность свободного трудоустройства на территории России без тех административных процедур, которые сопровождают процесс трудовой миграции из других стран. Режим особого благоприятствования по карте россиянина может быть предоставлен высококвалифицированным кадрам.

Литература

1. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2011/98/ЕС от 13 декабря 2011 г. о единообразной процедуре применения единого разрешения для граждан третьих стран на проживание и работу на территории государства-члена ЕС и общих правах работников из третьих стран, законно проживающих в государстве-члене ЕС [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/71498292/>
2. Максимова, Л.Б. Миграционная политика Российской Федерации и Европейского союза / Л.Б. Максимова // Collegium Linguisticum-2024: Сборник статей Ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ, Москва, 05–07 марта 2024 года. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2024. – С. 329–332.
3. Горохов, С.А. Особенности миграционной политики стран Северной Европы / С.А. Горохов, М.М. Агафошин, Р.В. Дмитриев // III-й Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»: Сборник статей форума, Воронеж, 23–25 мая 2024 года. – Воронеж: ООО «Цифровая полиграфия», 2024. – С. 84–90.
4. Сидорова, Г.М. Миграционные проблемы стран Бенилюкса в контексте общеевропейской политики / Г.М. Сидорова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 18, № 3(69). – С. 356–365
5. Горизонтов Л.Е. Миграционная политика постсоциалистической Польши: динамика стратегических установок // Современная Европа. 2019. № 7. С. 179–185.
6. Приказ Министерства труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 30 июня 2023 года «Правила предоставления карты «Ата жолы» для этнических казахов, проживающих за рубежом» Казахстан [Электронный ресурс] <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/593270?lang=ru> (дата обращения 13.11.2024).

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN LEGAL REGULATION OF LABOR MIGRATION

Nikienko K.G.

Moscow University for the Humanities

This article is devoted to the problems of modern migration policy in a number of foreign countries on the example of the USA, Germany, the Netherlands, Denmark, Norway. Each country has its own specifics in the field of migration policy and its own experience. The main directions of migration policy, its goals are shown, and existing problems are highlighted. The legal status of migrant workers arriving in the EU is considered. A comparative assessment of the migration policy of these countries and Russia is given. It is concluded that the Russian Federation needs a clear understanding of its goals in order to form a migration policy. Using the example of Poland and Kazakhstan, the experience of implementing such a migration policy tool as the “national map” is considered, and a proposal is made on the possibility of using such a tool in the Russian Federation. Special favored-nation treatment according to the Russian citizen’s card can be provided to highly qualified personnel

Keywords: migration, migration flow, migration policy of the USA, migration policy of Germany, migration policy of the Netherlands, migration policy of the Nordic countries, “map of the Pole”, “map of the Russian”

References

1. Directive 2011/98/EC of the European Parliament and of the Council of the European Union of December 13, 2011 on the uniform procedure for the application of a single permit for third-country nationals to reside and work in the territory of an EU Member State and the general rights of workers from third countries legally residing in an EU Member State [Electronic resource] URL: <https://base.garant.ru/71498292/>
2. Maksimova, L.B. Migration policy of the Russian Federation and the European Union / L.B. Maksimova // Collegium Linguisticum-2024: Collection of articles of the Annual Conference of the Student Scientific Society of MGLU, Moscow, 05–07 March 2024. – Moscow: Moscow State Linguistic University, 2024. – pp. 329–332.
3. Gorokhov, S.A. Features of the migration policy of the Nordic countries / S.A. Gorokhov, M.M. Agafoshin, R.V. Dmitriev // III-th International Demographic Forum “Demography and global challenges”: Collection of articles of the forum, Voronezh, May 23–25, 2024. – Voronezh: Digital Polygraphy LLC, 2024. – pp. 84–90.
4. Sidorova, G.M. Migration problems of the Benelux countries in the context of pan-European policy / G.M. Sidorova // Bulletin of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov. The Humanities series. – 2024. – vol. 18, No. 3(69). – pp. 356–365
5. Horizons L.E. Migration policy of post-socialist Poland: dynamics of strategic attitudes // Modern Europe. 2019. No. 7. pp. 179–185.
6. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Republic of Kazakhstan dated June 30, 2023 “Rules for providing the Ata Zholy card for ethnic Kazakhs living abroad” Kazakhstan [Electronic resource] <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/593270?lang=ru> (accessed 13.11.2024).

Договор доверительного управления наследственным имуществом, удостоверяющим корпоративные права как инструмент повышения эффективности защиты корпоративных прав

Новосвитная Богдана Викторовна,

магистрант, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: novosvitnaia.bv@dvfu.ru

Романов Андрей Александрович,

доцент кафедры гражданского права и процесса,
Дальневосточный федеральный университет
E-mail: romanov.aal@dvfu.ru

Договор доверительного управления долями в уставном (складочном) капитале корпоративного юридического лица, паями, ценными бумагами, удостоверяющими корпоративные права является инструментом, в теории позволяющим обеспечить функционирование юридического лица в случае смерти участников корпорации, а также защиту корпоративных прав участников и прав наследников умерших участников корпорации. Однако на практике конструкция, предусмотренная статьей 1173 Гражданского кодекса РФ представляется недостаточно проработанной и вызывает вопросы в процессе применения. В качестве цели данной статьи выступает анализ текущего состояния регулирования договора доверительного управления в отношении имущества, удостоверяющего корпоративные права, а также формулирование возможных путей дополнения этой договорной конструкции в целях повышения эффективности защиты корпоративных прав. Настоящая статья посвящена проблемам доверительного управления наследственным имуществом в отношении имущества, удостоверяющего корпоративные права, а также способам повышения эффективности защиты корпоративных прав. Предлагаются варианты усовершенствования существующей договорной конструкции договора доверительного управления наследственным имуществом, удостоверяющим корпоративные права.

Ключевые слова: договор доверительного управления наследственным имуществом, имущество, удостоверяющее корпоративные права, доля в уставном (складочном) капитале корпоративного юридического лица, пай, ценные бумаги, нотариус, защита корпоративных прав.

Наследование прав на имущество, удостоверяющее корпоративные права, находится на стыке интересов разных субъектов: наследников, участников корпорации, кредиторов, работников и т.д. Наследники могут быть заинтересованы в том, чтобы продолжать дело наследодателя, в то время как другие участники могут быть заинтересованы в недопущении к управлению корпорацией «третьих» для организации лиц. Возможна и ситуация, в которой наследники в весомой доле участия в управлении корпорацией не заинтересованы, но от наследства не отказываются, и корпорация оказывается парализованной, неспособной принимать значимые управленческие решения, в связи с невозможностью надлежащего функционирования высшего органа управления корпорацией – общего собрания ее участников. Более того, наследники могут узнать о наличии наследства в виде, например, доли в ООО не сразу, несмотря на возможную заинтересованность в управлении делами корпорации.

Смерть одного участника влияет на корпоративные права оставшихся, в частности на право на участие в управлении делами корпорации. Доля без субъекта, управляющего ею, не может использоваться для голосования, соответственно, если умершему принадлежала весомая доля, кворум без нее достигнут быть не может, что затрудняет, а порой и делает невозможным участие в управлении остальных участников.

В практике судов можно встретить примеры споров между участниками и наследниками по поводу принадлежности доли наследодателя (напр. Постановление АС Центрального округа от 06.03.2019 № Ф10–6522/2018 по делу № А64–3065/2017) [6]. Наследник, принявший наследство, вступает в корпоративное правоотношение, заменяя наследодателя. Если другие участники по какой-либо причине не согласны с таким правопреемством, может возникнуть корпоративный конфликт. Правильно регламентированное регулятивное отношение ведет к возможности реализации способов защиты права. Справедливо и обратное, отсутствие надлежащего регулирования ведет к невозможности эффективной защиты права.

Таким образом, при отсутствии качественной регламентации наследования имущества, удостоверяющего корпоративные права, при отсутствии регулирования управления имуществом, удостоверяющим корпоративные права в период до вступления в наследство, при недостатке инструментов, позволяющих обеспечить баланс интересов

между участниками и наследниками эффективная защита корпоративных прав невозможна.

Само по себе существование доли участия в корпорации с неопределенным правовым положением создает множество управленческих сложностей для корпорации и ведения ею бизнеса.

Например, в постатейном комментарии к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса РФ в качестве проблемы, возникающей до принятия наследства, выделяется невозможность голосования унаследованными долями и акциями до внесения записи о переходе прав в реестры[7].

Также в период «неопределенности» имущество, удостоверяющее корпоративные права может понизиться в стоимости, в следствие длительного отсутствия управления им, что влияет и на интересы участников, и на интересы наследников, и на положение самой корпорации.

Здесь важно отметить, что эффективность защиты корпоративных прав невозможна без правильных и надлежаще работающих конструкций договорных механизмов, обеспечивающих правильную регламентацию и регулирование корпоративных прав и взаимоотношений между участниками, в том числе в ситуации смерти одного из них.

Для возможности защиты прав наследника будущего участника корпорации, а также корпоративных прав уже действующих участников, для предотвращения прочих сложностей, статьей 1173 Гражданского кодекса РФ предусмотрена возможность учреждения доверительного управления нотариусом на договорной основе.

В п. 2 ст. 1171 Гражданского кодекса РФ перечислены субъекты, по заявлению которых может учреждаться доверительное управление. При этом, как следует и из текста статьи и из п. 4. 5 Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» круг лиц, обладающий возможностью подать такое заявление является открытым[1:2].

Полагаем это целесообразным и отвечающим целям гражданского оборота. Оперативность учреждения доверительного управления действует на пользу корпорации и ее участников.

Как отмечено в доктрине, буквальное толкование п. 1 ст. 1173 ГК РФ должно приводить к выводу о том, что учреждение доверительного управления – это обязанность нотариуса, которая не может зависеть от волеизъявления наследников[8].

С точки зрения юридической техники, достоверно не определено, возложена ли на нотариуса обязанность заключить договор доверительного управления в отношении имущества, удостоверяющего корпоративные права, а между тем, как уже было отмечено во введении настоящей статьи, доли, акции, паи и т.д. в период «неопределенности», не находясь под управлением могут упасть в цене, не могут быть использованы для голосования, что не отвечает целям поддержания стабильности гражданского оборота.

Полагаем, что наиболее оптимальным было бы возложить на нотариуса юридическую обязанность по заключению договора доверительного управления имуществом, удостоверяющим корпоративные права, сохранив при этом право заинтересованных лиц направить нотариусу заявление о необходимости принятия мер по управлению имуществом (в целях оперативного принятия указанных мер и избежания возможных негативных последствий).

При этом, как отмечают некоторые исследователи, необходимость подачи такого заявления обоснована, если заявителями выступают не наследники, а иные лица, например, кредиторы и другие участники корпорации[9]. Полагаем это логичным, поскольку наследники, в отличие от участников ООО, могут быть либо не осведомлены о существовании доли, которой бы они могли управлять, либо не заинтересованы в таком управлении, либо не иметь достаточной компетенции для оперативного решения вопросов по управлению бизнесом. Возможность подачи такого заявления позволяет добросовестным участникам гражданского оборота оперативно и своевременно принять необходимые меры, минимизируя возможные потери для организации и ее участников.

В статье 1173 Гражданского кодекса РФ отсутствуют указания на срок, в течение которого нотариусом должен быть заключен такой договор, отсутствуют указания на условия, которым должна соответствовать кандидатура управляющего, а также ответственность нотариуса за незаключение соответствующего договора. Это порождает проблему защиты прав, поскольку пока отсутствует четко определенная обязанность, сроки исполнения этой обязанности, невозможно установить факт неисполнения такой обязанности, что приводит к невозможности защиты прав.

Даже если предполагать, что в соответствии с действующими нормами права, нотариус принимает меры по управлению имуществом исключительно на основании заявления заинтересованных лиц, для эффективности конструкции важно обозначить и срок, в течение которого нотариус должен принять соответствующие меры.

Полагаем целесообразным установить для нотариуса срок для заключения договора доверительного управления наследственным имуществом продолжительностью в два месяца с момента открытия наследства (а при наличии объективных причин, по которым сведения о наличии имущества, требующего управления, были недоступны, с момента обнаружения имущества, подлежащего охране и/или управлению). Если названный договор не может быть заключен в указанный срок по обстоятельствам, независящим от нотариуса, срок может быть продлен в судебном порядке по заявлению нотариуса.

В Методических рекомендациях по оформлению наследственных прав и Методических рекомендациях по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» можно обнаружить в некоторой

степени детализацию действий нотариуса в процессе учреждения доверительного управления наследственным имуществом в отношении бизнес-активов.

Нотариусам рекомендовано согласовать с известными наследниками/их представителями критерии определения удовлетворительности отчета доверительного управляющего [3], также нотариус вправе истребовать заявления от известных ему наследников для согласования кандидатуры такого управляющего[2].

Как отмечает Батрова Т.А.: «Согласование в контексте обеспечения сохранности бизнеса при наследовании, с одной стороны, может рассматриваться как инструмент предупреждения потенциальных конфликтов между наследниками и управляющим, с другой, как фактор, способный существенно замедлить заключение соответствующего договора, особенно в случаях недобросовестного поведения наследников» [8]. Вероятно, именно этим обосновано отсутствие регулирования вопроса согласования кандидатуры управляющего наследственным имуществом. А между тем, практика складывается неоднозначно.

В одном судебном акте суд отклонил доводы истца о необходимости уведомления истца нотариусом о заключении договора доверительного управления и согласовании с истцом кандидатуры доверительного управляющего, ссылаясь на соблюдение требований закона и отсутствие активного выражения воли со стороны истца, направленной на изменение, расторжение, заключение нового договора доверительного управления посредством обращения к нотариусу[4].

В другом же судебном акте суд признал необходимым получение согласия всех наследников и указал на недопустимость заключения договора доверительного управления при наличии возражений наследников[5].

В доктрине предлагается следующее решение данного вопроса: законодательное закрепление широких полномочий нотариуса в части учреждения доверительного управления при отсутствии согласованного волеизъявления наследников в течение месяца со дня открытия наследства с возможностью последующей, в том числе судебной, корректировки положений договора, касающейся как кандидатуры управляющего, так и его правомочий[9].

Полагаем, что такое решение отвечает целям действующего законодательства: при отсутствии согласованной воли наследников нотариус не будет ограничен в действиях и сможет заключить договор доверительного управления, избежав затягивания процесса, между тем, возможность защиты прав наследников будет обеспечена правом на обращение в суд. Таким образом, функционирующая договорная конструкция, предусматривающая широкую свободу действий нотариуса, осуществляемых в целях обеспечения защиты интересов корпорации и ее участников сможет органично

дополняться возможностью судебной защиты прав наследников.

Полагаем, что в случае возникновения спора для судов важными обстоятельствами, имеющими значение для разрешения спора будут являться причины отсутствия выражения согласованной воли наследников, было ли поведение наследников в месяц, предшествующий заключению договора доверительного управления имуществом, пассивным, направленным на затягивание процесса заключения договора, было ли такое поведение недобросовестным и т.д.

При применении предложенных путей дополнения конструкции договора доверительного управления имуществом, удостоверяющим корпоративные права, возможно будет применить следующие способы защиты.

К примеру, в случае, незаключения нотариусом соответствующей сделки, можно будет подать иск о присуждении к исполнению обязанности в натуре (то есть, о понуждении к заключению договора). Если доверительный управляющий будет действовать при осуществлении возложенных на него функций недобросовестно, причиняя убытки наследнику, который впоследствии станет участником организации, возможна будет подача иска о возмещении убытков и т.д.

Полагаем также возможным предусмотреть право подачи заявления о разрешении разногласий в случае, если наследники, не выразив вовремя свою волю относительно кандидатуры доверительного управляющего, будут не согласны с решением нотариуса.

Что касается защиты прав действующих участников корпорации, полагаем, что возможно закрепить два основных пути. До принятия наследства в период, предшествующий доверительному управлению: если в результате недобросовестных действий наследников договор будет заключен значительно позже, не в разумные сроки, и при этом корпорации будут причинены убытки, полагаем возможным взыскание убытков с недобросовестных участников. В период после принятия наследства и перехода имущества, удостоверяющего корпоративные права, наследнику в случае грубого нарушения обязанностей новым участником, а также в случае создания этим участником ситуации, при которой деятельность корпорации существенно затрудняется или становится вовсе невозможной, полагаем возможным использовать в качестве способа защиты права – исключение участника из корпорации в рамках действующего законодательства.

Таким образом, действующее законодательное регулирование договора доверительного управления наследственным имуществом в отношении бизнес-активов на данный момент нуждается в доработке, в частности в законодательном детальном регулировании процедуры определения управляющего, однозначном закреплении обязанности нотариуса заключить соответствующий договор, определении срока в течение которого нотариус

обязан его заключить, порядка пролонгирования срока, порядка разрешения разногласий между нотариусом и наследниками, а также в определении подходящих способов защиты.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] – Доступ из СПС Консультант-Плюс
2. Методические рекомендации по теме О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью (утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28–29.05.2010) [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
3. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав (утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол N 03/19) [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
4. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.03.2021 по делу № 88–5799/2021 [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
5. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31.01.2024 по делу № 88–4765/2024 [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
6. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.03.2019 № Ф10–6522/2018 по делу № А64–3065/2017
7. Петров Е.Ю. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
8. Батрова Т.А. Проблемы сохранения бизнеса при наследовании [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
9. Батрова Т.А. Некоторые аспекты принятия решения об учреждении доверительного управления бизнес-активами, входящими в состав наследства [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

A TRUST MANAGEMENT AGREEMENT FOR INHERITED PROPERTY CERTIFYING CORPORATE RIGHTS AS A TOOL TO IMPROVE THE EFFECTIVENESS OF CORPORATE RIGHTS PROTECTION

Novosvitnaia B.V., Romanov A.A.
Eastern Federal University

A trust management agreement for shares in the authorized (pooled) capital of a corporate legal entity, shares, and securities certifying corporate rights is a tool that theoretically allows for the functioning of a legal entity in the event of the death of corporate participants, as well as the protection of the corporate rights of participants and the rights of the heirs of deceased corporate participants. However, in practice, the design provided for in Article 1173 of the Civil Code of the Russian Federation appears to be insufficiently elaborated and raises questions in the process of application. The purpose of this article is to analyze the current state of regulation of the trust management agreement in relation to property certifying corporate rights, as well as to formulate possible ways to supplement this contractual structure in order to increase the effectiveness of corporate rights protection. This article is devoted to the problems of trust management of inherited property in relation to property certifying corporate rights, as well as ways to increase the effectiveness of corporate rights protection. Options for improving the existing contractual structure of the trust management agreement for inherited property certifying corporate rights are proposed.

Keywords: the contract of trust management of hereditary property, property certifying corporate rights, a share in the authorized (pooled) capital of a corporate legal entity, shares, securities, notary, protection of corporate rights.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 N 51-FZ [Electronic resource] – Access from SPS ConsultantPlus
2. Methodological recommendations on the topic On the inheritance of shares in the authorized capital of limited liability companies (approved at the meeting of the Coordination and Methodological Council of the Notary Chambers of the Southern Federal District, North-Caucasian Federal District, Central Federal District of the Russian Federation on 28–29.05.2010) [Electronic resource] – Access from SPS ConsultantPlus
3. Methodological recommendations for the registration of inheritance rights (approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber dated 25.03.2019, protocol N 03/19) [Electronic resource] – Access from SPS ConsultantPlus
4. Determination of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 18.03.2021 on case No. 88–5799/2021 [Electronic resource] – Access from the SPS “ConsultantPlus”
5. Determination of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction dated 31.01.2024 in case No. 88–4765/2024 [Electronic resource] – Access from the SPS “ConsultantPlus” [Electronic resource] – Access from the SPS “ConsultantPlus”
6. Resolution of the Arbitration Court of the Central District dated 06.03.2019 No. F10–6522/2018 in case No. A64–3065/2017
7. Petrov E. Yu. Inheritance law: article-by-article commentary to articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic resource] – Access from the SPS “ConsultantPlus”
8. Batrova T.A. Problems of preserving a business during inheritance [Electronic resource] – Access from the SPS “ConsultantPlus”
9. Batrova T.A. Some aspects of making a decision on establishing a trust management of business assets included in the inheritance [Electronic resource] – Access from the SPS “ConsultantPlus”

Правовое регулирование регистрации медицинских изделий. Перспективы развития

Ситдыков Искандер Исмагилович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); генеральный директор, ООО «Столичный Центр Правового Консалтинга»
E-mail: isitdykov@gmail.com

Действующее нормативное регулирование допускает дуализм процедуры регистрации медицинского изделия: она возможна как на национальном уровне, так и на уровне ЕАЭС. Предполагается, что с 1 января 2026 года регистрация медицинских изделий будет осуществляться только в соответствии с правом ЕАЭС. Однако отказ от национальной системы регистрации приведет к возникновению дефектуры медицинских изделий. Таким образом, национальное правовое регулирование в сфере обращения (в том числе государственной регистрации) медицинских изделий по-прежнему сохраняет свою актуальность, не утрачивает перспективы развития и в настоящее время является наиболее эффективным и востребованным участниками рынка в сравнении с регулированием на уровне ЕАЭС. Данное обстоятельство вовсе не исключает необходимость и перспективность дальнейшей гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере обращения медицинских изделий, проведение ими соответствующей скоординированной политики в данной области. Однако представляется, что отмена национального регулирования в отдельных сферах обращения медицинских изделий должна быть обусловлена не необходимостью гармонизации самой по себе, а объективными предпосылками, выработкой на уровне ЕАЭС более совершенных регуляторов (норм), позволяющих выводить на российский рынок безопасные, качественные и эффективные медицинские изделия, причем в наименьшие сроки и с наименьшими затратами, с учетом законных интересов участников рынка медицинских изделий.

Ключевые слова: медицинские изделия, процедура государственной регистрации, дефектура медицинских изделий, правила ЕАЭС, перспективы развития.

Согласно Указу Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [5] сохранение населения, здоровье и благополучие людей определены в качестве одних из главных национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года. При этом Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 [6], к основным вызовам и угрозам экономической безопасности отнесены: снижение качества и доступности медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала.

В соответствии со Стратегией развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года (далее – «Стратегия»), утвержденной Указом Президента РФ от 06.06.2019 № 254 [7], основными задачами развития здравоохранения в Российской Федерации являются, в частности:

- создание условий для повышения доступности и качества медицинской помощи;
- разработка, внедрение и применение новых медицинских технологий. Согласно Стратегии решение основных задач развития здравоохранения в Российской Федерации должно осуществляться, в частности, по приоритетному направлению – совершенствование системы оказания медицинской помощи, предусматривающему в том числе:
- развитие инфраструктуры и материально-технической базы медицинских организаций;
- оснащение современным лабораторным оборудованием, высокочувствительными и специфичными тест-системами клинико-диагностических лабораторий и патолого-анатомических отделений медицинских организаций;
- дальнейшее развитие высокотехнологичной медицинской помощи.

В Стратегии также отмечается, что серьезной проблемой является недостаточная оснащенность медицинских организаций средствами индивидуальной и коллективной защиты, эффективными средствами экстренной профилактики и лечения лиц с инфекционными заболеваниями, а также недостаточная оснащенность клинико-диагностических, в том числе микробиологических, лабораторий и патолого-анатомических отделений медицинских организаций современным оборудованием и расходными материалами.

Реализация Стратегии должна позволить создать условия:

- для обеспечения национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан;

- для увеличения ожидаемой продолжительности жизни при рождении;
- для увеличения продолжительности активной трудовой жизни, сокращения периодов временной нетрудоспособности и повышения качества жизни граждан за счет уменьшения уровня заболеваемости.

В перечень инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р [11], включена оптимальная для восстановления здоровья медицинская реабилитация.

Эффективное решение вышеозначенных приоритетных задач и проблем, реализация инициатив и достижение поставленных на государственном уровне стратегических целей напрямую связаны с правовым регулированием обращения на территории Российской Федерации медицинских изделий.

В литературе отмечается, что процедура обращения медицинских изделий на национальном уровне регулируется весьма специфическим образом. Так, в отличие от лекарственных препаратов, для медицинских изделий до сих пор не принят закон, регулирующий их обращение (законопроект был внесен в Государственную Думу еще в 90-х гг., однако депутаты, по всей видимости, так его и не прочли). При этом объем ответственности за нарушения в области обращения медицинских изделий растет в геометрической прогрессии (вплоть до уголовной) [12, с. 39–54].

Следует признать, что отсутствие специального закона едва ли способствует достижению правовой определенности в сфере обращения медицинских изделий в Российской Федерации.

Определение понятия медицинское изделие содержится в статье 38 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1]. Под медицинскими изделиями понимаются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимыми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболитического воздействия на организм человека.

Схожее по содержанию определение содержится в статье 2 Соглашения о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономическо-

го союза от 23.12.2014 г. (далее – «Соглашение от 23.12.2014 г.») [2].

Согласно пункту 4 статьи 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» на территории Российской Федерации разрешается обращение медицинских изделий, прошедших государственную регистрацию в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, и медицинских изделий, прошедших регистрацию в соответствии с международными договорами и актами, составляющими право Евразийского экономического союза (за исключением прямо указанных в законе случаев).

На основании изложенного, государственная регистрация (регистрация) – обязательный этап и необходимое условие для легального введения медицинского изделия в гражданский оборот на территории Российской Федерации.

На сегодняшний день можно констатировать, что действующее нормативное регулирование допускает дуализм процедуры регистрации медицинского изделия: она возможна как на национальном уровне, так и на уровне ЕАЭС (статья 4 Соглашения от 23.12.2014 г.).

Постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1416 [8] на территории Российской Федерации утверждены и действуют Правила государственной регистрации медицинских изделий.

При этом, с 06.05.2017 г. параллельно с национальным регулированием также действуют Правила регистрации и экспертизы безопасности, качества и эффективности медицинских изделий, утвержденные Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12.02.2016 № 46 [4].

Статьей 11 Соглашения от 23.12.2014 г. (в редакции Протокола от 13.02.2023 г. о внесении изменения [3]) установлен переходный период: до 31 декабря 2025 г. заявление об экспертизе или регистрации медицинского изделия может быть подано в порядке, предусмотренном законодательством государства-члена, и в этом случае регистрация медицинского изделия может осуществляться в порядке, предусмотренном законодательством государства-члена.

Предполагается, что с 1 января 2026 года регистрация медицинских изделий будет осуществляться только в соответствии с правом ЕАЭС. Как отмечается на официальном портале Евразийской экономической комиссии [17], продление переходного периода позволит государствам – членам усовершенствовать требуемую для перехода на единую регистрацию медизделий систему, включающую в себя в том числе клинические центры и испытательные лаборатории. В декабре 2022 года Совет ЕЭК утвердил соответствующий план.

Однако вышеуказанный переходный период устанавливается уже в третий раз, ранее он действовал до 31.12.2021 г., а затем был продлен до 31.12.2022 г.

В 2022 г. после окончания первоначального срока переходного периода 150 компаний-производителей и дистрибьютеров медицинских из-

делий, а также Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» выступили с последовательной критикой правил регистрации ЕАЭС, направив коллективное обращение в Правительство РФ, Счетную палату и Госдуму [14]. Участники рынка отметили, что система регистрации ЕАЭС предусматривает значительно более сложную, затратную и долгую процедуру регистрации и фактически не работает. Бизнес-сообщество указало, что отказ от национальной системы регистрации приведет к возникновению дефектуры медицинских изделий и предложило продлить действие национальной системы регистрации минимум на пять лет – до 31.12.2027 г. С возможностью последующей пролонгации еще на пять лет, если к тому времени система ЕАЭС не докажет свою эффективность [15].

Об актуальности затронутой бизнес-сообществом проблематики красноречиво свидетельствует статистика. Так, согласно сведениям Единого реестра медицинских изделий, зарегистрированных в рамках ЕАЭС [13], с 2017 года и по состоянию на 05.12.2024 г. по правилам ЕАЭС зарегистрировано всего 49 медицинских изделий, из них лишь 17 – российскими производителями. Тогда как по национальным правилам в Российской Федерации за тождественный период времени зарегистрировано более 20 000 медицинских изделий. Таким образом, следует констатировать, что процедура регистрации медицинских изделий по правилам ЕАЭС на сегодняшний день не является востребованной у участников рынка.

Следует также согласиться с представителями предпринимательского сообщества в вопросе существования риска возникновения дефектуры медицинских изделий ввиду сложности, чрезмерной затратности и длительности процедуры регистрации медицинских изделий по существующим правилам ЕАЭС. Данный риск носит отнюдь не умоглядный, а реальный характер, учитывая введение в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера.

Дефектура на российском рынке медицинских изделий – это уже не гипотетический риск, это наша повседневная реальность. Именно данным обстоятельством было обусловлено оперативное утверждение Правительством РФ (далее – «Постановление от 01.04.2022 № 552») особенностей обращения, включая особенности государственной регистрации, медицинских изделий в случае их дефектуры или риска возникновения дефектуры в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера [9] (далее – «Особенности»). Постановлением от 01.04.2022 № 552 предусматривается так называемый «упрощенный порядок» государственной регистрации медицинских изделий в случае их дефектуры или риска возникновения дефектуры.

Согласно пункту 4 Постановления от 01.04.2022 № 552 перечень видов медицинских изделий, подлежащих обращению в соответствии с данным документом (далее – «перечень медицинских изде-

лий»), утверждается межведомственной комиссией, в состав которой входят представители Минздрава РФ, Минпромторга РФ, Минфина РФ, Минэкономразвития РФ, ФАС, ФТС, ФНС, Росздравнадзора, а также представители иных органов и организаций при необходимости (далее – «межведомственная комиссия»).

Перечень медицинских изделий размещается на официальном сайте Росздравнадзора в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Согласно размещенному на официальном сайте Росздравнадзора перечню медицинских изделий от 04.07.2024 г. [16] по результатам заседания межведомственной комиссии в него были включены уже 2208 медицинских изделий. И это не только технически сложные изделия медицинской техники, включая медоборудование, но и такие простые медицинские товары, как, например, жгут для остановки кровотечения из пальца, повязка/бинт абсорбирующий для оказания первой помощи, костыль подмышечный или ходунки колесные без ручек.

Таким образом, принятые в 2022 году на национальном уровне меры способствовали возможности оперативного ввода в гражданский оборот медицинских изделий, необходимых для обеспечения качественной и доступной медицинской помощи населению. Вместе с тем, срок действия Постановления от 01.04.2022 № 552, регламентировавшего в определенной степени востребованный рынком медизделий упрощенный порядок государственной регистрации, ограничен 1 января 2025 года.

В настоящий момент Правительством РФ принято Постановление от 30.11.2024 № 1684 [10] об утверждении новых национальных Правил государственной регистрации медицинских изделий, вступающих в силу с 1 марта 2025 г.

Анализ новых Правил и сопоставление их с действующими позволяет сформулировать нижеследующие основные изменения нормативного регулирования:

- осязаемое сокращение сроков процедур государственной регистрации;
- появилась возможность выбора одной из «альтернативных» процедур (включая «одноэтапную») государственной регистрации для медицинских изделий отечественного производства;
- регламентирована возможность использования производителем собственных доказательных материалов, что должно позволить сократить объем испытаний, проводимых испытательными лабораториями, аккредитованными в национальной системе аккредитации, а следовательно, и сократить расходы участников рынка медицинских изделий;
- произведен перевод регистрационной процедуры в электронный вид;
- предоставлена возможность обжалования экспертного заключения в личном кабинете заявителя до вынесения итогового решения регистрирующим органом;

– осуществлено расширение категориального аппарата;

– сделан следующий шаг на пути к гармонизации с правилами Евразийского экономического союза.

По нашему мнению, национальная система регистрации медицинских изделий на сегодняшний день в большей мере позволяет оперативно реагировать на современные глобальные вызовы, с которыми сталкивается наша страна, в частности, путем нормативной регламентации на национальном уровне временного упрощенного порядка регистрации определенных медицинских изделий.

Таким образом, национальное правовое регулирование в сфере обращения (в том числе государственной регистрации) медицинских изделий по-прежнему сохраняет свою актуальность, не утрачивает перспективы развития и в настоящее время является наиболее эффективным и востребованным участниками рынка в сравнении с регулированием на уровне ЕАЭС.

Данное обстоятельство вовсе не исключает необходимость и перспективность дальнейшей гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере обращения медицинских изделий, проведение ими соответствующей скоординированной политики в данной области, как это провозглашено в статье 3 Соглашения от 23.12.2014 г. Однако представляется, что отмена национального регулирования в отдельных сферах обращения медицинских изделий должна быть обусловлена не необходимостью гармонизации самой по себе, а объективными предпосылками, выработкой на уровне ЕАЭС более совершенных регуляторов (норм), позволяющих выводить на российский рынок безопасные, качественные и эффективные медицинские изделия, причем в наименьшие сроки и с наименьшими затратами, с учетом законных интересов участников рынка медицинских изделий.

Развитие успешного предпринимательства, которое также отнесено к основным национальным целям Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474, в столь значимой социальной сфере, коей является сфера обращения медицинских изделий, обуславливающая повышенную ответственность и значительные риски у хозяйствующих субъектов рынка, требует от государства обеспечения правовой определенности и определенного стимулирования предпринимательской инициативы. Что может достигаться в том числе путем регламентации прозрачных, понятных, удобных, экономически и юридически эффективных административных процедур, к коим относится процедура государственной регистрации медицинских изделий.

Литература

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
2. Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23.12.2014 // СЗ РФ. 2016. № 20. Ст. 2775.
3. Протокол от 13.02.2023 г. о внесении изменения в Соглашение о единых принципах и правилах обращения медицинских изделий (изделий медицинского назначения и медицинской техники) в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3523.
4. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12.02.2016 № 46 «О Правилах регистрации и экспертизы безопасности, качества и эффективности медицинских изделий» // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.07.2016.
5. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.
7. Указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2927.
8. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 14.
9. Постановление Правительства РФ от 01.04.2022 № 552 «Об утверждении особенностей обращения, включая особенности государственной регистрации, медицинских изделий в случае их дефектуры или риска возникновения дефектуры в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера» // СЗ РФ. 2022. № 15. Ст. 2473.
10. Постановление Правительства РФ от 30.11.2024 № 1684 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, дата опубликования: 30.11.2024, номер опубликования: 0001202411300042.
11. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 № 2816-р «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 41. Ст. 7051.
12. Александров Г.А. Регистрационные удостоверения при закупках медицинских изделий // Прогосзаказ.рф. – 2017. – № 8. – С. 39–54.
13. Единый реестр медицинских изделий, зарегистрированных в рамках ЕАЭС. URL: https://portal.eaeunion.org/sites/odata/_layouts/15/Registry/PMM06/Charts.aspx (дата обращения: 05.12.2024).

14. Железный аргумент: бизнес предупредил о рисках дефицита медизделий в России. URL: <https://opora.ru/news/media-about-us/zheleznyy-argument-biznes-predupredil-o-riskakh-defitsita-medizdeliy-v-rossii/> (дата обращения: 05.12.2024).
15. Железный аргумент: бизнес предупредил о рисках дефицита медизделий в России. URL: https://iz.ru/1347904/veronika-kulakova/zheleznyi-argument-biznes-predupredil-o-riskakh-defitsita-medizdelii-v-rossii?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 05.12.2024).
16. Перечень кодов вида от 04.07.2024 года по результатам заседания межведомственной комиссии по формированию перечня видов медицинских изделий, подлежащих обращению в соответствии с Особенности обращения, включая особенности государственной регистрации, медицинских изделий в случае их дефектуры или риска возникновения дефектуры в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 01.04.2022 г. № 552 URL: <https://www.roszdravnadzor.gov.ru/medproducts/registration/documents/84421> (дата обращения: 05.12.2024).
17. Продлена возможность регистрации медицинских изделий по национальным правилам. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/prodlena-vozmozhnost-registratsii-meditsinskikh-izdeliy-po-natsionalnym-pravilam/> (дата обращения: 05.12.2024).

LEGAL REGULATION OF REGISTRATION OF MEDICAL DEVICES. DEVELOPMENT PROSPECTS

Sitdykov I.I.

Kutafin Moscow State Law University, Stolichny Center of Legal Consulting LLC

The current regulatory framework allows for duality in the registration procedure for a medical device: it is possible both at the national level and at the EAEU level. It is assumed that from January 1, 2026, registration of medical devices will be carried out only in accordance with the law of the EAEU. However, the rejection of the national registration system will lead to a shortage of medical devices. Thus, national legal regulation in the field of circulation (including state registration) of medical devices still remains relevant, does not lose its development prospects and is currently the most effective and in demand by market participants in comparison with regulation at the EAEU level. This circumstance does not at all exclude the need and prospects for further harmonization of the legislation of the EAEU member states in the field of circulation of medical devices, and their implementation of an appropriate coordinated policy in this area. However, it seems that the abolition of national regulation in certain areas of circulation of medical devices should be conditioned not by the need for harmonization in itself, but by objective prerequisites, the development at the level of the EAEU of more advanced regulators (norms) that allow safe, high-quality and effective medical devices to be introduced to the Russian market, and in the shortest possible time and with the least cost, taking into account the legitimate interests of participants in the medical device market.

Keywords: medical products, state registration procedure, defects of medical products, EAEU rules, development prospects.

References

1. Federal Law of 21.11.2011 No. 323-FZ "On the Fundamentals of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6724.
2. Agreement on Uniform Principles and Rules for the Circulation of Medical Devices (Medical Products and Medical Equipment) within the Eurasian Economic Union of 23.12.2014 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 20. Art. 2775.
3. Protocol of 13.02.2023 on Amendments to the Agreement on Uniform Principles and Rules for the Circulation of Medical Devices (Medical Products and Medical Equipment) within the Eurasian Economic Union of 23 December 2014 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 20. Art. 3523.
4. Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of 12.02.2016 No. 46 "On the Rules for Registration and Expertise of Safety, Quality and Efficiency of Medical Devices" // Official website of the Eurasian Economic Union <http://www.eaeunion.org/>, 12.07.2016.
5. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030" // SZ RF. 2020. No. 30. Art. 4884.
6. Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 No. 208 "On the Economic Security Strategy of the Russian Federation through 2030" // SZ RF. 2017. No. 20. Art. 2902.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 06.06.2019 No. 254 "On the Strategy for the Development of Healthcare in the Russian Federation through 2025" // SZ RF. 2019. No. 23. Art. 2927.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of 27.12.2012 No. 1416 "On Approval of the Rules for State Registration of Medical Devices" // SZ RF. 2013. No. 1. Art. 14.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.04.2022 No. 552 "On Approval of the Specifics of Circulation, Including Specifics of State Registration, of Medical Devices in the Event of Their Defects or the Risk of Defects Due to the Introduction of Restrictive Economic Measures Against the Russian Federation" // SZ RF. 2022. No. 15. Art. 2473.
10. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 30, 2024 No. 1684 "On approval of the Rules for state registration of medical devices" // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, date of publication: November 30, 2024, publication number: 0001202411300042.
11. Order of the Government of the Russian Federation of October 6, 2021 No. 2816-r "On approval of the list of initiatives for the socio-economic development of the Russian Federation until 2030" // SZ RF. 2021. No. 41. Art. 7051.
12. Aleksandrov G.A. Registration certificates for the purchase of medical devices // Progoszakaz.rf. – 2017. – No. 8. – P. 39–54.
13. Unified register of medical devices registered within the EAEU. URL: https://portal.eaeunion.org/sites/odata/_layouts/15/Registry/PMM06/Charts.aspx (date of access: 05.12.2024).
14. Iron argument: business warned about the risks of shortage of medical devices in Russia. URL: <https://opora.ru/news/media-about-us/zheleznyy-argument-biznes-predupredil-o-riskakh-defitsita-medizdeliy-v-rossii/> (date of access: 05.12.2024).
15. Iron argument: business warned about the risks of shortage of medical devices in Russia. URL: https://iz.ru/1347904/veronika-kulakova/zheleznyi-argument-biznes-predupredil-o-riskakh-defitsita-medizdelii-v-rossii?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (date of access: 05.12.2024).
16. List of type codes from 04.07.2024 based on the results of the meeting of the interdepartmental commission for the formation of the list of types of medical devices subject to circulation in accordance with the Peculiarities of circulation, including the peculiarities of state registration, of medical devices in the event of their defects or the risk of defects in connection with the introduction of restrictive economic measures in relation to the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 01.04.2022 No. 552 URL: <https://www.roszdravnadzor.gov.ru/medproducts/registration/documents/84421> (date of access: 05.12.2024).
17. The possibility of registering medical devices according to national rules has been extended. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/prodlena-vozmozhnost-registratsii-meditsinskikh-izdeliy-po-natsionalnym-pravilam/> (date of access: 05.12.2024).

Законодательные механизмы защиты малого и среднего бизнеса от потребительского терроризма на примере платформ электронной коммерции

Степанова Ева Константиновна,

бакалавр, студент направления «Юриспруденция» ФГАОУ ВО «Дальневосточный Федеральный университет»
E-mail: stepanova.ek@dvfu.ru

Иванцов Степан Алексеевич,

бакалавр, студент направления «Юриспруденция» ФГАОУ ВО «Дальневосточный Федеральный университет»
E-mail: ivantcov.sa@dvfu.ru

Куделя Наталья Юрьевна,

старший преподаватель кафедры конкурентного и предпринимательского права Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточный Федеральный университет»
E-mail: kudelya.nyu@dvfu.ru

В статье речь идет о таком явлении, как потребительский терроризм, который становится все более популярным в условиях стремительного развития электронной коммерции. Изучены его понятие и сущность на основе различных мнений авторитетных научных деятелей. В процессе работы авторами проведен детальный анализ законодательства, судебной практики, подзаконных актов в сфере гражданских и потребительских правоотношений и выявлены немногочисленные и редко афишируемые законодательно установленные способы защиты предпринимателями своего бизнеса. Особое внимание уделено характеристике данных способов в части имеющихся достоинств и недостатков и на основе проведенного исследования авторы предлагают рекомендации по улучшению правового регулирования, включая определение понятия потребительского терроризма, уточнение норм действующего законодательства о защите прав потребителей и внесение изменений в политику работы маркетплейсов с целью создания более сбалансированной правовой среды для всех участников рынка.

Ключевые слова: потребительский недалеко терроризм, защите электронная слабой коммерция, говорит маркетплейсы, политика защита личного прав площадка предпринимателей, федерации потребитель, внимание торговая массива площадка.

Введение

Стремительное развитие цифровой экономики и популяризация платформ электронной коммерции (англ. marketplace) в последние годы привело к массовому распространению такого явления, как «потребительский терроризм». Под потребительским терроризмом понимаются действия недобросовестных потребителей, направленные на извлечение необоснованной выгоды за счет предпринимателей. Такие действия приводят к негативным последствиям, таким как: ущерб репутации бизнеса, значительные финансовые потери, что особенно критично для малого и среднего предпринимательства, и в том числе может привести к банкротству. Это связано с тем, что Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей», а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» (далее – ПП ВС № 17) предоставляют множество твердых гарантий и прав, которыми потребители злоупотребляют, несмотря на предусмотренный законодательством запрет на злоупотребление правом. Так, по смыслу п. 1 ст. 10 ГК РФ [1] не допускается совершение действий уполномоченным субъектом общественных отношений с намерением причинить вред иным лицам. Однако проблема состоит в том, что злоупотребление правом – абстрактное понятие, законодательством не предусмотрены конкретные случаи такого злоупотребления. Более того по смыслу п. 5 ст. 10 ГК РФ поведение считается добросовестным пока не доказано иное. Таким образом, и в п. 1 и в п. 5 ст. 10 упоминается «добросовестное поведение», но что оно собой представляет и как доказать обратное не всегда очевидно. Особенно это касается электронной коммерции, т.к. маркетплейсы предоставляют больше возможностей и свободы по возврату товаров по независящим от предпринимателя причинам. В связи с этим возникает необходимость более детального урегулирования настоящей проблемы. Таким образом, юридические способы защиты малого и среднего предпринимательства становятся актуальной темой исследования, поскольку они обеспечивают необходимую правовую базу для защиты предпринимателей от так называемого «потребительского терроризма».

Основная часть

Ранее мы уже упомянули понятие «потребительского терроризма», однако, ввиду отсутствия законода-

тельного закрепления данного термина в доктрине расходятся мнения насчет его природы. Так Т.В. Закупень, под потребительским терроризмом понимает: «умышленные противоправные деяния потребителей, совершаемые с целью обращения в свою пользу имущества предпринимателей путем обмана или злоупотребления особым отношением к потребителям» [2]. Большинство авторов придерживаются мнения, что потребительский терроризм – это недобросовестное поведение людей. Так, например, юрист И.Н. Нилов под потребительским терроризмом понимает недобросовестное поведение потребителей товаров и услуг, направленное на необоснованное извлечение выгоды путем манипуляции положениями законодательства о защите потребителей [3]. Данные определения по нашему мнению верны лишь в части, они не передают полностью сущность потребительского терроризма. Так, мы уже говорили выше о том, что по смыслу ст. 10 ГК РФ невозможно точно говорить о том какие конкретно действия потребителей являются добросовестными. Так же действия потребительских «террористов» именно на платформах электронной коммерции нельзя назвать противоправными, так как возврат товаров осуществляется в рамках ст. 25 Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей» [4] и политики торговой площадки.

Более корректным представляется подход А.С. Шевяховой: «при потребительском терроризме клиент совершает неоправданные действия, с соблюдением всех формальностей по закону, но на деле нацеленные на получение с продавца выгодного для себя экономического результата, и как следствие этого – нанесение предпринимателю ущерба» [5]. Так, Автор верно отмечает, что действия потребителя совершаются с соблюдением законодательства РФ, однако необходимо отметить, что «экономический результат» в контексте потребительского терроризма на платформах электронной коммерции чаще всего следует рассматривать, как использование товаров с последующим их возвратом ввиду исчезновения потребности в нем после эксплуатации по назначению.

Приведем пример. В начале 2025 года пункты выдачи заказов столкнулись с «новогодним потребительским экстремизмом», как отмечает газета «Коммерсантъ» [6]. После Нового Года покупатели стали активно сдавать использованные елки и гирлянды, неоткрытые подарки, наряды в которых встречали новый год и другие новогодние атрибуты, ссылаясь на то, что товар надлежащего качества просто не пригодился тем или не подошел. Однако при проверке выясняется, что вещи были использованы. «Наряды пахнут духами. А якобы не пригодившиеся елки приносят в мисуре и блестках». [6]. Снова продать такие товары невозможно, соответственно прибыль с этих товаров получить тоже, при этом предприниматели терпят убытки на логистику, упаковку, возврат, а также проценты, которые они обязаны заплатить торговым площадкам и ПВЗ.

Отсюда возникает вопрос: как предпринимателям защитить свои права в данной ситуации? Разберемся с этим вопросом проанализировав действующее законодательство.

П. 1 ст. 1 ГК РФ устанавливает равенство всех субъектов гражданского законодательства. При этом п. 2 ст. 1 ГК РФ устанавливает, что гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона, в том числе в целях обеспечения прав и законных интересов других лиц. [1] Данное положение в контексте нашего исследования затрагивает права и гарантии предпринимателей в качестве продавцов. Так, законодательство РФ дает потребителям больше возможностей для защиты своих прав. Такие выводы можно сделать исходя из того, что в РФ принято большее количество законов защищающих права и интересы потребителей, по сравнению с количеством законов обеспечивающих защиту прав продавцов. К таковым относятся: Гражданский кодекс Российской Федерации, Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей», Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 28.12.2009 N 381-ФЗ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» и другие.

Относительно индивидуальных предпринимателей и юридических лиц принят лишь единственный Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 N 294-ФЗ. Однако он затрагивает лишь публичные отношения с органами государственной и муниципальной власти, защита предпринимателей в частноправовых отношениях данным законом не затрагивается.

Факт наличия большего массива законов, защищающих права потребителей связан с тем, что в правоприменительной практике РФ клиент (покупатель) считается менее защищенной стороной, чем продавец. На данный факт довольно часто ссылаются суды в спорах о защите прав потребителей. Впервые на это указал КС РФ в своем Постановлении 23.02.1999 г. № 4-П: «Гражданин как экономически слабая сторона нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость в соответствующем правовом ограничении свободы договора и для другой стороны» [7]. В более свежем Постановлении Конституционного суда от 03.04.2023 г. № 14-П содержится похожая позиция, где покупатель является слабой стороной [8].

Тем не менее, проанализировав законодательство РФ, нам удалось выявить немногочисленные способы защиты предпринимателей от потребительского терроризма. Как ни странно эти способы содержатся в законах, которые защищают права потребителей. Такими способами являются: взимание стоимости услуг логистики при отказе от товара надлежащего качества, проведение экспертизы

за счет продавца, страхование рисков предпринимательской деятельности.

1. **Взимание стоимости услуг логистики при отказе от товара надлежащего качества.** Согласно абз. 4 п. 4 ст. 26.1 Закона РФ № 2300–1 «О защите прав потребителей», «При отказе потребителя от товара продавец должен возвратить ему денежную сумму, уплаченную потребителем по договору, за исключением расходов продавца на доставку от потребителя возвращенного товара» [4]. Данная норма указывает на право продавца на удержание части стоимости товара с целью оплаты услуг логистики. Из личного опыта нам известно, что политика популярного marketplace – Wildberries – предусматривает платный отказ от товара надлежащего качества, стоимость составляет от 50 до 1000 рублей. Однако, подобное право ограничивается политикой платформы электронной коммерции и заключенного в соответствии с этой политикой смешанного договора (агентский, договор возмездного оказания услуг и хранения) между торговой площадкой и продавцом. Исходя из этого, не всегда продавцы получают компенсацию за логистические убытки. В связи с этим считаем, что данный способ малоэффективен.

2. **Проведение экспертизы за счет продавца.** Согласно п. 5 ст. 18 Закона РФ № 2300–1 «О защите прав потребителей» продавец вправе проверить качество товара, а в случае возникновения спора он обязан провести экспертизу за свой счет [4]. Таким образом, проведение экспертизы в данной ситуации является обязанностью, а не правом продавца и по сути статьи способом защиты не является. Однако в случае недобросовестных действий потребителя и доведения спора до судебного разбирательства проведенная экспертиза будет являться доказательством злоупотребления правом со стороны покупателя. При этом согласно ст. 98 ГПК РФ дополнительные расходы на проведение такой экспертизы в случае решения в пользу предпринимателя могут быть возложены на недобросовестного покупателя [8]. Данная норма примечательна тем, что недобросовестный покупатель, узнавая о данной экспертизе часто отказывается от своих требований к продавцу. В связи с этим дело не всегда доходит до суда.

Тем не менее в рамках онлайн торговли и во исполнение ст. 18 Закона РФ № 2300–1 «О защите прав потребителей» проверка качества товара производится сотрудниками пункта выдачи заказов в присутствии покупателя. Данные действия считаются экспертизой и направлены на защиту предпринимателя от возврата уже использованного по назначению товара, однако сотрудники пунктов выдачи заказов не являются экспертами и, исходя из личного опыта, мы не можем говорить о том, что такая проверка осуществляется полноценно и качественно. Более того проведение экс-

пертизы непосредственно продавцом ведет к затратам на транспортировку товаров и затягиванию сроков окончательного ответа продавца о возврате товара, что может привести к нарушению Закона «О защите прав потребителей». Таким образом, возникает проблема: кто будет ответственен за возврат товара надлежащего качества, не соответствующего указанным в абз. 3 п. 1 ст. 25 Закона «О защите прав потребителей» критериям товара надлежащего качества подлежащего возврату? Исходя из вышесказанного мы не можем отрицать того факта, что данный способ применяется, однако и назвать его эффективно защищающим права предпринимателя, мы также не считаем.

3. **Страхование рисков предпринимательской деятельности.** В соответствии со ст. 933 ГК РФ еще одним способом защиты предпринимателей от потребительского экстремизма может являться договор страхования предпринимательского риска [1]. Данный способ может защитить бизнес от непредвиденных убытков связанных с обстоятельствами независимыми от предпринимателя. Зачастую предприниматели пренебрегают указанной нормой в связи с дополнительными расходами, однако, по нашему мнению это единственная реальная возможность защитить свой бизнес от крупных убытков.

Ярким примером, необходимости страхования предпринимательских рисков может служить пожар на складе Wildberries в посёлке Шушары недалеко от Санкт-Петербурга, произошедший 13 января 2024 года. Как сообщает новостной канал РБК страховщики оценили ущерб от пожара в 10 млрд руб. [9]. Очевидно, что такая сумма неподъемна для сегмента малого и среднего предпринимательства, но при помощи страховки многие предприниматели сохранили свою работоспособность. Данный способ также актуален и для защиты предпринимателей от недобросовестных потребителей. Например, в случае больших затрат на логистические услуги ввиду отказа покупателей от товаров надлежащего качества.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что из названных механизмов защиты малого и среднего бизнеса на платформах электронной коммерции от потребительского терроризма наиболее эффективным и действенным является страхование предпринимательских рисков.

Тем не менее ни один из названных способов не устраняет проблему потребительского терроризма, а лишь дает некоторые гарантии продавцам в компенсации понесенных убытков. Как было отмечено выше таких способов мало, и они не в полной мере обеспечивают интересы предпринимателей.

Заключение

В связи с этим мы бы могли дать рекомендации по устранению исследуемой проблемы:

1. Дополнить законодательство РФ понятием потребительского терроризма, выделив две категории такого явления:

1) действия совершаемые недобросовестными потребителями в традиционных (офлайн) магазинах;

2) действия совершаемые недобросовестными потребителями на платформах электронной коммерции.

Такое разделение обосновано разными способами проявления потребительского терроризма. Так, на платформах электронной коммерции возможен только возврат уже использованных товаров надлежащего качества, а в традиционных магазинах помимо возврата выделяют репутационный шантаж, инициирование потребителем проверок контрольно-надзорными государственными органами и судебных споров, связанных с взысканием с него денежных средств.

2. Уточнить в Постановлении Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации», а также в Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300–1 «О защите прав потребителей» и Гражданский кодекс Российской Федерации какие действия потребителей является недобросовестными.

3. Обязать маркетплейсы на подзаконном уровне (или законодательном) уровне внести в свою политику положения защищающие права предпринимателей. Например, ввести обязательный платный возврат товаров надлежащего качества и их обязательную полноценную качественную проверку с целью пресечения злоупотребления своими правами потребителями.

4. Пересмотреть практику КС и ВС и иных судов в части вопроса о том, что потребитель всегда является наиболее слабой стороной.

В заключении проведенного исследования необходимо подчеркнуть важность использования правовых методов для обеспечения защиты прав и интересов предпринимателей от потребительского терроризма в сфере электронной коммерции.

Таким образом, в ходе проведенного исследования мы выявили, что на данный момент в законодательстве РФ отсутствует достаточное урегулирование защиты прав и интересов предпринимателей, особенно это касается электронной коммерции. Отсутствие должного внимания со стороны властей по данному вопросу ставит предпринимателей в крайне невыгодное положение. Также ситуация усугубляется отсутствием баланса в правах предпринимателей и потребителей. Многих авторы указывают на то, что известное всем клише «кли-

ент всегда прав» само по себе говорит о неравенстве прав предпринимателя и потребителя. Мы считаем, что приведенные рекомендации и обзор законодательства помогут стабилизировать обстановку на рынке электронных торговых платформ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ / [Электронный ресурс]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 13.01.2025).
2. Закупень Т.В. Потребительский экстремизм как форма злоупотребления правом при заключении банками кредитного договора с гражданами-заемщиками // Банковское право. 2015. № 1.
3. Нилов И.Л. Потребительский экстремизм как одна из форм злоупотребления гражданскими правами // Экономика, социология и право. – 2017. – N 3.
4. Шевяхова А.С. Потребительский экстремизм // Современные инновации. – 2018. – N 5.
5. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300–1 (ред. от 08.08.2024) «О защите прав потребителей» / [Электронный ресурс]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 13.01.2025).
6. [kommersant.ru](https://www.kommersant.ru/doc/7421440): Публикация: сайт / учредитель АО «Коммерсантъ» / автор Вихарева Екатерина – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7421440> (дата обращения: 13.01.2025) – Режим доступа: свободный.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 N 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» / [Электронный ресурс]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22135/ (дата обращения: 12.01.2025).
8. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024)
9. [rbc.ru](https://www.rbc.ru/society/13/01/2024/65a252b49a79473bc9426147/): Новости, аналитика, прогнозы: сайт. Обновляется в течение суток. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/01/2024/65a252b49a79473bc9426147/> (дата обращения: 13.01.2025).

LEGISLATIVE MECHANISMS FOR PROTECTING SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES FROM CONSUMER TERRORISM USING THE EXAMPLE OF MARKETPLACE

Konstantinovna E.S., Ivantsov S.A., Kudelya N.Yu.
Far Eastern Federal University Law School

The article deals with such phenomenon as consumer terrorism, which is becoming more and more popular in the conditions of rapid development of e-commerce. Its concept and essence are studied on the basis of various opinions of authoritative scientific figures. In the process of work the authors have carried out a detailed analy-

sis of legislation, judicial practice, by-laws in the sphere of civil and consumer legal relations and revealed few and rarely advertised legislatively established ways of protection by entrepreneurs of their business. Particular attention is paid to the characterization of these methods in terms of their advantages and disadvantages, and on the basis of the study the authors offer recommendations to improve legal regulation, including the definition of the concept of consumer terrorism, clarification of the norms of the current legislation on consumer protection and changes in the policy of marketplaces in order to create a more balanced legal environment for all market participants.

Keywords: Consumer terrorism, e-commerce, marketplaces, business protection, consumer, marketplace

References

1. The Civil Code of the Russian Federation, Part one of November 30, 1994, No. 51-FZ / [Electronic resource]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 / (date of access: 01/13/2025).
2. Zakupen T.V. Consumer extremism as a form of abuse of law when banks conclude a loan agreement with borrowers // Banking law. 2015. № 1.
3. Nilov I.L. Consumer extremism as one of the forms of abuse of civil rights // Economics, sociology and law. – 2017. – N 3.
4. Shevyakhova A.S. Consumer extremism // Modern innovations. – 2018. – N 5.
5. The Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 N 2300–1 (as amended on 08.08.2024) “On Consumer Rights protection” / [Electronic resource]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305 / (date of access: 01/13/2025).
6. kommersant.ru: Publication: website / founder of Kommersant JSC / author Ekaterina Vikhareva – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7421440> (date accessed: 01/13/2025) – Access mode: free.
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/23/1999 N 4-P “In the case of checking the constitutionality of the provision of the second part of Article 29 of the Federal Law of February 3, 1996 “On Banks and Banking Activities” in connection with complaints from citizens O.Y. Veselyashkina, A.Y. Veselyashkin and N.P. Lazarenko” / [Electronic resource]// URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22135 / (date of access: 12.01.2025).
8. “The Civil Procedure Code of the Russian Federation” dated 11/14/2002 N 138-FZ (as amended on 12/28/2024)
9. rbc.ru: News, analytics, forecasts: website. It is updated during the day. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/01/2024/65a252b49a79473bc9426147> / (date of access: 01/13/2025).

Роль населения в процессе развития и застройки городов: национальный историко-правовой аспект

Тарасова Марина Сергеевна,

аспирант кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики», Юридический институт Российского университета транспорта (МИИТ)
E-mail: mstarasova@bk.ru

Статья посвящена анализу роли населения в процессе градостроительного развития на территории России в историко-правовой перспективе. Рассматриваются ключевые этапы и особенности взаимодействия граждан и государственной власти в вопросах застройки и развития городов. Особое внимание уделяется законодательным аспектам, начиная с древнерусского периода и заканчивая современным этапом, включая изменения, внесенные федеральным законом № 58-ФЗ от 14 марта 2022 г. Автор выделяет факторы, ограничивающие активное участие населения в принятии градостроительных решений, такие как территориальная специфика, историческая централизованность власти и делегирование полномочий органам власти. В статье подчеркивается необходимость сохранения и развития механизмов общественного участия в целях повышения прозрачности и легитимности градостроительных решений.

Ключевые слова: градостроительное право, публичная власть, законодательство, историко-правовой анализ, публичные слушания, общественные обсуждения, городское развитие.

Введение

Вопросы развития и застройки городов, а также роль населения в этих процессах, является актуальной темой исследований, объединяющих правовую, историческую и социальную перспективы.

Многовековая история развития нашей страны имеет примеры различных вариантов взаимодействия органов государственной власти и населения. На протяжении существования России форма её государственной власти менялась, менялись социальные строи и политические режимы, все это в конечном счете влияло на степень свободы граждан при решении вопросов развития городов.

История вопроса

Из записей византийцев, например историка Прокопия Кесарийского, нам известно, что племена славян и антов в VI в., не управлялись одним человеком, а жили в народоправстве (демократии), племена располагались далеко друг от друга, и часто перемещались с одного места обитания на другое [1, с. 6].

Славяне в VI–IX веках объединялись в общины, каждая из которых контролировала свою территорию, где жили несколько семей. При передаче князьями прав на владение землей феодалам, часть общин переходила под их власть. Города начали формироваться как центры ремесел, торговли, обмена и защиты от внешних врагов. Важнейшие вопросы жизни решались на народных собраниях – вечевых сходах [2, с. 18, 19]. Однако, в сохранившихся источниках, информация о специальных положениях, регулирующих земельные или градостроительные правоотношения, а также о порядке их реализации, отсутствует, за исключением, например, норм об охране межевых знаков, направленных на защиту частных прав владения в Русской правде. Аналогичные положения сохраняются позднее в Судебнике Ивана III Васильевича 1497 года: об изгородях, о межах, о землях суд [1, с. 83].

Развитие русских городов не смогло пойти по пути развития европейских. Упадок русских городов к концу XV века явился итогом татаро-монгольского ига. Многие города были уничтожены. В этот период набирает силу новый город – Москва. Присоединение к Московскому княжеству новых территорий, является одним из исторических факторов централизованности русского государства на протяжении всей его истории [3].

Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года существенно меняет устройство города.

Уложение, в первую очередь, прикрепляет все население либо к земле, либо к посадку, решает судьбу городской земли: закрепляет государственную собственность на землю, одновременно, в этом же документе уже находят отражение нормы о градостроительном зонировании, например, определение места выгона скота за пределами Земляного города, а также нормы о градостроительном проектировании, запрещающие владельцам домов, расположенных выше по склону, лить воду, мести сор или «иную какую пакость чинить» в отношении домов, расположенных ниже [4].

Муниципальная реформа Екатерины II прямо предусматривала обязательное утверждение планов городов её императорским величеством [5].

Александр II в Городовом положении 1870 года закрепил положение о том, что Городская Дума представляет интересы всего городского общества и действует от его имени. В частности, к полномочиям Городской Думы были отнесены вопросы благоустройства и вынесения на рассмотрение проекта изменений генерального плана города [6].

В период 1917–1990 годов органы местного самоуправления были заменены на Советы различных уровней, которые представляли собой систему органов государственной власти на местах. Регулирование градостроительной деятельности, в его современном понимании, на территории страны отсутствовало, так как до распада СССР и восстановления института частной собственности на землю, практически единственным заказчиком строительства выступало само государство [7].

14 марта 2022 года принят федеральный закон № 58-ФЗ [8], который разрешает органам государственной власти субъектов Российской Федерации принимать нормативные правовые акты, которыми могут быть установлены случаи утверждения проектов генеральных планов, проектов правил землепользования и застройки, проектов планировки территории, проектов межевания территории, внесения изменений в указанные проекты без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний в течение календарного года. Указанное право в 2022 году реализовано в 50 субъектах Российской Федерации (58,8% от общего числа субъектов), в 2023 году в 56 субъектах Российской Федерации (65,9% от общего числа субъектов), в 41 субъекте Российской Федерации (48,2% от общего числа субъектов) такие нормативные акты, устанавливающие случаи при которых общественные обсуждения и/или публичные слушания не проводятся, действовали и в 2022, и в 2023 годах, в 34 субъектах Российской Федерации (40% от общего числа субъектов) нормативные акты, устанавливающие случаи отмены общественных обсуждений и/или публичных слушаний на основании федерального закона № 58-ФЗ не применялись (статистические данные рассчитаны исходя из федеративного устройства Российской Федерации по состоянию на 01 января 2022 года). Действие указанного федерального закона было продлено на 2024 и 2025 годы.

Факторы, определяющие роль населения

Таким образом, активная роль населения в принятии градостроительных решений в процессе развития и застройки городов не свойственна национальному правопорядку, это обусловлено следующими факторами:

- территориальный, так как большая территория страны, наличие свободных земель снижает социальное напряжение, связанное с градостроительными преобразованиями, поскольку перенаселение или застройка новых районов не всегда сталкиваются с борьбой за землю,
- исторический, российское государство исторически строилось как централизованное, с сильной вертикалью власти, начиная с эпохи Московского княжества и Российской империи основными инициаторами градостроительных решений выступали монархи или центральная власть,
- социально-политический, в современной России полномочия населения в решении градостроительных вопросов чаще всего делегируются представителям власти – депутатам, местным администрациям и другим органам.

Заключение

Исторически сложившаяся централизованность государственного управления, значительные ресурсы территории и социально-политические особенности российского государства привели к делегированию большинства полномочий в принятии решений о развитии и застройке городов представителям публичной власти.

Современные тенденции, включая законодательные изменения, такие как федеральный закон № 58-ФЗ от 14 марта 2022 г., еще больше ограничивают возможность активного участия граждан в решении вопросов планирования и застройки территорий. Тем не менее, сохранение и развитие механизмов общественных обсуждений и публичных слушаний являются важными условиями для повышения прозрачности и легитимности градостроительных решений.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на анализ международного опыта вовлечения населения в управление городским развитием и поиск оптимальных решений для его адаптации в условиях российской правовой и социально-исторической специфики.

Литература

1. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Хрестоматия по истории России: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2019. – 592 с.
2. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: учебник. – М.: Проспект, 2019. – 528 с.
3. Ованесян И.Г., Иохвидов В.В. Предпосылки интеграции русских земель вокруг Москвы:

исторический аспект // International Journal of Humanities and Natural Sciences. vol. 4–2 (55), 2021. – С. 117–120.

4. Уложение государя царя и великого князя Алексей Михайловича. 1649. [Электронный ресурс]: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1649–1825. Том 1. С. 109. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 29.12.2024).
5. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи. 21 апреля 1785. [Электронный ресурс]: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1649–1825. Том 22. С. 358. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 29.12.2024).
6. Высочайше утвержденное Городовое Положение. 16/28 июня 1870. [Электронный ресурс]: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1825–1881. Том 45. С. 821. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 29.12.2024).
7. О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 03.08.1979 б/н // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 1979 г. № 32. Ст. 786.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 14 марта 2022 г. № 58-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1785.

THE ROLE OF POPULATION IN THE PROCESS OF URBAN DEVELOPMENT AND SETTLEMENT: A NATIONAL LEGAL-HISTORICAL PERSPECTIVE

Tarasova M.S.

Law Institute of Russian University of Transport (MIIT)

This paper deals with the analysis of the role of the population in the process of urban development on the territory of Russia in the historical and legal perspective. The key stages and peculiarities of

interaction between citizens and state authorities in the issues of building and development of cities are considered. Particular emphasis is put on the legislative aspects, starting from the Old Russian period and ending with the modern stage, including the changes introduced by the federal act of March, 14 2022 No 58-FZ. The author identifies the factors that limit the active participation of the population in making urban planning decisions, such as territorial specifics, historical centralisation of power and delegation of authority to the authorities. The article emphasises the need to preserve and develop mechanisms of public participation in order to increase the transparency and legitimacy of urban planning decisions.

Keywords: urban planning law, public authority, legislation, historical and legal analysis, public hearings, public discussions, urban development.

References

1. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. Reader on the history of Russia: textbook. manual. – M.: Prospect, 2019. – 592 p.
2. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. History of Russia: textbook. – M.: Prospect, 2019. – 528 p.
3. Ovanesyan I.G., Iokhvidov V.V. Prerequisites for the integration of Russian lands around Moscow: historical aspect // International Journal of Humanities and Natural Sciences. vol. 4–2 (55), 2021. – pp. 117–120.
4. The Code of the Sovereign Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich. 1649. [Electronic resource]: Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1649–1825. Volume 1. Page 109. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (date accessed: 12/29/2024).
5. Charter on the rights and benefits of the cities of the Russian Empire. April 21, 1785. [Electronic resource]: Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1649–1825. Volume 22. Page 358. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (date accessed: 12/29/2024).
6. Supremely approved City Regulations. June 16/28, 1870. [Electronic resource]: Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1825–1881. Vol. 45. P. 821. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date accessed: 29.12.2024).
7. On the city, district in the city Council of People's Deputies of the RSFSR: Law of the RSFSR of 03.08.1979 without number // Bulletin of the Supreme Council of the RSFSR of 1979, No. 32. Art. 786.
8. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of March 14, 2022, No. 58-FZ // SZ RF. 2022. No. 12. Art. 1785.

Современный механизм контрактной системы: гражданско-правовое регулирование и актуальные проблемы

Шаповалова Диана Леонидовна,

студент аспирантуры, Ростовский государственный экономический университет

В данной статье проводится анализ современного состояния и практики функционирования контрактной системы в России, выявляются наиболее типичные для нее проблемы и формулируются авторские предложения по совершенствованию правовой и практической основ системы закупок товаров, работ и услуг для удовлетворения государственных нужд.

Ключевые слова: закупка, контрактная система, поставщик, предприниматель, поставка для государственных нужд.

Заключение контрактов на поставку работ, услуг и товаров для государственных и муниципальных нужд на современном этапе развития должно осуществляться на таких условиях, которые не только указаны в законе, но и в заявке заказчика, а также на условиях, которые определены в результате проведения конкурсных процедур. Стоит отметить, что процедура заключения контракта для поставки товаров, услуги или работ для государственных и муниципальных нужд сегодня урегулирована такими актами, как Федеральный закон № 44-ФЗ и Гражданский кодекс РФ.

Заключение исследуемого контракта осуществляется исключительно в письменной форме, что не исключает заключения путем обмена документами по поставке с использованием системы электронного документооборота. Такое положение в полной мере соответствует положениям статьи 161 ГК РФ. В то же время, нормы ФЗ № 44-ФЗ сегодня содержат специальные правила относительно формы такого контракта и внесения изменений в него и в закупочную документацию. С учетом анализа соотношения правовых положений ГК РФ и Федерального закона № 44-ФЗ можем отметить, что нормы ГК РФ являются общими правовыми положениями об отношениях поставки, в том числе для государственных нужд; нормы Федерального закона № 44-ФЗ устанавливают специальный гражданско-правовой механизм регулирования отношений закупки товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд путем заключения специального контракта для этого.

В качестве ключевой особенности механизма, направленного на заключение контракта, выступает наличие такого обстоятельства, что контракт может быть заключен только после использования единой системы закупок (ЕИС), так как без этого назвать заключение контракта правомерным нельзя. Гражданское законодательство, регламентируя общие вопросы заключения и исполнения договоров поставки, допускает возможность использования сторонами автоматизированных и иных систем при заключении договоров, но специально не указывает на применение в ходе заключения контракта на поставку товаров, работ и услуг для государственных нужд ЕИС. При этом следует отметить то обстоятельство, что федеральное законодательство в данной сфере содержит правила, которые регламентируют особый порядок заключения соответствующего контракта, включая необходимость прохождения установленных процедур.

Контракт считается заключенным лишь после того, как заказчик опубликовал заключенный

и подписанный контракт в ЕИС. Однако в ситуации, которая указана в ч. 5 ст. 103 ФЗ № 44-ФЗ, такое размещение контракта в ЕИС не является обязательным.

На современном этапе развития существуют определенные особенности в правовой регламентации порядка заключения договора поставки в тех случаях, когда речь идет об отдельно взятых видах закупок. Такие особенности сегодня определены в ФЗ № 44-ФЗ. Например, известно, что на практике есть несколько разновидностей правовых норм и инструментов, которые применяются в целях заключения данных контрактов. Применяется не только федеральное, но часто региональное законодательство, что можно рассматривать как особенность. На практике нередко применяются ГОСТы, так как нормы, которые в них указаны, достаточно часто определяют специфику заключения контракта. Что касается инструментов, то именно с помощью ряда юридических инструментов нередко осуществляется правовая регламентация отношений в сфере закупок. К их числу можно отнести:

- непосредственно закупочное законодательство, то есть как нормы федерального и регионального законодательства, так и локальные акты органов государственной власти, наделенных полномочиями в закупочной системе;
- сами конкурсные процедуры, так как в результате их применения будет осуществляться отбор работ, услуг, товаров и поставщика таких;
- механизм, в соответствии с которым заключается контракт на поставку, в том числе, посредством формирования контракта и извещения [5] и т.д.

В настоящее время есть множество проблем практического характера из тех, которые возникают в области поставки товаров, работ и услуг. В частности это:

- фокусирование государства в лице его уполномоченных органов и должностных лиц излишнего внимания на цене контракта;
- допущение заказчиком ошибок в описании объекта закупки и, как следствие, снижение эффективности расходования бюджетных средств, затрачивание дополнительного времени на проведение конкурсных процедур;
- нарушение заказчиком правил определения критериев качества товара, работы или услуги. [8]

Нельзя не акцентировать внимание и на том, что порядок заключения всех контрактов в данной области, который закреплен законодательно, характеризуется следующими аспектами:

- ограничением принципа сотрудничества сторон при определении необходимости поставки и ее ключевых условий;
- отсутствием достаточных мер по предотвращению случаев коррупционного поведения со стороны заказчиков при размещении заявок и заключении контрактов на поставку;

- наличием пробелов правового регулирования действий заказчика и поставщика по определению наличия или отсутствия конфликта интересов между указанными субъектами на стадии заключения контракта.

Существование указанных проблем, по нашему мнению, обусловлено не только несовершенством действующего закупочного законодательства, но и наличием со стороны заказчика нередких случаев проявления коррупционного поведения.

Современная судебная практика также не позволяет обеспечивать соблюдение и надлежащую защиту интересов как заказчика, так и поставщика (например, в судебной практике сложилась позиция, согласно которой в случае признания контракта о поставке товаров, работ и услуг для государственных нужд заключенным с нарушением требований законодательства, двусторонняя реституция не применяется; данное обстоятельство свидетельствует о прямом нарушении прав и законных интересов потенциальных поставщиков, а также ведет к исключению факта регулирования указанной сферы гражданско-правовыми средствами, в том числе, принципом диспозитивности и принципом недопустимости вмешательства в частные дела.

Исполнение контракта на поставку на протяжении довольно длительного времени продолжает оставаться одним из наиболее проблемных вопросов как по причине отсутствия достаточного правового регулирования данного этапа, так и по причине допущения заказчиком и поставщиком многочисленных нарушений при исполнении контракта [4].

В соответствии с общими положениями Федерального закона № 44-ФЗ и правовыми нормами ГК РФ в части рассматриваемого вида поставки исполнение контракта о поставке товаров, работ и услуг для государственных нужд подразумевает саму поставку, приемку товара / работы / услуги, а также проведение экспертного исследования на предмет того, чтобы установить, точно ли объект поставки соответствует заявленным требованиям, оплату того или иного товара, работы или услуги [3]. Ключевая обязанность поставщика в данном случае заключается в передаче товара заказчику в сроки и на условиях, которые прямо прописаны в соответствующем контракте. В качестве ключевой особенности исполнения данных контрактов можно назвать то, что заказчик на современном этапе обязан провести экспертную оценку работ, товаров или услуг, которые были им приняты. Стоит отметить, что экспертиза может быть произведена не только своими силами, но и с помощью сторонних экспертных организаций.

При этом действующее законодательство для обеспечения законности поставки устанавливает правила о том, что в качестве эксперта могут быть привлечены только те лица, которые обладают специальными знаниями и навыками; эксперты при оценке исполнения контракта действуют объективно и беспристрастно, а также предупрежда-

ются об ответственности за недостоверную экспертную оценку поставки.

Напомним, подобные правила действующим гражданским законодательством Российской Федерации не устанавливаются ни для одного из видов гражданско-правового договора; применение указанных правил по экспертной оценке поставки товаров, работ и услуг для государственных нужд, по нашему мнению, обусловлено, прежде всего, недопустимостью нарушения и повышенной общественной значимостью интересов государства, нуждающегося в объекте поставки [2].

Проявления гражданско-правового механизма регулирования процессов в сфере исполнения исследуемых контрактов может находить свое выражение в следующих аспектах:

- в качестве исполнителя контракта и последующего договора поставки выступает лицо, которое осуществляет деятельность предпринимательского характера;
- предметом контракта и последующей поставки едва ли могут выступать ценные бумаги, валютные ценности, имущественные права, недвижимость;
- в качестве существенного условия контракта и договора поставки в этом аспекте является срок, в течение которого исполнитель в установленный срок осуществляет поставку предмета договора;
- поставщик обязан осуществить действия по поставке товаров, работ и услуг надлежащему лицу;
- ключевыми обязанностями заказчика по контракту поставки для государственных нужд (как и по договору поставки) являются приемка объекта поставки и ее оплата;
- стороны контракта имеют право защищать свои права гражданско-правовыми способами, предусмотренными действующим законодательством;
- при исполнении контракта обязательства должны быть исполнены надлежащим образом, а при неисполнении данной обязанности виновное лицо подлежит привлечению к гражданско-правовой ответственности.

Исполнение контракта характеризуется некоторыми особенностями, которые находят свое отражение на практике. В частности, как указано в нормах современного гражданского законодательства, в рамках исполнения договора поставки, стороны вполне могут изменять условия договора, который бы заключен ими ранее. Это в полной мере относится и к сроку поставки, так как он также может быть изменен. Касаемо исполнения контракта, в настоящее время действует правило, сущность которого заключается в том, что стороны не имеют право на основании дополнительного соглашения изменять срок работы. Исключения могут быть предусмотрены только законом [7].

Таким образом, обращаем внимание на то, что современное правовое регулирование контрактной системы осуществляется посредством использования гражданско-правового механизма. При

этом действующее законодательство и сформировавшаяся практика закупок не исключают многих проблем организации и осуществления поставок, что оказывает влияние на всю контрактную систему на территории нашей страны. В представленной статье были выявлены определенные проблемы в данной области и предложены пути их решения. Полагаем, что эта сфера нуждается в планомерной оптимизации.

Литература

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства. 2012. № 53 (часть 1). Ст. 7600.
2. Приказ Тендерного комитета города Москвы от 06 июля 2015 г. № 70–01–69/15 «Об утверждении Методических рекомендаций по приёмке товара, работы, услуги или результатов отдельного этапа исполнения контракта и Порядка привлечения эксперта, экспертной организации при осуществлении приёмки товаров, работ, услуг (с изменениями на 16 мая 2024 г.)» // СПС «Кодекс».
3. Аксенова, Е.С., Минат, В.Н. К вопросу об экспертизе качества поставляемых товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Рязанского агротехнического университета им. П.А. Костычева. 2017. № 2 (34). С. 99–102.
4. Волынкина, М.В. Правовая природа государственного контракта // Вестник гражданского права. 2014. № 4. С. 24–28.
5. Лысаковский, Г.А. Реформа правового регулирования закупок за счет собственных средств государственных организаций и субъектов хозяйствования с долей государства в республике Беларусь // Публичные закупки в зарубежных странах: динамика правового регулирования / отв. ред. О.А. Беляева, В.А. Вайпан, К.В. Кичик. М., 2017. С. 60.
6. Тарабаев, П.С. Гражданско-правовое регулирование поставки товаров для федеральных государственных нужд // Госзакупки. 2016. № 1. С. 58–67.
7. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Пять ошибок в описании объекта госзакупки: разбираемся на примерах из практики УФАС // URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/11722> (дата обращения: 10.01.2025).

THE MODERN MECHANISM OF THE CONTRACT SYSTEM: CIVIL LAW REGULATION AND CURRENT ISSUES

Shapovalova D.L.
Rostov State University of Economics

This article analyzes the current state and practice of the contract system in Russia, identifies the most typical problems for it, and formulates author's proposals for improving the legal and practical foundations of the procurement system for goods, works, and services to meet government needs.

Keywords: procurement, contract system, supplier, entrepreneur, supply for government needs.

References

1. Federal Law of December 29, 2012 No. 275-FZ "On State Defense Order" // Collection of Legislation. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7600.
2. Order of the Tender Committee of the City of Moscow of July 6, 2015 No. 70–01–69/15 "On Approval of Methodological Recommendations for the Acceptance of Goods, Works, Services or Results of a Separate Stage of Contract Performance and the Procedure for Involving an Expert, Expert Organization in the Acceptance of Goods, Works, Services (as amended on May 16, 2024)" // SPS "Code".
3. Aksenova, E.S., Minat, V.N. On the Issue of Expertise of the Quality of Supplied Goods, Works, Services to Meet State and Municipal Needs // Bulletin of the Ryazan Agrotechnical University named after P.A. Kostycheva. 2017. No. 2 (34). P. 99–102.
4. Volynkina, M.V. Legal nature of a state contract // Bulletin of civil law. 2014. No. 4. P. 24–28.
5. Lysakovskiy, G.A. Reform of legal regulation of purchases at the expense of own funds of state organizations and business entities with a state share in the Republic of Belarus // Public procurement in foreign countries: dynamics of legal regulation / ed. Moscow, 2017. P. 60.
6. Tarabaev, P.S. Civil law regulation of the supply of goods for federal state needs // State procurement. 2016. No. 1. P. 58–67.
7. Review of judicial practice of applying the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 28, 2017) // SPS "ConsultantPlus".
8. Five errors in the description of the object of public procurement: we understand it using examples from the practice of the FAS // URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/11722> (date of access: 01/10/2025).

К вопросу о мировом соглашении в делах о несостоятельности (банкротстве)

Васильева Светлана Валерьевна,

к.ю.н., доцент кафедры юриспруденции, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Комиссарова Елена Александровна,

ст. преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Шерашенкова Екатерина Алексеевна,

к.п.н., доцент кафедры юриспруденции, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smol@ranepa.ru

Федоскин Николай Николаевич,

к.п.н., доцент кафедры юриспруденции, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

В статье анализируются способы урегулирования гражданско-процессуальных конфликтов. Разработка эффективных методов предотвращения, смягчения и урегулирования споров в гражданском процессе всегда была актуальной проблемой. Заключение мирового соглашения между сторонами является результативным способом урегулирования гражданско-процессуальных конфликтов. Судьи уже на ранних стадиях рассмотрения дела активно содействуют достижению согласия, подчеркивая возможность такого разрешения в любой момент процесса. Такой подход обусловлен тем, что судебные акты на основе добровольного согласия сторон имеют меньшую вероятность быть оспоренными, так как учитывают интересы обеих сторон и отражают их взаимные договоренности. Авторы приходят к выводу, что мировое соглашение выходит за рамки простого согласия сторон, поскольку оно является юридически значимым событием, воплощающим соглашение на условиях, приемлемых для обеих сторон, и придавая им определенные права и обязанности. Это не только способствует завершению процесса, но и закрепляет данные обязательства как юридически обязывающие, со всеми процедурными последствиями. В свете стремления к совершенствованию судебной практики возрастает интерес к дальнейшему изучению и оптимизации законодательной базы, регулирующей применение мировых соглашений в гражданском процессе, в том числе в делах о несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: мировое соглашение, арбитражный процесс, процедура банкротства, сделки, гражданское право.

Одним из приоритетных направлений развития и реформирования гражданского законодательства является установление эффективной и сбалансированной системы урегулирования несостоятельности (банкротства). Основой этой системы выступают принципы нейтральности и справедливости, целью которых является сохранение равновесия и защита законных интересов как должников, так и кредиторов. Правовые механизмы, разработанные и функционирующие в рамках данной системы, стремятся минимизировать негативные последствия для всех сторон гражданско-правовых отношений, а также обеспечивать общественную и экономическую стабильность в стране. Важно отметить, что система урегулирования несостоятельности в РФ организована таким образом, чтобы стороны гражданской сделки могли эффективно решать возникающие финансовые трудности через диалог, путем взаимных уступок и компромиссов. Основу этой системы составляют процедуры мирового соглашения, которые считаются одним из самых конструктивных подходов к урегулированию конфликтов между должниками и кредиторами, позволяя достичь взаимовыгодных условий и предотвратить дополнительные экономические потери.

Мировое соглашение в контексте дел о банкротстве приобретает особое значение, так как предоставляет должнику и кредиторам механизм, позволяющий им переговорами разрешить финансовые споры без непосредственного вмешательства суда, что в свою очередь экономит время и средства сторон. Значимость подхода, учитывающего интересы обеих сторон, подчеркивал Г.Ф. Шершеневич [1], выделяя важность уступок в пользу сохранения деловых отношений и экономической стабильности.

В целом, развитие системы несостоятельности в РФ направлено на создание эффективных и гибких инструментов правовой защиты, способных адаптироваться к динамично меняющейся экономической среде и обеспечивать справедливое урегулирование конфликтов, стимулируя при этом предпринимательскую активность и защиту инвестиционного климата страны. Мировое соглашение представляет позволяет минимизировать экономические и репутационные потери, сопровождающие процедуру банкротства для физических и юридических лиц. Потенциал мирового соглашения как действенного механизма преодоления финансовых трудностей и предотвращения процедуры банкротства заключается в возможности остановки банкротного производства. По сути, данный

инструмент способствует должнику в сохранении имущества и предоставляет шанс, сопряженный с последствиями банкротства. С другой стороны, мировое соглашение предполагает строгое исполнение всех взятых на себя обязательств. Прошедшая пандемии COVID-19 в 2019–23 гг. выявила увеличение числа банкротств среди граждан практически на 50% и рост гражданских дел о взыскании долгов. Это подчеркивает актуальность и необходимость гибких подходов и инструментов для решения финансовых проблем, среди которых особое место занимает мировое соглашение.

Существует разнообразие подходов к регулированию финансовых споров между должниками и их кредиторами в судебной практике. В контексте финансовых трудностей должника суд обладает широкими полномочиями относительно требований к финансовой документации, связанной с деятельностью должника. Отличительной чертой урегулирования спора выступает возможность заключения мирового соглашения без согласия всех кредиторов, причем по гражданскому законодательству условия мирового соглашения распространяются на всех кредиторов, включенных в официальный реестр, даже если они не участвовали в принятии решения о соглашении. Такой подход способствует ускорению процесса восстановления финансового баланса и предотвращению долгих и затратных процедур ликвидации имущества должника, которые могут негативно сказаться как на интересах кредиторов, так и на возможностях самого должника восстановить свою позицию.

Мировое соглашение – это инструмент компромисса между всеми заинтересованными сторонами. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127 – ФЗ [2] «регулирует порядок и условия заключения таких соглашений и предусматривает достижение взаимных уступок» [3, с.705].

Соглашение должно получить одобрение на собрании кредиторов квалифицированным большинством голосов, что невозможно без процедуры согласования интересов участников процесса урегулирования. Для некоторых обязательств, обеспеченных залогом, требуется получение одобрения от всех кредиторов, что добавляет дополнительный уровень сложности.

Такой подход к урегулированию финансовых споров и реализации процедур банкротства подчеркивает стремление законодательства сбалансировать интересы всех участников процесса, обеспечивая надлежащий уровень защиты для кредиторов и предоставляя возможности для восстановления деятельности должника. На этих принципах строятся современные подходы к управлению долговыми обязательствами и реструктуризации долгов в Российской Федерации. При недостаточном учете интересов отдельных кредиторов, соглашение можно оспорить в суде. Отмена мирового соглашения возобновляет рассмотрение дела о банкротстве. В процессе банкротства предусмотрены различные этапы и механизмы заключения миро-

вых соглашений на каждом из них. Например, процедура наблюдения часто считается наиболее подходящей для достижения согласия между должником и кредиторами, так как она предоставляет возможность для консенсуса и проводится первое собрание кредиторов, на котором может быть принято решение о мировом соглашении.

Исходя из материалов дела № А75–3584/2017 [4] о признании банкротства индивидуального предпринимателя Фиско С.В. достигнуто нового этапа 18 февраля 2020 года, когда была объявлена резолютивная часть судебного решения. Рассматривалось заявление публичного акционерного общества «Сбербанк России» о расторжении мирового соглашения, заключенного с ИП Фиско С.В., и возобновления производства по делу его банкротства, а также вопроса о реализации имущества должника.

На заседание были приглашены представитель кредитора и лица, представляющие интересы должника и арбитражного управляющего. Однако последние не присутствовали на заседании, несмотря на надлежащее извещение. Сбербанк России выразил намерение расторгнуть мировое соглашение и возобновить производство по делу о банкротстве. Свои требования мотивировал необходимостью внести задолженность на сумму более 23 миллионов рублей в реестр требований кредиторов, часть из которых обеспечена залогом.

В ходе судебного процесса были учтены сведения от региональной саморегулируемой организации профессиональных арбитражных управляющих относительно кандидатуры арбитражного управляющего по данному делу. Представитель ПАО «Сбербанк России» поддерживал расторжение мирового соглашения и введение процедуры реализации имущества должника. На основании ст. 158 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», мировое соглашение приобретает юридическую силу, сравнимую с другими процедурами банкротства. Суть заключения мирового соглашения заключается в прекращении рассмотрения дела о банкротстве. Мировое соглашение должно выступать в качестве инструмента для решения проблемы несостоятельности. Процесс заключения мирового соглашения ограничен определенными требованиями, которые уже включены в реестр требований кредиторов на момент проведения собрания кредиторов. Судебное утверждение мирового соглашения возможно при условии погашения задолженности по требованиям первой и второй очереди, что отражено в гражданском законодательстве. На законодательном уровне происходит закрепление добросовестного и справедливого урегулирования долговых отношений между должниками и кредиторами.

Стороны выражают свое желание найти взаимовыгодное решение для выхода из сложившейся финансовой ситуации, что способствует восстановлению платежеспособности должника и удовлетворению требований кредиторов, принимая

во внимание общую цель достижения финансовой стабильности и равноправия интересов обеих сторон.

Мировое соглашение прежде всего экономит время и ресурсы участников процесса. Условия и требования к составлению мирового соглашения при банкротстве установлены Приказом Минэкономразвития РФ от 3 августа 2004 года № 219 [5] установлены критерии и порядок действий для уплаты задолженностей. Для создания положительных условий вводится равномерное ежемесячное погашение долгов в течение года с момента утверждения соглашения арбитражным судом, может быть предложен залог имущества, поручительство или банковская гарантия. В мировом соглашении при соблюдении действующих норм и положений законодательства, с учетом положений Закона № 127-ФЗ и соответствующих постановлений Верховного суда, должны обеспечиваться равные условия для всех участников процесса. Необходимо гарантировать, чтобы условия мирового соглашения не ухудшали положение кредиторов по сравнению с возможными исходами от продажи активов банкрота, а также учитывать инфляционные риски и исключать любые необоснованные уступки.

Разработка проекта мирового соглашения предполагает включение в него ряда ключевых моментов. Одним из таких аспектов является установление условий для пропорциональной выплаты процентов, которые начисляются в соответствии с установленными правилами, равными долями в течение года. Это помогает снизить финансовую нагрузку на должника. Еще одним важным элементом соглашения является требование к должнику обязательным и своевременным исполнением обязательств по текущим платежам в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Проект мирового соглашения также «должен включать предложения о возможности отсрочки или рассрочки налоговых платежей в соответствии с действующими положениями статьи 64 Налогового кодекса РФ, а также описание механизма погашения задолженности, включая график выплат и поддерживающие документы, такие как оценка имущества, предложенного в залог» [6, с.123].

Важным итогом утверждения мирового соглашения арбитражным судом является не только его законное вступление в силу, но и полное прекращение процедуры банкротства, включая отмену всех ранее принятых мер принудительного взыскания в отношении активов и денежных средств должника. Процедура заключения мирового соглашения в деле о банкротстве включает в себя несколько важных шагов и требует строгого соблюдения установленных правил и норм. Первое, это необходимость получения одобрения на собрании кредиторов, при условии, «что вся задолженность должников обеспечена залогом соответствующего имущества» [7].

Гарантии соглашению придает оформление в письменной форме и исключение условий, нарушающих законодательство о банкротстве, избе-

жать привилегированных условий для части кредиторов в ущерб интересам других.

Необходимо учитывать, что на обязательные платежи и финансовые требования будут начисляться проценты по ставке рефинансирования Центрального банка Российской Федерации на момент утверждения глобального соглашения судом.

Глобальное соглашение должно быть одобрено не только на встрече кредиторов, но и подлежит утверждению арбитражным судом. Для этого необходимо выполнение определенных условий, таких как погашение требований первого и второго порядка, отсутствие нарушений прав третьих лиц, соответствие условий соглашения действующему законодательству и отсутствие оснований для его недействительности.

При обсуждении условий глобального соглашения стоит рассмотреть возможность согласования снижения процентных ставок или освобождения от их оплаты, если это поддерживается согласием кредиторов. Заключение глобального соглашения требует детального анализа ситуации, внимательного изучения всех аспектов задолженности и активной взаимодействия всех участников процесса.

При условии рассмотрения глобального соглашения судом в рамках дела о банкротстве, суд проводит судебное заседание, уведомляя все заинтересованные стороны. Суд выносит решение о прекращении производства по делу о банкротстве в случае принятия глобального соглашения. Согласно части 8 ст. 141 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ [8], решение о принятии арбитражного соглашения подлежит незамедлительному исполнению. Решение может быть обжаловано в сроки, установленные законодательством.

Отметим также, что определение об отказе в утверждении глобального соглашения может быть обжаловано в апелляционной инстанции [9, с.143].

Среди особенностей следует отметить, что в соответствии с информационным письмом Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2005 года № 97 [10], заключение и утверждение мирового соглашения судом не может произойти до проведения первого собрания кредиторов. На основании ФЗ «О банкротстве», мировое соглашение с временным управляющим не нужно согласовывать.

Условия мирового соглашения, заключенные во время наблюдения, распространяется на требования конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, а полномочия временного управляющего прекращаются после утверждения соглашения судом.

Основными критериями разрешения сложной финансовой ситуации будет не только заключение мирового соглашения с уполномоченным органом, но и своевременное погашение долгов в установленные сроки. Именно ответственный подход должника демонстрирует готовность к диалогу с кредитором, к выполнению своих обязательств, что выступает аспектом сохранения стабильности для предпринимателя и его компании.

Серьезность и важность таких договоренностей, которые практически приравниваются к судебным решениям, обеспечиваемым государством. В случае невыполнения сторонами мирового соглашения по каким-либо причинам, оно может быть приведено в исполнение аналогично судебному приказу, что обеспечивает защиту интересов кредиторов.

Примечательно, что в случае расторжения мирового соглашения в рамках процедуры банкротства следует применение специального законодательства, в частности закона о банкротстве. Это означает, что после официального одобрения судом такого соглашения, рамки для его досрочного расторжения значительно сужаются, а попытки признать должника банкротом на основе данного соглашения не учитываются в ходе судебного разбирательства, если соглашение было заключено и одобрено до начала процесса. Это подчеркивает специфическую роль мирового соглашения в процессе банкротства, где оно становится инструментом урегулирования долговых проблем, с учетом интересов всех участников процесса – должника, кредиторов и уполномоченного органа.

Принимая во внимание непростую экономическую ситуацию, вызванную пандемией COVID-19 и санкциями, которые поставили многие предприятия на грань выживания из-за невозможности своевременного выполнения финансовых обязательств, роль мировых соглашений становится еще более актуальной. Они служат эффективным средством для предотвращения банкротства и позволяют компаниям пережить временные трудности, снижая экономическое напряжение.

Таким образом, активное использование мировых соглашений и реструктуризация долгов могут сыграть важную роль в поддержании финансовой стабильности, сохранении бизнеса в кризисный период, восстановлении платежеспособности должников и удовлетворении законных требований кредиторов, стимулируя при этом общее экономическое восстановление.

Литература

1. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М., 2000. – 422 с.
2. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127 – ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СПС «Консультант Плюс». – 2025.
3. Фомина М.Н. Сущность и значение мирового соглашения в арбитражном процессе // Аллея науки. – 2019. – Т. 2. – № 11 (38). – С. 704–710.
4. Определение Верховного Суда РФ от 01.08.2023 N 304-ЭС23–12504(1,2) по делу N А75–3584/2017 // СПС «Консультант Плюс». – 2025.
5. Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 3 августа 2004 г. N 219 (ред. от 21.08.2015) «О Порядке голосования органа, уполномоченного представлять в де-

лах о банкротстве и в процедурах банкротства требования об уплате обязательных платежей и требования Российской Федерации по денежным обязательствам при участии в собраниях кредиторов» // СПС «Гарант» // URL: <https://base.garant.ru/187350/> (дата обращения: 16.01.2025).

6. Добриев Р.З. Проблемы заключения мирового соглашения в рамках дел о банкротстве с участием уполномоченного органа ФНС РФ // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2019. – № 5 (14) Т. 4 – С. 122–127.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – № 31. – 03.08.1998. – ст. 3824.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
9. Овинников В.А. Мировое соглашение в процедуре банкротства физического лица // Вестник магистратуры. – 2018. – № 12–1 (87). – С. 142–145.
10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 N 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58107/

ON THE ISSUE OF A SETTLEMENT AGREEMENT IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES

Vasilyeva S.V., Komissarova E.A., Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N.
Smolensk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article analyzes the ways to resolve civil procedure conflicts. The development of effective methods for the prevention, mitigation and settlement of disputes in civil proceedings has always been an urgent problem. The conclusion of a settlement agreement between the parties is an effective way to resolve civil procedural conflicts. Already at the early stages of the case, judges actively promote agreement, emphasizing the possibility of such a resolution at any point in the process. This approach is due to the fact that judicial acts based on the voluntary consent of the parties are less likely to be challenged, since they take into account the interests of both parties and reflect their mutual agreements. The authors conclude that the settlement agreement goes beyond the simple consent of the parties, since it is a legally significant event embodying an agreement on terms acceptable to both parties and giving them certain rights and obligations. This not only helps to complete the process, but also establishes these obligations as legally binding, with all procedural consequences. In the light of the desire to improve judicial practice, there is an increasing interest in further studying and optimizing the legislative framework governing the application of settlement agreements in civil proceedings, including in insolvency (bankruptcy) cases.

Keywords: settlement agreement, arbitration, bankruptcy procedure, transactions, civil law.

References

1. Shershenevich G.F. The competitive process. Moscow, 2000. – 422 p.
2. Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated October 26, 2002 N 127 – FZ (as amended on December 26, 2024) // SPS Consultant Plus. – 2025.

3. Fomina M.N. The essence and significance of the settlement agreement in the arbitration process // *Alley of Science*. – 2019. – Т. 2. – № 11 (38). – Pp. 704–710.
4. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08/01/2023 N 304-ES23–12504(1,2) in the case N A75–3584/2017 // SPS “Consultant Plus”. – 2025.
5. Order of the Ministry of Economic Development and Trade of the Russian Federation No. 219 dated August 3, 2004 (as amended on 08/21/2015) “On the Voting Procedure of the body Authorized to represent in Bankruptcy Cases and Bankruptcy Proceedings Claims for payment of mandatory payments and claims of the Russian Federation for monetary obligations when participating in meetings of creditors” // SPS “Garant” // URL: <https://base.garant.ru/187350/> / (date of access: 16.01.2025).
6. Dobriev R.Z. Problems of concluding a settlement agreement in bankruptcy cases involving the authorized body of the Federal Tax Service of the Russian Federation // *International Scientific Journal “Bulletin of Science”*. – 2019. – No. 5 (14) Vol.4 – pp. 122–127.
7. The Tax Code of the Russian Federation (part one) dated 07/31/1998 No. 146-FZ (as amended on 03/23/2024) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – No. 31. – 08/03/1998. – art. 3824.
8. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated July 24, 2002, No. 95-FZ (as amended dated 12/28/2024) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – 2002. – No. 30. – Art. 3012.
9. Ovinnikov V.A. Settlement agreement in the bankruptcy procedure of an individual // *Bulletin of the Magistracy*. – 2018. – № 12–1 (87). – Pp. 142–145.
10. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 12/20/2005 N 97 “Review of the practice of arbitration courts considering disputes related to the conclusion, approval and termination of settlement agreements in insolvency (bankruptcy) cases” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58107/

Фильчева Алёна Дмитриевна,

магистрант, Институт государственного администрирования
E-mail: Fad4599@mail.ru

Плешаков Сергей Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, Институт
государственного администрирования
E-mail: pleshakovsm@mail.ru

В данной статье анализируются проблемы, возникающие в теории, законодательстве и судебной практике в связи с процессом заключения контрактов на основе результатов торгов, с акцентом на современные законодательные нормы. Торги являются одним из значимых и часто применяемых механизмов для заключения гражданско-правовых соглашений и играют важную роль в системе гражданского права. В этом контексте возникают трудности с четким определением понятия торгов, также отмечается неразработанность их сущности как формы договорного согласия и как отдельной сделки. Актуальным остается вопрос о порядке оформления гражданско-правового контракта в процессе торгов. Кроме того, важным аспектом является обсуждение легитимности проведенных торгов и возможности их оспаривания. Осознание и решение этих вопросов имеют решающее значение для повышения правовой определенности и защиты интересов участников торгов. В конечном итоге, глубокое исследование данных проблем может способствовать усовершенствованию существующей практики и созданию более эффективной законодательной структуры.

Ключевые слова: заключение договора, торги, муниципальное и государственное имущество.

На законодательном уровне определение указанного понятия не закреплено, однако содержащиеся в них нормы позволяют сформулировать определение торгов. Торги (тендер или конкурс) представляют собой состязание между участниками, стремящимися получить право на заключение контракта.

Некоторые исследователи отмечают, что «торговля является своеобразным видом переговоров, связанных с оформлением договора, в ходе которых проводятся четко регламентированные обсуждения с конкретными условиями выбора партнера» [6, с.31].

Обычно торги представляют собой вид публичных закупок, поэтому в данной работе уделяется особое внимание именно им. Исторически, одной из характерных черт контрактной системы в Российской Федерации в области приобретения товаров, услуг и работ является то, что первым актом, касающимся государственной закупочной сферы, является «Лист для торга», принятый в 1830 году. Уместно отметить, что контракт выполняет общую организационную функцию (объединение участников, упорядочение их действий и так далее), а также осуществляет специальные функции: юридико-фактическую (возникновение, изменение или прекращение прав и обязательств) и регулятивную (формулирование правил поведения для участников соглашения).

Целесообразность, обоснованность, своевременность, эффективность и результативность расходов на закупки являются правовыми принципами осуществления деятельности по закупкам для государственных и муниципальных нужд. Одновременно может возникнуть необходимость, а в некоторых ситуациях даже необходимость, обращаться к альтернативным источникам информации, которые применяются в процессе финансового контроля.

Договор считается подписанным при выполнении определенных условий: стороны обязаны прийти к консенсусу по всем существенным аспектам данного соглашения; помимо этого, по своей форме данное соглашение должно удовлетворять стандартам, установленным для договоров такого типа (ст. 432 Гражданского кодекса РФ).

Основная задача принятия нормативного документа с внедрением контрактной системы заключается в реализации унифицированного прозрачного процесса: от формирования до размещения госзаказа и исполнения государственных контрактов на уровне конкретных обязательств. В рамках Федерального закона, товарное обеспечение для муниципальных потребностей было обособлено как самостоятельный вид договора купли-продажи

(ст. 4 главы 30). Сегодня наблюдается радикальное преобразование всей системы государственных закупок, приоритетным законодательным актом в этой области является федеральный закон, определяющий ключевые аспекты данной сферы деятельности.

В научной литературе не существует единого мнения по вопросу о понятии контракта поставки для государственных нужд [7, с.35]. Тем не менее, можно выделить три ключевых характеристики, присущие данному виду соглашения:

1) Потребитель приобретает товары не для личного использования, а для нужд государства;

2) Основной целью подписания контракта на поставку для государственных нужд является выполнение государственного заказа;

3) Заключение договора на поставку для государственных нужд основывается на существующем государственном контракте.

Вопросы оптимального управления внешнеэкономическими процессами в России всегда остаются одной из самых сложных задач, актуальность которой обусловлена как внутренними противоречиями и несогласованностью экономической политики на национальном уровне, так и на стратегическом планировании во взаимодействии с другими странами. Эти перемены происходили под воздействием как внутренних, так и внешних социально-экономических факторов, включая глобализацию, а также влияния политических решений внутри страны и мировых тенденций.

Особое внимание заслуживает внедрение электронных торгов в государственных закупках – ключевой компонент современной системы управления. Это направление стало особенно значимым из-за отсутствия законодательной регуляции для таких форм конкурсов, как ограниченный по участию и двухэтапные процедуры, что ранее создавало существенные пробелы в правовом поле России.

Электронные торги до завершения процесса обеспечивают конфиденциальность участников, участвующих в закупках, и одновременно сокращают количество оснований для отказа в заявках на участие. Это ключевые элементы, способствующие равноправию всех участников закупочного процесса и уменьшающие вероятность субъективных решений со стороны заказчиков.

Расходы на организацию электронного аукциона в сравнении с традиционными бумажными методами значительно снижены: сокращается использование бумаги, уменьшается время, которое комиссия тратит на выполнение публичных процедур, и так далее.

Начальная максимальная цена договора (НМЦД) выступает главным показателем процесса, который подлежит отражению в закупочном материале, и, что немаловажно, необходим для процедуры оценивания и сопоставления ценовых предложений. Именно они подаются участниками закупок во время проведения соответствующих процессов.

Положение, касающееся закупки, должно включать в себя правила к закупкам, а также порядок подготовки и проведения процедур закупки.

Классификация форм закупочных отношений является, по сути, классификацией форм закупок, что и следовало определить в законе. Так, когда выполнялась противоаварийная деятельность в подведомственном объекте, заказчиком заключался контракт, где был единственный подрядчик. Заключение договора с единственным исполнителем для выполнения неотложных работ при устранении чрезвычайного происшествия, произошедшего еще ранее, является недопустимым. Что касается арбитражных споров в части исполнения, расторжения договоров, то в данной ситуации, в процессе рассмотрения спора, решение принималось в зависимости от того, были ли у клиента назначенные сроки для проведения закупки через конкурентные процедуры.

Контрактная система требует развития новых форм участия, например, регулирования отношений в сфере государственного оборонного заказа, который отличается более гибкими требованиями к сторонам контракта.

Подобно тому, как это происходит при обсуждении условий контракта, в процессе торгов между участниками преддоговорных взаимодействий формируется организационное обязательство, которое имеет целью упорядочить процесс заключения данного контракта. Методы управления собственностью в обязательном порядке должны быть ориентированы на удовлетворение потребностей населения, поскольку именно его интересы выступают целеполагательным аспектом политики.

В современном законодательстве определены сведения, которые обязательно должны содержаться в извещении о закупке и в документации о закупке. Иногда у участников возникают вопросы о том, как и в каком виде можно удостовериться в отсутствии информации о них в реестре. Участник закупки не обязан подтверждать, что он соответствует требованиям. Однако, как правило, информация об отсутствии в реестре включается в декларацию, подтверждающую соответствие единым требованиям, которую подают в рамках заявки.

Цель проведения торгов, цель переговорного обязательства – это заключение договора на лучших условиях, в частности определенных на торгах. Без этого проведение торгов бессмысленно, самое важное – обеспечить возможность заключения договора в случае уклонения от заключения договора.

Результатом согласования является обоснование проведения закупки, в котором указывалось соответствие планируемой закупки целям осуществления закупки.

Рекомендуется размещать обоснование закупки в единой информационной системе, чтобы у контролирующего органа не возникало сомнений относительно законности этого процесса. Это дает возможность утверждать, что, даже при отсутствии

четкого законодательного регулирования и научно обоснованной методики, учреждение вправе самостоятельно проводить мониторинг законности и эффективности использования бюджетных средств.

Важно отметить, что аудит в области закупок не является дублированием контроля в этой же сфере, так как он проводится в интересах представительных органов власти, которые, в соответствии с Конституцией, отделены от исполнительной власти. Аудит решает иные вопросы, касающиеся бюджетного процесса, и рассматривается как внешняя процедура относительно органов исполнительной власти.

Таким образом, процессы торгов направлены на создание одного основного соглашения – ключевого контракта, ради которого и проводятся эти мероприятия. В этой ситуации протокол служит документом, который фиксирует и подтверждает итоги торгов.

Следовательно, сложные юридические факты представляют собой реальные состояния, тогда как фактические составы имеют определенные временные рамки. Оба эти элемента, в свою очередь, влекут за собой возникновение, изменение или прекращение правовых отношений, что усложняет их различение. Идея о единой судьбе торгов и заключенного по их итогам контракта соответствует восприятию торгов как фактического состава, необходимого для оформления соглашения.

Договор, заключаемый на основе результатов торгов, представляет собой отдельный юридический факт, наступающий после выполнения всех предусмотренных законодательством условий для его создания.

На федеральном уровне органы исполнительной власти, занимающиеся закупками, включают в себя соответствующие министерства, службы, агентства, на уровне субъектов РФ – региональные министерства, департаменты, управления и отделы администраций местного уровня.

По сути, управленческая деятельность органа исполнительной власти при заключении государственных контрактов является административной деятельностью, регламентирующей отношения власти и подчинения с объектами управления.

Таким образом, система закупок через контракты образует запутанную сеть взаимодействий между различными юридическими и физическими лицами, включая индивидуальных предпринимателей и работников. Эта система подчиняется определенному набору норм административного, финансового и гражданского права, охватывая множество рисков, которые не могут быть изолированы от правового регулирования в данной сфере. Начиная с 2019 основным нововведением является переход к определению поставщика путем проведения конкурентных закупок в электронной форме. У этого способа есть очевидные преимущества. Однако есть и проблемы, связанные с переходом на электронные торги. Одной из таких проблем выступает необходимость обязательной регистра-

ции участников на онлайн-площадках. Возможные конкуренты могут оказаться не аккредитованными на платформе, на которой осуществляет закупку заказчик. Кроме того, существует полная зависимость процесса от функционирования официального сайта zakupki.gov.ru и электронной площадки.

Для полноты представленного определения контракта, необходимо отметить, что заказчику следует выступить в роли поручителя (гаранта) в трудных обстоятельствах. Между тем, как показывает коммерческая практика, форма закупки и способ закупки являются двумя обособленными характеристиками, и поэтому в электронной форме уже сегодня реализуется не только такой способ, как аукцион, но и конкурс, и запрос котировок, и даже ставший новым способом для госзаказа запрос предложений. Таким образом, невозможно не согласиться с мнением П.В. Сокола: «Непонятно, каким образом субъекты Федерации, а уже тем более муниципальные образования могут регулировать эти отношения» [5]. Данная система вполне отработана и нуждается только в незначительных корректировках.

Все аспекты функционирования национальной экономики, её сегментов и доступных возможностей находятся в тесной связи с разнообразными институциональными и юридическими, экономическими, социальными, техническими и прочими контекстами. В этом свете и в рамках экономического анализа можно выделить следующие элементы:

- 1) тип собственности;
- 2) поступление материальных ресурсов, участвующих в экономике и связанных с хозяйственной деятельностью, включая рабочую силу, сырьё, энергетические ресурсы и капитал;
- 3) денежные потоки, а также наличие ценных бумаг.

Эти факторы играют ключевую роль в понимании динамики национального рынка и его структуры.

Развитие любой области общественной жизни осуществляется под влиянием государственного регулирования, которое стремится обеспечить наилучшие условия для её работы, внедряя нужные правовые нормы и создавая механизм для их эффективного применения. Задача государственной власти заключается в активном управлении всеми уровнями своей иерархии, с целью содействия развитию различных сфер государственных интересов. Вопросы, связанные с управлением отношениями в области регулирования государственных контрактов, становятся значительным вызовом для современной России. Тем не менее, следует отметить, что в этом процессе наблюдаются положительные изменения во всех направлениях.

Демократизация общества, расширение прав и свобод, плюрализм мнений, а также процесс либерализации экономики стали двигателями изменений в социокультурной сфере. Эти изменения проявляются, в том числе, в увеличении коммерциализации и появлении частных инициатив в различных областях.

Все аспекты, касающиеся регулирования содержания и природы договора, который заключается на торгах, подлежат обязательному управлению законами, постановлениями и административными актами, относящимися к государственному и экономическому управлению Российской Федерации, ее регионами и отраслями. Кроме того, эти отношения также регулируются международными соглашениями и системами, которые были подписаны с Россией, а также соблюдаются международные нормы.

Таким образом, контрактная система является одним из механизмов государственного регулирования экономики, который призван решать задачи развития экономики государства в современных условиях. Основным принципом системы управления рисками в процессе закупок является то, что основной целью контрактной системы является снижение издержек на осуществление государственных закупок, а также повышение эффективности расходования бюджетных средств на закупки. В плане последствий и потенциальных потерь, финансовые риски для клиента могут быть разделены на три группы: допустимые, критические или катастрофические риски. Учитывая приведенные сведения, можно сделать вывод о том, что ключевая цель организации закупок заключается в подписании контракта в условиях конкурентной бизнес-среды.

Закупки, как способ оформления контракта, представляют собой специфическую процедуру его заключения. При организации и проведении закупок возникают различные факторы, которые могут привести к финансовым рискам для заказчика.

1) Упор на получение определенного правового результата (заключение контракта);

2) закупки как юридический процесс обладают динамичным характером, что определяет наличие рисков в рамках этих процедур.

Эти аспекты указывают на сложность и изменчивость закона, что в свою очередь требует от участников процесса внимательности и готовности к потенциальным неблагоприятным ситуациям. Следовательно, успешное проведение закупок зависит от способности минимизировать эти финансовые риски, что делает данный процесс не только техническим, но и стратегически важным.

Контроль со стороны государственных учреждений в области культуры включает как меры по стимулированию, так и ограничения в управлении. Осуществление властных функций происходит через сеть исполнительных органов, осуществляющих управленческую деятельность. Главной задачей государственного управления является создание нужного уровня упорядоченности в общественных отношениях, который прописан в законодательных актах, а также достижение полного соответствия действий всех участников той нормативной модели, которая представлена в законах.

Так, возможность использования банковской гарантии в качестве инструмента для обеспечения

выполнения обязательств по контракту является не самым удачным выбором с точки зрения законодательства, что обусловлено независимым характером этой гарантии.

Правоприменителям иногда трудно выявить, кто несет ответственность за выполнение обязательств в контексте контракта, заключенного на основании запроса предложений.

Для лучшего понимания этой ситуации в праве необходимо внести изменения в статью 526 Гражданского кодекса Российской Федерации. Если в соответствии с контрактом товары передаются не непосредственному государственному или муниципальному заказчику, а какому-либо третьему лицу, то данное лицо не является участником этой сделки и не может предъявлять никакие требования к должнику. Нехватка четкого законодательно установленного понятия государственного контракта создает сложности с его квалификацией. Некоторые исследователи поднимают вопрос о том, что государственный контракт можно рассматривать как предпринимательское соглашение.

Цель заключения государственных (муниципальных) контрактов заключается не в получении регулярной прибыли, а в решении вопросов местного значения или удовлетворении других государственных и муниципальных потребностей. Таким образом, государственный и муниципальный контракт не являются предпринимательскими соглашениями.

Необходимо отметить, что согласно действующему гражданскому законодательству, Российская Федерация и её регионы имеют равные права в гражданских правоотношениях наряду с другими участниками гражданского оборота. Данная юридическая ситуация подтверждает принцип равенства сторон и служит положительным аспектом в сфере гражданского права. Законодательство исключает возможность государства влиять на гражданские отношения с позиций власти, что могло бы иметь место в условиях административного регулирования.

В настоящее время существует проблема эффективности расходования бюджетных средств. В рамках работы разработано решение: на основании анализа всех показателей предлагается установить риск-рейтинг проверяемого объекта для снижения финансовых рисков заказчика. Кроме того, интеграция таких программ с базами данных ЕГРЮЛ и ЕГРИП, а также с хранилищами лицензионной информации о бизнес-субъектах, упрощает процесс проверки аффилированных отношений между заказчиками и поставщиками. Это даёт возможность быстро убедиться в наличии необходимых лицензий у подрядчиков для выполнения задач, входящих в закупку, что, в свою очередь, уменьшает финансовые риски заказчика, связанные с потенциальными штрафами.

Кроме того, существует проблема ответственности [4, с.93]. В рамках работы разработано решение: в связи с тем, что объект правонарушения – потенциально любая норма законодательства о за-

купках, то любая классификация таких нарушений не является исчерпывающей и не ограничивает проверяющих в выявлении не предусмотренных классификацией нарушений.

Однако целесообразным является связь нарушений норм закона с мерами ответственности, предусмотренными пенитенциарным законодательством. По этой причине при подготовке классификаторов нарушений целесообразно исходить из предусмотренных пенитенциарным законодательством составов правонарушений и соответствующих мер гражданской, административной, уголовной ответственности. Также нельзя не отметить, что все содержащиеся в классификаторах деяния содержат признаки правонарушений и поэтому выделение наряду с нарушениями недостатков является логически излишним.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гармаев Ю.П., Иванов Э.А., Маркунцов С.А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: Монография // СПС КонсультантПлюс. 2020.
3. Гражданское право России. Часть первая: Учебник / Под ред. З.И. Цыбуленко. – М.: Юристъ, 1998. – 464 с.
4. Исаичева М.М. Особенности правовой охраны сферы государственных закупок: административная и уголовная ответственность // Закон и право. 2021. № 3. С. 93.
5. О соотношении гражданского и бюджетного законодательства в вопросах поставки товаров для государственных и муниципальных нужд (Н.В. Корнилова, «Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России», N 4, июль-август 2007 г.)
6. Саркисян В.В. Проблема применения преддоговорной ответственности к процедуре заключения договора на торгах // Конкурентное право. – 2022. – № 1. – С. 31–34.

7. Сокол П.В. Проблемы применения законодательства о поставках для государственных и муниципальных нужд и вопросы его совершенствования // Законодательство. – 2007. – № 11. – С. 35.

CONCLUSION OF A CONTRACT AT AUCTION

Filcheva A.D., Pleshakov S.M.
Institute of Public Administration

This article analyzes the problems arising in theory, legislation and judicial practice in connection with the process of concluding contracts based on the results of tenders, with a focus on modern legislative norms. Bidding is one of the most important and frequently used mechanisms for the conclusion of civil law agreements and plays an important role in the system of civil law. In this context, there are difficulties with a clear definition of the concept of bidding, and the undeveloped nature of bidding as a form of contractual consent and as a separate transaction is also noted. The question of the procedure for formalizing a civil law contract in the bidding process remains relevant. In addition, an important aspect is the discussion of the legitimacy of the conducted auctions and the possibility of their contestation. Awareness and resolution of these issues are crucial for increasing legal certainty and protecting the interests of bidders. Ultimately, an in-depth study of these issues can help to improve current practices and create a more effective legislative structure.

Keywords: conclusion of a contract, bidding, municipal and state property.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part 1): Federal Law No. 51-F3 of November 30, 1994 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.
2. Garmaev Yu.P., Ivanov E.A., Markuntsov S.A. Anti-corruption compliance in the Russian Federation: interdisciplinary aspects: A monograph // SPS ConsultantPlus. 2020.
3. Russian Civil Law. Part One: The Tutorial / Edited by Z.I. Tsybulenko, Moscow: Yurist Publ., 1998–464 p.
4. Isaicheva M.M. Features of legal protection of the sphere of public procurement: administrative and criminal liability // Law and Law. 2021. No. 3. p. 93.
5. On the relationship between civil and budgetary legislation in matters of the supply of goods for state and municipal needs (N.V. Kornilova, “Economic Justice in the Russian Far East”, No. 4, July-August 2007)
6. Sarkisyan V.V. The problem of applying pre-contractual liability to the procedure for concluding an auction contract // Competition law. – 2022. – No. 1. – pp. 31–34.
7. Sokol P.V. Problems of the application of legislation on supplies for state and municipal needs and issues of its improvement // Legislation. – 2007. – No. 11. – p. 35.

Правовое положение работника при несостоятельности (банкротстве) работодателя – юридического лица

Чжан Хунчэнь,

магистрант, Хэйлуцзянский университет
E-mail: 1390694846@qq.com

В статье рассматривается правовое положение работника при несостоятельности (банкротстве) работодателя – юридического лица. На основе актуальных статистических данных поднимается проблема недостаточно эффективной защиты прав работников в случае неплатежеспособности работодателя. Отмечается, что действующее российское законодательство наделяет работников привилегированным положением перед другими кредиторами, однако из-за существующих более приоритетных обязательств у работодателя и нестабильного финансового положения возрастает риск фактического непогашения задолженности по оплате труда. Анализируются предоставляемые в соответствии с законодательством трудовые гарантии и компенсации увольняемому в связи с ликвидацией организации при банкротстве работнику. Кроме того, анализируется судебная практика, касающаяся вопросов определения основания увольнения при банкротстве, повышения заработной платы и премий в спорный период, а также очередности выплаты страховых взносов. Рассматриваются доктринальные положения по поставленному вопросу. Делается вывод, что на сегодняшний день существует необходимость в разработке комплексного подхода к правовому регулированию защиты прав работников при неплатежеспособности работодателя и в качестве решения проблемы следует обратиться к коллективно-договорному регулированию посредством закрепления соответствующих норм в коллективном договоре.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), трудовые отношения, текущие платежи, реестр требований кредиторов, оплата труда, выходное пособие.

В настоящее время проблема обеспечения защиты имущественных интересов работника при несостоятельности (банкротстве) работодателя является актуальной и требует пристального внимания со стороны законодателя и правоприменителя. В соответствии с результатами процедур в делах о банкротстве, представленными на сайте Федресурса, в первом квартале 2024 года размер требований кредиторов по завершенным делам во второй очереди по выплате заработной платы и выходных пособий составил 638 977 878,01 руб., а по удовлетворенным требованиям – 189 899 138,96 руб. [12]; во втором квартале 2024 года размер требований кредиторов по завершенным делам во второй очереди по выплате заработной платы и выходных пособий составил 436 917 170,14 руб., а по удовлетворенным требованиям – 91 739 993,31 руб. [13]; в третьем квартале 2024 года размер требований кредиторов по завершенным делам во второй очереди по выплате заработной платы и выходных пособий составил 1 287 255 172,01 руб., а по удовлетворенным требованиям – 433 731 870,50 руб. [14]. Можно заметить существенную разницу между суммами требований, включенных в реестр требований кредиторов, и суммами удовлетворенных требований, что свидетельствует о недостаточной эффективности действующего правового регулирования по обозначенному вопросу.

Российское трудовое законодательство гарантирует получение работником заработной платы в случае прекращения деятельности работодателя и его неплатежеспособности (ст. 130 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ)). При этом определение неплатежеспособности работодателя не содержится в нормах ТК РФ, поскольку находит отражение в отраслевом законодательстве – Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). В свою очередь, прекращение деятельности работодателя выступает последствием признания работодателя несостоятельным (банкротом). На примере института банкротства демонстрируется межотраслевое взаимодействие различных сфер, оказывающих влияние друг на друга в целях соблюдения установленных требований.

Законодательство о банкротстве закрепляет критерии, при наличии которых работодатель – юридическое лицо может быть признано банкротом в контексте трудовых отношений: 1) наличие трехмесячной задолженности перед работником по выплате заработной платы и выходных пособий; 2) размер задолженности должен в совокуп-

ности составлять не менее чем два миллиона рублей. Законодатель наделяет работника и бывшего работника, имеющих имущественные требования к работодателю, правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании работодателя банкротом, однако не относит их к лицам, участвующим в деле. При этом в арбитражном процессе по делу о банкротстве от имени работников участвует представитель, полномочия которого на ведение дела о банкротстве оформлены в виде доверенности. Представитель работников избирается на собрании работников должника, за организацию и проведение которого отвечает арбитражный управляющий. Возникает вопрос, почему работник лишен права самостоятельной защиты своих интересов в индивидуальном порядке? Можно предположить, что подобное решение законодателя обусловлено стремлением упорядочить рассмотрение дела и избежать затягивание процедур при идентичных требованиях.

В 2012 году Российская Федерация ратифицировала Конвенцию МОТ № 173, в которой предусмотрены механизмы защиты требований работников, первым из которых является установление более высокого приоритета по сравнению с большинством других привилегированных требований. Данное положение соответствует действующему российскому законодательству. Статья 134 Закона о банкротстве устанавливает очередность удовлетворения требований кредиторов по текущим и реестровым платежам. Примечательно, что анализируемые имущественные требования работника к работодателю в обоих случаях удовлетворяются во вторую очередь. Тем самым закрепление очередности в указанном порядке свидетельствует о привилегированном положении работника в деле о несостоятельности (банкротстве) работодателя. Вместе с тем текущие требования подлежат удовлетворению вне очереди и помимо требований, вытекающих из трудовых отношений, предусматривают иные требования. Подобное положение дел может привести к недостаточности имущества должника для удовлетворения реестровых требований, в том числе вытекающих из трудовых отношений. В таком случае в соответствии с п. 9 ст. 134 Закона о банкротстве анализируемые требования считаются погашенными. Иными словами, имущественные интересы работника лишаются защиты.

Как установлено ч. 1 ст. 65 Гражданского кодекса РФ, признание работодателя – юридического лица банкротом влечет его ликвидацию. Вместе с тем основанием для внесения в ЕГРЮЛ записи о ликвидации должника является определение арбитражного суда о завершении конкурсного производства (п. 3 ст. 149 Закона о банкротстве). Трудовое законодательство РФ предусматривает ряд гарантий для работников, подлежащих увольнению в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

Во-первых, по общему правилу минимальный срок предупреждения об увольнении по указанному основанию составляет два месяца, при этом сокращение срока возможно с письменного согласия

работника и при условии выплаты дополнительной компенсации (ст. 180 ТК РФ). Стоит отметить, что при ликвидации организации в связи с банкротством на этапе конкурсного производства обязанности работодателя, связанные с прекращением трудовых отношений, переходят к конкурсному управляющему, которого назначает арбитражный суд. Среди обязанностей конкурсного управляющего, установленных п. 2 ст. 129 Закона о банкротстве, следует выделить обязанность уведомлять работников должника об увольнении не позднее чем в течение месяца с даты введения конкурсного производства.

Во-вторых, согласно ст. 178 ТК РФ работник в приведенной ситуации имеет право на выплату выходного пособия в размере среднего месячного заработка, который может быть сохранен на более длительный период в случаях, предусмотренных ч. 2–5 ст. 178 ТК РФ.

В-третьих, процедура прекращения трудовых отношений по данному основанию должна соответствовать предусмотренному ст. 84.1 ТК РФ порядку.

Справедливо полагать, что реализация императивных требований трудового законодательства не всегда согласуется с реализацией императивных требований законодательства о банкротстве и требует учета особенностей правового регулирования в каждом отдельном случае.

Важно обратить внимание на то, что судебная практика по прекращению трудовых отношений в связи с банкротством работодателя не является однозначной, поскольку конкурсное производство не всегда завершается ликвидацией организации. В этой связи сформировался подход, согласно которому в рассматриваемой ситуации следует проводить сокращение в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. В одном из дел суд признал увольнение по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ незаконным, сославшись на тот факт, что на момент увольнения и впоследствии организация не была ликвидирована и фактически имело место сокращение штатов [5]. Данная позиция поддерживалась и в более поздней судебной практике [1]. Однако в дальнейшем установившийся подход изменился и теперь суды признают правомерным увольнение до завершения конкурсного производства по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ [5, 8].

Интересным также представляется подход правоприменителей к оспариванию сделок должника в целях пополнения конкурсной массы, в частности соглашений и приказов об увеличении заработной платы, выплаты премий и иных выплатах, вытекающих из трудовых отношений. Речь идет о подозрительных сделках, которые наносят имущественный вред правам кредиторов. Как показывает судебная практика, удачное оспаривание подобных сделок возможно при наличии следующих условий: повышение оплаты труда носило произвольный характер и не было связано с увеличением объема работы и возложением дополнительных обязанностей [10], выплата премии была

произведена без встречного исполнения [11], увеличение оклада не было обосновано с точки зрения экономической целесообразности [16] и др. Отдельного внимания заслуживает оценка выплаты премии как составной части заработной платы. В одном из дел суд, оценивая повышение размера премии, пришел к выводу, что оно допустимо только в том случае, если соответствует трудовому вкладу работника [7]. В другом деле суд изложил свою позицию относительно выплаты премии в целом в период конкурсного производства, указывая на то, что право на получение стимулирующей выплаты при выполнении качественной работы и соблюдении определенных показателей гарантируется, если это предусмотрено действующими в организации локальными нормативными правовыми актами [8]. Стоит отметить, что в условиях нестабильной финансовой ситуации решение работодателя-должника о повышении постоянной и (или) переменной части заработной платы не вызывает доверия со стороны уполномоченных лиц в период банкротства организации, поскольку возрастает риск злоупотреблений, прежде всего, со стороны работодателя-должника. Тем не менее право на своевременную и в полном размере выплату заработной платы является одним из основных прав работника, гарантированных трудовым законодательством (ст. 21 ТК РФ) и необоснованное лишение этого права в целом или в части может привести к негативным последствиям для самого работодателя.

Также следует обратиться к судебной практике по вопросу определения очередности выплаты страховых взносов. Право на получение обязательного страхового обеспечения гарантируется на законодательном уровне. Необходимо разобраться, распространяются ли в таком случае на работника преимущества привилегированного кредитора? До 2023 года можно было однозначно определить очередность выплаты страховых взносов, ссылаясь на позицию Верховного Суда РФ, согласно которой страховые взносы на обязательное пенсионное страхование (ОПС) удовлетворяются в порядке, установленном для выплаты заработной платы (как для реестровых, так и для текущих платежей) [4], но такой специальный режим действует только в отношении страховых взносов на ОПС и не применяется в отношении иных страховых взносов, которые относятся либо к третьей очереди (реестровые), либо к пятой очереди (текущие). С 2023 года был введен единый тариф страховых взносов на обязательное социальное страхование, за исключением страховых взносов «на травматизм», поэтому у правоприменителей возник закономерный вопрос, как в таком случае определять очередность удовлетворения обязательных платежей? Обратившись к судебной практике, можно сделать вывод, что позиция по поставленному вопросу остается неизменной. В одном из недавних дел суд апелляционной инстанции заявил, что объединение страховых взносов в единый тариф не противоречит ранее сформулированному под-

ходу, поскольку не меняет характера (существа) соответствующих платежей [11].

Таким образом, первостепенная проблема защиты интересов работника заключается в том, что нередко его имущественные требования, несмотря на занимаемое работником особое положение перед другими кредиторами, не получают должного удовлетворения ввиду финансовой недостаточности работодателя. Фактически работник вынужден разделить с работодателем соответствующие риски и остаться без средств к существованию, особенно если работа в организации, проходящей банкротные процедуры, является основным источником дохода.

В вышеупомянутой Конвенции МОТ № 173 помимо установления привилегированного статуса работника в случае неплатежеспособности работодателя закреплен еще один подход к защите прав работника посредством создания института гарантийных учреждений. На сегодняшний день в Российской Федерации система гарантийных учреждений, страхующая риски работников при банкротстве работодателя, отсутствует, что, по справедливому замечанию Н.Л. Лютова, противоречит международным стандартам [3]. Л.А. Чиканова, анализируя данный вопрос, соглашается с тем, что учреждение страховых фондов способствовало бы решению некоторых проблем, связанных с надлежащим и своевременным получением работником вытекающих из трудовых отношений выплат, однако нельзя проигнорировать и возможные неблагоприятные последствия, выражающиеся в необходимости нести нежелательные дополнительные расходы, на которые работодатель может быть не готов, и появлении фиктивного банкротства недобросовестных работодателей в целях экономии собственных денежных средств [17].

Следует согласиться с Л.А. Чикановой в том, что правовое регулирование защиты имущественных интересов работника при несостоятельности-банкротстве работодателя должно носить комплексный межотраслевой характер [17]. Одним из вариантов эффективного межотраслевого взаимодействия выступает коллективно-договорное регулирование в рамках социального партнерства в сфере труда, которое должно учитывать императивные нормы трудового законодательства и законодательства о банкротстве.

Институт социального партнерства призван обеспечить согласование интересов соответствующих субъектов в целях действенного правоприменения. Заключение коллективного договора, содержащего дополнительные условия защиты прав работников при банкротстве работодателя, может способствовать сохранению баланса интересов сторон трудовых отношений. Представляется, что в коллективном договоре можно предусмотреть меры, направленные на защиту работника от неплатежеспособности работодателя, в частности сохранение более половины рабочих мест, перевод на вакантные должности, информирование о финансовом положении работодателя и др. [2]. Сле-

дует учитывать материальные и процессуальные аспекты действующего правового регулирования и, опираясь на существующую базу, разрабатывать индивидуальные механизмы защиты участников правоотношений. Здесь уже речь идет не только об усиленных гарантиях для работника как более слабой стороны трудовых отношений, но и о правах работодателя-должника, который, будучи в тяжелом материальном положении, может продолжать хозяйственную деятельность и нуждаться в частичном сохранении рабочих мест. Неоднородность судебной практики по вопросам прекращения трудовых отношений в период банкротства работодателя, в частности выбора правильного основания для увольнения, вызывает обоснованные сомнения, поскольку возрастает риск оспаривания законности увольнения в судебном порядке. Важно понимать, что усиленная защита прав одной стороны не должна приводить к ослаблению интересов другой стороны. Это правило является универсальным в любых правоотношениях.

Литература

1. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 23.06.2015 по делу № 33–5417/2015 // СПС «Гарант» (дата обращения: 20.12.2024).
2. Беседина О. С., Дивеева Н.И., Должиков А.В. [и др.]. Права работников в случае несостоятельности (банкротства) работодателя. Барнаул: Азбука, 2013. 168 с.
3. Лютков Н.Л. Защита права работников на заработную плату в случае банкротства работодателя: несоответствие российского законодательства международным стандартам // Трудовое право. 2010. № 1. С. 77–82.
4. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2024).
5. Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2008 № 10-В08–2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2024).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.08.2023 № 21-КГ23–5-К5 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2024).
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.12.2020 № 305-ЭС17–9623(7) по делу № А41–34824/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2024).
8. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2023 по делу № 88–6425/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2024).
9. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 08.04.2021 № 88–

6483/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2024).

10. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2022 № 10АП-7200/2022 по делу № А41–40093/17 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2024).
11. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 17.12.2024 № 07АП-4553/2024(1) по делу № А27–18216/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2025).
12. Результаты процедур в делах о банкротстве за 1 кв. 2024. URL: <https://fedresurs.ru/news/de6f4b46-d8d9-4725-94b2-60b5736ad0fe> (дата обращения: 18.12.2024).
13. Результаты процедур в делах о банкротстве за 2 кв. 2024. URL: <https://fedresurs.ru/news/861b43dd-ca8e-43dc-a3a3-4694b7a8b01f> (дата обращения: 18.12.2024).
14. Результаты процедур в делах о банкротстве за 3 кв. 2024. URL: <https://fedresurs.ru/news/c9affe42-ee5d-4a15-b7e9-a3ebae12d3b0> (дата обращения: 18.12.2024).
15. Решение Арбитражного суда Калужской области от 27.04.2022 по делу № А23–5518/18 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2024).
16. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22.07.2019 по делу № А76–32823/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.12.2024).
17. Чиканова Л.А. Защита трудовых прав работников при банкротстве организации // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 41–44.

PECULIARITIES OF THE LEGAL STATUS OF AN EMPLOYEE IN THE EVENT OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF THE EMPLOYER

Zhang Hongchen
Heilongjiang University

The article examines the legal status of an employee in the event of insolvency (bankruptcy) of an employer – a legal entity. Based on current statistical data, the problem of insufficiently effective protection of employees' rights in the event of an employer's insolvency is raised. It is noted that the current Russian legislation grants employees a privileged position over other creditors, but due to the existing higher-priority obligations of the employer and the unstable financial situation, the risk of actual non-payment of wage arrears increases. The article analyzes the labor guarantees and compensations provided in accordance with the legislation to an employee dismissed in connection with the liquidation of the organization in bankruptcy. In addition, the article analyzes judicial practice concerning the issues of determining the grounds for dismissal in bankruptcy, increasing wages and bonuses during the disputed period, as well as the order of payment of insurance premiums. The doctrinal provisions on the issue posed are considered. It is concluded that today there is a need to develop a comprehensive approach to the legal regulation of the protection of workers' rights in the event of the insolvency of the employer and that the solution to the problem should be to turn to collective bargaining regulation by enshrining the relevant rules in the collective agreement.

Keywords: insolvency (bankruptcy), labor relations, current payments, register of creditors' claims, remuneration, severance pay.

References

1. Appellate ruling of the Novosibirsk Regional Court dated 23.06.2015 in case No. 33–5417/2015 // Garant SPS (accessed on December 20, 2024).
2. Besedina O. S., Diveeva N.I., Dolzhikov A.V. [et al.]. Employees' rights in case of insolvency (bankruptcy) of the employer. Barnaul: Azbuka, 2013. 168 p.
3. Lyutov N.L. Protection of employees' rights to wages in case of bankruptcy of the employer: non-compliance of Russian legislation with international standards // Labor law. 2010. No. 1. P. 77–82.
4. Review of judicial practice on issues related to the participation of authorized bodies in bankruptcy cases and the bankruptcy procedures applied in these cases (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 20.12.2016) // Consultant Plus SPS (accessed on December 22, 2024).
5. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11.07.2008 No. 10-B08–2 // Consultant Plus SPS (accessed on December 20, 2024).
6. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.08.2023 No. 21-KG23–5-K5 // Consultant Plus SPS (accessed on December 20, 2024).
7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.12.2020 No. 305-ES17–9623(7) in case No. A41–34824/2016 // Consultant Plus SPS (accessed on December 22, 2024).
8. Determination of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated 12.04.2023 in case No. 88–6425/2023 // Consultant Plus SPS (accessed on December 22, 2024).
9. Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 08.04.2021 No. 88–6483/2021 // Consultant Plus SPS (accessed on December 20, 2024).
10. Ruling of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated 14.06.2022 No. 10AP-7200/2022 in case No. A41–40093/17 // Consultant Plus SPS (accessed on December 22, 2024).
11. Resolution of the Seventh Arbitration Court of Appeal dated 17.12.2024 No. 07AP-4553/2024(1) in case No. A27–18216/2023 // Consultant Plus SPS (accessed on January 4, 2025).
12. Results of procedures in bankruptcy cases for Q12024. URL: <https://fedresurs.ru/news/de6f4b46-d8d9-4725-94b2-60b5736ad0fe> (accessed on December 18, 2024).
13. Results of procedures in bankruptcy cases for Q2. 2024. URL: <https://fedresurs.ru/news/861b43dd-ca8e-43dc-a3a3-4694b7a8b01f> (accessed on December 18, 2024).
14. Results of procedures in bankruptcy cases for Q32024. URL: <https://fedresurs.ru/news/c9affe42-ee5d-4a15-b7e9-a3e-bae12d3b0> (accessed on December 18, 2024).
15. Decision of the Arbitration Court of the Kaluga Region dated 27.04.2022 in case No. A23–5518/18 // Consultant Plus SPS (accessed on December 22, 2024).
16. Decision of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region dated July 22, 2019 in case No. A76–32823/2018 // Consultant Plus SPS (accessed on December 22, 2024).
17. Chikanova L.A. Protection of labor rights of employees in case of bankruptcy of an organization // Labor law in Russia and abroad. 2024. No. 3. P. 41–44.

Теоретико-правовые аспекты контракта о поставке товаров, работ и услуг для удовлетворения государственных нужд: понятие, признаки, принципы, существенные условия контракта

Шаповалова Диана Леонидовна,

студент аспирантуры, Ростовский государственный
экономический университет
E-mail: scharovalova.diano4ka@ya.ru

В представленной статье автор углубляется в изучение существующих законов и практики, связанных с заключением и исполнением контракта на поставку товаров, работ и услуг для удовлетворения потребностей государственных структур. Основное внимание уделяется тому, как эти контакты согласовываются, завершаются и осуществляются для обеспечения соответствия установленным потребностям государства. Автор определяет сущность и правовую природу указанного контракта, а также предлагает решения существующих на практике проблем заключения и исполнения контрактов с учетом современного экономического развития государства.

Ключевые слова: контракт, государственные нужды, закупка, поставка, условия.

В России основным элементом закупок для удовлетворения нужд государства выступает контракт (согласно ст. 34 ФЗ № 44-ФЗ РФ). Этот контракт также является ключевым в гражданско-правовом регулировании процесса закупок. Процесс составления и исполнения контракта на поставку для государства включает в себя несколько этапов и является довольно сложным. В этой статье постараемся проанализировать основные теоретические и юридические аспекты таких контрактов, рассмотреть практику их исполнения, внесения изменений и расторжения, а также обобщить ключевые юридические идеи практиков, касающиеся этого контракта. Считаем, что полученные результаты изучения указанных вопросов в дальнейшем будут являться эмпирической основой для разработки новой редакции Федерального закона № 44-ФЗ либо единого Закупочного кодекса, а также для составления программы долгосрочного развития контрактной системы в России.

В контексте государственных закупок термин «контракт» определен в указанной выше статье закона. Характер и правовая структура контрактов, связанных с поставкой товаров, работ и услуг для государственных нужд, являются темой, которая продолжает вызывать дискуссии среди экспертов. Ученых-юристов в современной России можно разделить на две различные группы. Первая группа рассматривает эти контракты как гражданско-правовые сделки или частные соглашения, которые соответствуют нормам гражданского права. С другой стороны, вторая группа считает, что эти контракты служат инструментами административного и правового регулирования общественных взаимодействий, которые необходимы для выполнения требований государства. Эта группа подчеркивает обязательный аспект этих контрактов, который основывается на решениях компетентных государственных органов.

В.В. Ерин поддерживает первую точку зрения, подчеркивая, что такие контракты обладают признаками гражданско-правовых договоров и действуют в рамках своих полномочий. Они соответствуют общим принципам гражданско-правовых договоров, содержат необходимые условия, характерные для таких соглашений, и приводят к конкретным юридическим результатам, определяющим права и обязанности участников закупок. Кроме того, В.В. Ерин верно подчеркивает, что эти контракты обладают уникальными аспектами, такими как финансирование из бюджета и форми-

рование при представительстве Российской Федерации уполномоченными государственными органами [3].

И.И. Мухина и В.П. Закаленко утверждают, что контракты следует рассматривать как гражданско-правовые соглашения, и подчеркивают, что, поскольку российское гражданское законодательство определяет эти соглашения, контракт между заказчиком и поставщиком для государственных нужд может быть признан гражданско-правовым договором. Однако они также отмечают, что, поскольку эти договоры регулируются Федеральным законом № 44-ФЗ и в них участвуют стороны с особым правовым статусом, они не строго соответствуют традиционным формам гражданско-правовых договоров. Развитие гражданских прав и обязанностей между сторонами еще больше подтверждает эту классификацию как гражданско-правового договора [4].

Л.И. Шевченко определяет государственный контракт как гражданско-правовой договор, включающий в себя различные административные и правовые компоненты [5]. С этой точки зрения, хотя контракт остается гражданско-правовым соглашением, он имеет отличительные особенности, основанные на правовом статусе его сторон. И наоборот, Л.В. Андреева рассматривает государственный контракт как уникальный вид договора предпринимательского права [1]. И.В. Елисеев, однако, рассматривает государственный контракт как аналогичный предварительным и публичным контрактам и предлагает регулировать его в соответствии с частью 1 ГК РФ как контракт об удовлетворении государственных требований [2].

Следовательно, преобладающие в современном российском академическом сообществе мнения относительно правовой природы контрактов на поставку товаров, работ и услуг для государственных нужд разделяются на две основные точки зрения. Во-первых, такое соглашение считается гражданско-правовым договором, обладающим уникальными свойствами из-за юридического статуса участвующих сторон и установленных процедур его составления. Во-вторых, оно воспринимается как гражданско-правовой договор и административно-правовой акт одновременно из-за его смешанной правовой природы.

По нашему мнению, последняя точка зрения более обоснована. На наш взгляд, контракт на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для удовлетворения государственных потребностей по своей сути является гражданско-правовым договором. Эта классификация основана на характеристиках, которые соответствуют характеристикам типичного гражданско-правового договора и его регулированию в соответствии с нормами гражданского права. Одновременно это административно-правовой инструмент, отличающийся специфическими методами создания и исполнения, а также участием субъекта публичного права, представленного уполномоченным государственным органом или должностным лицом.

Контракт о поставке товаров, работ и услуг для государственных нужд является основным средством гражданско-правового регулирования системы закупок в нашей стране. Указанному контракту присущи следующие признаки гражданско-правового договора, вытекающие из норм ГК РФ и иных источников российского гражданского права: свобода волеизъявления сторон; выступление в качестве юридического факта; регулирование общественных отношений между определенными субъектами (одним из них является публично-правовое образование); закрепление определенных элементов и условий общественных отношений по поставке товаров, работ и услуг для удовлетворения государственных нужд.

При изучении ГК РФ и Федерального закона № 44-ФЗ становится очевидным, что контракты, предусматривающие поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг, предназначены для регулирования публичных гражданских отношений, о чем свидетельствуют статьи 506–522 ГК РФ. Эта деталь подчеркивает гражданско-правовую природу договора, а также вытекающие из него общественные отношения. С этой точки зрения рассматриваемый договор может быть определен как предпринимательский договор в рамках гражданского права.

Из этого анализа становится очевидным, что контракты на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для удовлетворения государственных потребностей представляют собой отдельную категорию гражданско-правовых договоров. К его уникальным элементам относятся особый правовой статус подрядных организаций, особый характер организационных процессов и процессов поставки, а также законодательное закрепление конкретных условий контрактов. Основной целью таких контрактов является удовлетворение государственных потребностей посредством структурированного предоставления товаров, работ и услуг. Действующие правовые нормы предписывают, что эти контракты могут быть заключены только после проведения определенных конкурсных процедур и должны быть полностью поддержаны поставщиком. Они также содержат специальные условия для заключения.

Контракт о поставке товаров, работ и услуг в силу своей гражданско-правовой природы должен содержать определенные условия, в том числе существенные условия, свойственные гражданско-правовому договору поставки. (ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ). Важной частью содержания контракта является положение о том, что обеспечение исполнения контракта является важнейшим условием. Кроме того, контракты на поставку товаров и работ должны определять и закреплять специфику государственного заказа, такую как правовой статус клиента, объем закупок и источники финансирования закупок.

Заключение контрактов для удовлетворения государственных нужд основывается на положениях, содержащихся в запросе клиента, и результатах

конкурсных процедур, как это предусмотрено как Федеральным законом № 44-ФЗ, так и ГК РФ. Уникальным аспектом заключения контракта на поставку товаров, работ и услуг для государственных нужд является то, что он должен осуществляться с использованием Единой системы электронных закупок (ЕИС). Хотя гражданское законодательство рассматривает более широкие вопросы, связанные с заключением и исполнением контрактов на поставку, и допускает использование автоматизированных систем, оно конкретно не предписывает использование ЕИС для контрактов, направленных на выполнение государственных требований. Однако важно понимать, что действующее федеральное законодательство, касающееся закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд, предусматривает особую процедуру заключения контрактов, которая включает в себя специализированные конкурсные процедуры.

В целом, правовая база заключения контракта на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд предполагает применение общих принципов гражданского законодательства нашей страны, касающихся заключения и исполнения гражданско-правовых договоров, в том числе договоров поставки. Кроме того, гражданско-правовой механизм заключения таких контрактов отличается особенностями, адаптированными к конкретным потребностям государства. К ним относятся следующие:

- заключение контракта на поставку для государственных нужд в силу требований действующего законодательства осуществляется по итогам размещения заказчиком специальной заявки, использования ЕИС и проведения конкурсных процедур;
- заключение контракта происходит по выставленным заказчиком условиям с ограничением прав потенциального поставщика вносить изменения как в заявку, так и в контракт;
- содержание контракта определяется, прежде всего, заказчиком на основании учета государственных нужд и объема бюджетного финансирования;
- контракт на поставку товаров, работ и услуг заключается посредством обязательного использования ЕИС и системы электронного документооборота, тогда как заключение гражданско-правового договора (в том числе договора поставки) в общем порядке может быть осуществлено как посредством обмена письменными документами, так и в электронной форме.

Литература

1. Андреева, Л.В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование / Л.В. Андреева. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 282 с.

2. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. / Е.Ю. Валявина, И.В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 776 с.
3. Ерин, В.В. Государственный контракт на выполнение подрядных работ для государственных нужд // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. С. 102–103.
4. Мухина, И.И., Закаленко, В.П. Механизм взаимодействия коммерческих и государственных структур ВПК при формировании и исполнении государственного оборонного заказа // Реклама и журналистика: на стыке времен, наук и цивилизаций. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2022. С. 280–295.
5. Шевченко, Л.И. Госзаказ в системе государственного регулирования экономики / Л.И. Шевченко, Г.Н. Гредин; М-во образования Рос. Федерации. Кемер. гос. ун-т. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – 157 с.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF A CONTRACT FOR THE SUPPLY OF GOODS, WORKS AND SERVICES TO MEET GOVERNMENT NEEDS: CONCEPT, ATTRIBUTES, PRINCIPLES, ESSENTIAL TERMS OF THE CONTRACT

Shapovalova D.L.

Rostov State University of Economics

In this article, the author delves into the study of existing laws and practices related to the conclusion and execution of a contract for the supply of goods, works and services to meet the needs of government agencies. The focus is on how these contacts are coordinated, completed and implemented to ensure compliance with the established needs of the State. The author defines the essence and legal nature of the specified contract, and also suggests solutions to the existing problems of concluding and executing contracts in practice, taking into account the modern economic development of the state.

Keywords: contract, government needs, purchase, delivery, conditions.

References

1. Andreeva, L.V. Purchase of goods for federal state needs: legal regulation / L.V. Andreeva. – Moscow: Wolters Kluwer, 2009. – 282 p.
2. Civil law: textbook: in 3 volumes. Volume 2. 4th ed., revised and enlarged / E. Yu. Valyavina, I.V. Eliseev [et al.]; editors A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. Moscow: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2005. – 776 p.
3. Erin, V.V. State contract for the performance of contract work for state needs // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 2. P. 102–103.
4. Mukhina, I.I., Zakalenko, V.P. The mechanism of interaction of commercial and state structures of the military-industrial complex in the formation and execution of the state defense order // Advertising and journalism: at the crossroads of times, sciences and civilizations. Proceedings of the I All-Russian scientific and practical conference with international participation. Moscow, 2022. Pp. 280–295.
5. Shevchenko, L.I. State order in the system of state regulation of the economy / L.I. Shevchenko, G.N. Gredin; Ministry of Education of the Russian Federation. Kemerovo state University. – Kemerovo: Kuzbassvuizdat, 1999. – 157 p.

Показания участников уголовного судопроизводства как средство установления истины по уголовным делам, связанным с пожаром

Бруевич Марина Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: bruevich1709@mail.ru

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с методикой и правилами проведения допроса и опроса участников уголовного судопроизводства в ходе предварительной проверки и предварительного расследования по уголовным делам, связанным с пожаром. Рассматриваются основные ошибки и даются тактические рекомендации по подготовке и проведению допроса (опроса). Особое внимание уделяется вопросам, подлежащим выяснению, в зависимости от процессуального статуса лиц. Подчеркивается роль специалиста ИПЛ МЧС при взятии объяснений непосредственно в процессе и после осмотра места пожара. Указывается на обязательность оценивания показаний, в совокупности с иными доказательствами, полученными в ходе предварительной проверки и дознания. Приводятся практические примеры из материалов отказного производства и уголовных дел, характеризующие проблемные при расследовании уголовных дел, связанных с пожаром.

Ключевые слова: допрос, получение объяснений, показания участников уголовного судопроизводства, методика и правила проведения допроса, процессуальный статус лица, получение информации, расследование пожаров, установление технической причины пожара.

Допрос – это достаточно распространенное следственное действие. Он проводится с помощью устного расспроса одного лица другим, с целью получения от него информации. Допросы проводятся только после возбуждения уголовного дела. При проведении предварительной проверки по факту пожара проводятся опросы и берутся объяснения. Методика и правила их проведения такие же, как при допросе [1–7].

Допрос существует как отдельное самостоятельное следственное действие, так и в сочетании с другими следственными действиями, например, такими как предъявление для опознания, проверка показаний на месте. Допрос обязательно проводится после такого важного процессуального действия как предъявление обвинения и предшествует очной ставке, если при допросе в показаниях обнаружилось противоречия. При этом особую сложность представляет собой допрос подозреваемого и обвиняемого.

Исходя из положений статьи 187 УПК РФ, допрос проводится по месту проведения предварительного следствия, однако следователь (дознатель) может принять решение о производстве допроса и в месте, где находится допрашиваемый. По общим правилам проведения следственных действий, допрос должен быть проведен в промежуток времени с 06 утра до 22.00 вечера. Конечно, из этого правила бывают исключения. В том случае, если допрос необходимо провести незамедлительно, как неотложное следственное действие это можно сделать и в ночное время. Если продолжительность допроса будет увеличена или порядок предоставления перерывов нарушен, то доказательства, полученные в таком случае, будут считаться незаконными, то есть недопустимыми.

Проведению допроса должна предшествовать информация о том, что какое-либо лицо обладает интересующей судопроизводство информацией, поэтому главная цель – это получение информации об интересующих обстоятельствах дела. Обязательным условием является наличие у допрашиваемого определенного процессуального статуса. Иногда допросу может препятствовать должностной или свидетельский иммунитет. Допрос подозреваемого и обвиняемого обязателен сразу после получения ими данного процессуального статуса.

У допрашиваемого помимо прав – есть еще и обязанности, например, являться по вызову, соблюдать порядок в ходе проведения допроса, запрещается разглашать данные предварительного расследования.

Являться на допрос необходимо по общему правилу после вручения повестки. Не явиться он может, только если на это есть законные основания, которые должны быть подтверждены документально. Если причина неявки будет признана неуважительной, будет применен привод в соответствии со ст. 113 УПК РФ.

Необходимо помнить, что главными ошибками про допросе является плохая подготовленность или осведомленность лиц, производящих данное следственное действие, что ведет к неверным ответам или противодействию допрашиваемого.

Практика расследования пожаров показывает, что показания и объяснения опрашиваемых следует получать как можно раньше. Промедление ведет к тому, что опрашиваемые забывают те или иные существенные детали происшествия, могут определенным образом «скорректировать» увиденное для того, чтобы снять ответственность за пожар с себя или с известных им лиц.

При проведении допроса свидетелей (очевидцев) есть необходимость выяснения следующих вопросов:

- выясняется, по какой причине свидетель оказался возле горящего объекта;
- откуда поступила информация о пожаре, и с какой точки (точек) он его наблюдал;
- когда увидел огонь, или первым был дым и только потом открытое пламя.
- какого цвета были дым и пламя, было ли присутствие неприятного запаха, насколько быстро распространялся огонь.
- сколько было видимых очагов пламени (больше двух или огонь возник в одном месте).
- заметил ли очевидец, в каком состоянии были окна, двери, ворота (открыты, закрыты, наличие или отсутствие стекол в рамах).
- необходимо выяснить, были ли слышны во время пожара какие-либо взрывы, всполохи, треск, хлопки.
- были ли замечены еще какие-то свидетели пожара. Возможно, среди них есть знакомые свидетелю лица.
- какие меры принимались для тушения пожара, и принимал ли участие в этом сам очевидец.
- каковы последствия пожара на взгляд свидетеля.

Необходимо учитывать, что свидетели (очевидцы) могут пострадать, например, от угарного газа или от психологической напряженности момента, получить ожоги. Поэтому эти факторы также необходимо учитывать при допросе.

Более эффективным способом опроса очевидца является допрос с участием специалиста испытательной пожарной лаборатории МЧС, потому как специалист поможет сформулировать технически правильные вопросы и не позволит отклониться от поставленных вопросов.

Следующая часть свидетелей – это представители администрации и лица, знающие противопожарные условия на объекте.

Вопросы общего характера, которые задаются в любом случае:

- что, по их мнению, послужило причиной пожара на объекте;
- какое имущество присутствовало на объекте пожара;
- как использовался пострадавший объект;
- какое оборудование было на объекте, была ли технологическая линия или иной процесс;
- какие изделия или продукция выпускалась;
- какие лица находились на объекте перед пожаром;
- применяемое сырье;
- были ли на объекте горючие материалы;-
- были ли какие-либо проблемы с оборудованием ранее;
- какие противопожарные средства были на объекте;
- выявить, имели ли место ремонтные действия (например, сварка);
- какое имущество пришло в негодность, наличие страховки, материальный ущерб.

Ценную информацию об особенностях протекания пожара и его тушения на различных участках можно получить от пожарных в силу их профессиональной подготовленности. Их также целесообразно опросить по «горячим следам», поскольку в дальнейшем сообщаемые ими данные могут быть перепутаны с обстоятельствами других пожаров, на которых они работали.

Так, при опросе сотрудников пожарной охраны, тушивших пожар, выясняются следующие обстоятельства:

- время поступления сообщения о пожаре;
- время прибытия и обстановка на пожаре;
- место, с которого начата ликвидация пожара и средства тушения;
- характер распространения огня и дыма;
- обстоятельства, затруднявшие тушение;
- изменения, внесенные в обстановку (пробивка отверстий, взлом дверей, обрушения и т.д.)
- время, средства ликвидации пожара;
- последствия пожара;
- предположения об очаговой зоне и причине пожара.

Необходимо учитывать, что основные моменты, связанные с тушением, отражены в донесении о пожаре, которое составляет руководитель тушения пожара на месте происшествия.

При допросе подозреваемого целесообразно выяснить у него, где он приобрел средства, использованные для поджога и места их хранения. Если на его одежде, обуви, на различных участках тела, будут обнаружены следы сажи, горючих веществ, ожогов, то необходимо выяснить, откуда у него эти следы. Необходимо выяснить, какого было его поведение до и после совершения преступления, провести полный анализ его версий произошедшего пожара.

При установлении технической причины пожара, на этапе предварительной проверки, необходимо опрашивать максимальное количество лиц

для составления полной картины происшедшего события.

Так, при исследовании обстоятельств возникновения пожара, произошедшего во дворе магазина «Магнит» в г. Ипатово Ставропольского края в своем объяснении гр. М. пояснила, что 21.07.2021 г. она, как обычно, к 08 часом утра пришла на работу, занималась рабочими делами в торговом зале (уценка товара, раскладка и т.д.). За весь день только один раз утром выходила на задний двор покурить вместе с директором магазина в 09 часов утра. Больше на улицу не выходила. В 12 часов пошла в комнату для персонала на обед, потом находилась в торговом зале, как и все сотрудники. В 13 часов 40 минут была в отделе бытовой химии и услышала, как кассир кричит о том, что в магазине возник пожар. Гр. М., подошла к подсобному помещению и увидела, как сбоку с правой стороны «идет» пламя. Она покинула помещение, товаровед вызвала пожарную охрану. После обеда никто не выходил из магазина, все были в торговом зале. Гр. М. считает, что возгорание произошло от холодильной установки, вынесенной на задний двор, так как в окно она видела, что пламя шло именно с той стороны, где расположен блок. За несколько дней до пожара холодильный блок начал плохо работать, иногда сам отключался, издавал очень шумные звуки. Она предполагает, что пожар мог произойти от компрессорного конденсаторного блока холодильной установки.

Тем не менее, при производстве пожарно-технической экспертизы, на основании анализа термических повреждений, эксперт пришел к выводу, что очаг пожара находится не в холодильной установке, а снаружи у северной стены здания в месте расположения металлических тележек. Что подтверждается объяснением Б., которая указала, что она выходила на задний двор примерно в 13 час, 30 запаха дыма и гари не чувствовала. Гр. П. обнаружила пожар около 14 часов, то есть с момента возникновения пожара до момента обнаружения пожар могло пройти не более 10 минут.

Эксперт отмечает, что в месте расположения очага пожара могли располагаться легкогорючие материалы (бумага), которые в случае их воспламенения источником зажигания, (в том числе источником зажигания малой мощности) имеют достаточно быструю динамику развития горения. В связи с этим, в данном случае, вполне возможно быстрое развитие горения от не затушенного табачного изделия за время, не превышающее 10 минут.

Исходя из вышеизложенного, эксперт пришел к выводу, что наиболее вероятной причиной возникновения пожара могло явиться загорание горючих материалов от источника зажигания малой мощности (тлеющее табачное изделие) [8].

Вместе с тем, необходимо правильно оценивать показания очевидцев, обязательно в совокупности с иными доказательствами, полученными в ходе предварительной проверки и расследования.

Так, в ходе изучения и анализа материалов по факту пожара, произошедшему 05 декабря 2022 года в частном жилом доме в г. Казани Республика Татарстан, была проведена пожарно-техническая экспертиза.

Рассматривая версию возникновения пожара в результате возгорания горючих материалов от тепловых процессов, сопровождающих аварийный режим работы в электротехнических изделиях, эксперт ее подтверждает, приводя следующие факты. Анализируя показания очевидцев, он указывает на слова дочери пострадавшей при пожаре: «... Со слов моей матери следует что, мой брат был на 2-м этаже, она была на первом, они только проснулись. С ее слов был хлопок, где расположен электрощиток с автоматами защиты, при входе в дом с левой стороны. После чего дом стал наполняться дымом...».

Исходя из данных показаний, эксперт делает следующий вывод «...Здесь необходимо пояснить, что очевидцем пожара были замечены аварийные режимы работы в аппаратах защиты, во время обнаружения произошел хлопок и помещение заполнилось дымом...» [9]. Однако очевидец говорит только о том, что он слышал хлопок со стороны, где находился электрощит с автоматами защиты, но никак не видел возникший аварийный режим работы данного электрооборудования, и делать вывод, что именно это стало причиной пожара, по мнению автора, не верно.

Эксперт не учитывает, что поджог может быть преднамеренно замаскирован под техническую причину. Также, характер возникновения горения («хлопок», вспышка, взрыв) может указывать на загорание парогазовоздушной смеси за счет образования необходимой концентрации паров в результате испарения легковоспламеняющейся или горючей жидкости при нагреве.

По итогам проведенного исследования, эксперт приходит к следующему

выводу в категорической форме по причине пожара: «Причиной пожара стало возникновение пожара в результате возгорания горючих материалов от тепловых процессов, сопровождающих аварийный режим работы в электротехнических изделиях». Данный вывод в дальнейшем отрицательно сказался при проведении исследования о причине возникновения пожара и был опровергнут другими доказательствами уже в ходе расследования по уголовному делу.

Необходимо учитывать, что такого рода ошибки могут отрицательно сказываться на дальнейших событиях при расследовании пожара, что в результате может повлиять на проводимые следственные действия и вынесение процессуального решения.

Таким образом, грамотное и полное получение информации в ходе допросов (опросов) – это залог дальнейшего успешного расследования, грамотной квалификации деяния, быстрого поиска виновных и впоследствии, благоприятный итог в виде справедливого решения по уголовному делу,

восстановления и защиты прав лиц, пострадавших от пожара.

Для профессиональной переподготовки слушателей МЧС России, занимающихся вопросами профессиональной деятельности в области дознания по делам о пожарах в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России на базе института развития разработан курс для обучения с применением дистанционных образовательных технологий.

В курсе, нацеленном на повышение теоретических и практических знаний слушателей данной категории, изучаются разделы: социально-правового обеспечения личного состава МЧС России, организации надзорно-профилактической деятельности МЧС России, основы гражданского права и процесса, основы возникновения и развития пожаров, пожарной безопасности объектов и населенных пунктов, организации пожаротушения и проведения аварийно-спасательных работ, основы теории права, основы уголовного процесса, состав преступления и теория доказательств, криминалистики и расследования экспертизы пожаров. [10,11,12]

Реализация данной программы осуществляется в условиях функционирования электронной информационно-образовательной среды университета, обеспечивающей освоение слушателями МЧС России программ в полном объеме независимо от места их нахождения. [13,14,15,16,17,18]

Литература

1. Бруевич М.Ю. Особенности тактики проведения допросов по уголовным делам, связанным с поджогом. Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 2 (23). С. 71–75.
2. Бруевич М.Ю., Губанова О.А. Анализ проблемных моментов деятельности органов дознания при расследовании преступлений, связанных с пожарами Юридическая наука. 2024. № 8. С. 337–341.
3. Бруевич М.Ю., Лейнова О.С. Выявление лжи и заблуждений при проведении допросов потерпевших, по делам, связанным с поджогом. Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2018. № 1 (38). С. 75–78.
4. Бруевич М.Ю., Лейнова О.С. Типичные следственные ситуации и версии по делам о преступлениях террористической направленности. В сборнике: Актуальные проблемы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора В.И. Шиканова. Иркутск, 2021. С. 15–21.
5. Бруевич М.Ю., Зуев А.В., Раянова Э.Т., Платонов А.В. К вопросу об уголовно-правовой характеристике умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 4–1. С. 564–572.
6. Капустина Л.К. Допрос в процессе доказывания. В сборнике: Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 205–209.
7. Марченкова А.А. Организационно-тактические особенности допроса при расследовании преступлений В сборнике: Актуальные вопросы научного познания молодого ученого. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2024. С. 346–349.
8. Материалы уголовного дела № 12110070018260001 по факту пожара, произошедшего 21 июля 2021 года во дворе магазина «Магнит» АО «Тандер» по адресу: Ставропольский край, Ипатовский район, г. Ипатово, ул. Ленина д. 303 «А».
9. Материалы уголовного дела № 12210360031000001 по факту пожара, произошедшего 05 декабря 2022 года в 07 часов 59 минут в частном жилом доме № 11 по адресу: Республика Татарстан, г. Казань, ж.м. Салмачи, ул. Лиственная, д. 11.
10. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2(19) С. 58–63
11. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф. // СПбУГПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215
12. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82
13. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов ВУЗов МЧС России /СПб. Автореферат диссертации/ Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России. 2008. С. 37.
14. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.
15. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.
16. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.

17. Губанова О.А., Зелинская И.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе дополнительного профессионального образования для слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2023. 248 с.
18. Губанова О.А., Степанов Р.А., Шелепенькин А.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе повышения квалификации слушателей МЧС России» // Педагогический журнал, 2023, № 6–1. С. 265–271.

TESTIMONY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A MEANS OF ESTABLISHING THE TRUTH IN CASES RELATED TO FIRE

Bruevich M.Y., Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

The article discusses issues related to the methodology and rules for conducting interrogation and questioning of participants in criminal proceedings during a preliminary check and preliminary investigation in criminal cases related to a fire. The main errors are considered and tactical recommendations for the preparation and conduct of an interrogation (survey) are given. Special attention is paid to the issues to be clarified, depending on the procedural status of the persons. The role of the IPL specialist of the Ministry of Emergency Situations is emphasized when taking explanations directly during and after the inspection of the fire site. It is indicated that the testimony must be evaluated in conjunction with other evidence obtained during the preliminary inspection and inquiry. Practical examples from the materials of refusal proceedings and criminal cases are given, characterizing the problematic issues in the investigation of criminal cases related to fire.

Keywords: interrogation, obtaining explanations, testimony of participants in criminal proceedings, methods and rules of interrogation, procedural status of a person, obtaining information, investigation of fires, establishment of the technical cause of the fire.

References

1. Bruevich M.Y. Peculiarities of tactics of conducting interrogations in criminal cases related to arson. *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2014. No. 2 (23). pp. 71–75.
2. Bruevich M.Yu., Gubanova O.A. Analysis of problematic aspects of the activities of investigative bodies in the investigation of crimes related to fires. *Yuridicheskaya nauka*. 2024. No. 8. pp. 337–341.
3. Bruevich M.Yu., Leinova O.S. Identification of lies and misconceptions during interrogations of victims in cases related to arson. *Right. Safety. Emergency situations*. 2018. No. 1 (38). pp. 75–78.
4. Bruevich M.Yu., Leinova O.S. Typical investigative situations and versions in cases of terrorist crimes. In the collection: *Current problems of criminalistic support for the detection, investigation and prevention of crimes. Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor V.I. Shikanov*. Irkutsk, 2021. pp. 15–21.
5. Bruevich M.Yu., Zuev A.V., Rayanova E.T., Platonov A.V. On the issue of criminal law characteristics of intentional destruction or damage to other people's property committed by arson. *Issues of Russian and international law*. 2024. Vol. 14. No. 4–1. pp. 564–572.
6. Kapustina L.K. Interrogation in the evidentiary process. In the collection: *Criminal proceedings in Russia and foreign countries: problems and prospects of development. Materials of the international scientific and practical conference*. Saint Petersburg, 2021. pp. 205–209.
7. Marchenkova A.A. Organizational and tactical features of interrogation in the investigation of crimes. In the collection: *Current issues of scientific knowledge of a young scientist. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Ufa, 2024. pp. 346–349.
8. Materials of the criminal case No. 12110070018260001 on the fact of a fire that occurred on July 21, 2021 in the courtyard of the Magnit store of JSC Thunder at the address: Stavropol Territory, Ipatovsky district, Ipatovo, Lenin St. 303 "A".
9. Materials of the criminal case No. 12210Z60031000001 on the fact of a fire that occurred on December 05, 2022 at 07:59 in a private residential building No. 11 at the address: Republic of Tatarstan, Kazan, zh.m. Salmachi, Listvennaya str., 11.
10. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees of employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Right. Safety. Emergency situations*. 2013 No. 2(19) pp.58–63
11. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation // *Abstracts of the International conference// SPbUGPS 2019*. SPb., 2019. pp.212–215
12. Gubanova O.A. The history and reform of pension provision in Russia // *Psychological and pedagogical problems of human and society security*. 2018 No. 2 (39). pp.79–82
13. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of professional training of cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia /SPb. *Abstract of the dissertation/ Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia*. 2008. p.37.
14. Gubanova O.A., Borodin M.P., Alibekov A.A. The use of an electronic educational and methodological complex for distance learning by advanced training students // *Pedagogical journal*. 2021. No. 5–1. pp. 412–418.
15. Gubanova O.A. Modular training in university educational activities // *Pedagogical Journal*. 2022. № 1–1. pp. 313–318.
16. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of additional professional education programs // *Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies*. 2022. № 4. pp.42–47.
17. Gubanova O.A., Zelinskaya I.A. Electronic information and educational environment in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: Saint Petersburg University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. 248 p.
18. Gubanova O.A., Stepanov R.A., Shelepenkin A.A. Electronic information and educational environment in the system of advanced training of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Pedagogical Journal*, 2023, No. 6–1. pp.265–271

Пренатальная интоксикация плода как предиктор преступности несовершеннолетних

Гомонов Николай Дмитриевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции, Мурманский арктический университет
E-mail: Gomonov_Nikolay@mail.ru

Труш Владимир Михайлович,

кандидат психологических наук, психолог психологической лаборатории ФКУ ИК-16 УФСИН России по Мурманской области
E-mail: krist56@mail.ru

Тимохов Виктор Петрович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Рязанский филиал Московского университета
E-mail: tvp1986@yandex.ru

Авторы проводят анализ связей пренатальных факторов риска у матери и последующих проявлений делинквентного поведения у ее потомства. В частности, исследуются криминогенные последствия токсических влияний на организм плода в период беременности. Курение, употребление матерью наркотиков и алкоголя, производственные вредности могут представлять собой дополнительные пренатальные факторы риска в плане последующего совершения преступлений несовершеннолетними. Токсические воздействия на организм плода рассматриваются в качестве предиктора преступности среди подростков. Полученные результаты позволяют сформировать новое направление предупреждения преступности, локализующееся в области здравоохранения и направленное на улучшение состояния здоровья матерей во время беременности.

Ключевые слова: преступность, пренатальная интоксикация, несовершеннолетний, предиктор, делинквентное поведение, беременность.

Криминология до настоящего времени не дала исчерпывающего ответа на вопрос о причинах преступности, поэтому ученые продолжают исследования социологических и биологических факторов делинквентного поведения. В частности, акцентируется внимание на изучении криминогенных биологических особенностей развития человека на ранних этапах, анализируется воздействие вредных факторов и степень их влияния на поведение. Предполагается, что полученные результаты позволят сформировать новое направление предупреждения преступности, находящееся в сфере общественного здравоохранения и направленное на улучшение состояния здоровья матерей во время беременности. Эти мероприятия дадут возможность выработать более эффективную политику по предупреждению преступности в обществе.

В рамках настоящего исследования были проанализированы данные, касающиеся осложнений беременности и родов, употребления психоактивных веществ и влияния производственных вредностей во время беременности. Выявлена зависимость между количеством материнского токсического воздействия на плод и частотой привлечения несовершеннолетних к ответственности за совершение ненасильственных и насильственных преступлений. Регулярное и массивное употребление психоактивных веществ матерями стойко коррелирует с устойчивым преступным поведением их несовершеннолетних детей. Эти связи оставались значимыми даже после учета потенциальных демографических, родительских и пренатальных факторов риска.

Результаты проведенных исследований демонстрируют наличие связи между пренатальными интоксикациями матери и антисоциальным поведением ее детей в подростковом периоде [1, с. 613–618]. Так, было обнаружено большее количество осложнений беременности среди детей с делинквентным поведением, чем среди контрольных субъектов. В то же время исследователями была отмечена положительная корреляция между пренатальными интоксикациями матери и количеством повторных деликтов среди несовершеннолетних правонарушителей. Выраженная роль пренатальных факторов в развитии агрессии несовершеннолетних также подтверждается наличием незначительных физических аномалий, которые указывают на наличие пренатальной интоксикации. Физические аномалии коррелируют с агрессией, гиперактивностью, импульсивностью и криминальным насилием [2, с. 419–423; 3, с. 563–565].

Токсические факторы риска пренатального периода, связанные с проявлениями делинквентного поведения в несовершеннолетнем возрасте, многочисленны и разнообразны. Одним из таких факторов риска является курение табака матерью во время беременности. Курение матери в пренатальном периоде обуславливает следующие особенности поведения ребенка: импульсивность, прогулы, расстройство внимания и трудности с концентрацией. Также отмечены связи и с преступным поведением [4, с. 215–219].

Связь между материнским курением в пренатальном периоде и делинквентным поведением ее потомства прослеживается с учетом потенциальных сопутствующих факторов. Было обнаружено, что материнская никотиновая интоксикация предсказывает проблемы с поведением, независимо от расы, возраста и пола ребенка. В рамках других исследований было обнаружено, что курение матери также предопределяло проблемы в поведении у детей с учетом родительских психопатологических факторов, нетоксических рисков беременности и методов воспитания.

В рамках проведенных исследований было обнаружено, что токсические воздействия на организм матери в период беременности вызывают ряд неблагоприятных медицинских исходов. Исследователи обнаруживали хроническую ишемию, гипоксию плода, гипертонус, повышенный тремор и гиперреакцию испуга у младенцев. Это говорит о наличии связи между токсическими влияниями на организм матери и возникновением дефицита центральной нервной системы у ребенка [5, с. 318–326]. Указанные дефициты ЦНС могут являться основой формирования патопсихологического комплекса и опосредующим фактором делинквентного поведения потомства.

Интоксикация организма матери во время беременности представляют биологический риск формирования повышенной агрессивности, которая является предиктором определенных моделей преступности. Если согласиться с теорией анти-социального поведения Т.Е. Moffitt, повторяющиеся в течение жизни правонарушения, в отличие от правонарушений единичного характера, имеют биологическую основу [6, с. 69–96].

Результаты исследований дают веские основания для утверждений, что пренатальные токсические факторы связаны с агрессивными и криминальными проявлениями в подростковом периоде. Кроме того, было обнаружено, что влияние пренатального хронического стресса на преступные результаты прослеживалось четче у детей, подвергавшихся воздействию конфликтной семейной среды. Анализ данных, полученных А. Raine, Р. Brennan, & S.A. Mednick показал схожие биосоциальные взаимодействия, позволяющие предсказывать проявления агрессивного и привычного криминального поведения [7, с. 984–988].

Это исследование расширило криминологический горизонт, изучив взаимосвязь между токсическим воздействием на организм матери и откло-

нениями у детей и взрослых в возрасте до 34 лет. Следовательно, появилась возможность дифференцировать результаты в рамках преступности несовершеннолетних и привычные уголовные преступления на протяжении всей жизни. Соответствующие пренатальные факторы риска были достаточно подробно зарегистрированы медицинским персоналом – акушерами-гинекологами и детскими неврологами в медицинской документации новорожденных. Внушительный набор данных позволил исключить фоновые помехи и оценить потенциальное взаимодействие интоксикаций матери и других факторов риска при прогнозировании совершения преступлений. В качестве фоновых помех, прежде всего, были исключены генетические влияния и нейробиологические основания криминогенности [8, с. 24–40].

Самоотчеты о фактах употребления различных веществ во время беременности были получены от матерей во время дородовых и послеродовых интервью в лечебных учреждениях. В этих самоотчетах отмечалось употребление следующих лекарств: антигистаминных, диуретиков, противосудорожных препаратов, барбитуратов, антибиотиков, анальгетиков и др. Также выяснялась информация, касающаяся употребления алкоголя и тяжелых наркотиков. Медики фиксировали осложнения беременности и родов, которые включали такие патологии, как кровотечение, преэклампсию, тазовое предлежание, поперечное положение, щипцовое извлечение плода, выпадение пуповины [9, с. 3–16].

Результаты ряда исследований подтверждают гипотезу о том, что интоксикация матери во время беременности детерминирует повышение уровня преступности у подростков. Этот вывод коррелирует с информацией о связях проблем поведения, особенно его делинквентных характеристик, а также подростковой преступности с пренатальной интоксикацией матери никотином [10, с. 342–349]. Дальнейшие исследования расширили эти выводы, продемонстрировав, что не только курение матери связано с привычными правонарушениями несовершеннолетних.

Информация об осложнениях при родах и материнской интоксикации может применяться для прогнозирования преступного насилия несовершеннолетних, что отражено в исследованиях А. Raine, Р. Brennan, & S.A. Mednick (1994), а также Е. Kandel & S.A. Mednick (1991), отмечающих опосредованное влияние осложнений при родах на частоту совершения насильственных преступлений [7, с. 984–988; 11, с. 519–529]. Авторы констатируют, что сочетание нескольких факторов риска делают указанную корреляцию более выраженной, а уязвимость плода неизбежной.

Факторы потенциальных социальных рисков, таких, как низкий социальный статус и родительские психопатологические факторы, не взаимодействуют с материнской дородовой интоксикацией и, практически, не оказывают влияние на прогноз криминальных последствий. Однако биосо-

циальные взаимодействия могут носить весьма специфический характер. Такое сочетание сегодня весьма затруднительно для составления прогноза криминальных последствий. Следует также учитывать, что процессы перинатальной интоксикации – сугубо индивидуальное явление, которое обусловлено физиологическими особенностями организма матери в процессе беременности, количеством и видом вещества, интервенция которого воздействует на плод, формируя предпосылки делинквентности.

Пренатальная интоксикация матери в третьем триместре давала основания для прогноза учащения совершения как насильственных, так и ненасильственных преступлений несовершеннолетними. Учитывались осложнения беременности и родов, прием матерью рецептурных лекарственных препаратов во время беременности, возраст матери и иные «фоновые» воздействия. Статистическому контролю также подвергались случаи психических заболеваний с госпитализацией, временные расстройства личности, семейные проблемы, приводившие к случаям покидания женщинами места жительства.

Однако не все воздействия удавалось оценить или обнаружить. Так, психологический анамнез матери за пределами стационара, достоверное употребление ею алкоголя или наркотиков, наличие производственных вредностей во время ранних сроков беременности верифицировать не удавалось. Тем не менее, перинатальная интоксикация матери четко коррелировала с проблемным поведением ребенка [12, с. 670–676].

Достоверная связь пренатальной интоксикации матерей и совершения насильственных преступлений их детьми в подростковом возрасте была подтверждена последующими криминологическими исследованиями. Токсические повреждения центральной нервной системы плода демонстрируют связь между образовавшейся патологией и фактом совершения преступления в несовершеннолетнем возрасте. К сожалению, исследовательские данные не включали информацию о конкретных дозах интоксикации в том или ином триместре беременности или интоксикациях матери после рождения ребенка. Следовательно, более детальный анализ конкретных эффектов и доз токсических веществ в различные сроки беременности еще предстоит провести. Целесообразно внимание сосредоточить, прежде всего, на определении и изучении конкретных результатов интоксикаций на мозг плода и выявлении степени их криминогенности.

Таким образом, пренатальные токсические воздействия на организм матери являются достоверными предикторами устойчивого и последовательного криминального поведения у потомства. Индивидуальные особенности процесса перинатальной интоксикации могут накладываться и совмещаться с проявлениями перинатального процесса и формировать почву девиаций разного уровня проявленности. Криминогенные последствия более ре-

льефно проявляются у лиц мужского пола. Указанные эффекты не объясняются родительскими характеристиками или пренатальными патологиями. Механизм воздействия, особенности его промежуточных этапов, изменения центральной нервной системы плода, возникающие вследствие токсических воздействий на организм матери во время беременности, и преступными деликтами потомства требуют дальнейшего детального изучения.

Литература

1. Pasamanick, B., Rogers, M. E., & Lilienfeld, A. M. (1956). Pregnancy experience and the development of behavior disorder in children. *American Journal of Psychiatry*, 112 (8), 613–618.
2. Lewis, D. O., Shanok, S. S., & Balla, D. A. (1979). Perinatal difficulties, head and face trauma, and child abuse in the medical histories of seriously delinquent children. *American Journal of Psychiatry*, 136 (4A), 419–423.
3. Waldrop, M. F., Bell, R. Q., McLaughlin, B., & Halverson Jr, C. F. (1978). Newborn minor physical anomalies predict short attention span, peer aggression, and impulsivity at age 3. *Science*, 199 (4328), 563–565.
4. Brennan, P. A., Grekin, E. R., & Mednick, S. A. (1999). Maternal smoking during pregnancy and adult male criminal outcomes. *Archives of general psychiatry*, 56 (3), 215–219.
5. Fried, P. A., Watkinson, B., Dillon, R. F., & Dulberg, C. S. (1987). Neonatal neurological status in a low-risk population after prenatal exposure to cigarettes, marijuana, and alcohol. *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*, 8 (6), 318–326.
6. Moffitt, T. E. (2017). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Biosocial theories of crime*, 69–96.
7. Raine, A., Brennan, P., & Mednick, S.A. (1994). Birth complications combined with early maternal rejection at age 1 year predispose to violent crime at age 18 years. *Archives of general psychiatry*, 51 (12), 984–988.
8. Труш, В.М. Криминогенная зараженность личности: монография / В.М. Труш, Н.Д. Гомонов. – М: Юстицинформ, 2023. – 284 с.
9. Baker, R.L., & Mednick, B.R. (1984). Influences on human development: a longitudinal analysis. Boston, Mass Kluwer Academic Publishers, 3–16.
10. Weitzman, M., Gortmaker, S., & Sobol, A. (1992). Maternal smoking and behavior problems of children. *Pediatrics*, 90 (3), 342–349.
11. Kandel, E., & Mednick, S. A. (1991). Perinatal complications predict violent offending. *Criminology*, 29 (3), 519–529.
12. Wakschlag, L.S., Lahey, B.B., Loeber, R., Green, S.M., Gordon, R.A., & Leventhal, B.L. (1997). Maternal smoking during pregnancy and the risk of conduct disorder in boys. *Archives of general psychiatry*, 54 (7), 670–676.

PRENATAL FETAL INTOXICATION AS A PREDICTOR OF JUVENILE DELINQUENCY

Gomonov N.D., Trush V.M., Timokhov V.P.

Murmansk Arctic University, Psychologist at the Correctional Facility № 16's Psychological Laboratory of the Russian Federal Penitentiary Service in Murmansk region, Ryazan branch of the Moscow Ministry of Internal Affairs University named after V.Y. Kikot

The authors analyze the relationships between prenatal risk factors in the mother and subsequent manifestations of delinquent behavior in her offspring. In particular, the criminogenic consequences of toxic effects on the fetus during pregnancy are studied. Smoking, drug and alcohol use by the mother, and occupational hazards may represent additional prenatal risk factors in terms of subsequent crimes committed by minors. Toxic effects on the fetus are considered as a predictor of crime among adolescents. The results obtained will allow us to formulate a new direction in crime prevention, localized in the field of health care, and aimed at improving the health of mothers during pregnancy.

Keywords: crime, prenatal intoxication, minor, predictor, delinquent behavior, pregnancy.

References

1. Pasamanick, B., Rogers, M. E., & Lilienfeld, A. M. (1956). Pregnancy experience and the development of behavior disorder in children. *American Journal of Psychiatry*, 112 (8), 613–618.
2. Lewis, D. O., Shanok, S. S., & Balla, D. A. (1979). Perinatal difficulties, head and face trauma, and child abuse in the medical histories of seriously delinquent children. *American Journal of Psychiatry*, 136 (4A), 419–423.
3. Waldrop, M. F., Bell, R. Q., McLaughlin, B., & Halverson Jr, C. F. (1978). Newborn minor physical anomalies predict short attention span, peer aggression, and impulsivity at age 3. *Science*, 199 (4328), 563–565.
4. Brennan, P. A., Grekin, E. R., & Mednick, S. A. (1999). Maternal smoking during pregnancy and adult male criminal outcomes. *Archives of general psychiatry*, 56 (3), 215–219.
5. Fried, P. A., Watkinson, B., Dillon, R. F., & Dulberg, C. S. (1987). Neonatal neurological status in a low-risk population after prenatal exposure to cigarettes, marijuana, and alcohol. *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*, 8 (6), 318–326.
6. Moffitt, T. E. (2017). Adolescence-limited and life-course-persistent antisocial behavior: A developmental taxonomy. *Biological theories of crime*, 69–96.
7. Raine, A., Brennan, P., & Mednick, S.A. (1994). Birth complications combined with early maternal rejection at age 1 year predispose to violent crime at age 18 years. *Archives of general psychiatry*, 51 (12), 984–988.
8. Trush, V. M. Criminal contamination of personality: monograph / V. M. Trush, N. D. Gomonov. - M: Justitsinform, 2023. - 284 p.
9. Baker, R.L., & Mednick, B.R. (1984). Influences on human development: a longitudinal analysis. Boston, Mass Kluwer Academic Publishers, 3–16.
10. Weitzman, M., Gortmaker, S., & Sobol, A. (1992). Maternal smoking and behavior problems of children. *Pediatrics*, 90 (3), 342–349.
11. Kandel, E., & Mednick, S. A. (1991). Perinatal complications predict violent offending. *Criminology*, 29 (3), 519–529.
12. Wakschlag, L.S., Lahey, B.B., Loeber, R., Green, S.M., Gordon, R.A., & Leventhal, B.L. (1997). Maternal smoking during pregnancy and the risk of conduct disorder in boys. *Archives of general psychiatry*, 54 (7), 670–676.

Дроздов Владимир Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Донбасского государственного университета юстиции
E-mail: idroz dov@me.com

Ротков Андрей Игоревич,

кандидат медицинских наук, доцент, ГБУЗ Нижегородской области «Городская больница № 35»
E-mail: criminallaw_rpa@mail.ru

Статья посвящена анализу некоторых проблем уголовной ответственности медицинских работников, связанные с неоднозначным разграничением между медицинскими преступлениями и медицинскими ошибками. Особое внимание уделяется целесообразности отказа от применения термина «медицинская ошибка», усиливающего антагонизм между врачами и пациентами и создающего условия для определения поведения врача как медицинской халатности.

Статья посвящена анализу некоторых проблем уголовной ответственности медицинских работников, связанные с неоднозначным разграничением между медицинскими преступлениями и медицинскими ошибками. Особое внимание уделяется целесообразности отказа от применения термина «медицинская ошибка», усиливающего антагонизм между врачами и пациентами и создающего условия для определения поведения врача как медицинской халатности.

Ключевые слова: медицинские преступления, медицинские ошибки, уголовная ответственность, медицинская халатность.

Преступления, связанные с медицинскими ошибками, стали значимым объектом криминологического изучения на фоне роста внедрения все более сложных медицинских технологий в медицинскую практику и повышения требований к качеству оказания медицинской помощи и медицинских услуг.

По мнению многих специалистов медицинские ошибки представляют серьезную проблему для сферы здравоохранения в любом государстве в силу того, что ставят под угрозу безопасность пациентов. Несмотря на значительный объем исследований вопросов, связанных с последствиями ошибок в медицине, определение медицинской ошибки, признаваемое большинством специалистов, так и не было разработано, что создает препятствия для самих медиков и правоведов для проведения анализа и объективной правовой оценки допущенных врачом нарушений.

В настоящее время использования этого понятия стараются избегать как зарубежные, так и российские специалисты. Профессор Д.А. Морозов, еще будучи главой Комитета по охране здоровья Государственной Думы Российской Федерации, неоднократно на проводимых Комитетом конференциях предлагал отказаться от этого термина применительно к оказанию медицинской помощи, поскольку ошибки врачей крайне негативно воспринимаются пациентами и усиливают их недоверие как к отдельным специалистам, так и медицине в целом.

Аналогичный подход прослеживается и в зарубежной литературе, где некоторые авторы обращают внимание на то, что врачебные ошибки подобны стигме, поскольку усиливают антагонизм между врачом и пациентом, формируют обвинительный уклон. Но в то же время, в теории отмечается не только целесообразность изменения терминологии, но и важность использования этого термина в медицинской среде для анализа ситуаций, вызвавших негативный для пациента результат [1].

Специалистами отмечается трансформация содержания медицинских ошибок. Если в начале двадцатого века чаще всего речь шла об ошибках действия, таких как причинение травм в процессе лечения, неудачный исход хирургических вмешательств, слишком длительное рентгеновское облучение, то с середины 50-х годов прошлого столетия медицинских работников чаще стали упрекать в бездействии, в невыполнении того, что было предписано соответствующими стандартами и протоколами. Анализ медицинских ошибок, проведенный в больницах Нью-Йорка в начале 90-х годов, показал, что в 75% дел врачи не провели необходимый полный комплекс диагностических

исследований, что привело к негативным последствиям для пациента. Следует отметить, что 15 врачей из ста в этот период обвинялись в совершении медицинских ошибок [2].

Наиболее часто врачебные ошибки связаны с применением лекарственных препаратов (применение лекарственных средств вне инструкции, неточная дозировка препарата, аллергические реакции на лекарственные средства как результат неполной диагностики, и т.п.), осуществлением хирургических вмешательств, проведением интенсивной терапии, оказанием неотложной медицинской помощи. Спектр медицинских ошибок аналогичен и для российской, и для зарубежной медицины, также как и медицинские специальности, которые находятся в зоне высокого риска. Проведенное Национальной медицинской палатой исследование позволило сделать вывод, что к таким специальностям относят хирургию, реаниматологию и анестезиологию, акушерство, педиатрию. Наиболее частыми причинами медицинских ошибок выступают нарушение или невыполнение установленных протоколов и стандартов оказания медицинской помощи, (для российской действительности, в первую очередь клинических рекомендаций) [3]. Вместе с тем, особое внимание обращается специалистами на высокую рабочую нагрузку и профессиональное выгорание медицинских работников, что неоднократно отмечалось российскими и зарубежными специалистами.

Рассматривая медицинскую ошибку как отклонение от установленного процесса оказания медицинской помощи, которое приводит или создает условия для причинения вреда пациенту, можно найти много общего между медицинской ошибкой и общепринятым за рубежом правовым термином медицинская халатность, понимаемом, как правонарушение гражданско-правового или уголовно-правового характера. Это сходство было отмечено еще в работе У.Блэкстоуна, изданной в 1765 году. В «Комментариях к законам Англии», он вводит термин медицинская халатность применительно к небрежным или неумелым действиям врача или хирурга/. Поскольку такое правонарушение в уголовном законодательстве, в частности, стран общего права не содержится, медицинский работник, как и в России, привлекается к ответственности за причинение неосторожного вреда здоровью или причинение смерти (непредумышленное убийство).

Термин «медицинская халатность, как и термин «ятрогенные преступления» отсутствуют в УК РФ, однако статьи, касающиеся некачественного выполнения профессиональных обязанностей (статьи 109, 118, 293 УК РФ) и защиты прав потребителей (статья 238 УК РФ), часто используются для квалификации врачебных ошибок. В частности, статья 124 УК РФ определяет врача как особого субъекта неосторожных преступлений, связанных с неоказанием помощи больному. Несмотря на редкие осуждения по статьям, связанным с медицинскими ошибками (как статьи 122,

123 и 124 УК РФ), более 90% осуждений по статьям 109 и 118 касаются медработников. Это подчеркивает, что медицинские работники могут быть привлечены к ответственности по различным статьям УК РФ. На текущий момент законодательный аппарат Российской Федерации вполне адекватен для борьбы с профессиональными нарушениями медицинских работников, и вряд ли имеется необходимость в новых определениях, таких как «ятрогенность» или «ятрогенные преступления».

Понятие «медицинские преступления», не включенные в уголовный закон и не считающиеся новым видом преступлений, описывает опасные действия медицинских работников, приводящие к ухудшению или смерти пациентов в процессе лечения. Основными характеристиками таких деяний являются некачественная медицинская помощь, нарушение профессиональных обязанностей, ошибки в диагностике или неправильный выбор методов лечения [4]. Выявление этих признаков требует от следователей глубоких знаний и сложного анализа.

В России ежегодно возбуждается около 2 тыс. уголовных дел в отношении медицинских работников: по данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2021 году поступило более 6 тыс. заявлений о преступлениях, по 2 тыс. из которых были возбуждены уголовные дела – из них 176 дел было направлено в суд с обвинительным заключением. Повышенное внимание к этим делам связано с жалобами от граждан и усилением контроля. Часто уголовные дела возбуждаются после смерти или ухудшения здоровья пациентов, если выявлены недочеты в оказании помощи. Многие такие дела заканчиваются оправданием медицинских работников из-за отсутствия достаточных доказательств. Важно установить причинно-следственную связь между действиями медперсонала и исходом лечения для определения уголовной ответственности [5,6].

Для правильной оценки медицинского риска и избежания ошибочной квалификации действий врачей как преступных, важно различать случаи, когда ухудшение состояния пациента не связано с врачебной ошибкой, а является результатом несчастного случая или критического состояния пациента, не позволяющего избежать летального исхода. В таких ситуациях не должно быть признаков умысла или халатности со стороны медицинских работников.

Проблема неправильной квалификации медицинских действий как преступлений часто связана с ошибочным определением формы вины относительно причинения вреда, и нередко такие обвинения снимаются в суде.

На примере дела гематолога Е. Мисюриной, обвиняемой в медицинской ошибке, которая привела к смерти пациента, можно продемонстрировать ошибочность уголовного подхода к медицинским делам. Возбужденное в 2015 году дело завершилось в 2021 году за отсутствием состава преступления после долгих разбирательств и перекали-

фикаций. Это подчеркивает, что тенденция признания медицинских ошибок преступлениями не всегда корректна.

В этой связи, у авторов настоящего исследования возникает предложение о пересмотре подходов к ответственности за медицинские ошибки, с учетом возможности распределения ответственности между медицинской организацией и врачом, что может включать как уголовное, так и гражданско-правовое преследование. Это создаст более справедливую систему оценки медицинских ошибок, с основанием на компенсации пациентам за ненадлежащее лечение, и сохранит принципы справедливости, не прибегая к необоснованным уголовным обвинениям.

Таким образом, наше краткое исследование показало, что квалификация действий медработников как преступлений часто осложняется из-за неверной оценки их общественной опасности или избыточного приписывания преступных признаков действиям, которые не являются криминальными. Это приводит к формированию следственного стереотипа, что ведет к ошибочному возникновению идеи о «ятрогенной преступности», не связанной с действительной недобросовестностью следователей. Такой подход игнорирует разницу между профессиональной ошибкой, непрофессионализмом и случайным стечением обстоятельств [7]. Исследование подчеркивает необходимость разработки стратегии в уголовно-правовой охране, которая бы предотвращала неправомерное уголовное преследование медработников, особенно когда качество оказанной медицинской помощи соответствует стандартам и профессиональным обязанностям.

Литература

1. Kalra J, Massey KL, Mulla A. Disclosure of medical error: policies and practice. //Journal of Royal Society of Medicine. 2005 Jul; vol.98(7):307–9; Miziara I.D., Miziara C.S.M. Medical errors, medical negligence and defensive medicine: A narrative review//Clinics 77 (2022) 100053; Z.I.Y. Gharaibeh The Impacts of Applications of Criminal Law on Medical Practice// REVIEW MED ARCH. 2022 OCT; 76(5): 377–382.
2. Hyman D. A., Lerner J., Magid D.J., Association of Past and Future Paid Medical Malpractice Claims// jamahealthforum.2022.5436:
3. Jena A.B., Seabury S., Lakdawalla D., and Chandra A. Malpractice Risk According to Physician Specialty// New England Journal of Medicine 2011; vol.365:629–636
4. Чупрова А.Ю. Потенциал Российской Федерации в сфере медицинского туризма // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16, № 4. С. 74–78.
5. Рыбакова Т.И. Ятрогенные преступления: понятие, сущность, законодательное регулирование // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 385–393.
6. Чупрова А.Ю. Обеспечение кадровой устойчивости системы здравоохранения как фактор национальной безопасности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2(34). С. 94–100.
7. Долгушина Н.В., Чупрова А.Ю. Проблемы ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности в медицине // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 2. С. 90–95.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MEDICAL ERRORS

Drozдов V.Yu., Rotkov A.I.

Donbass State University of Justice, "City Hospital No. 35"

The article is devoted to the analysis of some problems of criminal liability of medical workers associated with the ambiguous distinction between medical crimes and medical errors. Particular attention is paid to the advisability of abandoning the use of the term "medical error", which increases the antagonism between doctors and patients and creates conditions for defining the doctor's behavior as medical negligence. The article is devoted to the analysis of some problems of criminal liability of medical workers associated with the ambiguous distinction between medical crimes and medical errors. Particular attention is paid to the advisability of abandoning the use of the term "medical error", which increases the antagonism between doctors and patients and creates conditions for defining the doctor's behavior as medical negligence.

Keywords: medical crimes, medical errors, criminal liability, medical risk, malpractice.

References

1. Kalra J, Massey KL, Mulla A. Disclosure of medical errors: policies and practice. //Journal of Royal Society of Medicine. July 2005; vol.98(7):307–9; Miziara I.D., Miziara C.S.M. Medical errors, medical negligence and defensive medicine: A narrative review//Clinics 77 (2022) 100053; Z.I.Y. Gharaibeh The Impacts of Applications of Criminal Law on Medical Practice // REVIEW MED ARCH. 2022 OCT; 76(5): 377–382.
2. Hyman D. A., Lerner J., Magid D.J., Association of Past and Future Paid Medical Malpractice Claims//jamahealthforum.2022.5436:
3. Jena A.B., Seabury S., Lakdawalla D., and Chandra A. Malpractice Risk According to Physician Specialty// New England Journal of Medicine 2011; vol.365:629–636
4. Chuprova A. Yu. Potential of the Russian Federation in the Field of Medical Tourism // Problems of Economics and Legal Practice. 2020. Vol. 16, No. 4. P. 74–78.
5. Rybakova T.I. Iatrogenic crimes: concept, essence, legislative regulation // Issues of Russian Justice. 2023. No. 26. P. 385–393.
6. Chuprova A. Yu. Ensuring personnel sustainability of the healthcare system as a factor of national security // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (34). P. 94–100.
7. Dolgushina N.V., Chuprova A. Yu. Problems of liability for the provision of services that do not meet safety requirements in medicine // Bulletin of the Russian Law Academy. 2022. No. 2. P. 90–95.

Квалификация действий сотрудников правоохранительных органов, связанных с инкриминированием задержанным лицам хранения наркотических средств

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации действий сотрудников правоохранительных органов, связанные с подбрасыванием задержанным лицам наркотических средств. В статье автор приводит примеры судебных приговоров по подобным уголовным делам и анализирует вопросы обоснованности судебных решений в целом. По мнению автора, соответствующие действия представителей власти следует квалифицировать по совокупности нескольких норм уголовного закона, таких как превышение должностных полномочий, фальсификация результатов оперативно – розыскной деятельности и незаконное приобретение и хранение наркотических средств. Автор полагает, что квалификация подобных действий представителей власти как незаконного сбыта наркотических средств с использованием служебного положения в указанных ситуациях является необоснованной, так как применение данной нормы противоречит правилам ст. 17 ч. 3 УК РФ и не соответствует совершенному деянию.

Ключевые слова: уголовная ответственность, сотрудник правоохранительных органов, подбросить наркотические средства, приговор суда, превышение служебных полномочий, фальсификация результатов оперативно – розыскной деятельности, незаконное хранение наркотиков.

В наше время ни для кого не секрет, что ситуации, когда сотрудники правоохранительных органов подбрасывают задержанным лицам наркотические средства или психотропные вещества, отнюдь не редки. Прежде всего, в подобных случаях не следует проводить параллели с ситуацией, когда подозреваемый при задержании выбрасывает наркотик. При этом проблема доказывания вполне решается в соответствии с требованиями процессуального закона: «сброшенный» наркотик возможно изъять в ходе осмотра места происшествия, допросить свидетелей, провести очные ставки, осмотреть упаковку наркотика с целью идентификации отпечатков пальцев рук, провести обыск по месту жительства и, при изъятии наркотиков там, сравнить их со «сброшенным» ... При выполнении указанных процессуальных действий никаких нарушений закона допущено не будет.

Случаи подброшенных наркотиков относятся к совершенно иной категории. Здесь задержанные лица фактически никаких преступлений не совершают, подкладываемые наркотические средства им не принадлежат, не приобретались и не хранились ими. Таким образом, фактически единственным доказательством виновности по ст. 228 УК РФ здесь являются протокол личного досмотра задержанного, а также показания сотрудников полиции и присутствовавших при допросе понятых. Даже нахождение лица при задержании в состоянии наркотического опьянения само по себе еще не свидетельствует о его виновности в совершении незаконных приобретения и хранения наркотических средств и может являться весьма косвенным доказательством лишь в совокупности с иными, более весомыми, доказательствами.

Однако, в связи с распространенностью и повышенной общественной опасностью преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, суды часто признают указанные доказательства достаточными и выносят обвинительные приговоры, рассматривая непризнание вины лишь как позицию защиты.

Судебных приговоров, устанавливающих виновность сотрудников правоохранительных органов в совершении действий, связанных с подбрасыванием задержанным наркотических средств, достаточно мало. Полагаем, что существенный интерес представляет вопрос о том, как следует квалифицировать подобные действия при доказанности их соответствующими материалами дела.

Так, приговором Московского городского суда от 28.05.2021 г., подсудимые И.Л., Д.К., Р.Ф., А.С.

и М.У. были осуждены по ст.ст. 286 ч. 3 п.п. «а, б, в», 303 ч. 4 и 228 ч. 2 УК РФ к длительным срокам лишению свободы. [1] Судом было установлено, что указанные лица в июне 2019 г. задержали И.Г. и насильно засунули ему в рюкзак пять пакетиков с синтетическим наркотиком. Затем, при проведении обыска по месту жительства задержанного, в его квартиру также подбросили наркотические средства и электронные весы. При задержании и доставлении И.Г. тащили по лестнице за ноги и за руки, наносили ему удары.

Таким образом, указанные лица были признаны виновными в совершении превышения должностных полномочий, совершенных с применением насилия, с применением специальных средств и с причинением тяжких последствий, в совершении фальсификации результатов оперативно – розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно- розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо не причастного к совершению преступления, а также в незаконном приобретении, хранении и перевозке наркотических средств, совершенных в крупном размере.

Верна ли данная квалификация? Действия сотрудников полиции, при которых они, необоснованно причинив задержанному телесные повреждения, подбросили ему наркотики, было бы неверно квалифицировать по единой статье 286 УК РФ как превышение должностных полномочий. В части действий, связанных с подкладыванием в рюкзак задержанного и по месту его жительства наркотических средств, действия подсудимых обоснованно были квалифицированы по ст. 303 ч. 4 УК РФ. Кроме того, поскольку подброшенные наркотики в крупном размере были доставлены сотрудниками полиции к месту задержания И.Г. незаконно, то также верна и квалификация их действий по ст. 228 ч. 2 УК РФ.

Определенные сомнения вызывает вопрос о том, не следовало ли квалифицировать действия виновных в части подложенных наркотиков по ст. 303 ч. 3 УК РФ как фальсификацию доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении, то есть по статье о более тяжком преступлении. По смыслу указанной статьи УК РФ, субъект преступления по части 3 является специальным, то есть за данное преступление может быть привлечено к ответственности только лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник. Оперуполномоченный, как лицо, осуществляющее оперативно – розыскную деятельность, в данный исчерпывающий перечень не входит, поэтому квалификация действий указанных лиц по ч. 3 ст. 303 УК РФ явилась бы неверной.

В то же время приговором Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород от 02.12.2022 г. [2] сотрудники полиции – оперуполномоченные И.А., К.Н. и С.Е. признаны виновными: И.А. – в совершении преступления, предусмотренного ст. 286 ч. 3 п. «а» УК РФ, К.Н. и С.Е. – в совершении престу-

плений, предусмотренных ст.ст. 228.1 ч. 4 п.п. «б, г», 286 ч. 3 п.п. «а, в» УК РФ, а именно в том, что указанные лица, применив насилие, используя служебное положение, подложили гражданину И.К. в карман наркотики в крупном размере.

Существенное значение по данному делу имеет то обстоятельство, что одним из основных доказательств явилась видеозапись происшедшего. На записи хорошо видно как обвиняемые, повалив И.К. на пол, засовывают ему наркотики в карман. В суде обвиняемые пояснили, что длительное время пытались выявить наличие действующей нарко-лаборатории, И.К. при задержании выбросил пакет с наркотическим средством, а они просто вернули этот пакет на место. Впоследствии возбужденное в отношении И.К. уголовное дело по незаконному обороту наркотиков было прекращено за отсутствием состава преступления.

Таким образом, в данном приговоре суд осуждает виновных за то, что они, превысив свои полномочия, подложили наркотик в карман задержанному лицу, то есть совершили превышение должностных полномочий и сбыт наркотического средства в крупном размере с использованием служебного положения.

Налицо две различные позиции двух различных судов. В одном случае подкинутые наркотики квалифицируются как фальсификация результатов оперативно – розыскной деятельности, в другом – как сбыт наркотиков с использованием служебного положения.

Какая позиция верна? Полагаем, что в данном случае обоснованной является квалификация, данная Московским городским судом. Норма о фальсификации результатов оперативно – розыскной деятельности является специальной по отношению к норме о сбыте наркотических средств, так как более точно описывает совершенное преступление. Поэтому, в соответствии со ст. 17 ч. 3 УК РФ, [3] при квалификации следует применять специальную норму, то есть ст. 303 ч. 4 УК РФ.

Кроме того, применение ст. 228.1 УК РФ в данном случае является сомнительным также и потому, что сложно говорить о сбыте наркотических средств в ситуации, когда наркотики был подкинуты виновными лицами потерпевшему против его воли и тут же ими же изъяты. При этом сбыт наркотических средств предполагает передачу наркотика по любым основаниям и в любой форме, но по обоюдному согласию сторон.

При этом ст. 286 УК РФ образует идеальную совокупность со ст. 303 ч. 4 УК РФ, так как подбрасывание наркотика осуществляется должностными лицами с применением насилия к потерпевшему, что составом ст. 303 ч. 4 УК РФ не охватывается.

И, помимо этого, обоснованна квалификация подобных действий по ст. 228 УК РФ, так как наркотик, до того как был подброшен, приобретен и хранился виновными незаконно. Даже в том случае, если был использован наркотик, ранее законно изъятый по иному уголовному делу, то использование его с соответствующей незаконной целью

сразу делает его незаконными и его приобретение и хранение.

Поэтому действия сотрудников полиции, связанные с подкидыванием наркотика невиновному лицу, следует квалифицировать как совокупность трех различных норм уголовного закона: статей 286 ч. 3, 303 ч. 4 и 228 УК РФ. Подобные действия, являясь не нарушением норм процессуального права, а предусмотренными уголовным законом преступлениями, влекут за собой достаточно строгую уголовную ответственность.

Литература

1. Сайт Российского агентства правовой и судебной информации. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20210528/307087431.html (дата обращения 19.01.2025 г.)
2. Приговор Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород URL: <https://www.proverka.ai/fl/kostrov-nikolaj-valerevich> (дата обращения 18.01.2025 г.)
3. Уголовный кодекс РФ в редакции Федеральных законов от 08.12.2003 г. № 162 – ФЗ, от 21.07.2004 г. № 73 – ФЗ).

QUALIFICATION OF ACTIONS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS RELATED TO INCRIMINATING DETAINEES WITH POSSESSION OF NARCOTIC DRUGS

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of qualification of actions of law enforcement officers related to the planting of narcotic drugs to detainees. In the article, the author provides examples of court verdicts in similar criminal cases and analyzes the validity of court decisions in general. According to the author, the relevant actions of government officials should be qualified according to the totality of several norms of the criminal law, such as abuse of official authority, falsification of the results of operational investigative activities and the illegal acquisition and possession of narcotic drugs. The author believes that the qualification of such actions by government officials as the illegal sale of narcotic drugs using their official position in these situations is unjustified, since the application of this rule contradicts the rules of art. 17, Part 3 of the Criminal Code of the Russian Federation and does not correspond to the committed act.

Keywords: Criminal liability, law enforcement officer, planting narcotic drugs, court verdict, abuse of official authority, falsification of the results of operational investigative activities, illegal drug possession.

References

1. Website of the Russian Agency for Legal and Judicial Information. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20210528/307087431.html (date of appeal 19.01.2025)
2. Verdict of the Nizhny Novgorod District Court of Nizhny Novgorod URL: <https://www.proverka.ai/fl/kostrov-nikolaj-valerevich> (date of application: 01/18/2025)
3. The Criminal Code of the Russian Federation as amended by Federal Laws No. 162 – FZ dated 12/08/2003 and No. 73 – FZ dated 07/21/2004).

Кубрикова Мария Евгеньевна,

кандидат юридических наук, судья Заднепровского районного суда города Смоленска
E-mail: kme27@mail.ru

В статье автор, анализируя пример из судебной практики, констатирует, что уголовный процесс представляет собой наиболее конфликтный вид судопроизводства. Одновременно с этим приводит классификацию многочисленных уголовно-процессуальных конфликтов, обращая внимание на трансформацию одного конфликта в другой как результат формального подхода должностных лиц при принятии процессуальных решений в ходе уголовного судопроизводства. Автор приходит к выводу о необходимости оценивать последствия принимаемых в уголовном процессе решений с точки зрения доверия граждан, примирения противоречий между правами различных субъектов правоотношений, консолидации общества. Обосновывается мнение, что идея солидарности будет способствовать более эффективному разрешению уголовно-процессуального конфликта.

Ключевые слова: конфликт в уголовном процессе, защита общества, сторона обвинения, сторона защиты, последствия принятия решения, солидарность, разумный баланс интересов

Уголовно-процессуальное право, исследуя возникающие в связи с расследованием уголовного дела и рассмотрением его в суде правоотношения, разрабатывает научные основы и дает практические рекомендации по справедливому и одновременно эффективному разрешению уголовно-правового конфликта.

Являясь разновидностью юридического конфликта наряду с гражданско-правовым и трудовым, уголовно-правовой конфликт выражается в совершении лицом запрещенного уголовным законом деяния в форме действия или бездействия, влекущего нарушение охраняемых законом общественных интересов.

В процессе разрешения уголовно-правового конфликта между участниками уголовного судопроизводства могут происходить и происходят уголовно-процессуальные конфликты, которые также требуют разработки путей их разрешения и прекращения.

Как верно отмечает доктор юридических наук А.В. Пиук, только «правовые» способы разрешения конфликтных ситуаций способствуют эволюционному развитию общества¹.

Идея солидарности, нашедшая свое закрепление с 01.07.2020 г. в ст. 75.1 Конституции РФ, требует от законодателя и правоприменителя достижения оптимального соотношения личных и общественных интересов.

Однако представляется, что концептуальная основа действующего уголовно-процессуального законодательства не способна обеспечить выполнение этого требования, поскольку провозглашает в качестве приоритета защиту только частных интересов, «забывая» о защите публичных интересов.

Разрыв между конституционными нормами и реальной защитой граждан должен быть обязательно преодолен.

УПК РФ основан на Конституции РФ и не может противоречить ей. Как следствие, разумный баланс частных и публичных интересов необходимо обеспечить и в уголовном судопроизводстве.

Отсутствие оптимального соотношения между интересами отдельной личности, общества и государства приводит к тому, что уголовный процесс представляет собой наиболее конфликтный вид судопроизводства.

Анализ следственно-судебной практики позволяет нам выделить следующие уголовно-процессуальные конфликты:

¹ Пиук А.В. Целевые установки российского уголовного процесса и роль субъектов уголовно-процессуальной деятельности в их достижении: монография. М., 2023. С. 27.

1. *Между участниками стороны обвинения и стороны защиты.* Например, между потерпевшим и его представителем, с одной стороны, и подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) и его защитником, с другой стороны; между гражданским истцом и гражданским ответчиком; следователем и подозреваемым (обвиняемым); государственным обвинителем и подсудимым.

2. *На стороне обвинения.* Например, между следователем (дознавателем), с одной стороны, и потерпевшим (гражданским истцом), с другой стороны; между руководителем следственного органа и следователем; начальником органа дознания (начальником подразделения дознания) и дознавателем; прокурором (государственным обвинителем) и потерпевшим (гражданским истцом); следователем (дознавателем) и прокурором.

3. *На стороне защиты.* Например, между подозреваемым (обвиняемым, подсудимым, гражданским ответчиком), с одной стороны, и его защитником, с другой стороны; между подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) и иным подозреваемым (обвиняемым, подсудимым); гражданским ответчиком и иным гражданским ответчиком.

4. *С участием суда.* Например, между следователем (дознавателем), с одной стороны, и судом, с другой стороны; между прокурором (государственным обвинителем) и судом; потерпевшим (гражданским истцом) и судом; подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) и судом.

Полагаем, осложняет проблему еще и то, что формальный подход, лежащий в основе решений, принимаемых должностными лицами, зачастую влечет трансформацию одного уголовно-процессуального конфликта в другой.

Для наглядной иллюстрации наших выводов можно привести ситуацию, сложившуюся при расследовании уголовного дела, возбужденного в связи со смертью мужчины после платной хирургической операции, проведенной 28.01.2014 г. в больнице г. Реутов Московской области.

После неоднократной переквалификации действий оперировавшего хирурга Г. уголовное дело с обвинительным заключением по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ 18.05.2016 г. было передано в прокуратуру, однако 01.06.2016 г. возвращено для производства дополнительного следствия. При этом в постановлении заместителя прокурора было особо указано на необходимость квалифицировать действия Г. по ч. 2 ст. 109 УК РФ без учета принципиально важного обстоятельства, что срок давности уголовного преследования для такой категории преступлений составляет лишь два года, и он уже истек.

Жалобы следователя, поданные в порядке ч. 4 ст. 221 УПК РФ, были отклонены, и очевидным результатом дополнительного следствия стало предъявление Г. обвинения по ч. 2 ст. 109 УК РФ и прекращение 20.11.2016 г. дела в связи с истечением двухлетнего срока давности уголовного преследования.

Дочь умершего, признанная потерпевшей, не согласившись с постановлением следовате-

ля о прекращении уголовного дела, обратилась в суд в соответствии со ст. 125 УПК РФ с жалобой, в удовлетворении которой ей было отказано со ссылкой на то, что оценка правомерности переквалификации деяния не дается в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку это разрешается судом только при рассмотрении дела по существу.

Также представителем потерпевшей было обжаловано в суд и постановление заместителя прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия, но в принятии жалобы по правилам ст. 125 УПК РФ было отказано по той причине, что прокурором соответствующее решение было вынесено в рамках осуществления надзора и для его обжалования существует специальный порядок, регламентированный положениями ч. 4 ст. 221 УПК РФ.

Описанная ситуация, как показывает многолетний опыт работы автора следователем и судьей, не является исключительной. Зачастую, уголовно-процессуальные конфликты не разрешаются с принятием итогового решения о прекращении уголовно-правового конфликта.

В рассматриваемом случае возникший в процессе разрешения уголовно-правового конфликта уголовно-процессуальный конфликт «следователь-прокурор» последовательно трансформировался в уголовно-процессуальные конфликты «потерпевшая-следователь», «потерпевшая-суд», «потерпевшая-прокурор», разрешение которых затянулось на несколько лет.

Считаем, что даже Конституционный Суд РФ по итогам рассмотрения жалобы потерпевшей на нарушение ее конституционных прав 14.01.2020 г. не поставил окончательную точку в сложившемся конфликте, поскольку обратил внимание на недопустимость проверки одних лишь формальных условий прекращения дела и необходимость суду, рассматривающему жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, основываться на самостоятельной оценке существенных в таких ситуациях обстоятельств с учетом критериев справедливости и эффективности, а также соблюдая баланс между частными интересами участников процесса и публичными интересами правосудия.

Кроме того, Конституционный Суд РФ отметил, что автономные споры органов предварительного расследования и прокурора относительно квалификации содеянного соответствуют публично-правовой природе уголовного процесса, что не может расцениваться как нарушение конституционных прав потерпевшей¹.

Исследуя затронутую нами проблематику, необходимо учитывать, что только потерпевший «... заинтересован в раскрытии преступления, установлении истины по делу, изобличении преступ-

¹ См. подробнее: Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 г. по жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

ника и справедливом воздаянии за содеянное»¹, поскольку от существа и объема квалификации преступления, размера назначенного наказания также напрямую зависят и размер денежной компенсации за причиненный вред и реальность его возмещения. Однако статистика по возмещению ущерба потерпевшим по-прежнему остается неутешительной и составляет в среднем лишь 19%².

Вместе тем, назначение уголовного судопроизводства не может и не должно ограничиваться лишь защитой частных интересов. Одновременно с этим следует обеспечивать и защиту общества.

Прекращение уголовно-правового конфликта должно не только приводить к окончательному разрешению возникших уголовно-процессуальных конфликтов, но и убедительно свидетельствовать о снижении опасности преступного деяния для общества в целом.

На наш взгляд, в рассматриваемом случае должностными лицами не учтено, что формальное выполнение условий прекращения уголовного дела приведет к социально неприемлемому результату, поскольку позволит хирургу в будущем беспрепятственно продолжать свою деятельность в сфере оказания медицинской помощи в отношении неограниченного круга лиц.

Таким образом, приходим к обоснованному выводу, что принимая то или иное процессуальное решение, должностные лица обязаны оценивать последствия такого решения, с точки зрения доверия граждан, примирения противоречий между правами различных субъектов правоотношений, консолидации общества.

Единые случаи «ошибочных» решений, действий (бездействия) представителей публичной власти снижают эффективность уголовного судопроизводства, что не может не влиять на стабильность общества и государства в целом.

Думается, что идея солидарности в уголовном судопроизводстве будет способствовать более эффективному разрешению уголовно-процессуального конфликта на основе приоритета человека, социальной справедливости, обеспечения безопасности общества и государства. Снижение конфликтности имеет особое значение на современном этапе развития нашей страны, проходящей вновь через сложнейшие испытания и вызовы времени.

Литература

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад о деятельности Уполномоченно-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Клюева» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

² Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

го по правам человека в Российской Федерации за 2017 год» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

2. Определение Конституционного Суда РФ от 14.01.2020 г. по жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).
3. Пиюк А.В. Целевые установки российского уголовного процесса и роль субъектов уголовно-процессуальной деятельности в их достижении: монография. М., 2023. 272 с.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Клюева» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.11.2024).

ON THE ROLE OF SOLIDARITY IN RESOLVING THE CRIMINAL PROCEDURE CONFLICT

Kubrikova M.E.

Zadneprovsky District Court of Smolensk

In the article, the author, analyzing an example from judicial and investigative practice, states that the criminal process is the most conflictual type of legal proceedings. At the same time, he provides a classification of numerous criminal procedural conflicts, paying attention to the transformation of one conflict into another as a result of the formal approach of officials in making procedural decisions during criminal proceedings. The author comes to the conclusion that it is necessary to assess the consequences of decisions taken in the criminal process from the point of view of citizens' trust, reconciliation of contradictions between the rights of various subjects of legal relations, and consolidation of society. The opinion is substantiated that the idea of solidarity will contribute to a more effective resolution of the criminal procedural conflict.

Keywords: conflict in criminal proceedings, protection of society, prosecution, defense, consequences of decision-making, solidarity, reasonable balance of interests

References

1. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation "Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2017" [Electronic resource] // Access: SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 11/16/2024).
2. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 01/14/2020 on the complaint of citizen Marina Anna Nikolaevna for violation of her constitutional rights by part one of Article 125 and part four of Article 221 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [Electronic resource] // Access: SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11/16/2024).
3. Piyuk A.V. Target settings of the Russian criminal process and the role of subjects of criminal procedural activity in their achievement: monograph. M., 2023. 272 p.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1-P dated 01/15/1999 "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Parts One and two of Article 295 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen M.A. Klyuev" [Electronic resource] // Access: SPS "ConsultantPlus" (date of access: 11/16/2024).

Анализ нормативно-правового регулирования противодействия коррупции в Российской Федерации

Пастухов Евгений Анатольевич,

аспирант, Байкальский государственный университет
E-mail: Pastukhov.e@bk.ru

Коррупция представляет собой серьезную проблему практически для всех стран современного мира. В связи с этим проблема профилактики коррупции и ее различных проявлений является чрезвычайно серьезной и важной, в том числе и в России. Высокий уровень коррупции негативно отражается на всем социально-экономическом развитии Российской Федерации, приводит к снижению национального дохода и собираемости налогов, снижению уровня национальной правовой культуры, социальному расслоению по уровню доходов и развитию теневой экономики. Указанные факты свидетельствуют об особой актуальности и необходимости проведения правовых исследований в сфере противодействия коррупции с целью выработки эффективных правовых мер борьбы с данным негативным явлением. В статье представлен анализ нормативно-правовой базы противодействия коррупции в нашей стране на сегодняшний день, подчеркнута важность развития отдельных направлений борьбы с коррупцией, таких как, например, институт общественного контроля.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, анализ нормативно-правовой базы, институт общественного контроля.

Неотъемлемой составляющей действующего законодательства в условиях современного общественного развития является совокупность мероприятий, имеющих своей целью противодействие коррупции. Борьба с этим негативным и разрушительным явлением в любой правовой системе имеет огромное значение в современной России. Коррупция является серьезным препятствием для повышения качества жизни общества и реальной угрозой национальной безопасности. Она разрушает демократические принципы и верховенство закона, искажает основы законности, ухудшает работу государственных институтов и создает препятствия для проведения экономических реформ.

Коррупцированные государственные институты уже не в состоянии должным образом выполнять возложенные на них функции, они пытаются действовать в собственных интересах и при этом сохраняют иллюзию выполнения своих обязанностей. Следует отметить, что именно проявление коррупции может стать толчком к дестабилизации политической системы, упадку экономики и негативному влиянию на социальную обстановку. На сегодняшний день действующим законодательством России предусматривается система средств противодействия коррупции, одной из составных частей которой является общественный контроль.

Коррупция как социальное явление многообразна и многогранна. Во-первых, она серьезно подрывает международный авторитет страны. Она снижает интерес иностранных инвесторов к ведению бизнеса на отечественном рынке и способствует оттоку капитала. Во-вторых, коррупционные проявления негативно отражаются на экономической деятельности субъектов малого и среднего бизнеса и способствуют экономической стагнации и экономическим потерям для всех участников рынка.

Исходя из этих фактов, справедливо будет сказать, что коррупция является реальной угрозой национальной безопасности нашей страны. Основные негативные последствия этого явления заключаются в том, что оно ослабляет и искажает власть государства изнутри, способствуя ее неэффективности. Потеря доверия граждан ставит власть в невыгодное положение и становится препятствием для реализации полноценной государственной политики на всех уровнях.

Это приводит к стагнации в политическом, экономическом и культурном развитии общества. В конечном счете, коррупция препятствует реализации интересов государства и государства, приводит к многочисленным нарушениям прав и свобод личности, осложняет социальную и инвести-

ционную политику, наносит ущерб отношениям в сфере экономического сотрудничества с рядом международных организаций и других государств.

Именно основываясь на указанных фактах усиление борьбы с коррупцией определено в качестве одной из целей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [4]. При этом п. 47 указанной Стратегии в качестве одной из задач достижения данной цели определяет формирование такой государственной политики, которая будет направлена на недопущение совершения коррупционных преступлений, хищения выделенных бюджетных средств, а также неукоснительного возмещения причинённого такими преступлениями ущерба наравне с повышением уровня юридической ответственности за их совершение.

Одновременно Россия признает, что коррупция является не только угрозой национального масштаба, но и имеет значительное негативное влияние на уровень международной безопасности. Так, в целях активизации борьбы с коррупцией на международном уровне нашей страной подписан ряд международных документов, направленных на борьбу с указанным негативным явлением. К указанным документам следует отнести Конвенцию ООН против коррупции [1], Модельного закона СНГ о противодействии коррупции [2], а также Соглашение об образовании Межгосударственного совета по противодействию коррупции.

В качестве основного акта данного блока можно определить Конвенцию ООН против коррупции. Данный международный правовой акт хоть и не даёт четкого определения терминологии в рассматриваемой сфере, но достаточно последователен в стремлении воздействовать на законодательство стран-участниц, призывая их к разработке действенных мер и стратегий в рассматриваемой сфере, отдельным направлением которых является гражданско-правовая ответственность в данной сфере. Существенной является норма статьи 6 Конвенции ООН против коррупции, относящаяся к учреждению специализированных органов по недопущению коррупции.

С учетом глобального характера рассматриваемого негативного явления и в рамках имеющего места на сегодняшний день интеграционного процесса между странами СНГ следует отметить также принятие Модельного закона СНГ о противодействии коррупции, в рамках которого отмечена необходимость дальнейшей гармонизации национального законодательства стран СНГ, в том числе по рассматриваемому в рамках данной статьи направлению.

Указанные документы отражают насущную потребность активизации работы, направленной на искоренение коррупции. При этом важно подчеркнуть, что принимаемые государством меры направлены в первую очередь на устранение и предупреждение коррупции в структурах государственной власти, а не на устранение причин и условий, влияющих на совершение коррупционных действий. Сосредоточенность на рассмотре-

нии конкретных случаев коррупции обусловила низкую эффективность этих мер.

Первостепенным актом при этом является Конституция РФ. Основной закон нашего государства можно рассматривать в качестве базиса формирования совокупности мер, направленных на противодействие коррупции в нашей стране. В частности, в качестве такого базиса выступают главы 1 и 2 Конституции РФ.

Правовые основы государственной политики в сфере противодействия коррупции в целях охраны прав граждан, государственной и общественной безопасности так же регулируются Федеральным законом РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ [3]).

Федеральный закон № 273-ФЗ является основной государственной политикой в области противодействия коррупции. Необходимо отметить, что указанный правовой акт являлся принципиально новым для законодательства РФ. До момента его принятия не существовало отдельного законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере противодействия коррупции. Однако новая структура политики государства, направленная на необходимость обеспечения правопорядка в этой сфере, несомненно, требовала принятия «антикоррупционного» правового акта.

Федеральный закон № 273-ФЗ:

- 1) определяет правовое понятие «противодействие коррупции»;
- 2) определяет государственную политику в области противодействия коррупции;
- 3) устанавливает четкие меры, направленные на предупреждение коррупции;
- 4) определяет совокупность механизмов противодействия коррупции (организационные и правовые);
- 5) определяет гражданско-правовые ограничения, налагаемые на должностных лиц в целях недопущения совершения ими коррупционных преступлений и др.

Что касается участия общественности в противодействии коррупции, то согласно Федеральному Закону № 273-ФЗ борьба с коррупцией основывается на ряде принципов, одним из которых является сотрудничество государства как с институтами гражданского общества, так и с физическими лицами. Одновременно указанный нормативный правовой акт определяет общественный контроль в качестве одной из мер профилактики коррупционных проявлений. При этом действующим специальным законодательством о противодействии коррупции не предусматривается закрепление термина «общественный контроль в сфере противодействия коррупции».

На данный момент за нарушение законодательства о противодействии коррупции в нашей стране предусмотрены различные меры юридической ответственности, которые включают уголовные, административные, дисциплинарные и гражданско-правовые, которые регулируются соответственно

УК РФ, КоАП РФ, ТК РФ и ГК РФ. При этом следует отметить, что последние в сравнении с мерами уголовного и административного характера являются более действенными и эффективными. Именно институт гражданско-правовой ответственности за нарушение законодательства о противодействии коррупции является приоритетным направлением развития законодательства в данной области. Одновременно следует отметить, что данный институт значительно уступает в частоте его применения иным мерам юридической ответственности в данной области, и, к сожалению, является наименее изученным в правовой науке.

Что касается уголовно-правовой ответственности за совершение коррупционных преступлений, то следует отметить, что данные преступления составляют на сегодняшний день почти пятая часть всех экономических преступлений. В большинстве случаев речь идет о даче и получении взятки, а также о содействии даче и получению взятки – на долю таких преступлений приходится 68% от общего числа преступлений против государственной власти в 2023 году.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть важность реализуемых государством мер по борьбе с таким негативным явлением, как коррупция. Не последнее место в системе таких мер занимает общественный контроль, который по своей сути является механизмом участия институтов гражданского общества и физических лиц в реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции. Несмотря на возможную эффективность данного механизма, в настоящее время существует ряд институциональных препятствий для его максимального внедрения, устранение которых позволит максимально раскрыть потенциал такого механизма в борьбе с коррупцией. Следует еще раз подчеркнуть необходимость внесения изменений в действующее законодательство РФ по вопросу определения самого термина «общественный контроль с сфере противодействия коррупции», расширив субъекты такого контроля и сформулировав конкретную четкую цель (результат) его осуществления.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Резолюцией № 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г)// URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.11.2024).
2. Модельный закон СНГ о противодействии коррупции (принят на 31-м заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ постановлением от 25 ноября 2008 г. № 31–20) // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции»// СПС КонсультантПлюс.
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF COMBATING CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Pastukhov E.A.

Baikal State University

Corruption is a serious problem for almost all countries of the modern world. In this regard, the problem of preventing corruption and its various manifestations is extremely serious and important, including in Russia. A high level of corruption has a negative impact on the entire socio-economic development of the Russian Federation, leads to a decrease in national income and tax collection, a decrease in the level of national legal culture, social stratification in terms of income and the development of the shadow economy. These facts indicate the particular relevance and need to conduct legal research in the field of combating corruption in order to develop effective legal measures to combat this negative phenomenon. The article presents an analysis of the legal framework for combating corruption in our country today, emphasizes the importance of developing certain areas of the fight against corruption, such as, for example, the institution of public control.

Keywords: corruption, anti-corruption, analysis of the regulatory framework, institution of public control.

References

1. The United Nations Convention against Corruption (adopted by General Assembly Resolution No. 58/4 of October 31, 2003) // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (accessed: 20.11.2024).
2. The CIS Model Law on Combating Corruption (adopted at the 31st meeting of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States by Resolution No. 31–20 of November 25, 2008) // SPS ConsultantPlus.
3. Federal Law of the Russian Federation of December 25, 2008 No. 273-FZ (as amended on 08.08.2024) “On Combating Corruption” // SPS ConsultantPlus.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // SPS ConsultantPlus.

Проблема нравственных ценностей на стадии предварительного расследования

Пономарев Егор Андреевич,

аспирант специальности 5.1.4 (Уголовно-правовые науки),
кафедра криминалистики и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
E-mail: egor_ponomarev0@mail.ru

Нормы уголовно-процессуального законодательства определяют порядок предварительного расследования преступлений, однако они не могут в исчерпывающем виде регулировать все складывающиеся следственные ситуации. Помимо уголовно-процессуальных норм, существует множество неписаных нравственных норм, определяющих отношения между участниками уголовного судопроизводства. В процессе проведения предварительного расследования следователь обязан считаться с такими нормами, ведь при несоблюдении принципов законности и нравственности, доказательства, полученные в ходе расследования, могут быть признанными недопустимыми в суде.

По результатам анализа практики предварительного расследования преступлений, можно выделить те нравственные ценности, охрана которых признается приоритетной в уголовном судопроизводстве. Среди них можно выделить:

Возможность сохранить хорошие отношения с близкими родственниками и не свидетельствовать против них в интересах следствия;

Соблюдение нравственных начал обеспечения защиты по уголовным делам посредством наделения адвоката правом на сохранение профессиональной тайны;

Уважение религиозных чувств человека через наделение священнослужителей свидетельским иммунитетом в отношении сведений, полученных ими из исповеди; и другие.

Ключевые слова: мораль, нравственность, ценности, расследование, следователь, нормы.

Предварительное расследование преступлений осуществляется в соответствии с требованиями норм уголовно-процессуального законодательства. Это позволяет собирать относимые, достоверные, допустимые доказательства расследуемого события, а в совокупности обеспечивать достаточность их количества для исключения сомнений в выводах субъекта оценки доказательств.

По итогам анализа практической следственной деятельности и судебной практики по уголовным делам, я пришел к выводу, что только лишь нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не могут в исчерпывающем виде регулировать все складывающиеся следственные ситуации. Помимо уголовно-процессуальных норм, которые выступают ядром регулирования всей следственной работы, существует множество неписанных норм, определяющих общесоциальные отношения между участниками уголовного судопроизводства.

Таким образом, нормы морали, хотя и опосредуются нормами уголовно-процессуального законодательства, участвуют в регулировании работы следователей. В то же время, регулятивная сила моральных норм в уголовном судопроизводстве, с моей точки зрения, носит второстепенный, обеспечительный характер. Основной причиной служит то, что в ст. 1 УПК РФ закрепляется обязанность придерживаться установленного в нем порядка уголовного судопроизводства для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания, иных участников уголовного судопроизводства. Следовательно, любое отступление от требований уголовно-процессуального закона напрямую нарушает режим законности, что ведет к признанию выводов органов и должностных лиц, допустивших такие нарушения, юридически ничтожными.

В этой связи стоит согласиться с позицией С.Б. Россинского, который предупреждает о возможности «гиперформализации уголовно-процессуального права, в стремлении узаконить (в узком смысле) более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем требует здравый смысл» [1]. Полагаю, что нормы общественной морали не могут полностью быть отражены в нормах УПК РФ, потому что преследуемые цели таких систем регулирования поведения людей полностью не пересекаются между собой.

Нормы уголовно-процессуального законодательства выступают как систематизированный свод обязательных к применению правил участни-

ками уголовного судопроизводства. Существенным моментом выступает здесь процессуальный статус участника уголовного судопроизводства, возможность изменения данного статуса в ходе последующих процессуальных действий, а также его роль в обеспечении уголовного преследования.

Нормы общественной морали не носят систематизированного характера, они не имеют формального закрепления в каких-либо актах. В своей основе, моральные нормы представляют моральное сознание человека, который обладает практическим опытом социализации в обществе. Главным отличием моральных норм от правовых выступает их привязка к текущей осознаваемой человеком социальной роли. Дифференциация социальных ролей производится участником общественных отношений самостоятельно, исходя из собственного анализа ситуации общения или иного взаимодействия. Один и тот же человек в разные периоды времени целенаправленно меняет свои нормы поведения, подстраиваясь под ситуации взаимодействия с другими людьми. В целом, можно выделить профессиональные, бытовые, супружеские, родительские, общественные направления реализации моральных норм.

Поэтому следует делать различия между правовыми и моральными нормами в процессе предварительного расследования преступлений. Нормы профессиональной следственной этики во многом систематизируют положения нравственного долга следователей, отмечая такие морально-нравственные принципы, как приоритет законности в работе, уважение человеческой личности и ее чести и достоинства, недопустимость физического воздействия на человека в целях его принуждения к даче показаний.

А.В. Хмелева отмечает, что «для следователя соответствие этическим нормам поведения имеет особое значение: в своей профессиональной деятельности он должен исходить из конституционных положений о том, что человек, его права и свободы, являются высшей ценностью, и каждый гражданин имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную, семейную тайну, защиту чести, достоинства, своего доброго имени» [2].

Руководствуясь нормами профессиональной этики, следователь не только выполняет требования уголовно-процессуального законодательства, но и одновременно добивается расположения к себе со стороны участников судопроизводства, показывая тем самым свое стремление к справедливости как высшей нравственной цели правосудия.

Наличие двух систем регулирования поведения следователя в уголовном судопроизводстве, и приоритет правовых норм перед моральными в них, дает основание провести анализ морально-нравственного регулирования.

М.П. Малютин в своей работе указал, что «этический критерий в уголовном судопроизводстве нужен постольку, поскольку необходимо обеспечение охраны чести и достоинства граждан и авторитета следственных органов» [3].

Я солидарен с этой точкой зрения, так как защита чести и достоинства человека и гражданина выступает одним из главных элементов его конституционно-правового статуса. В основе правовых представлений о чести и достоинстве находятся моральные нормы, реализуемые в повседневной жизни общества. Поэтому полное соблюдение требований ст. 21–23 Конституции Российской Федерации и ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации возможно только тогда, когда субъект правоприменения руководствуется не только правовыми, но и моральными нормами в своей работе. Ограниченность правовых норм в вопросах регламентации защиты чести и достоинства заключается в том, что такие нормы не могут исчерпывающе и полностью отражать все правила и нравственные предписания общественной жизни.

По такому поводу В.И. Комиссаров справедливо указывает, что «задачи, способы и методы осуществления конкретно-целесообразной деятельности оцениваются моралью с позиций критериев добра, справедливости, гуманности, честности. Поэтому моралью иногда воспрещаются и осуждаются действия, которые представляются наиболее эффективными и целесообразными лишь с точки зрения текущего момента» [4].

Обеспечение охраны авторитета следственных органов как результат соблюдения морально-этических норм следственной деятельности достигается через постоянное сравнение содержания норм УПК РФ с корреспондирующими им нормами профессиональной следственной этики и неписанными нормами общественной морали. Нормативная система поддержания авторитета органа предварительного расследования строится, таким образом, посредством наполнения первоначального содержания уголовно-процессуальной нормы дополнительными элементами, которые являются производными от норм нравственного долга следователя и моральных норм, регулирующих повседневную жизнь граждан в обществе.

Если в процессе осуществления предварительного расследования преступления, следователь не придерживается нравственных принципов и норм осуществления следственных и процессуальных действий, выбора и применения тактических приемов воздействия на участников, то суд вправе признать полученное с нарушениями норм этики доказательство недопустимым. Однако стоит заметить, что признание судом нарушения норм этики следователем не влечет автоматического признания доказательства недопустимым и исключения его из перечня доказательств по делу.

Правоприменительная практика по уголовным делам в данном вопросе опирается не столько на выявление факта формального нарушения нормы морали, сколько на установление степени влияния факта нарушения на способность участника судопроизводства в полной мере реализовывать свои процессуальные права. Умаление чести и до-

стоинства участника уголовного судопроизводства в этом случае станут расцениваться как целенаправленное ограничение его процессуальных прав. Опираясь на такой подход, субъекты оценки доказательств разрешают вопрос о допустимости представляемых доказательств и дальнейшем направлении исследования доказательств.

По результатам анализа практики предварительного расследования преступлений, я установил нравственные ценности, охрана и защита которых признается приоритетной в уголовном судопроизводстве. К ним относятся:

1) возможность сохранения родственных отношений между супругами, родителями и детьми, усыновителями и усыновленными, родными братьями и родными сестрами, дедушками, бабушками, внуками (ст. 51 Конституции Российской Федерации, п. 4 ст. 5 УПК РФ), если в отношении одного из них осуществляется уголовное преследование, путем предоставления свидетельского иммунитета и разъяснения права его использования;

2) соблюдение нравственных начал обеспечения защиты по уголовным делам посредством наделяния адвоката правом на сохранение профессиональной тайны, или в порядке реализации свидетельского иммунитета защитника (пп. 2, 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ);

3) уважение религиозных чувств человека через наделяние священнослужителей свидетельским иммунитетом в отношении сведений, полученных ими из исповеди (п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ);

4) соблюдение нравственных норм взаимоотношений с лицом, которое пребывает в состоянии болезни или травмы и находится в лечебном учреждении;

5) определение нравственно-этических правил обращения с телом умершего и взаимоотношений с его близкими родственниками по этому поводу;

6) нравственные нормы взаимоотношений с лицом, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, и которое, в соответствии с ним, участвует в следственных действиях против соучастников преступления, в котором это лицо также принимало участие (ст. 56.1 УПК РФ);

7) соблюдение норм нравственности о распространении информации о личной и семейной тайне участников уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ);

8) соблюдение норм нравственности и этикета при подготовке и проведении следственных действий в дистанционном режиме их производства, посредством использования цифровых технологий обмена информацией в режиме реального времени [5].

Наибольшее освещение в научной юридической литературе относительно нравственно-этических начал проведения следственных действий и тактических приемов в них получили нормы об обеспечении права не свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников, а также права на обеспечение профессиональной тайны адвоката как единственного субъекта, оказываю-

щего квалифицированную юридическую помощь гражданам.

С моей точки зрения, требуют рассмотрения на системном уровне все перечисленные группы нравственных норм, потому что они оказывают существенное влияние на оценку органом предварительного расследования текущей следственной ситуации. Это, в свою очередь, наделяет принимаемые тактические решения следователя свойством обоснованности.

Приведенная классификация отражает нравственные ценности, защита которых в условиях предварительного расследования преступлений рассматривается как безусловный приоритет.

Во главе классификации защищаемых нравственных ценностей находятся супружеские, семейные и родственные отношения. Здесь необходимо отметить, что закон и складывающаяся следственная практика устанавливают ограничения на применение положений ст. 51 Конституции Российской Федерации.

Первое ограничение устанавливает формальное основание признания людей супругами: наличие государственной формы регистрации брака. Это подразумевает, что никакие формы сожительства, ведения общего хозяйства, венчания по религиозным обрядам, не могут признаваться в качестве юридического основания признания мужчины и женщины супругами.

Второе ограничение вызвано перечислением исчерпывающего круга близких родственников, куда отнесены супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. Здесь ограничивается круг лиц, в отношении которых действует право свидетельского иммунитета. Из этого списка исключены иные родственники по восходящей и нисходящей линиям, близкие лица, а также родственники – близкие родственники и родственники супруга или супруги.

Следующей группой защищаемых нравственных ценностей выступает профессиональная тайна адвоката. Законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре прямо указывает, что доверие между адвокатом и его доверителем – это нравственная основа всей деятельности адвоката, а его отсутствие несовместимо с обладанием юристом статуса адвоката. М.Г. Янин отмечает, что «доверие не подразумевает эмпатию со стороны адвоката, хотя и не исключает ее, но обязательно предполагает профессиональную дистанцию. Именно дистанцирование от клиента обеспечивает адвокату свободу выбора методов и средств, с помощью которых выстраивается защита» [6]. Основанием для получения свидетельского иммунитета служит наличие соглашения между адвокатом и доверителем об оказании последнему юридической помощи.

Наделение священнослужителей свидетельским иммунитетом – это одно из направлений защиты нравственных ценностей в предварительном расследовании преступлений, источником кото-

рого выступает уважение духовно-нравственных ценностей традиционных религий. Чтобы священнослужитель мог воспользоваться правом на отказ от дачи показаний против последователя своей религии, во-первых, религиозная организация должна быть зарегистрирована в территориальных органах юстиции, и, во-вторых, в ее доктринальных положениях необходимо закрепление таинства исповеди и перечня религиозных иерархов, которые наделены правом ее проводить.

Общественная мораль защищает лиц, которые находятся в медицинских учреждениях на лечении от травм и болезней, после перенесенных хирургических операций или родов. В отношении пациентов лечебных учреждений, нормы нравственности предусматривают учет состояния их здоровья и обязательное консультирование следователя с лечащим врачом во время планирования допроса и выработки его тактического обеспечения.

Отдельно стоит сказать, что нахождение человека в психоневрологических или наркологических отделениях больниц, требует от следователя тщательного анализа потенциальных тактических рисков при организации получения показаний от такого лица. Если в материалах дела имеются сведения о наличии диагноза, связанного с психическим заболеванием допрашиваемого, или заболевание наркоманией, то следователь вправе назначить психолого-психиатрическую экспертизу и поставить перед комиссией экспертов вопросы о психическом состоянии подозреваемого, обвиняемого, или потерпевшего. Нормы уголовно-процессуального законодательства требуют от следователя проявления нравственных качеств во взаимоотношениях с людьми, находящимися в болезненном состоянии.

Несколько иные требования предъявляются нормами общественной нравственности к взаимодействию следователя с телом умершего лица и его родственниками во время организации и проведения эксгумации и осмотра трупа. Нравственные правила требуют соблюдения как общеустоявшихся норм обращения с телом умершего, так и религиозных норм обращения с телом, которые распространяют свое действие на весь обряд захоронения. Главная нравственная задача проявляется в недопущении действий, которые могут быть истолкованы нормами морали или религии как надругательство над телом умершего. А.И. Ивенский обоснованно отмечает, что «для эксгумации необходимы веские причины, подтвержденные достоверными и достоверными доказательствами, которые могут быть получены только в ходе расследования уголовного дела» [7].

Тактика следственной работы по планированию и реализации эксгумации не может не считаться с моральными и религиозными правилами регламентации эксгумации и осмотра трупа с участием судебно-медицинского специалиста. Практика проведения эксгумации показывает, что после наружного осмотра останков умершего, в отношении них назначается и проводится судебно-медицинская

экспертиза. С нравственной и религиозной точек зрения, недопустимы какие бы то ни было комментарии участников следственной группы относительно состояния останков, материального обеспечения могилы, других унижающих характеристик.

Вопросы осуществления фотосъемки и видеозаписи хода и результатов эксгумации останков тела умершего, образуют нравственно-правовой конфликт, потому что фото- и видеофиксация – одни из наиболее наглядных способов отражения объектов с их признаками. Но требования общественной морали и большинства традиционных религий Российской Федерации негативно воспринимают такие действия людей. Поэтому сложилась практика получения разрешения у родственников захороненного, а при их несогласии – использования помощи понятых и фотофиксация только отдельных признаков, сохранившихся на останках, и имеющих значение для расследования.

Отношения с лицом, которое заключило досудебное соглашение о сотрудничестве, во многом регламентированы нормами уголовно-процессуального закона. Однако, порядок непроцессуальных взаимоотношений с этим лицом строится на нравственном критерии доверия. В конечном счете, решая вопрос о соблюдении условий досудебного соглашения о сотрудничестве, прокурор в своем представлении в суд оценивает полноту и правдивость сообщенной информации и ее влияние на ход и результаты расследования преступлений, совершенных организованной преступной группой.

Следователь, получив информацию от лица, заключившего досудебное соглашение с прокурором о сотрудничестве, выделяет уголовное дело в отношении такого подозреваемого (обвиняемого) в отдельное производство. С точки зрения норм морали, этот обвиняемый выступает в качестве основного свидетеля по отношению к преступлениям, совершенным членами организованной преступной группы, но с позиции уголовно-процессуального и уголовного закона, он также подлежит привлечению к уголовной ответственности за причастность к совершенным им преступлениям (ст. 3171 – ст. 3179 УПК РФ).

Организационные и тактические основы расследования в этом случае строятся на основе доверия к правдивости информации, получаемой от заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве лица. Если в его адрес или адрес его близких лиц высказываются угрозы жизни, здоровью, имуществу, следователь принимает меры по обеспечению зашифрованного характера сведений о таком обвиняемом и его близких.

Предварительное расследование оперирует сведениями о личной жизни и семейной тайне участников судопроизводства. Информация такого вида наиболее чувствительна для участника предварительного расследования, так как ее распространение неопределенному кругу лиц прямо нарушает конституционно закрепленное право на неприкосновенность личной информации. Рас-

следование преступлений, вместе с тем, предусматривает выявление и анализ сведений, которые составляют предмет личной и семейной тайны. В условиях судебного разбирательства, участник расследования защищен нормами о назначении закрытого заседания суда, в котором его личная и семейная жизнь выступает одним из объектов рассмотрения.

В условиях предварительного расследования, следователь обязан проводить всесторонний и полный анализ обстоятельств преступления процессуальными средствами. Тактико-криминалистические рекомендации проведения вербальных следственных действий часто содержат положения, направленные на использование противоречий в показаниях разных участников расследования. Сюда включаются также разглашение информации о поступках других участников в семейных отношениях и личной жизни, чтобы вызвать соответствующий эмоциональный отклик и получить показания от допрашиваемого. Нормы морали, в свою очередь, негативно относятся к разжиганию конфликтов и противоречий между людьми, что приводит к нравственно-правовому конфликту.

Другая проблема нравственного обеспечения расследования заключается в возможности дистанционного режима проведения таких следственных действий, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, посредством систем видеоконференц-связи. Нормативно-правовое разрешение таких действий обуславливается, главным образом, вопросами достижения процессуальной экономии средств и сил следователя. Но с точки зрения нравственности, возникает проблема невозможности достижения психологического контакта следователя и допрашиваемого, присутствия другого лица во время следственного действия, возможность у участника сбивать темп допроса или очной ставки путем указания на несуществующие технические проблемы передачи видеоизображения или звука. Для нейтрализации тактических рисков, М.В. Савельевой предлагается «одновременно с видеоконференц-связью при фиксации видео- и аудиоинформации задействовать использование искусственного интеллекта для оценки эмоционального и психофизиологического состояния допрашиваемого на расстоянии субъекта» [8].

Обобщая круг нравственных ценностей, защищаемых во время производства предварительного расследования преступлений, я могу провести их классификацию по критерию связанности моральных норм с нормами права.

В таком случае, можно констатировать, что связанными с моралью правовыми нормами выступают нормы о сохранении родственных отношений между супругами и близкими родственниками; о соблюдении нравственных начал обеспечения защиты по уголовным делам; о взаимоотношениях с лицом, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве; о соблюдении норм нравственности и этикета при подготовке и проведении следственных действий в дистанционном режиме.

Другая группа норм, о наделении священнослужителей свидетельским иммунитетом; о взаимоотношениях с лицом, которое пребывает в состоянии болезни или травмы и находится в лечебном учреждении; об обращении с телом умершего и взаимоотношениях с его близкими родственниками по этому поводу; о распространении информации о личной и семейной тайне участника уголовного судопроизводства, – хотя и регламентированы законом, но не содержат конкретных действий по своей реализации в рамках предварительного расследования преступлений.

По моему мнению, изучение морально-нравственных норм в сфере реализации следователями своих должностных полномочий, должно строиться на исследовании логических противоречий между требованиями закона и норм морали. Вместе с тем, важно учитывать и исторический контекст в истолковании моральных норм, потому что на каждом историческом этапе развития общества, конкретное понимание одной и той же нормы морали может отличаться. Нравственное содержание предварительного расследования преступлений и тактических приемов в нем необходимо корректировать, опираясь на действующий закон, общественную нравственность, и тактические задачи расследования.

Литература

1. Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: возрождение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42.
2. Хмелева А.В. Морально-нравственные аспекты работы следователя // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 73.
3. Малютин М.П. Тактические приемы в расследовании преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 85.
4. Комиссаров В.И. Нравственные основы уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5 (87). С. 140.
5. Руденко А.В., Бондаренко Ю.А., Балугина Т.С. Организация допроса с использованием средств видеоконференц-связи на территории Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 8. С. 36–42.
6. Янин М.Г., Минасян Р.А. Проблемы доверия между адвокатом и клиентом (доверителем) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. № 4. С. 88.
7. Ивенский А.И. О проблемах регламентации эксгумации // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5. С. 29.
8. Савельева М.В. О возможностях и тактике допроса с использованием видеоконференц-связи // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1. С. 3.

THE PROBLEM OF MORAL VALUES AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Ponomarev E.A.

Kuban State University

The rules of criminal procedure legislation determine the procedure for preliminary investigation of crimes, but they cannot exhaustively regulate all emerging investigative situations. In addition to criminal procedure rules, there are many unwritten moral norms that determine the relationship between participants in criminal proceedings. During the preliminary investigation, the investigator is obliged to take such norms into account, because if the principles of legality and morality are not observed, the evidence obtained during the investigation may be recognized as inadmissible in court.

Based on the results of the analysis of the practice of preliminary investigation of crimes, it is possible to identify those moral values, the protection of which is recognized as a priority in criminal proceedings. Among them, it is possible to highlight:

The ability to maintain good relations with close relatives and not testify against them in the interests of the investigation;

Compliance with the moral principles of ensuring defense in criminal cases by granting the lawyer the right to maintain professional secrecy;

Respect for the religious feelings of a person by granting clergymen testimonial immunity with respect to information received by them from confession; and others.

Keywords: Morality, ethics, values, investigation, investigator, rules.

References

1. Rossinsky S.B. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: revival of the "high" purpose of the criminal procedural form or a "reminder" for illiterate law enforcement officers // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. No. 6. P. 42.
2. Khmeleva A.V. Moral and ethical aspects of the investigator's work // *Judicial power and criminal procedure*. 2019. No. 4. P. 73.
3. Malyutin M.P. *Tactical techniques in crime investigation: monograph*. Moscow: Yurлитinform, 2009. P. 85.
4. Komissarov V.I. Moral foundations of criminal proceedings // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2012. No. S (87). P. 140.
5. Rudenko A.V., Bondarenko Y.A., Balugina T.S. Organization of interrogation using video conferencing on the territory of the Russian Federation // *Society: politics, economics, law*. 2022. No. 8. P. 36–42.
6. Yanin M.G., Minasyan R.A. Problems of trust between a lawyer and a client (principal) // *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2020. Vol. 5. No. 4. P. 88.
7. Ivnsky A.I. On the problems of regulating exhumation // *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2022. No. 5. P. 29.
8. Savelyeva M.V. On the possibilities and tactics of interrogation using videoconferencing // *International Research Journal*. 2023. No. 1. P. 3.

Прокофьева Татьяна Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета
E-mail: prokofftv@list.ru

Тюлякова Софья Андреевна,

член Молодежного совета Координационного центра доменов RU.РФ
E-mail: sofya.tyulyakova@yandex.ru

В статье рассматриваются различные подходы отечественных и зарубежных специалистов к определению понятия «кибертерроризм», изложена авторская позиция относительно определения и сущности данного понятия. Анализируются обстоятельства, затрудняющие решение задачи борьбы с преступностью в киберпространстве, рассматриваются меры по противодействию кибертерроризму, в том числе реализуемые в рамках правового регулирования на международном уровне. Определяются задачи борьбы с кибертерроризмом, которые необходимо решить в рамках национального подхода в приоритетном порядке.

Ключевые слова: кибертерроризм, кибератака, цифровое пространство, Интернет, киберпреступность, противодействие.

Современная преступность характеризуется усложнением форм, методов и применяемых средств в силу повсеместной цифровизации общественных отношений. К сожалению, возможности киберсреды стали активно использовать в своей преступной деятельности террористы.

Понятие «кибертерроризм» уже давно и прочно вошло в научный оборот. Однако единства во взглядах на определение данного понятия среди специалистов не наблюдается, да и их диапазон достаточно широк.

Есть позиции, согласно которым кибертерроризм определяется достаточно конкретно как «совершение террористических актов в киберпространстве» [1, с. 23] или «комплекс противозаконных действий в информационном пространстве, представляющих собой атаки на компьютерные и телекоммуникационные технологии, направленные на создание угрозы международной и государственной безопасности с целью влияния на решение политических, экономических и иных задач» [5, с. 170]. В данном случае сущность кибертерроризма составляет деятельность по подготовке и реализации кибератак.

С другой стороны, ряд специалистов придерживаются расширенного подхода, дифференцируя кибертерроризм на два вида. В данном случае речь идет не только о совершении террористических актов с помощью компьютерных сетей, так называемом классическом виде кибертерроризма, но и о гибридном формате, когда цифровые средства применяются для ведения информационной войны, пропаганды и идеологии терроризма, вербовки и обучения новых членов террористических организации, поддержания коммуникации между ячейками, координации их деятельности, поиска и осуществления финансирования террористической деятельности, а также проведение реальных террористических атак [7].

Исследователи, считающие вышеупомянутый подход ошибочным, указывают на то, что «широкое» понимание кибертерроризма, как правило, связано с отождествлением кибертерроризма с другими видами террористической и преступной деятельности, и, например, тот же сбор средств с использованием сети Интернет является самостоятельным видом терроризма – финансированием террористической деятельности и квалифицируется как преступление, не имеющее никакой специфической киберокраски [2].

Среди зарубежных специалистов, имеет место точка зрения, рассматривающая кибертерроризм как вид киберпреступлений, имеющий характерный признак – посягательство на информацию

с использованием компьютеров и компьютерных систем как оружия, когда такие действия совершаются для устрашения или принуждения органов власти или граждан к какому-либо действию в политических или общественных целях и создают опасность для жизни и здоровья людей или наступления других тяжких последствий [9].

В таком случае трудно дифференцировать кибертерроризм от иных форм компьютерных преступлений (например, неправомерного доступа к компьютерной информации или неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру).

Существующая разность в подходах к пониманию кибертерроризма свидетельствует о необходимости выработки единого доктринального толкования этого понятия, нормативное закрепление которого, к сожалению, отсутствует в российском законодательстве. Более того, существует точка зрения, согласно которой нормативное закрепление понятия «кибертерроризм» не требуется, поскольку имеющихся в уголовном законодательстве формулировок вполне достаточно для раскрытия сути кибертерроризма [3].

Как показывает практика, и это находит подтверждение в положениях национальных документов стратегического планирования¹, экстремистскими и террористическими группировками интернет-пространство продолжает использоваться как универсальная трансграничная среда для распространения идеологии экстремизма и терроризма, дистанционной вербовки людей, а также при подготовке, организации и координации совершения террористических актов.

Осознавая «вторжение» террористов в цифровое информационное пространство Интернет-компаний и социальные сети стали оказывать активное противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма, в связи с чем выявляемый противоправный контент блокируется. Данные о публикациях передаются в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), отвечающую за ведение ЕАИС «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»².

Однако, в контексте блокировок важно помнить об основах этического регулирования Интернета. В духе Всемирной сети заложена реализация права на самовыражение, равноправие и свободу всех авторов. Существует тонкая грань между обеспе-

чением безопасности и цензурированием контента, о которой постоянно необходимо помнить органам, осуществляющим надзор в киберпространстве.

Важно различать «кибертерроризм» и «акты информационного терроризма и/или агрессии» [10]. В современном мире традиционные войны и преступные деяния стали сопровождаться гибридными и информационными войнами, являющимися по аналогии со всеми явлениями в киберсреде трансграничными. Акты информационной агрессии представляют собой фейки (дезинформацию) пользователей Сети и нарушают информационные права граждан, но не имеют прямой связи с терроризмом и экстремизмом в классическом трактовании.

В Российской Федерации в соответствии с Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы распространению идеологии терроризма на ресурсах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» противопоставлен комплекс мер, охватывающий систему профилактических мероприятий информационно-пропагандистского (разъяснительного) характера, а также по защите информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма³.

Взяв за основу положения Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и, в частности, определение понятия «терроризм», содержащегося в ст. 1⁴, оценивая практику деятельности террористических структур, а также реализуемый государством комплекс мер, направленный на борьбу с ними, полагаем, что сущность и содержание кибертерроризма нельзя свести исключительно к террористическим актам в киберсреде, связанным, главным образом, с нанесением ущерба критически важным и потенциально опасным объектам, объектам обеспечения жизнедеятельности населения или созданием опасности причинения значительного вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц, национальной безопасности государства.

При этом специалистами обоснованно указывается на согласование данного подхода и с международной практикой противодействия терроризму в информационном пространстве [4].

Целесообразно говорить о кибертерроризме как явлении, представляющем собой совокупность направлений террористической деятельности, а также киберактах как отдельных террористических актах в киберпространстве, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей с террористическими целями.

³ Утвержден Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ См.: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года»; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

При этом основой кибертерроризма является распространение его идеологической составляющей, которая благодаря цифровому пространству вышла на качественно новый уровень своих характеристик (признаков): трансграничности, интенсивности и масштабности.

В этой связи говорить о киберсреде как только лишь о способе реализации иных направлений террористической деятельности, помимо собственно террористических кибератак, представляется не совсем корректным.

На основании вышеизложенного предлагается рассматривать кибертерроризм как противозаконную деятельность, направленную на распространение идеологии экстремизма и терроризма посредством сети «Интернет», вербовку лиц для совершения преступлений террористического характера в киберпространстве, финансирование терроризма, а также атаки на критически важные объекты информационной инфраструктуры.

Считаем, что только такое широкоформатное понимание системной сущности терроризма и кибертерроризма, идеологические основы которого закладываются на современном этапе развития общества в цифровом информационном пространстве, позволят разработать полномасштабный комплекс антитеррористических мер в киберпространстве.

В рамках такой работы необходимо учитывать ряд обстоятельств, существенно затрудняющих решение задачи борьбы с кибертерроризмом:

- *трансграничный характер.* Объединение усилий и координация действий государств в рамках интеграционных объединений и международных организаций является действенным инструментом для борьбы с киберпреступностью. Однако, важно учитывать различный (зачастую низкий) уровень развития интернет-технологий, а вследствие этого и низкий уровень подготовки кадров для противодействия киберпреступности.

К тому же, нельзя игнорировать и различия в законодательстве, регулирующем киберпространство. Гармонизация и унификация норм на международном уровне станут действенными мерами для преодоления кибертерроризма.

Следует признать справедливой точку зрения специалистов, согласно которой главной проблемой для эффективного международного сотрудничества в этой сфере на сегодняшний день является отсутствие нормативного закрепления кибертерроризма, как на международном уровне, так и на уровне отдельных государств. Как результат, мы видим, что происходит смешение понятий, а это недопустимо, поскольку каждое общественно опасное деяние имеет свою специфику, из которой также вытекают особенности противодействия [6].

ООН ведет деятельность по формированию единого нормативного ландшафта посредством имплементации издаваемых Генеральной Ассамблеей резолюций, а также разрабатываемых деклараций [8]. Отсюда очевиден процесс перехода

от норм мягкого права к формированию полноценной подотрасли международного информационного права (а затем и на национальном уровне). Также в процессе принимают участие другие международные организации, специализирующиеся на процессе управления интернетом: например, Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN), Форум по управлению Интернетом (IGF) и другие.

На этом фоне возникают вопросы, вокруг ситуации, связанной с принятием Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 2024 г. (церемонию подписания Конвенции планируется провести в Социалистической Республике Вьетнам в 2025 году разработанной по инициативе России Конвенции против киберпреступности (полное название – «Конвенция против киберпреступности; Укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям») ¹.

Россия, являясь инициатором создания этого документа, предлагала существенно расширить охват Конвенции, включив в неё 23 вида правонарушений. В результате активного противодействия со стороны западных партнеров в сферу предмета регулирования указанного договора преступления террористического и экстремистского характера так и не вошли. Данный вопрос может быть разрешен впоследствии за счет разработки протокола по дополнительным составам преступлений.

Важную роль в противодействии трансграничной киберпреступности играет Интерпол. Организация проводит специальные операции, издаёт рекомендации для национальных правоохранительных систем, а также ведёт собственные расследования (для чего была создана новая структура – Отдел по финансовым преступлениям и преступлениям в сфере высоких технологий). К тому же региональные рабочие группы по борьбе с преступлениями в компьютерной сфере усиливают оперативное взаимодействие.

- *невозможность идентифицировать автора.* Анонимность является одной из важнейших характеристик современного Интернета. Это становится основной причиной низкой раскрываемости преступлений.

Известно, что доля числа россиян, использующих скрытый сегмент сети Интернет (известный как «Даркнет») ежегодно растёт. С 2019 года, по сообщениям ряда источников, Россия находится на лидирующих позициях по использованию даркнет-сети Tor². В данном сегменте интернета наиболее активно вербуют в террористические

¹ О принятии Конвенции ООН против киберпреступности. Сообщение для СМИ. Официальный сайт МИД России. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1989289/ (дата обращения: 10.01.2025).

² Россия стала мировым лидером по использованию даркнета // Интернет-издание Inc. 17.07.2019 URL: <https://incrossia.ru/news/rossiya-lider-darkneta/> (дата обращения: 10.01.2025).

и экстремистские сообщества, открыто публикуют инструкции по приготовлению терактов и применяемых орудий (например, взрывчатых веществ), продают оружие, осуществляют финансирование боевиков посредством криптовалюты. Это является острой и актуальной проблемой в силу использования большого количества сетевых узлов при переходе на сайты, что делает соединение анонимным. Иными словами, отследить пользователя, посещающего запрещенные сайты, практически невозможно.

Эффективная работа в этом направлении во много зависит от повышения уровня подготовки квалифицированных специалистов в области обеспечения кибербезопасности, внедрения оперативников в сообщества даркнет-пользователей для своевременного реагирования во возникающие угрозы и предотвращения преступлений «изнутри».

К тому же, важной мерой является пресечение финансовых потоков, способствующих подготовке террористических актов. В этой связи важно объединить усилия органов безопасности и банковских учреждений. Учитывая высокую долю финансовых операций в сети Интернет, а также использование цифровых денежных активов (биткоинов), важно скоординировать действие со специалистами в области кибербезопасности банков и правоохранительными органами, компетентными в области киберпреступности.

Необходимо активнее использовать помощь так называемых «кибердружин» – добровольных объединений граждан, цензурирующих публикации пользователей и интернет-сообществ в сети «Интернет», проверяющих контент на предмет содержания материала террористической и экстремистской направленности.

Таким образом, несмотря на то, что разработка подходов к определению понятия кибертерроризма, его сущности и содержания, а также организационно-правовых основ противодействия этому виду преступности ведется достаточно давно, как на национальном, так и международном уровне, до настоящего времени не выработано единого легитимного определения кибертерроризма. Правовые основы и организация международного сотрудничества в вопросах борьбы с кибертерроризмом также находятся в стадии формирования и стабилизации.

В связи с этим в качестве приоритетных задач на национальном уровне считаем целесообразным определить следующие:

определение и нормативное закрепление понятия «кибертерроризм», разработка нормативной правовой базы, регулирующей вопросы противодействия кибертерроризму;

совершенствование межведомственного взаимодействия органов исполнительной власти с общественными организациями и объединениями по противодействию распространению идеологии терроризма в сети «Интернет»;

развитие международного сотрудничества в борьбе с кибертерроризмом, как в рамках со-

вершенствования правового регулирования, так и на действующих международных площадках;

повышение эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов по выявлению в сети «Интернет» признаков преступлений террористического характера за счет существенного развития материально-технической базы спецподразделений правоохранительных органов, а также повышения квалификации сотрудников, занимающихся борьбой с преступностью в киберпространстве.

Литература

1. Григорян В. М., Васильев А.М. Киберпреступления в современной России // Science Time. 2024. № 5 (124), 22–24.
2. Красинский В. В., Машко В.В. Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификация // Государство и право. 2023. № 1. С. 79–91. URL.: <http://gospravo-journal.ru/s102694520024122-5-1/> (дата обращения: 05.01.2025).
3. Кумышева М. К., Абазова Е.Х. Признание кибертерроризма в законодательных актах в России и зарубежных странах // Журнал прикладных исследований. 2023. № 7. С. 129–134.
4. Лобач Д.В. Кибертерроризм как нетипичное проявление (форма) терроризма в современном мире // Журнал: Advances in law studies. 2022. Том 10, № 3. С. 36–40.
5. Малик Е.Н. Кибертерроризм как мировая угроза: вызовы и меры борьбы // Вестник Прикамского социального университета. 2020. № 1(85). С. 169–173.
6. Сосновская Ю. Н., Маркина Э.В. Современный кибертерроризм как угроза национальной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 206–210.
7. Цримов А.А. Анализ российского и международного законодательного регулирования кибертеррористических преступлений // Журнал прикладных исследований. 2023. № 9. С. 126–130.
8. Шумилов В. М., Крайнюкова Л.М. Роль ООН в нормативном противодействии практике транснациональных преступлений террористического характера в информационной сфере. Московский журнал международного права. 2020. № 4. С. 23–37.
9. Denning D. E. A View of Cyberterrorism Five Years Later // Internet Security: Hacking, Counterhacking, and Society / ed. by K. Himma. Boston, 2006. URL.: <https://faculty.nps.edu/dedennin/publications/Cyberterror%202006.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).
10. Lee J., Macdonald S. What Is Cyberterrorism? Findings from a Survey of Researchers // Terrorism and Political Violence. 2015. Vol. 27 (4). P. 657–678. URL.: <https://cronfa.swan.ac.uk/Record/cronfa16645> (дата обращения: 05.01.2025).

CYBERTERRORISM: THE CONCEPT, ESSENCE AND COUNTERACTION MEASURES

Prokofieva T.V., Tyulyakova S.A.

Institute of International Law and Justice Moscow State Linguistic University,
Coordination Center of the.RU/ domains.RF

The article discusses various approaches of domestic and foreign experts to the definition of the concept of "cyberterrorism", and outlines the author's position on the definition and essence of this concept. The circumstances that make it difficult to solve the problem of combating crime in cyberspace are analyzed, and measures to counter cyberterrorism, including those implemented within the framework of legal regulation at the international level, are considered. The tasks of combating cyberterrorism are identified, which must be addressed as a matter of priority within the framework of the national approach.

Keywords: cyberterrorism, cyberattack, digital space, Internet, cybercrime, counteraction.

References

1. Grigoryan V. M., Vasiliev A.M. Introduction to modern Russia // *Science Time*. 2024. № 5 (124), 22–24. (In Russ.)
2. Krasinsky V. V., Mashko V.V. Cyberspace: criminological analytics and qualification // *State and law*. 2023. No. 1. pp. 79–91. URL.: <http://gospravo-journal.ru/s102694520024122-5-1/> (In Russ.) (date of access: 05.01.2025).
3. Kumysheva M. K., Abazova E.H. Recognition of cyberterrorism in legislative acts in Russia and foreign countries // *Journal of Applied Research*. 2023. No. 7. pp. 129–134. (In Russ.)
4. Lobach D.V. Cybersm as an atypical predominance (form) of terrorism in the modern world // *Journal: Achievements in jurisprudence*. 2022. Volume 10, No. 3. pp. 36–40. (In Russ.)
5. Malik E.N. Cyberterrorism as a global threat: challenges and measures to combat // *Bulletin of the Kama Social University*. 2020. No. 1(85). pp.169–173. (In Russ.)
6. Sosnovskaya Yu. N., Markina E.V. Modern cyberterrorism as a threat to national security // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 2. pp. 206–210. (In Russ.)
7. Tsrinov A.A. Analysis of Russian and international legislative regulation of cyberterrorist crimes // *Journal of Applied Research*. 2023. No. 9. pp. 126–130. (In Russ.)
8. Shumilov V. M., Krainyukova L.M. The role of the United Nations in the normative counteraction to the practice of transnational crimes of a terrorist nature in the information sphere. *Moscow Journal of International Law*. 2020. No. 4. pp.23–37. (In Russ.)
9. Denning D. E. A look at cyberterrorism Five years later // *Internet Security: Hacking, Anti-hacking and Society* / ed. by K. Himm. Boston, 2006. URL: <https://faculty.nps.edu/dedennin/publications/Cyberterror%202006.pdf> (date of access: 05.01.2025).
10. Lee J., Macdonald S. What is cyberterrorism? The results of the survey of researchers // *Terrorism and political violence*. 2015. Vol. 27 (4). pp. 657–678. URL: <https://cronfa.swan.ac.uk/Record/cronfa16645> (date of access: 05.01.2025).

Доказывание вины в налоговом преступлении (Комментарий к Определению Конституционного Суда РФ от 30.11.2023 г. № 3260-О)

Прошин Владимир Михайлович,

адвокат, д-р юр. наук, Московская коллегия адвокатов
«Защита»

E-mail: advokat.proshin.v.m@gmail.com

К уголовной ответственности за налоговые преступления лицо может быть привлечено только на основании материалов, полученных в соответствии с законодательством о налогах и сборах от налогового органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В материалах налогового органа фиксирован размер налоговой недоимки и обстоятельства нарушения налогового законодательства. Установление этих обстоятельств входит в компетенцию специально уполномоченного субъекта налоговых правоотношений: налогового органа. При установлении налоговым органом неосторожной формы вины в действиях по нарушению налогового законодательства и, как следствие, образованию налоговой недоимки и незаконной налоговой выгоды на стороне налогоплательщика, уголовное преследование исключается в силу того, что налоговое преступление может быть совершено только с прямым умыслом.

Ключевые слова: Налоговое преступление, налоговый спор, уголовное судопроизводство, налоговая недоимка, неосторожная форма вины, прямой умысел, незаконная налоговая выгода, предмет доказывания, привлечение к уголовной ответственности, материалы налогового органа, налоговый орган, следователь, субъект налоговых правоотношений, налоговая проверка, преюдиция, уголовное преследование, налоговое правонарушение.

Конституционный Суд РФ в Определении от 30.11.2023 г. № 3260-О подтвердил ранее неоднократно им же обозначаемое утверждение, что вступившее в законную силу решения судов по итогам судебного разбирательства налогового спора не предрешают результат уголовного судопроизводства по доказанности состава налогового преступления, в том числе доказанность виновности обвиняемого, которые должны основываться на установлении всех обстоятельств по налоговому преступлению, подлежащих обязательному доказыванию в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (Постановления от 21.12.2011 г. № 30-П, от 10.02.2017 г. № 2-П; Определения от 28.11.2019 г. № 3197-О, от 24.12.2020 г. № 3065-О, от 28.09.2021 г. № 2001-О, от 30.03.2023 г. № 489-О и др.). [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]

Привлечение к уголовной ответственности за налоговые преступления (статьи 198–199.2 УК РФ) возможно только на основании материалов, полученных в соответствии с законодательством о налогах и сборах от налогового органа для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ). То есть для начала уголовного преследования необходимо установление вступившим в силу актом налогового органа факта налоговой недоимки в результате нарушения налогового законодательства. Правом установления факта налоговой недоимки и, как результат, обстоятельств нарушения налогового законодательства обладает специально уполномоченный на это субъект налоговых правоотношений: налоговый орган. Субъекты (ч. 1 ст. 21 УПК РФ) уголовного преследования (прокурор, следователь, дознаватель), не являясь субъектами налоговых правоотношений, таковым правом не обладают, так как установление вышеуказанных обстоятельств возможно только в рамках налоговых правоотношений особым субъектом данных отношений, действия которого налоговое законодательство предписывает осуществлять с соблюдением прав и учётом обязанностей иных субъектов налоговых правоотношений (ст.ст. 9, 10 НК РФ). Следовательно обоснованность и законность уголовного преследования за налоговые преступления обусловлены преюдицией установленных обстоятельств в ходе налогового спора между налогоплательщиком и налоговым органом. При этом выявленный налоговым органом факт совершения налогового правонарушения со стороны налогоплательщика может быть совершён как умышленно, так и по неосторожности. Совершение же налогового преступления возможно только с прямым умыслом (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 48). [8, 9, 10, 11]

Как показывает правоприменительная практика налоговый орган в большинстве выносимых им актах по итогам налоговой проверки: акт налоговой проверки и решение о привлечении налогоплательщика к ответственности за налоговое правонарушение, – не фиксирует форму вины в действиях налогоплательщика, приведших к непоступлению соответствующей суммы налога в бюджетную систему страны. Решая вопрос о возбуждении уголовного дела на основе материалов налогового органа, поступающих в распоряжение следователя, последний опирается на презумпцию установленного в рамках налоговых правоотношений факта наличия налоговой недоимки и обстоятельств нарушения налогового законодательства. Конституционный Суд РФ в своих постановлениях, обращаясь к статье 199 УК РФ, неоднократно отмечал, что данная статья по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предусматривает ответственность лишь за такое деяние, которое совершается с умыслом и направлено на избежание уплаты налога в нарушение установленных норм законодательства о налогах и сборах (Определения Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 г. № 478-О, от 29.05.2019 г. № 1243-О, от 30.03.2023 г. № 542-О). А значит при привлечении к уголовной ответственности необходимо учитывать нормы не только уголовного, но и налогового законодательства, к которому статья 199 УК РФ прямо отсылает. [12, 13, 14]

Следователь, возбуждая уголовное дело по материалам налогового органа и осуществляя уголовное судопроизводство, организывает доказательный процесс по сбору, проверки и оценки обстоятельств, подлежащих обязательному установлению по налоговому преступлению, руководствуясь требованиями норм уголовно-правового и уголовно-процессуального законодательства. Материалы налогового органа, поступившие в распоряжение следователя, в рамках налоговых правоотношений являются доказательством нарушения налогового законодательства и неуплаты в результате этого соответствующей суммы налога в бюджетную систему государства, что является основанием для привлечения налогоплательщика (представителя налогоплательщика, налогового агента) к налоговой ответственности. В ходе уголовного судопроизводства по налоговому преступлению данные материалы определяют направление доказательного процесса по сборке, проверке и оценке сведений об обстоятельствах события налогового преступления, что обязывает следователя осуществить работу со сведениями, содержащимися в материалах налогового органа и имеющих значение для уголовного дела, с учётом требований уголовно-процессуального законодательства, предъявляемых к доказательствам в уголовном судопроизводстве по форме и содержанию.

Материалы налогового органа в уголовном деле по налоговому преступлению играют роль ориентирующей информации, но при этом фиксируют

доказанность юридически обязательных обстоятельств для уголовного судопроизводства, установление которых возможно только в рамках налоговых правоотношений между налоговым органом и налогоплательщиком: наличие неуплаты суммы налога в бюджетную систему государства и факт нарушения налогового законодательства. В обоснование наличия умышленной формы вины ответственного лица в организации и осуществлении механизма нарушения налогового законодательства с целью незаконного получения налоговой выгоды, как субъекта налогового преступления, могут быть положены доказательства, добытые только в ходе уголовного судопроизводства.

Конституционный Суд РФ в Определении от 30.11.2023 г. № 3260-О определил, что ч. 1 ст. 199 УК РФ «предполагает уголовную ответственность лица лишь при доказанности в ходе уголовного судопроизводства и с обеспечением надлежащих материально-правовых и процессуальных требований и гарантий всех объективных и субъективных признаков состава уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, включая умысел его субъекта, ...». В последнее время в отдельных случаях налоговый орган стал фиксировать факт доказанности формы вины в действиях налогоплательщика (представителя, налогового агента) в совершении налогового правонарушения. Принимая во внимание, что налоговое преступление может быть совершено только с прямым умыслом, то при доказанности по итогам налогового спора в рамках налоговых правоотношений совершения субъектом действий (бездействий) по нарушению налогового законодательства и уклонению от уплаты налогов в форме неосторожности, попытка уголовного преследования в рамках уголовных правоотношений будет являться стремлением доказать обстоятельства виновности, конкурирующие (противоречащие) доказанным обстоятельствам виновности в рамках налоговых правоотношений, ибо оценка психологического отношения субъекта к осуществлённому механизму получения налоговой выгоды (то есть уклонения от налогообложения) и нарушения налогового законодательства не может зависеть от правоотношений, в рамках которых данная оценка производится.

Действия (бездействия) субъекта, находящиеся в причинно-следственной связи с нарушением законодательства о налогах и сборах и непоступлением (поступлением не в полном размере) суммы налога в бюджетную систему государства, являются элементом единого механизма налогового правонарушения, сопряжённого с незаконным получением налоговой выгоды в результате нарушения налогового законодательства. Вывод о законности и обоснованности этого механизма возможен исключительно с точки зрения оценки обстоятельств формирования налогоплательщиком налоговой базы, порядка определения суммы подлежащего уплате налога, результатов искажения сведений о фактах хозяйственной жизни, об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налого-

вом и бухгалтерском учёте и отчётности, что является предметом ведения специального субъекта налоговых правоотношений, каковым является налоговый орган.

Вывод налогового органа о форме вины, как психическом отношении налогоплательщика (представителя налогоплательщика, налогового агента) к предпринимаемым в рамках налоговых правоотношений юридически значимым действиям в соответствии с толкованием субъективно понимаемой и подлежащей применению нормой налогового законодательства, устанавливается налоговым органом в комплексе со всеми обстоятельствами формирования налогооблагаемой базы и порядка определения суммы подлежащего уплате налога. Установленный достаточный объём сведений о модели механизма нарушения налогового законодательства, как причинно-следственной связи с неуплатой или неполной уплатой сумм налога, даёт в распоряжение налогового органа достоверный доказательственный материал для вывода о форме вины в действиях соответствующего субъекта, тем более мотив действий по уклонению от уплаты налогов и нарушению налогового законодательства входит в предмет доказывания по налоговому правонарушению, и установление формы вины в данном случае влияет на степень ответственности соответствующего субъекта. Всё это даёт основание, в случае установления неосторожной формы вины на стороне налогоплательщика, оценивать данное обстоятельство как обладающее статусом преюдиции.

Вполне закономерно постановка вопроса о возможности привлечения субъекта к уголовной ответственности, когда налоговый орган, руководствуясь наступлением условий исполнения обязанности, предусмотренной ч. 3 ст. 32 НК РФ, направляет материал в следственный орган для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и проведения предварительного следствия, в содержании которого налоговым органом установлена неосторожная форма вины в действиях соответствующего субъекта. Ведь, как нами отмечено выше, налоговое преступление может быть совершено только с прямым умыслом.

Принятие следователем решения о возбуждении уголовного дела и проведении предварительного следствия по итогам изучения полученных материалов от налогового органа, при наличии в данных материалах установленной налоговым органом неосторожной формы вины в действиях налогоплательщика (представителя налогоплательщика, налогового агента), сопряжено с необходимостью оценки всех субъективных признаков состава уклонения от уплаты налогов, связанного с непоступлением соответствующей суммы налога в бюджетную систему государства и нарушением налогового законодательства, что требует с позиции уголовного и уголовно-процессуального законодательства оценки обстоятельств, установленных в этой части налоговым органом. Психологическое отношение субъекта к нарушению

налогового законодательства, как элементу механизма уклонения от уплаты налогов, не может быть разным в составе налогового правонарушения и составе налогового преступления, так как установленные в налоговых правоотношениях обстоятельства психологического отношения субъекта к получению необоснованной налоговой выгоды основаны на собранных и проверенных налоговым органом обстоятельстве мотивированности действий субъекта по толкованию юридической природы фактов, положенных им в обоснование формирования налоговой базы и порядка определения суммы налога, подлежащего уплате в бюджет. Оценка налоговым органом как неосторожных действий по интеллектуально-волевому управлению со стороны налогоплательщика (его представителя, налогового агента) механизмом нарушения налогового законодательства с целью получения налоговой выгоды основана на учёте всех юридически значимых обстоятельств и положений, вытекающих из законодательства о налогах и сборах.

Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание судов на то, что в рамках налогового спора только самостоятельное исследование юридически значимых обстоятельств и оценка доказательств с позиции налогового законодательства ведут к объективному и законному результату разрешения дела. Так в Определении от 05.04.2024 г. № 306-ЭС23–24623 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ определила: «Результат рассмотрения гражданско-правового спора сам по себе, без исследования и оценки доказательств в рамках налогового спора, не имеет преюдициального значения. При рассмотрении налогового спора необходимы самостоятельное исследование обстоятельств и оценка доказательств, связанных с действиями налогоплательщика при уплате налогов.» То есть исследованию всех деталей сложившихся налоговых правоотношений с позиции налогового законодательства придаётся приоритет в установлении обстоятельства причинно-следственной связи незаконного непоступления суммы налога в бюджетную систему, подлежащей уплате со стороны налогоплательщика. [15]

Неуплата или неполная уплата сумм налогов в бюджетную систему государства, подлежащих обязательному перечислению, возможна только в результате нарушения налогового законодательства. Оценка налоговым органом мотивационных действий субъекта по нарушению налогового законодательства в рамках налогового спора, по итогам которого вынесено вступившее в силу решение суда, не может терять оценочных критериев субъективной сути механизма нарушения законодательства о налогах и сборах в ходе доказательного процесса в рамках уголовного судопроизводства. Самооценка и детерминированность действий субъекта преследуемой целью не меняются от специфики доказательного процесса в различных правоотношениях.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2023 г. № 3260-О.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 г. № 30-П.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 г. № 2-П.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 г. № 3197-О.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2020 г. № 3065-О.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 г. № 2001-О.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 г. № 489-О.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024).
10. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 г. № 48.
12. Определения Конституционного Суда РФ от 20.12.2005 г. № 478-О.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 г. № 1243-О.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 30.03.2023 г. № 542-О.
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.04.2024 г. № 306-ЭС23–24623.

PROVING GUILT IN A TAX CRIME (COMMENTARY ON THE RULING OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED NOVEMBER 30, 2023 NO. 3260-O)

Proshin V.M.
Moscow Bar Association "Protection"

A person may be held criminally liable for tax crimes only on the basis of materials received in accordance with the legislation on taxes and fees from the tax authority to decide on the initiation of a criminal case. The materials of the tax authority shall record the amount of tax arrears and the circumstances of the violation of tax legislation. Establishing these circumstances is within the competence of a specially authorized subject of tax legal relations: the tax authority. If the tax authority establishes a careless form of guilt in actions to violate tax legislation and, as a consequence, the formation of tax arrears and illegal tax benefit on the part of the taxpayer, criminal prosecution is excluded due to the fact that a tax crime can only be committed with direct intent.

Keywords: Tax crime, tax dispute, criminal proceedings, tax arrears, negligent form of guilt, direct intent, illegal tax benefit, subject of proof, criminal liability, materials of the tax authority, tax authority, investigator, subject of tax legal relations, tax audit, prejudice, criminal prosecution, tax offense.

References

1. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.11.2023 No. 3260-O.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 21.12.2011 No. 30-P.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.02.2017 No. 2-P.
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.11.2019 No. 3197-O.
5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 24.12.2020 No. 3065-O.
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 28.09.2021 No. 2001-O.
7. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.03.2023. № 489-O.
8. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 09.11.2024).
9. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 09.11.2024).
10. Tax Code of the Russian Federation of 05.08.2000 № 117-FZ.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.11.2019 № 48.
12. Definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.12.2005 № 478-O.
13. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.05.2019. No. 1243-O.
14. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 30, 2023 No. 542-O.
15. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 5, 2024 No. 306-ES23–24623.

Современные проблемы противодействия преступности на транспорте: криминологический анализ девиантного поведения

Степанова Галина Михайловна,

аспирант, Ростовский государственный экономический университет

E-mail: yukudza1908@mail.ru

Статья посвящена современным проблемам противодействия преступности на транспорте с криминологической точки зрения. Целью исследования является комплексный анализ факторов, способствующих росту преступности в транспортной сфере, а также выработка эффективных мер по её предупреждению и нейтрализации. В работе рассматриваются как традиционные формы преступлений, такие как кражи, грабежи, насилие, совершённые на транспорте, так и новые, возникающие в условиях современных технологий, таких как мошенничество, киберпреступления и преступления, связанные с использованием инновационных средств транспорта. Основное внимание в статье уделяется анализу социально-экономических факторов, влияющих на преступность в транспортной сфере, таких как бедность, безработица, неравенство, низкий уровень правовой осведомленности и правовой культуры населения. Особое внимание уделено влиянию быстро инновационных технологий, которые создают новые возможности для преступной деятельности, а также транснациональным аспектам преступности, связанным с глобализацией и международным транспортом. В ходе исследования автор выявляет основные проблемы правоприменения в сфере транспортной безопасности и предлагает комплексные меры, направленные на улучшение правового регулирования, повышение уровня безопасности и координацию действий правоохранительных органов, транспортных компаний и частных субъектов.

Ключевые слова: преступность на транспорте, криминологический анализ, противодействие преступности, девиантное поведение, правовая культура, социально-экономические факторы, правоприменение, инновационные технологии.

Введение

Современные условия общественно-экономического развития, сопровождаемые ускоренной урбанизацией и глобализацией, ставят перед обществом новые вызовы в сфере обеспечения безопасности транспортных систем. Транспорт, как неотъемлемая часть социальной инфраструктуры, является одним из ключевых факторов, определяющих устойчивость и стабильность функционирования городов и регионов. Однако, с ростом объемов пассажирских и грузовых перевозок, участились и случаи преступных посягательств, что обуславливает необходимость глубокой криминологической оценки девиантного поведения на транспорте.

Девиантное поведение на транспортных объектах представляет собой многокомпонентное явление, охватывающее как традиционные формы преступности, так и более сложные преступные схемы, затрагивающие вопросы транспортной безопасности [1, с.69]. Современные технологии, активно интегрирующиеся в транспортную инфраструктуру, создают новые возможности для злоумышленников, в то время как правоприменительные органы зачастую не имеют достаточных средств для эффективного противодействия таким угрозам. Таким образом, криминологический анализ девиантного поведения должен учитывать как индивидуальные, так и системные факторы, способствующие преступным проявлениям в транспортной среде.

Одним из ключевых аспектов противодействия преступности на транспорте является понимание мотивационных и поведенческих характеристик субъектов девиантного поведения. Исследование социально-экономических и психолого-психиатрических предпосылок, побуждающих индивидов к противоправным действиям, позволяет выявить узловые точки вмешательства, через которые возможно снижение уровня преступности. Более того, профилактика девиантного поведения требует интеграции междисциплинарных подходов, объединяющих криминологические, социологические, психологические и информационные методы и технологии [5, с.164]. Таким образом, необходимость в сложных, комплексных мерах по управлению безопасностью на транспорте диктуется не только возрастающей интенсивностью использования транспортных систем, но и сложностью характерных для них угроз. Осуществление системного криминологического анализа в этом контексте служит основой для разработки научно обоснованных стратегий предотвращения преступ-

ности, содействующих укреплению безопасности и стабильности транспортной инфраструктуры.

Ситуации с преступностью в сфере транспортной безопасности

Современная ситуация с преступностью в сфере транспортной безопасности в России характеризуется как наличием традиционных форм преступлений, так и возникновением новых угроз, связанных с технологическим прогрессом. Для глубокого понимания этой сложной проблематики требуется обратить внимание на ключевые аспекты, которые включают традиционные преступления, развитие киберугроз и вызовы безопасности, связанные с инновационными видами транспорта.

Традиционные формы транспортных преступлений в России продолжают оставаться значимой угрозой для безопасности. Это составы преступлений, предусмотренные ст.ст. 263, 264, 268 УК РФ и ряд других.

Эти преступления, несмотря на своё давнее существование, продолжают эволюционировать в ответ на изменения в экономической и социальной среде [6, с.139]. Постоянная динамика в формах и методах совершения преступных деяний требуют от правоохранительных органов не только оперативных мер противодействия, но и стратегических инициатив по укреплению системы транспортной безопасности в целом. При этом помимо традиционных угроз, развитие технологий влечет за собой появление новых форм преступлений, особенно в сфере кибербезопасности. Преступники всё чаще используют высокотехнологичные методы для осуществления преступных деяний. На первый план выходят такие преступления, как незаконное вмешательство в работу электронных систем управления транспортом, мошенничество с использованием транспортных приложений, а также кража персональных данных пользователей транспортной сети. Эти виды преступлений требуют нового подхода к обеспечению безопасности, включающего активное использование специальных IT-решений и углубление сотрудничества с международными партнёрами в области борьбы с киберугрозами [7].

Кроме того, особого внимания заслуживают потенциально возможные случаи, связанные с безопасностью инновационных видов транспорта, таких как электромобили и беспилотные средства передвижения. Эти транспортные средства, с одной стороны, обещают революционизировать транспортную отрасль, с другой – предъявляют новые вызовы к обеспечению безопасности. Угрозы, связанные с хакерскими атаками на автономные системы управления или с нарушением протоколов безопасности, выдвигают на первый план необходимость разработки новых стандартов и методологий, способных защитить как пользователей, так и саму инфраструктуру транспортной системы.

Кроме того рост числа электромобилей и беспилотных автомобилей также приводит к изменению

динамики транспортных преступлений. Например, вскрытие электрических систем автомобиля теперь становится более сложным, однако у злоумышленников появляются новые цели – зарядные станции и точки передачи данных, которые контролируют зарядку и мониторинг состояния транспортных средств. Современные преступники ищут пробелы в правовом регулировании, чтобы использовать в своих интересах недостатки технической защиты транспортных систем.

В этой связи для эффективного противодействия преступности в сфере транспортной безопасности необходимо проведение всесторонних исследований и разработка комплексных стратегий, которые учитывали бы как традиционные, так и новые формы угроз. Особую роль здесь играет развитие сотрудничества между государственными органами и частными компаниями, занимающимися новыми видами транспорта, кибербезопасностью и технологическими инновациями [7]. Кроме того совершенствование нормативно-правовой базы, улучшение подготовки кадров и укрепление международного сотрудничества также являются важными шагами на пути к созданию более безопасной транспортной системы. Следовательно, современные вызовы, стоящие перед системой транспортной безопасности России, требуют интегрированного подхода, в рамках которого необходимо учитывать традиционные формы преступлений, новейшие технологические угрозы и развитие инновационного транспорта.

Правоприменение в сфере транспортной безопасности

Уголовно-правовое регулирование транспортной безопасности представляет собой сложный комплекс норм и правил, направленных на обеспечение безопасности пассажиров и грузов, защиты от террористических актов и других противоправных посягательств на транспорте [5]. Этот сектор требует постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям окружающего мира, что обусловлено активным развитием технологий и глобализацией транспортных потоков.

В настоящее время основным законодательным актом, регулирующим вопрос транспортной безопасности, является Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ, который устанавливает требования и порядок обеспечения безопасности на различных видах транспорта. Кроме того, разработаны подзаконные акты и инструкции, детализирующие общие положения. Однако практика показывает, что существующее законодательство часто отличается избыточной сложностью, дублированием функций и недостаточной гибкостью в условиях стремительного развития новых угроз. Богатство норм и правил зачастую запутывает участников процессов, затрудняя их правильное применение и интерпретацию. Это ведет к тому, что некоторые пробелы и недостатки законодательства могут использо-

ваться злоумышленниками для обхода правил безопасности.

Не менее значимой проблемой правоприменения в сфере транспортной безопасности являются сложности в координации действий между различными органами, ответственными за ее обеспечение. Эффективная транспортная безопасность предполагает четкое взаимодействие многих органов, включая правоохранительные органы, транспортные компании, контролирующие органы и специальные службы, занимающиеся антитеррористической деятельностью. Однако на практике, такая координация часто затруднена из-за административных барьеров, различий в приоритетах и подходах к решению задач, а также значительных бюрократических преград.

В целом, эффективность координации между этими органами находится под угрозой из-за отсутствия единой интегрированной системы управления процессами транспортной безопасности. Нередко ведомственные нормативные документы организаций вступают в противоречие со сложившимися межведомственными соглашениями, что приводит к конфликтам интересов и замедлению принятия оперативных решений. В результате, правоохранительные органы часто оказываются в ситуации, когда они не имеют доступа к необходимой информации или же получают ее с опозданием, что снижает их способность эффективно и быстро реагировать на возникающие угрозы. Полагаем, что для решения этих проблем требуется разработка механизмов, способствующих улучшению межведомственного взаимодействия и ускоряющих обмен информацией между всеми заинтересованными сторонами. Это может включать в себя как технические решения – создание единой цифровой платформы для обмена данными, так и нормативные меры – разработку новых единых регламентов и стандартов, касающихся всех участников транспортного процесса. Кроме того, можно рассмотреть возможность внедрения систем моделирования и анализа рисков, которые помогут в процессе принятия решений.

Меры предупреждения транспортных преступлений

В современном динамично развивающемся мире, где транспортные потоки постоянно ускоряются, обеспечение безопасности на транспорте становится одной из первоочередных задач для государственных органов и частных компаний, стремящихся смягчить потенциальные угрозы, обусловленные преступной деятельностью. Этот рост обусловлен неуклонным увеличением количества транспортных средств и пассажиров, что делает меры по предупреждению и нейтрализации преступлений острее необходимыми и требует разработки и внедрения инновационных решений и стратегий. Важность комплексного подхода к обеспечению транспортной безопасности, который включает как превентивные меры, так и механизмы быстрого реагиру-

ния на возникающие угрозы, трудно переоценить, поскольку он необходим для создания безопасной и комфортной среды для всех участников движения [2]. Эффективность этих мер в значительной степени зависит не только от технологических инноваций, но и от активного взаимодействия правоохранительных органов, транспортных компаний и общества, объединённых целью формирования культуры безопасности, что позволяет существенно повысить уровень защищённости на транспорте. В этой связи определим комплекс таких мер: а) правовые и организационные меры; б) укрепление координации; в) внедрение инновационных технологий. Таким образом, решение проблем безопасности на транспорте требует комплексного подхода, сочетающего в себе передовые технические решения, социальные и правовые инновации, а также активную гражданскую позицию населения.

Выводы

В настоящее время современные транспортные системы представляют собой сложное взаимодействие множества технологических, экономических и социальных факторов, и их устойчивое функционирование имеет критическое значение для общества в целом. Однако по мере роста и развития этих систем они сталкиваются с новыми видами девиантного поведения, что связано как с технологическими инновациями, так и с изменениями социальной структуры общества. При этом в условиях стремительного развития цифровых технологий увеличивается число способов, которыми преступники могут осуществлять свои намерения, требуя от правоохранительных структур разработки более сложных и адаптивных методов контроля и мониторинга.

Следует признать, что вероятность совершения правонарушений на транспорте увеличивается из-за множества факторов социального и экономического характера. Социальные изменения и экономические вызовы способствуют усложнению задач, стоящих перед органами правопорядка, так как выявление потенциальных правонарушителей представляет собой всё более трудоёмкий процесс. В этой связи возникает острая необходимость в разработке оригинальных программ превентивных мер, которые способствовали бы формированию правового сознания в среде различных социальных групп. Такие программы должны учитывать специфику и потребности каждой группы, воспитывая у её членов уважение к закону и ответственность за свои действия.

В этой связи ключевую роль в эффективном противодействии девиантному поведению на транспорте должно приобрести сотрудничество между государственными органами и частным сектором. Объединение усилий всех заинтересованных сторон, включая транспортные компании, правоохранительные органы, органы местного самоуправления и общественные организации, является необходимым условием для создания безопасных

и защищённых условий пользования транспортными системами. Совместные усилия позволяют разрабатывать и внедрять инновационные решения, направленные на снижение уровня преступности и повышение безопасности транспортной среды.

Литература

1. Афанасьева О.Р. Состояние и тенденции развития рецидивной преступности на транспорте // Транспортное право и безопасность. – 2022. – № 4 (44). С. 69–77.
2. Битшева А.В., Никифоров Ю.А. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с безопасностью дорожного движения и безопасной эксплуатацией транспортных средств: проблемы, особенности и тенденции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 1 (47). С. 38–45
3. Канонин Ю.Н. Проблемы безопасности при эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств // Известия Петербургского университета путей сообщения. СПб.: ПГУПС, 2024. Т. 21, вып. 1. С. 76–84.
4. Новикова Т.Ю., Горбунов И.А. Криминологическая характеристика преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 34. – С. 1866–1872.
5. Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. Преступность на транспорте: криминологическая характеристика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 2 (51). – С. 163–170.
6. Семенцова И. А., Федорова Е.А. Преступления в сфере транспорта: криминологический аспект и специфика уголовно-правовой оценки // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 1. – С. 139–145.
7. Толмачев Н.А., Устинов А.А. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2024. 10(120). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/18209> (Дата доступа: 21.01.2025)

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF AN OFFENDER COMMITTING CRIMES IN THE TRANSPORT SECTOR

Stepanova G.M.

Rostov State University of Economics

The article addresses contemporary issues of combating crime in the transport sector from a criminological perspective. The aim of the study is to conduct a comprehensive analysis of the factors contributing to the rise of crime in the transport field and to develop effective measures for its prevention and neutralization. The paper examines both traditional forms of crimes, such as theft, robbery, and violence committed in transport vehicles, as well as emerging crimes in the context of modern technologies, such as fraud, cyber-crime, and offenses related to the use of innovative transport technologies. The paper places special emphasis on analyzing socio-economic factors influencing crime in the transport sector, such as poverty, unemployment, inequality, and the low level of legal awareness and legal culture among the population. Attention is also given to the impact of rapidly developing technologies that create new opportunities for criminal activity, as well as transnational aspects of crime related to globalization and international transportation. In the course of the study, the author identifies the main issues in law enforcement related to transport safety and proposes comprehensive measures aimed at improving legal regulation, enhancing security, and coordinating actions between law enforcement agencies, transport companies, and private stakeholders.

Keywords: transport crime, criminological analysis, crime prevention, deviant behavior, legal culture, socio-economic factors, law enforcement, innovative technologies.

Reference

1. Afanasyeva O.R. The state and development trends of recidivism in transport // Transport law and security. – 2022. – № 4 (44). Pp. 69–77.
2. Bitsheva A.V., Nikiforov Yu.A. Criminological characteristics of crimes related to road safety and safe operation of vehicles: problems, features and trends // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13, No. 1 (47). pp. 38–45
3. Kanonin Yu.N. Safety problems in the operation of highly automated vehicles // Proceedings of the St. Petersburg University of Railway Transport. SPb.: PGUPS, 2024. Vol. 21, issue 1. pp. 76–84.
4. Novikova T.Yu., Gorbunov I.A. Criminological characteristics of criminal violations of traffic rules and operation of vehicles // Innovation. Science. Education. – 2021. – No. 34. – pp. 1866–1872.
5. Pisarevskaya E.A., Dvorzhitskaya M.A. Crime in transport: criminological characteristics // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2 (51). – Pp. 163–170.
6. Sementsova I. A., Fedorova E.A. Crimes in the field of transport: criminological aspect and specifics of criminal law assessment // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University Law Sciences. – 2021. – Vol. 7 (73). No. 1. – pp. 139–145.
7. Tolmachev N.A., Ustinov A.A. Crimes against traffic safety and vehicle operation // Universum: economics and jurisprudence: electron. scientific journal. 2024.10(120). URL: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/18209> (Access date: 21.01.2025)

Предупреждение преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты

Хутренков Александр Викторович,

аспирант, Пензенский государственный университет
E-mail: advokat-hutrenkov.ru@yandex.ru

В статье рассматривается система предупреждения преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Анализируются особенности правового статуса подозреваемых, обвиняемых и их защитников, а также специфика угроз их безопасности в современных условиях. Представлена криминологическая характеристика преступлений данной категории, включая их мотивацию, формы противоправного воздействия и использование современных технологий. Выявлены основные проблемы в деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности участников со стороны защиты, включая отсутствие единообразного подхода к оценке оснований применения мер безопасности и недостатки межведомственного взаимодействия. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на создание эффективного механизма защиты прав подозреваемых, обвиняемых и их защитников в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, государственная защита, участники со стороны защиты, меры безопасности, предупреждение преступлений, противоправное воздействие, межведомственное взаимодействие.

В современных условиях развития российского общества особую актуальность приобретает проблема обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Несмотря на наличие специального законодательства и создание системы государственной защиты, количество противоправных посягательств на подозреваемых, обвиняемых и их защитников остается значительным. Это создает серьезные препятствия для нормального отправления правосудия, поскольку участники процесса, опасаясь за свою безопасность, нередко отказываются от дачи показаний или изменяют ранее данные показания под влиянием угроз и иного противоправного воздействия. Кроме того, существующие механизмы предупреждения таких преступлений не в полной мере учитывают специфику процессуального статуса участников со стороны защиты и особенности оказываемого на них давления.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии существенных проблем в деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. В частности, отсутствует единообразный подход к оценке оснований применения мер безопасности, существуют сложности в обосновании необходимости их применения, недостаточно эффективно организовано межведомственное взаимодействие. Судебная практика демонстрирует скептическое отношение к возможности оказания давления на участников процесса, что приводит к необоснованным отказам в применении мер государственной защиты. При этом преступные посягательства на участников со стороны защиты характеризуются высокой степенью латентности и сложностью доказывания, что требует разработки специальных методик их предупреждения и расследования [10].

Целью настоящего исследования является разработка научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию системы предупреждения преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Для глубокого анализа юридических аспектов охраны прав лиц, выступающих на стороне защиты в уголовном процессе, необходимо точно установить состав защищаемых субъектов и специфику их юридического положения. В число представителей защиты входят: лица под подозрением или обвинением, их законные представители (если речь идет о несовершеннолетних), адвокаты-защитники, а также гражданские ответчики с их представите-

лями. Их процессуальный статус детально регламентирован уголовно-процессуальным законодательством, однако вопросы обеспечения их безопасности требуют дополнительного правового регулирования [5].

Особое значение имеет то обстоятельство, что участники со стороны защиты находятся в специфическом процессуальном положении, поскольку реализуют функцию противодействия уголовному преследованию. Это создает определенные сложности в обеспечении их безопасности, так как правоохранительные органы нередко воспринимают их как противоборствующую сторону. При этом законодатель устанавливает особые гарантии реализации процессуальных прав, включая право на безопасное участие в уголовном судопроизводстве [11].

В научной литературе справедливо отмечается, что система преступлений против участников уголовного судопроизводства имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при разработке мер их защиты. Применительно к участникам со стороны защиты эти особенности проявляются в специфике угроз их безопасности, которые могут исходить как от противоположной стороны процесса, так и от иных заинтересованных лиц. При этом формы противоправного воздействия на них могут быть различными – от психологического давления до физического насилия. Особую опасность представляют случаи, когда давление оказывается с целью склонения к даче ложных показаний или отказу от законной позиции по делу, что напрямую препятствует осуществлению правосудия [6].

Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, позволяет выделить специфическую систему противоправных деяний, обладающих рядом отличительных признаков. Прежде всего, данные преступления характеризуются особой мотивацией, связанной с противодействием осуществлению правосудия путем оказания давления на подозреваемых, обвиняемых и их защитников. При этом целью таких посягательств является принуждение указанных лиц к даче определенных показаний, отказу от избранной позиции защиты или воспрепятствование их участию в уголовном судопроизводстве [12].

Анализ законодательства и судебной практики позволяет выделить три основные группы преступлений, совершаемых против участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. К первой группе относятся преступления против жизни и здоровья, включающие посягательство на жизнь участников судопроизводства (ст. 295 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ)), а также причинение тяжкого, среднего и легкого вреда здоровью (ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ), совершаемые из мести за позицию по делу или для устранения защитника, подозреваемого или обвиняемого из процесса. Вторую группу составляют имущественные преступления – умышленное

уничтожение или повреждение имущества защитника и его подзащитных (ст. 167 УК РФ) и вымогательство (ст. 163 УК РФ), направленные на создание препятствий для реализации функции защиты. К третьей группе относятся преступления против правосудия: принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от них (ст. 309 УК РФ). Все указанные составы преступлений направлены на воспрепятствование законной процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Особую опасность представляет то обстоятельство, что значительная часть данных преступлений совершается с использованием современных технологий и средств коммуникации. Как показывает практика, преступники активно используют возможности сети Интернет и мобильной связи для оказания психологического давления на участников процесса, распространения компрометирующих материалов, получения конфиденциальной информации о защищаемых лицах. При этом развитие биометрических технологий и расширение доступных баз данных создает дополнительные риски для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, требуя разработки новых подходов к их защите с учетом современных технологических вызовов [4].

В рамках криминологической характеристики преступлений против участников уголовного судопроизводства необходимо отметить ряд существенных особенностей. Прежде всего, данные преступления имеют ярко выраженную целевую направленность – воспрепятствование осуществлению правосудия путем оказания противоправного воздействия на лиц, участвующих в уголовном процессе. При этом мотивация преступников чаще всего связана либо с мстью за занятую процессуальную позицию, либо со стремлением склонить участника процесса к изменению показаний или отказу от участия в деле [12].

Специфика данной категории преступлений проявляется также в том, что они зачастую носят организованный характер и совершаются в условиях противодействия расследованию. Криминологический анализ показывает тесную взаимосвязь этих преступлений с организованной преступностью и коррупцией, что существенно затрудняет их выявление и расследование. Появляются новые изощренные формы и методы противоправного воздействия на участников процесса, включая использование современных технологий для оказания психологического давления и угроз [7].

Важной криминологической особенностью является высокая латентность данных преступлений, обусловленная нежеланием потерпевших сообщать о фактах давления на них, опасением за свою безопасность и недоверием к возможностям государственной защиты. При этом наиболее уязвимыми категориями являются свидетели и потерпевшие, не имеющие опыта взаимодействия

с правоохранительными органами. Это требует особого внимания к обеспечению их безопасности и разработке эффективных механизмов предупреждения преступных посягательств [9].

Правовое регулирование обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в настоящее время характеризуется определенной асимметрией. Существуют специальные федеральные законы, детально регламентирующие защиту участников со стороны обвинения и суда – Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [2] и Федеральный закон от 20.04.1995 N 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [3]. При этом специализированного нормативного акта, направленного на защиту подозреваемых, обвиняемых и их защитников, в российском законодательстве не предусмотрено. Хотя указанные законы формально распространяются на всех участников процесса, их положения в большей степени ориентированы на обеспечение безопасности стороны обвинения, что не в полной мере учитывает специфику процессуального статуса и особые риски участников со стороны защиты. Это создает необходимость разработки специального правового механизма их защиты.

Основанием для применения мер государственной защиты к участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты является их добросовестное содействие предварительному расследованию и правосудию в целом. Это может выражаться в даче правдивых показаний на стадии предварительного расследования, активном сотрудничестве со следствием, помощи в раскрытии и расследовании преступлений, изобличении других соучастников преступной деятельности. В этих случаях система мер безопасности и социальной поддержки защищаемых лиц представляет собой комплексный механизм, сочетающий процессуальные и непроцессуальные формы защиты. Комплекс защитных мероприятий охватывает несколько ключевых направлений. Первое включает непосредственную физическую защиту – от персональной охраны до защиты собственности, предоставление защитных устройств и систем сигнализации. Второе направление фокусируется на обеспечении анонимности – сохранении в тайне информации о защищаемом субъекте, смене локации проживания, корректировке документации и даже изменении внешнего облика, а также перемене места трудовой деятельности или обучения. Дополнительно предусмотрен пакет социальных гарантий, включающий денежные компенсации, разовые выплаты и возмещение затрат, связанных с переездом и обустройством на новом месте. При этом выбор конкретных мер осуществляется с учетом характера угрозы и процессуального статуса защищаемого лица.

Исследование совместной работы различных ведомств по обеспечению безопасности участни-

ков уголовного процесса обнаруживает серьезные недостатки. В то время как организационная составляющая (обмен профессиональным опытом и совершенствование навыков персонала) функционирует достаточно эффективно, в области нормативно-правового регулирования сотрудничества полиции с другими правоохранительными структурами, задействованными в реализации Государственной программы защиты, наблюдаются существенные недоработки. Отсутствует единый нормативный акт, регламентирующий порядок межведомственного взаимодействия, что затрудняет оперативный обмен информацией и координацию совместных действий при возникновении угроз защищаемым лицам [8].

Повышение эффективности предупредительной деятельности требует комплексного подхода, учитывающего современные криминологические реалии. Ключевыми направлениями являются: совершенствование системы анализа и оценки угроз защищаемым лицам; внедрение современных технических средств обеспечения безопасности; повышение профессионального уровня сотрудников подразделений государственной защиты. Особое значение имеет качественный кадровый состав этих подразделений, его стабильность, профессионализм, мотивация, а также соответствие форм и методов работы потребностям правоприменительной практики. Необходимо также усиление аналитической составляющей в деятельности подразделений государственной защиты для своевременного выявления новых угроз и способов противоправного воздействия на защищаемых лиц.

На основе проведенного исследования представляется целесообразным выдвинуть ряд предложений по совершенствованию законодательства:

1. Разработать и принять федеральный закон «О государственной защите подозреваемых, обвиняемых и их защитников в уголовном судопроизводстве», в котором:
  - учесть специфику процессуального статуса участников со стороны защиты;
  - определить особые механизмы защиты с учетом их противодействия уголовному преследованию;
  - установить дополнительные гарантии безопасности защитников и их подзащитных;
  - регламентировать порядок применения мер защиты с учетом рисков давления со стороны правоохранительных органов.
2. Внести изменения в п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, расширив основания применения мер пресечения для обеспечения безопасности участников процесса:
  - включить возможность применения мер в случае угрозы мести за участие в уголовном процессе;
  - добавить защиту родственников и близких лиц участников процесса;
  - конкретизировать формы потенциальных угроз безопасности.

3. Дополнить ст. 193 УПК РФ положениями о возможности использования современных технических средств при проведении опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение:

- закрепить возможность применения видеотрансляции;
- разрешить использование видеозаписи опознаваемого и статистов с последующим ее предъявлением опознающему.

4. Внести дополнения в ведомственные нормативные акты МВД России:

- утвердить единые требования к обоснованию необходимости применения мер безопасности в процессуальных документах;
- установить критерии оценки достаточности данных об угрозах безопасности;
- определить порядок документирования и хранения информации о защищаемых лицах.

5. Включить в УПК РФ отдельную главу «Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства», где системно изложить все меры безопасности и процессуальный порядок их применения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости комплексного совершенствования системы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Ключевыми направлениями такого совершенствования должны стать: расширение оснований применения мер безопасности в УПК РФ с учетом специфики угроз участникам со стороны защиты; внедрение современных технических средств защиты, особенно в сфере противодействия использованию цифровых технологий для оказания давления; принятие единого федерального закона о межведомственном взаимодействии при обеспечении государственной защиты; разработка четких критериев оценки угроз и единых требований к процессуальному оформлению мер безопасности. Реализация предложенных мер позволит создать эффективный механизм защиты прав подозреваемых, обвиняемых и их защитников, что является необходимым условием справедливого правосудия и реализации конституционного права на защиту в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 06.01.2025).
2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 19.01.2025).
3. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: Федеральный закон от 20.04.1995 N

45-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 19.01.2025).

4. Бадамшин И.Д. Отдельные криминальные аспекты использования информационно-телекоммуникационных технологий / И.Д. Бадамшин, А.А. Зеленцов // *Аграрное и земельное право*. – 2024. – № 3(231). – С. 297–299.
5. Гилязутдинов Р.К. Некоторые проблемные аспекты защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства / Р.К. Гилязутдинов, А.А. Джафарова // *Евразийский юридический журнал*. – 2021. – № 6(157). – С. 321–323.
6. Заскока М.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства / М.В. Заскока // *Тенденции развития науки и образования*. – 2022. – № 92–7. – С. 92–96.
7. Зуев В.И. Криминологические и психологические особенности личности коррупционера в расследовании преступлений / В.И. Зуев // *Вопросы российского и международного права*. – 2023. – Т. 13, № 3–1. – С. 528–533.
8. Краснова К.А. Проблемы межведомственного взаимодействия подразделений государственной защиты и следователей при осуществлении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства / К.А. Краснова, П.В. Агапов // *Российский следователь*. – 2014. – № 7. – С. 7–11.
9. Нестерова Е.В. Проблема латентной преступности и ее последствия / Е.В. Нестерова // *Вестник Международного юридического института*. – 2017. – № 2(61). – С. 143–155.
10. Семенов Е. А. К вопросу об организационно-правовых мерах предупреждения преступлений, посягающих на участников уголовного судопроизводства / Е.А. Семенов, А.Б. Батуева // *Ерopen. Global*. – 2023. – № S34. – С. 572–578.
11. Францифоров Ю.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в суде / Ю.В. Францифоров, А.П. Попов // *Правовая среда в современной России: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей II межвузовской научно-практической конференции, Саратов, 22 февраля 2024 года*. – Саратов: Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, 2024. – С. 144–148.
12. Яшин А.В. Преступления против участников уголовного судопроизводства как собирательное криминологическое понятие / А.В. Яшин // *Бизнес. Образование. Право*. – 2018. – № 2(43). – С. 315–318.

WARNING AGAINST CRIMES COMMITTED AGAINST PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS BY THE DEFENSE

Khutrenkov A.V.
Penza State University

This article discusses the system for preventing crimes committed against participants in criminal proceedings by the defense. It analyzes the peculiarities of the legal status of suspects, accused

individuals, and their defenders, as well as the specific threats to their safety in contemporary conditions. A criminological characterization of crimes in this category is presented, including their motivations, forms of unlawful influence, and the use of modern technologies. The main problems in the activities of law enforcement agencies concerning the safety of participants from the defense side are identified, including the lack of a uniform approach to assessing the grounds for implementing security measures and deficiencies in inter-agency cooperation. Specific proposals are formulated for improving legislation and law enforcement practices aimed at creating an effective mechanism for protecting the rights of suspects, accused individuals, and their defenders in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, state protection, defense participants, security measures, crime prevention, unlawful influence, inter-agency cooperation.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on December 28, 2024) // SPS "Consultant Plus Prof" (accessed on January 6, 2025).
2. On State Protection of Victims, Witnesses, and Other Participants in Criminal Proceedings: Federal Law dated August 20, 2004 N 119-FZ (as amended on July 1, 2021) // SPS "Consultant Plus Prof" (accessed on January 19, 2025).
3. On State Protection of Judges, Officials of Law Enforcement and Regulatory Authorities: Federal Law dated April 20, 1995 N 45-FZ (as amended on December 25, 2023) // SPS "Consultant Plus Prof" (accessed on January 19, 2025).
4. Badamshin I.D. Some Criminal Aspects of the Use of Information and Telecommunication Technologies / I.D. Badamshin, A.A. Zelentsov // *Agrarian and Land Law*. – 2024. – No. 3(231). – pp. 297–299.
5. Gilyazutdinov R.K. Some Problematic Aspects of Protecting the Rights and Legal Interests of Participants in Criminal Proceedings / R.K. Gilyazutdinov, A.A. Jafarova // *Eurasian Legal Journal*. – 2021. – No. 6(157). – pp. 321–323.
6. Zaskoka M.V. Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings / M.V. Zaskoka // *Trends in the Development of Science and Education*. – 2022. – No. 92–7. – pp. 92–96.
7. Zuev V.I. Criminological and Psychological Features of the Corrupt Individual in the Investigation of Crimes / V.I. Zuev // *Issues of Russian and International Law*. – 2023. – Vol. 13, No. 3–1. – pp. 528–533.
8. Krasnova K.A. Problems of Inter-Agency Cooperation between State Protection Units and Investigators in Implementing Security Measures for Participants in Criminal Proceedings / K.A. Krasnova, P.V. Agapov // *Russian Investigator*. – 2014. – No. 7. – pp. 7–11.
9. Nesterova E.V. The Problem of Latent Crime and Its Consequences / E.V. Nesterova // *Bulletin of the International Legal Institute*. – 2017. – No. 2(61). – pp. 143–155.
10. Semyonov E.A. On Organizational and Legal Measures for Preventing Crimes Against Participants in Criminal Proceedings / E.A. Semyonov, A.B. Batuyeva // *Epomen. Global*. – 2023. – No. S34. – pp. 572–578.
11. Franciforov Yu.V. Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings in Court / Yu.V. Franciforov, A.P. Popov // *Legal Environment in Modern Russia: Problems and Prospects for Development: Collection of Scientific Articles from the II Inter-University Scientific and Practical Conference, Saratov, February 22, 2024*. – Saratov: Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Troops, 2024. – pp. 144–148.
12. Yashin A.V. Crimes Against Participants in Criminal Proceedings as a General Criminological Concept / A.V. Yashin // *Business. Education. Law*. – 2018. – No. 2(43). – pp. 315–318.

Вопросы обжалования итогового судебного решения потерпевшим ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения

Шиплюк Владимир Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В настоящей статье рассматриваются имеющиеся проблемы правоприменения уголовно-процессуальных норм, предусматривающих особенности апелляционного обжалования судебных решений, постановленных на основе позиции государственных обвинителей, связанной с отказом и/или изменением ими обвинения, предлагаются направления совершенствования правовых норм, дается их авторское толкование.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное производство, потерпевший, прокурор, возвращение дела прокурору, обвинение, пределы разбирательства, апелляционное производство.

Уголовно-процессуальное законодательство, закрепляя в ст. 6 УПК РФ своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, предоставляет право на обжалование итоговых судебных решений потерпевшим, а также и иным лицам, чьи права они затрагивают. В случае обжалования итогового судебного решения, не вступившего в законную силу по уголовному делу, в основу которого положена позиция государственного обвинителя о полном либо частичном отказе от поддержания обвинения возникает вопрос о предмете апелляционного разбирательства и его пределах. Так, потерпевший в апелляционной жалобе может выражать несогласие с принятым по итогам заявления государственного обвинителя судебным решением ввиду наличия по мнению потерпевшего оснований для иной, отличной от позиции государственного обвинителя, юридической оценки фактических обстоятельств уголовного дела.

Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в Постановлении от 08.12.2003 г. № 18-П¹ основывается на необходимости предоставления права на обжалования таких судебных решений потерпевшим. Так, Конституционными судом РФ отмечается, что УПК РФ, по общему правилу, исключает проверку обоснованности процессуальных решений только в тех случаях, когда на принимающем это решение лице не лежит обязанность привести его мотивы (в частности, при постановлении приговора в случае согласия обвиняемого с предъявленным обвинением или на основе вердикта коллегии присяжных заседателей); если же закон требует указания мотивов решения, то тем самым предполагается и возможность их последующей проверки. Использование предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований отказа от обвинения или изменения обвинения в сторону смягчения, как правило, предполагает необходимость предшествующего анализа всех собранных по делу доказательств и их правовой оценки. Это подтверждается, в частности, тем, что в иных ситуациях по таким основаниям, как отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления и непричастность подсудимого к совершению преступления, суд постановляет оправдательный приговор (части вто-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.11.2024)

рая и восьмая статьи 302 УПК Российской Федерации). В целом Конституционный Суд РФ признал не противоречащими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения частей седьмой и восьмой статьи 246 и пункта 2 статьи 254 УПК РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм они предполагают, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, как влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде, не противоречат Конституции Российской Федерации¹.

Вместе с тем, возможность обжалования не вступившего в законную силу судебного решения в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения и последующая процедура пересмотра не включают конкретно установленные правовые последствия несогласия потерпевшего с позицией государственного обвинителя относительно изменения обвинения в сторону смягчения либо полного отказа от его поддержания. Более детально вопросы о праве потерпевшего на поддержание более тяжкого обвинения раскрывались нами ранее в соответствующей публикации².

Так, потерпевший, являясь участником уголовного судопроизводства по стороны обвинения, имеет в первую очередь не процессуальный, а материальный интерес в рамках судопроизводства. Высказывая суду свою позицию относительно квалификации действий подсудимого, потерпевший обоснованно полагает о наличии у суда возможности поддержать его мнение, даже если оно не совпадает с мнением государственного обвинителя и может ухудшить положение подсудимого. Вместе с тем, пределы судебного разбирательства, установленные ст. 252 УПК РФ, не позволяют суду выйти за его рамки в таких случаях при рассмотрении уголовного дела судом по существу.

Однако, здесь возможно задействовать институт возвращения судом уголовного дела прокурору

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.11.2024)

² Шиплюк В. А. Право потерпевшего на поддержание более тяжкого обвинения. В сборнике: Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: сборник материалов Всероссийского круглого стола с международным участием / Ред. коллегия: В.В. Долгаев, Л.А. Зашляпин, К.Б. Калиновский, В.В. Конин, К.А. Корсаков, В.А. Шиплюк – СПб.: Астерион, 2024. – 500 с. – Системные требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader. – https://asterion.ru/db/temp/Zashchita_Prav_i_Zakonnyh_Interesov_Poterpevshego_v_Ugolovnom_Sudoproizvodstve.pdf – Текст: электронный. С. 341–347

и вынести соответствующее решение по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Если же суд первой инстанции не поддерживает мнение потерпевшего о возможной необходимости переквалификации действий подсудимого и отказывает в удовлетворении ходатайства о возвращении уголовного дела прокурору по данному основанию, то потерпевший вправе обжаловать данное постановление одновременно с итоговым решением по уголовному делу.

Так, согласно позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «в соответствии с частью 2 статьи 389.2 УПК РФ не подлежат самостоятельному апелляционному обжалованию, а обжалуются одновременно с итоговым судебным решением по делу определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, за исключением указанных в части 3 статьи 389.2 УПК РФ, не требующие безотлагательной проверки вышестоящим судом (например, об отводах; об удалении из зала судебного заседания либо отключении от видео-конференц-связи на все время судебного заседания или на его часть за нарушение порядка в нем; об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения, за исключением залога, или изменении такой меры пресечения на более мягкую до истечения срока ее действия; об отказе в удовлетворении ходатайства о возвращении уголовного дела прокурору)»³.

Действительно, право на обжалование итоговых решений, в том числе и у потерпевшего имеется, однако, какое решение правомочен принимать суд апелляционной инстанции, если придет к выводу о необходимости удовлетворения такой жалобы?

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁴ приговор или иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с возвращением уголовного дела прокурору, если при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке будут выявлены указанные в статье 237 УПК РФ обстоятельства, препятствующие его рассмотрению судом. Если в представлении прокурора или жалобе потерпевшего на обвинительный приговор поставлен вопрос лишь об исключении необоснованно учтенного смягчающего наказания обстоятельства и (или) об учете отягчающего на-

³ П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.11.2024)

⁴ П. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.11.2024)

казание обстоятельства, а также об ужесточении наказания осужденному, но при этом не указано на необходимость применения уголовного закона о более тяжком преступлении, а судом апелляционной инстанции установлены предусмотренные пунктом 6 части 1 статьи 237 УПК РФ основания для квалификации действий осужденного как более тяжкого преступления, то суд апелляционной инстанции вправе отменить приговор и возвратить уголовное дело прокурору.

В таком случае суд, с одной стороны, связан предметом апелляционного разбирательства, установленным в ст. 389.9 УПК РФ, однако он с учетом положений ст. 252 УПК РФ так же, как и при рассмотрении дела в суде первой инстанции, не вправе выйти за его пределы (включая доводы жалобы). Предмет и пределы предъявленного обвинения для суда апелляционной инстанции в данном случае будут определяться обвинением, сформулированным при направлении уголовного дела в суд первой инстанции с учетом позиции государственного обвинителя в суде первой инстанции, который отказался и/или изменил обвинение в сторону смягчения положения обвиняемого.

Полагаем, что при установлении в суде апелляционной инстанции необходимости рассмотреть уголовное дело по первоначальному обвинению, поступившему в суд, следует задействовать механизм п. 6 ст. 237 УПК РФ и возвращать уголовное дело именно прокурору, а не на новое рассмотрение суд первой инстанции он будет связан соответствующим решением прокурора об изменении и/или отказе от обвинения и не будет вправе выйти за пределы измененного обвинения, в том числе и вернуться к пределам судебного разбирательства, имевшимся при поступлении дела в суд от прокурора и до изменения его прокурором.

Необходимо учитывать правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в определении от 10.03.2016 № 457-О. Так, Конституционный Суд РФ отмечает, следующее. Государственный обвинитель – поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры – является единственной процессуальной фигурой, выполняющей в судебном разбирательстве функцию уголовного преследования со стороны государства. Если государственный обвинитель изменяет обвинение на менее тяжкое, то фактически состязательность процесса в соответствующей части прекращается. Кроме того, в рамках состязательного процесса и подсудимый, и его защитник выстраивают свою позицию, соотносясь с объемом предъявленного обвинения, поддержанного государственным обвинителем в судебном заседании. При этом изменение обвинения в сторону смягчения должно быть мотивированным и обоснованным ссылкой на предусмотренные законом основания. В свою очередь, суд, принимая решение, обусловленное позицией государственного обвинителя, обязан не просто рассмотреть моти-

вы его действий, но и в процедуре, отвечающей требованиям состязательности, установить обоснованность такого изменения, для чего необходимо исследовать обстоятельства дела, проверить и оценить собранные и представленные суду доказательства. Лишь по результатам этой процедуры может быть принято судебное решение, законность, обоснованность и справедливость которого возможно проверить в вышестоящем суде. Суд же апелляционной инстанции, установив, что позиция государственного обвинителя, изменившего обвинение в сторону смягчения, очевидно ошибочна и что фактические обстоятельства, на которые он ссылается при изменении обвинения, равно как и обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении либо установленные в ходе судебного разбирательства, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, и при наличии жалобы потерпевшего на приговор, которой инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которой поставлен вопрос об ухудшении положения обвиняемого, вправе отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, указав при этом согласно части первой статьи 237 УПК Российской Федерации обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Это позволяет суду апелляционной инстанции избежать подтверждения юридической силы решения суда первой инстанции, которое он считает неправосудным¹.

Относительно инициативы возвращения уголовного дела прокурору судом апелляционной инстанции по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, отметим, что она может принадлежать как стороне обвинения, включая потерпевшего, стороне защиты, так и суду. В связи с чем, нельзя согласиться с позицией Килиной И.В., указывающей, что «... возвращение судом апелляционной инстанции уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ ex officio противоречит закону. Так, закрепленный в ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ принцип недопустимости поворота к худшему допускает принятие судом апелляционной инстанции решения, сопряженного с поворотом к худшему (reformatio in pejus) только на основании и в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении»².

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 457-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бержаниной Татьяны Анатольевны, Васильева Алексея Анатольевича и Васильевой Алевтины Леонидовны на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 124, частями седьмой и восьмой статьи 246 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.11.2024)

² Килина, И.В. Поворот к худшему при возвращении судами уголовного дела прокурору (на основании пункта 6 части 1 статьи 237 УПК РФ) / И.В. Килина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28, № 5. – С. 698–702. – EDN YNAOLJ. См. также: Трухин, С.А. Может ли апелляция по своей инициативе возвратить дело прокурору

Подводя итоги, отметим, что потерпевший вправе реализовать свое право выразить мнение относительно квалификации действий подсудимого как в суде первой, так и апелляционной инстанции, в том числе выходящее за пределы судебного разбирательства, установленные ст. 252 УПК РФ. Отстаивая свою позицию в суде апелляционной инстанции, вправе приводить доводы в ее обоснование, а также заявить ходатайство о возвращении уголовного дела судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. Суд апелляционной инстанции, приходя к выводу об удовлетворении апелляционной жалобы потерпевшего по доводам необходимости квалификации действий подсудимого как более тяжкого преступления, по сравнению с обвинением, положенным в основу итогового решения суда первой инстанции (здесь мы имеем в виду как пределы обвинения, сформированные при направлении в суд, так и случаи изменения/отказа от обвинения государственным обвинителем непосредственно в ходе судебного разбирательства), вправе вынести решение о возвращении уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 N 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.11.2024)
2. Шиплюк В.А. Право потерпевшего на поддержание более тяжкого обвинения. В сборнике: Защита прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: сборник материалов Всероссийского круглого стола с международным участием / Ред. коллегия: В.В. Долгаев, Л.А. Зашляпин, К.Б. Калининский, В.В. Конин, К.А. Корсаков, В.А. Шиплюк – СПб.: Астерион, 2024. – 500 с. – Системные требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader. – https://asterion.ru/db/temp/Zashchita_Prav_i_Zakonnyh_Interesov_Poterpevshego_v_Ugolovnom_Sudoproizvodstve.pdf – Текст: электронный. С. 341–347
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26 (ред. от 27.06.2023) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.11.2024)
4. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 N 457-О «Об отказе в принятии

для предъявления более тяжкого обвинения / С.А. Трухин // Уголовный процесс. – 2019. – № 4(172). – С. 76–85. – EDN BNJGLQ.

к рассмотрению жалобы граждан Бержаниной Татьяны Анатольевны, Васильева Алексея Анатольевича и Васильевой Алевтины Леонидовны на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 124, частями седьмой и восьмой статьи 246 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.11.2024)

5. Килина, И.В. Поворот к худшему при возвращении судами уголовного дела прокурору (на основании пункта 6 части 1 статьи 237 УПК РФ) / И.В. Килина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2018. – Т. 28, № 5. – С. 698–702. – EDN YNAOLJ.
6. Трухин, С.А. Может ли апелляция по своей инициативе вернуть дело прокурору для предъявления более тяжкого обвинения / С.А. Трухин // Уголовный процесс. – 2019. – № 4(172). – С. 76–85. – EDN BNJGLQ.

ISSUES OF APPEALING THE FINAL COURT DECISION TO THE VICTIMS DUE TO THE REFUSAL OF THE PUBLIC PROSECUTOR TO CHARGE

Shiptyuk V.A.

Russian State University of Justice

This article discusses the existing problems of law enforcement of criminal procedural norms providing for the specifics of the appeal of court decisions decided on the basis of the position of public prosecutors related to the refusal and or/modification of charges by them, suggests directions for improving legal norms, and their author's interpretation is given.

Keywords: criminal procedure, judicial proceedings, victim, prosecutor, return of the case to the prosecutor, prosecution, limits of the proceedings, appeal proceedings.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 08.12.2003 N 18-P “On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as Chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction and complaints of citizens” – Access from the SPS “ConsultantPlus” (date of access 25.11.2024)
2. Shiptyuk V.A. The right of the victim to maintain a more serious charge. In the collection: Protection of the rights and legitimate interests of the victim in criminal proceedings: a collection of materials of the All-Russian round table with international participation / Ed. board: V.V. Dolgaev, L.A. Zashlyapin, K.B. Kalinovsky, V.V. Konin, K.A. Korsakov, V.A. Shiptyuk – SPb.: Asterion, 2024. – 500 p. – System requirements: Windows 7/8/10; Adobe Reader. – https://asterion.ru/db/temp/Zashchita_Prav_i_Zakonnyh_Interesov_Poterpevshego_v_Ugolovnom_Sudoproizvodstve.pdf – Text: electronic. P. 341–347
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.11.2012 No. 26 (as amended on 27.06.2023) “On the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing proceedings in the court of appeal” – Access from the SPS “ConsultantPlus” (date of access 25.11.2024)
4. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 10.03.2016 N 457-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizens Berzhanina Tatyana Anatolyevna, Vasiliev Aleksey Anatolyevich and Vasilyeva Alevtina Leonidovna on the violation of their constitutional rights by part three of Article 124, parts seven and eight of Article 246 and Article 252 of the Criminal Procedure Code of the Russian Feder-

ation” – Access from the SPS “ConsultantPlus” (date of access 25.11.2024)

5. Kilina, I. V. A turn for the worse when the courts return a criminal case to the prosecutor (based on paragraph 6 of part 1 of article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) / I.V. Kilina // Bulletin of the Udmurt University. Series

Economics and Law. – 2018. – Vol. 28, No. 5. – Pp. 698–702. – EDN YNAOLJ.

6. Trukhin, S.A. Can the appeal, on its own initiative, return the case to the prosecutor to bring a more serious charge / S.A. Trukhin // Criminal Procedure. – 2019. – No. 4 (172). – Pp. 76–85. – EDN BNJGLQ.

Международно-правовой статус Евразийского банка развития как региональной организации развития

Евсеев Алексей Павлович,

аспирант кафедры международного права, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
E-mail: evseev.alexey@yandex.ru

В статье исследуется значимость Евразийского банка развития, как субрегионального банка развития, способствующего экономической интеграции и устойчивому развитию в евразийском регионе. Анализируется правовой статус ЕАБР, его организационная легитимность, структура управления и основные направления деятельности, включая инвестиционную и аналитическую работу. Рассматриваются сложности, с которыми сталкиваются субрегиональные банки развития, такие как ограниченный капитал и конкуренция с крупными многосторонними банками развития. Отдельно освещается взаимодействие ЕАБР с Евразийской экономической комиссией и его роль в реализации стратегических документов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Делается вывод о том, что ЕАБР выступает ключевым финансовым механизмом, способствующим углублению интеграционных процессов, развитию промышленной кооперации и научно-технологического сотрудничества между государствами-членами ЕАЭС, что в конечном итоге повышает конкурентоспособность их экономик и благосостояние граждан.

Ключевые слова: Евразийский банк развития, субрегиональные банки развития, Евразийский экономический союз, интеграция, инвестиционная деятельность.

Субрегиональные банки развития (далее – СРБР) занимают важное место в системе международных финансовых организаций, направленных на усиление регионального экономического развития. Их ограниченное региональное членство и локализованный опыт позволяют более эффективно реагировать на специфические потребности регионов по сравнению с глобальными институтами развития, такими как Всемирный банк и крупные региональные банки развития. Евразийский банк развития выступает ярким примером такого института, нацеленного на стимулирование экономической интеграции и устойчивого развития в евразийском регионе.

Важно отметить, что СРБР в реализации своих целей сталкиваются с рядом сложностей, включая ограниченный капитал, зависимость от взносов стран-членов, доступ к технической экспертизе и конкуренцию со стороны более крупных многосторонних банков развития (далее – МБР). Несмотря на это, ЕАБР является значимым институтом регионального развития, предлагая нестандартные формы поддержки, адаптированные к специфическим потребностям государств-участников.

В последние годы такие ученые, как Хамфри, стремятся выявить, как различия в «организационной легитимности» могут проявляться в инвестиционной политике и результатах деятельности СРБР по сравнению с крупными региональными МБР. В связи с этим, понимание организационной легитимности СРБР, в частности ЕАБР, необходимо для оценки их эффективности и потенциала в региональном развитии [14]. Организационная легитимность включает в себя представительную легитимность, отражающую степень участия и влияния стран-членов в управлении банком, и операционную легитимность, связанную с эффективностью процессов, прозрачностью и подотчетностью.

Евразийский банк развития (далее – ЕАБР) – международная финансовая организация, созданная для содействия экономическому росту в своих государствах-членах, расширения торговых-экономических связей между ним является ключевым институтом развития, нацеленным на усиление интеграционных процессов в евразийском регионе. Стоит отметить, что ЕАБР был создан в 2006 году после подписания президентами Российской Федерации и Республики Казахстан соглашения об учреждении Банка 12 января 2006 года [1]. Согласно статье 4 Устава Банка, любое государство или международная организация, разделяющие цели ЕАБР, имеют право присоединиться к нему при условии принятия такого решения сове-

том Банка, подписания Учредительного соглашения ЕАБР и приобретения акций Банка [2]. На основе данного положения Республика Армения, Республика Таджикистан, Республика Беларусь и Кыргызская Республика стали полноправными членами Банка в 2009, 2010 и 2011 годах соответственно. В связи с этим, можно отметить, что ЕАБР характеризуется ограниченным региональным членством, что обеспечивает высокий уровень представительской легитимности и позволяет Банку фокусироваться на специфических потребностях региона, учитывая интересы всех государств-участников при принятии решений. Структура управления ЕАБР основана на принципах равноправия и консенсуса и, таким образом, предусматривает равное представительство государств-членов в органах управления, что способствует демократичности процессов и укрепляет доверие между участниками. Так, например, высшим органом является совет банка, состоящий из представителей всех государств-членов, что гарантирует их непосредственное участие в стратегическом планировании и контроле над деятельностью банка.

Основываясь на положениях статьи 1 Устава Банка, Евразийский банк развития (ЕАБР) «призван способствовать становлению и развитию рыночной экономики государств-участников настоящего Соглашения, их экономическому росту и расширению торгово-экономических связей между ними путем осуществления инвестиционной деятельности. Банк содействует укреплению международного финансово-экономического сотрудничества, принимая участие в работе других международных финансовых и банковских организаций и союзов». Эти цели отражают намерение Банка активно участвовать в интеграционных процессах, начатых в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства, и, с момента создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС), содействовать развитию торгово-экономических отношений не только между членами ЕАЭС, но и с другими государствами, не входящими в Союз. В течение прошедших лет ЕАБР зарекомендовал себя как один из ключевых международных финансовых институтов, способствующих экономической интеграции и развитию рыночной экономики в государствах-участниках.

В соответствии со статьей 2 Устава, «ЕАБР осуществляет инвестиционную деятельность в интересах социально-экономического развития государств-участников Банка посредством финансирования проектов и программ, предоставления гарантий и участия в уставном капитале организаций, используя для этого собственный капитал и средства, привлеченные на международных и национальных финансовых рынках, а также другие доступные ресурсы; консультирует участников Банка по вопросам экономического развития, эффективного использования ресурсов, расширение торгово-экономических связей, проводит информационно-аналитическую работу в области государственных и международных

финансов; взаимодействует с международными организациями, государствами, национальными учреждениями и хозяйствующими субъектами государств-участников Банка и других стран, заинтересованными в финансировании экономического развития; осуществляет иную деятельность, которая не противоречит целям Банка, определенным Соглашением, двусторонними соглашениями, заключенными Банком с участниками Банка, их центральными (национальными) банками и иными уполномоченными органами, а также международной банковской практике». Как установлено в статье 9 Устава, «ресурсы и услуги Банка предоставляются исключительно для достижения его целей и выполнения функций, предусмотренных настоящим Уставом, в соответствии с правилами, процедурами и положениями, утверждаемыми советом Банка». При этом ЕАБР наделен правом создавать фонды для решения определенных задач и управлять специальными фондами, сформированными государствами-участниками или другими организациями, на основании решений Совета и соглашений с правительствами этих государств. Дополнительно, статья 10 Устава предусматривает, что Банк финансирует проекты и программы, признанные приоритетными в рамках межгосударственных и межправительственных соглашений стран-участниц.

Следует отметить, что в Стратегии на период 2013–2017 годов Банком была разработана система приоритетных проектов в ключевых отраслях экономики [4]. Среди этих проектов выделяются промышленное освоение хромитового месторождения «Восход» и уранового месторождения Заречное в Республике Казахстан, что свидетельствует о стремлении к развитию горнодобывающего сектора. Банк также содействовал строительству межрегиональной линии электропередачи, соединяющей Северный Казахстан и Актюбинскую область, укрепляя энергетическую инфраструктуру региона. Кроме того, ЕАБР финансировал строительство и модернизацию антенно-мачтовых сооружений компании «Русские башни», внося вклад в развитие телекоммуникационной инфраструктуры. В сфере авиационной промышленности была оказана поддержка финансированию производства гражданских самолетов «Sukhoi Superjet 100», что способствовало продвижению отечественного авиастроения. Кроме того, Банк уделял особое внимание развитию сельскохозяйственного сектора, активно участвуя в проектах агропромышленного комплекса государств-участников. Одним из значимых направлений его деятельности стало участие в создании производственных мощностей в городе Тихвин для выпуска железнодорожных вагонов, а также финансирование производства и приобретения крупнотоннажной карьерной техники, что свидетельствует о существенном вкладе в развитие транспортной и промышленной сфер. Кроме того, при поддержке Банка в Республике Беларусь было организовано современное производство грузовых железнодорожных ваго-

нов и танк-контейнеров, что способствовало укреплению позиций страны в области транспортного машиностроения. Евразийский банк развития также содействовал модернизации и строительству третьего энергоблока Экибастузской ГРЭС-2, демонстрируя свою приверженность развитию энергетической инфраструктуры и повышению энергетической безопасности региона. В Российской Федерации Банк финансировал разработку Эльгинского угольного месторождения и оказал инвестиционную поддержку угледобывающей компании «Богатырь Комир», что свидетельствует о вкладе в энергетический сектор и добычу полезных ископаемых. Строительство Полоцкой гидроэлектростанции на Западной Двине является примером инвестиций в возобновляемые источники энергии. Дополнительно, ЕАБР финансировал проекты в железнодорожной отрасли Казахстана и поддержал золоторудный проект в этой же стране, подтверждая свое постоянное внимание к развитию транспортной инфраструктуры и горнодобывающей промышленности.

В последующей Стратегии на 2018–2022 годы основная цель Банка была сфокусирована на финансировании проектов с высоким интеграционным эффектом и поддержке национальных проектов развития в сотрудничестве с крупными компаниями, называемыми «якорными клиентами» [5]. Особое внимание уделялось стимулированию производства продукции с высокой добавленной стоимостью и внедрению передовых технологий, что должно было способствовать технологическому развитию экономик государств-участников. Кроме того, одной из приоритетных задач Банка стало содействие углублению промышленной кооперации между предприятиями стран-членов для совместного производства высокотехнологичной продукции, что позволило увеличить долю отечественной промышленной продукции на внутренних рынках и усилить экспортный потенциал государств.

Помимо прочего, в рамках ЕАБР действует Центр интеграционных исследований, занимающийся изучением процессов экономической интеграции и разработкой предложений по развитию евразийского пространства. Так, в Стратегии на 2018–2022 годы подчеркивается важность аналитической работы для поддержки инвестиционной деятельности и реализации стратегических целей Банка. В связи с этим, в рамках своей аналитической деятельности Банк осуществляет подготовку страновых, отраслевых и интеграционных исследований, публикацию аналитических докладов и проведение конференций, таких как ежегодная международная конференция «Евразийская интеграция». Кроме того, ЕАБР активно сотрудничает с Евразийской экономической комиссией и другими международными организациями, что способствует укреплению его аналитического потенциала и избежанию дублирования исследований [3].

Знаменательным этапом в деятельности Банка стало принятие в июле 2021 года Стратегии на период 2022–2026 годов [6], которая обозначила стра-

тегический поворот в направлении поддержания трансграничных инвестиционных проектов с интеграционным потенциалом. В рамках этой стратегии Банк поставил перед собой амбициозную цель увеличить объем инвестиций до 11 миллиардов долларов США, направленных на реализацию крупных проектов, способствующих региональной интеграции и экономическому развитию. Среди приоритетных инициатив – проекты, направленные на укрепление инфраструктурной взаимосвязанности, развитие транспортных коридоров и цифровых сетей, а также совершенствование водно-энергетических комплексов в регионе. Особое внимание в стратегии уделяется расширению проектной деятельности в государствах-миноритарных акционерах Банка – Республике Армения, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан. Для поддержки их экономических программ предусмотрено выделение порядка 500 миллионов долларов США. Характерной чертой нового стратегического цикла является адаптивный подход к потребностям каждого государства-участника, реализуемый через разработку индивидуальных страновых стратегий, учитывающих специфические условия, национальные приоритеты и макроэкономические показатели. Такой персонализированный подход призван обеспечить эффективность инвестиционной деятельности Банка и максимизировать вклад в устойчивое развитие каждого государства-члена.

Дополнительно стоит подчеркнуть, что ЕАБР внедрил ряд механизмов подотчетности, включая внутренние и внешние аудиты, соблюдение международных стандартов финансовой отчетности и публикацию ежегодных отчетов о своей деятельности. Приверженность прозрачности проявляется в открытом доступе к информации о проектах, финансируемых банком, и регулярном информировании общественности о стратегических планах и результатах деятельности. Однако, в сравнении с крупными МБР, ЕАБР может столкнуться с вызовами в обеспечении полной прозрачности из-за ограниченности ресурсов и необходимости соблюдать конфиденциальность в определенных аспектах деятельности.

ЕАБР уделяет особое внимание тщательной оценке проектов на всех этапах – от предварительного отбора до постпроектного мониторинга, что позволяет гарантировать эффективность инвестиций и соответствие проектов стратегическим целям банка и потребностям стран-членов. Использование передовых методик оценки и привлечение экспертов способствует повышению качества реализуемых проектов.

Еще одним важным аспектом деятельности ЕАБР является взаимодействие с гражданским обществом стран-членов. Банк создает каналы коммуникации с неправительственными организациями, что способствует более точному определению приоритетов и повышает эффективность реализуемых проектов. Такое участие усиливает операционную легитимность Банка и укрепляет доверие со стороны государств-членов.

Однако, несмотря на названные преимущества, ЕАБР, как и другие СРБР, сталкивается с рядом проблем, в том числе необходимость соблюдать глобальные стандарты институционального развития и одновременно сохранять фокус на региональных интересах, что требует взвешенного подхода в распределении ресурсов и приоритетов деятельности.

Несмотря на то, что ЕАБР формально не является финансовой организацией ЕАЭС, его деятельность очень тесно связана с реализацией целей и задач Союза, особенно в производственно-технологической сфере. Как отмечает Д.В. Панкин, задача банка заключается в поддержке проектов, в которых присутствует цепочка создания стоимости с учетом экспортного потенциала [12]. Важным аспектом является не только производство товаров в отдельных государствах, но и их совместное создание посредством производственной кооперации между Россией, Казахстаном, Беларусью и другими участниками. Таким образом, ЕАБР следует рассматривать как один из механизмов научно-технологической и промышленной интеграции внутри ЕАЭС, что проявляется в его участии в обеспечении промышленной кооперации государств-членов Союза.

Взаимодействие между ЕАБР и ЕЭК было институционализировано посредством подписания Меморандума о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Евразийским банком развития, которое состоялось в рамках VI-II Международной научно-практической конференции ЕАБР «Углубление и расширение евразийской интеграции» в 2013 году [8]. Меморандум закрепил функцию банка как «интегратора» и определил направления сотрудничества между сторонами. Стоит учитывать, что меморандум не является правовым актом в классическом смысле, но представляет собой заявление о намерениях и стратегический план взаимодействия в различных формах. Его положения основаны на Договоре о Евразийском экономическом союзе 2014 года и Соглашении об учреждении Евразийского банка развития 2006 года. Стороны намерены продвигать евразийскую интеграцию и перевести ее на качественно новый уровень, используя накопленный опыт и знания в развитии интеграционных процессов.

Меморандум определяет ключевые направления сотрудничества, среди которых особое место занимает проведение совместных аналитических исследований. В документе «Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза на период до 2020 года» (ОНПС-2015) [9] Евразийский банк развития (ЕАБР) выступает в качестве ключевого международного финансового института, предназначенного для финансирования проектов с кооперационным эффектом. В последующем плане мероприятий по реализации ОНПС-2015 были определены шаги, направленные на разработку критериев отнесения проектов к категории кооперационных, установление механизмов их рассмотрения

и формирование моделей взаимодействия между Комиссией, государствами-членами и ЕАБР. Необходимость создания механизма финансирования проектов с интеграционным компонентом потребовала конкретизации кооперационных отношений. В связи с этим разработка механизмов взаимодействия между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), государствами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЕАБР стала одним из приоритетных направлений работы Консультативного комитета по промышленности и взаимодействию в рамках ЕАЭС.

Ключевым элементом сотрудничества выступает совместный анализ и оценка инвестиционных проектов, имеющих интеграционный потенциал. Стороны разрабатывают предложения по финансированию таких проектов, используя механизмы технической помощи, и содействуют их последующей реализации. Важной составляющей взаимодействия является обмен информацией и ресурсами: стороны регулярно информируют друг друга о своей деятельности, участвуют в совместных мероприятиях, обмениваются аналитическими и справочными материалами, а также публикуют результаты совместных исследований.

В «Основных направлениях промышленного сотрудничества до 2025 года» (ОНПС-2025) вновь подчеркивается необходимость использования потенциала ЕАБР как одного из инструментов производственно-технологической интеграции. В документе отмечается, что для усиления интереса промышленных предприятий к формированию и углублению кооперационных связей будут разработаны предложения по расширению механизмов поддержки кооперационных проектов внутри Союза. Это включает привлечение инвестиций международных финансовых институтов, в первую очередь ЕАБР, что позволит создать благоприятные условия для реализации совместных инициатив и укрепления интеграционных процессов в сфере промышленности [9].

Таким образом, Евразийский банк развития играет существенную роль в продвижении промышленной кооперации и интеграции в рамках ЕАЭС, выступая в качестве основного источника финансирования проектов с кооперационным эффектом. Совместные усилия ЕАБР, ЕЭК и государств-членов направлены на формирование эффективных механизмов взаимодействия и поддержку проектов, способствующих устойчивому развитию и экономическому росту региона.

Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (Стратегия-2025) подчеркивает роль ЕАБР в активизации и укреплении научно-технического потенциала ЕАЭС [10]. В документе указывается на необходимость разработки совместных инновационных программ и инвестиционных проектов, направленных на повышение конкурентоспособности ключевых отраслей экономики государств-членов. Реализация этих проектов должна сопровождаться формированием механизмов промышленной и технологи-

ческой кооперации предприятий, использованием гибких инструментов кредитования кооперационных проектов и созданием производственно-технологических цепочек с участием ЕАБР и других финансовых институтов.

В рамках направления «Объединение усилий для стимулирования совместных исследований» в Стратегии-2025 вновь подчеркивается важность привлечения международных институтов развития, таких как ЕАБР, для реализации совместных высокотехнологичных проектов. ЕАБР рассматривается как ключевой источник финансирования проектов научно-технологического характера, характеризующихся высоким уровнем внедрения инноваций.

Дополнительно, важно подчеркнуть, что Банк активно участвует в развитии интеграционных инициатив не только в рамках сотрудничества с ЕЭК, но и посредством собственных проектов и предложений. Представители ЕАБР принимают участие в заседаниях Совета по промышленной политике ЕАЭС, подтверждая готовность к финансированию межгосударственных проектов, включая возможное прямое участие в капитале компаний.

Таким образом, Евразийский банк развития играет ключевую роль в качестве катализатора интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Программно-стратегические и правовые основы его деятельности, закрепленные в ряде документов и меморандумов, позволяют эффективно взаимодействовать с Евразийской экономической комиссией и другими органами ЕАЭС [11]. ЕАБР активно поддерживает проекты с интеграционным компонентом в производственно-технологической сфере, способствуя углублению промышленной кооперации, реализации совместных инновационных программ и увеличению экспортного потенциала государств-членов Союза. Постепенное наращивание проектов с интеграционной составляющей в деятельности банка сопровождается мультипликативными эффектами для национальных экономик государств-участников, что в конечном итоге ведет к повышению благосостояния их граждан. Дальнейшее развитие сотрудничества между ЕАБР и органами ЕАЭС будет способствовать укреплению интеграционных процессов и достижению стратегических целей Евразийского экономического союза.

Литература

1. Соглашение об учреждении Евразийского банка развития от 12 января 2006 года. Режим доступа: <https://eabr.org/upload/iblock/893/soglashenie-ob-uchrejdanii-banka.pdf>
2. Устав Евразийского банка развития. Режим доступа: <https://eabr.org/upload/iblock/6b7/005.pdf>
3. Положение об инвестиционной деятельности Евразийского банка развития. Режим доступа: <https://eabr.org/upload/iblock/300/polozhenie-ob-id.pdf>

4. Стратегия Евразийского банка развития на период 2013–2017 годов. Режим доступа: <https://eabr.org/press/releases/sovets-evraziyskogo-banka-razvitiya-utverdil-strategiyu-bankado-2017-goda/>
5. Стратегия Евразийского банка развития на период 2018–2022 годов. Режим доступа: https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF
6. Стратегия Евразийского банка развития на период 2022–2026 годов. Режим доступа: https://eabr.org/upload/iblock/fee/strategy_2021_final.pdf
7. Политика экологической и социальной ответственности Евразийского банка развития. Режим доступа: <https://eabr.org/upload/iblock/13a/eo-and-social-policy-of-eabr.pdf>
8. Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Евразийским банком развития, 2013. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0044029/ms_13112013
9. Основные направления промышленного сотрудничества до 2025 года (ОНПС-2025). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/603494063>
10. Стратегия развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php
11. Приказ Коллегии ЕЭК от 30 июня 2020 г. № 86 «О Рабочей группе по выработке предложений по созданию Института и поддержки ЕАЭС». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/565251016>
12. Панкин Д.В. Роль Евразийского банка развития в интеграционных процессах // Евразийская экономическая интеграция. 2020. № 4.
13. Шугуров М.В. Евразийский банк развития как механизм научно-технологической интеграции в рамках ЕАЭС: правовые аспекты // Международное право. 2022. № 1. С. 1–28.
14. Humphrey, C. (2014). “The Politics of Loan Pricing in Multilateral Development Banks.” *Review of International Political Economy*, 21(3), 611–639

THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE EURASIAN DEVELOPMENT BANK AS A REGIONAL DEVELOPMENT ORGANIZATION

Evseev A.P.

All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia

This article examines the importance of the Eurasian Development Bank as a sub-regional development bank that promotes economic integration and sustainable development in the Eurasian region. The article analyzes the legal status of the EDB, its organizational legitimacy, management structure and main areas of activity, including investment and analytical work. The difficulties faced by sub-regional development banks, such as limited capital and competition with large multilateral development banks, are considered. The interaction of the EDB with the Eurasian Economic Commission and its role in the implementation of strategic documents of the Eurasian Economic Union (EAEU) is highlighted separately. It is concluded that the EDB acts as a key financial mechanism contributing to the

deepening of integration processes, the development of industrial cooperation and scientific and technological cooperation between the EAEU member states, which ultimately increases the competitiveness of their economies and the well-being of citizens.

Keywords: Eurasian Development Bank, sub-regional development banks, Eurasian Economic Union, integration, investment activity.

References

1. Agreement on the Establishment of the Eurasian Development Bank dated January 12, 2006. Operating mode: <https://eabr.org/upload/iblock/893/soglashenie-ob-uchrejdennii-banka.pdf>
2. The Charter of the Eurasian Development Bank. Operating mode: <https://eabr.org/upload/iblock/6b7/005.pdf>
3. Regulations on Investment activities of the Eurasian Development Bank. Operating mode: <https://eabr.org/upload/iblock/300/polozhenie-ob-id.pdf>
4. Strategy of the Eurasian Development Bank for the period 2013–2017. Operating mode: <https://eabr.org/press/releases/sovet-evraziyskogo-banka-razvitiya-utverdil-strategiyu-bankado-2017-goda/>
5. The strategy of the Eurasian Development Bank for the period 2018–2022. Operating mode: https://eabr.org/upload/data/strategy_2018_2022.PDF
6. The strategy of the Eurasian Development Bank for the period 2022–2026. Operating mode: https://eabr.org/upload/iblock/fee/strategy_2021_final.pdf
7. The Policy of Environmental and Social responsibility of the Eurasian Development Bank. Operating mode: <https://eabr.org/upload/iblock/13a/eco-and-social-policy-of-eabr.pdf>
8. Memorandum of Cooperation between the Eurasian Economic Commission and the Eurasian Development Bank, 2013. Operating mode: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0044029/ms_13112013
9. The main directions of industrial cooperation until 2025 (ONPS-2025). Operating mode: <https://docs.cntd.ru/document/603494063>
10. The strategy for the development of the Eurasian economic integration until 2025. Operating mode: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskienapravleniya-razvitiya.php
11. Order of the Board of the EEC dated June 30, 2020 No. 86 “On the Working Group on the development of proposals for the establishment of the Institute and support of the EAEU.” Operating mode: <https://docs.cntd.ru/document/565251016>
12. Pankin D.V. The role of the Eurasian Development Bank in integration processes // Eurasian Economic Integration. 2020. № 4.
13. Shugurov M.V. The Eurasian Development Bank as a mechanism of scientific and technological integration within the EAEU: legal aspects // International law. 2022. No. 1. pp. 1–28.
14. Humphrey, S. (2014). “Pricing policy for loans in multilateral development banks”. Review of International Political Economy, 21 (3), 611–639

Защита несовершеннолетних детей от кибербуллинга как основополагающий национальный интерес Российской Федерации в современном международном правопорядке

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарные науки, Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры юриспруденции, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

Родионов Алексей Евгеньевич,

аспирант кафедры «Международное право», Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; юрист, адвокатское бюро Дубровская, Кузнецова и партнеры
E-mail: office@izak.ru

Статья посвящена исследованию правовых механизмов защиты интересов несовершеннолетних детей в сети «Интернет», которые рассматриваются как ключевой аспект обеспечения национальной и международной безопасности. Особое внимание уделено разработке комплексного подхода к профилактике, выявлению и пресечению кибербуллинга в отношении детей, учитывающему специфику онлайн-среды. Авторы подчеркивают необходимость создания эффективной нормативно-правовой базы, которая будет способствовать защите прав несовершеннолетних в условиях стремительного развития цифровых технологий и растущей угрозы гибридных конфликтов, включая использование киберпространства в качестве средства подрыва национальной и психологической устойчивости молодежи. Применение таких подходов не только улучшит правовую защиту детей в глобальной сети, но и обеспечит соблюдение международных обязательств государств в области защиты прав ребенка, закрепленных, в частности, в Конвенции о правах ребенка 1989 года. Статья акцентирует внимание на значении правовой координации между государствами в борьбе с транснациональными угрозами, связанными с кибербезопасностью, для создания безопасной и устойчивой среды, отвечающей как национальным интересам, так и международным стандартам.

Ключевые слова: гибридная война, кибератака, кибербуллинг, международное право, несовершеннолетние, онлайн-среда.

Защита прав несовершеннолетних детей является не только международным гуманитарным императивом, но и стратегической задачей любого суверенного государства, направленной на обеспечение долгосрочной стабильности, развития и процветания государства.

В условиях проведения специальной военной операции дети в России сталкиваются с растущим риском информационных угроз, которые могут быть использованы против них для подрыва их психического здоровья, пропаганды или вербовки. В этом контексте защита прав несовершеннолетних детей требует разработки систем, которые позволят отслеживать преступные элементы, обеспечивать своевременное выявление кибербуллинга и оперативно принимать меры по пресечению противоправных действий.

Защита прав несовершеннолетних детей от кибербуллинга, рассматриваемая в контексте обеспечения национальной безопасности и интересов Российской Федерации, является приоритетным направлением государственной политики, обусловленным конституционно закрепленными гарантиями прав и свобод личности, а также положениями международного права, поскольку напрямую связана с реализацией конституционных прав граждан на защиту от насилия, на неприкосновенность частной жизни, а также на обеспечение благополучия и всестороннего развития детей (ст. 7, 23, 38 Конституции Российской Федерации). [3] Вместе с тем, она имеет непосредственное отношение к реализации положений международно-правовых актов, в частности Конвенции ООН о правах ребенка, [4] в соответствии с которой государства обязаны принимать все необходимые меры для защиты детей от всех форм насилия и жестокого обращения.

В рамках обеспечения национальных интересов Российской Федерации защита детей от кибербуллинга является важным элементом обеспечения информационной безопасности государства, поскольку несовершеннолетние дети являются наиболее уязвимой категорией пользователей Интернета и, как следствие, наиболее подвержены риску стать жертвами киберпреступлений. Кроме того, негативное воздействие кибербуллинга на подрастающее поколение может иметь долгосрочные последствия для общества, влияя на формирование кадрового потенциала, уровень гражданской активности и, в конечном счете, – на национальную безопасность.

Кибербуллинг, приобретая масштабы «эпидемии» или «наводнения», негативно влияет на процессы формирования личности, затрудняет социализацию, способствует возникновению девиантного поведения и может привести категорическим последствиям. В связи с этим эффективное противодействие кибербуллингу является ключевым условием для обеспечения полноценного и гармоничного развития детей, что, в свою очередь, является необходимым фактором для формирования здорового и конкурентоспособного общества.

Самым ярким примером использования кибербуллинга как комплексного набора методов доведения жертвы, а именно несовершеннолетних детей, до суицида, является пример работы различных «групп смерти», которые были активно популярны с 2016 по 2018 гг. на различных многопользовательских площадках.

В ходе проведенных исследований было установлено, что распространение деструктивного контента, направленного на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению, осуществлялось преимущественно через социальные сети, в частности через платформу «ВКонтакте». Администраторы подобных интернет-сообществ, используя методы психологического воздействия, такие как манипуляции, угрозы и давление, призывали участников к совершению самоубийств. С целью сохранения анонимности и затруднения идентификации администраторы скрывали свои персональные данные и прибегали к методам шифрования.

В качестве примера деструктивного сообщения, получившего широкую известность, можно привести интернет-группу 2016 года «Синий кит», которая характеризуется выраженным суицидальным характером и манипулятивным воздействием на несовершеннолетнюю аудиторию. [1]

«Структура и методика деструктивного воздействия в рассматриваемых интернет-сообществах, обозначаемых создателями как «игра», характеризовались простотой и доступностью первичного вовлечения. Участие заключалось в публикации определенных хэштегов (например, #явигре, #тихийдом, #разбудив420, #синийкит, #синий) на личных страницах пользователей в социальных сетях. Этот маркер служил сигналом для кураторов, которые устанавливали контакт с пользователями, выразившими подобную идентификацию. [2, с. 163]

На последующих этапах происходило последовательное психологическое воздействие, направленное на формирование доверительных отношений и легитимизацию суицида как приемлемого решения. Кураторы применяли техники манипуляции, внушения и убеждения, формируя нарратив о нормальности суицидального поведения и изоляции от внешнего мира.

Ключевым элементом воздействия было установление императивного правила соблюдения конфиденциальности и безоговорочного выполнения заданий, которые постепенно усложнялись от нанесения самоповреждений (с предоставлением

фотоподтверждения) до финального задания – совершения самоубийства. В случае отказа от выполнения заданий кураторы использовали тактику запугивания, угрожая физической расправой над участником и его близкими, а также раскрытием персональных данных. [6, с. 109]

Следовательно, после начала Специальной Военной Операции, а именно 24 февраля 2022 года, на основании постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 22.02.2022 года № 35-СФ, Президентом Российской Федерации было принято решение о проведении специальной военной операции на территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в связи с обращением глав данных республик с просьбой об оказании помощи, [5] в Российской Федерации защита несовершеннолетних детей от посягательства иностранных экстремистских ячеек является основополагающей задачей, поскольку воздействия таких ячеек не ограничиваются только физическими действиями, они приобретают полноценный гибридный характер, а следовательно стремятся уничтожить самый ценный актив любого государства – детей, любыми методами, в том числе используя виртуальные или гибридные методы воздействия.

По мнению И.В. Холикова: «Разница в подходах к определению гибридной войны в России и на Западе имеет не только «терминологическое» значение. За этим стоит прежде всего различие преобладающих концепций во взглядах на современную геополитику. В этой связи широкомасштабная информационная кампания на Западе строится на обвинении любых противников «однополярного» мира под своим доминированием в развязывании и ведении гибридной войны, в частности Ирана, России или КНР и других стран. В западном представлении эти страны, будучи «отсталыми» в военно-техническом отношении от США и НАТО, не способны на победу в прямом военном противостоянии и потому вынуждены делать упор на «невоенные» методы воздействия на противника. При этом какого-либо внятного объяснения целям такой войны для противников Запада попросту не дается, а множество «эпизодов» подобных действий откровенно выдумывается. Но за счет массивирования соответствующей информации достигается общий пропагандистский эффект, призванный оставить в тени ведение собственных «гибридных» операций». [7, с. 35]

Гибридная война давно закреплена в концепциях НАТО как предпочтительный вид боевых действий. «Мягкая сила» предполагает добровольное вовлечение в орбиту своих интересов в первую очередь за счет создания привлекательного образа, в противовес «жесткой силе», опирающейся на принуждение и деньги. Именно «мягкую силу» активно используют страны Запада, распространяя ценности демократии и прав человека и приобщая широкую мировую общественность к своим культуре и потребительским предпочтениям. [7, с. 36] Словосочетание «гибридная война» в насто-

ящее время употребляется весьма широко, хотя достаточно четкого определения этот термин пока не получил. Данным термином характеризуют особый вид противоборства враждующих сторон, при котором традиционные боевые действия с участием регулярных вооруженных сил отходят на второй план или вообще исключаются. Действия разного рода иррегулярных вооруженных формирований, а также проводимые специальными силами операции диверсионного характера при этом практикуются весьма активно, но также не считаются основным элементом подобной войны». [7, с. 37]

Следовательно, можно сделать вывод, что особенностью гибридной войны является интеграция различных инструментов воздействия, включая информационно-психологические операции, экономическое давление, политические манипуляции и прямое или опосредованное применение насилия.

Кроме того, практика экстерриториальности действия национальных законов отдельных государств вызывает обоснованное осуждение мирового сообщества, приводит к дезинтеграции целых регионов и возникновению все новых локальных конфликтов. Она является, по сути, законодательной экспансией и правовой интервенцией. В ней проявляется не только международноправовой нигилизм во внешней политике, но и действенное средство навязывания правового менталитета англосаксонской цивилизации другим государствам. [8, с. 85] Однако этот менталитет далеко не всегда соответствует стремлениям и идеалам последних.

Ярким свидетельством тому является судебная практика окружных судов США, принимающих иски от иностранных граждан против национальных правительств, юридических и должностных лиц других государств. Так, в нормах Статута о деликтах иностранных граждан (28 U.S.C. § 1350), составной части американского права с экстерриториальной юрисдикцией, установлено: «Окружные суды имеют первоначальную юрисдикцию в отношении любого гражданского иска иностранца только за деликт, совершенный в нарушение права наций или договора Соединенных Штатов». Такая экстерриториальность деформирует международный правопорядок и является формой вмешательства во внутренние дела государства. Эта практика представляет серьезный вызов для России, Китая и стран Европы, поскольку нарушение норм международного права и государственного суверенитета неприемлемо. [7, с. 38]

В контексте современной геополитической обстановки кибербуллинг следует рассматривать не только как частное проявление интернет-агрессии, но и как элемент гибридной войны, направленной на подрыв социальной стабильности и национальной безопасности. Этот метод воздействия характеризуется диффузностью, сложностью обнаружения и анонимностью инициаторов, что делает его особенно опасным.

Иностранные экстремистские ячейки используют кибербуллинг как инструмент целенаправ-

ленного психологического воздействия на несовершеннолетнюю аудиторию, формируя деструктивные модели поведения, разжигая социальную рознь и провоцируя недоверие к государственным институтам.

Кибербуллинг в этом контексте выступает как компонент информационно-психологической составляющей гибридной войны, направленной на размывание традиционных ценностей, дестабилизацию социальной среды и подрыв доверия к государству. Целью подобных действий является формирование дезориентированного и уязвимо-го поколения, неспособного к активному участию в развитии общества и защите национальных интересов.

Киберпространство предоставляет широкие возможности для анонимного распространения деструктивного контента, направленного на манипулирование сознанием детей, их моральное разложение и склонение к девиантному поведению. При этом использование современных технических средств и платформ социальных сетей позволяет экстремистским ячейкам распространять свою идеологию и оказывать деструктивное воздействие на несовершеннолетних в масштабах, ранее недостижимых.

Учитывая специфику детской и подростковой психики, ее повышенную восприимчивость к внешнему воздействию и недостаточную сформированность критического мышления, кибербуллинг оказывает особенно разрушительное воздействие на подрастающее поколение. Систематическое психологическое давление, угрозы и шантаж, распространяемые в киберпространстве, могут привести к серьезным психологическим травмам, депрессии, социальной изоляции, а в наиболее тяжелых случаях – к суициду.

В контексте противодействия кибербуллингу, возрастает роль государства как ключевого субъекта, ответственного за разработку и реализацию мер защиты несовершеннолетних. Независимо от причины действий агрессоров (геополитической, военной, социальной, индивидуальной, групповой, террористической, экстремистской, психологической, и т.п.) используемые методы кибербуллинга на покушение на жертву, государство обязано обеспечить безопасность в первую очередь детей в цифровом пространстве.

Во-первых, это связано с обеспечением физического и психического здоровья подрастающего поколения, являющегося стратегическим ресурсом государства. Кибербуллинг наносит существенный ущерб психическому здоровью детей и подростков, приводя к развитию депрессивных расстройств, тревожных состояний, посттравматического стрессового расстройства и, в крайних случаях, к суицидальным попыткам как мы упоминали уже ранее. Ущерб здоровью несовершеннолетних влечет за собой снижение качества человеческого капитала, что негативно сказывается на социально-экономическом развитии страны.

Во-вторых, обеспечение безопасности детей в цифровом пространстве является неотъемлемой частью государственной политики в сфере защиты детства. Законодательство Российской Федерации содержит нормы, направленные на защиту прав и интересов несовершеннолетних, включая защиту от насилия и жестокого обращения, а кибербуллинг представляет собой одну из наиболее распространенных и опасных форм такого насилия. Неисполнение государством своих обязанностей по защите детей в сети «Интернет» влечет за собой снижение уровня доверия граждан к государственным институтам, что дестабилизирует гражданско-социальную сферу.

В-третьих, кибербуллинг может быть инструментом дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. Масштабное использование кибербуллинга для распространения дезинформации, разжигания ненависти и вражды, манипулирования общественным мнением может привести к социальной напряженности и конфликтам. Защита детей от кибербуллинга, в этом контексте, выступает как фактор обеспечения национальной безопасности.

В-четвертых, эффективное противодействие кибербуллингу способствует формированию позитивного имиджа России на международной арене как государства, гарантирующего права и безопасность своих граждан, в том числе в цифровом пространстве. Международное сотрудничество в сфере борьбы с киберпреступностью является важным аспектом обеспечения национальных интересов.

Таким образом, защита несовершеннолетних от кибербуллинга – это не только задача правоохранительных органов и образовательных учреждений, но и стратегическая задача государства, направленная на обеспечение национальной безопасности, стабильного развития общества и сохранение здоровья будущих поколений. Решение этой задачи требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение правовой грамотности населения, развитие эффективных механизмов профилактики и пресечения кибербуллинга, а также международное сотрудничество в сфере борьбы с киберпреступностью.

Литература

1. BBC NEWS: «Blue Whale: Should you be worried about online pressure groups?» Published 27 April 2017 URL: <https://www.bbc.com/news/world-39729819> (Дата обращения 08.01.2024).
2. Емельянова А.Р. Доведение до самоубийства посредством использования Интернет-технологий: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Общество, государство, личность: влияние цифровых технологий: Материалы XXII Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Казань, 29 апреля 2022 го-

да. Том Ч. 1. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2022. С. 161–167.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 4.10.2022 № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 439.
4. Конвенция о правах ребенка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи: сорок четвертая сессия: Convention of the Rights of the Child. New York, 20 November 1989: [пер. с англ.]. Нью-Йорк: ООН, 1989. С. 230–239.
5. Постановление СФ ФС РФ от 22.02.2022 № 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403465246/?ysclid=m5se9jw48g912444656> (дата обращения: 11.01.2025).
6. Ткачева М.О. Blue whale challenge (Синий кит) // Актуальные проблемы развития личности в современном социокультурном пространстве. – 2019. – С. 107–110.
7. Холиков И.В. Гибридная война как многовекторная угроза национальной безопасности России в условиях кризиса системы мирового правопорядка // Право в Вооруженных Силах. – Военно-правовое обозрение. – 2022. № 11(304). – С. 30–38.
8. Шумилов В.М. Концепция глобального права и глобальной нормативной системы // Современный юрист. – 2015. № 3. – С. 70–87.

PROTECTION OF MINOR CHILDREN FROM CYBERBULLYING AS A FUNDAMENTAL NATIONAL INTEREST OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEMPORARY INTERNATIONAL LEGAL ORDER

Ivanov A.M., Rodionov A.E.

Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article is dedicated to the examination of legal mechanisms for protecting the interests of minor children in the Internet, which are considered a key aspect of ensuring both national and international security. Special attention is given to the development of a comprehensive approach to the prevention, identification, and suppression of cyberbullying against children, taking into account the specifics of the online environment. The authors emphasize the need to establish an effective legal framework that will facilitate the protection of minors' rights in the context of rapid technological advancements and the growing threat of hybrid conflicts, including the use of cyberspace as a tool for undermining the national and psychological resilience of youth. The application of such approaches will not only improve legal protection for children in the global network, but also ensure compliance with international obligations of states in the field of children's rights protection, as enshrined, in particular, in the 1989 Convention on the Rights of the Child. The article highlights the importance of legal coordination between states in combating transnational threats related to cybersecurity, in order to create a safe and

resilient environment that meets both national interests and international standards.

Keywords: hybrid warfare, cyberattack, cyberbullying, international law, minors, online environments.

References

1. BBC NEWS: «Blue Whale: Should you be worried about online pressure groups?» Published 27 April 2017 URL: <https://www.bbc.com/news/world-39729819> (date of access: 08.01.2024).
2. Emelyanova A.R. Bringing to suicide through the use of Internet technologies: socio-psychological, criminological and criminal law aspects // Society, state, personality: the influence of digital technologies: Materials of the XXII International Scientific and Practical Conference of Students, Undergraduates, Graduate Students and Young Scientists, Kazan, April 29, 2022. Tom Part 1. Kazan: University of Management "TISBI", 2022. Pp. 161–167.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No 6-FKZ, of 30.12.2008 No 7-FKZ, of 05.02.2014 No 2-FKZ, of 01.07.2020 No 11-FKZ, of 4.10.2022 No 5-FKZ, No 6-FKZ, No 7-FKZ, No 8-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation, 01.07.2020, No 31, Art. 439.
4. Convention on the Rights of the Child: Adopted by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989 // Official Records of the General Assembly: Forty-fourth Session: Convention of the Rights of the Child. New York, 20 November 1989: [transl. from English]. New York: UN, 1989. Pp. 230–239.
5. Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 22.02.2022 No 35-SF "On the Use of the Armed Forces of the Russian Federation Outside the Territory of the Russian Federation" <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403465246/?ysclid=m5se9jw48g912444656> (date of access: 11.01.2025).
6. Tkacheva M.O. Blue whale challenge // Actual problems of personality development in modern socio-cultural space. – 2019. – P. 107–110.
7. Kholikov I.V. Hybrid War as a Multi-Vector Threat to Russia's National Security in the Context of the Crisis of the World Law Order. – Military-Legal Review. – 2022. № 11(304). – P. 30–38.
8. Shumilov V.M. Kontseptsiya global'nogo prava i global'noy normativnoy sistemy [The concept of global law and global regulatory system]. – 2015. № 3. – P. 70–87.

Кардэн Валерия Арсеновна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: valerykarden@gmail.com

Статья посвящена культурным ценностям разделенных государств и проблеме распределения культурных ценностей ранее единого государства. В статье проводится анализ опыта Российской империи, Австро-Венгрии, СССР, Югославии, Чехословакии. Отмечено, что распад Чехословакии стал катализатором для новых национальных инициатив и усилий по сохранению культурных ценностей, что положительно сказалось на культурном развитии как Чехии, так и Словакии. Выявлено, что борьба вновь возникающих государств, ранее входящих в иные государства за раздел культурных ценностей и их принадлежность позволяет прийти к выводу, что национальный подход к вопросу принадлежности культурных ценностей в настоящее время превалирует над интернациональным. Отмечено, что эффективное решение проблемы распределения, разделения, реституции и возврата культурных ценностей основывается на двусторонних соглашениях между государствами, учитывающих исторические и территориальные признаки, не исключая возможности использования международных механизмов урегулирования, таких как обращение в ЮНЕСКО.

Ключевые слова: культурные ценности, реституция, репатриация, запрос о возврате культурных ценностей, разделенные государства.

Культурные ценности, как движимые, так и недвижимые, являющие собой воплощение национального единства и специфики, нашедшие выражение в архитектурных памятниках, статуях, картинах, редких книгах, предметах культа, неразрывно связаны с понятием национальной идентичности, в связи с чем разрушение, разграбление культурных ценностей подрывает национальный дух страны, уничтожая свидетельства ее становления и развития, саму историческую память народа, размывая те черты, которые отличают один народ от другого, делая бессмысленным само понятие Родина для человека, когда он может сказать, моя Родина там, где я живу, потеряв саму генетическую, эмоциональную и психологическую связь с местом своего рождения.

Уничтожение культурных ценностей, так называемый «культурный геноцид» подрывает нравственную основу общества, делает бессмысленной защиту своей страны, приводя к чисто материальному и прагматичному подходу к защите своего жилища, полностью подавляя дух в том случае, если его разрушение уже произошло.

Как писал Н. Макиавелли «завоеватель может удержаться за собой завоеванную страну тремя способами, и первый из них, самый действенный и наиболее безопасный, это полное разорение и обесценивание, при том, что обозначенный третий способ, заключающийся в сохранении неприкосновенными существующих учреждений при обложении жителей данью, обозначен как самый ненадежный и влекущий для завоевателя впоследствии гибель. [1]

Так что же такое «обесценивание» по Н. Макиавелли?

Действительно, нация, у которой отобрана сама историческая память со всеми свидетельствами исторической идентичности, наиболее вероятно будет менее воинственна, ей нечего будет защищать и даже вспоминать, происходит потеря национальной идентичности, которую защищают при подходе к обороту культурных ценностей последователи, так называемого национального подхода.

При том, что имеется и противоположный, так называемый подход интернациональный.

Так, сторонники первого подхода, указывая на значение культурных ценностей для конкретной страны их происхождения, полагают, что культурные ценности не должны участвовать в свободном обороте, в то время, как сторонники интернационального подхода полагают, что место происхождения культурной ценности не имеет значение, главное возможность доступа к культурной ценности неопределенного количества желающих с ней ознакомиться.

Так, признавая важность культурных ценностей для определенной нации или группы, культурные интернационалисты утверждают, что эти объекты также представляют собой общее мировое наследие. Как таковые культурные ценности могут быть отделены от своей нации происхождения, и фактически должны служить «миссионерским искусством», для распространения знаний и признания культуры за рубежом. Поскольку они считают, что цель вывоза культурных ценностей заключается в обучении, интернационалисты предполагают, что материал будет доступен для изучения и просмотра, и что его владельцы будут демонстрировать уважение к нему. Например, в отличие от Конвенции ЮНЕСКО 1970 года, Гаагская конвенция 1954 года придерживается скорее интернационалистского подхода. [2]

Мне видится, что процесс интернационализации ведет к стиранию граней между регионами и странами, являясь элементом глобализации общества, при которой культурные национальные различия стираются, понятие государства становится чисто географическим, не дающим представления относительно культурной идентичности, которая уходит в прошлое.

Таким образом, говоря о разделении государств, влекущим раздел культурных ценностей, олицетворяющих общее историческое прошлое, следует понимать, что для стран, объединенных непродолжительные временные периоды или имеющих многонациональный состав, эти исторические процессы будут менее травматичными, поскольку общих и значимых для всех вновь образованных государств культурных ценностей будет меньше, чем в случае продолжительного совместного существования в условиях полной национальной интеграции и погруженности народа страны в совместную культуру.

Разделенные государства – это государства, которые, по различным причинам, находятся в состоянии разделения на две или более частей, каждая из которых может иметь свою собственную политическую систему, культурные особенности и экономические условия. Это разделение может быть временным, долгосрочным или окончательным, и оно часто связано с историческими, этническими, религиозными или политическими конфликтами.

Разделение может проявляться в различных аспектах: от наличия разных правительств и экономик до культурных различий.

При разделении ранее единого государства неизбежно возникает вопрос о распределении культурных ценностей. Существует несколько вариантов того, каким образом это может осуществляться:

1) если на территории ранее единого государства проживало несколько национальностей, то распределение происходит по наибольшей национальной связи культурной ценности с тем или иным народом (национальностью) – возвращение или реституция странам происхождения культурной ценности;

2) по территориальной границе на основании договоренностей (то есть, на какой территории находится культурная ценность, на той и остается) – территориальный критерий;

3) распределение культурных ценностей на основании согласования между созданными правительствами новообразованных государств.

Таким образом, деление культурных ценностей бывшего единого государства может происходить через сложный процесс, включающий как сотрудничество, так и конфликты.

При разделении государства – образовании нескольких государств на территории ранее единого государства – встает вопрос о правопреемстве, в том числе в отношении движимых культурных ценностей, возникает вопрос правового регулирования передачи культурных ценностей одному из вновь образованных государств.

При этом, Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и ЮНЕСКО относятся к бывшим колониям, но не затрагивают случаи распада государств, данная область остается неурегулированной на международном уровне, а регулируется исключительно соглашениями между новообразованными государствами и региональными соглашениями.

Вместе с тем, соглашения должны опираться на базисные нормы, необходима разработка основы, за которую часто принимают культурную жизнь вновь образованных государств для определения того, с культурой какой страны наиболее связан предмет искусства.

На Безельской сессии в резолюции 1991 года одной из тем, которую затронул Институт международного права, была международная торговля произведениями искусства с точки зрения защиты культурного наследия. [4] Институт международного права пришел к выводу, что при определении страны предмета искусства необходимо руководствоваться вопросом: с культурной жизнью какой страны предмет наиболее связан?

Однако в отношении культурных ценностей разделенных государств представляется сложным ответить однозначно на этот вопрос.

Статья 15 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 года могла бы снимать ряд вопросов по правопреемству для вновь образованного государства, между тем, Конвенция так и не вступила в силу. Тем не менее положения Конвенции можно использовать в качестве акта толкования и применять по принципу аналогии закона.

Венская конвенция в целом придерживается того правила, что ценности, которые расположены на территории, отходящей к новому независимому государству, остаются за этим государством целиком или в доле, соответствующей вкладу ранее зависимой территории. [3]

Богуславский М.М. отмечает, что при распаде ранее единого государства сложно определить, какое из новых независимых государств является страной происхождения культурной ценности. [5]

Поэтому такие споры между государствами еще более трудно разрешимы.

При возникновении споров государства, на территории которых находится спорная культурная ценность, часто прибегают к трем аргументам: 1) о важности сохранения единства коллекций; 2) об отсутствии на территории другого государства необходимых условий хранения и обеспечения безопасности для культурной ценности; 3) о том, что культурная ценность стала частью культурного наследия государства в связи с длительностью хранения на территории данного государства.

Но каждый из этих аргументов не является абсолютно достаточным для рассмотрения споров между государствами при разделении, поскольку оставаясь только аргументами в споре, они не позволяют разрешить спор в отсутствие единого правового регулирования данного вопроса.

Далее рассмотрим особенности распада и деления движимых культурных ценностей на примере Российской империи, Австро-Венгрии, СССР, Югославии, Чехословакии.

Российская империя

После распада Российской империи в 1917 году распределение движимых культурных ценностей стало сложным и многогранным процессом. В условиях революции и гражданской войны многие произведения искусства, антиквариат и другие культурные ценности были конфискованы и национализированы новым правительством. Многие произведения искусства были изъяты у частных владельцев, разграблены церкви и храмы.

Часть коллекционеров и художников эмигрировала за границу, и их коллекции были распроданы на аукционах или переданы в зарубежные музеи. Это привело к утрате многих ценностей для России.

После распада империи распределение культурных ценностей между новыми республиками стало важным и сложным процессом. В некоторых случаях культурные ценности передавались из центральных музеев в новые республиканские учреждения. Это происходило как на основании политических решений, так и в результате местных инициатив.

Многие из заключаемых договоров о распределении культурных ценностей были неформальными или неофициальными. В первые годы после революции новое советское правительство издавало декреты и постановления, касающиеся национализации культурных ценностей. Например, декреты о национализации музеев и художественных коллекций, которые определяли, что все культурные ценности становятся собственностью государства. [6, 7]

С образованием новых советских республик, таких как Украина и Беларусь, происходили переговоры о передаче культурных ценностей. Эти соглашения часто носили неформальный характер и зависели от политической ситуации. [8, 9]

Богуславский М.М. отмечает, что либеральность советской дипломатии начала 1920-х годов в отношении реституции культурных ценностей бывшим советским республикам объясняется желанием «пробить брешь в блокаде советских республик» [5], а также желанием признания на мировой арене и укрепления шаткого положения нового государства.

Австро-Венгрия

Распад Австро-Венгрии в 1918 году привел к созданию ряда новых государств в Центральной и Восточной Европе, что неминуемо отразилось на распределении культурных ценностей.

Новые государства, такие как Чехословакия, Венгрия, Польша, Королевство Югославия, начали активно формировать свои национальные идентичности. Это включало акцентирование внимания на собственном культурном наследии, языке и традициях.

Множество культурных ценностей, находившихся в общественной собственности, таких как музеи, библиотеки и архивы, подлежало перераспределению между новыми государственными образованиями. Это вызвало споры о собственности на библиотеки, коллекции произведений искусства и другие культурные артефакты.

Основополагающими мирными договорами, оформившими распад Австро-Венгрии являются Сен-Жерменский и Трианонский мирные договоры. Сен-Жерменский мирный договор 1919 года был соглашением между Австрией и 17 государствами-победителями Первой мировой войны 1914–1918 годов. В сочетании с Трианонским мирным договором 1920 года, он закрепил распад Австро-Венгрии и завершил участие Австрии в Первой мировой войне. [10]

В некоторых случаях между новыми государствами заключались соглашения о передаче культурных ценностей. Например, Чехословакия и Венгрия вели переговоры о передаче коллекций, которые были частью их национального наследия.

Февральская революция в России оказала влияние на стремление поляков к признанию польской независимости. Играя на давнем стремлении Польши к независимости, в 1917 году временное правительство РСФСР опубликовало воззвание к полякам об одобрения польской независимости русским учредительным собранием, которое было воспринято с недоверием.

Октябрьская революция одним из первых своих декретов предоставила всем народам, включая польский, надежную основу для истинного самоопределения и реальной независимости. [11]

С чехами ситуация была схожей с польской, однако к концу Первой мировой войны их стремление к отделению от Австро-Венгрии проявилось раньше и было более решительным.

США играли значительную роль в распаде Австро-Венгрии, признавая независимость новообразованных государств сразу после официаль-

ного объявления данного факта правительствами государств. Так, Президент США Вильсон объявил о признании независимости поляков в 1917 году, чехов и словаков – в 1918 году.

3 июня 1918 года Франция, Англия и Италия подписывают совместную декларацию об их общей симпатии в отношении «национальных стремлений чехословаков и югославы к свободе». [11]

В момент военного поражения австро-венгерской монархии югославы создали в Загребе в 1918 году аналогичный национальный совет с целью закрепления своей полной политической независимости, как это уже, к тому моменту, сделали все остальные народности. [11]

Распад Австро-Венгрии таким образом стал важным этапом для формирования новых национальных культур и идентичностей, с последующими последствиями для их культурного наследия, которое во многом определялось политической ситуацией того времени.

СССР

Распределение культурных ценностей между бывшими республиками после распада СССР в 1991 году происходило в контексте сложных политических, экономических и социальных изменений, при этом разрыв политических и экономических отношений не явился предпосылкой к увеличению споров, связанных с возвратом культурных ценностей в страны по месту их происхождения или изъятия, так, сведения о большом количестве споров в информационном поле отсутствуют.

Распад в 1991 году Советского Союза и образование Содружества независимых государств рассматривают как причину разработки и введения в действие новейшего механизма определения права публичной собственности на культурные ценности, принадлежащие ранее существовавшему государству, но прекратившему свое функционирование на добровольной (договорной) основе.

Так 14 февраля 1992 года в Минске странами-участницами СНГ было подписано Соглашение о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения. [12] Но, действие данного нормативного акта первоначально [13] было заблокировано (приостановлено), а далее отменено Верховным Советом Российской Федерации. [14] Международно-правовая значимость данного Соглашения заключалась в попытке утверждении базовых принципов сотрудничества одиннадцати государств-бывших республик СССР по проблеме возвращения культурных ценностей.

Совместное правопреемство требует институционального сотрудничества. Это было признано и бывшими республиками СССР, в том числе при создании СНГ, что вероятнее всего, позволило избежать большого количества споров относительно принадлежности культурных ценностей.

Из известных споров можно указать на претензии Казахстана относительно передачи республике предметов, имеющих культурно-историческое зна-

чение. Так, в 2017 году Минкульт Казахстана сообщил, что в Эрмитаже хранятся светильники мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави – мыслителя и поэта, а в этнографическом музее Санкт-Петербурга находятся зимний и летний чапаны отца Чокана Валиханова – казахского ученого и путешественника. В 2021 президент Казахстана на встрече с президентом Российской Федерации просил оказать содействие в поисках и возврате останков казахского хана Кенесары. [19]

Правительства государств Прибалтики (Латвия, Литва, Эстония), трактуя вхождение в состав СССР как «оккупацию», направляют в адрес Правительства Российской Федерации запросы о возврате культурных ценностей, вывезенных из данных стран в 1940-м году или сразу после Второй мировой войны. [20]

Богуславский М.М. приводил в пример требование Армении, заявленное в 1997 году, о возврате археологических ценностей древнего государства Урарту, хранящихся в Эрмитаже. На что директор Эрмитажа Пиотровский М.Б. дал отрицательный ответ, обратив внимание на то, что раскопки проводили петербургские ученые, благодаря которым и были найдены экспонаты. [5]

Югославия

После распада Югославии в начале 1990-х годов происходил сложный и неоднородный процесс распределения культурных ценностей и наслоений между новыми независимыми государствами.

Возникали споры по поводу собственности на культурные артефакты, находившиеся на территориях бывшей Югославии. Многие культурные ценности были объектом споров между различными этническими и национальными группами. Например, в Боснии и Герцеговине разногласия касались наследия, ассоциированного с различными нациями: боснийцами, хорватами и сербами. Культурные ценности были уничтожены до такой степени, что появились термины «культурный геноцид» и «культурная чистка». [21]

Каждое новое государство: Словения, Хорватия, Македония, Черногория, Босния и Герцеговина и Республика Сербия – стремилось установить свою национальную идентичность, что включало акцент на уникальные культурные традиции, язык, искусство и историческое наследие.

Дейтонское соглашение 1995 года положило конец гражданской войне в Боснии и Герцеговине, оно вскользь касается культурных ценностей, но только в части признания определенных предметов таковыми, о разделе культурных ценностей в соглашении не упоминается. [16]

Переговоры о правопреемстве в отношении активов и обязательств бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) начались в 1992 году в рамках Рабочей группы по вопросам правопреемства Международной конференции по бывшей Югославии, созданной Организацией Объединенных Наций и Европейским со-

обществом. Позднее они были продолжены под эгидой высокого представителя в Боснии и Герцеговине, которому было поручено заниматься вопросами правопреемства на Лондонской конференции Совета по выполнению мирного соглашения 1995 года. [17]

В течение нескольких лет правовое положение Союзной Республики Югославии (СРЮ) препятствовало достижению соглашения между пятью государствами-правопреемниками СФРЮ. СРЮ претендовала на то, чтобы быть исключительным юридическим и политическим продолжателем СФРЮ после распада югославской федерации в 1991 году, предоставив другим четырем республикам лишь незначительную долю активов и имущества бывшей Югославии. [17]

Таким образом, распределение культурных ценностей после распада Югославии было сложным и многоуровневым процессом, характеризующимся как конфликтами, так и попытками сотрудничества.

Чехословакия

После распада Чехословакии в 1993 году на два независимых государства – Чехию и Словакию – процесс распределения культурных ценностей также оказался важной частью формирования национальных идентичностей этих стран.

После разделения обе страны начали активно акцентировать внимание на своих уникальных культурных особенностях. Каждое из новых государств стремилось укрепить свою национальную идентичность, что включало в себя возрождение и сохранение локальных традиций, языка, искусства и фольклора.

В процессе разделения было принято решение о создании отдельных Министерств культуры и других культурных учреждений, отвечающих за сохранение и развитие культурного наследия каждой из стран. Это включало создание новых музеев, галерей и образовательных учреждений.

Между Чешской и Словацкой сторонами было подписано межправительственное соглашение о возвращении культурных ценностей. Как отмечает Щербакова Ю.А., в соглашении предполагалось, что заботу о недвижимых исторических и культурных объектах, которые принадлежат одной республике, а находятся на территории другой, будет осуществлять государство, на территории которого они расположены. Наиболее дискутируемым был вопрос о принципах раздела федерального имущества. Словацкая сторона выступала против применения исторического принципа раздела федеральной собственности, и чешская пошла ей навстречу в этом вопросе. [18]

Таким образом, распад Чехословакии стал катализатором для новых национальных инициатив и усилий по сохранению культурных ценностей, что положительно сказалось на культурном развитии как Чехии, так и Словакии.

Борьба вновь возникающих государств, ранее входящих в иные государства за раздел культур-

ных ценностей и их принадлежность позволяет прийти к выводу, что национальный подход к вопросу принадлежности культурных ценностей в настоящее время превалирует над интернациональным.

При этом, эффективное решение проблемы распределения, разделения, реституции и возврата культурных ценностей основывается на двусторонних соглашениях между государствами, учитывающих исторические и территориальные признаки, не исключая возможности использования международных механизмов урегулирования, таких как обращение в ЮНЕСКО.

Литература

1. Макиавелли Н. Государь: перевод с итальянского / Макиавелли Никколо; Макьявелли Никколо. М.: Планета, 1990. 84 с.
2. Karen J. Detling, *Eternal Silence: the Destruction of Cultural Property in Yugoslavia*, 17 Md.J. Int'l L. 41 (1993). URL: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol17/iss1/5> (дата обращения: 18.12.2024).
3. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 года, статья 15. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902936> (дата обращения: 18.12.2024).
4. Session of Basel – 1991 / The International Sale of Works of Art from the Angle of the Protection of the Cultural Heritage. URL: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1991_bal_04_en.pdf (дата обращения: 18.12.2024).
5. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты / М.М. Богуславский. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 415 с.
6. Декрет о национализации художественной галереи С.И. Щукина // Подлинник, 1 л. Архив, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 7384 // «Известия» № 242, 5 ноября; «Собрание Узаконений» № 82. ст. 851.
7. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922 / М-во культуры РФ; Сост., введ. К.Е. Рыбак. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2009. 384 с.
8. Sokyrska V., Krupenya I., Didenko K. Relations between the RSFSR and the Ukrainian SSR in the 1920s: diplomatic and administrative-institutional aspects/ Vladylena Sokyrska, Iryna krupenya PNH 2021; 20 (2): 79–101; 10.18778/1644–857X.20.02.04.
9. Formation of the Union of Soviet Socialist Republics. URL: <https://www.prlib.ru/en/collections/1732906> (дата обращения: 18.12.2024).
10. Сен-Жерменский мир URL: <https://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2U-tODAYcGFnZTAwMDAw>
11. Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров / под редакцией проф Ю.В. Ключникова и Андрея Сабанина URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/49/Трианон->

- ский_мирный_договор.pdf (дата обращения: 18.12.2024).
12. Соглашение о возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения (Заключено в г. Минске 14.02.1992) // СПС Консультант Плюс. 2023.
  13. Постановление ВС РФ от 19.02.1992 № 2378–1 «О возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения» // Ведомости СНД и ВС РФ. –1992. 12.03. № 11. Ст. 535.
  14. Постановление ВС РФ от 20.05.1992 № 2802–1 «О соглашении государств – участников Содружества Независимых Государств «О возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. 11.06. № 23. Ст. 1228.
  15. Соглашение о вывозе и ввозе культурных ценностей СНГ. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=56654> (дата обращения: 18.12.2024).
  16. Дейтонское соглашение 1995 года. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/41ac1e4e12426b5d36ae663d350f75fe.pdf> (дата обращения: 18.12.2024).
  17. Уоттс А. Вводная записка к Соглашению по вопросам правопреемства между пятью государствами-правопреемниками бывшего государства Югославия, 41 LL.M. 2002. С. 2. URL: https://www.jstor.org/stable/2693933?read-now=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 18.12.2024).
  18. Щербакова Ю.А. Чехи и словаки: вместе и врозь (опыт новой государственности): Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл., Отд. Вост. Европы. Отв. ред. Игрицкий Ю.И. М., 2006. 48 с.
  19. Министр культуры Казахстана назвала актуальным вопрос возврата культурных ценностей из РФ. URL: <https://tass.ru/kultura/19311763> (дата обращения: 18.12.2024).
  20. Латвия намерена добиваться от Российской Федерации возвращения художественных ценностей. URL: <https://ria.ru/20080421/105545793.html> (дата обращения: 18.12.2024).
  21. Petrovic J. The Old Bridge of Mostar and Increasing Respect for Cultural Property in Armed Conflict. Brill: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=3064515> (дата обращения: 18.12.2024).

CULTURAL VALUES OF THE SEPARATED STATES

Karden, V.A.

Saint Petersburg State University

The article is devoted to the cultural values of divided states and the problem of distribution of cultural values of a previously united state. The article analyzes the experience of the Russian Empire, Austria-Hungary, the USSR, Yugoslavia, Czechoslovakia. It is noted that the collapse of Czechoslovakia became a catalyst for new national initiatives and efforts to preserve cultural values, which had a positive effect on the cultural development of both the Czech Republic and Slovakia. It is revealed that the struggle of newly emerging states,

previously part of other states, for the division of cultural values and their ownership allows us to conclude that the national approach to the issue of ownership of cultural values currently prevails over the international one. It is noted that an effective solution to the problem of distribution, division, restitution and return of cultural property is based on bilateral agreements between states, taking into account historical and territorial characteristics, without excluding the possibility of using international settlement mechanisms, such as an appeal to UNESCO.

Keywords: cultural property, restitution, repatriation, request for return of cultural property, divided states.

References

1. Machiavelli N. The Sovereign: translation from Italian / Machiavelli Niccolo; Machiavelli Niccolo. Moscow: Planeta, 1990. 84 p.
2. Karen J. Detling, Eternal Silence: the Destruction of Cultural Property in Yugoslavia, 17 Md.J. Int'l L. 41 (1993). URL: <http://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol17/iss1/5> (accessed: 18.12.2024).
3. Vienna Convention on Succession of States in respect of State Property, State Archives and Public Debts, 1983, Article 15. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902936> (accessed: 18.12.2024).
4. Session of Basel – 1991 / The International Sale of Works of Art from the Angle of the Protection of the Cultural Heritage. URL: https://www.idi-ii.org/app/uploads/2017/06/1991_bal_04_en.pdf (date of access: 18.12.2024).
5. Cultural values in international circulation: legal aspects / M.M. Boguslavsky. Moscow: Norma, Infra-M, 2012. 415 p.
6. Decree on the nationalization of the art gallery of S.I. Shchukin // Original, 1 p. Archive, f. 2, op. 1, unit. hr. 7384 // Izvestia No. 242, November 5; Collection of Legislations No. 82. art. 851.
7. Culture in the normative acts of the Soviet power. 1917–1922 / Ministry of Culture of the Russian Federation; Comp., introduction. K.E. Rybak. Moscow: ZAO “Yurydichesky Dom “Yustitsinform”, 2009. 384 p.
8. Sokyrska V., Krupenya I., Didenko K. Relations between the RSFSR and the Ukrainian SSR in the 1920s: diplomatic and administrative-institutional aspects / Vladylena Sokyrska, Iryna krupenya PNH 2021; 20 (2): 79–101; 10.18778/1644–857X.20.02.04.
9. Formation of the Union of Soviet Socialist Republics. URL: <https://www.priib.ru/en/collections/1732906> (date of access: 18.12.2024).
10. Saint-Germain Peace URL: <https://e-lib.nsu.ru/reader/bookView.html?params=UmVzb3VyY2UtODAY/cGFnZTAwM-Daw>
11. Results of the imperialist war. Series of peace treaties / edited by prof. Yu.V. Klyuchnikov and Andrey Sabanin URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/49/Трианонский_мирный_догов.pdf (date of access: 18.12.2024).
12. Agreement on the return of cultural and historical values to the states of their origin (Concluded in Minsk on 14.02.1992) // SPS Consultant Plus. 2023.
13. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.02.1992 No. 2378–1 “On the return of cultural and historical values to the states of their origin” // Vedomosti SND i VS RF. –1992. 12.03. No. 11. Art. 535.
14. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.05.1992 No. 2802–1 “On the agreement of the member states of the Commonwealth of Independent States “On the return of cultural and historical values to the states of their origin” // Vedomosti SND i VS RF. 1992. 11.06. No. 23. Art. 1228.
15. Agreement on the export and import of cultural values of the CIS. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=56654> (date of access: 18.12.2024).
16. Dayton Agreement of 1995. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/41ac1e4e12426b5d36ae663d350f75fe.pdf> (date of access: 18.12.2024).
17. Watts A. Introductory Note to the Agreement on Succession Issues between the Five Successor States of the Former State of Yugoslavia, 41 LL.M. 2002. P. 2. URL: https://www.jstor.org/stable/2693933?read-now=1#page_scan_tab_contents (date of access: 12/18/2024).
18. Shcherbakova Yu.A. Czechs and Slovaks: Together and Apart (the Experience of the New Statehood): Analytical Review /

RAS. INION. Center for Scientific and Information Research of Global and Regional Problems, Dept. of Eastern Europe. Ed. Igriisky Yu.I. Moscow, 2006. 48 p.

19. The Minister of Culture of Kazakhstan called the issue of returning cultural values from the Russian Federation urgent. URL: <https://tass.ru/kultura/19311763> (date of access: 12/18/2024).

20. Latvia intends to seek the return of artistic treasures from the Russian Federation. URL: <https://ria.ru/20080421/105545793.html> (accessed: 18.12.2024).

21. Petrovic J. The Old Bridge of Mostar and Increasing Respect for Cultural Property in Armed Conflict. Brill: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=3064515> (accessed: 18.12.2024).

Роль многосторонних банков развития в интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона

Евсеев Алексей Павлович,

аспирант кафедры международного права, Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
E-mail: evseev.alexey@yandex.ru

В статье рассматривается роль многосторонних банков развития в интеграционных процессах азиатского региона. Анализируя направления деятельности Азиатского банка развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, автор определяет их функции в интеграционной сфере. В статье установлено, что МБР сами по себе рассматриваются как механизмы интеграции, созданные наиболее экономически мощными государствами. Однако, кроме того, МБР занимаются не только усилением интеграционных процессов посредством финансирования инфраструктурных проектов, они являются частью самой интеграции.

Ключевые слова: МБР, АзБР, АБИИ, интеграция, инфраструктурные проекты.

Основным вопросом данной работы является положение о том, что многосторонние банки развития (далее – МБР) непосредственно участвуют в интеграционных процессах различных регионов мира. Примечательно, что МБР участвуют в интеграционных процессах посредством финансирования инфраструктурных проектов в различных областях, таких как: транспорт, водоснабжение, энергетика, а также цифровая сфера или торговая политика. Тем не менее, только часть того, что финансируют МБР, можно отнести к проектам, направленным на усиление интеграции.

Стоит отметить, что в рамках концепции интеграции, именно государства рассматриваются, как центральные акторы, которые являются движущей силой интеграционных процессов в регионах. О других участниках, как правило забывают или просто упоминают. Конечно, с этим сложно спорить, именно государства являются основными действующими субъектами интеграции в регионе, например в Азии Китай играет важную роль во всех интеграционных процессах, поскольку он является важным игроком как в геополитическом, так и в геоэкономическом плане на региональном и глобальном уровнях [1]. Его многочисленные интеграционные инициативы, во главе которых стоит инициатива «Один пояс – один путь», во многом определили интеграционное взаимодействие в регионе [1]. Собственные интеграционные стратегии были разработаны Японией, странами Европы, а также Индией, Южной Кореей и АСЕАН, а также, в меньшей степени, Россией в центрально-азиатском регионе. Однако рассматривая теоретические подходы к развитию интеграции не стоит забывать о роли иных акторов, например частного сектора, который фактически обеспечивает постоянный поток товаров и услуг.

МБР упоминаются среди акторов интеграционных процессов, поскольку существуют многочисленные связи между интеграцией и кредитованием развития, осуществляемым банками. Во-первых, МБР осуществляют экономическое и социальное развитие, оказывая финансовую помощь развивающимся государствам [2]. Кредитование развития, в частности инфраструктурные кредиты, являются признанным инструментом построения трансграничных связей [3]. МБР, такие как АБИИ и Новый банк развития (НБР), сами считаются воплощением интеграционных процессов [4]. Во-вторых, интеграция как операционная стратегия также определяет деятельность банков, особенно тех МБР, которые участвуют в финансировании инфраструктурных проектов. МБР также вырабатывают различ-

ные подходы к тенденциям и потребностям становления интеграционных процессов.

МБР – это региональные или международные организации, которые «предоставляют займы, кредиты и гарантии для инвестиций государствам, как правило, с целью содействия экономического роста» [5]. МБР в основном кредитуют государства, хотя кредитование частного сектора на современном этапе растет [6]. Как видно из названия, их основными характеристиками являются многосторонность, то есть они созданы совместно рядом государств, ориентированы на экономическое развитие и являются банками, предоставляющими кредиты, а не гранты [5]. У них есть учредительное соглашение, которое является международным договором, и, таким образом, они являются международными организациями в соответствии с международным публичным правом. Кроме того, они организованы как «акционерные корпорации, размер капитала которых определяет их кредитную способность» [5]. Примечательно, что акционерами являются почти исключительно государства [6]. Сегодня существует около тридцати МБР, самым новым из которых является АБИИ. Они работают в самых разных секторах, хотя раньше в основе их финансирования лежали инфраструктурные проекты [6]. Обоснование создания таких институтов является функциональным, поскольку в основе лежит мысль о том, что создание организации будет более практичным и целесообразным способом достижения поставленных целей [7]. Иными словами, международная организация воплощает отношения принципал-агент, при которых государства-учредители являются принципалом, а организация – агентом [6]. Однако государства, как это ни парадоксально, также являются частью агента, поскольку организации обычно имеют собрание, допускающее прямое участие членов [7]. Хотя в контексте данной работы нет необходимости вникать в вопрос, влечет ли создание международной организации передачу суверенитета и в какой степени, уместно подчеркнуть, что государства-члены международных организаций имеют решающее значение в ее работе. Как отметил Баррос относительно роли государств-членов в международных финансовых институтах, «они определяют цели своих институтов, институциональную структуру и правила процедуры; они финансируют деятельность международных организаций; они направляют своих граждан в органы организаций; они влияют на состав органов управления; они контролируют процедуру вступления новых членов; они участвуют в институциональных процессах принятия решений; и они реализуют институциональные решения» [9]. Таким образом, за институциональной завесой скрываются государства.

В соответствии с нормами международного права общепризнано, что международные организации являются субъектами с юридической точки зрения, поскольку они обладают международной правосубъектностью. Таким образом, международное право выделяет их как независимых

акторов на международной арене [6], что часто влечет за собой расширение институциональных полномочий за пределы первоначального мандата. Мандат большинства МБР направлен на содействие экономическому и социальному развитию [10]. Они поддерживают макроэкономический рост в государствах-членах и сокращение бедности, а также устойчивое развитие в более широком смысле [10]. Их основная задача – обеспечить финансирование в проекты, непривлекательные для частного сектора. Это означает, что они дают деньги займы на условиях менее жестких, чем те, которые обычно навязывают коммерческие банки [12]. Однако МБР привлекают деньги из частного сектора для своей деятельности, а также полагаются на корпорации для предоставления технической экспертизы и реализации проектов [12].

Несмотря на независимость МБР действовать в пределах своего мандата, нельзя игнорировать роль как ведущего государства, так и остальных государств-членов: государства используют МБР для реализации своих национальных интересов в сфере внешней политики [8]. Хотя государственный контроль над МБР варьируется, не следует пренебрегать ролью ведущего государства, обладающего большей властью в принятии решений, и остальных государств-членов. Многосторонние банки развития олицетворяют многоуровневое агентство. Они не только сами по себе являются независимыми субъектами, но и представляют свои государства-члены, и, в частности, свое ведущее государство. В связи с этим, МБР в силу интересов своих государств-акционеров также являются политическими образованиями, вовлеченными в геополитику и ужесточение глобальной конкуренции, поскольку все государства-акционеры имеют свои собственные приоритеты и программы действий [13]. Как выразился Кириин Симс, «представление о том, что МБР предлагают политически нейтральное финансирование, является иллюзией...» [14]. Аналогичным образом, Энгель и Баз утверждают, что «влияние акционеров является постоянной проблемой для МБР» [11]. Действительно, широко признано, что «ведущие акционеры оказывают значительное влияние на стратегические направления деятельности МБР» [11]. Обоснование создания МБР в первую очередь следует также рассматривать как расширение более широких внешнеполитических целей в государствах-основателях.

Фундаментальным элементом интеграционного взаимодействия является намерение действовать таким образом, чтобы улучшить интеграционные процессы [15]. Однако специфической характеристикой МБР является их интеграционная функция. Это означает, что деятельность МБР следует интерпретировать как «винтик, являющийся частью более широкой концепции взаимодействия». Как объясняют Колин Флинт и Цуйпин Чжу, экономическая организация тесно связана с геополитическими целями [16]. Несмотря на формальную институциональную автономию и явные усилия го-

сударств по избеганию использования МБР в качестве прямых экономических и внешнеполитических инструментов, исследование АЗБР и АБИИ ясно демонстрирует, что их следует рассматривать как институты геополитического значения, принимающие участие в усилении конкурентных связей между азиатскими государствами. Джованни Б. Андорнино, например, обращает внимание на связь экономики и безопасности в деятельности АБИИ, утверждая, что создание АБИИ было мотивировано не просто экономическими или коммерческими интересами, но и соображениями экономической безопасности Китая [17]. Действительно, МБР не распределяют помощь и не предлагают кредиты только в зависимости от потребностей; исследования показали «статистически значимые связи между геополитическими и коммерческими интересами доноров, с одной стороны, и доступом к ресурсам международных финансовых организаций – с другой стороны».

Именно в этом МБР играют важную роль. Государства, являющиеся донорами в МБР, стараются не вмешиваться напрямую в операции банков и могут предпочесть направлять средства через МБР, а не прибегать к двустороннему финансированию. Другая сторона финансирования через МБР заключается в том, что банки являются удобным «способом» для государств навязать определенные условия по получению кредитов или обеспечение их соблюдения.

Важно отметить, что МБР по своей природе являются организациями развития, о чем уже свидетельствует их название. Они постоянно стремятся спровоцировать перемены, в том числе путем улучшения интеграционных связей между странами. Их официальные цели деятельности ориентированы на определенное понимание того, как достигается развитие, которое зависит от «различных представлений об устойчивой инфраструктуре, устойчивом развитии и мировом порядке» [6]. Существование МБР позволило различным государствам, играющим ведущую роль в них, косвенно влиять на МБР и соответственно политику развития.

Финансовая функция МБР обеспечила им влиятельную роль в обеспечении развития интеграционных процессов. Банки выступают в качестве финансовых посредников и используют различные финансовые инструменты, от кредитов до грантов в рамках финансирования трансграничной интеграции, вливая миллиарды долларов США в строительство дорог, электросетей, аэропортов или железнодорожных узлов. Это неудивительно, учитывая, что дефицит инвестиций в инфраструктуру в Азии обычно оценивается в 26 триллионов долларов США к 2030 году [5]. Фактически этот дефицит финансирования приобрел нормативный статус [14].

МБР – это финансовые институты, работающие на «финансовых рынках». На их функционирование влияют не только основные интересы государств-акционеров или государств, играющих

ведущую роль; на него также влияет финансовый рынок. Как финансовые организации, МБР озабочены погашением кредитов, оценкой рейтинговых агентств, «коэффициентами достаточности капитала» и «концентрацией кредитного портфеля» [13]. МБР должны не только выполнять требования кредитоспособности, предъявляемые финансовыми рынками, но и привлекать заемщиков. Как отмечает Кристофер Хамфри, существует противоречие между субъектом «развития» и «банковского дела» [13]. Фактически, исследования показали, что банковская сторона затмевает функции, направленные на развитие. Как выразился Бен-Арци относительно ряда региональных банков, в целом они «функционируют скорее как банки», чем как агентства развития [11]. Действительно, Энгель и Базбауэрс подчеркивали существование «банковского консенсуса», влияющего на кредитование и функционирование МБР [11]. Таким образом, помимо своей стратегической роли в области развития, МБР следует понимать как банки. Связь между финансовой и банковской деятельностью и интеграцией лежит в развитии инфраструктуры, которая традиционно составляла основу деятельности МБР. Общеизвестно, что МБР финансируют проекты, которые не могут привлечь частное финансирование. Иными словами, МБР финансируют не столь первоклассные проекты, а значит, их деятельность носит рискованный характер в политическом, так и в финансовом отношении. Финансирование инфраструктурной интеграции сопряжено с высокими политическими рисками, поскольку может потребоваться решение таких сложных вопросов, как переселение затронутого населения, или может возникнуть коррупция. Более того, политическое руководство в стране-заемщике может измениться, что приведет к пересмотру условий кредитования.

Азиатский банк развития (далее – АЗБР), членами которого являются 68 государств, созданный в 1966 году со штаб-квартирой в Маниле (Филиппины), является более старым многосторонним банком развития нежели чем Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (далее – АБИИ). Его длительная работа позволяет оценить, как банк участвовал в интеграционных процессах в Азии и как реализуются его проекты, направленные на углубление интеграционных связей. Объем предоставленных инвестиций у АЗБР также выше, чем у АБИИ. В 2021 году его общий объем инвестиционных операций достиг 118 млрд долларов США, причем подавляющую часть составили кредиты государствам. В последние годы большая часть операций была направлена в медицинский сектор из-за продолжающейся пандемии COVID-19. Хотя такую инвестиционную деятельность нельзя полностью относить непосредственно к инфраструктурным инвестициям для усиления интеграционных процессов, она представляет собой так называемую «вакцидную дипломатию» или «вакцидную интеграцию» [16].

АЗБР сыграл важную роль в усилении интеграционных процессов в азиатском регионе, хотя

стоит отметить, что он не может самостоятельно удовлетворять огромные потребности всего региона. Необходимо обозначить, что такая роль АзБР полностью соответствует его мандату, который в соответствии со ст. 1 Учредительного договора Азиатского банка развития (далее – договор) заключается в «поощрении экономического развития и сотрудничества в регионе Азии и Дальнего Востока» [13]. Выполняя свой мандат, согласно ст. 2 договора, банк содействует инвестициям, как из частных, так и из государственных источников, в дальнейшее развитие путем определения приоритетности проектов, способствующих «гармоничному экономическому росту региона», принимая во внимание существующие особые потребности. Кроме того, банк стремится к тому, чтобы азиатско-тихоокеанский регион стал более процветающим и устойчивым, продолжая свою работу по искоренению крайней бедности. Другими приоритетами в работе банка являются координация планов развития, улучшение использования ресурсов, а также содействие торговле, особенно в Азии. Финансирование инфраструктурных проектов не упоминается в основополагающем соглашении банка, равно как и усиление интеграционных процессов, что логично, учитывая, что интеграция сама по себе не была фактором экономического развития в период создания банка. Однако, стоит отметить, что АзБР участвовал в развитии интеграционных процессов, когда совместно с АСЕАН участвовал в разработке мер реагирования на финансовый кризис 2008–2009 годов [13].

Первоначальная деятельность банка по развитию внутригосударственной инфраструктуры в государствах-членах сместилась к трансграничной интеграции региона. Приоритетное направление операционной деятельности банка в сфере регионального сотрудничества и интеграции обеспечило основу для усиления интеграционных процессов в регионе благодаря инфраструктурным проектам. Такая деятельность банка способствовала усилению торгово-финансовой региональной интеграции. АзБР утверждает, что его трансграничные инфраструктурные проекты по строительству дорог, линий электропередач, мостов и портов усилили взаимосвязь государств-членов тем самым «стимулируя рост и развитие во всем регионе». Однако кроме финансирования инфраструктурных проектов, АзБР способствует интеграционным процессам в регионе путем заключения торговых соглашений и создания институтов, способствующих региональной интеграции.

Одним из наиболее ярких примеров участия АзБР в интеграционных процессах является программа экономического сотрудничества субрегиона Большого Меконга, учрежденная АзБР совместно с Камбоджей, Китаем, Лаосом, Мьянмой, Таиландом и Вьетнамом. На эту программу приграничного сотрудничества для «естественной экономической зоны» АзБР выделил более 20 миллиардов долларов США в 1992–2017 годах [5]. В частности, основное внимание уделялось увеличению торгов-

ли энергоресурсами в регионе, а также улучшению работы внутреннего и морского транспорта. Сообщается, что программа Большого Меконга также послужила толчком для усиления интеграционных инициатив банка в Центральной Азии в рамках так называемой программы ЦАРЭС с 1997 до середины 2010-х годов [13]. Это привело к строительству шести связующих коридоров между десятью странами. Стоит отметить, что строительство транспортных коридоров в экономических субрегионах было центральным вопросом функционирования АзБР в рамках реализации интеграции региона.

Стратегия регионального сотрудничества и интеграции (далее – СРСИ) банка 2006 года была направлена на обеспечение растущей важности интеграционных процессов вместо реализации исключительно внутригосударственных инфраструктурных проектов. Кроме того, более поздняя оценка стратегии еще раз подчеркнула необходимость упрощения процедур торговли. Изменение климата также ускорило призывы к смягчению негативных последствий трансграничного сотрудничества, особенно в области транспорта. Такие тенденции соответствуют усилиям банка по смещению традиционного акцента с финансирования дорожных инфраструктурных проектов на развитие «мультимодальной интеграции», то есть использование различных видов транспорта в торговых операциях.

Помимо непосредственно «финансирования» интеграционных процессов, АзБР участвует в разработке специальных методик в области интеграции. Так, например, в рамках банка был разработан индекс для измерения уровня регионального сотрудничества и интеграции в Азии. Индекс использует ряд измерений, одним из которых является «инфраструктура и интеграция» [8]. Это измерение зависит, среди прочего, от таких показателей, как проданные пассажирские места на региональных рейсах и эффективность логистики. Индекс показывает, что инфраструктура является одной из основных движущих сил региональной интеграции. Хотя трудно оценить, как данный индекс сам по себе способствовал усилению интеграционных процессов, но индексы региональной интеграции и их индикаторы помогают оценить уровень взаимосвязи государств и достижение конкретных целей. Например, индекс регионального сотрудничества и интеграции демонстрирует, что региональная интеграция все больше усиливается за счет взаимосвязи государств в цифровой сфере. Другая роль АзБР непосредственно связана с координационными процессами. Менон утверждает, что «АзБР зарекомендовал себя как уважаемый координатор и посредник, способный способствовать сотрудничеству между разнообразными игроками». Соответственно, его ценность для усиления интеграционных процессов также заключается в том, что он является беспристрастным посредником между правительствами, бизнесом и другими субъектами.

АБИИ является последним многосторонним банком развития, начавшим свою деятельность.

Он был создан в 2016 году при участии 57 государств в качестве акционеров. С тех пор членство расширилось и теперь насчитывает 106 государств, превратив банк в глобальную международную организацию [5]. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций прямо уполномочен содействовать развитию интеграционных связей в своих статьях соглашения (далее – статьи соглашения). Его первичная цель – «содействовать устойчивому экономическому развитию, повышать благосостояние и улучшать инфраструктурные связи в Азии путем осуществления инвестиций в инфраструктуру и другие производственные сектора экономики». Таким образом, АБИИ фактически указывает на то, что усиление интеграционных процессов является целью банка. В преамбуле к статьям соглашения также раскрывается связь между инфраструктурой, интеграцией и развитием, в которых сказано «ПРИЗНАВАЯ значение развития инфраструктуры в расширении региональных связей и повышении уровня региональной интеграции». Таким образом, миссия банка по усилению интеграции тесно связана с региональным сотрудничеством и содействием экономическому росту. Банк прямо утверждает, что его деятельность направлена на ликвидирование огромного разрыва между азиатскими экономиками и соседними государствами. Президент АБИИ Цзинь Лицунь удачно формулирует миссию банка следующим образом: «Развитие инфраструктуры ведет к процветанию и сокращению бедности» [17].

Роль АБИИ в интеграционных процессах должна анализироваться в свете общего принципа банка – быть «бережливым, чистым и экологичным». Утверждается, что эти основные ценности выражают стремление банка предоставить развивающимся государствам в Азии и за ее пределами инфраструктурные инвестиции на основе «хорошо продуманной политики» и «эффективного механизма при разумном управлении». Точнее, речь идет об экологически чистом и свободном от коррупции банке, который способен принимать решения по проектам быстрее и с меньшими затратами, чем другие МБР. Примером тому является одобрение банком первого проекта, которое произошло всего через 6 месяцев после начала его деятельности [17].

Будучи признанной организацией в области трансграничной интеграции, АБИИ стремится к тому, чтобы к 2030 году его проекты в сфере интеграционных процессов составляли от 25 до 30% от всех проектов, финансируемых банком. Таким образом, приоритетным направлением банка является трансграничная интеграция, которая связывает жизненно важную инфраструктуру региона с ранее не включенными государствами. Кроме того, признается, что между различными азиатскими субрегионами существуют большие различия. Другими приоритетами финансирования банка в области трансграничной интеграции являются проекты, которые направлены на расширение региональной торговли, цифровой и финансовой интеграции.

Увеличения инвестиций в область трансграничной интеграции также отражено в финансовых решениях банка, поскольку на протяжении многих лет он медленно, но неуклонно увеличивал финансирование проектов в сфере трансграничных связей.

АБИИ также считает, что инфраструктурные проекты, направленные на усиление интеграции – это нечто большее, чем строительство дорог или другой физической инфраструктуры. Это тесно связано и с развитием цифровых платформ, посредством которых данные и информация связаны между собой. Примерами инфраструктурных интеграционных проектов банка являются, например, шоссе от Сильбета до Тамабила и проект Трансатоллийского газопровода. Хотя первый проект был направлен на улучшение транспортных потоков, его основная цель заключалась в облегчении возможности перемещения товаров и услуг между Бангладешем и Индией, тогда как цель второго проекта заключалась в усилении интеграции Азербайджана с рынками Южной Европы [17]. Кроме того, банк не исключает будущего участия в проектах, связанных с «мягкой инфраструктурой», включая проекты, связанные с развитием социальной инфраструктуры, а именно здравоохранения, образования или защиты окружающей среды.

По данным на сентябрь 2022 года, двумя основными секторами экономики, куда АБИИ в основном вкладывал инвестиции, были энергетический и транспортный секторы, которые в совокупности составили более трети финансируемых проектов банка. Такие проекты включали развитие инфраструктуры природного газа, модернизацию распределительных сетей электроэнергии, улучшение дорожной сети или электрификацию железных дорог. Всего АБИИ профинансировал 186 проектов на сумму чуть более 36 миллиардов долларов США. Большинство одобренных кредитов или инвестиций были направлены государствам. Однако не все или даже не большинство этих проектов непосредственно относились к интеграции. Годовой отчет банка за 2021 год показывает, что за последние годы увеличилось как количество, так и объем финансирования проектов в сфере региональной интеграции: в 2019 году финансирование проектов в этой области включало четыре проекта с долей 14,3% от общего объема операций по сравнению с восемью проектами с долей в 24,2% в 2021 году.

Усиление интеграционных процессов является частью деятельности как АЗБР, так и АБИИ. Тем не менее, очень часто проекты в «интеграционную сферу» описываются просто как «инфраструктурные проекты», поскольку финансируемые проекты почти всегда являются таковыми. В таком случае инфраструктурные проекты являются «причиной» для банков, что приводит к усилению интеграционных связей – «следствием». Развитие интеграционных связей присутствует в официальной политике и приоритетах функционирования обоих банков, поскольку эта тема является центральной в их деятельности.

Интеграционные процессы также имеют два отдельных аспекта в деятельности банков, поскольку могут относиться к внутренней интеграции, то есть к созданию инфраструктуры внутри страны, в отличие от трансграничной интеграции, стремящейся усилить связи между государствами. МБР также признают, что приграничное сотрудничество в значительной степени зависит от региональной интеграции и наличия внутренних связей, что, в свою очередь, требует внутренних реформ.

Стоит отметить, что АзБР и АБИИ можно рассматривать как некие «механизмы интеграции», поскольку они сами тесно связаны с более широкими стратегическими целями, разрабатываемыми государствами. Кроме того, их роль как организаций развития, установленная в их основополагающих документах, имеет значение для интеграционного развития региона. В связи с этим, функции, которые выполняют МБР, взаимосвязаны и усиливают друг друга, однако между различными аспектами их деятельности может возникнуть напряженность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что МБР, а именно АзБР и АБИИ тесно связаны с развитием интеграционных процессов в регионе. Хотя АзБР имеет более длительный опыт в продвижении региональной интеграции, АБИИ имеет четкий мандат на расширение интеграционных процессов. Было установлено, что МБР сами по себе рассматриваются как механизмы интеграции, созданные наиболее экономически мощными государствами. Такой вывод основан на том, что МБР представляют собой международные организации, созданные по типу корпораций, в которых преобладают ключевые государства-акционеры. МБР занимаются не только усилением интеграционных процессов посредством финансирования инфраструктурных проектов, они являются частью самой интеграции.

Литература

1. Yu, H. (2017). Motivation behind China's 'One Belt, One Road' Initiatives and Establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank. *Journal of Contemporary China*, 26(105), 353–368.
2. Congressional Research Service (2020, February 11). Multilateral Development Banks: Overview and Issues for Congress. <https://sgp.fas.org/crs/row/R41170.pdf>
3. Asian Infrastructure Investment Bank (2022a). AIIB Expands Global Presence. <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2022/AIIB-Expands-Global-Presence.html>
4. Plagemann, J., Datta, S. & Chu, S. (2021). The Paradox of Competing Connectivity Strategies in Asia. *Third World Quarterly*, 42(10), 2265–2281.
5. Чувахин П.И. Международная правосубъектность многосторонних банков развития // Вопросы российского и международного права Том 13, No 4А, 2023. С. 1–324.
6. Чувахин П.И. Международно-правовой статус многосторонних банков развития // диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия». 2022
7. Gaeta, P., Viñuales, J. E. & Zappalà. S (2020). *Cassese's International Law*. Oxford University Press.
8. Klabbbers, J. (2015). The EJIL Foreword: The Transformation of International Organizations Law. *European Journal of International Law*, 26(1), 9–82.
9. Barros, A. S. (2019). *Governance as Responsibility. Member States As Human Rights Protectors in International Financial Institutions*. Cambridge University Press.
10. Faure, R., Prizzon, A. & Rogerson, A. (2015, Dec). *Multilateral Development Banks. A Short Guide*. Overseas Development Institute.
11. Engel, S. & Bazbauers, A. R. (2020). *Development Banks: Washington Consensus, Beijing Consensus or Banking Consensus?*. In V. Jakupec, M. Kelly, & J. Makuwira (Eds.), *Rethinking Multilateralism in Foreign Aid. Beyond the Neoliberal Hegemony* (pp. 113–131). Routledge.
12. uyJandhyala, S. (2016, Feb). *International Organisations and Political Risk. The Case of Multilateral Development Banks in Infrastructure Projects*. https://ppi.worldbank.org/content/dam/PPI/resources/ppi_publication/theme/The-case-of-multilateral-development-banks-by-Jandhyala2016.pdf
13. Humphrey, C. & Michaelowa, K. (2013). *Shopping for Development: Multilateral Lending, Shareholder Composition and Borrower Preferences*. *World Development*, 44, 142–155.
14. Sims, K. (2020). *The ADB and the AIIB. Cooperation, Competition, and Contestation*. In V. Jakupec, M. Kelly, & J. Makuwira (Eds.), *Rethinking Multilateralism in Foreign Aid: Beyond the Neoliberal Hegemony* (pp. 145–159). Routledge.
15. Gaens, B., Sinkkonen, V. & Vogt, H. (2023). *Connectivity and Order: an Analytical Framework*. *East Asia*, published online 21 February 2023.
16. Flint, C. & Zhu, C. (2019). *The Geopolitics of Connectivity, Cooperation, and Hegemonic Competition: The Belt and Road Initiative*. *Geoforum*, 99, 95–101
17. Andornino, G. B. (2019). *Economic-Security Nexus in the AIIB: China's Quest for Security through Eurasian Connectivity*. *Global Policy*, 10 (4), 604–613.

THE ROLE OF MULTILATERAL DEVELOPMENT BANKS IN THE INTEGRATION PROCESSES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Evseev A.P.

All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russia

The article examines the role of multilateral development banks in the integration processes of the Asian region. Analyzing the activ-

ities of the Asian Development Bank and the Asian Infrastructure Investment Bank, the author determines their functions in the integration sphere. The article establishes that MDBs themselves are considered as integration mechanisms created by the most economically powerful states. However, in addition, MDBs are not only engaged in strengthening integration processes through the financing of infrastructure projects, they are part of the integration itself.

Keywords: MDB, ADB, AIIB, integration, infrastructure projects.

References

1. Yu, H. (2017). Motivation behind China's 'One Belt, One Road' Initiatives and Establishment of the Asian Infrastructure Investment Bank. *Journal of Contemporary China*, 26(105), 353–368.
2. Congressional Research Service (2020, February 11). Multilateral Development Banks: Overview and Issues for Congress. <https://sgp.fas.org/crs/row/R41170.pdf>
3. Asian Infrastructure Investment Bank (2022a). AIIB Expands Global Presence. <https://www.aiib.org/en/news-events/news/2022/AIIB-Expands-Global-Presence.html>
4. Plagemann, J., Datta, S. & Chu, S. (2021). The Paradox of Competing Connectivity Strategies in Asia. *Third World Quarterly*, 42(10), 2265–2281.
5. Chuvakhin P.I. International legal personality of multilateral development banks // *Issues of Russian and International Law* Volume 13, No. 4A, 2023. pp. 1–324.
6. Chuvakin P.I. The international legal status of multilateral development banks // dissertation for the PhD in Law / Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice". 2022
7. Gaeta, P., Viñuales, J. E. & Zappalà, S. (2020). *Cassese's International Law*. Oxford University Press.
8. Klabbers, J. (2015). The EJIL Foreword: The Transformation of International Organizations Law. *European Journal of International Law*, 26(1), 9–82.
9. Barros, A. S. (2019). *Governance as Responsibility. Member States As Human Rights Protectors in International Financial Institutions*. Cambridge University Press.
10. Faure, R., Prizzon, A. & Rogerson, A. (2015, Dec). *Multilateral Development Banks. A Short Guide*. Overseas Development Institute.
11. Engel, S. & Bazbauers, A. R. (2020). Development Banks: Washington Consensus, Beijing Consensus or Banking Consensus?. In V. Jakupec, M. Kelly, & J. Makuwira (Eds.), *Rethinking Multilateralism in Foreign Aid. Beyond the Neoliberal Hegemony* (pp. 113–131). Routledge.
12. uyJandhyala, S. (2016, Feb). *International Organisations and Political Risk. The Case of Multilateral Development Banks in Infrastructure Projects*. https://ppi.worldbank.org/content/dam/PPI/resources/ppi_publication/theme/The-case-of-multilateral-development-banks-by-Jandhyala2016.pdf
13. Humphrey, C. & Michaelowa, K. (2013). Shopping for Development: Multilateral Lending, Shareholder Composition and Borrower Preferences. *World Development*, 44, 142–155.
14. Sims, K. (2020). The ADB and the AIIB. Cooperation, Competition, and Contestation. In V. Jakupec, M. Kelly, & J. Makuwira (Eds.), *Rethinking Multilateralism in Foreign Aid: Beyond the Neoliberal Hegemony* (pp. 145–159). Routledge.
15. Gaens, B., Sinkkonen, V. & Vogt, H. (2023). *Connectivity and Order: an Analytical Framework*. East Asia, published online 21 February 2023.
16. Flint, C. & Zhu, C. (2019). The Geopolitics of Connectivity, Cooperation, and Hegemonic Competition: The Belt and Road Initiative. *Geoforum*, 99, 95–101
17. Andornino, G. B. (2019). Economic-Security Nexus in the AIIB: China's Quest for Security through Eurasian Connectivity. *Global Policy*, 10 (4), 604–613.

Цифровая трансформация института казначейства: сравнение опыта Республики Казахстан, Республики Узбекистан и Российской Федерации

Мансурова Шахноза Обиджоновна,

аспирант кафедры административного и финансового права,
Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы
E-mail: 1042235006@rudn.ru

Статья посвящена анализу цифровой трансформации института казначейства в Республике Казахстан, Республике Узбекистан и Российской Федерации. Рассматриваются ключевые аспекты цифровизации в управлении государственными финансами, включая автоматизацию процессов исполнения бюджета, управление государственным долгом, внедрение электронных платформ для закупок и учет межбюджетных трансфертов. Проведен сравнительный анализ опыта трех стран, позволяющий выявить их сильные стороны, ограничения и перспективы. Описаны ключевые информационные системы и инструменты, обеспечивающие цифровизацию института казначейства в трех странах.

Ключевые слова: цифровизация, бюджетные средства, транспарентность, казначейство, Узбекистан, Казахстан, Россия.

Введение

Вопросы, связанные с управлением общественными финансами, тесным образом затрагивают вопросы государственного управления. Качество государственного управления, можно сказать, напрямую зависит от того, насколько эффективно функционирует система сбора и перераспределения бюджетных средств. Для того, чтобы повысить эффективность данной системы, многие национальные правительства проводят масштабные реформы технологического, организационного, законодательного, кадрового характера. Многие из подобных реформ предполагают внедрение цифровых сред и инструментов в работу властных ведомств и предпринимателей. Таким образом, ключевой тенденцией в сфере бюджетного процесса в мире следует считать цифровизацию.

Переход к цифровым моделям регулирования сферы публичных финансов чаще всего обусловлен соображениями транспарентности – открытости, прозрачности процессов. Несколько десятилетий назад представители властных элит многих стран стали приходить к осознанию того, что открытость информации о бюджетном процессе выступает ключевой частью концепции открытости информации о деятельности государственной власти, что, в свою очередь, способствует легитимизации этой власти и ее поддержке со стороны широкой общественности. На современном этапе деятельность государства основывается на идее подотчетности и контроля обществом информации о расходовании бюджетных средств [8, с. 46]. Во всем мире возможности цифровых сред применяются с целью расширения доступа к информации для граждан и учреждений, для усиления гражданского участия.

Как показывает наблюдение за текущими тенденциями в сфере государственного управления в нашей стране и за рубежом, формальные институты власти не всегда успевают адекватно реагировать на вызовы внешней среды. В силу априорной консервативности механизма принятия государственно-политических решений властные ведомства подвержены изменениям гораздо медленнее, чем того требует динамика внешней среды. Можно также сказать, что в некоторых странах темпы реформ достаточно высоки, что позволяет их правительствам относительно быстро реагировать на новые проблемы, тогда как в других наблюдается существенное отставание от текущих потребностей, в т.ч. в сфере цифровой повестки [3, с. 844].

В данной связи особую актуальность представляет анализ существующих вариаций в подходах к цифровизации конкретных сегментов государственного администрирования – в частности, института казначейства.

Во многих странах казначейство является ключевым органом в системе государственного управления финансовыми ресурсами. Казначейство играет центральную роль в обеспечении эффективного и прозрачного использования бюджетных средств, контроле за их расходованием, а также в управлении государственным долгом и кассовыми потоками. Казначейство способствует поддержанию макроэкономической стабильности, обеспечивая эффективное использование публичных ресурсов. Институт казначейства играет важную роль в реализации социальных, экономических и инфраструктурных программ, а также в обеспечении устойчивости государственной финансовой системы. Кроме того, деятельность казначейства направлена на повышение прозрачности и подотчетности в сфере управления государственными средствами, что укрепляет доверие граждан и международных партнеров к финансовой системе страны. Таким образом, казначейство является неотъемлемым звеном механизма государственного управления, обеспечивающим стабильность, эффективность и устойчивость финансовой системы государства.

Можно выделить четыре аспекта цифровой трансформации института казначейства: организационный, технологический, нормативно-правовой и кадровый. Для реализации трансформации требуется соответствующая структура управления, механизмы финансирования и согласования целей, ресурсов и инструментов. Положительные результаты цифровой трансформации деятельности казначейства обеспечиваются, кроме того, согласованием направлений и мер трансформации с общей стратегией развития всех ветвей власти и всех уровней управления [13, с. 32].

В современной научной литературе задачами цифровизации работы казначейства называют следующие: (1) автоматизация процессов управления бюджетными средствами для снижения количества ошибок и увеличения оперативности; (2) улучшение координации между государственными ведомствами; (3) предоставление доступа гражданам и организациям к информации о деятельности казначейства через электронные сервисы, что способствует повышению доверия; (4) снижение объема коррупционных рисков; (5) приведение национальных систем управления государственными финансами в соответствие с международными стандартами [4, с. 7].

Российский опыт «оцифровки» деятельности Федерального казначейства

Ключевые принципы деятельности, компетенции и полномочия Федерального казначейства Российской Федерации изложены в тексте Постановле-

ния Правительства РФ от 01.12.2004 N 703 (ред. от 03.08.2023) «О Федеральном казначействе» [7].

Федеральное казначейство уже достаточно давно внедряет информационные технологии для автоматизации бюджетного процесса. Основными направлениями цифровизации работы казначейства выступают следующие: (1) электронный бюджет: формирование единой информационной системы, которая позволяет всем участникам бюджетного процесса в режиме реального времени отслеживать и управлять бюджетными средствами; (2) электронное взаимодействие: система электронного документооборота между казначейством и другими государственными органами; (3) открытые данные: публикация бюджетных данных в открытом доступе для обеспечения прозрачности.

Функционирование казначейства в Российской Федерации, а также ряда смежных по функциям ведомств демонстрирует достаточно высокий уровень цифровизации, превышающий аналогичный как в странах ближнего зарубежья, так и в странах Запада.

Кроме того, в работе казначейства уже с 2000-х гг. реализованы системы электронного согласования и обмена документами. Это ускоряет обработку данных и сокращает издержки на бумажный документооборот. В рамках системы казначейства используются электронные цифровые подписи (ЭЦП). На текущем этапе речь идет не просто об электронном документообороте, а о полноценной автоматизированной системе Федерального казначейства. Как отмечают специалисты, разработка и ввод в эксплуатацию автоматизированной системы федерального казначейства (АС ФК) стало одним из самых масштабных ИТ-проектов в сфере государственного управления в 2000-х годах.

Федеральное казначейство в России функционирует посредством широкого спектра цифровых систем связи и порталов: ведомственная транспортная сеть (ВТС), системы видеоконференцсвязи (ВКС), единая информационная система в сфере закупок (ЕИС), ГИС «Официальный сайт Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети интернет для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях» (ГИС ГМУ), государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП), система обеспечения сбора, анализа и визуализации данных для центрального аппарата Федерального казначейства (КПЭ), государственная автоматизированная информационная система «Управление» (ГАСУ), государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет» (ГИИС ЭБ).

Так, к примеру, Государственная автоматизированная система «Управление» (ГАС «Управление») обеспечивает интеграцию всех процессов, связанных с планированием, исполнением и контролем бюджета. Функционал системы включает составление бюджета, мониторинг его исполнения, учет и анализ финансовых данных.

Единая информационная система в сфере закупок (ЕИС) создана для обеспечения прозрачности государственных закупок, интеграции данных о тендерах, контрактах и их исполнении. Электронные аукционы и другие формы цифровых закупок минимизируют коррупционные риски и повышают прозрачность бюджетных процессов.

Централизованная система казначейских платежей позволяет обеспечить высокий уровень т.н. кассовой дисциплины и оперативность проведения платежей. Электронная система контролирует прохождение платежей от формирования заявки до исполнения.

Единый портал государственных услуг предоставляет гражданам доступ к информации о платежах и финансовых услугах государства. Интеграция казначейских операций с этим порталом упрощает процесс получения субсидий, компенсаций и других выплат.

Также среди конкретных примеров применяемых Федеральным казначейством цифровых средств можно назвать ведомственный проект Министерства финансов «Электронный SMART контроль (контроллинг) и учет государственных финансов для управленческих решений», предполагающий создание к 2027 г. единой цифровой платформы. Платформа будет интегрировать все направления контрольной деятельности Федерального казначейства, в т.ч. внутренний ГФК; анализ исполнения бюджетных полномочий органов внутреннего ГФК; анализ внутреннего финансового аудита главных администраторов бюджетных средств (ГАБС) [4, с. 9].

По данным на 2024 г., имплементация цифрового инструментария в работу казначейства привела к сокращению времени, затрачиваемого на бюджетные операции, на 30%. Кроме того, ощутило повысилась точность финансовой отчетности. Многие реформы были внедрены в контексте Национальной программы «Цифровая экономика», продлившейся до 2024 г.; на смену ей пришел проект «Экономика данных» (до 2030 г.). Данная инициатива главным образом направлена на применение Больших Данных в различных сферах бюджетного управления [10, с. 349]. Утверждение проекта «Экономика данных», можно сказать, знаменует собой новый этап в «оцифровке» функций казначейства – этап интеллектуализации.

Цифровизация работы казначейства в Казахстане

Функцию казначейства в Казахстане выполняет Республиканское государственное учреждение «Комитет казначейства Министерства финансов Республики Казахстан». Полномочия и принципы работы Комитета зафиксированы в Положении о Комитете казначейства Министерства финансов Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 1431 [5].

В обеих странах – России и Казахстане – казначейство выполняет ключевые функции по управлению бюджетными средствами, кассовому об-

служиванию, мониторингу и контролю исполнения бюджета. Казначейства двух стран занимаются выпуском государственных ценных бумаг, мониторингом долговых обязательств и оптимизацией работы с заемными средствами. В России Федеральное казначейство обладает более централизованной структурой, охватывая все уровни бюджетной системы: федеральный, региональный и муниципальный. В Казахстане Казначейство является частью Министерства финансов Республики Казахстан, и в большей степени его деятельность сосредоточена на реализации задач по кассовому обслуживанию государственного бюджета – таким образом, Комитет казначейства менее активно участвует в управлении публичными финансами на местном уровне.

Применение цифровых технологий в системе государственного управления является ключевым направлением в реализации программы «Цифровой Казахстан». Цифровизация государственного казначейства Казахстана главным образом направлена на перевод в электронный формат процедур кассового исполнения государственного бюджета с целью предупреждения коррупционных проявлений и снижения доли теневой экономики [2, с. 197].

Функционирование Комитета казначейства обеспечено Интегрированной информационной системой казначейства (ИИСК), информационной системой безбумажного документооборота «Казначейство – Клиент». Система ИИСК была реализована около двух десятков лет назад при поддержке Международного банка реконструкции и развития. С 2000-х гг. эта система неоднократно расширялась, дополнялась новыми модулями, модернизировалась, что позволило достаточно эффективно осуществлять кассовое исполнение государственного бюджета в Казахстане. Местные и зарубежные специалисты, как правило, достаточно высоко оценивают качество работы ИИСК [12]. В 2011 г. была внедрена система «Казначейство – Клиент», что позволило перейти в режим дистанционной работы с госучреждениями и предприятиями. Используя обе системы – ИИСК и ИС «Казначейство – Клиент» – Комитет казначейства Казахстана осуществляет текущий контроль, реализует предварительную проверку обязательств государственных учреждений и платежей из бюджета.

Как и в Российской Федерации, цифровые среды, применяемые казначейством Казахстана, скоординированы с иными платформами, функционирующими в области управления публичными финансами. Вышеотмеченные информационные системы казначейства интегрированы со следующими информационными системами: «Государственное планирование», «Централизованные унифицированные лицевые счета» (система органов госдоходов), «Электронные счета-фактуры», «Электронные государственные закупки», «е-Минфин» и система Национального удостоверяющего центра [12].

Важным сходством института казначейства в двух рассматриваемых юрисдикциях следует считать то, что в Казахстане также обсуждается идея перехода на более высокий уровень цифровизации и внедрение инструментов интеллектуализации. В подобном контексте ведутся дискуссии о разработке единой Интегрированной системы управления государственными финансами (ИСУ-ГФ), многие функции которой будут реализованы за счет искусственного интеллекта.

Цифровизация функций казначейства в Узбекистане

Деятельность казначейства Министерства финансов Республики Узбекистан регулируется Постановлением Кабинета Министров «Об утверждении Положения о Казначействе Министерства финансов Республики Узбекистан» [6], а также Приказом министра финансов Республики Узбекистан от 22 декабря 2016 года No 2850 «Об утверждении правил казначейского исполнения бюджетов бюджетной системы Республики Узбекистан»

Функциональный спектр казначейства в Узбекистане весьма схож с аналогичным в Казахстане и сосредоточен главным образом на кассовом исполнении Государственного бюджета, распределении поступающих доходов между бюджетами разных уровней, управлении средствами Государственного бюджета, находящимися на едином казначейском счете. Кроме того, казначейство реализует контроль и мониторинг за оптимизацией использования бюджетных средств, направляемых на финансирование бюджетных организаций [9, с. 222].

В 2007 г. система управления бюджетными средствами начала существенно изменяться: в рамках утвержденной в 2007 г. стратегии «Реформы управления государственными финансами» были приняты следующие меры: в структуре Министерства финансов создано Казначейство, осуществлен переход от банковской к казначейской системе исполнения бюджета, сформировалась система контроля за движением государственных средств.

Институт казначейства в Узбекистане не имеет такой продолжительной истории, как в России и Казахстане – его формирование и развитие началось лишь в 2007 г. после издания вышеотмеченного постановления. В данной связи многие вопросы в его деятельности, в т.ч. в контексте цифровизации, остаются нерешенными. Так, к примеру, налицо необходимость в интеграции программных комплексов УзАСБО и ДМБАТ (информационная система управления государственными финансами) по учету внебюджетных фондов бюджетных организаций [9, с. 223].

Еще в 2010-х гг. был введен единый казначейский счет, создана информационная система управления государственными финансами (ИС УГФ) [14, с. 34]. Аккумуляция информации и средств на едином казначейском счете позволила эффективно управлять государственными средствами [11, с. 126].

Около пяти лет назад властные ведомства Узбекистана стали постепенно формировать прозрачные политики в области публичных финансов. В данной связи Министерство финансов увеличивает объем информации, публикуемой онлайн, в отношении бюджета и иной информации о движении средств. Введен, кроме того, порядок ежеквартального размещения данных на официальных веб-сайтах распорядителями бюджетных средств первого уровня, государственными целевыми фондами и Фондом реконструкции и развития Республики Узбекистан [11, с. 10].

Цифровизация всех сфер государственного управления является приоритетной задачей властных ведомств – об этом свидетельствуют положения стратегии «Узбекистан-2030» [1].

С 2022 г. ведется разработка цифровой платформы «Электронный контролер-ревизор», который автоматизирует финансовый мониторинг. Работает также электронная платформа «E-Anticor.uz» осуществляет оценку коррупционных рисков и ведёт «Электронный реестр отношений, подверженных коррупции». Тем не менее, платформа находится не в ведении казначейства, а в ведении Министерства финансов.

Заключение

Таким образом, сопоставление функций и перспектив развития института казначейства в контексте цифровизации в трех рассматриваемых странах позволяет прийти к следующим выводам. Во всех трех странах казначейство выполняет схожие функции, включая управление бюджетными потоками, контроль за целевым использованием средств, кассовое обслуживание и управление государственным долгом. Тем не менее, степень автономности и централизованности этого института существенно варьируется. В России цифровизация работы казначейства находится на наиболее продвинутом уровне. Внедрение множества цифровых систем, интегрированных между собой, обеспечивает высокий уровень прозрачности и эффективности управления финансами. Речь идет о переходе от цифровизации к интеллектуализации. В Казахстане наблюдается активное внедрение национальных цифровых решений для управления государственным бюджетом со стороны казначейства. Тем не менее, системы интеграции данных и аналитики требуют дальнейшего развития, поэтому едва ли пока можно говорить о наступлении этапа интеллектуализации. В Узбекистане цифровизация казначейства находится на этапе становления. Реализуются проекты по автоматизации учета бюджетных операций, внедрению электронных систем госзакупок и созданию платформ для учета межбюджетных операций.

Литература

1. Всемирный банк окажет содействие Узбекистану в развитии цифровой экономики и создании рабочих мест в сфере информацион-

- ных технологий // Группа Всемирного Банка. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2023/11/30/world-bank-to-support-uzbekistan-in-developing-the-digital-economy-and-creating-new-jobs-in-the-it-sector>. – Дата доступа: 20.02.2025.
2. Игликова, Д.Д. Роль казначейства в исполнении государственного бюджета Казахстана в условиях цифровизации экономики / Д.Д. Игликова, А.Е. Майкенова // Экономика и управление: инновационное решение проблем: Материалы международной научно-практической конференции. – Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2019. – С. 196–205.
  3. Костоусова, Ю.А. Цифровизация государственного финансового контроля: институциональный анализ / Ю.А. Костоусова, О.В. Комарова // Журнал экономической теории. – 2019. – № 4. – С. 842–848.
  4. Лукашов, А.И. Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации / А.И. Лукашов // Мир новой экономики. – 2023. – № 4. – С. 6–15.
  5. Об утверждении Положения о Комитете казначейства Министерства финансов Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 1431. // Адилет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G19E0001431>. – Дата доступа: 20.02.2025.
  6. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении положения о казначействе Министерства финансов Республики Узбекистан 20 марта 2007 г.», № 53 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/1145694>. – Дата доступа: 20.02.2025.
  7. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 N 703 (ред. от 03.08.2023) «О Федеральном казначействе» // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50565/db291c5e47ac2c8c220c6f7b-0707974f32dcb201/. – Дата доступа: 20.02.2025.
  8. Романова, Т.Ф. Эффективное управление общественными финансами в условиях цифровой экономики / Т.Ф. Романова, Н.В. Зверева // Финансовые исследования. – 2020. – № 2 (67). – С. 45–54.
  9. Сайфиева, П.О. Система казначейства в нашей стране и пути совершенствования ее деятельности / П.О. Сайфиева, Г.А. Касимова // Central Asian Journal of Innovations on Tourism Management and Finance. – 2022. – 3(10). – С. 221–224.
  10. Самокаева, С.В. Роль Федерального казначейства в цифровизации государственного сектора России / С.В. Самокаева // Вестник науки. – 2024. – № 6 (75). – С. 347–350.
  11. Срожиддинова, З.Х. Система государственных финансов: реформа управления, направления совершенствования в Республике Узбекистан / З.Х. Срожиддинова // Финансовый журнал. – 2023. – № 3. – С. 122–142.
  12. Тюлюпов, Е. Цифровизация против теневой экономики и коррупции / Е. Тюлюпов // Казахстанская правда. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kazpravda.kz/n/tsifrovizatsiya-protiv-tenevoy-ekonomiki-i-korrupsiyi/>. – Дата доступа: 20.02.2025.
  13. Чмут, Г.А. Цифровая трансформация государственного управления на современном этапе / Г.А. Чмут // Вестник университета. – 2022. – № 12. – С. 30–36.
  14. Шодмонкулова, Ш. О.К. Совершенствование методики комплексного мониторинга денежных потоков в казначействе / Ш. О.К. Шодмонкулова // Вестник науки и образования. – 2021. – № 10–2 (113). – С. 32–34.

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE TREASURY INSTITUTE: COMPARISON OF THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN, THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

Mansurova S.O.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article analyzes the digital transformation of the treasury institution in the Republic of Kazakhstan, the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation. The key aspects of digitalization in public finance management are considered, including automation of budget execution processes, public debt management, implementation of electronic procurement platforms and accounting of inter-budget transfers. A comparative analysis of the experience of three countries is carried out, which allows identifying their strengths, limitations and prospects. The key information systems and tools that ensure the digitalization of the treasury institution in the three countries are described.

Keywords: digitalization, budget funds, transparency, treasury, Uzbekistan, Kazakhstan, Russia.

References

1. The World Bank will assist Uzbekistan in developing the digital economy and creating jobs in the field of information technology // World Bank Group. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2023/11/30/world-bank-to-support-uzbekistan-in-developing-the-digital-economy-and-creating-new-jobs-in-the-it-sector>. – Access date: 20.02.2025.
2. Iglukova, D.D. The role of the treasury in the execution of the state budget of Kazakhstan in the context of digitalization of the economy / D.D. Iglukova, A.E. Maikenova // Economy and management: innovative problem solving: Proceedings of the international scientific and practical conference. – Belgorod: Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2019. – P. 196–205.
3. Kostousova, Yu.A. Digitalization of State Financial Control: Institutional Analysis / Yu.A. Kostousova, O.V. Komarova // Journal of Economic Theory. – 2019. – No. 4. – P. 842–848.
4. Lukashov, A.I. Current State and Prospects of Digitalization of State Financial Control Bodies in the Russian Federation / A.I. Lukashov // The World of the New Economy. – 2023. – No. 4. – P. 6–15.
5. On Approval of the Regulation on the Treasury Committee of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan dated December 27, 2019 No. 1431. // Adilet [Electronic Resource]. – Access mode: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/G19E0001431>. – Access date: 20.02.2025.

6. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan "On approval of the regulation on the treasury of the Ministry of Finance of the Republic of Uzbekistan dated March 20, 2007", No. 53 [Electronic resource]. – Access mode: <https://lex.uz/docs/1145694>. – Access date: 20.02.2025.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.12.2004 N 703 (as amended on 03.08.2023) "On the Federal Treasury" // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50565/db291c5e47ac2c8c220c6f7b0707974f32d-cb201/. – Access date: 20.02.2025.
8. Romanova, T.F. Effective management of public finances in the digital economy / T.F. Romanova, N.V. Zvereva // Financial research. – 2020. – No. 2 (67). – P. 45–54.
9. Saifieva, P.O. The treasury system in our country and ways to improve its activities / P.O. Saifieva, G.A. Kasimova // Central Asian Journal of Innovations on Tourism Management and Finance. – 2022. – 3 (10). – P. 221–224.
10. Samokayeva, S.V. The Role of the Federal Treasury in the Digitalization of the Public Sector of Russia / S.V. Samokayeva // Bulletin of Science. – 2024. – No. 6 (75). – P. 347–350.
11. Srozhiddinova, Z. Kh. Public Finance System: Management Reform, Areas of Improvement in the Republic of Uzbekistan / Z. Kh. Srozhiddinova // Financial Journal. – 2023. – No. 3. – P. 122–142.
12. Tyulyupov, E. Digitalization against the Shadow Economy and Corruption / E. Tyulyupov // Kazakhstan Pravda. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://kazpravda.kz/n/tisifrovizatsiya-protiv-tenevoy-ekonomiki-i-korrupsiyi/>. – Access date: 20.02.2025.
13. Chmut, G.A. Digital transformation of public administration at the present stage / G.A. Chmut // Bulletin of the University. – 2022. – No. 12. – P. 30–36.
14. Shodmonkulova, Sh. O.K. Improving the methodology for comprehensive monitoring of cash flows in the treasury / Sh. O.K. Shodmonkulova // Bulletin of Science and Education. – 2021. – No. 10–2 (113). – P. 32–34.

Дисбаланс в правовом сотворчестве органов публичной власти и общественных структур: пути минимизации

Малько Александр Васильевич,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, заслуженный деятель науки РФ
E-mail: alex25-58@mail.ru

Предметом исследования выступает такое состояние правового сотворчества общественных и государственных структур, как дисбаланс, представляющий собой специфическое препятствие в этом процессе. С помощью материалистической диалектики, структурно-функционального, социологического, сравнительно-правового и формально-юридического методов выявлены возможные «дисбалансные» проявления, присущие правовому сотворчеству в России. Доказывается, что подобный дисбаланс – своеобразная форма конфликтной ситуации, которая сдерживает полноценное сотрудничество, в том числе и во взаимодействии институтов гражданского общества и органов публичной власти в правотворческой сфере. Для исследования проблем правового сотворчества этот аспект имеет важное значение, ибо показывает, как субъекты строят свое обозначенное сотрудничество, какие «дисбалансные» проявления могут помешать этому процессу и т.д. Обосновывается, что дисбаланс, как препятствие правовому сотворчеству, необходимо минимизировать, а процессы взаимодействия государственных и общественных структур в рассматриваемой сфере нуждаются в специальном более детальном и системном правовом упорядочении. Важную роль здесь призвана играть правовая политика.

Ключевые слова: Сотрудничество и конфликты, дисбаланс в правовом сотворчестве как форме сотрудничества, доминирование и снижение роли государства, минимизация элементов дисбаланса между субъектами правового сотворчества, правовая культура, сравнительно-правовой анализ.

Введение

В идеале институты публичной власти и общества призваны сотрудничать, конструктивно и плодотворно взаимодействовать на благо друг друга. Вместе с тем в реальной жизни далеко не всегда это происходит, в результате чего устанавливается своеобразный дисбаланс между ними. Это наиболее ярко проявляется в такой форме сотрудничества, как правовое сотворчество.

Однако в современных условиях формирования нового миропорядка, основанного на многополярности, состояние правового сотворчества государственных и общественных структур выступает важным фактором, ибо от его качества зависит эффективность взаимодействия власти и общества, их единство и сплоченность в трудные времена, когда по сути «расшатывается» старая система международных отношений, хаотизируются имеющиеся институты управления.

Сотрудничество и конфликты как парные категории

По нашему мнению, *правовое сотворчество* – это высшая форма сотрудничества в юридической (и особенно в правотворческой) сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правотворческие акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума¹.

Важнейшим признаком правового сотворчества выделим то, что оно – разновидность как творчества, так и в большей степени сотрудничества. Сотрудничать же, согласно словарям, «действовать вместе, принимать участие в общем деле»². Поэтому, естественно, отношения между сторонами в подобных условиях основаны на взаимном понимании, согласии и поддержке.

Однако важно иметь в виду то, что сотрудничество и конфликты теснейшим образом связаны и выступают парными категориями. «Солидарным будет всякое взаимодействие, подчеркивал еще П.А. Сорокин, где стремления обеих сторон совпадают, где одна сторона не только не мешает, но, напротив, помогает достижению стремлений

¹ См.: Малько А.В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3. С. 112.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 750.

другой стороны... Противоположностью солидарному взаимодействию будет взаимодействие антагонистическое. Под ним разумеется такое взаимодействие, где одна сторона мешает или препятствует осуществлению стремлений другой стороны»¹.

Действительно, сотрудничество и конфликты выступают парными категориями, так как: во-первых, это две формы взаимодействия в рамках государственно-правовой жизни общества (сотрудничество – это форма взаимодействия, связанная с совместной деятельностью субъектов по удовлетворению их интересов, это партнерство, кооперация, солидарность; конфликт же – есть форма взаимодействия, связанная со столкновением интересов субъектов права в процессе их удовлетворения, это соперничество, разногласия, споры и иные противоборствующие действия); во-вторых, это прямо противоположные формы взаимодействия (анализируя сотрудничество, мы говорим о действиях, способствующих организации совместной деятельности, когда же рассматриваем конфликты, то речь идет о действиях, создающих преграду совместной деятельности. Вот почему сотрудничество в целом выступает как положительная сторона взаимодействия (ибо интересы всех его участников удовлетворяются и само сотрудничество «работает» на правопорядок), а конфликты – как отрицательная (ибо интересы удовлетворяются лишь одной стороной взаимодействия и тем самым конфликт во многом «умножает» хаос, вносит разлад в социальные связи)); в-третьих, это внутренне диалектически связанные (то есть обладающие неким единством и общей основой) формы взаимодействия. Что касается диалектической связи, то сотрудничество и конфликты не только противоположны друг другу, но и во многом внутренне едины, ибо являются двумя сторонами взаимодействия. Единство заключается в том, что сотрудничество и конфликт – формы взаимодействия, в рамках которых удовлетворяются те или иные интересы субъектов права); в-четвертых, это взаимопроникающие и при определенных условиях переходящие друг в друга формы взаимодействия. Диалектика их взаимопроникновения следующая. Сотрудничество и конфликты, выступая оппозиционными по отношению друг к другу, в то же время каждый противоположен самому себе.

В отличие от сотрудничества, которое в доминанте своей (по преимуществу) имеет позитивное значение, правда с соответствующими сопутствующими негативными моментами, конфликт в доминанте своей (по преимуществу) имеет негативное значение, разумеется, с соответствующими сопутствующими позитивными моментами. В частности, всякое сотрудничество, будучи положительным типом взаимодействия, содержит, наряду с основным позитивом, связанным с партнерством, солидарностью, совместной деятельностью по удовлетворению общих интересов, еще и такой

дополнительный элемент как, например конструктивное соперничество, включающее в себя некие конфликтные моменты, в рамках которого те или иные участники сотрудничества могут пожертвовать удовлетворением своих интересов, признавая приоритет за общими интересами партнеров. Конструктивность соперничества выражается в этой жертвенности (уступке) и в том, что субъекты, препятствуя удовлетворению своих интересов (своего рода внутренний конфликт), хотят оставаться в рамках сотрудничества.

Дополнительный (сопутствующий) элемент сотрудничества связан с тем, что в любой партнерской ситуации остается «место» для некоего конструктивного состязания между субъектами данной формы взаимодействия. Полностью ни одно сотрудничество не может устранить позитивно-конкурентные начала, некое соревнование, ибо далеко не всегда интересы участников сотрудничества абсолютно все учитываются и удовлетворяются. Более того, не всегда есть возможность это сделать.

Всякий же конфликт, как отрицательный тип взаимодействия, содержит, наряду с основным негативом, связанным с противоборством интересов субъектов права, соперничеством, сопряженным подчас с агрессией, с насилием в отношении контрсубъектов, еще и такой дополнительный элемент, как возможный компромисс. В рамках конфликтов интересы его участников находятся в режиме противоборства (сущностная характеристика), хотя это и не исключает сопровождающих его позитивных свойств (но именно как дополнительных), заключающихся в том, что всякий конфликт предполагает ту или иную долю сотрудничества. Дополнительные (сопутствующие) элементы конфликта связаны с тем, что в любой противоборствующей ситуации остается «место» и для определенных совместных действий, для сотрудничества. Полностью ни один конфликт не может устранить основы для подобных деяний. В рамках конфликта конкретный участник подобной формы взаимодействия может препятствовать (мешать) удовлетворению одних интересов контрсубъекта и одновременно содействовать удовлетворению других интересов (то есть опять же уступает в чем-то).

Кроме того, подчас конфликты могут способствовать укреплению социальных связей, ибо ценность конкуренции состоит еще и в том, что она предотвращает «окостенение» государственно-правовой жизни общества, открывает дорогу инновациям (как индикатор слабых сторон жизни) и тем самым может выступать позитивным фактором ее усовершенствования.

Следовательно, парность выражается и в том, что они «функционально» взаимосвязаны: если основное «предназначение» сотрудничества заключается в совместной деятельности по удовлетворению общих интересов при одновременном возможном конструктивном соперничестве между его участниками, то основное «предназначение» конфликтов – в столкновении противоположных ин-

¹ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 23–24.

тересов участников при одновременном компромиссе, который может привести к сотрудничеству позитивному.

Говоря о взаимопроникновении, важно уточнить, что сотрудничество и конфликты – это прямо противоположные (крайние) составляющие взаимодействий. Между ними существуют так называемые «серые зоны», в рамках которых и происходят взаимопереходы из одного состояния в другое, и наоборот. В данных «серых зонах» присутствуют состояния, выражающие собой некие этапы (стадии) трансформации от сотрудничества к его «долям», а затем и к конфликтам в целом. Ситуация, естественно, может быть и обратной¹. Например, в процессе такого взаимодействия как сотрудничество могут возникнуть и развиваться сверх определенной меры элементы соперничества, которые уже перерастают в конфликтные отношения. Или, напротив, в рамках такого взаимодействия как конфликт могут возникнуть и развиваться сверх определенной меры элементы совместных солидарных действий, которые уже перерастают в отношения сотрудничества.

Рассмотренные аспекты диалектики сотрудничества и конфликта самым прямым образом относятся и к проблемам правового сотворчества государства и гражданского общества. Более того, выступают для них методологическими, по сути, требующими учитывать, что «чем больше в системе сотрудничества, тем меньше конфликтов, и наоборот»². Отсюда необходимо иметь в виду возможный дисбаланс между участвующими в этом сотворчестве сторонами, который выступает своеобразным проявлением конфликтной ситуации, препятствуя полноценному сотрудничеству.

Дисбаланс в правовом сотворчестве государства и общества: понятие и формы проявления

Дисбаланс в правовом сотворчестве государственных и общественных структур можно понимать как некий негативный разрушительный процесс, сопровождающийся нарушениями «равновесных» связей и отношений прежде всего между субъектами и снижающий его эффективность. Подобный дисбаланс имеет различные формы своего проявления.

Естественно, устранить полностью данный дисбаланс нельзя по причине того, что на этот процесс воздействует множество факторов. Кроме того, на усиление названного дисбаланса может влиять и разная природа структур публичной власти и гражданского общества как социальных институтов, что обуславливает, например, различия в понимании их интересов и задач³.

¹ См.: Малько А.В. Использование диалектической логики в исследовании сотрудничества и конфликтов в правовой жизни современного общества // Государственно-правовые исследования: Научно-образовательный ежегодник. Тамбов, 2022. Вып. 5. С. 25–28.

² Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права: Монография. М., 2013. С. 200.

³ См.: Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Фе-

Однако состояние дисбаланса в правовом сотворчестве государственных и общественных структур можно и нужно минимизировать, можно и нужно противодействовать ему в целях оптимизации обозначенного процесса. Разумеется, на разных этапах развития нашего общества степень дисбаланса в правовом сотворчестве была разной.

Если, например, в условиях дореволюционной России и СССР государственные начала доминировали практически во всех сферах социальной жизни, в результате чего происходило чрезмерное усиление влияния органов государственной власти в том числе и в правотворческом процессе, то в период так называемых реформ 90-х годов общественное мнение «было подготовлено к впечатлению о том, будто государство – враг гражданского общества и общение с государством следует строить на основе борьбы. В результате институт государства подвергся массивным нападкам беспочвенной части интеллигенции и маргинальных слоев населения и оказался в положении осадной крепости, последовательно сдающей свои позиции»⁴. Действительно, для многих либеральных представителей борьба за гражданское общество, по сути, отождествлялась с борьбой против государства. Отсюда усиление роли первого, по их мнению, возможно лишь за счет соответствующего ослабления второго. «Данное явление имеет, конечно, свои глубокие исторические корни. Многовековая российская история безраздельного господства властных структур способствовала формированию взгляда на государство и гражданское общество как на непримиримых противников. В таком контексте довольно естественным оказывается стремление построить отношения гражданского общества с властью на принципах «игры с нулевой суммой», когда сила и успех одного возможны при слабости и поражении другого»⁵.

Другими словами, речь идет о нездоровом соперничестве, о конфликте, о «перетягивании одеяла на себя» и т.д. При подобных обстоятельствах эффективное сотрудничество (а также качественное правовое сотворчество органов публичной власти и институтов гражданского общества) вряд ли было возможно, в том числе и потому, что был нарушен баланс соответствующих интересов.

В современных же условиях глобальных трансформаций особенно важно иметь понимание того, что государство и общество не оппоненты, а прежде всего партнеры, совместно решающие (способные решать) общие задачи. В противном случае в государственной и социальной системах могут начаться процессы разлада, дезорганизации

дерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2011. С. 3.

⁴ Сорокин В.В. Глобализм вместо права и государственности: Монография. М., 2023. С. 506–507.

⁵ Игнатъев Н.П. Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том. 151, Кн. 1. 2009. С. 134.

или энтропии, что может привести к разрушению общего культурного основания. Подобные риски могут быть минимизированы активизацией процессов взаимопроникновения, что возможно лишь через активный диалог между полюсами, рассматриваемый как альтернатива монологической форме взаимоотношений власти с обществом¹. Отсюда нужно выстраивать соответствующее времени «равновесие» между участниками правового сотворчества, соблюдать меру «вмешательства» в это равновесие со стороны как государственных, так и общественных структур, чтобы избежать разрушительного дисбаланса.

Верно подмечено, что если процесс монололизации «зашкаливает», то творческий потенциал страны, жизненные силы общества подрываются, снижается эффективность принимаемых решений на всех уровнях, ибо при отсутствии обратной связи не находится понимание того, какое решение будет востребованным и правильным. У публичной власти как субъекта принятия решений не будет четких ориентиров для выработки и внедрения этих решений в практическую плоскость, а если это будет так, то за этим последует очередной виток и недоверия, и нигилистического отношения к элементам политико-правовой системы общества. Вряд ли в этом кто-то из участников государственно-правовой жизни может быть заинтересован².

Между тем на балансе в правовом сотворчестве государственных и общественных структур сказываются и следующие обстоятельства. Подчас и внутри самой системы органов публичной власти тоже не всегда сбалансированно: взаимоотношения органов государственной власти и органов местного самоуправления далеко не всегда находятся в гармонии.

Для успешного правового сотворчества всех уровней (от общенационального и до муниципального) важно, чтобы в «рядах» органов публичной власти (от государственных и до муниципальных) было взаимопонимание и согласие. Если же на стороне разных органов публичной власти возникают «разные подходы» к их соотношению, тогда и для правового сотворчества возникнут проблемы. Здесь в качестве примера можно привести неудачную (по мнению отдельных специалистов) формулировку статьи 12 Конституции РФ³, не-

основанно противопоставляющую государство и местное самоуправление. Так, утверждается, что «конструкция статьи 12 Конституции дает повод к противопоставлению органов местного самоуправления органам государственной власти...»⁴.

Однако, на взгляд других исследователей (к мнению которых мы присоединяемся), данная формула, вытекающая из системного толкования статей 3 и 12 Конституции РФ, указывающая на местное самоуправление как на одну из форм народовластия, гарантирующая недопустимость излишнего вмешательства государства в вопросы организации и функционирования муниципальной власти, создает вполне устойчивые ориентиры для развития местного самоуправления в гармоничном взаимодействии с современным, меняющим свой облик государством. Эта формула не призывает к обособленности местного самоуправления от государства, к их противопоставлению друг другу. Будучи одинаково устроены на началах народовластия, они взаимозависимы, заинтересованы друг в друге, находят (должны находить) в друг друга поддержку⁵.

Вполне можно согласиться и с тем, что в условиях правового сотворчества, в частности на муниципальном уровне, важно «держать баланс» (меру) и, с одной стороны, не отделять излишне (чрезмерно) органы местного самоуправления (как органы публичной власти) от государства, а с другой, не подчинять их полностью ему же, ведь органы местного самоуправления не должны превратиться «в один из уровней исполнительной власти»⁶. Действительно, и то, и другое – крайности, которые олицетворяют собой дисбаланс и которые не будут способствовать эффективному осуществлению правового сотворчества на рассматриваемом уровне.

Такая же противоречивая и несбалансированная ситуация может сложиться и на другом «фланге» правового сотрудничества – внутри системы институтов гражданского общества. Например, в лихие годы «демократических реформ» происходили неконструктивные взаимодействия не только между ослабевшим государством и «либерально продвинутыми» (но явно не патриотичными) субъектами гражданского общества, но и внутри самого социума. Подчас противостояние между социально-политическими группами, выступающими за суверенитет России, и структурами, стоящими за «ценности западной демократии» перерастало в острый конфликт. Причем степень конфликтности могла быть «выражена по-разному в различных сегментах гражданского общества: от максимально близкой к противостоянию и про-

¹ Трофимов В.В. Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 9.

² См. об этом: Ахиезер А.С., Шуровский М.А. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 67–68; см. также: Трофимов В.В. Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 9.

³ В соответствии с ней «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

⁴ Зорькин В.Д. Буква и Дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября.

⁵ См.: Баженова О.И. Взаимодействие государства и местного самоуправления в контексте народовластия // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации / Отв. ред. В.А. Виноградов и А.А. Ларичев. М., 2021. С. 78.

⁶ Зубарев С.М. К вопросу об огосударствлении местного самоуправления // Lex russica. 2018. № 12. С. 89.

тивоборству у представителей правозащитных или экологических объединений до взвешенного компромисса у социально-ориентированных организаций и полного сотрудничества у политически-заинтересованных объединений»¹. «Подливала масла в огонь» дисбаланса и низкая политическая и правовая культура граждан, неоднородность и фрагментарность развития институтов гражданского общества на разных уровнях (от общефедерального и регионального до муниципального).

Вместе с тем, институты гражданского общества (в том числе и в рамках правового сообщества) не должны злоупотреблять узкоэгоистическими требованиями. Они должны быть озабочены (если говорить о норме) «сохранением баланса между интересами общества в целом и интересами отдельных институтов и секторов гражданского общества в частности»².

Наступлению дисбаланса в правосотворческом процессе способствует и недостаточная степень урегулирования вовлеченности граждан и их объединений. К сожалению, законодатель часто ограничивается лишь общей констатацией необходимости участия граждан в управлении государством (поскольку данное положение декларировано Конституцией). При этом законодатель определяет формы и методы участия граждан в общем виде и не предусматривает механизмы обеспечения реализации таковых полномочий. Роль государства в коммуникации с гражданским обществом чаще всего ограничивается поддержкой и контролем, но не полноценным взаимодействием. Закона или, по крайней мере, раздела в законе, предусматривающего стройную систему форм и принципов взаимодействия, прав и обязанностей государства и организаций гражданского общества по отношению друг к другу на федеральном уровне не существует³.

Конечно же, отдельные механизмы (но весьма разрозненные и фрагментарные) установлены в действующем законодательстве (в частности, в федеральных законах «Об Общественной палате Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «Об общественных объединениях», «О политических партиях» и некоторых других), закрепляющие те или иные юридические возможности субъектам правового сотворчества взаимодействовать между собой. Например, с одной стороны, институты гражданского общества могут использовать такие формы воздействия на органы публичной власти, как реализация законотвор-

ческой инициативы, участие граждан во всенародных обсуждениях и референдумах, в деятельности общественных советов, созданных при исполнительных органах власти. С другой стороны, законодатель предусматривает воздействие органов публичной власти на институты гражданского общества, что выражается не только в контроле за их деятельностью и в применении по отношению к ним соответствующих законных ограничений, но и в финансовой поддержке при их формировании и функционировании, в предоставлении льгот, в разработке соответствующих государственных программ⁴.

В целом же результаты анализа нормативно-правовой базы позволяют сделать вывод, что регламентация взаимодействия осуществляется по двум самостоятельным направлениям, при этом с преобладанием процессов воздействия со стороны органов власти на гражданское общество, а не взаимодействия⁵.

Меры по минимизации дисбаланса в правовом сотворчестве власти и общества

Между тем нужны не имитации тесного сотрудничества и не одностороннее влияние со стороны государства в отношении граждан и их объединений, а полноценное реальное взаимодействие субъектов правового сотворчества. Еще в 2016 году В.В. Путин высказал идею о том, что важно обеспечивать максимальное вовлечение институтов гражданского общества в реализацию государственной политики, а власти требуется поддерживать гражданские инициативы, выстраивать отношения на основе взаимной ответственности и взаимной вовлеченности⁶. Поэтому требуется специальная правовая политика в этой сфере, которая бы на научной основе, последовательно и системно формировала механизмы именно взаимодействия данных субъектов. Подобная политика осуществляется в доктринальной, правотворческой, правоприменительной, воспитательно-обучающей и иных формах реализации.

На доктринальном уровне «требуется выработать компетентный подход к построению и совершенствованию алгоритма взаимодействия (коммуникации) государства и гражданского общества в области государственно-правового строительства, обоснованию существующих политических и правовых ресурсов в этой сфере, а также разработке новых коммуникативных механизмов, которые позволяют гражданам действительно стано-

¹ Никовская Л.И., Якимец В.Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 103.

² Игнатьев Н.П. Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том. 151, Кн. 1. 2009. С. 134–135.

³ См.: Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: Монография / Под общей ред. А.И. Кузьмина и Л.И. Ворониной. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 17–19.

⁴ См. об этом подробнее: Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2011. С. 17.

⁵ См.: Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: Монография / Под общей ред. А.И. Кузьмина и Л.И. Ворониной. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 20.

⁶ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2016.

виться «соавторами» законов и быть ответственными за все, что осуществляется в социальной (социально-политической и правовой) действительности»¹.

На уровне правотворчества нужен либо отдельный федеральный закон, либо комплекс юридических норм, установленных в разных законах и подзаконных актах, детально и системно регламентирующих механизмы правового сотворчества государственных и общественных структур.

На уровне правоприменения компетентные органы должны контролировать таких субъектов правового сотворчества, которые либо не хотят нормально сотрудничать и больше склонны к противоборству, либо выступают стороной, которая нуждается в постоянной «правозащитной опеке». Так, те организации, кто выступил носителем разнообразных конфликтов, кто своими действиями противоречил интересам не только власти, но и общества в целом, соответствующие госструктуры стали «отменять». Речь идет, в частности, о так называемом «правозащитном» «Мемориале», об «экологической» организации «Гринпис», о ЛГБТ-движении и т.д. и т.п., которые на самом деле при западной финансовой и организационно-технической поддержке выполняли враждебные функции в отношении нашей страны. В качестве примера можно взять деятельность такой, казалось бы невинной на первый взгляд, организации, как «Гринпис», активисты которой сначала под видом борьбы за экологию в России регулярно формировали негативное общественное мнение и мешали осуществлению выгодных стране инфраструктурных энергетических проектов, а затем их сомнительные акции стали сопровождаться активным продвижением политической позиции, попытками вмешательства во внутренние дела государства. С начала СВО «гринписовцы» занимались антироссийской пропагандой, призывали к дальнейшей экономической изоляции России и ужесточению санкций. Их усилия были направлены на дестабилизацию общественно-политической обстановки и смены власти в стране неконституционным путем. Фонд финансировал «наших» иностранных агентов, а также на полном серьезе предлагал «помощь» со своей стороны в деле изменения законодательства в ущерб российским интересам. Такого «правового сотворчества» нам явно не нужно, вот почему деятельность этой организации, представляющей угрозу основам конституционного строя и безопасности России, была признана Генеральной прокуратурой нежелательной на территории РФ².

Важно также обращать внимание, в частности Конституционного Суда РФ, на необходимость постоянной защиты «наиболее слабой стороны» в си-

¹ Трофимов В.В. Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 10.

² См.: Егоров И. Опасные экологи. Прокуратура признала «Гринпис» нежелательной организацией // Российская газета. 2023. 22 мая.

стеме органов публичной власти – местного самоуправления – источника и оплота народовластия, на фоне возможных расширяющихся политико-административных практик его чрезмерного огосударствления³. Однако судебные структуры не всегда могут снять симптомы того или иного дисбаланса, что в конечном счете сказывается на правовом развитии общества в целом. Правильно замечено, что «если законодатель избыточно вмешивается в основополагающие права, а конституционная юстиция неспособна противостоять такой чрезмерности, правовая система деградирует»⁴.

В рамках воспитательно-обучающей формы реализации правовой политики следует поднимать уровень правовой культуры субъектов правового сотворчества, которая позволяет избегать крайностей, «уходить» в тот или иной вид дисбаланса. Должностные лица органов публичной власти и граждане выступают полноправными участниками такого сотворчества во многом тогда, когда степень их правовой культуры возрастает, которая стоит «на страже» баланса в этом процессе и сопряжена с их активностью и ответственностью. В этом смысле далеко не случайно В.В. Путин на встрече с Председателем Государственной Думы РФ и лидерами фракций поблагодарил творцов права за работу, подчеркнув, что уровень парламентской культуры становится все более высоким и «не позволяет переходить к каким-то крайностям»⁵.

Заключение

Таким образом, дисбаланс может выражаться в следующих крайностях: а) в излишнем доминировании государственных структур над общественными; б) в искусственном противопоставлении институтов гражданского общества ослабшему государству (как его своеобразному «врагу»); в) в рамках системы органов публичной власти, в частности на муниципальном уровне, важно «держат баланс» и, с одной стороны, не отделять чрезмерно органы местного самоуправления от государства, а с другой, не подчинять их полностью ему же; г) в рамках системы институтов гражданского общества тоже может сложиться несбалансированная ситуация между социально-политическими группами, выступающими, с одной стороны, за суверенитет России, а с другой, за «ценности западной демократии».

Как показывает практика, в правовом сотворчестве возможны не только элементы сотрудничества, но и конфликтных ситуаций, трансформиру-

³ См.: Баженова О.И. Взаимодействие государства и местного самоуправления в контексте народовластия // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации: Монография / Отв. ред. В.А. Виноградов и А.А. Ларичев. М., 2021. С. 80.

⁴ Должников А.В. Конституционный принцип соразмерности: междисциплинарный подход // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 10.

⁵ Замахина Т. Послание в главном чтении. Президент и законодатели обсудили итоги думской сессии // Российская газета. 2023. 18 декабря.

ющиеся в различного рода дисбалансы. Субъекты сотворческого процесса не должны подавлять друг друга, а наоборот, уважать и поддерживать, видеть в своем контрагенте сильных и ответственных участников. В противном случае любая абсолютизация (преобладание, доминирование и т.д.) влияния одного актора во взаимодействии с иным вызывает его ослабление. Верно подмечено, что «чрезмерная степень подчиненности друг другу и высокая интенсивность усвоения чужих структур может привести к потере уникальности и индивидуальности человека, а тем самым, к подрыву нашей власти, ведь способом существования власти выступает автономия и суверенность»¹. Это распространяется и на коллективных правосотворческих субъектов.

Чтобы не допустить крайностей (нарушений меры) и нужен определенный баланс в правовом сотворчестве государственных и общественных структур, который необходимо вырабатывать и защищать в рамках соответствующих форм реализации правовой политики. Право же в этой связи может восприниматься как нормативное средство минимизации вышеназванных дисбалансов.

Литература

1. Ахиезер А.С., Шуровский М.А. От диалога к диалогизации (в свете концепции В. Библера) // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 67–68.
2. Бадретдинов З.А. Власть и взаимодействие // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. Вып. 14. № 33. С. 31.
3. Баженова О.И. Взаимодействие государства и местного самоуправления в контексте народовластия // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации: Монография / Отв. ред. В.А. Виногорадов и А.А. Ларичев. Москва, 2021. С. 80.
4. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2011. С. 3, 17.
5. Должников А.В. Конституционный принцип соразмерности: междисциплинарный подход // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 47. С. 10.
6. Егоров И. Опасные экологи. Прокуратура признала «Гринпис» нежелательной организацией // Российская газета. 2023. 22 мая.
7. Замахина Т. Послание в главном чтении. Президент и законодатели обсудили итоги думской сессии // Российская газета. 2023. 18 декабря.
8. Зорькин В.Д. Буква и Дух Конституции // Российская газета. 2018. 9 октября.

¹ Бадретдинов З.А. Власть и взаимодействие // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2009. Вып. 14. № 33. С. 31.

9. Зубарев С.М. К вопросу об огосударствлении местного самоуправления // Lex russica. 2018. № 12. С. 89.
10. Игнатъев Н.П. Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Том. 151, Кн. 1. 2009. С. 134–135.
11. Институционализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях: Монография / Под общей ред. А.И. Кузьмина и Л.И. Ворониной. Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 17–19.
12. Малько А.В. Использование диалектической логики в исследовании сотрудничества и конфликтов в правовой жизни современного общества // Государственно-правовые исследования: Научно-образовательный ежегодник. Тамбов, 2022. Вып. 5. С. 25–28.
13. Малько А.В. Правовое сотворчество как высшая форма сотрудничества органов государства и институтов гражданского общества // Правовая культура. 2024. № 3. С. 112.
14. Никовская Л.И., Якимец В.Н. От конфликта к межсекторному партнерству // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 103.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва, 1991. С. 750.
16. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2016.
17. Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. Москва, 1994. С. 23–24.
18. Сорокин В.В. Глобализм вместо права и государственности: Монография. Москва, 2023. С. 506–507.
19. Трофимов В.В. Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2.
20. Филиппова С.Ю. Инструментальный подход в науке частного права: Монография. Москва, 2013. С. 200.

IMBALANCE IN LEGAL CO-CREATION OF PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC STRUCTURES: WAYS TO MINIMIZING

Malko A.V.
Derzhavin Tambov State University

The subject of the study is such a state of legal co-creation of public and state structures as imbalance, which is a specific obstacle in this process. Using materialistic dialectics, structural-functional, sociological, comparative-legal and formal-legal methods, possible “imbalance” manifestations inherent in legal co-creation in Russia are identified. It is proved that such imbalance is a peculiar form of a conflict situation that hinders full-fledged cooperation, including in the interaction of civil society institutions and public authorities in the law-making sphere. For the study of problems of legal co-creation, this aspect is important, because it shows how the subjects build their designated cooperation, what “imbalance” manifestations can

hinder this process, etc. It is substantiated that imbalance, as an obstacle to legal co-creation, must be minimized, and the processes of interaction between state and public structures in the area under consideration require special, more detailed and systemic legal regulation. Legal policy is called upon to play an important role here.

Keywords: Cooperation and conflicts, imbalance in legal co-creation as a form of cooperation, dominance and reduction of the role of the state, minimization of elements of imbalance between subjects of legal co-creation, legal culture, comparative legal analysis.

References

1. Ahiezer A.S., SHurovskij M.A. Ot dialoga k dialogizacii (v svete koncepcii V. Biblera) // Voprosy filosofii. [From Dialogue to Dialogization (in Light of V. Bibler's Concept)] // Questions of Philosophy] 2005. No. 3. Pp. 67–68.
2. Badretdinov Z.A. Vlast' i vzaimodejstvie // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya. [Power and Interaction // Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Cultural Studies] 2009. Issue. 14. No. 33. Pp. 31.
3. Bazhenova O.I. Vzaimodejstvie gosudarstva i mestnogo samoupravleniya v kontekste narodovlastiya // Narodovlastie kak konstitucionnaya cennost': pravovoe regulirovanie i garantii realizacii: Monografiya [Interaction of the State and Local Self-Government in the Context of Popular Power // Popular Power as a Constitutional Value: Legal Regulation and Guarantees of Implementation: Monograph] / edited by V.A. Vinogradov i A.A. Larichev. Moskva, 2021. P. 80.
4. Grib V.V. Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii: Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk. [Interaction of government bodies and civil society institutions in the Russian Federation: Abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law] Moskva, 2011. P. 3, 17.
5. Dolzhnikov A.V. Konstitucionnyj princip sorazmernosti: mezhdisciplinarnyj podhod // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. [Constitutional principle of proportionality: an interdisciplinary approach // Journal of Perm University. Legal sciences] 2020. Issue 47. P. 10.
6. Egorov I. Opasnye ekologi. Prokuratura priznala «Grinpis» nezhelatel'noj organizaciej // Rossijskaya gazeta. 2023. 22 maya. [Dangerous environmentalists. The prosecutor's office recognized Greenpeace as an undesirable organization // Rossiyskaya Gazeta. 2023. May 22.]
7. Zamahina T. Poslanie v glavnom chtenii. Prezident i zakonodately obsudili itogi dumskoj sessii // Rossijskaya gazeta. 2023. 18 dekabrya. [Message in the main reading. The President and legislators discussed the results of the Duma session // Rossiyskaya Gazeta. 2023. December 18.]
8. Zor'kin V.D. Bukva i Duh Konstitucii // Rossijskaya gazeta. 2018. 9 oktyabrya. [Letter and Spirit of the Constitution // Rossiyskaya Gazeta. 2018. October 9.]
9. Zubarev S.M. K voprosu ob ogosudarstvlenii mestnogo samoupravleniya [On the issue of nationalization of local self-government] // Lex russica. 2018. No. 12. P. 89.
10. Ignat'ev N.P. Institucionalizaciya dialoga vlasti i grazhdanskogo obshchestva v sovremennoj Rossii: problemy, perspektivy // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. [Institutionalization of dialogue between government and civil society in modern Russia: problems, prospects // Scientific notes of Kazan State University. Humanities.] Vol. 151, Book 1. 2009. Pp. 134–135.
11. Institucionalizaciya vzaimodejstviya grazhdanskogo obshchestva s publichnoj vlast'yu v publichno-pravovykh obrazovaniyah: Monografiya [Institutionalization of interaction between civil society and public authorities in public-law entities: Monograph] / under common edition of A.I. Kuz'min and L.I. Voronina. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2018. Pp. 17–19.
12. Malko A.V. Ispol'zovanie dialekticheskoy logiki v issledovanii sotrudnichestva i konfliktov v pravovoj zhizni sovremenno go obshchestva // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya: Nauchno-obrazovatel'nyj ezhegodnik. [Use of dialectical logic in the study of cooperation and conflicts in the legal life of modern society // State and legal research: Scientific and educational yearbook] Tambov, 2022. Issue 5. Pp. 25–28.
13. Malko A.V. Pravovoe sotvorchestvo kak vysshaya forma sotrudnichestva organov gosudarstva i institutov grazhdanskogo obshchestva // Pravovaya kul'tura. [Legal co-creation as the highest form of cooperation between state bodies and civil society institutions // Legal Culture] 2024. No. 3. Pp. 112.
14. Nikovskaya L.I., YAkimec V.N. Ot konflikta k mezhshektornomu partnerstvu // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. [From conflict to intersectoral partnership // Journal of sociology and social anthropology] 2003. Vol. VI. No. 1. Pp. 103.
15. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. [Dictionary of the Russian language] Moskva, 1991. P. 750.
16. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF 2016 [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation 2016].
17. Sorokin P.A. Obshchedostupnyj uchebnik sociologii. Stat'i raznykh let. [Publicly available textbook of sociology. Articles from different years] Moskva, 1994. Pp. 23–24.
18. Sorokin V.V. Globalizm vmesto prava i gosudarstvennosti: Monografiya. [Globalism instead of law and statehood: Monograph] Moskva, 2023. Pp. 506–507.
19. Trofimov V.V. Ideya verhovenstva prava v gosudarstve i social'no-vlastnyj dialog v pravotvorcheskoj ploskosti kak faktor ee osushchestvleniya // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. [The idea of the rule of law in the state and the social-power dialogue in the law-making plane as a factor in its implementation // The rule of law: theory and practice] 2023. No. 2.
20. Filippova S.YU. Instrumental'nyj podhod v nauke chastnogo prava: Monografiya. [Instrumental approach in the science of private law: Monograph.] Moskva, 2013. P. 200.

Ответственность за нарушение исключительных прав в гражданском законодательстве стран ЕАЭС

Канатов Танат Канатович,

докторант, кафедра гражданского права МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: natan82008@mail.ru

В статье рассматриваются проблемные аспекты ответственности за нарушение исключительных прав в гражданском законодательстве стран ЕАЭС. Следует отметить, о том, что перед наукой гражданского права на каждом этапе ее развития всегда стояли конкретные проблемы, определяемые политическими, экономическими, социально-культурными и научно-техническими потребностями общества. Среди их большого разнообразия существуют такие, которые являются ключевыми для юридической науки на любом этапе ее развития. К их числу можно с полным основанием отнести исследование проблемных аспектов ответственности за нарушение исключительных прав в гражданском законодательстве стран ЕАЭС. В юридической теории данные вопросы обсуждаются на протяжении нескольких лет, в статье отражены наиболее весомые теоретические выкладки выдающихся ученых по данным правовым спорным вопросам различных эпох.

Цель: Исследовать актуальные проблемные аспекты ответственности за нарушение исключительных прав в гражданском законодательстве стран ЕАЭС.

Методология: При написании статьи были применены системно-структурные, конкретно-социологические, историко-правовые, социально-правовые, сравнительно-правовые, статистические методы работы.

Результаты: Предложения и выводы, основанные на проведенном анализе законодательства стран ЕАЭС, в частности законодательство Российской Федерации, Республики Казахстана, Беларуси, Армении, Кыргызстана.

Ключевые слова: ответственность, исключительные права, гражданское законодательство, ЕАЭС.

Создание эффективного механизма защиты исключительных прав является одной из наиболее сложных задач развития региональной концепции исключительных прав ввиду ее дуалистической природы: способы защиты исключительных прав, с одной стороны, должны отвечать потребностям развития экономики, а с другой, – соответствовать социально-психологическим ожиданиям правообладателей. Еще одной актуальной задачей является создание оптимальных условий применения результатов интеллектуальной деятельности в странах ЕАЭС в целях развития научного и технологического прогресса в рамках гармонизированного, а желательно унифицированного правового поля.

Проблема в том, что защита исключительных прав осуществляется в странах Союза в различных формах и разными способами, что актуализирует как разграничение мер защиты и мер ответственности, так и соотношения ответственности в различных отраслях права: гражданском, административном и уголовном.

К основным формам защиты права относятся судебная и внесудебная [1], что характерно для всех стран Союза. Наибольший интерес представляет собой внесудебная защита прав субъектов исключительного права, поскольку она содержит элементы как материально-правового, так и процессуально-правового порядка. Материально-правовое содержание права на защиту включает:

1) право человека использовать против правонарушителя и для защиты своего права собственные разрешенные законом принудительные действия фактического порядка;

2) право управомоченного лица самому применять к правонарушителю меры оперативного воздействия;

3) право обратиться к органам государственной власти и местного самоуправления либо общественных объединений с требованием принудить обязанное лицо к правомерному обязательному поведению;

4) право обратиться в межгосударственные органы [2].

Процессуальной составляющей права на защиту является:

1) право правообладателя обратиться за защитой нарушенного права в любой орган государственной власти и местного самоуправления или общественного объединения в любой законной форме;

2) право на пользование любыми предусмотренными законом процессуальными правами и проце-

дурами, установленными для данной конкретной формы защиты права;

3) право на обжалование в судебном, административном либо общественном порядке решения компетентного органа по конкретному делу [3].

Судебная форма защиты права традиционно является основной и обеспечивается непосредственно государственным принуждением к исполнению соответствующих обязанностей, подтверждаемых актом по применению права [4]. При этом, гражданская процессуальная форма применительно к сфере исключительных прав является универсальной, в ее рамках рассматриваются все дела подсудные гражданскому процессу, как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами. Третейский суд избирается по соглашению сторон для разрешения конкретного гражданско-правового спора с обязательством каждой из сторон подчиниться решению этого суда.

Способы защиты гражданских прав помещены российским законодателем в ст. 12 ГК РФ, их перечень является открытым, но не разграничивает меры защиты и ответственности. Исследование данного вопроса в юридической литературе говорит о том, что меры защиты принято относить к регулятивным способам. Общие нормы размещены в ст. 11 «Судебная защита гражданских прав», ст. 12 «Способы защиты гражданских прав», ст. 14 «Самозащита гражданских прав», ст. 15 «Возмещение убытков», ст. 309 «Общие положения», ст. 1065 «Предупреждение причинения вреда» и другие.

Меры ответственности относятся к категории охранительных, применяемых только при наличии правонарушения (например, ст. 401 «Основания ответственности за нарушение обязательства», ст. 445 «Заключение договора в обязательном порядке», ст. 1064 «Общие основания ответственности за причинение вреда» ГК РФ). Кроме того, «ответственность никогда не бывает безличной, она всегда связана с субъектом» [5].

Правовая категория «правонарушение» понимается в юридической литературе как «деяние, поведение, поступки людей, действия или бездействия; деяние – внешне объективированный акт, выражаемый и воспринимаемый как отношение субъекта к реальной действительности, другим субъектам, государству, обществу» [6]; «поведение, которое нарушает императивные нормы права либо санкционированные законом условия договоров» [7].

Что касается юридической ответственности, то в справочной литературе слово «ответственность» трактуется как необходимость и обязанность отдавать кому-нибудь отчет по поводу своих действий, поступков, нести ответственность, отвечать за плохой поступок [8].

Юридическая ответственность есть реакция на правонарушение, основание юридической ответственности [9]. Юридический состав правонарушения всегда есть комплекс взаимосвязанных

компонентов: 1) субъект; 2) субъективная сторона; 3) объективная сторона; 4) объект [10].

В научной литературе юридическую ответственность понимают различно: это обязанность отвечать (или давать отчет) за свои противоправные действия [11], необходимость держать ответ за неисполнение правовой обязанности, существовавшей в том же правоотношении или вне его; необходимость, которая возникает и прекращается вследствие наступления определенных юридических фактов [12]; меры государственного или общественного принуждения, включая понуждение должника к исполнению принятой на себя обязанности в натуре [13]; «применение к правонарушителю предусмотренных санкцией юридической нормы мер государственного принуждения, выражающихся в форме лишения личного, организационного либо имущественного характера» [14].

В то же время правонарушитель может добровольно возложить на себя ответственность, соответственно, правонарушение всегда влечет за собой ответственность, но не всегда указывает на необходимость применения мер государственного принуждения [15]. С учетом данного обстоятельства одним из спорных вопросов является существование двух форм юридической ответственности – позитивной (проспективной) и негативной (ретроспективной). В теории права давно исследуются понятия позитивной и негативной юридической ответственности и их соотношение.

Традиционно юридическая ответственность является ответственностью за прошлое, за совершенное противоправное деяние» [16], ранее она могла быть только ретроспективной. Ретроспективный подход предполагает, что юридическая ответственность возникает из правонарушения и представляет собой правоотношение между государством (представленным его специальными органами и институтами) и правонарушителем, на которого возлагается «обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение» [17].

Под позитивной ответственностью понимается не ответственность лица, совершившего правонарушение, а правомерное поведение лица, не совершающего правонарушений, точнее «способность человека предвидеть результаты своей деятельности и определять ее исходя из того, какую пользу или вред она принесет обществу», как «осознание своего долга перед обществом и государством» [18].

Таким образом, если юридическая ответственность в ретроспективном аспекте – это реакция на правонарушение, то ответственность в общем значении будет являться реакцией на поведение. Перспективная юридическая ответственность должна выражаться в готовности лица принять на себя реакцию за выбранный вариант поведения.

Позитивный и негативный аспекты юридической ответственности необходимо рассматривать в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Сведение юридической ответственности к одной из этих сторон означает «сужение объема ее содержания и неизбежно ведет к ошибкам» [19]. Если юридическая ответственность является одним из видов социальной ответственности, то нет оснований рассматривать ее только в одном аспекте (ретроспективном).

Анализируя соотношение различных видов юридической ответственности за нарушения исключительных прав, следует принимать во внимание, что правило о защите рассматриваемой категории прав в административном, гражданском и уголовном порядке прямо установлено в п. 2 ст. 22 МКИС СНГ. Этому правилу следуют все страны ЕАЭС, закрепив в своем национальном законодательстве как нормы о защите, так и положения о соответствующих видах ответственности.

Общим для стран Союза является то, что юридическая ответственность за нарушение исключительных прав основывается на строгом соблюдении принципов законности, основных прав и свобод человека и гражданина.

Принцип законности – это неременное условие эффективного функционирования механизма государства, должностных лиц, правомерного поведения граждан. Этот принцип в законодательстве стран ЕАЭС является конституционным и закреплён в соответствующих статьях Основных законов, отраслевых нормах и международных правовых актах.

Но отраслевые нормы ответственности за нарушение исключительных прав объективно имеют между собой отличия. Скажем, уголовная ответственность является более жесткой по отношению к административной и гражданско-правовой ответственности, а административная содержит более строгие санкции за схожие составы правонарушений по сравнению с гражданско-правовой ответственностью.

Отличия между видами юридической ответственности проявляются, прежде всего, на уровне терминологического аппарата, если в административном и уголовном праве употребляется понятие «наказание», то в гражданском праве оно отсутствует. В то же время сближает отраслевые понятийные аппараты использование термина «нарушение».

Понятие «меры ответственности за нарушение исключительных прав» отражено в п. 3 ст. 1250 ГК РФ, а к нарушениям прав интеллектуальной собственности в административном праве относится ст. 20 «Нарушения права интеллектуальной собственности» МКИС СНГ, включающая несколько видов нарушений: имущественных прав; пиратство; плагиат; ввоз на таможенную территорию объектов ИС без разрешения правообладателей; совершение действий, создающих угрозу нарушения прав ИС; совершение действий, направленных на умышленный обход технических средств защиты прав ИС, а также изготовление, распространение, ввоз с целью распространения и применения средств для такого обхода; распространение, ввоз

на таможенную территорию с целью распространения объектов ИС, на которых незаконно изменена, или отсутствует информация о действительном правообладателе на данный объект; подделку, незаконное изменение или изъятие с объекта ИС информации о действительном правообладателе на данный объект.

Вместе с тем, отличает гражданское и административное законодательство отношение к публичному праву, в административном при регулировании отношений и применении мер ответственности подчеркивается государственно-властная воля, проявляющаяся в применении методов власти и подчинения, в гражданском законодательстве стороны наделены равными правами, обязанностями и возможностями реализации своих прав.

В гражданском праве допускается использование обычаев делового оборота, аналогии закона и права (статьи 5–6 ГК РФ), что совершенно исключено в рамках применения норм административного и уголовного законодательства. Если уголовное законодательство ставит своей целью восстановить социальную справедливость, то административное нацелено на предотвращение новых правонарушений, а гражданское – на компенсацию причиненного вреда.

Есть несоответствия и по давности привлечения к ответственности в различных отраслях права. Так, постановление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении 2-х месяцев (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, – по истечении 3-х месяцев) со дня совершения административного правонарушения за нарушение патентного и антимонопольного законодательства (Постановление КС РФ от 15.01.2019 № 3-П) [20]. Протоколы об административных правонарушениях составляют должностные лица органов внутренних дел, таможенных и контрольно-надзорных органов (п. 1 и 12 ч. 2 ст. 28.3, п. 63 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ).

Срок исковой давности (срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено) в гражданском праве, как правило, составляет 3 года (п. 1 ст. 196, ст. 200 ГК РФ), он не может превышать 10 лет со дня нарушения права (п. 2 ст. 196 ГК РФ). Для отдельных видов требований могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком (п. 1 ст. 197 ГК РФ). Соглашением сторон изменить срок исковой давности нельзя (ст. 198 ГК РФ).

Приступая к более детальному анализу гражданско-правовой ответственности в странах ЕАЭС, необходимо учитывать, что в отличие от административного и уголовного, гражданское право регулирует главным образом имущественные отношения. В основе этого регулирования лежит равенство, автономия воли и имущественная самостоятельность участников имущественных отношений (п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Общей нормы о понятии гражданско-правовой ответственности гражданские кодексы стран ЕАЭС не содержат. В юридической литературе относительно этого понятия единства мнений не достигнуто. Под гражданско-правовой ответственностью понимают санкции, которые связаны с дополнительными обременениями для правонарушителя [21], одну из форм государственного принуждения, «состоящую во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций, перелагающих на правонарушителя невыгодные имущественные последствия его поведения и направленных на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего» [22].

Однако, такие определения (в ретроспективном аспекте) оставляют за чертой гражданско-правовой ответственности добровольное возмещение должником убытков, если они произведены не под угрозой принуждения, а в силу внутренней убежденности должника в необходимости их возмещения.

По мнению О.С. Иоффе, гражданско-правовая ответственность есть вид санкции за совершенное правонарушение, влекущее последствия в виде лишения имущественного или личного характера [23]. К особенностям гражданско-правовой ответственности Иоффе отнес: право нарушителя самостоятельно и добровольно устранить последствия совершенного им деяния; возможность применения санкции непосредственно контрагентами, если таковые установлены в законе или закреплены в договоре, без непосредственного обращения в государственные органы [24].

Это определение не охватывает все особенности гражданско-правовой ответственности, особенно если речь идет о нарушении исключительных прав. Например, возникают ситуации, когда продавец не может проверить на юридическую чистоту реализуемые им объекты ИС. Если производитель дает ложную гарантию, продавец по факту реализует контрафактные товары и становится нарушителем исключительных прав.

Квалифицирующим признаком (основанием) ответственности за нарушения права выступает вина, в силу чего именно вину надлежит учитывать в составе правонарушения для применения мер ответственности [25]. Вместе с тем, лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (п. 2 ст. 1064 ГК РФ).

Однако, в исключительном праве отсутствие вины нарушителя не освобождает его от обязанности прекратить нарушение, а также предусматривает применение в отношении нарушителя мер, направленных на защиту таких прав (п. 3 ст. 1250 ГК РФ).

Таким образом, под гражданско-правовой ответственностью следует понимать вид юридической ответственности, имеющей ретроспективно-позитивный характер и направленной, во-первых, на восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего, во-вторых, – на применение к правонарушителю дополнительного имуществен-

ного обременения, которое возместит причиненный ущерб; в-третьих, на применение мер взыскания за правонарушение к его инициатору и/или конечному нарушителю.

В качестве признаков, позволяющих объединить нормы, регулирующие отношения гражданско-правовой ответственности в отдельный правовой субинститут, выступают:

- 1) специфика предмета правового регулирования;
- 2) наличие особых функций;
- 3) специфический субъектный состав;
- 4) в отдельных случаях – особый порядок применения мер гражданско-правовой ответственности [26].

Классификация видов гражданско-правовой ответственности осуществляется по различным критериям, избираемым в зависимости от оснований возникновения: договорные и внедоговорные (деликтная); в зависимости от характера распределения ответственности нескольких лиц: долевая, солидарная и субсидиарная; в зависимости от вины сторон: ответственность за свою вину, ответственность за действия третьих лиц, смешанная ответственность; в случаях, специально предусмотренных законом: ответственность в порядке регресса, ответственность, наступающая независимо от вины сторон.

В общем случае гражданско-правовая ответственность выражается:

- в компенсационной форме, то есть в виде возмещения пострадавшему понесенного ущерба (например, возмещение убытков в порядке ст. 15 ГК РФ, а также компенсацию морального вреда для физических лиц).

Ответственность за причинение морального вреда, как правило, наступает независимо от вины причинителя, состоит в денежной и осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда (ст. 1099–1101 ГК).

Другое дело, что, несмотря на то, что п. 11 ст. 152 ГК РФ прямо сказано, что к защите деловой репутации компании применяются те же правила, что действуют в отношении защиты прав граждан, за исключением положений о компенсации морального вреда, до сих пор в суды продолжали удовлетворять требования о компенсации морального вреда, так как согласно ст. 15 Конституции РФ составной частью российской правовой системы является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, в том числе с учетом практики Европейского Суда по правам человека. С 2015 г. судам при рассмотрении дел о возмещении юридическим лицам морального вреда надлежит учитывать Определение ВС РФ от 17 августа 2015 г. № 309-ЭС15–8331 [27];

- в штрафной форме, направленной на наказание виновной стороны за допущенные отступления от условий договора или норм закона. Например, выплата неустойки (ст. 330 ГК РФ);
- в форме запрета, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (ст. 1065 ГК РФ);

- в виде принуждения к чему-либо. К примеру, понуждение в порядке ст. 445 ГК РФ к заключению договора;
- в иных формах, предусмотренных законодательством.

Возмещение убытков носит имущественный характер [28] и тем самым отличается от ответственности в сфере личных неимущественных правоотношений, которое может носить и неимущественный характер. М.М. Агарков справедливо указал, что обеспечительные средства обладают значительной самостоятельностью [29].

Способами обеспечения обязательств могут выступать «установленные законом или договором меры имущественного характера, существующие в виде акцессорных обязательств, стимулирующие должника к исполнению обязательства и (или) иным образом гарантирующие защиту имущественного интереса кредитора в случае неисполнения должника». Эти способы призваны «создать такие условия, при которых обязательства исполнялись бы надлежащим образом и (или) гарантировался бы имущественный интерес кредитора» [30].

В отличие от Основ гражданского законодательства 1991 г. перечень способов обеспечения исполнения обязательств, установленный в действующем ГК РФ, является открытым. Помимо предусмотренных в законе, стороны, руководствуясь принципами диспозитивности и свободы договора, могут применить другие юридические конструкции. Например, в соответствии с Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 07 июля 2004 г. № 78 [31], арбитражный суд удовлетворяет заявление о применении предварительных обеспечительных мер, если заявитель мотивировал, хотя бы одно из оснований их применения, предусмотренных п. 2 ст. 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – «АПК РФ»).

Литература

1. Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: автореф. ... канд. юрид. наук; 12.00.01 / Т.Б. Шубина. – Самара, 1997. С. 21.
2. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 152.
3. Новгородова Ю.Н. Несудебная защита прав человека: дис. ... канд. юрид. наук; 12.00.01 / Ю.Н. Новгородова. – Тамбов, 2006. С. 22.
4. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты / Д.М. Чечот. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 67.
5. Муздыбаев К. Психология ответственности / Под ред. В.Е. Семенова/ К. Муздыбаев. – М.: Либроком, 2010. С. 10.
6. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность / Н.С. Малеин. – М.: Юрид. лит., 1985. С. 8.
7. Суханов Е.А. Гражданско-правовая ответственность / Гражданское право. В 2 т. Т.1. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Е.А. Суханов. – М.: БЕК, 2003. С. 440.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А-ТЕМП», 2007. С. 468.
9. Теория государства и права: Схемы и комментарии: Учебное пособие. – М.: Юриспруденция, 2000. С. 98.
10. Юридическая ответственность: проблемы теории и практики. Сборник научных трудов. – Минск, 1996. С. 86.
11. Черданцев А. Ф. О понятии и содержании юридической ответственности / А.Ф. Черданцев, С.Н. Кожевников // Правоведение. – 1976. – № 5. – С. 40.
12. Тархов В.А. Понятие юридической ответственности / В.А. Тархов // Правоведение. – 1973. – № 2. – С. 33–40.
13. Ойгензихт В.А. Юридическая ответственность и законность: Очерк теории / В.А. Ойгензихт, Л.С. Явич, С.Н. Братусь. – М.: Юрид. лит., 1976. С. 83.
14. Теория государства и права: Учеб. для вузов / Алексеев С.С., Архипов С.И., Игнатенко Г.В. и др. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2002. С. 350.
15. Курылев С.В. Санкция как элемент правовой нормы / С.В. Курлев // Советское государство и право. – 1964. – № 8. – С. 47–48.
16. Самощенко И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – М.: Юрид. лит., 1971. С. 43.
17. Темнов Е.И. Теория государства и права. Учеб. пос./ Е.И. Темнов. – М.: Право и закон, 2002. С. 188.
18. Базылев Т. Сущность позитивной юридической ответственности / Т. Базылев // Правоведение. – 1979. – № 4. – С. 40–46.
19. Гроссман Х. Свобода и ответственность // Философские проблемы общественного развития / Х. Гроссман. – М., 1974. С. 129–130.
20. Постановление КС РФ от 15.01.2019 № 3-П «О проверке конституционности части 1 статьи 4.5 КоАП РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СПСР-ЭКСПРЕСС» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 3. Ст. 280.
21. Гражданское право. Учебник. Часть I. изд. третье, перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1998. С. 549.
22. Гражданское право: В 4-х т. / Том I. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 590.

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

23. См.: Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. / О.С. Иоффе. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – Т. 1. 574 с.
24. Александрова Н.В. Гражданско-правовая ответственность: понятие и основания применения / Н.В. Александрова // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сборник статей. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 26–29.
25. Кравченко А.А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав / А.А. Кравченко // Российский юридический журнал. – 2015. – № 2 (101). – С. 94–104.
26. Гражданское право. Учебник. Часть 1. Изд. 3-е, перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1998, С. 549–556.
27. Определение ВС РФ от 17 августа 2015 г. № 309-ЭС15–8331 // СПС «Консультант Плюс».
28. См.: Брагинский М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения (автор главы – В.В. Витрянский). 2-е изд. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2005. 842 с.
29. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Ученые труды ВИЮН. Вып. 3 / Агарков М.М. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 62.
30. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств / Б.М. Гонгало. – М.: Статут, 2002. С. 40.
31. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.
32. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF EXCLUSIVE RIGHTS IN THE CIVIL LEGISLATION OF THE EEU

Kanatov T.K.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article discusses problematic aspects of liability for violation of exclusive rights in the civil legislation of the EAEU countries. It should be noted that the science of civil law has always faced specific problems at each stage of its development, determined by the political, economic, socio-cultural, scientific and technical needs of society. Among their wide variety, there are those that are key to legal science at any stage of its development. These include, with good reason, the study of problematic aspects of liability for violations of exclusive rights in the civil legislation of the EAEU countries. In legal theory, these issues have been discussed for several years, and the article reflects the most significant theoretical findings of prominent scientists on these controversial legal issues from various eras.

Purpose: To investigate the current problematic aspects of liability for violation of exclusive rights in the civil legislation of the EAEU countries. **Methodology:** When writing the article, systemic-structural, specifically sociological, historical-legal, socio-legal, comparative-legal, statistical methods of work were applied.

Results: Proposals and conclusions based on the analysis of the legislation of the EAEU countries, in particular the legislation of the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, Belarus, Armenia, Kyrgyzstan.

Keywords: responsibility, exclusive rights, civil legislation, EEU.

References

1. Shubina T.B. Theoretical problems of law protection: abstract. ... kand. jurid. Sciences; 12.00.01 / T.B. Shubina. Samara, 1997. p. 21.
2. Gribanov V.P. The limits of the exercise and protection of civil rights / V.P. Gribanov. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1972. p. 152.
3. Novgorodova Yu.N. Non-judicial protection of human rights: dis. ... kand. jurid. sciences': 12.00.01 / Yu.N. Novgorodova. Tambov, 2006. p. 22.
4. Chechot D.M. Subjective law and the forms of its protection / D.M. Chechot. – L.: Publishing House of the Leningrad University, 1968. P. 67.
5. Muzdybaev K. Psychology of responsibility / Edited by V.E. Semenov/ K. Muzdybaev. Moscow: Librocom, 2010. pp. 10.
6. Malein N.S. Offense: concept, causes, responsibility / N.S. Malein. Moscow: Jurid. lit., 1985. pp. 8.
7. Sukhanov E.A. Civil law responsibility / Civil law. In 2 vols. Vol. I. 2nd Ed., revised and additional / E.A. Sukhanov. – M.: BEK, 2003. p. 440.
8. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of the Russian Language / S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – 4th ed., supplement – M.: ООО "А-ТЕМ", 2007. p. 468.
9. Theory of state and law: Diagrams and comments: A textbook. Moscow: Jurisprudence, 2000. p. 98.
10. Legal responsibility: problems of theory and practice. Collection of scientific papers. Minsk, 1996. p. 86.
11. Cherdantsev A.F. On the concept and content of legal responsibility / A.F. Cherdantsev, S.N. Kozhevnikov // Jurisprudence. 1976. No. 5. pp.40.
12. Tarkhov V.A. The concept of legal responsibility / V.A. Tarkhov // Jurisprudence. 1973. No. 2. pp. 33–40.
13. Eugenzicht V.A. Legal responsibility and legality: An essay on theory / V.A. Eugenzicht, L.S. Yavich, S.N. Bratus. Moscow: Jurid. lit., 1976. p. 83.
14. Theory of the state and law: Textbook for universities / Alekseev S.S., Arkhipov S.I., Ignatenko G.V. et al. – 2nd ed., ed. and add. – Moscow: Norm: Infra-M, 2002. p. 350.
15. Kurylev S.V. Sanction as an element of a legal norm / S.V. Kurylev // The Soviet State and law. 1964. No. 8. pp. 47–48.
16. Samoshchenko I.S. Responsibility under Soviet legislation / I.S. Samoshchenko, M.H. Farukshin. Moscow: Yurid. lit., 1971. pp. 43.
17. Temnov E.I. Theory of the state and law. Academic settlement/ E.I. Temnov. Moscow: Pravo i zakon, 2002. pp. 188.
18. Bazylev T. The essence of positive legal responsibility / T. Bazylev // Jurisprudence. – 1979. – No. 4. – pp. 40–46.
19. Grossman H. Freedom and responsibility // Philosophical problems of social development / H. Grossman. – M., 1974. pp. 129–130.
20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 15.01.2019 No. 3-P "On checking the constitutionality of part 1 of Article 4.5 of the Administrative Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company "SPSR-EXPRESS" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2019. No. 3. Article 28.
21. Civil law. Textbook. Part I. third edition, revised and add. / Edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. – M.: Prospekt, 1998. p. 549.
22. Civil law: In 4 volumes / Volume I. General part: Textbook / Ed. by prof. E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised. and additional. – M.: Walters Kluwer, 2004. p. 590.
23. See: Ioffe O.S. Selected works: in 4 volumes / O.S. Ioffe. – St. Petersburg: Law Center Press, 2003. – Vol. 1. 574 p.
24. Alexandrova N.V. Civil liability: the concept and grounds for application / N.V. Alexandrova // The Russian intelligentsia in the context of civilizational challenges: a collection of articles. Cheboksary: CNS "Interactive Plus", 2014. pp. 26–29.
25. Kravchenko A.A. Correlation of protection measures and liability measures as ways to protect subjective civil rights / A.A. Kravchenko // Russian Law Journal. – 2015. – № 2 (101). – Pp. 94–104.
26. Civil law. Textbook. Part 1. 3rd Ed., revised and add. / Edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. Moscow: Prospekt, 1998, pp. 549–556.

27. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 17, 2015 No. 309-ES15–8331 // SPS “Consultant Plus”.
28. See: Braginsky M.I. Contractual law. The first book: General provisions (the author of the chapter is V.V. Vitryansky). 2nd ed. / M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. – M.: Statute, 2005. 842 p.
29. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law. Scientific works of VIYUN. Issue 3 / Agarkov M.M. – Moscow: Legal Publishing house of the NKYU of the USSR, 1940. P. 62.
30. Gongalo B.M. The doctrine of securing obligations / B.M. Gongalo. – M.: Statute, 2002. P. 40.
31. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 07.07.2004 No. 78 “Review of the practice of applying provisional interim measures by arbitration courts” // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2004. No. 8.
32. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 02.12.2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3012.

Злоупотребление арбитражным управляющим правом на вознаграждение: критерии добросовестности

Качнов Максим Эдуардович,

аспирант, Российского государственного университета правосудия

E-mail: kachnov.m@gmail.com

В статье рассматривается проблема злоупотребления арбитражными управляющими правом на вознаграждение в контексте применения принципа добросовестности в арбитражном процессе. В ходе исследования выявляются основные критерии, которые должны служить ориентиром для оценки действий арбитражных управляющих, направленных на получение вознаграждения. Анализируются нормы действующего законодательства, судебная практика и теоретические подходы, касающиеся вопроса злоупотребления правом и его правовых последствий. Рассматриваются возможные способы минимизации злоупотреблений в рамках арбитражного управления, включая уточнение и усиление правовых механизмов контроля за деятельностью арбитражных управляющих, а также формулируются рекомендации по совершенствованию законодательства в данной области.

Ключевые слова: добросовестность, банкротство, арбитражный управляющий, вознаграждение

Текущая социально-экономическая ситуация в России остается довольно турбулентной, в связи с чем можно предположить, что количество банкротств хозяйствующих субъектов в ближайшей перспективе будет возрастать. Данное обстоятельство обуславливает *актуальность* исследований в области института банкротства в целом и функционирования арбитражных управляющих в частности.

В современной российской научной литературе и периодике до сих пор не сформировано единство мнений по поводу правового статуса арбитражного управляющего. По мнению некоторых специалистов, арбитражный управляющий выступает в качестве представителя кредиторов, по мнению других – в качестве представителя должника. Существует, кроме того, точка зрения о том, что арбитражный управляющий действует одновременно в интересах кредиторов, должника, собственника имущества, учредителей должника, гражданского оборота в целом. Кроме того, как отмечает А.П. Шафранов, в разных процедурах функции и интересы управляющих могут существенно варьироваться: во внешнем управлении в большей степени релевантны интересы должника, в рамках конкурсного производства – кредиторов, в ситуации заключения мирового соглашения – государства [16, с. 89]. При этом зачастую на периферии внимания остается тот факт, что арбитражный управляющий, как и любой прочий субъект гражданских правоотношений, действует и в собственных интересах. Это обстоятельство *актуализирует* рассмотрение противоречий, возникающих между личными, в т.ч. финансовыми, интересами арбитражного управляющего и интересами всех перечисленных выше субъектов – особенно в контексте категории «добросовестность».

Н.С. Качиян отмечает, что в контексте деятельности арбитражного управляющего категория «недобросовестные действия» не является разновидностью противоправного поведения и не относится к виду нарушений императивных норм права [3, с. 67–68]. Недобросовестность арбитражного управляющего может не выходить за пределы допустимого законодателем поведения. Добросовестность в деятельности арбитражного управляющего подразумевает реализацию всех возложенных на него обязанностей, в рамках **критерия достаточности действий**, необходимых для восстановления платежеспособности субъекта экономической деятельности. При этом следует также добавить, что добросовестность арбитражного управляющего соотносится с объемом, методами определения

вознаграждения за проведенную им работу: даже в случае, если управляющий совершил все требуемые от него действия, он может проявить заинтересованность в необоснованном завышении объема вознаграждения, что не позволит считать его деятельность добросовестной.

Российский законодатель в описании правового статуса и полномочий арбитражного управляющего исходит из его независимого статуса. Независимость арбитражных управляющих традиционно выступает одним из наиболее дискуссионных и противоречивых аспектов функционирования института банкротства. Можно сказать, что **ключевым критерием добросовестности и залогом отсутствия злоупотреблений правом на вознаграждение выступает именно независимый статус управляющих.**

Проблема независимости арбитражных управляющих от кредиторов, должника, контролирующих его лиц отнюдь не нова. Признаки аффилирования управляющего с тем или иным лицом, принимающим участие в деле о банкротстве, идентифицировать не всегда возможно. Для того, чтобы повысить степень независимости арбитражного управляющего, российский законодатель предусмотрел правовую конструкцию отвода арбитражного заседателя (речь идет о положениях п. 3 ст. 21 Арбитражно-процессуального Кодекса Российской Федерации).

Отвод арбитражного управляющего производится судьей, рассматривающим соответствующее дело – что, безусловно, свидетельствует о попытке сделать эту процедуру более объективной и пресечь возможности для злоупотреблений. Согласно п. 4 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11 октября 2023 г. [5], «во избежание злоупотребления правом участниками банкротных правоотношений суд должен принять меры для исключения любого конфликта интересов между арбитражным управляющим, кредиторами и иными участниками дела о банкротстве [16, с. 99].

Правовой статус, компетентностный спектр и специфика работы арбитражного управляющего представлены в тексте Федерального Закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», принятом в 2002 г. [15]. Положения п. 1 ст. 20 вышестоящего Закона определяют правовой статус арбитражного управляющего посредством указания на его членство в саморегулируемой организации. Тем не менее, п. 2 ст. 20.2 Закона указывает, что не все члены саморегулируемой организации имеют право осуществлять деятельность арбитражного управляющего, кроме того, исключение лица из состава саморегулируемой организации не приводит автоматически к прекращению его деятельности. В результате в реальной практике имеется немало ситуаций, когда назначенные арбитражные управляющие не являются членами саморегулируемой организации [16, с. 91]. Данный

сегмент правового регулирования, безусловно, нуждается в уточнении и модернизации для устранения существующей неопределенности.

Российский законодатель, кроме того, до сих пор не имеет четкой позиции по поводу того, носит ли деятельность арбитражного управляющего публично-правовой или частно-правовой характер. Попытки разрешить данное противоречие предпринимаются в рамках судебной практики. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в тексте п. 5 постановления от 19 декабря 2005 года № 12-П зафиксировал следующие положения: «процедуры банкротства носят публично-правовой характер, они предполагают принуждение меньшинства кредиторов большинством. В силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что, собственно, и является публично-правовой целью института банкротства» [8].

Несмотря на вышеизложенное, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации представил мнение, фактически противоположное мнению Конституционного Суда, закрепив частно-правовой (предпринимательский) статус арбитражного управляющего. П. 5 постановления Пленума от 25 декабря 2013 года № 97 содержит указание на то, что правовая природа вознаграждения арбитражного управляющего соответствует вознаграждению по договору подряда/услуг (как это определено положениями ст. 723 Гражданского кодекса Российской Федерации). В последующем Президиум в тексте Постановления от 4 марта 2014 года № 17283/13 указал, что вознаграждение арбитражного управляющего облагается налогом как предпринимательский доход [9]. Соответственно, вопрос о вознаграждении арбитражного управляющего порождает множество споров по поводу его статуса и, как показывает судебная практика, вызывает множество дискуссий о возможностях злоупотребления правом на вознаграждение.

Вознаграждение российских арбитражных управляющих главным образом формируется из двух компонентов: фиксированная часть выплаты (30 тыс. руб.) и процент, расчет которого производится на основании критериев категории управляющего, балансовой стоимости должника. Объем активов юридического лица, таким образом, является ключевым критерием для определения меры вознаграждения управляющего [13, с. 697].

По мнению И.А. Емельяновой и А.В. Ершова, многие злоупотребления со стороны арбитражных управляющих обусловлены именно тем, что фиксированный объем вознаграждения «не стимулирует к правомерному поведению, а напротив, подталкивает к сговору с должниками, выводить имущество из состава конкурсной массы в ущерб кредиторам и получать таким незаконным способом дополнительное вознаграждение» [2, с. 47].

Процентная часть выплат в пользу арбитражного управляющего выступает стимулирующей ча-

стью его дохода (так, в частности, указано в Обзоре судебной практики от 20 декабря 2016 г., постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2005 г. № 12-П и др.) [8]. Кроме того, арбитражный управляющий имеет право на возмещение расходов, понесенных им в ходе процедуры банкротства [7, с. 259].

Тот факт, что деятельность арбитражного управляющего является возмездной, приводит к двум выводам: (1) арбитражный управляющий является субъектом финансового права и финансовых правоотношений, (2) возможность изменять объем вознаграждения посредством косвенных и прямых методов манипуляций процентной частью является потенциальным полем для недобросовестной деятельности [1, с. 91].

Среди дискуссионных аспектов в рассматриваемой нами области можно отметить проблему установления вознаграждения арбитражных управляющих в контексте субординированных требований кредиторов и поиска баланса интересов различных участников процедуры банкротства. Согласно российскому законодательству о банкротстве, требования кредиторов подразделяются на очереди. Субординированные требования кредиторов (например, требования аффилированных лиц должника) подлежат удовлетворению в последнюю очередь после расчетов с приоритетными конкурсными кредиторами. Вознаграждение управляющему, в свою очередь, выплачивается преимущественно за счёт конкурсной массы, что порождает вопрос: если все или большая часть активов распределяются в пользу субординированных кредиторов, должен ли управляющий получать вознаграждение в полном объёме?

Рассмотрим следующий пример из судебной практики. В Постановлении Седьмого арбитражного апелляционного суда от 5 октября 2021 года по делу № А03–16721/2018 [12] был изложен спор, связанный с определением очередности выплаты налога на прибыль в рамках процедуры банкротства ООО «Алтайзернокомплекс». ООО «Алтайзернокомплекс» признано банкротом по упрощенной процедуре как ликвидируемый должник. Конкурсный управляющий реализовал имущество должника для расчетов с кредиторами. В результате реализации имущества у должника возникло обязательство по уплате налога на прибыль за 2020 год и 1 квартал 2021 года на сумму более 18 млн рублей. Конкурсный управляющий обратился в суд с просьбой установить, что налог должен выплачиваться только после расчетов с кредиторами. Суд первой инстанции постановил, что налог на прибыль должен уплачиваться за счет оставшегося имущества должника после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр. В части приоритета налога перед требованиями кредиторов решение было отклонено.

В апелляционной жалобе АО «БМ-Банк» Банк требовал, чтобы налог уплачивался только после расчетов с кредиторами всех очередностей, включая тех, чьи требования идут перед ликвидацион-

ной квотой. Обосновывалось это тем, что продажа имущества должника не образует налогооблагаемой прибыли, а служит исключительно для расчетов с кредиторами. Суд подтвердил решение первой инстанции, отказав в удовлетворении апелляционной жалобы. Суд указал, что продажа имущества банкрота не является хозяйственной деятельностью, направленной на получение прибыли, а потому доход от реализации не должен облагаться налогом на прибыль. Было отмечено, что в данном случае нормы Закона о банкротстве имеют приоритет над нормами Налогового кодекса.

Все вышеизложенное позволяет сделать предположение о том, что профилактикой злоупотреблений со стороны управляющих является **критерий корректности и соблюдения очередности субординированных требований**.

Одним из направлений, в котором могут встречаться случаи злоупотребления правом на вознаграждение, выступает исчисление налоговых выплат с арбитражного управляющего как налогоплательщика. Сама по себе специфика деятельности арбитражного управляющего предполагает его участие в финансовой деятельности, в зарабатывании денежных средств для личного пользования.

Арбитражный управляющий, таким образом, наделен законодательством правом на вознаграждение и на возмещение расходов, понесенных им при выполнении профессиональных обязанностей. Доходы, получаемые арбитражным управляющим, подлежат обложению налогом на доходы физических лиц согласно положениям гл. 23 Налогового кодекса Российской Федерации. Арбитражный управляющий обладает правом на получение налоговых вычетов в сумме фактически произведенных им и документально подтвержденных расходов [1, с. 95].

Как показывает судебная практика, имеет немало противоречий в области возмещения расходов управляющих. Так, в частности, среди новейших примеров можно привести Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 апреля 2023 г. N Ф05–9345/22 по делу N А41–847/20 [10]. Текст Постановления гласит: арбитражный управляющий заявляет о том, что правомерно заявил расходы по НДФЛ в виде лизинговых платежей за автомобиль, требуемый для поездок на почту за входящей корреспонденцией, а также для поездок на предприятия-банкроты. Суд, в свою очередь, счел такое заявление необоснованным.

Как показала проверка данных ГИБДД, управляющий – налогоплательщик – в рассматриваемый период не использовал автомобиль для поездок в арбитражный суд и по адресам банкротов, в отношении которых он вел процедуры. Поездки, совершаемые им, носили исключительно личный характер. Последующая проверка показала, что после погашения лизингового платежа управляющий подарил автомобиль родственнику. Суд в данной связи отказал в удовлетворении требований управляющего в перерасчете налоговой выплаты НДФЛ [<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/>

doc/69225435/]. В данном случае, безусловно, имела место манипуляция объёмом вознаграждения управляющего в сторону ее увеличения – пусть и косвенным способом, посредством сокращения налоговой выплаты и возмещения расходов. Можно сделать вывод о том, что деятельность арбитражного управляющего должна соответствовать **критерию отсутствия избыточных действий (и расходов на их совершение)**.

В рассматриваемом нами сегменте правоотношений наблюдается, помимо прочего, следующая проблема: на практике арбитражный управляющий получает свое вознаграждение с существенной задержкой; иногда речь может идти о годах. Управляющий может работать длительное время без какого-либо вознаграждения, оплачивая при этом многие расходы за личный счет. В результате у должника перед управляющим может возникнуть задолженность в несколько сотен тысяч рублей, и в результате участник дела о несостоятельности может подать заявление о снижении размера вознаграждения управляющего. Так, к примеру, 5 июня 2022 г. в деле о банкротстве Антипинского НПЗ Арбитражный суд Тюменской области вынес определение о взыскании в пользу конкурсного управляющего рекордной суммы процентного вознаграждения – более чем 5,4 млрд руб. Данный судебный акт привлек внимание отечественного юридического сообщества – как по причине колоссального масштаба процентной части вознаграждения управляющего, так и по причине накопления и задержек в выплатах [пробанкротсво].

Судебная практика содержит немало примеров необоснованного снижения размера вознаграждения управляющего: суд способен снизить объем вознаграждения в несколько раз [4, с. 149]. В данной связи управляющий, не желающий работать бесплатно, может прибегнуть к поиску получения денежных средств «здесь и сейчас», в т.ч. посредством недобросовестной реализации своих полномочий.

Отметим также **критерий соразмерности при снижении объема вознаграждения арбитражному управляющему**. Вызывает немало споров вопрос о том, что считать добросовестным и надлежащим исполнением арбитражным управляющим своих обязанностей. Каждая ситуация банкротства уникальна, и не существует унифицированного алгоритма «расчета» меры добросовестности и надлежащего характера действий управляющего. При этом законодатель указывает, что ненадлежащее исполнение обязанностей представляет собой основание для снижения процентного вознаграждения.

В данной связи рассмотрим Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.10.2021 по делу № А28–6222/2016 [11], где должник – физическое лицо обратился в арбитражный суд с заявлением о пересмотре судебного акта о выплате процентного вознаграждения управляющему. Были признаны незаконными действия управляющего по несвоевременной выплате

должнику прожиточного минимума. Финансовый управляющий возражал против снижения процентов, ссылаясь на то, что допущенные нарушения не связаны с реализацией имущества должника, которая в конечном итоге определяет процент. Тем не менее, суд снизил размер выплаченных управляющему процентов на 10%, с 3014 291 руб. 70 коп. до 2712 862 руб. 53 коп. При рассмотрении вопроса о снижении размера процентного вознаграждения в связи с нарушением управляющего суды должны оценивать допущенное нарушение на предмет его существенности, продолжительность периода полномочий управляющего, степень влияния на процедуру и/или конкурсную массу должника. Снижение имеет место в ситуации недействительности совершенных арбитражным управляющим сделок, необоснованности понесенных им расходов, причинении убытков должнику (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 21 января 2021 года по делу № А03–13510/2014) [пробанкротсво].

Наконец, следует отметить **критерий пропорциональной индексации объема вознаграждения арбитражного управляющего**. Редакция положений Закона о банкротстве, которые фиксируют объем фиксированной части вознаграждения конкурсного управляющего (30 000 рублей/мес), была утверждена в 2009 г. С этого момента, отмечает М.М. Сурина, совокупный показатель инфляции составил более 70%. В данной связи объем фиксированной части вознаграждения едва ли можно считать пропорциональным – ведь оно имеет гораздо более малую покупательскую способность, чем на момент утверждения нового текста Закона [14, с. 123].

При этом трудовое законодательство предусматривает обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы путем индексации. Управляющий, в свою очередь, назначается на должность арбитражным судом, и трудовой договор с ним не заключается.

Таким образом, налицо существенный законодательный пробел, ведь профессионал, выполняющий действия по долгу службы, остается на периферии трудового законодательства. В данной связи у арбитражного управляющего имеется три вектора действия: (1) манипулировать процентной частью выплат в сторону увеличения посредством совершения недобросовестных действий; (2) соглашаться на малый размер вознаграждения, не соответствующий его квалификации и приложенным усилиям, (3) заявлять требования о повышении фиксированной части вознаграждения – в судебном порядке. При этом последняя из опций является наиболее трудоемкой, тогда как манипулирование процентной частью выступает, на первый взгляд, оптимальным выбором, хоть и идет вразрез с профессиональной этикой и положениями законодательства.

Российские суды, тем не менее, все охотнее принимают решения в пользу индексирования фиксированной части выплат. Рассмотрим в дан-

ной связи Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40–227434/2017 от 09 июля 2020 г., где требования арбитражного управляющего удовлетворены. Орган суда указал: «коэффициент, связанный с изменением индекса потребительских цен декабря предыдущего года к декабрю 2008 года, в соответствии с официальной статистической методологией организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен, утвержденной приказом Росстата от 30.12.2014 № 734, равен 2,0791 для всего 2020 г.» [14, с. 124]. Следует согласиться с М.М. Суриной: оптимальным решением в данном случае является фиксация на законодательном уровне ежегодную индексацию фиксированной суммы вознаграждения арбитражного управляющего [14, с. 125].

Таким образом, в рассмотренном нами сегменте правоотношений имеют значимые законодательные пробелы, которые негативно сказываются на реализации арбитражных управляющих права на вознаграждения. Для того, чтобы данное право реализовывалось на добросовестных началах, следует привести нормативный массив исходя из следующих критериев:

- критерий достаточности действий, необходимых для восстановления платежеспособности субъекта экономической деятельности.
- критерий независимости статуса управляющих.
- критерий корректности и соблюдения очередности субординированных требований.
- критерий отсутствия избыточных действий (и расходов на их совершение).
- критерий соразмерности при снижении объема вознаграждения арбитражному управляющему.
- критерий пропорциональной индексации объема вознаграждения арбитражного управляющего.

Литература

1. Дробышевский, А.К. Финансово-правовой статус арбитражного управляющего / А.К. Дробышевский // Право и управление. – 2023. – № 1. – С. 91–96.
2. Емельянова, И.А. Правовое положение арбитражного управляющего в современной России: соотношение публичных и частных начал / И.А. Емельянова, А.В. Ершов // Вестник ПАГС. – 2024. – № 1. – С. 38–49.
3. Кациян, Н.С. Права и обязанности арбитражного управляющего: актуальные вопросы практической деятельности / Н.С. Кациян // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 4 (172). – С. 65–70.
4. Новикова, М.А. Право арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве) на вознаграждение / М.А. Новикова // Теория и практика современной науки. – 2021. – № 3 (69). – С. 148–150.
5. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/. – Дата доступа: 30.01.2025.
6. О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 15 декабря 2004 г. № 29 // Специальное приложение к Вестнику ВАС РФ. – 2005. – № 12.
7. Поляков, Д.В. Особенности возмещения вознаграждения арбитражному управляющему по делу о несостоятельности (банкротстве) / Д.В. Поляков // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 3. – С. 258–260.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 N 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57463/. – Дата доступа: 30.01.2025.
9. Постановление Президиума от 4 марта 2014 года № 17283/13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arbitr.ru/materials/109220?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F. – Дата доступа: 30.01.2025.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 апреля 2023 г. N Ф05–9345/22 по делу N А41–847/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/69225435/>. – Дата доступа: 30.01.2025.
11. Постановление арбитражного суда кассационной инстанции: Арбитражный суд Волго-Вятского округа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b6274333-fb33-44a3-8bc2-26f7dc01af56/e9bdbf02-e31e-4bc1-add2-35467dbf3414/A28-6222-2016_20211006_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True. – Дата доступа: 30.01.2025.
12. Постановление от 5 октября 2021 г. по делу № А03–16721/2018 Седьмой арбитражный апелляционный суд (7 ААС). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1nwjrBb9yRjt/>. – Дата доступа: 30.01.2025.
13. Сагитова, Р.Р. Размер выплат арбитражным управляющим / Р.Р. Сагитова // Экономика и социум. – 2018. – № 10 (53). – С. 696–698.
14. Сурина, М.М. Проблемы вознаграждения арбитражного управляющего / М.М. Сурина // Вестник науки. – 2024. – № 9 (78). – С. 120–127.
15. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (послед-

ня редакция). // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/. – Дата доступа: 30.01.2025.

16. Шафранов, А.П. Кто такой арбитражный управляющий? / А.П. Шафранов // Имущественные отношения в РФ. – 2024. – № 11 (278). – С. 89–105.

ABUSE OF THE RIGHT TO REMUNERATION BY AN INSOLVENCY MANAGER: GOOD FAITH CRITERIA

Kachnov M.E.

Russian state university of justice

The article analyses the problem of abuse of the right to remuneration by insolvency managers in the context of applying the principle of good faith in arbitration proceedings. The study identifies the main criteria that should serve as a guide for assessing the actions of insolvency managers aimed at obtaining remuneration. The article analyzes the norms of current legislation, judicial practice and theoretical approaches related to the issue of abuse of rights and its legal consequences. Possible ways to minimize abuses within the framework of insolvency management are considered, including clarification and strengthening of legal mechanisms for monitoring the activities of insolvency managers, and also formulates recommendations for improving legislation in this area

Keywords: good faith, bankruptcy, insurrection manager, remuneration

References

1. Drobyshevsky, A.K. Financial and legal status of the arbitration manager / A.K. Drobyshevsky // Law and Management. – 2023. – No. 1. – P. 91–96.
2. Emelyanova, I.A. Legal status of the arbitration manager in modern Russia: the ratio of public and private principles / I.A. Emelyanova, A.V. Ershov // Bulletin of PAGS. – 2024. – No. 1. – P. 38–49.
3. Katsyan, N.S. Rights and obligations of the arbitration manager: topical issues of practical activity / N.S. Katsyan // Law and state: theory and practice. – 2019. – No. 4 (172). – P. 65–70.
4. Novikova, M.A. The right of an arbitration manager in an insolvency (bankruptcy) case to remuneration / M.A. Novikova // Theory and practice of modern science. – 2021. – No. 3 (69). – P. 148–150.
5. Review of judicial practice on the participation of an arbitration manager in a bankruptcy case (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 11.10.2023). [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/. – Access date: 30.01.2025.

6. On some issues of the practice of applying the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”: Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 15, 2004 No. 29 // Special Appendix to the Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. – 2005. – No. 12.
7. Polyakov, D.V. Features of reimbursement of remuneration to the arbitration manager in the case of insolvency (bankruptcy) / D.V. Polyakov // Problems of Economics and Legal Practice. – 2019. – No. 3. – P. 258–260.
8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.12.2005 N 12-P “On the case of verifying the constitutionality of the paragraph of the eighth clause 1 of Article 20 of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” in connection with the complaint of citizen A.G. Mezhtentsev”. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57463/. – Access date: 30.01.2025.
9. Resolution of the Presidium of March 4, 2014 No. 17283/13. [Electronic resource]. – Access mode: https://arbitr.ru/materials/109220?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F. – Access date: January 30, 2025.
10. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of April 26, 2023 No. F05–9345/22 in case No. A41–847/2021. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/69225435/>. – Access date: January 30, 2025.
11. Resolution of the arbitration court of cassation: Arbitration Court of the Volga-Vyatka District. [Electronic resource]. – Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b6274333-fb33-44a3-8bc2-26f7dc01af56/e9bdbf02-e31e-4bc1-add2-35467dbf3414/A28-6222-2016_20211006_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True. – Access date: 30.01.2025.
12. Resolution of October 5, 2021 in case No. A03–16721/2018 Seventh Arbitration Court of Appeal (7 AAC). [Electronic resource]. – Access mode: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1nwjrB-b9yRjt/>. – Access date: 30.01.2025.
13. Sagitova, R.R. Amount of payments to arbitration managers / R.R. Sagitova // Economy and society. – 2018. – No. 10 (53). – P. 696–698.
14. Surina, M.M. Problems of remuneration of an arbitration manager / M.M. Surina // Bulletin of science. – 2024. – No. 9 (78). – P. 120–127.
15. Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated October 26, 2002 N 127-FZ (latest revision). // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/. – Access date: 30.01.2025.
16. Shafranov, A.P. Who is an arbitration manager? / A.P. Shafranov // Property relations in the Russian Federation. – 2024. – No. 11 (278). – P. 89–105.

Применение норм международного гуманитарного права в условиях специальной военной операции на территории Украины

Терещенко Александр Сергеевич,

студент, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: alex.ter.08@yandex.ru

Нечаев Давид Олегович,

студент, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: D.Strod77@yandex.ru

Краснобрыжева Алина Александровна,

студент, Юридический институт, Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: alinakrasnobryzheva@yandex.ru

Погожева Ольга Владимировна,

канд. юрид. наук, доц., Северо-Кавказский федеральный университет
E-mail: olga-pogozheva@mail.ru

Статья посвящена проблемам применения норм международного гуманитарного права в вооруженном конфликте на территории Украины и Российской Федерации. Также в статье рассмотрены условия проведения СВО и их соответствие нормам международного гуманитарного права.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, специальная военная операция, комбатанты, некомбатанты, участники вооруженных действий, средства и методы ведения вооруженных действий, международный вооруженный конфликт, конфликт на Украине.

Российская Федерация, одним из основных направлений политики которой является активное участие в международных сношениях, придерживается строгого выполнения международных договоров и не позволяет себе нарушать международно-правовые нормы, в том числе в сфере гуманитарного права.

В своей сущности международное гуманитарное право представляет собой, выработанные общими усилиями субъектов международного права, правовые нормы, содержащиеся в нормативных актах участников межгосударственных отношений, декларирующих права и обязанности тех субъектов международных отношений, которые непосредственно участвуют в военных столкновениях, применяют вооружение и живую силу, также избирают те или иные методы ведения войны. В свою очередь, вышеизложенные нормативные предписания закрепляют запрещение или ограниченность применения различных военных средств и методов, кроме того защищают гражданское население, непричастное к военным конфликтам.

Основными источниками МГП, используемыми в настоящее время, являются Гаагские конвенции и декларации (1899 г. и 1907 г.), Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные Протоколы к ним 1977 г. и 2006 г, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и другие нормативные акты.

На сегодняшний день, вследствие деструктивных настроений в мировом сообществе, возникло немало противоборств сторон с применением военной силы. При этом, зачастую, воюющие стороны нарушают нормы МГП, вследствие чего страдает, в основном, мирное население. Стоит отметить, что понятие военного конфликта включает в себя применение к противнику различных видов противостояния с использованием имеющегося в арсенале оружия, с целью изменения или получения выгод в социально-политической сфере. [1]

Одним из таких конфликтов является военная агрессия Украины против самопровозглашенных ДНР и ЛНР в 2014 году.

В конечном итоге военные действия Украины, происходившие в течение восьмилетнего периода против Донецкой народной республики и Луганской народной республики. Неоднократно стороны договаривались о прекращении огня, однако Киев многократно нарушал свои обязательства. Вследствие этого властям Донецкой и Луганской народных республик ничего не оставалось, как обратиться за помощью и поддержкой к Российской Федерации, что в дальнейшем повлекло начало специальной военной операции (СВО-далее), Пре-

зидентом РФ Владимиром Путиным, 24 февраля 2022 года. [2]

В Российской доктрине, специальная военная операция определяется как множественность действий военных подразделений, которые согласованы по поставленным задачам, целям, месту реализации и времени, проведение которых осуществляется в соответствии с определенным целеполаганием.[3]

В отличие от других военных конфликтов, СВО преследует строго определенные цели. Их озвучил Владимир Путин в своем обращении от 24 февраля 2022 года. Такие понятия как демилитаризация и денацификация применительно к Украине, кроме того суд над военными преступниками, выступают основными целями специальной военной операции, проводимой РФ.[4]

Российская Федерация, будучи участником различных международных договоров, посвященных гуманитарному праву, в процессе проведения специальной военной операции на Украине, строго соблюдает все те, нормы международного гуманитарного права, связанные с применением вооруженных сил и различного оружия, с целью защиты гражданского населения, разговаривающего на русском языке на территории Украины. [5]

Кроме того, выполняя поставленные военными начальниками задачи, военнослужащие Российской Федерации, осуществляют поражение только объектов, которые в сущности своей являются военными, либо используются для целей войны противником, также не подвергают физическому или иному насилию пленных противоборствующей стороны и обеспечивают гуманитарную помощь, в том числе коридоры, для мирного населения.

В настоящее время до сих пор не утихают дискуссии по поводу того, как и в каком объеме нарушаются международные обязательства в области гуманитарного права украинской стороной конфликта. Многие аналитические источники ссылаются на следующие нарушения: расположение военных объектов рядом с гражданской инфраструктурой, преступления против мирных жителей (регулярные обстрелы мирных жителей, их эксплуатация в качестве «живых щитов» и прочие), пытки российских военнопленных, использование средств и методов ведения войны, запрещенных МГП и т.д.

Все вышеназванные нарушения, так или иначе, уже многие десятилетия запрещены на международном уровне в ряде нормативных актов и договоров.

Расположение военных объектов рядом с гражданской инфраструктурой, а также преступления против мирных жителей запрещены статьями 57 и 58 Протокола 1 к Женевской конвенции о защите жертв международных вооруженных конфликтов. Статья 57 обязывает стороны конфликта по возможности не подвергать опасности мирное население и не разрушать гражданскую инфраструктуру. В 58 статье закреплено положение, согласно которому военные должны стремиться к размещению

вооружения и военной техники вдалеке от мирных жителей, а также предписывает использовать все возможные средства для их защиты.[6]

Похожие нормы содержатся в п.б ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала. Согласно ему запрещаются убийства и истязания гражданских лиц, военнопленных, бессмысленное разрушение населенных пунктов и их разорение.[7]

Кроме этого, необходимо обратиться к 3 статье Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны. На основании нее запрещается дискриминация, убийства, жестокое обращение и иные подобные деяния во время вооруженных конфликтов. Помимо этого, дается указание на соответствующее нормам МГП обращение с теми лицами, которые отказались от участия в вооруженном конфликте.[8]

Подходящим примером является доклад руководителя координационного штаба, начальника Национального центра управления обороной РФ, генерал-полковника Михаила Мизинцева. В нем Михаил Мизинцев указывает на то, что ВСУ на территории ДНР постоянно дислоцируются около различных гражданских строений (школ, больниц и т.д.).

Также генерал-полковник говорит, что ВСУ были расположены в детском саду № 10 (ул. Коммунальная) в городе Авдеевке, по границе территории дошкольного учреждения были установлены блокпосты, а пути подходов к садику были заминированы, при этом население об этом специально не было уведомлено.

На улице Кузнечная в школе № 7 города Артемовска военные ВСУ организовали опорный пункт и склад боеприпасов, а также разместили артиллерию и РСЗО. При этом проведение эвакуации из рядом находящихся домов мирных жителей не было осуществлено

ВСУ были дислоцированы в здании детского сада № 1 на улице Вице-адмирала Синецкого, в Николаевке, а недалеко от дошкольного учебного учреждения были оборудованы артиллерийские позиции.

Также во дворе школы № 8 на улице Торской города Славянска воинские формирования Украины разместили артиллерийские орудия, РСЗО и бронетехнику, при этом постоянно обстреливая населенные пункты, находящиеся в зоне их досягаемости. Так ВСУ вынуждают подразделения ВС РФ и народной милиции ДНР вести ответный огонь.

Военнослужащие Украины, используя гражданское население как «живой щит», запрещают гражданам покидать свое жилье, докладывает генерал-полковник Мизинцев.[9]

Другим примером, свидетельствующим о нарушении МГП украинской стороной, является доклад «Международной амнистии», организации, занимающейся защитой прав человека. По данным генерального секретаря вышеупомянутой правозащитной организации А. Калламара, ВСУ ставят под угрозу жизни мирного населения тем, что используют гражданскую инфраструктуру для веде-

ния боевых действий. На фоне этого, А. Каллмар считает необходимым располагать военные объекты вдали от гражданских.

Исходя из выводов правозащитной организации, украинские военнослужащие регулярно организуют опорные пункты и места дислокации вооруженных формирований в больницах, учебных заведениях и в иных подобных местах на территории Николаевской области и на Донбассе. Представителями «Международной амнистии», из 29 проверенных школ, в 22 были обнаружены либо военнослужащие, непосредственно использующие гражданские объекты, либо следы настоящей или прошлой деятельности военных, это – наличие формы военнослужащих ВСУ, использованные боеприпасы и армейские пайки, также военные транспортные средства.[10]

Таким образом, подводя промежуточный итог, видно, что украинские военнослужащие на регулярной основе используют гражданскую инфраструктуру для дислокации своих воинских подразделений, а также прикрывается мирным населением, как «живыми щитами», тем самым нарушая гуманитарное законодательство.

Применение пыток по отношению к пленным запрещено Женевской конвенцией об обращении с военнопленными. В частности ст. 13 указанной конвенции обязывает стороны обращаться с такими лицами без применения какого-либо насилия или запугивания[11]

Однако существует большое количество свидетельств жестокого обращения с российскими военнопленными, вплоть до самых изощренных пыток.

Так, например, Игорь Конашенков, официальный представитель Министерства обороны РФ, во время брифинга заявил, что российские военнослужащие, попавшие в плен к ВСУ, были подвергнуты пыткам.[12]

Другим показательным примером является заявление Матильды Богнер. На данный момент она является представителем Верховного комиссара ООН по правам человека в Центральной Азии. В заявлении она обратила внимание мировой общественности на казнь двадцати пяти российских военнопленных украинскими военнослужащими.[13]

Также можно отметить показания российских военнослужащих, возвращенных в декабре 2022 года из украинского плена. Они сообщили российским правоохранительным органам о том, как их пытали в плену. Один из них рассказал, что во время допроса украинские военнослужащие арматурой повредили ему ребра, пробили легкое и сломали челюсть. Затем при помощи пистолета прострелили обе ступни. При этом медицинская помощь не оказывалась продолжительное время.

Со слов другого российского военнопленного, на допросе ему порезали правую ногу. При этом кровь не останавливали и рану не обрабатывали. Когда ответы военнопленного не устраивали украинских военнослужащих, его били всеми подручными средствами. После того как допрос был за-

вершен, российского военнопленного пытали током.

Следственным Комитетом РФ было доказано следующее. Украинские военнослужащие заставляли российских военнопленных, под угрозой расправы над близкими, «добровольно» сотрудничать с ними.[14]

Таким образом, можно сделать вывод, что украинская сторона вероломно нарушает основные принципы МГП, запрещающие пытки военнопленных. Данные нарушения отражены в официальных СМИ и отчетах компетентных государственных органов.

Существует множество средств ведения войны, использование которых запрещено. К таким, например, относится оружие массового поражения, некоторые виды взрывных устройств и т.д. Запреты и ограничения на данные виды вооружения зафиксированы в следующих актах: Конвенция по кассетным боеприпасам, Конвенция о запрещении химического оружия и иные.[16] [18]

В 2022 году в Макарово ВСУ сбросили с БПЛА боеприпас с химическим оружием на окопы и блиндажи российский военных. Боец «Ахмата» Аид отмечает, что ВСУ регулярно используют химическое оружие, в том числе смертельные газы, такие как фосген.

Другим свидетельством применения химического оружия является заявление начальника войск РХБЗ генерала-лейтенанта Игоря Кириллова в 2023 году. Он в заявлении сказал, что ВСУ применяют химическое оружие американского производства.[15]

Данный факт свидетельствует о нарушении положений Конвенции о запрещении химического оружия, в частности статьи 1, не только украинской стороной, но и США, поскольку Конвенция запрещает использование и распространение такого оружия

Другой случай свидетельствует о применении ВСУ химического оружия в августе 2024 года в Курской области. По словам врио губернатора Курской области Алексея Смирнова, все пострадавшие от химического оружия остались живы.[17]

Также помимо химического оружия, Украина применяет запрещенные кассетные боеприпасы, такие как «мины-лепестки» ПФМ-1. В частности об этом сообщает Стив Груз, сотрудник организации по защите прав человека Human Rights Watch. Он говорит, что ВСУ применяют «лепестки» без самоликвидаторов в городе Изюме. В результате атак ВСУ 11 мирных граждан погибло и 50 было ранено.

Данный факт свидетельствует о нарушении положений Конвенции по кассетным боеприпасам, в частности ст. 1, запрещающей применять кассетные боеприпасы.

Таким образом, анализ фактологического юридического материала подтверждает нарушение норм МГП украинской стороной и другими субъектами международного права, например США и государствами НАТО, это свидетельствует о не-

эффективности существующих механизмов ответственности в сфере международного гуманитарного права, актуализирует необходимость совершенствования норм и институтов в данной сфере межгосударственных отношений. Так, необходимо создать специальные комиссии в рамках ООН и ОБСЕ, чтобы предотвращать нарушения МГП и урегулировать вопрос санкций на страны, нарушающие данные нормы. Кроме того, необходимо, чтобы ООН и Совет Безопасности ООН не только принимали участие в переговорах конфликтующих сторон, но и контролировали весь процесс разрешения конфликта, что является его непосредственной обязанностью исходя из анализа норм Устава ООН.

Литература

1. В.Литвиненко. Сущность категорий «Война» и «Специальная военная операция» // Армейский сборник. – 2022 г. – № 07.
2. [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2024/02/24/nachalo-svo/>.
3. [Электронный ресурс] URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14014>.
4. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5229815>.
5. Луценко Сергей Иванович СВО в контексте доктрины гуманитарной интервенции // Власть. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svo-v-kontekste-doktriny-gumanitarnoy-interventsii> (дата обращения: 26.12.2024).
6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) // <https://docs.cntd.ru/document/901755843>.
7. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // <https://docs.cntd.ru/document/901737883>.
8. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml.
9. [Электронный ресурс] URL: <https://smolgazeta.ru/daylynews/103344-ukrainskie-voorujennye-formirovaniya.html>.
10. [Электронный ресурс] URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2022/08/08/amne-a08.html>.
11. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_2.shtml.
12. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kp.ru/online/news/4645818/>.
13. Миссия ООН признала случаи расправы над российскими пленными на Украине // РИА Новости: официальный сайт. 2023. 24 марта. URL: <https://ria.ru/20230324/plennye-1860462503.html>.
14. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/12/07/plennym-lomali-kosti-i-pytalitomkom.html>.
15. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20240222/khimiya-1929027605.html>.
16. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 г.) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml.
17. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/08/2024/66ba019c9a794780ef961ffe>.
18. Конвенция по касетным боеприпасам (принята на Дипломатической конференции для принятия конвенции по касетным боеприпасам) (Дублин, 19–30 мая 2008 г.) // [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/2569759/1cafb-24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>.

APPLYING THE NORMS OF HUMANITARIAN INTERNATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF A SPECIAL MILITARY OPERATION ON THE TERRITORY OF UKRAINE

Tereshchenko A.S., Nechaev D.O., Krasnobryzheva A.A., Pogozheva O.V.
North Caucasus Federal University

The article is devoted to the problems of applying the norms of international humanitarian law in the armed conflict on the territory of Ukraine and Russian Federation. The article also discusses the conditions of the Special military operation and their compliance with the norms of international humanitarian law.

Keywords: international humanitarian law, special military operation, combatants, non-combatants, participants in armed actions, means and methods of conducting armed actions, international armed conflict, conflict in Ukraine

References

1. V. Litvinenko. The essence of the categories “War” and “Special military operation” // Army collection. – 2022. – No. 07.
2. [Electronic resource] URL: <https://lenta.ru/articles/2024/02/24/nachalo-svo/>.
3. [Electronic resource] URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14014>.
4. [Electronic resource] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5229815>.
5. Lutsenko Sergey Ivanovich SVO in the context of the doctrine of humanitarian intervention // Power. 2023. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svo-v-kontekste-doktriny-gumanitarnoy-interventsii> (date accessed: 26.12.2024).
6. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts, of 8 June 1977 (Protocol I) // <https://docs.cntd.ru/document/901755843>.
7. Charter of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of Major War Criminals of the European Axis // <https://docs.cntd.ru/document/901737883>.
8. Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War of 12 August 1949 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml.
9. [Electronic resource] URL: <https://smolgazeta.ru/daylynews/103344-ukrainskie-voorujennye-formirovaniya.html>.
10. [Electronic resource] URL: <https://www.wsws.org/ru/articles/2022/08/08/amne-a08.html>.
11. Geneva Convention relative to the Treatment of Prisoners of War of 12 August 1949 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_2.shtml.
12. [Electronic resource] URL: <https://www.kp.ru/online/news/4645818/>.
13. The UN mission acknowledged cases of reprisals against Russian prisoners in Ukraine // RIA Novosti: official website. 2023.

- March 24. URL: <https://ria.ru/20230324/plennye-1860462503.html>.
14. [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2022/12/07/plennym-lomali-kosti-i-pytali-tokom.html>.
15. [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20240222/khimiya-1929027605.html>.
16. Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on Their Destruction (Paris, 13 January 1993) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml.
17. [Electronic resource] URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/08/2024/66ba019c9a794780ef961ffe>.
18. Convention on Cluster Munitions (adopted at the Diplomatic Conference for the Adoption of a Convention on Cluster Munitions) (Dublin, 19–30 May 2008) // [Electronic resource] URL: <https://base.garant.ru/2569759/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858/>.

Актуальные меры государственной поддержки молодежного предпринимательства в России: правовой аспект

Мостовщиков Алексей Александрович,

аспирант, кафедры публичного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственного академического университета гуманитарных наук»

В последние годы влияние молодежного предпринимательства приобретает все большее значение на экономику Российской Федерации, что несомненно отражается на активном развитии законодательного регулирования этой сферы. Государственные структуры и различные правовые институты активно оказывают помощь молодым бизнесменам, предлагая им разнообразные формы государственной поддержки. Это связано с необходимостью повысить инновационные возможности, создать новые рабочие места и способствовать улучшению социального благополучия граждан России.

В содержании статьи отражаются такие ключевые направления темы работы, как: современные способы поддержки молодежного предпринимательства, опыт правового регулирования молодежного предпринимательства в Российской Федерации сквозь историческую призму, актуальные законодательные инициативы в сфере молодежного предпринимательства, выделены субъекты и объекты мер государственной поддержки произведен сравнительный анализ положительного и отрицательного влияния различных мер государственной помощи.

Проведя исследование опыта правового регулирования мер государственной поддержки молодежного предпринимательства, автор статьи приходит к выводу о том, что в настоящее время в обществе созрел запрос на развитие и поддержку молодежного предпринимательства. В то же время наблюдается практически отсутствие эффективного законодательного регулирования. Автором работы подтверждается ценность развития молодежного предпринимательства для экономики РФ. Основываясь на совокупности сделанных автором выводов, важно проводить дальнейшие исследования в сфере государственной поддержки молодежного предпринимательства, ведь только общими усилиями мы сможем обеспечить достойные условия для привлечения большего количества молодежи в бизнес.

Ключевые слова: молодежное предпринимательство; российское законодательство в сфере молодежного предпринимательства; молодежная политика; меры государственной поддержки молодых предпринимателей; молодые специалисты в бизнесе в РФ; инновации и перспективы молодежного предпринимательства в РФ; законодательное регулирование бизнес-процессов; развитие молодежного предпринимательства; актуальные законодательные инициативы; молодежная политика; меры государственной поддержки; молодые бизнес-специалисты; перспективы молодежного предпринимательства.

Молодежь занимает важное место в социально-экономическом развитии Российской Федерации, что дает толчок для развития молодежного предпринимательства. В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», под молодежью (молодыми гражданами) понимается группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, которая имеет гражданство РФ¹. Президент РФ Владимир Путин в Послании Федеральному Собранию от 21.04.2021 г. отметил, что «молодежь России можно гордиться, ведь она проявила себя в высшей степени достойно в период тяжелых для страны испытаний, именно поэтому, мы сделаем все, чтобы оказывать молодому поколению поддержку, в особенности в предпринимательской деятельности»².

Молодое поколение формирует облик современной России как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, вот почему так важно предоставлять меры государственной поддержки молодежного предпринимательства. Под молодежным предпринимательством в этой связи, автором статьи понимается как деятельность граждан РФ в возрасте 14–35 лет, которые занимаются предпринимательской деятельностью и внедряют бизнес-процессы и стратегии компании.

В последние годы наблюдается увеличение числа молодежи в бизнесе. По состоянию на 2022 год число предпринимателей из числа молодежи и самозанятых достигло 4,4 миллиона человек, что на 50% больше, чем в 2021 году³. По состоянию на 2022 год полмиллиона молодых бизнесменов стали получателями государственной поддержки. Это свидетельствует о том, меры поддержки пользуются спросом. По данным Федерального агентства по делам молодежи, количество получателей грантов превышает 50 000 в год⁴.

Молодежная политика – государственный приоритет, именно поэтому в Федеральном законе

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»: офиц. текст // [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «Гарант».

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 г. «Послание Президента Федеральному Собранию»: офиц. текст // [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³ URL: <https://tass.ru/ekonomika/16667017> (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Фонд «Центр стратегических разработок» «Меры поддержки молодежного предпринимательства» от 25.01.2023 г. «Меры поддержки молодежного предпринимательства в России»: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.csr.ru/ru/research/meriy-podderzhki-molodezhnogo-predprinimatelstva-v-rossii/> (дата обращения: 10.12.2024).

от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» особенно выделяются поддержка и развитие предпринимательской активности среди молодежи. Также к тем, кто занимается деятельностью в области молодежной политики, относятся молодые предприниматели, являющиеся частью инфраструктуры этой политики. Это подчеркивает акцент на развитие молодежного предпринимательства как отдельной категории молодежной политики в РФ.

Исследуя вопросы развития молодежного предпринимательства, стоит обратиться к Распоряжению Правительства РФ от 14 декабря 2021 г. № 3581-р «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 г.». В его содержании молодежной политике и занятости молодежи уделяется особое место, в связи с чем, рекомендуется: создать системы доступной профессиональной ориентации, а также гарантированного общего и профессионального образования, профессиональной подготовки для приобретения актуальных для предпринимательской деятельности навыков; обеспечить молодых людей достаточным количеством рабочих мест, которые можно совмещать с обучением в высшем учебном заведении; обеспечить реализацию комплекса мер, способствующих трудоустройству молодежи, развитию молодежного предпринимательства и самозанятости; продолжать совершенствование государственной политики в сфере труда для молодых людей (повысить состояние защищенности прав и законных интересов трудоустроенной молодежи); стимулировать мотивацию работодателей к трудоустройству молодежи. Указанные меры будут способствовать успешной интеграции молодежи на рынок труда, что положительно отразится как на экономике, так и на молодежном предпринимательстве.

Программа по поддержке занятости молодежи на перспективу до 2030 года направлена на развитие карьерных планов молодых людей, учитывающих их личные и профессиональные навыки, а также запросы рынка труда. В этой связи, среди конкретных мер поддержки молодежного предпринимательства выделяется создание публичных и аналитических сервисов на единой цифровой платформе «Работа в России», которая предоставляет информацию о различных аспектах рынка труда. Ключевыми направлениями реализации данных мер служит: развитие промышленного туризма (это поможет молодежи лучше познакомиться с профессиями, посетить предприятия и сделать более осознанный выбор карьеры); межведомственная координация (органы службы занятости будут работать совместно для организации профориентационных мероприятий в регионах РФ); соответствие образовательных программ требованиям работодателей (важно, чтобы молодые люди получали образование, соответствующее профессионально-квалификационным требованиям, что повысит их конкурентоспособность на рынке труда).

Наряду с вышеперечисленными мерами государственной поддержки молодежи, стоит выделить создание условий для обучения учащихся в профессиональных образовательных организациях предпринимательским компетенциям и предпринимательской практики на базе предприятий для последующего трудоустройства. В дополнение к этому, государством запланирован ряд мероприятий, направленных на развитие и поддержку предпринимательской инициативы среди молодежи. В частности, будет реализован проект «Страна мастеров», который предоставит возможность персонального сопровождения молодежи в сфере предпринимательства. Также будут созданы дополнительные механизмы для снижения рисков незанятости молодежи. В ближайшем будущем планируется реализовать мероприятия, направленные на профессиональное обучение различных категорий молодежи, а также на субсидирование трудоустройства, включая лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

Законодательных источников, посвященных молодежному предпринимательству в РФ, в настоящее время существует немного, но государство стремится развивать их, например, 29 февраля 2024 года Президент РФ В.В. Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию, в котором было предложено объединить положительный опыт в области молодежной политики и запустить новый национальный проект под названием «Молодежь России». Этот проект должен быть направлен на будущее и служить интересам нашей страны в сфере развития молодежной политики и молодежного предпринимательства¹.

В рамках национального проекта «Молодежь России» необходимо предусмотреть создание платформы для обмена опытом между регионами, где молодые люди смогут делиться своими успехами, проектами и инициативами. Это позволит не только развивать чувство общности, но и стимулировать креативность и инновации среди молодежи. Помимо этого, важно акцентировать внимание на развитие программ наставничества и волонтерства. Они помогут молодежи не только развивать свои социальные навыки, но и позволят встраиваться в общественные процессы. Взаимодействие с опытными профессионалами и участие в проектах создаст дополнительные возможности для личностного роста и профессионального становления, а в будущем и для развития предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, необходимо рассмотреть возможность внедрения образовательных курсов по финансовой грамотности, цифровым технологиям и основам предпринимательства, что поможет молодым людям быть более конкурентоспособными на рынке труда. Важной составляющей проекта должно стать развитие инфраструктуры для моло-

¹Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2021 г. «Послание Президента Федеральному Собранию»: офиц. текст // [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

дежи, включая коворкинги, инкубаторы и технопарки, где молодые люди смогут реализовывать свои идеи и находить единомышленников. В конечном счете, по итогам реализации национального проекта «Молодежь России» будут созданы условия для активного участия в социально-экономическом развитии страны молодого поколения.

Из последних изменений, стоит отметить, что 17 декабря 2024 года Государственная Дума во втором и третьем чтениях приняла Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» (проект № 716309–8)¹. Данным законопроектом вносятся изменения в направления молодежной политики в стране, что отражается в усилении 15 новых областях, таких как: патриотическое воспитание молодежи, которое играет важную роль в формировании ее идентичности и гражданской ответственности; духовно-нравственное развитие, которое помогает молодым людям осознать свои ценности, принципы и способствует формированию устойчивого неприятия идеологий терроризма и экстремизма; защита прав и законных интересов граждан в качестве основы для формирования здорового общества; содействие в оказании социально-психологической помощи, которая может поддержать молодежь в сложных ситуациях; усиление поддержки инициатив молодых людей, вовлечение их в социальный и внутренний туризм; наращивание потенциала в сфере социального спорта, который способствует культуре здорового образа жизни среди молодежи; сохранение и укоренение традиционных семейных ценностей, что способствует формированию устойчивых отношений и стабильности в обществе; повышение интереса среди молодежи к самообразованию и самореализации; правовое просвещение молодежи; продвижение творческого потенциала; поддержка молодых людей, живущих в сельской местности; оказание помощи органам молодежного самоуправления и некоммерческим молодежным организациям; формирование экологической культуры и ответственного отношения к окружающей среде. Таким образом, на федеральном уровне Правительством РФ будет утвержден единый комплекс мер по реализации каждого направления, в то время как у регионов появится возможность создавать свой комплекс мер с учетом особенностей и запросов молодежи в каждом конкретном регионе.

Также, со вступлением в силу данных изменений Федеральное агентство по делам молодежи будет осуществлять координирующую роль в вопросе реализации молодежной политики, что отразится на развитии региональной политики. У агентства появятся новые полномочия по формированию и утверждению рекомендаций для учреждений, активно продвигающих молодежную политику на уровне регионов. Особое внимание в этой связи будет уделяться межведомственному взаимодействию. Ранее, парламентарии наде-

лили агентство полномочиями по проведению государственной политики, нормативно-правовому регулированию сферы молодежной политики и утверждению номенклатуры должностей работников соответствующих учреждений, координации деятельности регионов по вопросам реализации молодежной политики, формированию ключевых показателей эффективности реализации молодежной политики в РФ.

Изучая вопросы молодежного предпринимательства в РФ, стоит обратить внимание на деятельность Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), которое выступает в качестве координатора в сфере молодежной политики и имеет своей целью создание условий для самореализации молодых талантов. В особенности на предоставляемые молодым предпринимателям гранты, например проводится Всероссийский конкурс молодежных проектов среди физических лиц, результатом которого является предоставление гранта на реализацию проекта или же на конкурс молодежных проектов Северо-Кавказского федерального округа с размером грантового фонда в размере 81,7 млн руб., также заслуживает внимания проекты трека Росмолодежь.Бизнес, среди которых: обучающие мероприятия «Бизнес.Поколение», конкурс проектов «Твое дело» для действующих предпринимателей и другие. В настоящий момент максимальной суммой гранта для молодого предпринимателя до 25 лет включительно может быть 500 тыс. руб., для Арктической зоны – 1 млн руб. Всего выделено 215 млн руб. для предоставления грантов молодым предпринимателям.

Минэкономразвития России реализует программы поддержки молодежного предпринимательства через направления деятельности ведомства в рамках развития малого и среднего предпринимательства, посредством оказания поддержки технологическому развитию и инновациям. Минэкономразвития России является оператором Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В рамках него предоставляется грантовая поддержка предпринимателям до 25 лет. Грант предоставляется на реализацию бизнес-проекта – приобретение оборудования, оргтехники, программного обеспечения, сырья, оплату аренды, первого взноса по франшизе, продвижение проекта в СМИ и другого. Получить грант могут индивидуальные предприниматели или учредители компании в возрасте до 25 лет, которые должны предоставить сертификат об обучении основам ведения предпринимательской деятельности и произвести софинансирование не менее 25% от стоимости проекта².

Минобрнауки России реализует программы поддержки молодежного предпринимательства через развитие сотрудничества между образовательными учреждениями, реальным сектором экономики и органами государственной власти. При

¹ URL <http://molpol.duma.gov.ru/novosti/7bb23db4-2104-436a-ab9f-58543129658e> (дата обращения: 17.12.2024).

² URL: <https://mcn.pf/services/support/filter/> (дата обращения: 10.12.2024).

поддержке Минобрнауки России реализуется Федеральный проект «Платформа университетского технологического предпринимательства», целью которого является формирование предпринимательской среды в области технологического развития. В рамках проекта осуществляется массовая предпринимательская подготовка студентов и работников образовательных организаций высшего образования, происходит запуск университетских технологических стартапов и стартап-проектов, формируются механизмы привлечения инвестиций в университетские стартапы и стартап-проекты. Ключевой показатель проекта – к 2030 году вывести в экономику из университетов 30 тыс. технологических предпринимателей.

Минтрудом России реализуются программы поддержки молодежного предпринимательства посредством внедрения федеральных проектов по развитию направления занятости молодежи на рынке труда.

Обратившись к существующим в настоящий момент мерам корпоративной поддержки молодежного предпринимательства, стоит отметить успехи компании ПАО «Газпром нефть». В рамках компании действует технологическая долина «Энерготехнохаб Санкт-Петербург», в рамках которой бизнес получает готовые решения, разработанные молодыми учеными. За три года работы площадка объединила более трехсот резидентов, и планируется, что к 2030 году эта цифра вырастет вдвое.

ООО «СИБУР» организует Форум молодых специалистов в качестве инструмента развития предпринимательского подхода. С помощью наставников и после участия в образовательных треках команды молодых специалистов компании защищают свои проекты по предложенным направлениям. Победители получают финансовую поддержку для реализации решений. Ежегодный экономический эффект от внедрения проектов 2021 года, по прогнозам, составит более 50 млн руб. Кроме того, ООО «СИБУР» реализует проекты, направленные на финансовую поддержку молодых предпринимателей – например, действует акселерационная программа «Формула роста», включающая в себя индивидуальную работу с наставниками, образовательные сессии, а также групповые разборы кейсов участников.

Центр цифровой трансформации ПАО «КАМАЗ» ежегодно организует и проводит корпоративный акселератор проектов цифровой трансформации и предпринимательства. Сотрудникам предлагается пройти краткосрочную образовательную программу по поиску и развитию идей продуктовых проектов, по итогам которой они могут инициировать запуск проектов по двум направлениям: «проверка гипотез» – формулирование проблемы производственного или функционального подразделения, решением которой может быть внедрение цифрового продукта; предложение бизнес-идеи, синергичной основной деятельности ПАО «КАМАЗ».

С 2020 года отраслевым советом молодежи Госкорпорации «Росатом» при поддержке корпоративного акселератора Росатома «Иннохаб» продвигается развитие корпоративного молодежного предпринимательства. Формируется единая площадка и отраслевое направление по поддержке проектов внутренних молодых предпринимателей отрасли – индивидуальных инициатив сотрудников вне зависимости от уровня предпринимательской зрелости и их обучение.

Таким образом, несмотря на существующие меры поддержки, молодые предприниматели сталкиваются с рядом проблем, связанных с правовым регулированием. Во-первых, недостаток информации о доступных субсидиях и грантах часто приводит к низкому уровню их использования. Во-вторых, бюрократические процедуры оформления документов могут быть сложными и времязатратными, что также снижает доступность поддержки. Кроме того, отсутствие системного подхода к государственной поддержке молодежного предпринимательства создает неравномерные условия в разных регионах России. Например, в больших городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, существуют более развитые инфраструктуры для поддержки стартапов по сравнению с малонаселенными регионами. Это создает дисбаланс в развитии и доступности ресурсов.

В качестве будущих перспектив развития молодежного предпринимательства в РФ можно ожидать расширения мер государственной поддержки, включая: упрощение процедур получения субсидий, оформления документации, сроков рассмотрения заявок; создание онлайн-ресурсов, которые позволят молодым предпринимателям находить информацию о поддержке, получать консультации и взаимодействовать с экспертами; увеличение финансирования, направленного на поддержку стартапов, включая венчурные инвестиции; укрепление сотрудничества между предпринимателями и инновационными центрами для обмена идеями и опытом.

Российский опыт правового регулирования мер государственной поддержки молодежного предпринимательства демонстрирует разнообразие и комплексный подход к организации этой важной сферы. Системы правовых механизмов молодежного предпринимательства позволяют не только создавать новую среду для роста бизнеса, но и концентрировать усилия на решении актуальных социально-экономических проблем. Однако остаются и вызовы, требующие решения для улучшения доступности и качества предоставляемых мер поддержки. Важно продолжать следить за изменениями в законодательстве, а также внедрять лучшие практики, чтобы поддержка молодежного предпринимательства оставалась актуальной и эффективной.

Для реализации этого требуется сосредоточить свои усилия в сфере образования и продвигать культуру молодежного предпринимательства; поддерживать молодежь при старте бизнеса с по-

мощью грантов, инвестиций и наставничества от опытных предпринимателей; обеспечить стабильность налоговой политики; сократить давление со стороны надзорных органов; создать равные возможности для молодых людей в бизнесе в разных регионах страны. Чтобы молодежное предпринимательство развивалось необходимо наладить взаимодействие между молодыми предпринимателями и органами власти, вовлечь их в активную общественную деятельность, разработать нормативно-правовую базу, разработать систему эффективных мер поддержки и устранить административные барьеры. Для улучшения управления в этой области и повышения его эффективности необходимо разработать и утвердить на федеральном уровне «Молодежный кодекс», а также принять соответствующие законы на региональном уровне. Важно также поощрять участие молодых предпринимателей в законотворческом процессе, наделяя их объединения правом законодательной инициативы.

Литература

1. Белов И.П., Белова Т.Г., Неволлина В.В. Поддержка молодежного предпринимательства // Инновации и инвестиции. 2019. № 12 С. 99–103.
2. Блохина А.В. Молодежное предпринимательство в Российской Федерации: государственное регулирование и основные направления развития // Вестник Национального института бизнеса. 2019. № 35. С. 14–18.
3. Борис О.А., Никулина А.В., Парахина В.Н. Управление инновационной бизнес-активностью молодежи в современных российских условиях // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2022. № 1 (295). С. 59–66.
4. Верещак С.Б., Абрамова Л.А., Верещак А.В. Новые векторы правового регулирования молодежной политики в контексте федерального и регионального законодательства // Право и практика. 2021. № 3. С. 24–28.
5. Вернигора С.О., Соловьева Е.В. Основные проблемы молодежного предпринимательства в современной России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 2 (10). С. 161–169.
6. Дедусенко Е.А., Елина О.А. Молодежное технологическое предпринимательство: тренды и вызовы создания стартапа // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32. № 4 С. 628–634.
7. Добрынина М.В., Коваленко Д.Г. Молодежное социальное предпринимательство: проблемы и перспективы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 53–61.
8. Зюзева Ж.В. Шляхина С.Ю. Развитие молодежного предпринимательства в услови-

ях цифровизации // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 12 (69). С. 95–100.

9. Климук В.В. Эволюция и тенденции развития инновационного молодежного предпринимательства // Вестник Академии знаний. 2021. № 45 (4). С. 126–136.
10. Кочесокова Э.Ю. Исследование основных проблем и перспектив развития молодежного предпринимательства в РФ // Juvenis scientia. 2016. № 1. С. 50–51.
11. Галикаева Р.Р. Перспективы развития молодежного предпринимательства в условиях цифровой экономики // Последние тенденции в области науки и образования материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. Нефтекамск: Уфимский университет науки и технологий, 2024. С. 32–38.
12. Paskova N.A., Bazhin I., Ustiugova E. Youth entrepreneurship development with all-russian forums support // YOUTH INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP 2023. Irkutsk: Irkutsk State University, 2023. P. 123–127.

CURRENT MEASURES OF STATE SUPPORT FOR YOUTH ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA, LEGAL ASPECT»

Mostovshchikov A.A.

State Academic University of the Humanities

In recent years, the influence of youth entrepreneurship has become increasingly important for the economy of the Russian Federation, which undoubtedly affects the active development of legislative regulation in this area. Government agencies and various legal institutions actively assist young businessmen by offering them various forms of government support. This is due to the need to increase innovation opportunities, create new jobs and contribute to improving the social well-being of Russian citizens.

The content of the article reflects such key areas of the topic of the work as: modern ways of supporting youth entrepreneurship, the experience of legal regulation of youth entrepreneurship in the Russian Federation through a historical prism, current legislative initiatives in the field of youth entrepreneurship, the subjects and objects of state support measures are highlighted, a comparative analysis of the positive and negative impact of various measures of state assistance is made.

Having conducted a study of the experience of legal regulation of measures of state support for youth entrepreneurship, the author of the article concludes that currently there is a demand in society for the development and support of youth entrepreneurship. At the same time, there is practically no effective legislative regulation. The author of the work confirms the value of the development of youth entrepreneurship for the economy of the Russian Federation. Based on the totality of the conclusions made by the author, it is important to conduct further research in the field of state support for youth entrepreneurship, because only through joint efforts will we be able to provide decent conditions for attracting more young people to business.

Keywords: youth entrepreneurship; Russian legislation in the field of youth entrepreneurship; youth policy; measures of state support for young entrepreneurs; young business professionals in the Russian Federation; innovations and prospects of youth entrepreneurship in the Russian Federation; legislative regulation of business processes; development of youth entrepreneurship; current legislative initiatives; youth policy; government support measures; young business professionals; prospects for youth entrepreneurship.

References

1. Belov I.P., Belova T.G., Nevollina V.V. Support of youth entrepreneurship // Innovations and investments. 2019. No. 12. P. 99–103.

2. Blokhina A.V. Youth entrepreneurship in the Russian Federation: state regulation and main directions of development // Bulletin of the National Institute of Business. 2019. No. 35. P. 14–18.
3. Boris O.A., Nikulina A.V., Parakhina V.N. Managing innovative business activity of youth in modern Russian conditions // Bulletin of Adyghe State University. Series 5: Economy. 2022. No. 1 (295). P. 59–66.
4. Vereshchak S.B., Abramova L.A., Vereshchak A.V. New Vectors of Legal Regulation of Youth Policy in the Context of Federal and Regional Lawmaking // Law and Practice. 2021. No. 3. P. 24–28.
5. Vernigora S.O., Solovieva E.V. The Main Problems of Youth Entrepreneurship in Modern Russia // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2023. No. 2 (10). P. 161–169.
6. Dedusenko E.A., Elina O.A. Youth Technological Entrepreneurship: Trends and Challenges of Startup Creation // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2022. Vol. 32. No. 4. P. 628–634.
7. Dobrynina M.V., Kovalenko D.G. Youth Social Entrepreneurship: Problems and Prospects // Economic and Social-Humanitarian Research. 2023. No. 3 (39). P. 53–61.
8. Zyuzeva Zh.V. Shlyakhina S. Yu. Development of youth entrepreneurship in the context of digitalization // Bulletin of science. 2023. Vol. 1. No. 12 (69). P. 95–100.
9. Klimuk V.V. Evolution and trends in the development of innovative youth entrepreneurship // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. No. 45 (4). P. 126–136.
10. Kochesokova E. Yu. Study of the main problems and prospects for the development of youth entrepreneurship in the Russian Federation // Juvenis scientia. 2016. No. 1. P. 50–51.
11. Galikaeva R.R. Prospects for the Development of Youth Entrepreneurship in the Context of the Digital Economy // Latest Trends in Science and Education Proceedings of the International (Correspondence) Scientific and Practical Conference. Neftekamsk: Ufa University of Science and Technology, 2024. P. 32–38.
12. Paskova N.A., Bazhin I., Ustiugova E. Youth entrepreneurship development with all-russian forums support // YOUTH INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP 2023. Irkutsk: Irkutsk State University, 2023. P. 123–127.

Смежно-правовая природа исполнений в отдельных специфических видах театрално-зрелищных представлений

Хашагульгов Ибрагим Тарханович,
аспирант, Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
E-mail: imalekit1999@gmail.com

Целью настоящей статьи является рассмотрение отдельных видов исполнений в театрално-зрелищных представлениях в рамках глобального диссертационного исследования правовой природы смежных прав в условиях цифровизации. С правовой точки зрения анализируются особые практические случаи, что, в свою очередь, дает возможность взглянуть на теоретическую основу смежных прав под другим углом. В ходе исследования были получены сведения о смежных правах на исполнения в различных формах: в ходе публичных мероприятий, в виртуальном пространстве и даже в рамках имитации постановки. Проведенное исследование позволило сделать вывод о необходимости возможного изменения взгляда на действующее правовое регулирование исполнений как результатов интеллектуальной деятельности, по меньшей мере, в рамках постановки театрално-зрелищного представления.

Ключевые слова: смежные права, исполнение, творчество, театрално-зрелищное представление, режиссер-постановщик, искусственный интеллект.

Постановка спектакля или иного театралного представления представляется сложным процессом, требующим чуткого внимания к деталям, слаженной работы всех участников, идеального сообщения между всеми элементами. Несмотря на то, что театралное искусство существует еще с древних времен, отдельные аспекты организации подобного мероприятия все еще кажутся неопределенными. Среди них, разумеется, вопросы правовой охраны театралных постановок.

Статья 1240 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] посвящена сложным объектам интеллектуальных прав, которые включают в себя ряд других результатов интеллектуальной деятельности. К сожалению, в законе не содержится разъяснений по поводу каждого такого объекта, но на данном этапе достаточно отметить, что законодатель выделяет широкое понятие «театрално-зрелищное представление», которое в большей степени соотносится с постановкой. Г.П. Ивлиев писал «театр – это, прежде всего, здесь и сейчас, а не запись и не копия на жестком носителе [2].

Деятельность режиссеров-постановщиков по творческой постановке в законодательстве Российской Федерации представлена как разновидность исполнений в статье 1304 ГК РФ, то есть режиссер-постановщик спектакля является обладателем смежных прав на создаваемое представление. При этом важно не отождествлять термины «постановка» и «театрално-зрелищное представление»: смежные права в российском законодательстве в российском законодательстве могут являть собой усеченный перечень действий, например, смежное право на базу данных позволяет извлекать из нее данные, однако таким образом у обладателя смежного права не возникает право на весь объект. Аналогичным образом соотносятся рассматриваемые термины: постановка – это творческий процесс со стороны режиссера-постановщика, театрално-зрелищное представление – сложный объект, включающий в себя, помимо всего прочего, постановку.

В большинстве случаев правовое регулирование театралных представлений понимается именно таким образом. Между тем, представляется верным рассмотреть необычные разновидности театралных постановок, правовую природу которых определить несколько сложнее; особые представления, которые не обладают явными чертами постановки, но в действительности могут являться таковыми. В настоящей статье предлагается рассмотреть три таких случая.

Начать предлагается с такого мероприятия как модный показ, которое безусловно является зрелищным представлением. Очевидно, что такого рода мероприятие обладает структурным единством и включает в себя несколько объектов интеллектуальной собственности.

Однако, есть ли здесь место для театрального элемента? Рассмотрение данного примера наталкивает читателя на размышления о природе театральной деятельности. Согласно определению, данному Толковым словаре Ожегова, театр – искусство представления драматических произведений на сцене; само такое представление. Подобное определение позволяет установить, что, во-первых, театральная деятельность – искусство, а искусство невозможно без творчества, во-вторых, театральное представление основано на драматическом произведении. Применимы ли эти факторы в отношении показа мод? Да, если подойти к организации с достаточной долей творчества.

Ряд ученых высказывает мнение, что произведение, лежащее в основе, является определяющим элементом для правовой охраны исполнения, демонстрируя таким образом неразрывную связь всех смежных прав с авторскими. Такой подход представляется логичным, поскольку в противном случае исполнением считалось бы абсолютно любое действие, движение, речь. Между тем, каждое исполнение становится особенным не по той причине, что каждый исполнитель неотступно следует тексту произведения, а напротив – импровизация и особый творческий подход делает исполнения одного и того же произведения не похожими друг на друга. Представляется, что именно критерий творчества должен быть определяющим для исполнений.

Изучая вопрос, А.Г. Матвеев пишет, что модные показы не являются какими бы то ни было произведениями, поэтому не влекут за собой возникновение прав на исполнение [3]. С другой стороны, организация многих модных показов требует творческого вклада, а сами дефиле в результате преобразуются в полноценное шоу или спектакль. С этой точки зрения, результат работы манекенщиц может квалифицироваться как исполнение, также как и деятельность постановщика, в том случае, если сам модный показ можно квалифицировать как театрально-зрелищное представление.

Аналогичной точки зрения придерживается А.М. Дорофеева [4], утверждающая, что «...модели как неотъемлемые участники показа должны быть признаны исполнителями, с точки зрения гражданского законодательства».

Представляется, что критерий творчества, необходимый для квалификации результата деятельности в качестве исполнения, в таком случае презюмируется для моделей. При этом нельзя сказать, что результаты деятельности модели лишены творческого начала: профессиональные модели должны знать хореографию, манеру поведения и стиль походки на подиуме, технологию макияжа. Предъявление более высоких в сравнении с други-

ми исполнителями требований для моделей в получении смежно-правовой охраны представляется нерациональной и несправедливой мерой.

Иной взгляд на ситуацию можно обнаружить в иностранной доктрине. Елена Варезе и Валентина Мацца, представители итальянского Департамента интеллектуальной собственности и технологий в своей статье рассуждают, что специфические походки моделей, их движения можно квалифицировать как исполнение в независимости от того, как организуются шоу [5]. Специалисты подчеркивают это необходимостью защиты прав манекенщиц и ссылаются также на национальное законодательство Италии, где право на модный показ может охраняться в качестве объекта авторских прав.

Итальянские ученые также анализируют право Франции и Великобритании, отмечая, что «показ мод» как объект авторских и/или смежных прав прямо не обозначен ни одной из рассматриваемых правовых систем, однако рассматриваемые перечни объектов не являются закрытыми, вследствие чего отдельные явления могут быть квалифицированы как произведение или, что более важно в контексте настоящего исследования, как исполнение.

В завершение Е. Варезе и В. Мацца приводят ряд аргументов, подтверждающих необходимость смежно-правовой охраны прав исполнителей на модных показах. Так, ученые отмечают, что подобное регулирование гарантирует моделям адекватное вознаграждение, охрану их личных немущественных прав, дадут профсоюзам моделей значительные рычаги влияния в переговорах.

Таким образом, результаты деятельности моделей на модных показах могут быть квалифицированы в качестве исполнений, поскольку сам модный показ может охраняться как театрально-зрелищное представление. В завершение необходимо отметить, что теоретическая и практическая база по вопросу продолжает формироваться, поскольку «модное» право продолжает интенсивное развитие.

Было бы несправедливо ограничивать подобного рода мероприятия одними лишь показами мод. Аналогичное регулирование может иметь любое подобное мероприятие, например, презентация проекта или продукта.

Рассмотренные театрально-зрелищные мероприятия с неочевидным театральным элементом, несмотря на обнаруженные неопределенности в правовом регулировании, являются на сегодняшний день довольно распространенным явлением, чего нельзя сказать о следующем примере, который не имеет достаточно известных аналогов. Впрочем, развитие технологий может лишь способствовать увеличению количества подобных случаев.

В 2020 году в период пандемии COVID-19 драматург Селин Сон «поставила» пьесу Антона Павловича Чехова «Чайка» в видеоигре «The Sims 4» и транслировала мероприятие на платформе Twitch [6].

Для понимания правовой стороны вопроса необходимо сперва изучить механику данного мульт-

тимедийного продукта. Игра представляет собой «симулятор жизни», а игрок может управлять жизнью множества созданных персонажей, называемых «симами», но одновременно он может задавать команды только для одного героя, а остальные в это время переходят под управление искусственного интеллекта. Таким образом, Сон переключала управление на персонажа, говорящего реплику в конкретный момент, а все остальные в это время ею не контролировались. Сон заранее наделила симов характерными чертами, наделила их индивидуальностью, разумеется, ограниченную возможностями программы. При этом в моменты, когда контроль переходил к ИИ, симы не действовали по сценарию пьесы, а могли, например, покинуть место действия и выполнять заданные игрой, искусственным интеллектом, действия, соответствующие характеру персонажа. Безусловно, у самих симов не могло возникнуть понимание, что они создают результат интеллектуальной деятельности, однако они, в сущности, занимались импровизацией, а импровизация без элемента творчества невозможна.

Здесь следует сделать небольшую оговорку: Селин Сон является гражданкой Канады, проживающей в США; Electronic Arts (издатель видеоигры) и Twitch (стриминговая площадка) – американские компании. Таким образом, правильнее было бы рассматривать ситуацию, исходя из норм американского законодательства. Между тем, представляется логичным также обратиться к нормам российского законодательства. Во-первых, и автор, и читатель настоящего материала, очевидно, имеют большое представление о регулировании смежных прав по российскому праву. Во-вторых, в праве США термин «смежные права» не используется, вследствие чего разумнее рассматривать правопорядок, которому известны все используемые термины.

Возвращаясь к ситуации, необходимо сперва обозначить, что несмотря на необычную форму постановки, данное мероприятие обладает всеми характерными чертами театрально-зрелищного представления, что подтверждает возникновение интеллектуальных прав у причастных лиц. Также следует упомянуть возникновение интеллектуальных прав у платформы Twitch, однако особенности правового регулирования Интернет-вещания могут послужить темой для отдельной научной работы, поэтому правильнее будет сконцентрироваться на предмете настоящего анализа.

Данный случай примечателен не столько необычным форматом постановки, сколько смежными правами исполнителей. Смежные права Сон не вызывают вопросы, поскольку она является режиссером-постановщиком данного спектакля. Но, как было сказано ранее, большую часть времени контроль за неактивными персонажами брал искусственный интеллект, что его исполнителем в постановке.

Важно при этом не подменять понятия: ранее деятельность ИИ в данном проекте была названа

«импровизацией», однако, в сущности, это скорее выбор случайного действия из числа заложенных программой. Искусственный интеллект симов, несмотря на развитость, не создает впечатление полностью самостоятельного субъекта, способного принимать решения и осознанно создавать результаты интеллектуальной деятельности. Несмотря на определенную индивидуальность характеров каждого из них, по ходу пьесы можно проследить, что они, в сущности, действуют в соответствии с набором команд. Стоит заметить, что случайный выбор из набора действий не является импровизацией и творческим процессом как таковым [7].

Исполнение подразумевает, что есть первоисточник-произведение, которое артист исполняет своими волевыми действиями, а симы, очевидно, не заинтересованы (и не могут быть) в исполнении произведения. С другой же стороны, формулировка ст. 1313 ГК РФ не предписывает пределы, в которых должно осуществляться исполнение, вследствие чего исполнением может быть признано любое действие, которое зритель может так или иначе чувственно воспринять. Действия симов в постановке соответствуют таковому, что все же оставляет возможность рассуждать о том, что они могут быть признаны исполнениями.

Творческий труд Сон как режиссера-постановщика неоспорим: она соответствующим образом направляет симов, чтобы в данном мероприятии все же были отражены отдельные важные события «Чайки». Между тем, именно комичное и хаотичное поведение симов делает эту адаптацию произведения настолько необычным творческим зрелищем.

Кроме того, следует учитывать, что развитие технологий искусственного интеллекта продолжается каждый день, вследствие чего может возникнуть ситуация, когда количество заданных вариантов поведения увеличится до такого значения, что можно будет

Разработчик и издатель видеоигры Electronic Arts (EA) вносит некоторую ясность в вопрос со спорными правами. Пользовательское соглашение к The Sims 4 содержит положение, что EA сохраняет за собой все права собственности и интересы в отношении программного обеспечения (включая всех персонажей, сюжетную линию, изображения, фотографии, анимацию, видео, музыка, текст), а также все связанные авторские права, товарные знаки и другие права интеллектуальной собственности в нем» [8]. Несмотря на то, что смежные права исполнителя прямо не поименованы в приведенной формулировке, можно презюмировать, что обладателем смежных прав на исполнения, созданные ИИ в видеоигре The Sims 4, является Electronic Arts. Между тем, юридическое лицо не может получить исключительное право в силу самого создания исполнения: EA становится правообладателем вследствие заключения договора с изначальным исполнителем, а исполнение было создано, в том числе, искусственным интеллектом. Такая ситуация подтверждает, что ИИ стоит

воспринимать как инструмент для создания РИДа, но не как автора, но в то же время наделить создателя ИИ смежными правами.

Так или иначе, сама возможность постановки спектаклей в виртуальном пространстве с помощью искусственного интеллекта позволяет обратить внимание на некоторые неопределенности в правовом регулировании таких процессов. А с учетом постоянного развития технологии искусственного интеллекта, решение таких вопросов кажется актуальным и на сегодняшний день, в том числе, и для российского права.

В завершение разбора виртуальных постановок стоит заметить, что российские постановщики также осуществляли таким же образом спектакли в Sims 4. Так, на видеохостинге YouTube на канале «Мастерская Брусникина» (театральная труппа режиссера и актера Дмитрия Владимировича Брусникина) размещены два видеоролика: «Тоска по спектаклю: «Небо» Максима Курочкина» и «Тоска по спектаклю: «Мы уже здесь» Павел Пряжко» [9]. Однако данные ролики не стали предметом настоящего рассмотрения не без причины. В трансляции Селин Сон, длящейся более пяти часов в большей степени отражен процесс создания постановки, что соответствует заявленной теме. В связи с тем, что театрально-зрелищное представление «Чайки» делалось «на глазах» у зрителя, проследить особенности поведения и роли искусственного интеллекта оказалось проще, в то время как видеоролики «Мастерской Брусникина», являясь скорее аудиовизуальными произведениями, а не театральными постановками, не дают сделать вывод о том, насколько велика была роль искусственного интеллекта. Между тем, сам факт создания таких произведений в России является крайне интересным опытом, что также указывает на необходимость российскому праву адаптироваться под эту и подобные ей ситуации.

Третий случай относится к случаям, когда театральное представление используется как способ обхода законодательства, продемонстрирован в эпизоде псевдодокументального сериала *Nathan for you* [10]. Разумеется, было бы неправильно всерьез анализировать юмористическое шоу в рамках научной статьи без достаточного обоснования. Такое обоснование имеется: правовые нормы, которыми руководствуется главный персонаж действительно зафиксированы в соответствующих правовых актах, и подобная ситуация действительно могла бы произойти в действительности, вследствие чего данный пример можно рассматривать как практический случай.

Концепция шоу, по меньшей мере, интересна: главный актер и ведущий, Нейтан Филдер, представляясь бизнес-консультантом, помогает мелким и средним предпринимателям самыми необычными советами и способами. Так, в одном из эпизодов, Филдер консультирует собственницу питейного заведения в Калифорнии. По законам штата курение в помещениях строго запрещено, что негативно сказывается на посещаемости заведения.

Впрочем, из этого правила также есть исключение: курение в калифорнийских помещениях запрещено, кроме случаев, когда курение является сюжетно-оправданным элементом в театральной постановке (*California Labor Code, Division 5, 6404.5*) [11]. Филдер решает воспользоваться этим исключением, оборудует в баре несколько зрительных мест, огораживает этот участок бара занавесом и приглашает зрителей на постановку «Курить разрешено». Само представление просто показывает обычное времяпрепровождение посетителей. При входе в бар он повесил табличку «При входе в бар Вы соглашаетесь стать частью театральной постановки «Курить разрешено», чем делает каждого посетителя исполнителем.

В дальнейшем ситуация приобретает еще более неожиданный поворот: зрителям «представление» понравилось, к большому удивлению самого Нейтана. Он начинает всерьез изучать записи «постановки», консультируется с людьми из театральной сферы, с помощью специалистов по чтению слов по губам преобразует в текст все реплики абсолютно всех посетителей бара в тот вечер, и, в сущности, создает драматическое произведение. Впоследствии Филдер нанимает исполнителей на роли посетителей, находит новых зрителей и полностью «воссоздает» прошедшую ранее постановку, разве что, все участники, кроме Нейтана, были заменены актерами.

Наконец, можно приступить к правовому анализу возникшей ситуации, однако необходимо сделать оговорку, как и в прошлом случае: несмотря на то, что рассматриваемый казус возник в связи с практической реализации правовой нормы США, ситуация будет анализироваться в соответствии с российским законодательством. Сделано это по нескольким причинам. Во-первых, в праве США категория «смежные права» является составным элементом термина «copyright», а целью исследования являются именно рассуждения о смежных правах на театрально-зрелищные представления в Российской Федерации. Во-вторых, рассматриваемая американская норма в большей степени регулирует не интеллектуальные права, а отношения в сфере здравоохранения, труда, оборота и употребления табачной продукции. В то же время, как было сказано ранее, рассматриваемая практическая задача представляется крайне интересной темой для анализа, поскольку позволяет сформировать большее представление о природе смежных прав на театральные постановки. Рассматриваемая норма американского права является основанием для интересных рассуждений о нормах о смежных правах в целом.

Как было выяснено ранее, в основе театрально-зрелищного представления должно лежать произведение, которое адаптируется исполнителями. На момент первого представления такого произведения фактически не существовало, и оно не создавалось «в моменте». В соответствии с нормой США все посетители и владелица бара (но не сам Нейтан, который не курил в помещении) нарушили

закон штата, поскольку данное явление не было театрально-зрелищным представлением.

Вторая же «постановка», по замыслу Филдера – это результат его творческого труда, поскольку исполнялось некое произведение. Несмотря на нарочитую нелепость и комичность происходящего, Нейтан действительно работал с артистами, чтобы их исполнение соответствовало его творческому видению.

На этом этапе можно выделить очевидное несоответствие: текст, послуживший основой для постановки, не является творческим произведением, а в большей степени результатом технической работы Филдера и его команды по документированию всех происходивших событий. Однако само театрально-зрелищное представление, вышедшее в итоге, несомненно обладает соответствующими чертами театрального исполнения, чтобы признать возникновение смежных прав у постановщика. Подобный казус не исключает необходимость исполнения какого-либо конкретного произведения, но указывает на превалирование критерия творчества над критерием «произведения в основе исполнения», а также четко очерчивает линию, отделяющую исполнение, как объект смежных прав, от произведений авторского права. Такое утверждение верно, как минимум, в отношении театральных постановок: формулировка статьи 1313 ГК РФ явным образом отделяет «простое» исполнение артиста-исполнителя, для которого данное условие является необходимым («...или иным образом участвует в исполнении произведения литературы, искусства или народного творчества...») от исполнений дирижеров и режиссеров-постановщиков, для которого подобное условие законом не предусмотрено.

В то же время подобные казусы могут размывать грань между творческим исполнением и мимикрией под таковое, чем, как представляется, была «постановка Нейтана. Это может происходить в два этапа:

1. Какое-либо событие документируется в деталях, преобразуется в текст;
2. На основе этого текста создается театральная постановка.

Таким образом, рынок театрального искусства может оказаться под угрозой в связи с тем, что будет заполнен множеством «пустых» спектаклей. Внешние ограничения в регулировании такого процесса в виде введения некоей процедуры регистрации также не могут быть применены: для возникновения смежных прав, как и авторских, не требуются подобные формальности.

В то же время действующее законодательство естественным образом регулирует такую проблему, создавая препятствия для большинства подобных постановщиков. Во-первых, «сухой» протокол происходящих событий не является творческим произведением, что обязывает сценариста все же проводить творческую работу. Во-вторых, создание театральной постановки – большой труд, на который решится не всякий потенциальный по-

становщик. В-третьих, не всякий театр готов предоставлять площадку для таких бесперспективных проектов. Однако исключить такую проблему во все также было бы неправильно, поскольку доказать, что произведение и последующая постановка не являются творческими, на практике оказывается не всегда просто.

Подводя итог всей работе, стоит обозначить, что рассмотрение необычных разновидностей театральных постановок позволяет обратить внимание на особенности правового регулирования прав на такое проблемное явление в праве. Приведенные казусы демонстрируют наличие определенных пробелов и как в данном подинституте права, так и позволяют обратить внимание на правовое регулирование смежных прав в целом. Критерии охраноспособности исполнений (и конкретно постановок режиссеров театра) представляются не всегда определенными, вследствие чего предлагается подготовить законодательство к описанным вызовам.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // «Собрание законодательства РФ», 25.12.2006, № 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Ивлиев Г.П. Права режиссера-постановщика при публичном исполнении: международная инициатива // ИС. Авторское право и смежные права. 2020. № 8. С. 4–8.
3. Матвеев А.Г. Интеллектуальные права, смежные с авторскими: учебное пособие / А.Г. Матвеев. Уфа: Аэтерна, 2019. – 126 с.
4. Дорофеева А.М. Интеллектуальные права на показ мод как сложный объект прав. Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов: сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международной научно-практической конференции юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ): в 5 частях. Москва, 2020, Проспект. Ч. 3, с. 304–308.
5. Elena Varese and Valentina Mazza The Protection of Fashion Shows: An Uncharted Stage [Электронный ресурс] URL: <https://www.mdpi.com/2075-471X/8/4/29> (дата обращения 27.01.2025).
6. The Best Online Staging of Chekhov's The Seagull Is in The Sims. Really. [Электронный ресурс] URL: <https://www.vulture.com/2020/11/the-best-online-staging-of-chekhovs-seagull-is-in-the-sims.html> (дата обращения – 27.01.2025 г.)
7. Трынченков Н.А. Результаты функционирования искусственного интеллекта как потенциальные объекты смежных прав // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2021. Т. 38, № 3. С. 104–107.

8. ELECTRONIC ARTS SOFTWARE END USER LICENSE AGREEMENT THE SIMS 4 [Электронный ресурс] URL: <https://media.contentapi.ea.com/content/dam/eacom/en-us/eula/eula-the-sims-4-pc-row-07092014.pdf> (дата обращения 04.11.2024 г.)
9. Мастерская Брусникина / видеохостинг Youtube [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/@%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%91%D1%80%D1%83%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D1%836%D0%B3> (дата обращения – 30.11.2024 г.)
10. Нэйтан спешит на выручку (сериал 2013–2017) // Кинопоиск [Электронный ресурс] URL: https://www.kinopoisk.ru/series/734884/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения – 30.11.2024 г.)
11. Labor Code – LAB DIVISION 5. SAFETY IN EMPLOYMENT [6300–9254] (Division 5 enacted by Stats. 1937, Ch. 90.) PART 1. OCCUPATIONAL SAFETY AND HEALTH [6300–6725] (Heading of Part 1 amended by Stats. 1973, Ch. 993.) // California Legislative Information [Электронный ресурс] URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?sectionNum=6404.5.&lawCode=LAB (дата обращения – 30.12.2024 г.)

THE RELATED LEGAL NATURE OF PERFORMANCES IN CERTAIN SPECIFIC TYPES OF THEATRICAL AND ENTERTAINMENT PERFORMANCES

Khashagulgov I.T.

Russian State Academy of Intellectual Property

The purpose of this article is to consider certain types of performances in theatrical and entertainment performances within the framework of a global dissertation study of the legal nature of related rights in the context of digitalization. From a legal point of view, special practical cases are analyzed, which, in turn, makes it possible to look at the theoretical basis of related rights from a different angle. The study obtained information on related rights to performances in various forms: during public events, in virtual space, and even within the framework of an imitation of a production. The conducted study allowed us to conclude that it is necessary to possibly change the view on the current legal regulation of performances as results of intellectual activity, at least within the framework of a theatrical and entertainment performance.

Keywords: related rights, performance, creativity, theatrical performance, director, artificial intelligence.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 22.07.2024) // “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 25.12.2006, No. 52 (part 1), art. 5496.
2. Ivliev G.P. Rights of the stage director during public performance: international initiative // IP. Copyright and related rights. 2020. No. 8. pp. 4–8.
3. Matveev A.G. Intellectual rights related to copyright: a tutorial / A.G. Matveev. Ufa: Aeterna, 2019. – 126 p.
4. Dorofeeva A.M. Intellectual rights to a fashion show as a complex object of rights. The Rights and Responsibilities of Citizens and Public Authorities: Finding a Balance of Interests: Collection of Materials from the XVII International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) and the XX International Scientific and Practical Conference of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU): in 5 parts. Moscow, 2020, Prospect. Part 3, pp. 304–308.
5. Elena Varese and Valentina Mazza The Protection of Fashion Shows: An Uncharted Stage [Electronic resource] URL: <https://www.mdpi.com/2075-471X/8/4/29> (accessed on January 27, 2025).
6. The Best Online Staging of Chekhov’s The Seagull Is in The Sims. Really. [Electronic resource] URL: <https://www.vulture.com/2020/11/the-best-online-staging-of-chekhovs-seagull-is-in-the-sims.html> (date of access – 01/27/2025)
7. Trynchenkov N.A. Results of the functioning of artificial intelligence as potential objects of related rights // Works on Intellectual Property. 2021. Vol. 38, No. 3. Pp. 104–107.
8. ELECTRONIC ARTS SOFTWARE END USER LICENSE AGREEMENT THE SIMS 4 [Electronic resource] URL: <https://media.contentapi.ea.com/content/dam/eacom/en-us/eula/eula-the-sims-4-pc-row-07092014.pdf> (accessed 04.11.2024)
9. Brusnikin Workshop / Youtube video hosting [Electronic resource] URL: <https://www.youtube.com/@%D0%9C%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%91%D1%80%D1%83%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D1%836%D0%B3> (accessed on 30.11.2024)
10. Nathan to the Rescue (TV series 2013–2017) // Kinopoisk [Electronic resource] URL: https://www.kinopoisk.ru/series/734884/?utm_referrer=www.google.com (accessed on November 30, 2024)
11. Labor Code – LAB DIVISION 5. SAFETY IN EMPLOYMENT [6300–9254] (Division 5 enacted by Stats. 1937, Ch. 90.) PART 1. OCCUPATIONAL SAFETY AND HEALTH [6300–6725] (Heading of Part 1 amended by Stats. 1973, Ch. 993.) // California Legislative Information [Electronic resource] URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?sectionNum=6404.5.&lawCode=LAB (accessed 12/30/2024)

Анисимова Анна Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: danissimo27@mail.ru

Невенченко Ярослав Александрович,

магистрант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

На протяжении всего периода развития деятельность государственных структур сопровождалась таким негативным явлением, как коррупция, нанося огромный вред национальной безопасности нашей страны.

В настоящей статье рассматриваются некоторые проблемы борьбы с коррупцией в России на примере органов внутренних дел. Изучение сущности коррупции и ее основные проявления являются темой исследования многих ученых, деятелей общественной мысли.

К сожалению, не все должностные лица могут противостоять таким соблазнам, как корысть, тщеславие или любой другой заинтересованности, воплощение в реальность которых ускоряет и упрощает служебное положение, наделенное организационными, административными, хозяйственными и просто властными полномочиями. Автором оцениваются перспективные направления правовой и организационной борьбы с коррупцией. Согласно информации, опубликованной Генеральной прокуратурой, с начала 2019 года было зафиксировано резкое увеличение коррупционных преступлений. Так в 2019 году показатели возбужденных уголовных дел по ст. 290 УК РФ (получение взятки) доходили до 3188 преступлений в год, но уже в 2023 году данные выросли до 5020 преступлений. Вышеуказанная статистика говорит об актуальности темы научной работы. Автор изучает проблемы борьбы с коррупцией в органах внутренних дел, приводит пути решения данных проблем.

Ключевые слова: коррупция, нормативная база, цифровизация, причины проявления коррупции в России.

Введение

Коррупционная составляющая в России формируется под влиянием множества факторов социального, экономического и правового характера. Низкий уровень материального обеспечения граждан создает предпосылки для поиска дополнительных источников дохода. Недостаточная правовая грамотность граждан способствует злоупотреблению должностными полномочиями.

Согласно информации, опубликованной Генеральной прокуратурой, с начала 2019 года было зафиксировано резкое увеличение коррупционных преступлений. Так в 2019 году показатели возбужденных уголовных дел по ст. 290 УК РФ (получение взятки) доходили до 3188 преступлений в год, но уже в 2023 году данные выросли до 5020 преступлений.

Борьба с коррупцией осуществляется на протяжении всей истории российского государства. Коррупция – одна из самых острых и актуальных проблем в современной России.

Цель исследования заключается в оценке сущности коррупции и ее основные проявления, а также рассмотрение основных подходов в борьбе с коррупцией в органах внутренних дел.

Обзор литературы

Как утверждает И.А. Агапов: «Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный термометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а в интересах общества. Подобно тому, как для металла коррозионная усталость означает понижение предела его выносливости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости» [1, с. 30].

Рассматривая особенности коррупции в России особое место занимает проявление коррупции в органах внутренних дел.

Так, распространение коррупции в системе МВД обусловлено несовершенством механизмов контроля над деятельностью должностных лиц. Отсутствие прозрачности при принятии управленческих решений приводит к формированию неформальных связей между сотрудниками различных подразделений. Слабая система внутреннего аудита позволяет скрывать противоправные действия от руководства.

Психологические особенности личности сотрудников правоохранительных органов играют суще-

ственную роль в развитии коррупционных проявлений. Профессиональная деформация и эмоциональное выгорание снижают моральные барьеры. Постоянный контакт с криминальной средой формирует искаженное представление о допустимости противоправных действий.

Социальная среда оказывает значительное влияние на развитие коррупционных отношений в ОВД. Терпимость общества к мелким правонарушениям создает благоприятные условия для злоупотреблений. Неэффективность существующих антикоррупционных мер требует внедрения новых подходов к решению проблемы.

Успешное противодействие коррупции в органах внутренних дел требует глубинного анализа предпосылок, формирующих коррупционное поведение сотрудников правоохранительной системы. Масштабное распространение коррупционных практик внутри российских правоохранительных структур обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов. Низкая результативность государственного управления, слабое развитие институтов гражданского общества, сырьевая зависимость экономики и значительный теневой сектор создают благоприятную среду для коррупционных проявлений. Трансформация моральных устоев российского общества, начавшаяся в шестидесятых годах прошлого столетия, заложила основу для формирования искаженной системы ценностей, допускающей коррупционное поведение.

Становление российской государственности послужило катализатором зарождения многочисленных коррупционных механизмов, продолжающих существовать и развиваться по сей день. Анализ текущей обстановки, связанной с проявлениями коррупции в органах внутренних дел, требует глубокого изучения первопричин и закономерностей формирования данного явления.

Анализ коррупционных проявлений в органах внутренних дел Российской Федерации позволяет выявить характерные социальные признаки данного явления. Множественные исследования специфики коррупционных деяний раскрывают устойчивые закономерности противоправного поведения сотрудников правоохранительных структур. Глубокое изучение региональных особенностей коррупционных практик демонстрирует социальную природу данного феномена в системе МВД России.

Коррупцированные должностные лица правоохранительных органов регулярно пренебрегают общественными интересами, демонстрируя корыстные мотивы в своей деятельности. Сотрудники органов внутренних дел, вступившие на путь противозаконных действий, руководствуются личной выгодой, игнорируя нужды населения и социальное благополучие граждан. Правоохранители применяют недозволенные методы принуждения при взаимодействии с гражданским населением, нарушая установленные законом нормы и регламенты. Представители полиции выстраивают неофициальные связи коррупционного характера, злоупотребляя служебным положением вопреки

интересам службы. Должностные лица неправомерно присваивают материальные ценности и нематериальные активы, принадлежащие государству и обществу на законных основаниях [7, с. 969].

Многогранная природа коррупционных явлений среди работников органов внутренних дел формируется под воздействием разноплановых факторов. Классификация первопричин подобных нарушений включает административно-управленческую составляющую, социально-экономические аспекты, международное влияние и исторически сложившиеся предпосылки.

Административно-управленческие особенности формируют отдельный пласт детерминант коррупционных проявлений в государственной системе. Масштабность данного направления обуславливает необходимость структурной классификации по трем основным векторам. Политическая составляющая, морально-этический компонент и организационно-правовые аспекты образуют базовые категории в рамках исследования управленческих факторов коррупции.

Специфика функционирования органов внутренних дел базируется на комплексе организационно-правовых факторов, непосредственно влияющих на профессиональную деятельность сотрудников правоохранительных структур. Ключевые аспекты служебной деятельности формируются под воздействием следующих существенных обстоятельств [3, с. 71].

Предоставленные полномочия сотрудникам правоохранительных структур, включая подразделения органов внутренних дел, требуют строгой регламентации дискреционных прав при исполнении служебных обязанностей. Законодательное закрепление пределов административного усмотрения должностных лиц способствует минимизации рисков превышения служебных полномочий. Нормативное регулирование дискреционных прав формирует четкие границы допустимого поведения представителей силовых ведомств при реализации правоохранительных функций [5, с. 493].

Широкие дискреционные полномочия сотрудников органов внутренних дел, закрепленные законодательством о полиции и административном производстве, создают благоприятные условия для превышения должностных обязанностей. Нормативно-правовая база, содержащая неоднозначные формулировки и внутренние противоречия, дополнительно способствует неправомерному расширению границ правоприменения служебных функций представителями правоохранительных органов.

Законодательная база содержит обширный спектр нормативных требований, выстроенных по принципу взаимосвязанных ссылок между правовыми актами. Кодекс административных правонарушений Российской Федерации включает значительное количество отсылочных положений к различным законодательным источникам. Административное законодательство предусматривает применение вариативных санкций, создающих

предпосылки для неправомερных действий представителей органов внутренних дел при выборе мер воздействия на правонарушителей. Правоприменительная практика предоставляет сотрудникам ОВД широкие дискреционные полномочия при осуществлении служебной деятельности. Функционирование подразделений органов внутренних дел основывается преимущественно на бюрократических процедурах, влияющих на взаимодействие с физическими и юридическими лицами. Размытые формулировки должностных обязанностей сотрудников ОВД в нормативных документах затрудняют привлечение виновных лиц к ответственности. Существующая правовая система не обеспечивает эффективный механизм противодействия коррупционным правонарушениям среди сотрудников органов внутренних дел.

Законодательные несовершенства формируют благоприятную среду для развития коррупционных правонарушений в органах внутренних дел. Недостаточная проработанность нормативной базы по противодействию коррупции создает условия для проникновения криминальных структур в правоохранительную систему. Низкая эффективность механизмов гражданского надзора за деятельностью полиции усугубляет негативные тенденции в государственном управлении. Безответственное отношение представителей законодательной и судебной ветвей власти к исполнению служебных обязанностей усиливает коррупционные риски. Избыточные бюрократические процедуры и сложные разрешительные механизмы создают дополнительные возможности для противоправных действий. Слабое развитие антикоррупционных инструментов препятствует очищению правоохранительной системы от недобросовестных сотрудников.

Морально-этические и идеологические факторы представляют особую группу причин, влияющих на формирование коррупционных явлений среди сотрудников органов внутренних дел. Преступные действия коррупционного характера возникают под влиянием социально-психологических особенностей общественного сознания и индивидуальных установок личности. Психологические и нравственные аспекты напрямую определяют качественные и количественные показатели преступности в правоохранительной системе.

Менталитет граждан России отличается специфической снисходительностью к различным проявлениям коррупционных действий. Многочисленные бытовые трудности население привыкло решать посредством неформальных договоренностей с представителями власти, прибегая к незаконным методам материального стимулирования должностных лиц.

Социально-экономические факторы занимают значимое место среди причин коррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел. Радикальная дифференциация доходов населения России создает глубокие противоречия между различными социальными группами, формируя суще-

ственные барьеры для их взаимодействия. Межрегиональные диспропорции усугубляют ситуацию, усиливая имущественное неравенство граждан в зависимости от места проживания в различных субъектах Российской Федерации. Подобное расслоение общества провоцирует рост коррупционных рисков среди представителей правоохранительных органов.

Социально-экономические различия между гражданами, включая неравномерный доступ к финансовым ресурсам среди разных слоев населения, создают предпосылки для противоправного обогащения, побуждая людей искать незаконные способы улучшения своего материального положения.

Значительная поляризация материального благосостояния граждан создает питательную среду для распространения коррупционных практик в России. Проведенные Луневым В.В. научные изыскания демонстрируют прямую взаимосвязь между легализацией института частной собственности, масштабной приватизацией государственных активов и формированием глубокого социального неравенства. Радикальные экономические преобразования привели к маргинализации большинства населения при одновременном сосредоточении национальных богатств под контролем узкой прослойки выходцев из криминальных кругов. Колоссальный разрыв между уровнем жизни различных социальных групп выступает катализатором роста преступлений корыстной направленности, включая коррупционные деяния [2, с. 177].

Масштабный разрыв между различными слоями общества порождает социальную незащищенность граждан, становясь фундаментальным фактором распространения коррупционных практик в экономической системе государства.

Коррупционные проявления в правоохранительных органах Российской Федерации находятся под значительным влиянием международных факторов. Масштабы распространения коррупции внутри страны напрямую зависят от воздействия глобальных коррупционных систем и зарубежных криминальных структур. Научные исследования подтверждают существенную роль внешних детерминант в развитии коррупционных отношений среди сотрудников органов внутренних дел. Анализ международных условий развития коррупции требует рассмотрения комплекса взаимосвязанных причин.

Масштабные экономические преобразования государства создают благоприятную среду для проникновения транснациональных криминальных структур. Зарубежные инвесторы активно распределяют финансовые инструменты среди лояльных политических сил, включая безвозмездные дотации и займы под видом технического содействия, минуя контроль профильных надзорных организаций. Международные компании систематически используют коррумпированность правоохранительных органов для проникновения на внутренний рынок России и укрепления рыночных позиций. За-

конодательство ряда стран позволяет национальным предприятиям включать взятки иностранным чиновникам в производственные издержки, уменьшая налогооблагаемую базу.

Глубокий анализ международных предпосылок возникновения коррупционных проявлений способствует комплексному пониманию природы данного социально-правового феномена, несмотря на отсутствие прямой взаимосвязи с функционированием органов внутренних дел.

Исторические предпосылки формируют масштабы развития коррупционных деяний в современности. Многовековой путь становления коррупционных механизмов сформировал устойчивый социально-правовой институт, затрагивающий все сферы общественной жизни. Глубинные корни взяточничества, зародившиеся в царской России и получившие развитие при советской власти, трансформировались в сложную систему противоправных действий. Коррупционные проявления в органах внутренних дел приобретают новые формы и методы реализации, усложняя механизмы противодействия данному явлению.

Длительное применение системы кормления государственных служащих вплоть до начала двадцатого столетия заложило глубокие основы для развития коррупционных механизмов в России. Статистические данные демонстрируют планомерное увеличение численности административного персонала, начиная с показателя 6,9 госслужащих на тысячу жителей в 1928 году, достигая 9,5 в 1940 году и возрастая до 10,8 в настоящий период.

Глубинные мировоззренческие факторы влияют на распространение коррупционных явлений через множество различных аспектов жизни общества. Метафизические предпосылки коррупционного поведения затрагивают фундаментальные основы человеческого мировосприятия.

Патриархальные традиции российской власти уходят корнями в глубокое прошлое, когда государственный аппарат формировался вокруг личности правителя, отделенного от народных масс. Государственные служащие исторически ориентировались на волю монарха, игнорируя общественные интересы и потребности подданных. Длительное существование подобной системы управления привело к укоренению специфического отношения граждан к коррупционным проявлениям. Многие десятилетия население воспринимало взяточничество как неотъемлемый элемент государственного устройства. Активная деятельность общественных организаций и движений антикоррупционной направленности способствует трансформации общественного сознания. Продуктивное взаимодействие правоохранительных органов с гражданским обществом, прозрачность работы полицейских подразделений формируют позитивный имидж силовых структур, укрепляя доверие населения к представителям закона [8, с. 156].

Недостаточный контроль государственных структур за деятельностью служащих правоохра-

нительных ведомств, низкая правовая культура населения создают благодатную почву для развития коррупционных явлений. Анализ комплекса факторов, способствующих распространению коррупции в России, выявляет характерные особенности взяточничества среди сотрудников органов внутренних дел. Материальная выгода остается главным мотивом противоправных действий должностных лиц, масштабы незаконного обогащения неуклонно растут. Коррупционные проявления в правоохранительной системе приобретают все более дерзкий характер, размеры преступных доходов увеличиваются в геометрической прогрессии. Разрозненные эпизоды взяточничества трансформируются в организованную преступную деятельность, формируются устойчивые криминальные связи между коррупционерами. Преступные сообщества выстраивают сложные коррупционные схемы, превращая противоправную деятельность в отлаженный механизм незаконного обогащения.

Масштабное распространение коррупционных проявлений обусловлено множеством факторов, среди которых первостепенную роль играют социальные, правовые, экономические и исторические предпосылки. Многогранная природа данного феномена требует тщательного изучения причинно-следственных связей, формирующих благоприятную среду для развития коррупционных механизмов. Существующие пробелы в законодательной базе создают дополнительные возможности для злоупотребления служебным положением представителями властных структур, усугубляя негативное влияние коррупции на все сферы общественной жизни.

Несовершенство организационной структуры правоохранительных органов создает благодатную почву для роста коррупционных проявлений внутри системы МВД. Социальное неравенство между малочисленной группой состоятельных людей и преобладающим большинством граждан выступает ключевым фактором распространения коррупционных практик наряду с управленческими просчетами.

Социальное расслоение населения порождает комплекс деструктивных факторов, формирующих благоприятную среду для развития коррупционных процессов. Многовековые традиции русского общества, включающие практики лихоимства, мздоимства и системы кормления государственных служащих, заложили фундамент современной коррупционной культуры. Международная экономическая деятельность зарубежных инвесторов, стремящихся закрепиться на российском рынке путем подкупа должностных лиц, усугубляет общую коррупционную ситуацию, минимально затрагивая органы внутренних дел. Менталитет граждан России, характеризующийся терпимостью к взяточничеству, правовым нигилизмом и недостаточным уровнем юридической грамотности, создает благодатную почву для распространения коррупционных практик как в системе МВД, так и во всех государственных структурах.

Современная антикоррупционная деятельность государства требует формирования сбалансированной правовой базы, включающей комплексную систему законодательных актов. Значительную роль при построении эффективного механизма противодействия коррупции играют подзаконные и ведомственные нормативные документы. Профессор Д.К. Нечевин подчеркивает фундаментальную значимость действующего антикоррупционного законодательства как основополагающего элемента борьбы с коррупционными проявлениями в обществе [10, с. 200].

Нормативно-правовая база антикоррупционной деятельности органов внутренних дел представляет комплексный механизм регулирования, включающий международные соглашения, федеральные законы, ведомственные акты и локальные документы. Систематический анализ правового фундамента требует последовательного рассмотрения регламентирующих документов согласно их юридической силе, начиная от межгосударственных конвенций и завершая внутриведомственными распоряжениями.

Международное законодательство в сфере противодействия коррупции базируется на постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ № 22–15 от 15.11.2003 г. «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (Модельный закон). Основополагающий документ закрепляет ключевые приоритеты антикоррупционной деятельности государств-участников, направленной на минимизацию коррупционных рисков и защиту законных интересов граждан от противоправных посягательств. Модельный закон устанавливает комплексную систему предупреждения коррупционных правонарушений через создание правовых механизмов, препятствующих подкупу должностных лиц и граждан при проведении выборов в государственные органы. Законодательный акт предусматривает реализацию мер ответственности за преступления коррупционной направленности и компенсацию материального ущерба от противоправных деяний.

Модельный закон в статье 4 закрепляет фундаментальные основы антикоррупционного регулирования, включая совместную работу участников при формировании политики противодействия коррупции. Законодательство устанавливает превалирующее значение превентивных мер над карательными санкциями при борьбе с коррупционными проявлениями. Федеральные нормативные акты государства определяют минимальный уровень антикоррупционных стандартов, снижение которого недопустимо. Распределение полномочий между различными органами при разработке, внедрении и мониторинге антикоррупционных мероприятий служит дополнительной гарантией справедливости и прозрачности процесса.

Конвенция ООН «Против коррупции», утвержденная Генеральной Ассамблеей 31 октября 2003 года, служит фундаментальной правовой основой международной антикоррупционной дея-

тельности. Базовые принципы данного документа формируют нормативную базу для законодательных систем стран-участниц Организации Объединенных Наций. Нормативный акт закрепляет комплекс превентивных антикоррупционных мер, включая требования к прозрачности финансовой отчетности, регламентацию государственных закупок, механизмы контроля публичных финансов. Тринадцатая статья Конвенции обязывает государства-участники внедрять механизмы общественного контроля при принятии властных решений, гарантировать доступность информации о деятельности органов власти, проводить просветительскую работу среди населения для формирования антикоррупционного мировоззрения. Конвенция устанавливает приоритет открытости властных структур, гарантирует право граждан на получение и распространение сведений о коррупционных правонарушениях.

Третья глава Конвенции Организации Объединенных Наций, посвященная борьбе с коррупцией, устанавливает правовые основы для признания преступными коррупционных действий и определяет полномочия государственных правоохранительных структур при реализации антикоррупционных мер внутри страны.

Страсбургская конвенция Совета Европы, подписанная 27 января 1999 года, регламентирует комплекс национальных мер по формированию антикоррупционного законодательства среди государств-участников соглашения. Законодательные органы стран-подписантов обязуются квалифицировать как уголовное правонарушение любые действия физических лиц, направленные на предоставление должностным лицам неправомερных преимуществ, склоняющих последних к нарушению служебных полномочий путем совершения либо несовершения определенных действий.

Нормативные положения Конвенции определяют широкий спектр составов коррупционных деяний, требующих закрепления ответственности внутри правовых систем государств-участников. Международное взаимодействие стран по противодействию коррупции регламентируется четвертым разделом документа, устанавливающим базовые принципы совместной работы. Детальное рассмотрение содержания международного акта выявляет отсутствие четкой дефиниции термина «коррупция», создающее значительный пробел в правовом регулировании. Решение данной проблемы требует обращения к внутриведомственным правовым нормам для формирования комплексного понимания исследуемого явления.

Основополагающий документ государства – Конституция Российской Федерации закрепляет фундаментальные принципы формирования антикоррупционной стратегии страны. Согласно части первой статьи пятнадцатой главного закона государства, конституционные нормы обладают верховенством над иными правовыми актами, действуют напрямую и распространяются на всю территорию страны. Правовая система России, вклю-

чающая федеральные законы, подзаконные акты и локальные нормативные документы, базируется на конституционных положениях и не может вступать с ними в противоречие.

Конституционное законодательство Российской Федерации устанавливает приоритет федеральных правовых норм над региональными актами, гарантируя единое правовое пространство в масштабах страны. Граждане, исчерпавшие национальные механизмы правовой защиты, приобретают право обращаться в международные правозащитные инстанции согласно конституционным положениям. Фундаментальные права личности, включая защиту от коррупционных проявлений, закреплены основным законом страны как высшая ценность государства. Конституционные нормы разграничивают компетенции федерального центра и регионов, формируя правовую основу деятельности органов власти всех уровней.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» регламентирует базовые аспекты антикоррупционной деятельности в Российской Федерации, включая правовые дефиниции коррупции, механизмы профилактики коррупционных правонарушений и векторы государственной политики в данной сфере. Законодательный акт устанавливает комплексные требования к должностным лицам государственного и муниципального уровня, служащим различных категорий, сотрудникам государственных учреждений. Нормативно-правовой документ определяет фундаментальные принципы юридической ответственности физических и юридических лиц за совершение коррупционных деяний, закрепляя широкий спектр превентивных мер противодействия коррупционным проявлениям.

Государственная антикоррупционная стратегия включает комплексные меры по формированию общественного неприятия коррупционных действий. Нормативно-правовая база требует внедрения механизмов специализированной экспертизы законопроектов и внутриведомственных документов. Практическое изучение методов противодействия коррупции позволяет выявлять новые способы борьбы с правонарушениями. Квалификационный отбор кандидатов при поступлении на государственную и муниципальную службу существенно снижает коррупционные риски. Регулярное декларирование доходов, расходов и имущества служащими всех уровней власти обеспечивает прозрачность деятельности административного аппарата.

Законодательные основы противодействия коррупции в Российской Федерации существенно укрепились благодаря принятию Федерального закона № 230-ФЗ от 03 декабря 2012 года, регламентирующего механизмы контроля соответствия расходов государственных служащих полученным доходам.

Законодательство регламентирует правовые и организационные механизмы мониторинга соотношения расходов государственных служащих, включая траты их супругов и детей, не достигших совершеннолетия, с официально задекларирован-

ными доходами семьи. Государственные служащие обязаны подавать декларацию о расходах при совершении крупных сделок, стоимость которых превышает суммарный семейный доход за предшествующие три года, включая покупку недвижимости, земельных участков, автотранспорта, ценных бумаг или акций. Законодательные нормы определяют группы граждан, подлежащих финансовому контролю, среди которых представители правоохранительных органов занимают особое место.

Федеральный закон № 172-ФЗ, принятый 17 июля 2009 года, устанавливает комплексную процедуру антикоррупционной экспертизы правовых документов, определяет полномочия уполномоченных субъектов при проведении оценки и регламентирует механизмы документального оформления полученных результатов проверки нормативных актов и законопроектов.

Законодательные нормы предписывают всем государственным учреждениям, включая органы внутренних дел, проводить обязательную антикоррупционную оценку нормативных правовых актов до момента вступления документов в законную силу. Процедура экспертного анализа направлена на выявление потенциальных коррупционных рисков в подготавливаемых проектах документации и последующее устранение обнаруженных факторов.

Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет нормотворческую деятельность посредством издания приказов, инструкций и распоряжений как на федеральном уровне, так и через территориальные подразделения. Правовые отделы региональных управлений МВД проводят комплексную антикоррупционную экспертизу нормативных документов в рамках установленных полномочий.

Законодательная база Российской Федерации включает множество нормативных актов, формирующих фундамент функционирования правоохранительных структур. Федеральные законы «О полиции», «О государственной гражданской службе РФ» № 79-ФЗ от 27.04.2004, «О службе в органах внутренних дел РФ» № 342-ФЗ от 30.11.2011 регламентируют основные аспекты деятельности силовых ведомств. Нормативные документы устанавливают комплекс ограничений для сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей. Законодательные акты запрещают работникам ОВД заниматься предпринимательством, участвовать в управлении коммерческими структурами, приобретать доходные ценные бумаги, представлять сторонние интересы в государственных инстанциях. Уголовный Кодекс РФ совместно с Кодексом об административных правонарушениях определяют меры ответственности за нарушение установленных норм и предписаний.

Законодательная база Российской Федерации по борьбе с коррупцией включает не только федеральные законы, но и нормативные акты, принятые Президентом и Правительством РФ. Президентский указ № 120, вступивший в силу 8 марта 2015 года, содержит методические указания

по формированию списка должностей, запрещающих владельцам открывать банковские счета и вклады. Нормативный документ устанавливает правила декларирования доходов, собственности и материальных обязательств работников государственных структур. Ежегодное предоставление финансовой отчетности позволяет контролировать денежные операции служащих и членов их семей.

Нормативное регулирование порядка декларирования доходов, расходов и имущества сотрудников органов внутренних дел осуществляется президентским указом № 460, принятым 26 июня 2014 года. Документ содержит детальные инструкции по заполнению справок имущественного характера, подаваемых личным составом ОВД в рамках ежегодной отчетности. Практическая значимость положений указа определяется широким спектром декларируемых сведений, включающих информацию о банковских счетах, ценных бумагах, недвижимости, транспортных средствах и безвозмездных сделках за отчетный период. Процедура подготовки справочной документации реализуется посредством программного обеспечения «Справки БК», использование которого закреплено нормативными требованиями.

Сотрудники органов внутренних дел выстраивают антикоррупционную работу согласно президентским указам, регламентирующим борьбу с коррупционными проявлениями на территории Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации регулирует антикоррупционную деятельность органов внутренних дел посредством специальных постановлений. Нормативная база включает Постановление № 228 от 05.03.2018 о формировании реестра уволенных сотрудников, потерявших доверие, Постановление № 10 от 09.01.2014, регламентирующее порядок декларирования подарков должностными лицами, Постановление № 96 от 26.02.2010 об экспертизе правовых актов. Законодательный фундамент антикоррупционной политики формируют федеральные законы о государственной службе и службе в органах внутренних дел. Подзаконные акты Президента РФ и Правительства РФ детализируют механизмы противодействия коррупции, устанавливая общие правила без учета специфики работы правоохранительных органов. Ведомственные приказы МВД России конкретизируют особенности антикоррупционной работы отдельных подразделений. Существующая нормативно-правовая база непрерывно модернизируется через принятие новых законов, указов, постановлений и ведомственных актов. Совершенствование системы требует разработки дополнительных регламентов, методик и инструкций для усиления антикоррупционного контроля в структуре органов внутренних дел.

Выводы

На основании проведенного анализа можно тезисно сформулировать следующие выводы: коррупция

является объективной издержкой существования любого общества. История констатирует факт, что ни одно государство не в один период существования не смогло полностью победить коррупционные проявления; коррупция в современном мире может менять свои формы, в том числе и в контексте цифровизации, но сущность ее остается неизменной; коррупция получает широкое распространение при слабой экономике, а слабая экономика продуцирует коррупцию. Этот замкнутый круг размыкается путем государственного реформирования через систему материальных стимулов и систему контроля со стороны государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и применения цифровых технологий; сегодня необходимо повышенное внимание уделять медиа и цифровому пространству, где сосредоточена мыслительная деятельность большей части молодежи. Через средства массовой информации, медиа-источники и цифровое пространство необходимо формирование восприятия обществом закона как безусловной ценности, а коррупции как болезни, со всеми негативными вытекающими последствиями.

Литература

1. Агапов И. О. К вопросу о понятии, уровне и причинах коррупции в России // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 30–34.
2. Бережная А. И., Яцышина Ю.В., Юсифзаде Д.Н. К вопросу о социально-экономических причинах коррупции // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 13. – С. 175–177.
3. Власенко М.А. Политико-правовые аспекты противодействия коррупции в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1. – С. 70–74.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
5. Кузнецова Н. Ф., Лунеев В. В, Криминология: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2019–493 с.
6. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
7. Любарский В.С. Коррупция как актуальная проблема в современной России // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 969–970.
8. Москалев А. В., Насреддинова К.А. Личность преступника-коррупционера. причины и условия развития коррупции у государственного служащего // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе. – 2023. – № 1. – С. 156–160.

9. Модельный закон «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) от 15 ноября 2003 года № 22–15 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. № 33. 2004.
10. Нечевин Д.К. Проблемы противодействия коррупции // Публичное и частное право. – 2015. – № 25. – С. 200–210.

CURRENT PROBLEMS IN THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN RUSSIA

Anisimova A.M., Nevencheny Y.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Throughout the entire period of development, the activities of state structures were accompanied by such a negative phenomenon as corruption, causing enormous harm to the national security of our country.

This article examines some of the problems of combating corruption in Russia using the example of internal affairs agencies. The study of the essence of corruption and its main manifestations is the topic of research of many scientists and public figures.

Unfortunately, not all officials can resist such temptations as self-interest, vanity or any other interest, the implementation of which accelerates and simplifies the official position, endowed with organizational, administrative, economic and simply authoritative powers. The author assesses promising areas of legal and organizational fight against corruption. According to information published by the Prosecutor General's Office, since the beginning of 2019, a sharp increase in corruption crimes has been recorded. Thus, in 2019, the indicators of initiated criminal cases under Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation (accepting a bribe) reached 3188 crimes per year, but in 2023 the data grew to 5020 crimes. The above statistics indicate the relevance of the topic of scientific work. The author studies the problems of combating corruption in internal affairs agencies, provides ways to solve these problems.

Keywords: corruption, regulatory framework, digitalization, manifestations of corruption in Russia.

References

1. Agapov I.O. On the concept, level and causes of corruption in Russia // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 3. – P. 30–34.
2. Berezhnaya A. I., Yatsyshina Yu. V., Yusifzade D.N. On the socio-economic causes of corruption // Innovations. Science. Education. – 2020. – No. 13. – P. 175–177.
3. Vlasenko M.A. Political and legal aspects of combating corruption in Russia // Caspian region: politics, economics, culture. – 2020. – No. 1. – P. 70–74.
4. The United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 26. Art. 2780.
5. Kuznetsova N. F., Luneev V.V., Criminology: a textbook. – M.: INFRA-M, 2019–493 p.
6. The Criminal Liability Convention on Corruption (concluded in Strasbourg on 27.01.1999) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 20. Art. 2394.
7. Lyubarsky V.S. Corruption as a pressing problem in modern Russia // Issues of Russian justice. – 2020. – No. 9. – P. 969–970.
8. Moskalyev AV, Nasreddinova KA Personality of a corrupt criminal. Causes and conditions for the development of corruption among civil servants // Problems and prospects for the development of the penal system of Russia at the present stage. – 2023. – No. 1. – P. 156–160.
9. Model law "Fundamentals of legislation on anti-corruption policy" (adopted by the Resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) dated November 15, 2003 No. 22–15 // Information bulletin of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. No. 33. 2004.
10. Nechevin DK Problems of combating corruption // Public and private law. – 2015. – No. 25. – P. 200–210.

Расширение перечня обстоятельств, отягчающих наказание: вопрос эффективности и необходимости

Квасникова Татьяна Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: kvasnikova.tv@dvfu.ru

Костюк София Александровна,

студент-бакалавр направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридической школы Дальневосточного федерального университета (ДВФУ)
E-mail: kostyuk.sa@students.dvfu.ru

Лубягин Олег Игоревич,

студент-бакалавр направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридической школы Дальневосточного федерального университета (ДВФУ)
E-mail: lubiyagin.oi@students.dvfu.ru

Представленная статья рассматривает проблему тенденции расширения перечня обстоятельств, отягчающих наказание, закрепленного в статье 63 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется новому обстоятельству – публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Авторы в ходе исследования также рассматривают проблему разграничения таких уголовно-правовых институтов как отягчающие обстоятельства и квалифицирующие признаки. В заключение авторы выражают свое мнение о необходимости, эффективности и целесообразности расширения перечня обстоятельств, отягчающих наказание.

Ключевые слова: отягчающие обстоятельства, квалифицирующие признаки, публичная демонстрация, судебское усмотрение, назначение наказания.

В России, в последние годы, уголовный закон все чаще претерпевает изменения: развитие общества и его цифровизация обязуют законодателя реагировать на перемены в социальных реалиях путем внесения изменений и дополнений в устоявшееся законодательство. Без сомнений, это вполне обоснованно и обусловлено характерным признаком права – динамизмом, поскольку уголовный закон не может оставаться «застывшим» механизмом, находясь отдельно, обособившись от общественной жизни.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) может считаться эффективно действующим лишь тогда, когда он отвечает запросам и потребностям общества, адекватно отражает характер и степень общественной опасности деяний, посягающих на охраняемые общественные отношения; тогда, когда он способен выступать в качестве нормативно-сдерживающего средства противоправного поведения на возможном уровне, полностью охватывает круг деяний, уголовно-правовая борьба с которыми целесообразна. Однако, к сожалению, не все новшества УК РФ обоснованы и отвечают принципам и задачам уголовного права. Дополняя уголовный Закон нормативными положениями, законодатель от случая к случаю реализовывает определенные идеи и концепции ad hoc, которые не всегда являются объективными с точки зрения доктрины уголовного права и юридической техники.

В настоящей статье мы рассмотрели проблему тенденции изменения уголовного законодательства на примере статьи 63 УК РФ. Для того, чтобы увидеть динамику развития указанной нормы права, необходимо посмотреть на проблему ретроспективно. В данной связи важно отметить, что изначально Уголовный кодекс РФ 1996 г. предусматривал перечень отягчающих обстоятельств, состоящих из тринадцати пунктов. На сегодняшний день их число достигло двадцати.

Перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является закрытым, что исключает расширительное толкование его содержания, на что указывает как доктрина уголовного права, так и многочисленные определения Пленума Верховного Суда РФ. В одном из них Верховный Суд РФ в очередной раз подчеркнул, что ст. 63 УК РФ содержит исчерпывающий перечень обстоятельств, которые могут быть признаны в качестве таковых и не подлежащих расширительному толкованию (*Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 N 18-УД24–23-К4*). С учетом этого, обстоятельства, отягчающие наказание, в приговоре должны

быть указаны таким образом, как они предусмотрены в уголовном законе (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»*).

Расширение перечня отягчающих обстоятельств возможно только путем внесения изменений и дополнений в действующий УК РФ. Именно этим законодатель активно занимается в последнее время. Число отягчающих обстоятельств растет как за счет изменения уже существующих пунктов, так и вследствие введения новых. Важно отметить, что любые изменения должны отвечать криминогенной ситуации в обществе и быть объективно обоснованы.

Среди последних новшеств, касающихся отягчающих обстоятельств, можно выделить пункт «т» части 1 статьи 63, добавленный 08.08.2024 года, пункт «у» части 1 статьи 63, появившийся 09.11.2024 года. Важно напомнить, что сама по себе статья 63 УК РФ закрепляет перечень обстоятельств, которые указывают на то, что при их наличии деяние, совершенное преступником, является более общественно опасным, чем деяние, в котором такое обстоятельство отсутствует. Однако наряду с повышенной общественной опасностью деяний для закрепления обстоятельства в перечне отягчающих следует учитывать их распространенность и невозможность установления иных правовых запретов для устранения возникшей опасности причинения вреда.

Пункт «т» статьи 63 УК РФ устанавливает, что степень общественной опасности деяния увеличится, если преступление будет совершено умышленно с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет). Данное дополнение является реакцией государства на появление такого феномена в обществе как «треш-стримы». В связи с цифровизацией, действительно, перечень способов совершения преступления расширяется. Как писал еще Ломброзо: «Цивилизация чуть ли ни ежедневно создает новые преступления, быть может, менее ужасные, чем прежние, но столь же, если не более, вредные». Бесспорно, данное обстоятельство отвечает условиям времени, но достаточно ли оснований и причин для того, чтобы закреплять обстоятельство в статье 63 УК РФ?

Необходимо подчеркнуть, что часть 2 статьи 63 УК РФ строго определяет, что обстоятельство, отягчающее наказание не может повторно самостоятельно учитываться, если оно предусмотрено в статье Особенной части. В связи с этим нельзя не отметить тот факт, что помимо дополнения пунктом «т» часть 1 ст. 63, законодатель добавил во многие статьи Особенной части такой квалифицирующий признак, как «совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Теперь такой признак содержат следую-

щие составы преступлений: ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 127.2 (*Федеральный закон от 08.08.2024 N 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»*).

Для того, чтобы уяснить для себя необходимость закрепления обстоятельства в качестве отягчающего или прийти к выводу о достаточности квалифицирующих признаков в статьях Особенной части УК РФ, необходимо найти те отличительные черты, которые помогают разграничить два уголовно-правовых института, названных выше.

В литературе предложено четыре критерия, по которым то или иное обстоятельство может считаться отягчающим. Как правило, они формулируются следующим образом:

- 1) Типичность
- 2) Обязательность
- 3) Значительность
- 4) Строго определенная направленность влияния обстоятельства

Исходя из этого, под обстоятельствами, отягчающими наказание, мы понимаем такие факты, события, явления объективного и субъективного характера, которые характерны для обширного круга преступлений и непременно повышают степень общественной опасности совершенного преступного деяния, причем направленность их влияния не может меняться в зависимости от каких-либо иных обстоятельств дела и, следовательно, обуславливает целесообразность назначения более строгого наказания в пределах санкции уголовного закона. Отягчающие обстоятельства являются обязательным элементом индивидуализации наказания.

В данном аспекте важно понимать роль отягчающего обстоятельства при назначении наказания. Безусловно, они учитываются и влияют на строгость наказания, однако УК РФ не определяет критерии такого влияния, что, по нашему мнению, является упущением. Вопрос размера влияния отягчающего обстоятельства решается непосредственно судом по его усмотрению применительно к конкретному делу. Следовательно, возникает вопрос объективности такого подхода, ведь чем выше процент судейского усмотрения, тем ниже вероятность принятия наиболее объективного решения.

Квалифицирующие признаки в свою очередь представляют инструменты дифференциации наказания. Зачастую они указаны во вторых и последующих частях статей Особенной части, и в случае их наличия в преступном деянии устанавливается более строгая санкция.

Анализируя ситуацию, возникает вопрос об эффективности пункта «т» в части 1 статьи 63 УК РФ. Насколько данный пункт необходим для обеспечения справедливого наказания и предупреждения новых преступлений? Есть ли потребность в его закреплении в статье 63 УК РФ?

Появление такого обстоятельства как публичная демонстрация в качестве отягчающего обстоятельства и квалифицирующего признака несо-

мненно отвечает развитию общественных отношений. Однако усматриваем ли мы критерии отягчающих обстоятельств в нем?

Рассматривая публичную демонстрацию утверждать о том, что это обстоятельство типично, по нашему мнению, пока преждевременно, несмотря на то, что использование технических средств при совершении преступления набирает популярность. Но зачастую такое использование наблюдается в однотипных составах, в которых, как нестранно, предусмотрены соответствующие квалифицирующие признаки.

Говорить о бесспорном повышении общественной опасности при публичной демонстрации преступления, на наш взгляд, не стоит. Например, как усилится общественная опасность грабежа, если он будет совершен с публичной демонстрацией? Грабёж нарушает отношения собственности. Публичная демонстрация в данном случае никак не повышает вред, причиненный лицу. То есть, мы видим, что не ко всем составам преступления данное обстоятельство, как отягчающее, применимо. Важно подчеркнуть, что в тех деяниях, где обстоятельство действительно может повлечь повышенную общественную опасность, оно уже предусмотрено в качестве квалифицирующего признака.

Публичная демонстрация может по-разному влиять на противоправное деяние. В одном случае, публичная демонстрация может быть способом совершения преступления, в другом – средством. Таким образом, многофункциональность обстоятельства не позволяет применять его к различным составам в одном смысловом значении, т.е. нет целостности, что указывает на поспешность закрепления п. «Т» в статье 63 УК РФ.

Также стоит отметить следующее, предупреждение совершения противоправных деяний с использованием публичной демонстрации и т.д. достигается за счет назначения справедливого наказания по санкции, предусмотренной соответствующими частями статей Особенной части, с учетом нового квалифицирующего признака, а также за счет придания огласке фактов выявления и осуждения этих лиц. Таким образом, публичная демонстрация как отягчающее обстоятельство, закрепленное в статье 63 УК РФ, по нашему мнению, неэффективно.

Пункт «у» ч. 2 ст. 63 УК РФ вовсе видится сомнительным решением законодателя – совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации. Наказание – ответная реакция государства и общества на совершенное противоправное деяние. При решении вопроса о назначении наказания ключевым является общественная опасность все-таки деяния, а не лица, совершившего преступление. Таким образом, говорить о том, что при совершении одного и того же преступления лицом, незаконно находящимся на территории РФ, и лицом, не отвечающим данному признаку, общественная опасность деяния различна – не отвечает задачам и целям уголовного права. Такая конструкция применима лишь к отдельным составам преступлений.

В данном случае, как раз-таки, мы видим нормативное положение, сформулированное законодателем в связи с тенденциями развития политики государства, а не обусловленное реальной потребностью общества.

Тенденция расширения списка обстоятельств, отягчающих наказание, на наш взгляд, указывает на возможность возникновения все новых и новых факторов, которые могут быть признаны отягчающими обстоятельствами. Придание открытого характера перечню обстоятельств, отягчающих наказание, уменьшает усилия законодателя по его формированию. Важно помнить, что уголовное право является публичной отраслью, а, следовательно, расширительное толкование недопустимо. Кроме того, расширительное толкование перечня обстоятельств, отягчающих наказание, приведет к возникновению разнохарактерной судебной практики, при котором одни суды какое-либо конкретное обстоятельство дела будут учитывать в качестве отягчающего наказания, а другие – нет. Расширение судейского усмотрения является одним из негативных последствий действий законодателя.

Вероятно, пока рано делать вывод о практической применимости соответствующей нормы, но на данный момент широкой практики применения новых отягчающих обстоятельств нет. На наш взгляд, это связано с достаточностью квалифицирующих признаков, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ.

Литература

1. Анашкин Г. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность // Советская юстиция. 1980. N 6. С. 22–24.
2. Бажанов М.И. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства при назначении наказания // Вопросы государства и права. М., 1974.
3. Горбунова Л. В., Курц А.В. Обстоятельства, отягчающие наказание, по уголовному праву России (вопросы теории и практики). Казань, 2004.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2024 N 18-УД24–23-К4) // Режим доступа: [Гарант]
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»// Режим доступа: [Гарант]
6. Федеральный закон от 08.08.2024 N 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»// Режим доступа: [Гарант]

EXPANDING THE LIST OF AGGRAVATING CIRCUMSTANCES: A MATTER OF EFFICIENCY AND NECESSITY

Kostyuk S.A., Lubyagin O.I.
Far Eastern Federal University Law School

The presented article examines the problem of the tendency to expand the list of circumstances aggravating punishment, stipulated in Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to a new circumstance – public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet). In the course of the study, the authors also consider the problem of distinguishing such criminal law institutions as aggravating circumstances and qualifying signs. In conclusion, the authors express their opinion on the necessity, effectiveness and expediency of expanding the list of circumstances aggravating punishment.

Keywords: aggravating circumstances, qualifying signs, public demonstration, judicial discretion, sentencing.

References

1. Anashkin G. Circumstances mitigating and aggravating responsibility // Soviet Justice. 1980. N 6. P. 22–24.
2. Bazhanov M.I. Circumstances mitigating and aggravating responsibility when sentencing // Questions of State and Law. Moscow, 1974.
3. Gorbunova L. V., Kurts A.V. Circumstances aggravating punishment in the criminal law of Russia (theoretical and practical issues). Kazan, 2004.
4. Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.08.2024 N 18-UD24–23-K4 // Access mode: [Garant]
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 N 58 (as amended on 18.12.2018) “On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation” // Access mode: [Garant]
6. Federal Law dated 08.08.2024 N 218-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” // Access mode: [Garant]

Особенности выявления хищений бюджетных средств в сфере спорта и сопутствующих им преступных деяний в аспекте использования специальных экономических знаний

Пивоваров Фёдор Юрьевич,

кафедра судебных экспертиз, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
E-mail: senior.fp@yandex.ru

Статья посвящена вопросам выявления преступных посягательств, связанных с хищением бюджетных средств в сфере спорта. Рассматриваются основные проблемы своевременного обнаружения преступлений, обусловленные высокой латентностью и сложностью контроля за финансово-хозяйственной деятельностью спортивных организаций. В работе анализируются существующие механизмы выявления хищений бюджетных средств, включая контрольно-ревизионные мероприятия, проводимые органами финансового контроля, а также оперативно-розыскные мероприятия правоохранительных органов. Автор исследует методологические аспекты проверки отчетной документации спортивных организаций, а также механизмы выявления коррупционных схем и финансовых злоупотреблений. Особое внимание уделяется анализу признаков, позволяющих выявить хищения на основе несоответствий в финансовой отчетности, фиктивных сделок и аффилированности контрагентов. В результате исследования предложены ключевые индикаторы возможных преступлений, предназначенные для использования как органами финансового контроля, так и подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции.

Ключевые слова: хищение бюджетных средств в спорте; финансовый контроль в спорте; коррупционные схемы в спорте; документальное исследование; оперативно-розыскные мероприятия.

Введение

Наиболее острой задачей к настоящему моменту представляется своевременное выявление преступных посягательств, направленных на хищение бюджетных средств и совершение связанных с ними преступлений. Причем, сама задача является ключевой в целом в отношении любой сферы, в сфере спорта данная проблема только лишь актуализируется и усложняется спецификой отрасли. Сопутствует указанной задаче и другая, связанная с профилактикой хищений бюджетных средств, направленной на устранение самих причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

Мы обозначаем две основные предпосылки отмеченной нами проблематики:

- выдвигается предположение о высокой латентности рассмотренной группы преступлений в сфере спорта;
- чаще всего рассматриваемые нами преступления совершаются в течение длительного времени и на систематической основе.

Основная часть

Как было верно отмечено А.О. Успенко «хищение бюджетных средств, ... – деяние общественно опасное. Помимо самого факта хищения средств, в результате таких преступлений тормозится рост экономики страны, и как следствие – падает уровень благосостояния граждан. ... Такие преступления не только приносят потери бюджету и являются серьезным препятствием в развитии экономики, но и наносят существенный репутационный вред, компрометируя ... государство в целом» [6, с. 149]. Е.В. Таровиком обоснованно замечено, что «при обеспечении бюджетной безопасности страны, в рамках реализации государством контрольно-надзорных и правоохранительных функций, на первое место выходят: контроль за формированием и использованием средств федерального бюджета, оперативное выявление фактов нецелевого расходования бюджетных средств и средств внебюджетных фондов, а также предупреждение, выявление и пресечение преступлений, связанных с освоением бюджетных средств» [5, с. 44]. Важным аспектом становится то, что в результате злоупотреблений с бюджетными средствами выявление хищений бюджетных средств является одним из магистральных направлений работы.

В свою очередь, указанные предпосылки вскрывают суть проблемы несвоевременного выявления

хищений. В научной литературе, посвященной анализу результативности оперативно-розыскной деятельности, нацеленной на выявление преступлений коррупционной направленности, прямо отмечается «ограниченный арсенал релевантных инструментов и механизмов, доступных сотрудникам оперативных подразделений для выявления данной категории преступлений, а также отсутствие у сотрудников понимания подходов к организации как оперативных, так и процессуальных проверок в данной сфере», а также то, что «должностные лица и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой и иной организации, которые являются специальными субъектами по коррупционным преступлениям, хорошо знают «внутреннюю кухню» бюджетного процесса ..., поэтому нередко на стадии процессуальной проверки успевают «замести следы», что имеет своим результатом затягивание предварительного расследования» [4, с. 50].

Так или иначе, на текущем этапе выявление преступных посягательств на бюджетные средства и связанных с ними преступлений осуществляется посредством выполнения контрольно-ревизионной функции главными распорядителями бюджетных средств (Министерство спорта РФ) в отношении подведомственных им организаций (ФГАУ «Федеральная дирекция спортмероприятий»; ФГБУ «ЦСП»; ФГБУ «ФЦПСР» и проч.), подведомственными распорядителями (Министерства спорта субъектов, комитеты и департаменты по физической культуре и спорту и проч.) в отношении получателей бюджетных средств (спортивные организации, исполнители государственных контрактов). Отдельно от указанных контроль за использованием бюджетных средств осуществляют Федеральное казначейство и его территориальные подразделения (внутренний государственный аудит) и Счетная палата и контрольно-счетные органы субъектов РФ и муниципальных образований (внешний государственный аудит). Деятельность указанных выше органов и учреждений связана с финансовым контролем за распределением и расходованием бюджетных средств (выявление нарушений процедур закупок, нарушений бухгалтерского учета, нарушений, связанных с целевым назначением, нецелевого использования), выявление ими хищений – побочное последствие их деятельности, при выявлении указанные органы и учреждения передают соответствующие сведения в правоохранительные органы. Целенаправленно выявлением хищений бюджетных средств занимаются подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов внутренних дел РФ в рамках оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов, а также Прокуратура РФ в рамках прокурорского надзора.

Проверки контрольно-ревизионных органов являются важным инструментом для выявления нарушений в использовании бюджетных средств, их результаты активно используются в расследова-

ниях хищений. Положительной чертой является полнота и всесторонность по объектам контроля. Однако, методы и следующие из них возможности указанных органов регламентированы достаточно узко: «контрольные действия по документальному изучению» проводятся по финансовым, бухгалтерским, отчетным документам, документам о планировании и осуществлении закупок и иным документам объекта контроля, а также путем анализа и оценки полученной из них информации с учетом информации по устным и письменным объяснениям, справкам и сведениям должностных, материально ответственных и иных лиц объекта контроля и другими действиями по контролю, «контрольные действия по фактическому изучению» проводятся путем осмотра, инвентаризации, наблюдения, пересчета, экспертизы, контрольных замеров и другими действиями по контролю, установленными действующим законодательством Российской Федерации в соответствии с Приказом Минфина России от 20 марта 2014 г. № 18н «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по контролю в финансово-бюджетной сфере» (к настоящему моменту не действует). В качестве отрицательной черты такого контроля необходимо отметить осведомленность потенциального преступника о методах финансового контроля, информационных источниках, на которые нацелен взор сотрудников проверяющих органов, гласности действий контрольно-ревизионных органов.

Очевидным преимуществом выявления хищений бюджетных средств в сфере спорта правоохранительными органами является негласность их деятельности, незнание преступников относительно их разработки. Вследствие неосведомленности преступника о совершаемой в отношении него проверки, таковой продолжает реализацию преступного умысла, преступает к следующим эпизодам, используя тот же способ преступления, либо не предпринимает попыток, направленных на активное сокрытие преступного посягательства.

Однако, правоохранительные органы должны получить соответствующий сигнал, что будет являться основанием для проведения проверки. В соответствии с пп. 1,2 ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» правовыми основаниями для осуществления оперативно-розыскных мероприятий выступают ставшие известными органам сведения о 1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния (если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела); 2) событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

При этом, важно отметить, что источником сведений, являющихся основанием для проведения оперативно-правовых мероприятий, могут быть не только сообщения лиц, оказывающих

конфиденциальное содействие, но и инициативная поисковая работа органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [3, с. 112]. Именно указанное направление (в совокупности с оптимизацией работы органов и учреждений финансового контроля) подлежит соответствующему развитию, требуется такая согласованность элементов системы выявления хищений, которая позволит проводить полные и всесторонние проверки финансово-хозяйственной деятельности в отношении всех распорядителей и получателей бюджетных средств в совмещении с возможностями правоохранительных органов оперативно-розыскного характера, направленных на подтверждение фактического использования бюджетных средств, фиктивность расходов, при несении которых спортивными организациями используются бюджетные средства.

Ключевым вопросом остается способ выявления или рекомендации, необходимые системе органов для своевременного противодействия преступным посягательствам. На основе анализа правоприменительной практики замечено, что рассмотренная нами группа преступлений осуществляется в большинстве случаев путем создания такого документооборота, который позволяет похитить бюджетные средства. Это и является специфической чертой способа самого преступления, при котором становится возможным осуществление хищения бюджетных средств. Очевидным выводом из этого следует, что признаки совершенного преступления необходимо искать в документах, отражающих факты хозяйственной жизни субъекта спорта. Однако, было также замечено, что «документальный» след может быть сфальсифицирован преступником в той мере, когда интеллектуальный подлог совершен в отношении всех документов и проведение встречной сверки документов, отражающих одну и ту же значимую информацию, не даст положительных результатов. В данном случае актуализации подлежат контрольные действия контрольно-ревизионных органов по изучению, а также подключение правоохранительных органов в проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление фактического результата от использования бюджетных средств.

К настоящему моменту наблюдается сложность предупреждения / выявления преступных посягательств из-за отсутствия объективных критериев, косвенно указывающих на возможное получение незаконной выгоды. Признаками экономических преступлений в сфере спорта могут служить различные данные, указывающие на возможность их подготовки и совершения, такие как подделка бухгалтерских документов, нецелесообразность совершаемых экономических операций и др. [2, с. 87]. Систематизация признаков экономических преступлений представляет собой комплекс индикативных качественных и количественных показателей, свидетельствующих о возможных хищениях и мошеннических действиях [1, с. 136]. На основе анализа следственно-судебной практики нами

предложены основные признаки, свидетельствующие о предполагаемо совершенном хищении бюджетных средств в сфере спорта. Причем, мы разводим указанные признаки на двух их основных пользователей, задействованных в выявлении хищений бюджетных средств применительно к сфере спорта – органов и учреждений финансового контроля и правоохранительных органов.

1. Основные признаки, свидетельствующие о предполагаемо совершенном хищении бюджетных средств в сфере спорта, для контрольно-ревизионных органов и главных распорядителей бюджетных средств:

1.1. Изменение положений, регламентирующих основание расходования бюджетных средств, у спортивной организации, использование устаревших положений при нормировании расходов, компенсируемых за счет бюджетных средств.

1.2. Смешение бюджетных и внебюджетных источников для гашения задолженности по расходам, которые должны быть компенсированы за счет целевой субсидии.

1.3. Факты перерасхода бюджетных ассигнований, заложенных и выделенных из бюджета на выполнение государственного задания, проведение конкретных спортивных мероприятий или для пополнения фонда оплаты труда сотрудников спортивной организации, превышение лимитов бюджетных обязательств, запрос от спортивной организации на дополнительное финансирование.

1.4. Наличие у спортивной организации платежей по основанию, не соответствующему заявленным целям бюджетного финансирования. При соответствии основания – несоответствие деятельности конечного получателя той, которая предполагалась для получения услуги, результата работ спортивной организацией.

1.5. Отсутствие отдельного учета в спортивной организации целевых бюджетных средств.

1.6. Отсутствие финансовой и аналитической отчетности по реализации спортивных мероприятий, закупке спортивного инвентаря и оборудования, застройке / ремонту спортивного объекта у спортивной организации и (или) распорядителя бюджетными средствами. При наличии – несоответствие данных финансовой и аналитической отчетности данным документации, содержащейся у конечных получателей бюджетных средств (контрагентов спортивной организации / организатора спортивного мероприятия / поставщика спортивного инвентаря и оборудования / застройщика спортивного объекта).

Как можно заметить, рассмотренные признаки ориентированы на доступные контрольно-ревизионным органам методы документальной проверки и методы проверки фактического соответствия. При этом, указанные признаки подлежат анализу в общей совокупности, ни один из признаков не может изолированно свидетельствовать о возможном хищении бюджетных средств.

2. Основные признаки, свидетельствующие о предполагаемо совершенном хищении бюджетных средств в сфере спорта, для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов внутренних дел РФ:
  - 2.1. Несоответствие отчетной документации, представленной спортивной организацией, официальным государственным данным, сведениям, содержащимся в открытых информационных источниках.
  - 2.2. Объективные противоречия в расходовании бюджетных средств в сфере спорта.
    - 2.2.1. Наличие сведений о расходах спортивной организации на спортивные мероприятия, которые фактически не могли быть проведены в указанные сроки из-за отсутствия необходимых согласований и подготовки.
    - 2.2.2. Необоснованные деятельностью спортивной организации занимаемые должности. Занятие одним и тем же сотрудником спортивной организации должностей со схожими должностными обязанностями.
    - 2.2.3. Факт расширения штата сотрудников без какой-либо обоснованной причины. Число сотрудников спортивной организации, задействованных в соревновательно-тренировочном процессе, не соответствующее числу подопечных в спортивной организации. Перевод сотрудников спортивной организации на договор гражданско-правового характера.
  - 2.3. Отсутствие в регламенте распорядителя бюджетных средств категоризации компенсируемых расходов, нормативов размера компенсации – непрозрачность распределения бюджетных средств распорядителем.
  - 2.4. Аффилированность контрагентов (и/или сотрудников распорядителя бюджетных средств) спортивной организации, выступающей получателем бюджетных средств.
  - 2.5. В качестве контрагентов спортивной организации фигурируют недавно зарегистрированные организации, организации, у которых отсутствуют необходимые ресурсы для выполнения работ или оказания услуг в области спорта.
  - 2.6. Признаки, устанавливаемые в отношении особенностей движения денежных средств:
    - 2.6.1. Конечный получатель денежных средств отличается от того, который заявлен в договорах и первичных учетных документах, представленных спортивной организацией вместе с отчетностью главному распорядителю.
    - 2.6.2. Систематическое обналичивание денежных средств конечным получателем (контрагентом по отношению к спортивной организации, сотрудником спортивной организации) денежных средств.
    - 2.6.3. Организация цепочек финансовых операций посредством организаций с признаками транзитности движения денежных средств по счетам.

2.7. При смене руководства спортивной организации отсутствие отчетной, бухгалтерской документации за период до смены.

Представленные признаки, свидетельствующие о предполагаемо совершенном хищении бюджетных средств в сфере спорта, нами предложены в качестве ключевых (необходимых и достаточных) для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов внутренних дел РФ. Тем не менее, необходимо, чтобы правоохранительные органы осуществляли инициативную поисковую работу при взаимодействии с органами финансового контроля. Только в таком случае возможно добиться качественных результатов, направленных на сокращение и полное предотвращение хищений бюджетных средств в сфере спорта, а также связанных с ними преступлений.

Выводы и заключение

Выявлены положительные и отрицательные черты самостоятельных и несогласованных действий органов финансового контроля и правоохранительных органов. Установлено, что актуализации подлежат действия контрольно-ревизионных органов по изучению, а также подключение правоохранительных органов в проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленному на выявление фактического результата от использования бюджетных средств. На основе анализа следственно-судебной практики предложены основные признаки, свидетельствующие о предполагаемо совершенном хищении бюджетных средств в сфере спорта. Указанные признаки представлены для двух их основных пользователей, задействованных в выявлении хищений бюджетных средств применительно к сфере спорта – органов и учреждений финансового контроля и правоохранительных органов. Часть признаков ориентирована на доступные контрольно-ревизионным органам методы документальной проверки и методы проверки фактического соответствия. При этом, указанные признаки подлежат анализу в общей совокупности, ни один из признаков не может изолированно свидетельствовать о возможном хищении бюджетных средств. Остальные признаки, свидетельствующие о предполагаемо совершенном хищении бюджетных средств в сфере спорта, предложены в качестве ключевых (необходимых и достаточных) для подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов внутренних дел РФ. Отмечено, что правоохранительные органы должны осуществлять инициативную поисковую работу при взаимодействии с органами финансового контроля.

Литература

1. Гаджиев, Н.Г. Методические аспекты проведения документальных исследований при выявлении и документировании мошенничества

в сфере строительства / Н.Г. Гаджиев, С.А. Коноваленко, А.С. Александров, М.Н. Трофимов, А.Н. Гаджиев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. № 34 (2) – С. 133–139.

2. Колесникова, Е.Н. Методология использования данных бухгалтерского учета при выявлении и документировании мошенничеств, совершаемых в агропромышленном комплексе / Е.Н. Колесникова, Р.А. Корнилович, С.А. Коноваленко, Н.Н. Трушина, А.А. Ребров, П.С. Булатецкий, Д.В. Кузнецов. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – 177 с.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: учебное пособие / под ред. Н.В. Павличенко. – Москва: Академия управления МВД России, 2022. – 280 с.
4. Попова, Е.М. Практические рекомендации по повышению результативности оперативно-розыскной деятельности, нацеленной на выявление преступлений коррупционной направленности в сфере реализации национальных проектов / Е.М. Попова, А.С. Милыхин // Полиция и следственная деятельность. – 2024. – № 3. – С. 43–59.
5. Таровик, Е.В. Бюджетная безопасность государства и приоритетные направления деятельности органов внутренних дел по ее обеспечению / Е.В. Таровик, Е.В. Лапин // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2015. – № 1. – С. 43–48
6. Успун-оол, А.О. Способы выявления и профилактики хищения бюджетных денежных средств, выделяемых для финансирования государственных и муниципальных контрактов / А.О. Успун-оол // Молодой ученый. – 2020. – № 42 (332). – С. 148–150.

PECULIARITIES OF DETECTING EMBEZZLEMENT OF BUDGETARY FUNDS IN THE SPORTS SECTOR AND RELATED CRIMINAL ACTS IN THE CONTEXT OF APPLYING SPECIALIZED ECONOMIC KNOWLEDGE

Pivovarov F.Y.

Kutafin Moscow State Law University

The article focuses on the identification of criminal offenses related to the embezzlement of budgetary funds in the sports sector. It examines the key challenges in timely detecting such crimes, which are caused by high latency and the complexity of financial and economic oversight in sports organizations. The study analyzes existing mechanisms for identifying embezzlement, including finan-

cial control audits conducted by regulatory authorities, as well as operational-search measures undertaken by law enforcement agencies. The author explores methodological aspects of auditing the financial records of sports organizations, as well as mechanisms for uncovering corruption schemes and financial misconduct. Special attention is given to analyzing indicators that reveal embezzlement through inconsistencies in financial reporting, fictitious transactions, and affiliated contractors. As a result of the study, key indicators of potential offenses are proposed for use by both financial control authorities and economic security and anti-corruption units.

Keywords: embezzlement of budgetary funds in sports; financial control in sports; corruption schemes in sports; documentary research; operational-search activities.

References

1. Gadzhiev N. G., Konovalenko S.A., Alexandrov A.S., Trofimov M.N., Gadzhiev A.N. Metodicheskie aspekty provedeniya dokumental'nykh issledovaniy pri vyyavlenii i dokumentirovani moshennichestva v sfere stroitel'stva [Methodological aspects of conducting documentary research in detecting and documenting fraud in the construction sector]. Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of Dagestan State University, 2020, no. 34(2), pp. 133–139. (in Russian).
2. Kolesnikova E. N., Kornilovich R.A., Konovalenko S.A., Trushina N.N., Rebrov A.A., Bulatetsky P.S., Kuznetsov D.V. Metodologiya ispol'zovaniya dannykh bukhgalterskogo ucheta pri vyyavlenii i dokumentirovani moshennichestv, sovershaemykh v agropromyshlennom komplekse [Methodology for using accounting data in detecting and documenting fraud in the agro-industrial complex]. Ryazan, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2019, 177 p. (in Russian).
3. Kommentariy k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»: uchebnoe posobie [Commentary on the Federal Law “On Operational-Search Activities”: Textbook] / Edited by N.V. Pavlichenko. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, 280 p. (in Russian).
4. Popova E. M., Milyukhin A.S. Prakticheskie rekomendatsii po povysheniyu rezul'tativnosti operativno-rozysknoj deyatel'nosti, natselennoj na vyyavlenie prestuplenij korruptsionnoj napravlenosti v sfere realizatsii natsional'nykh proektov [Practical recommendations for improving the effectiveness of operational-search activities aimed at detecting corruption-related crimes in the implementation of national projects]. Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost' = Police and Investigative Activities, 2024, no. 3, pp. 43–59. (in Russian).
5. Tarovik E. V., Lapin E.V. Byudzhelnaya bezopasnost' gosudarstva i prioritetye napravleniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del po ee obespecheniyu [State budget security and priority areas of law enforcement activities to ensure it]. Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 1, pp. 43–48. (in Russian).
6. Uspun-ool A.O. Sposoby vyyavleniya i profilaktiki khishcheniya byudzhnykh denezhnykh sredstv, vydelyaemykh dlya finansirovaniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh kontraktov [Methods for detecting and preventing embezzlement of budgetary funds allocated for financing state and municipal contracts]. Molodoj uchenyj = Young Scientist, 2020, no. 42(332), pp. 148–150. (in Russian).

О проблеме правового регулирования материальной ответственности руководителей организации как особых субъектов трудового правоотношения

Иванникова Наталья Павловна,

старший преподаватель кафедры трудового и экологического права юридической школы Дальневосточного федерального университета

Костюк София Александровна,

студент-бакалавр направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридической школы Дальневосточного федерального университета (ДВФУ)
E-mail: kostyuk.sa@students.dvfu.ru

Лубягин Олег Игоревич,

студент-бакалавр направления подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» юридической школы Дальневосточного федерального университета (ДВФУ)
E-mail: lubiyagin.oi@students.dvfu.ru

Настоящая статья рассматривает проблему правового регулирования материальной ответственности руководителей организаций, основанную на уникальной природе их правового статуса. Особое внимание уделяется виду и размеру материальной ответственности работников категории «руководители». Авторы, в ходе исследования, также рассматривают разные подходы к правовому регулированию материальной ответственности представленных работников. В заключении авторы выражают свое мнение по вопросу правового регулирования материальной ответственности руководителей, предлагают способ разрешения возникших коллизий.

Ключевые слова: материальная ответственность, работники, руководители, работодатель, ущерб, убытки, упущенная выгода.

Институт материальной ответственности в трудовом праве является одним из сложных для понимания и применения. В своем содержании материальная ответственность представляет материальную ответственность работника перед работодателем и, обратную ей, материальную ответственность работодателя перед работником.

Материальная ответственность работников перед работодателем – институт трудового права, имеющий вековую историю существования и развития. Отметим, что взаимная материальная ответственность сторон трудового договора была легализована в полном объеме лишь в действующем Трудовом Кодексе Российской Федерации 2001 года (далее – ТК РФ), до этого момента законом признавалась только материальная ответственность работника, которая презумировалась ограниченной еще в Кодексе законов о труде 1922 года. С точки зрения сущности, названная материальная ответственность – это обязанность субъекта трудовых отношений – работника – возместить прямой действительный ущерб, который он причинил работодателю: необходимо возместить реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества, а также затраты работодателя на приобретение, восстановление имущества.

По общему правилу работники несут ограниченную материальную ответственность. Законодатель прямо указывает на то, что работники не отвечают за упущенную выгоду. Упущенная выгода, как правовая категория, раскрывается в гражданском законодательстве и представляет собой неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. То есть, применительно к трудовым правоотношениям, упущенная выгода – неполученные доходы работодателя, которые он бы получил, если бы работник надлежащим образом выполнял свою трудовую функцию.

В свою очередь руководитель организации, согласно статье 277 ТК РФ, в случаях, предусмотренных законом, возмещает организации убытки, причиненные его виновными действиями. Причем при расчете названных убытков необходимо использовать нормы гражданского законодательства. Обращаясь к гражданскому праву, благодаря несложному анализу, мы видим, что убытки – понятие сложное, которое включает в себя реальный ущерб и упущенную выгоду. То есть, руководитель организации, как субъект трудового права, возме-

щает работодателю в установленных случаях упущенную выгоду, хотя ранее, в статье 238 ТК РФ, указано, что работники не обязаны возмещать упущенную выгоду. В этой же статье отсутствуют отсылочные нормы, не предусмотрены исключения из общего правила. Именно в этом мы усматриваем коллизию норм, регулирующих материальную ответственность работника перед работодателем.

Для того, чтобы выяснить причину разного подхода законодателя к материальной ответственности работника и руководителя организации, необходимо обратить внимание на правовой статус руководителя организации.

Легальное определение руководителя организации как работника – субъекта трудовых правоотношений – содержится в статье 273 ТК РФ, которая определяет его как физическое лицо, которое в соответствии с законодательством, учредительными документами организации и локальными нормативными актами осуществляет руководство этой организацией, в том числе выполняет функции ее единоличного исполнительного органа.

Важно для начала отметить, что прежде всего руководитель является работником, который для того, чтобы возникли трудовые отношения заключает трудовой договор с работодателем (учредителем, собственником), посредством чего он становится субъектом трудового правоотношения, приобретая соответствующие права и обязанности работника. Трудовая функция руководителя заключается в управлении деятельностью организации, для ее осуществления он наделен властными полномочиями в отношении других работников и, поэтому, несет более высокую ответственность, ведь, как известно, с большей силой приходит большая ответственность.

В отношении руководителя организации действуют, как общие, так и специальные нормы о материальной ответственности, в связи с чем он является ее специальным субъектом. Те самые общие правила материальной ответственности применяются с особенностями, установленными ТК РФ, которые заключаются в том, что руководитель организации, помимо прямого действительного ущерба, обязан также возместить неполученные доходы организации в случаях, предусмотренных законами.

Трудовая функция руководителя включает в себя обязанность по совершению от имени организации действий по реализации ее прав и обязанностей, возникающих из различных правоотношений. Это подчеркивает тот факт, что на руководителей возлагаются важные и значимые по содержанию функции и обязанности, невыполнение которых может нанести существенный материальный вред организации – работодателю. Рассуждая с представленной точки зрения, решение законодателя о привлечении к полной материальной ответственности руководителя выглядит обоснованным.

С другой стороны, нет четкого понимания правового статуса руководителя организации. Возникает вопрос: почему законодатель посчитал необ-

ходимым выделить регулирование материальной ответственности руководителя в отдельную норму? Рассуждая последовательно, работник – понятие более широкое, которое соотносится с понятием руководителя как целое и часть. Бесспорно, обязанности руководителя являются значимыми, от их надлежащего исполнения зависит, в том числе, и материальное положение работодателя, однако, важно отметить, что именно поэтому, как правило, заработная плата у руководителей выше, чем у работников, занимающих должности более низкого уровня. Соответственно, если бы руководители отвечали за нарушения исходя из ограниченной материальной ответственности, то размер ее был бы равен величине среднего месячного заработка. Математически видно, в этом случае размер ответственности руководителя был бы больше, чем у иных работников, за счет размера заработной платы. Таким образом, есть ли необходимость в установлении полной материальной ответственности для руководителей организаций?

Для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, считаем необходимым обратиться к мнениям исследователей. Большинство экспертов в области трудового права выразили поддержку позиции законодателя, и считают, что в статье 277 ТК РФ закреплена ответственность, носящая гражданско-правовой характер, для единоличных исполнительных органов экономически активных субъектов, а точнее, для директоров компаний. Сторонниками такого подхода являются С.П. Маврин и Б.Ф. Карабельников. Они аргументированно утверждают, что взаимоотношения между руководителем и владельцем активов не следует трактовать как трудовые. Обосновывается такая позиция тем, что руководитель выступает не в качестве работника, исполняющего определенные трудовые обязанности, а в качестве управленческого органа, который представляет интересы определенного юридического лица. На наш взгляд, такой подход не является абсолютным и неоспоримым, так или иначе, материальная ответственность руководителя организации регламентирована ТК РФ, что свидетельствует о необходимости рассматривать руководителей как субъектов трудового права.

Противоположную позицию высказывает и О.Б. Зайцева. В своих работах она отмечает, что взаимоотношения между владельцами компании (основателями) и ее управляющими, несмотря на их уникальность и сложность, полностью укладываются в рамки, заданные трудовым правом, а не гражданским. Работодатели и руководители несомненно находятся в особом правовом положении, однако их обязательства и ответственность формируются в рамках единого трудового отношения, основанного на договорных началах. Так, руководитель не только исполняет свои обязанности на основе трудового договора, получая за это вознаграждение в виде заработной платы, но и подчиняется внутреннему трудовому распорядку, не передавая работодателю итог своей работы в материальной форме. Именно с этой позиции необходи-

мо рассматривать правовой статус руководителя организации: он включает в себя функции как единоличного исполнительного органа, так и наемного работника.

Также нельзя не обратить внимание на Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2, которое во втором пункте, касающемся применения законодательства в отношении труда руководителей и членов коллегиальных исполнительных органов, подчеркивает, что при рассмотрении соответствующих споров суды должны исходить из того, что руководитель является *сотрудником*, выполняющим специфическую трудовую функцию на основе трудового договора.

Безусловно, следует учитывать положение статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, которое акцентирует внимание на том, что предпринимательская деятельность ведется на риск работодателя, который несет ответственность за ее результаты. В то же время, как видно из приведенных положений выше, трудовое законодательство стремится распределить эту ответственность между руководителями организаций.

Таким образом, проанализировав и обобщив все вышесказанное, мы считаем, что нельзя так диаметрально рассматривать вопрос правового регулирования материальной ответственности руководителей организации. Отмеченные выше позиции, на наш взгляд, должны быть сведены к общему согласованному решению. Так или иначе, мы считаем, что в силу своих трудовых обязанностей и в силу трудовой роли руководителей, они должны отвечать за нарушения своей трудовой функции в большем размере, нежели работник, осуществляющий менее значимые и сложные обязанности. ТК РФ не зря разграничивает эти два понятия – работник и руководитель, тем самым выделяя руководителя из понятия работника, как субъекта с особым правовым статусом. Однако, как мы указывали ранее, сравнивая данные понятия, можно прийти к выводу, что “*работник*” шире “*руководителя*”, и первое понятие включает в себя второе. Поэтому, на наш взгляд, справедливо говорить о том, что статья 238 ТК РФ в определенной части противоречит статье 277 ТК РФ.

В связи с существующей коллизией, мы предлагаем изменить статью 238 ТК РФ, которая на сегодняшний момент имеет следующее содержание: “... Неполученные доходы (упущенная выгода) взысканию с работника не подлежат”. Предлагается заменить “...взысканию с работника не подлежат...” на “...подлежат в случаях, предусмотренных Законом”. Таким образом, мы подчеркнем, что первоочередно, в трудовых правоотношениях, руководителя организации необходимо рассматривать как

работника, а уже после обращать внимание на его непростой и особый правовой статус.

Литература

1. Зайцева О.Б. Руководитель организации как субъект трудового права: монография. – М., 2013. – 184 с.
2. Маврин С. П., Карабельников Б.Ф. Прием и увольнение руководителя хозяйственного общества // Закон. – 2004. – No 1. – С. 74–83.
3. Савин В. Т. К вопросу о самостоятельности материальной ответственности сторон трудового договора как вида юридической ответственности // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – No 5 (30). – С. 575–584.
4. Савин В. Т. К вопросу о месте в системе трудового права норм, регулирующих материальную ответственность сторон трудового договора // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – No 4. – С. 113–118.
5. Сыроватская Л. А., Зайцева О.Б. О правовом регулировании труда исполнительных руководителей акционерных обществ // Человек и труд. – 1998. – No 10. – С. 76–78.

ON THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF THE FINANCIAL RESPONSIBILITY OF THE HEADS OF THE ORGANIZATION AS SPECIAL SUBJECTS OF LABOR RELATIONS

Kostyuk S.A., Lubyagin O.I.

Far Eastern Federal University Law School

This article examines the problem of legal regulation of financial responsibility of heads of organizations based on the unique nature of their legal status. Special attention is paid to the type and amount of financial responsibility of employees of the “managers” category. The authors, in the course of the study, also consider different approaches to the legal regulation of the financial liability of the represented employees. In conclusion, the authors express their opinion on the issue of legal regulation of financial responsibility of managers, and propose a way to resolve emerging conflicts.

Keywords: financial liability, employees, managers, employer, damage, losses, lost profits.

References

1. Zaitseva O.B. The head of the organization as a subject of labor law: monograph. – M., 2013. – 184 p.
2. Mavrin S. P., Karabelnikov B.F. Hiring and dismissing the head of a business entity // Law. – 2004. – No. 1. – P. 74–83.
3. Savin V.T. On the issue of the independence of the material liability of the parties to an employment contract as a type of legal liability // Actual problems of Russian law. – 2013. – No. 5 (30). – P. 575–584.
4. Savin V.T. On the issue of the place in the system of labor law of the norms regulating the material liability of the parties to an employment contract // Gaps in Russian legislation. – 2013. – No. 4. – P. 113–118.
5. Syrovatskaya L. A., Zaitseva O.B. On legal regulation of labor of executive directors of joint-stock companies // Man and Labor. – 1998. – No. 10. – P. 76–78.